Россия в мемуарах

Л.В. Шапорина

ДНЕВНИК

Новое
Литературное
Обозрение

УДК 792.9(092)Шапорина Л.В.(093.3)
ББК 85.337.3(2)6-8Шапорина Л.В.ю14
Ш 24

Вступительная статья
В.Н. Сажина,
подготовка текста и комментарии
В.Ф. Петровой и *В.Н. Сажина*

Серия выходит под редакцией
А.И. Рейтблата

Шапорина Л.В.
Ш 24 **Дневник** / Вступ. статья В.Н. Сажина, подгот. текста, коммент. В.Ф. Петровой и В.Н. Сажина. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. — 592 с.: ил.

Любовь Васильевна Шапорина (1879—1967) — создательница первого в советской России театра марионеток, художница, переводчица. Впервые публикуемый ее дневник — явление уникальное среди отечественных дневников XX века. Он велся с 1920-х по 1960-е годы и не имеет себе равных как по продолжительности и тематическому охвату (политика, экономика, религия, быт города и деревни, блокада Ленинграда, политические репрессии, деятельность НКВД, литературная жизнь, музыка, живопись, театр и т.д.), так и по остроте критического отношения к советской власти. В книге нашло отражение близкое знакомство Шапориной с А.А. Ахматовой, А.П. Остроумовой-Лебедевой, Н.С. Тихоновым, А.Н. Толстым, Д.Д. Шостаковичем, М.В. Юдиной и многими другими известными современниками.

УДК 792.9(092)Шапорина Л.В.(093.3)
ББК 85.337.3(2)6-8Шапорина Л.В.ю14

ISBN 978-5-86793-892-5 (Т. 1)
ISBN 978-5-86793-894-9

ИНСТИТУТКА: АВТОПОРТРЕТ В СОВЕТСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Дефицит искренних дневников советских граждан — одно из частных проявлений тотального дефицита, свойственного советскому периоду российской истории. Причины этого дефицита общеизвестны: политическое и идеологическое устройство тогдашнего государства. Д.П. Кончаловский справедливо отмечал: «Если участники или наблюдатели советской жизни и вели записи событий в форме дневников (что было в высшей степени рискованно), то мало шансов, чтобы эти записи сохранились. Лично я не вел своего дневника; описывать события в моем антибольшевистском преломлении было опасно в случае обыска, который был всегда возможен: риск был в данном случае не только для меня, но и для лиц, которых я упоминал бы в моем рассказе»[1]. Между тем благодаря публикациям в последние полтора-два десятилетия некоторых сохранившихся дневников, которые вели, так сказать, нелояльные советские граждане, оказывается возможным к этой справедливой в общем характеристике добавить некоторые нюансы, ее отчасти корректирующие.

Прежде всего можно более или менее локализовать во времени такие дневники: их прекращают вести (если не вовсе уничтожают) на переходе («переломе») от 1920-х к 1930-м гг.[2], что объяснимо расширением с начала 1930-х репрессий, сопровождавшихся обысками; с декабря 1934 г. репрессии уже приобрели массовый характер (в связи с этим выглядит запоздалой (и явно преувеличенной) реплика Тынянова (в передаче В. Каверина) осенью 1937 г. «Я схожу с ума, — сказал он, — когда думаю, что каждую ночь *тысячи людей* (курсив мой. — *В.С.*) бросают в огонь свои дневники»)[3]. Редкие смельчаки и в 1930-е гг. продолжали фиксировать в дневниках свое нелицеприятное мнение о советской власти — таков дневник 1933—1940 гг. А.Г. Манькова (в предисловии приводится письмо Д.С. Лихачева от августа 1994 г.: «Я удивляюсь — какой Вы смелый. Ведь за такие дневники могли расстрелять. <...> лучшей передачи духа времени мы не знаем»)[4].

Особый период для жанра дневника наступил с началом Великой Отечественной войны (и с окончанием войны — завершился). Минуя целый комплекс мотивировок, вызвавших к жизни поток, в частности, ленинградских блокадных дневников, отметим в данном случае одну. Если катастрофическое неблагополучие

---

[1] *Кончаловский Д.П.* Воспоминания и письма: (От гуманизма к Христу). Paris, 1971. С. 176.

[2] См., например: *Куллэ Р.Ф.* Дневник 1924—1932 гг. // Уроки гнева и любви. Л., 1990. Вып. 1. С. 2—11; Вып. 2. С. 12—28; *Шитц И.И.* Дневник «великого перелома» (март 1928 — август 1931). Paris, 1991.

[3] *Каверин В.* Эпилог. М., 2006. С. 234.

[4] *Маньков А.Г.* Дневники 30-х годов. СПб., 2001. С. 12 (впервые: Звезда. 1994. № 5; 1995. № 11).

жизни, претерпеваемое гражданином в довоенное время, имело *внутренние* причины, на которые указывать было смертельно опасно, то в период войны (и блокады) оно приобрело причину *внешнюю* — немецкий фашизм, который ненавидеть было не только не рискованно, но и полагалось. Осознанно или инстинктивно, люди не только не опасались фиксировать в дневниках мрачные детали повседневного существования, но и считали это необходимым сделать прежде всего для обличения фашизма.

Исследователями отмечен рост числа дневников с середины 1950-х гг.[5], но и он не был долговременным.

Таким образом, знакомство с разнообразными аспектами жизни минувших времен, на которое обычно рассчитывает читатель дневников, в случае с дневниками советского периода разочаровывает — и ничтожным их количеством, и неадекватностью содержания реальным историческим обстоятельствам[6].

Дневники Л.В. Шапориной — исключение из сказанного выше. Это не имеющий аналогов среди опубликованных на сегодняшний день дневников советского периода путеводитель абсолютно по всем аспектам жизни 1920—1960-х гг.: повседневному быту; умонастроениям интеллигенции, рабочего класса, крестьянства; политической истории и истории культуры — театра, музыки, живописи... Добавим к этому, что дневниковые записи начинаются еще в XIX в. и включают также и ретроспективные мемуарные фрагменты о событиях досоветского периода. И наконец: это дневники человека, которому чужда власть, правящая страной, и который на всем протяжении дневника (собственно, всей жизни) искренне пишет об этом.

Настоящее предисловие — несколько предположений о том, откуда произошли два таких феномена: человека и дневника.

Любовь Васильевна Шапорина (урожденная Яковлева) родилась 9 (22) декабря 1879 г.[7] в Москве в дворянской семье[8]. О фундаментальности семейных традиций

[5] «В них отражается сиюминутное восприятие исторического факта, события, явления. Но вот оценка его присутствует там не всегда. Да и дается часто с учетом самого разного рода посторонних обстоятельств, в том числе небезосновательных опасений, что их читателями окажутся нежелательные лица» (*Аксютин Ю.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2004. С. 11).

[6] Об этом см., например: *Шинкарчук С.А.* Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921—1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

[7] Во всех сохранившихся документах, вплоть до свидетельства о смерти (самый ранний из них — виза на въезд с детьми во Францию от 28 октября 1924 г.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 22), указана дата рождения: 1885 г.

[8] Подробные биографические сведения о предках Шапориной и близких родственниках, выявленные в РГИА, ЦГИА Санкт-Петербурга и РГА ВМФ, см.: *Носова А.Г.* Л.В. Шапорина

можно судить по двум вещам: именам детей и их профессии. У Яковлевых мальчиков всегда называли Василиями в честь деда по отцовской линии[9] (в случае рождения в семье второго мальчика ему давали имя в честь дедушкиного брата Александра); и профессию мальчики наследовали дедовскую — служили, как и он, по морскому ведомству. Насколько можно судить по дневнику, отношения между родителями Шапориной не были идиллическими и не могли служить для нее вдохновляющим примером. Однако соблюдение формальной этики в собственной семейной жизни — при всех драматичных перипетиях — являлось для нее незыблемым императивом, а нередкое несоответствие этой этике со стороны близких всегда вызывало у Шапориной негативную реакцию.

Двенадцати лет, в январе 1892 г., Шапорину отдали на воспитание и обучение в Санкт-Петербургское училище ордена Св. Екатерины (Екатерининский институт)[10] на набережной реки Фонтанки, дом 36[11].

По общепринятому мнению, образование здесь, как и вообще в такого рода учебных заведениях, было уровнем пониже, чем в хороших гимназиях. Но между тем иностранные языки — французский и немецкий — усваивались неплохо благодаря правилу чередовать в разные дни общение то на одном, то на другом языке[12]. Помимо языков акцент в образовании делался на музыке, хоровом церковном пении, живописи, домоводстве, рукоделии.

Вообще все содержание образования ориентировалось на главную воспитательную цель: выпускницы должны были стать высоконравственными женами и матерями, которые передали бы своим детям веру в Бога и любовь к отечеству и монаршей власти. Примером истового патриотизма, культивировавшегося в училище, стала легендарная история о том, как классная дама некогда читала воспитанницам известия с фронта Крымской войны. В числе погибших назывались имена двух братьев одной из присутствовавших воспитанниц. «Девушка заплакала и сквозь слезы произнесла: “Слава Богу, что они умерли за Царя и Отечество”»[13].

и ее фонд в Рукописном отделе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 96—132.

[9] Эта традиция сохранилась у Яковлевых и в эмиграции.

[10] Впоследствии в автобиографиях Шапорина указывала местом своего обучения среднюю школу в Петербурге (РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 23); отметим, что автобиографии советских граждан, родившихся и получивших образование до Октябрьской революции, в разных отношениях интересный и показательный документальный источник.

[11] Об этом учебном заведении см.: *Карцов Н.С.* Несколько фактов из жизни С.-Петербургского училища Ордена Св. Екатерины. СПб., 1898; Исторический очерк столетней деятельности С.-Петербургского училища ордена Св. Екатерины. СПб., 1902.

[12] Английский нарочито был в загоне; ср. с заметной по дневнику Шапориной ее англофобией.

[13] *Карцов Н.С.* Указ. соч. С. 23.

За десятилетия существования закрытых женских учебных заведений сформировался такой образ поведения и тип личности их воспитанниц, что слово «институтка» стало нарицательным[14].

Институткой могли называть женщину, эмоционально, прямодушно и не задумываясь об условностях выражавшую свои чувства. Так говорили о взрослом человеке, с детской непосредственностью и наивностью удивлявшемся привычным большинству людей негативным моральным чертам: лжи, лицемерию, неверности, непорядочности... Так характеризовали женщину, не находящую себе занятия и не умеющую приспособиться к практической жизни, а оттого впадающую в уныние и самоуничижение.

Шапорина с отличием прошла пятилетний обязательный курс обучения в Екатерининском институте[15] и в числе еще одиннадцати воспитанниц была оставлена для двухлетнего продолжения обучения в педагогических классах[16]. 15 мая 1899 г. окончились выпускные экзамены и она вернулась в родительский дом.

Дальнейшее зависело от степени влияния, оказанного на нее годами обучения и институтским воспитанием, обстановкой в семье и, разумеется, природными свойствами Шапориной.

Самые светлые жизненные воспоминания будут у нее связываться с годами институтской жизни, потому что реальность, с которой она столкнулась после института, окажется в вопиющем нравственном противоречии с усвоенными ею там принципами. Своеобразие и цельность натуры Шапориной проявятся в том, что всю дальнейшую долгую жизнь в своем поведении и эмоциях она будет руководствоваться принципом «не доверять мнению большинства общества, идти всегда прямо»; «Жить так и действовать так, чтобы каждый вечер душа, совесть была вполне спокойна <...>» (I, 25)[17]. Естественные трансформации с годами девических идеалов и правил поведения настолько минуют Шапорину, что и на склоне лет в глазах ок-

[14] Обстоятельное исследование этого феномена см.: *Белоусов А.Ф.* Институтки в русской литературе // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 77—90; *Он же.* Институтка // Школьный быт и фольклор: В 2 ч. Таллинн, 1992. Ч. 2. С. 119—159; *Он же.* Институтка // Ускользающее время, или Плоды воспитания. СПб., 1996. С. 28—37; *Он же.* Институтки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 5—32.

[15] За это она удостоилась чести на праздновании 100-летнего юбилея института 26 мая 1898 г. в присутствии императорской семьи прочитать стихотворение, написанное к юбилею одной из бывших воспитанниц (см.: Исторический очерк столетней деятельности С.-Петербургского училища ордена Св. Екатерины. С. 475).

[16] См.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 31. Л. 5. Это образование дало ей возможность, по-видимому, в 1909 г. преподавать в Смольном институте (что именно — неизвестно, возможно, рисование: живописи она незадолго до этого училась в Париже); см.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 68. Л. 5.

[17] Здесь и далее в предисловии в скобках даются ссылки на том и страницы дневника Шапориной в настоящем издании.

ружающих она будет воплощать все те же характерные черты институтки: «Я уже несколько раз замечала, что вы на многое реагируете, как будто вам шестнадцать лет» (II, 292); «У вас понятия XVIII века» (II, 59); «весь мир таков, это вы необыкновенны» (II, 13); «Вы всегда скажете в лицо людям их правду или неправду»[18], а родственники или близкие знакомые будут и в 70 лет называть ее, как подростка, Любаней или Любашей (I, 473)[19].

Со своими жизненными принципами и идеалами она уже по выходе из института почувствовала себя одинокой. Как можно судить по дневникам Шапориной, ее одиночество в эти годы акцентировалось крайне обострившимися отношениями с матерью, женщиной неласковой и нравной, для которой, по-видимому, Люба оказывалась на вторых ролях в сравнении с ее дочерью от первого брака.

До конца жизни ведя дневник, — выходя замуж, рожая детей, имея довольно широкий круг общения, приобретая новых друзей, — Шапорина вместе с тем то и дело записывает, что это ее единственный собеседник, который замещает отсутствующего подлинного друга, с которым она могла бы быть безоглядно откровенной. Возможно, в такой самооценке сказывалась свойственная ее характеру склонность иной раз излишне драматизировать некоторые житейские ситуации, но именно благодаря этому — и верности однажды начатому делу — и сформировался дневник Шапориной, лишенный какой бы то ни было оглядки на возможного читателя (только в 1949 г., на пороге семидесятилетия, она задумается о потенциальном читателе, но лишь затем, чтобы, перечитав написанное, уточнить некоторые факты).

По окончании института Шапорина не избежала традиционного для ее бывших соучениц ощущения неприкаянности. В наилучшем положении оказывались те, кто вскоре сумел выйти замуж, — тотчас исполнив главное (если не единственное) предназначение, к которому готовил институт. Другие (и Шапорина в их числе) очень скоро осознали, что за годы учения не получили таких знаний или умений, которые бы позволяли применить их к какой-либо деятельности. Отмеченная современниками в качестве типичной для институток неуверенность в себе и склонность к самоуничижению у Шапориной окажется утрированной, потому что совпадет, по-видимому, со свойствами ее характера. «Овца, ни на что не годная» (I, 23) — рефлексия началась еще за полгода до выпуска. А затем это станет лейтмотивом: «...неужели так и пройдет жизнь и я опущусь, погрязну, не сделав ничего» (I, 28; см. также: I, 30—31). Но и по прошествии еще тридцати лет (и практически до конца жизни) к ней будет возвращаться сознание органической неспособности устроить складно свою жизнь: «Я не выдержала экзамена на жизнь. Меня жизнь сломила, у меня не хватило дарованья, силы, упорства, энергии. Тяжело, конечно, было — но это не извиненье» (I, 136).

[18] Письмо М. Юдиной к Шапориной от 4 января 1958 г. (Кабинет рукописей Российского института истории искусств (РИИИ). Ф. 48. № 59. Л. 12).

[19] См.: *Попов Г.Н.* Из литературного наследства: Страницы биографии. М., 1986. С. 150.

Оборотными — благими — сторонами свойственной Шапориной авторефлексии окажутся, во-первых, потребность, как сказано, в ведении дневника (средства для постоянной самооценки) и, во-вторых, действенный характер ее самоанализа: там, где другие разочарованно опускали руки, Шапорина совершала поступки.

Спустя почти два с половиной года колебаний в выборе жизненного поприща после окончания Екатерининского института Шапорина приняла решение начать самостоятельную жизнь в Петербурге (это время она жила в родительском доме в Вильно или в находившемся неподалеку и принадлежавшем ее сводной сестре имении Ларино). С октября 1902 г. она поселилась в столице, зарабатывала на жизнь частными уроками (что именно преподавала — неизвестно) и училась живописи у А.В. Маковского в рисовальной школе при Академии художеств. Она решила стать художницей.

Уже в 1904 г. у нее были готовы иллюстрации к произведениям К. Пруткова и получено от наследников разрешение на публикацию книги его сочинений со своими иллюстрациями[20]. Но это издание не состоялось. Успехи Шапориной в изобразительном искусстве были таковы, что осенью 1906 г. петербургские друзья художницы Е.С. Кругликовой (работавшей тогда в Париже) рекомендовали ей Шапорину для учебы офорту[21], а по возвращении в Петербург в 1908 г. Шапорина вскоре начнет участвовать в выставках офорта Нового общества художников и «Мира искусства»[22].

За короткое время она познакомилась в литературно-художественном мире со многими людьми, которые будут сопутствовать ей — творчески и в повседневном быту — в течение последующих десятилетий: А.Н. Толстым[23], сестрами Н.Я. и Е.Я. Данько[24], А.А. Смирновым, В.П. Белкиным, М.А. Кузминым[25] и многими другими.

[20] См.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 20 — иллюстрации; Ф. 698. Оп. 2. № 22 — переписка с наследниками А.В. и А.М. Жемчужниковых.

[21] Воспоминания Шапориной об этом опубликованы посмертно: Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество: Сб. Л., 1969. С. 68—70. Несмотря на разницу в возрасте и статусе (Кругликова тогда была уже известной художницей), они подружатся, впоследствии Шапорина привлечет Кругликову к работе в своем кукольном театре, а перед отъездом из СССР в 1924 г. оставит Кругликовой на хранение свой офортный станок (РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 30. Л. 3).

[22] *Носова А.Г.* Указ. соч. С. 104. Здесь же (С. 104—105) сведения о работах Шапориной, хранящихся в Государственном Русском музее.

[23] В соседстве с ним в Детском Селе и регулярном общении пройдут почти все 1930-е гг.

[24] С ними Шапорину будет связывать дружба вплоть до их эвакуации во время войны из Ленинграда (перед эвакуацией сестры оставили Шапориной свой архив, книги и авторский фарфор); пьесы Е.Я. Данько ставились в кукольном театре Шапориной.

[25] *Кузмин М.* Дневник 1908—1915. СПб., 2005 (по указ. имен). Первоначально Кузмин называл Шапорину «своей врагиней», которую «я от души ненавижу» (*Кузмин М.* Указ. соч. С. 185 и 186) — по-видимому, ревновал ее к С.С. Познякову, с которым Шапорина дружила и

26 января 1914 г. Шапорина обвенчалась со студентом Петербургской консерватории Юрием (по официальным документам — Георгием) Александровичем Шапориным[26]. В этот момент ему было 26 лет, а ей уже 34 года. Возможно, именно тогда она уменьшила свой возраст и стала числиться родившейся в 1885 г., чтобы оказаться всего лишь на два года старше своего мужа: она могла остерегаться того, что первый брак в 34 года уже достаточно известной художницы со студентом на восемь лет моложе ее будет выглядеть вынужденным мезальянсом.

По прошествии десятилетий она признавалась себе: «Я и замуж-то вышла, чтоб укрыться от страха перед жизнью» (I, 143), а свадебные подарки, оказывается, делала себе сама (I, 410). Вряд ли, несмотря на искренность самоанализа, Шапорина была в состоянии дать себе ответ на вопрос: почему именно в это время и именно за этого человека она вышла замуж? Тем более не будем пытаться сделать этого мы. Обратимся лучше к тем представлениям о взаимоотношениях мужчины и женщины и о супружеской жизни, которые были внушены Шапориной в институте.

Институт, конечно, трактовал семью в идеальном духе, и так рассуждает Шапорина: «.. мне бы хотелось больше, выше всего жить духом, уничтожить силу физического начала — это цель моя» (I, 23). Тут пришлось кстати и чтение «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого: «...всякое желание нравиться не вообще, а мужчине, всякое предумышленное кокетство низко, гадко, отвратительно. Желать любви, как я это прежде делала, мне показалось прямо совестным. И подумав о всем этом, я пришла к заключению, что никогда не должна полюбить и [должна] не выходить замуж» (I, 26). Заметно, что такой вывод Шапорина сделала не без борьбы с собой, но важно, что итоговым было именно такое решение. Упрочению его способствовали неблагоприятные впечатления от жизни родительской семьи. Отец, вероятно, был мягким и ласковым человеком, в противоположность матери — властной, жесткой и вспыльчивой. Когда Шапорина объясняла себе причины отъезда в Петербург в 1902 г. или выхода замуж в 1914 г., всякий раз они сводились к необходимости избавиться от материнского истерического гнета, который, как видно, превалировал в атмосфере этой семьи.

часто приходила к Кузмину (см. искренние письма Познякова к Шапориной: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 68), но очень скоро уже отзывался о ней так: «Она очень мила» (*Кузмин М.* Указ. соч. С. 355). Вероятно, в 1911—1912 гг. Шапорина сделала серию рисунков к книге Кузмина «Куранты любви», но завершила ее лишь в 1934 г. Спектаклем по пьесе Кузмина «Рождество Христово. Вертеп кукольный» 12 апреля 1919 г. Шапорина открыла свой кукольный театр, а в 1923 г. намеревалась поставить там же спектакль по сказке Кузмина «Кот в сапогах» (с его музыкой) (см.: *Тимофеев А.Г.* Был ли разут «Кот в сапогах»? // Всемирное слово. 1992. № 2. С. 37—40).

[26] Она взяла фамилию мужа, но в дальнейшей творческой деятельности выступала под девичьей фамилией, а в литературе о ней можно встретить ее упоминания и под двойной фамилией Яковлевой-Шапориной.

Так у Шапориной складывалось убеждение, «что ужаснее нет жизненного строя, как семейный. Семья — это такой ужас, такой унижающий в человеке все человеческое строй» (I, 33).

Были ли романические отношения в жизни Шапориной до замужества? Она указывает на них в разных местах дневника: это Б.А. Верховский, знакомый по Вильно; «разочарование молодости» — некто С.С. Иванов; по мнению Шапориной, роман назревал у нее с Н.Н. Сапуновым[27]; наконец, по-видимому, идеальными (в понимании обеих сторон) были ее отношения с Позняковым, о чем он, вероятно, в 1909 г. писал ей так: «Вот я сознаю, что я свободен от животности. Вот я не как мужчина, не как сексуалист того или другого направления, а как человек люблю другого человека, не справляясь о его поле, не нуждаясь в его половых проявлениях»; и далее: «Вы простите, милая, что я столь бессвязно излагаю Вам Ваши же мысли. Да, это Ваши мысли, но уже и мои. Вы меня им научили, и я с ними расставаться уже не желаю. <...> Вам самый преданный и самый любящий Вас человек на всем земном шаре Сергей Позняков»[28].

По прошествии пяти-семи лет супружеской жизни (классического «испытательного срока») Шапорина могла сказать, что ее неприязнь к супружеской жизни оправдалась личным опытом (может, отчасти потому и оправдалась, что была предвзятой idée fixe).

Уже с 1919 г. Шапорины стали подолгу жить врозь: с лета этого до мая 1922 г. Юрий, изредка наезжая домой, работал в Петрозаводске с частью труппы Театра академической драмы (бывшего Александринского), преподавал в местной музыкальной школе и дирижировал симфоническим оркестром[29]. Жена тем временем организовала в Петрограде театр марионеток, ставила в нем спектакли и лишь год, с мая 1921 по май 1922 г., прожила с мужем в Петрозаводске. Здесь, как оказалось, за время их разлуки у него образовалась едва ли не вторая семья.

В октябре 1924 г. Шапорина с восьмилетним сыном и трехлетней дочерью уехала через Берлин в Париж. Кажется, это было для нее избавлением от двусмысленного семейного положения, в которое она попала. Между тем через некоторое время муж приехал к ней, уговаривая вернуться в СССР.

Шапорина приехала в Ленинград осенью 1928 г. Но семейная жизнь не восстанавливалась. Под тем предлогом, что ему надо работать в тишине и покое, Шапорин чаще пребывал в городской квартире или уезжал надолго в Москву, а жену с детьми с лета 1929 г. поселил в Детском Селе, куда эпизодически наез-

---

[27] Шапорина была в числе пяти участников катания 14 июня 1912 г. на лодке в Териоках, когда лодка опрокинулась и Сапунов погиб; об этом событии Шапорина написала воспоминания 18 июля того же года (*Шапорина Л.В.* О Н.Н. Сапунове / Публ. А.Г. Носовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 266—286).

[28] РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 68. Л. 6 — 6 об.

[29] См.: *Лапчинский Г.* Ю. Шапорин в Карелии // Советская музыка. 1966. № 6. С. 151—152.

жал[30]. В их жизни возобновилась все та же, что и почти десять лет назад, двусмысленность, сопровождавшаяся пересудами многочисленных знакомых. Хозяйка обеспечивала формальную внешнюю благопристойность детскосельского семейного уклада, благодаря чему впоследствии вспоминали, например, «о чудесном доме Шапориных там же, в этом русском “Веймаре”, овеянном высоким духом незабвенной первой его супруги Любови Васильевны Яковлевой-Шапориной, художницы-портретистки, кукольницы, переводчицы (с пяти языков!), человека редкой образованности и доброты»[31]; о том, что «Любовь Васильевна, образованная и умная женщина, обладала искусством привлекать и привязывать к дому молодежь. В шапоринском доме всегда бывали игры, шарады, представления»[32].

По укоренившейся привычке к самоанализу Шапорина то и дело рефлексирует по поводу одного из свойств своего характера: «Вся беда в том, что я *органически* не могу не заботиться и не баловать в темную голову окружающих меня людей» (I, 117). Инстинктивный порыв помочь, услужить, по-видимому, вырабатывался христианским воспитанием в Екатерининском институте. Но вместе с тем, вероятно, он первоначально был защитной реакцией ребенка на сварливую вспыльчивость вечно чем-нибудь недовольной матери. С годами это укоренилось у Шапориной как спонтанное душевное движение, независимое от того, насколько недоброжелателен или враждебен к ней тот, кому она благодетельствует. Так было, в частности, и в ее отношениях с мужем.

Шапорин тяготился семьей, хотя жена деятельно помогала ему решать творческие проблемы. Главной из них была невозможность продвинуться в сочинении оперы «Декабристы»[33]. Опера была задумана, по-видимому, в 1925 г. Первую редакцию либретто — под названием «Полина Гебль» — написали А.Н. Толстой и П.Е. Щеголев. В конце 1920-х гг. Толстой завершил последний, по его мнению, ва-

---

[30] Шапорина писала ему 2 июня 1932 г.: «...мы откровенно голодаем вот уже дней десять. Питаемся водяным супом, картофельными и рисовыми котлетами. Должна кругом и всем, обещала расплачиваться 2-го, т.к. была уверена, что 1-го ты мне вышлешь деньги, а ты, как видно из письма, еще только собираешься поговорить о деньгах» (РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 8. Л. 9).

[31] *Юдина М.* Лучи Божественной Любви: Литературное наследие. М.; СПб., 1999. С. 123.

[32] *Толстой Д.А.* Для чего это было: Воспоминания. СПб., 1995. С. 38.

[33] Неумение Шапорина работать динамично и завершать свои произведения в намеченные сроки было его общеизвестным свойством. Так случилось, например, с кантатой «Куликово поле» на стихи А. Блока из цикла «На поле Куликовом»: ее замысел возник у Шапорина весной 1919 г.; до конца того же года Блок написал по его просьбе несколько дополнительных фрагментов и приспособил некоторые из ранее написанных к уже созданной Шапориным музыке; однако только в 1938 г. Шапорин сумел закончить произведение (изменения и дополнения в текст были внесены М. Лозинским; первое исполнение 18 ноября 1939 г.); материалы этой работы см. в архиве Блока: РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 104; об истории сотрудничества Блока и Шапорина см. в комментариях к дарственной надписи Блока Шапорину на своей третьей книге «Стихотворений»: Лит. наследство. М., 1982. Т. 92, кн. 3. С. 140—141.

риант либретто. Но композитор постоянно откладывал работу над музыкой, причем главным его аргументом был недостаток литературного материала. Несмотря на ранившую ее нескладицу в отношениях с мужем, Шапорина принялась деятельно подыскивать для него тексты, которые помогли бы ему продвинуться в сочинении оперы[34].

Но добрый порыв оказался тщетным. Наступил 1934 год. Шапорин рассорился с Толстым[35] и практически расстался с семьей — переехал в Клин, в часть Дома-музея П.И. Чайковского. В Москве у него уже была другая семья, и там в этом году родился его сын Александр.

В канун своего шестидесятидевятилетия Шапорина почти теми же словами, что и по выходе из института, вынесла приговор семейной жизни: «Если женщина хочет чего-нибудь добиться, она не должна обзаводиться семьей» (II, 112). Но если почти пятьдесят лет назад ее представления об этом были умозрительными, то сказанное в 1948 г. — результат свойственного ее мировоззрению ригоризма и суровой оценки собственного жизненного опыта.

Под словами «чего-нибудь добиться» Шапорина подразумевала, конечно, свою творческую деятельность. Какою же она была в реальности?

Как сказано выше, в 1900—1910-е гг. эта деятельность начиналась с успешных занятий живописью — портретом, пейзажем, офортом. В 1916 г. она впервые обратилась к кукольному театру: сделала эскизы декораций к спектаклю по ею же переведенной пьесе К. Гоцци «Зеленая птичка»[36] и костюмы для представления «Силы любви и волшебства» в «Привале комедиантов»[37]. С 1 декабря 1918 г. (официальная дата учреждения) Шапорина — художественный руководитель организованного ею Петроградского театра марионеток[38]. Театр открылся 12 апреля 1919 г. двухчастным представлением, поставленным Шапориной: спектаклем по пьесе М. Кузмина «Рождество Христово. Вертеп кукольный» и «Сказкой о царе Салтане» по Пуш-

---

[34] Дневниковые записи Шапориной об этой ее работе использованы в главе об истории создания оперы в кн.: *Левит С.* Юрий Александрович Шапорин: Очерк жизни и творчества. М., 1964. С. 311; то же см.: *Толстая Е.Д.* Л.В. Шапорина в работе над оперой «Декабристы» // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 532—549 (с дополнительными фрагментами дневника, некоторыми неточностями в изложении биографии Шапориной и собственными воспоминаниями о ней автора).

[35] Либретто впоследствии переработал В. Рождественский, а опера была впервые поставлена в 1953 г.

[36] См.: *Смирнова Н.И.* Советский театр кукол: 1918—1932. М., 1963. С. 59. Шапорина даже заключила в 1917 г. с издательством «Альциона» договор на ее издание с собственными иллюстрациями, но оно не осуществилось.

[37] См.: *Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Артистическое кабаре «Приют комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия: 1988. М., 1989. С. 118, 119.

[38] Об истории театра в период руководства им Шапориной см.: *Смирнова Н.И.* Указ. соч. (по указ. имен); *Шпет Л.* Советский театр для детей: Страницы истории. 1918—1945. М., 1971. С. 30—32.

кину[39]. Время до конца театрального сезона 1923—1924 гг. было для Шапориной творчески исключительно плодотворным: она и сама поставила множество спектаклей и создала талантливый театральный коллектив, включавший писателей, художников, композиторов и режиссеров. При этом, за исключением приведенного отклика Кузмина, все прочие отзывы о работе Шапориной сводились, в сущности, к одному и тому же: «...настоящее, большое, художественное наслаждение»[40]. В короткий период пребывания в Петрозаводске она не бросала творческих занятий: писала декорации для драматического театра. В Париже она занималась художественным переводом: в 1926 или 1927 г. перевела с итальянского пьесу «Каждый по-своему» Л. Пиранделло и отослала мужу для устройства представления на сцене[41]. Кроме того, здесь нашлось применение и ее таланту художницы: вместе с Н.П. Гойер она расписывала модные шелковые ткани. По возвращении в СССР она в 1929—1932 гг. раскрашивала ткани для театральных костюмов...

Таким образом, несмотря на обременительную и несчастливую для Шапориной семейную повинность, объективных оснований считать, что она ничего за это время не добилась, у нее не было: все двадцать лет этой жизни она интенсивно и с удовольствием работала, и именно в те годы сформировалась ее творческая биография, успешно продолжавшаяся и после того, как Шапорин ее покинул [42].

Заслуженная Шапориной в эти годы репутация талантливого режиссера-кукольника способствовала и дальнейшей ее интенсивной работе: она руководила организованным в 1934 г. театром марионеток при Доме писателей («...первое ее выступление под Новый год с шаржами на писателей и критиков было изумительно»[43]), который в 1936 г. был передан в систему Госэстрады и под руководством Шапориной просуществовал почти до начала 1941 г. Одновременно ставила спектакли в кукольном театре Выборгского района Ленинграда. Той же творческой работой

[39] На «Сказку о царе Салтане» Кузмин написал отрицательную рецензию (*Кузмин М.* II. Новый Салтан // Жизнь искусства. 1919. № 129. 6 мая). Любопытно, что Шапорина присутствовала 1 сентября 1911 г. на представлении оперы Н. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», во время которого в присутствии императора и многих министров был убит А. Столыпин (программа этого спектакля с автографом-комментарием Шапориной: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 31. Л. 16 об.).

[40] *Нератов А.* «“Вий” в Кукольном театре» // Жизнь искусства. 1920. № 622/624. 3/5 дек.

[41] РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 8. Л. 2.

[42] При этом Шапорина отнюдь не стремилась к тому, чтобы муж, очевидно расставшийся с семьей в 1934 г., оформил развод с ней: сам Шапорин не делал этого по безалаберности (что привело в дальнейшем к коллизии с его двоеженством), а ей положение жены известного советского композитора не раз, как это явствует из дневника, давало существенные привилегии (начиная с получения в 1935 г. квартиры в кооперативном доме 14 по Кировскому проспекту; ходатайство об этом А. Толстого перед Жилищным отделом Ленсовета от 11 марта 1935 г. см.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 3. № 3).

[43] *Толстой А.* Письмо М. Горькому от 15 января 1935 г. // Толстой А. Переписка: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 196.

режиссера кукольного театра она занималась и во время блокады (в театре при Доме Красной армии), а после войны руководила кукольным театром при Доме пионеров Фрунзенского района.

То же можно сказать о переводческой работе Шапориной. Помимо упомянутых переводов пьес она в течение двадцати лет (1944—1964) переводила Стендаля, Г. Келлера, К. Гольдони, Пиранделло, «Хроники моей жизни» И. Стравинского, французские письма К. Петрова-Водкина к жене[44] и произведения других авторов с итальянского, французского и немецкого языков.

Окружавшие Шапорину люди с восхищением отзывались о ней: «умнейшей, эрудированной, много читающей, милейшей» называл ее Ф. Крандиевский[45]; А. Остроумова-Лебедева характеризовала Шапорину «как человека очень одаренного, живого, сильно и глубоко реагирующего на все окружающее»[46]; В. Рождественский, записав 7 августа 1943 г. в альбом Шапориной свое стихотворение, адресовал его: «Дорогой Любови Васильевне Шапориной — достойной гражданке великого города <...>»[47] (см. также приведенные выше характеристики М. Юдиной и Д. Толстого).

Отчего же при всех этих успехах, творческой насыщенности жизни и искренней любви многих окружавших Шапорину людей ей представлялось, что она ничего в жизни не добилась?

Проблема, видимо, состояла, как ни парадоксально, в своеобразной цельности ее натуры: верности некогда сформировавшимся убеждениям, идеалам, этическим нормам (иной назвал бы это догматизмом).

Так, если она по выходе из института решила, что не создана для любви и семейные узы будут в ее жизни отягчающими оковами, то совершившееся все-таки через четырнадцать лет замужество безусловно должно было оцениваться Шапориной как вынужденное, ведущее к несчастью и оборачивающееся творческой непродуктивностью.

Негативное отношение к семейной жизни и, в частности, к мужу она перенесла и на сына Василия[48], которым постоянно (как некогда ею — ее мать) была недовольна, и так систематически и писала в дневнике, что сын — копия своего нерадивого отца. С годами, когда Василий стал известным театральным художником и

[44] Изданы только в 1991 г.: *Петров-Водкин К.П.* Письма. Статьи. Выступления. Документы. М., 1991.

[45] *Крандиевский Ф.Ф.* По дорожкам детскосельских парков // Звезда. 1984. № 3. С. 69—70.

[46] Цит. по: *Сурис Б.* «...больше, чем воспоминанья»: Письма художников, 1941—1945: В 2 кн. СПб., 1993. Кн. 1. С. 68.

[47] ОР РНБ. Ф. 1086. № 36. Л. 6.

[48] О нем см.: *Березкин В.* Художник Василий Шапорин // Театр. 1966. № 5. С. 136—137; *Костина Е.* Художник театра В. Шапорин: (К вопросу о традициях) // Искусство. 1968. № 4. С. 24—28; *Шапорин В.* «Волнение от сущности» // Творчество. 1968. № 9. С. 3—4; *Луцкая Е.* «И песня, и стих...» // Художник. 1977. № 6. С. 25—28; *Луцкая Е.* Василий Шапорин // Театр. 1978. № 8. С. 77—80.

даже поставил в 1957 г. в качестве главного художника новосибирского театра «Красный факел» «Венецианских близнецов» К. Гольдони в переводе Шапориной, а в семейной жизни испытал собственные драматические коллизии, мать стала к нему ласковее. Лишь к родившейся у нее после сорока дочери Алене у непреклонной Шапориной вдруг пробудилась истовая (как часто и бывает) любовь; тем паче: смерть девочки в двенадцатилетнем возрасте лишний раз утвердила Шапорину в мысли о губительности семейной жизни для нее самой.

Пожизненная верность усвоенному в молодости мировоззрению определила и ее отношение к политическим и социальным явлениям, обстоятельствам, процессам, свидетельницей и участницей которых она оказалась.

Самым точным, по-видимому, наименованием мировоззрения Шапориной было бы слово «патриотизм». Однако ограничиться одним этим определением без рассмотрения того, что составляло для нее понятие патриотизма, было бы, на наш взгляд, неверным. (Не будем только упускать из виду, что мы имеем дело не с трактатом, не с систематическим изложением взглядов и идей, в котором автор заботился бы об их непротиворечивости, а с искренним дневником, который, повторим еще раз, писался без расчета на чтение кем бы то ни было.)

Что же входило в состав патриотизма Шапориной?

Любовь к России — так сказать, патриотизм в чистом виде. Характерно, что на протяжении десятилетий свою любовь, со свойственным ей и во многом другом консерватизмом, Шапорина описывает в одних и тех же выражениях. 26 февраля 1901 г.: «...хотелось бы все сделать, что в силах, для дорогой моей России. Люблю я ее, как человека» (I, 44); «Когда я закрываю глаза и думаю о России, мне представляется она живым существом, с которого живого сдирают кожу, кровь хлещет» (I, 90). Этот патриотизм иррационален: «В Россию можно только верить» — так, прямо цитируя Ф. Тютчева или его перефразируя, Шапорина будет писать в 1917, 1930, 1932, 1933 гг. (I, 54, 84, 126, 140—141), и только уже на склоне лет, душевно устав от полувековых перипетий политической жизни страны, она скажет: «.. моя вера в Россию пошатнулась» (II, 326) — это когда народ будет «громом аплодисментов» приветствовать нового правителя СССР Н.С. Хрущева.

Любовью к России определялось и ее неприятие всех новых реалий советской жизни, начиная с насаждавшегося новояза: «Меня ужас, жуть берет при мысли о России. Одичавшая, грубая жизнь, грубый язык, какое-то чуждое мне» (I, 74). Шапорина постоянно отмечает режущие слух всепроникающие языковые новинки: «треплется», «достижение», «мóлодежь»[49], «ЖАКТ», «схлестнуться», «выдвиженка» и тому подобные. А в собственном словоупотреблении, как бы защищаясь от советских новаций, будет то и дело оперировать уже отмененными топонимами и по уко-

[49] Ср.: *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). 2-е изд. М., 1928. С. 77, 49, 205.

ренившейся институтской привычке переходить с русского языка то на французский, то на немецкий (к ним еще добавляется изученный ею самостоятельно в молодости итальянский) — подчас это литературные цитаты, но иногда и просто эмоциональные реплики по тому или иному поводу[50].

Любовь к России привела Шапорину к другой составляющей ее патриотизма — *национал-большевизму*. По прочтении знаменитой книги А. де Кюстина «Россия в 1839» она возмущенно записала: «А у нас его захвалили, благо он все русское ругает, а с разбором или нет, — это все равно, лишь бы ругал. Большевикам еще большая свеча поставится за то, что они учат патриотизму русских. Давно пора» (I, 211). А по прошествии трех месяцев с начала войны, еще, конечно, не представляя себе, каков будет ее трагический ход, но все с той же идеей о национально ориентированной сильной власти Шапорина написала: «Я вчера думала: Россия заслужила наказание, и надо, чтобы “тяжкий млат” выковал в ней настоящую любовь к родине, к своей земле. <...> Россия не может погибнуть, но она должна понести наказание, пока не создаст изнутри свой прочный фашизм» (I, 264). Несмотря на постоянное ощущение своего одиночества, Шапорина тут рассуждает в русле распространившегося еще с 1920 г. и довольно популярного в дальнейшем не только в политической, но и в обывательской среде умонастроения и идеологической концепции[51].

От национал-большевизма для некоторых приверженцев этой идеологии пролегла во время войны дорога и к коллаборационизму: те, кто полагали власть коммунистов антипатриотичной, готовы были приветствовать приход фашистов в надежде, что они приведут к власти подлинных русских националистов, поскольку: «Хуже, чем есть, не будет, а хоть церкви-то разрешат и Богу молиться»[52]. Еще в 1939 г., прочитав о подписанном СССР с Германией пакте о ненападении, Шапорина записала: «Рабство, германское иго — так я предпочитаю, чтобы оно было открытым. Пусть на каждом углу стоит немецкий шуцман с резиновой дубинкой в руках и бьет направо и налево русских хамов, пьяниц и подхалимов. Может быть, они тогда поймут, где раки зимуют» (I, 239). Но когда немецкая армия будет нещадно бомбить в декабре 1941 г. Ленинград, она отзовется так: «Какая бессмыслица! Я разочаровываюсь в немецком уме и гитлеровской стратегии. Он может уничтожить и город, и жителей, но пока армия стоит — город не сдадут. Зачем же разрушение?» (I, 283). И в конце концов Шапорина будет с гордостью констатировать:

[50] В этом плане дневник Шапориной — литературный памятник многоязычия *такого* советского человека.

[51] См.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris, 1980.

[52] *Криптон К.* Осада Ленинграда. Нью-Йорк, 1952. С. 65 и др. См. также: *Комаров Н.Я., Куманев Г.А.* Блокада Ленинграда. 900 героических дней. 1941—1944: Исторический дневник. Комментарии. М., 2004; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России: 1941—1944. М., 2004.

«Победу, войну у нас сумели организовать, надо отдать справедливость. <...> Это организовать. А победить мог только русский народ» (I, 423)[53].

Наконец, третья составляющая патриотизма Шапориной, происходящая от ее активного неприятия правившей страной власти, — *антисемитизм*. Читатель дневника Шапориной не раз встретит ее разнообразные пассажи в этом роде. Но то будут слова. Вместе с тем, читая тот же дневник, нельзя не увидеть, насколько часто ее поступки и отношения с людьми расходились со словами.

Что из этого следует? То, что, по крайней мере во мнении знавших Шапорину людей, у нее, безусловно, не было репутации антисемитки, а записываемое в этом роде в дневнике не только не проявлялось в ее общении с евреями, но практически дезавуировалось конкретными поступками. Это противоречие свидетельствует, скорее всего, о том, что антисемитизм Шапориной, как составная часть воспитанного в ней с юности патриотизма, был не плодом обдуманного ею мировоззрения, а данью традиционному стереотипу и в значительной степени иррациональным чувством[54].

В восьмидесятилетнем возрасте, после неоднократных попыток, Шапориной удалось повидаться с братьями, о встрече с которыми она постоянно мечтала на протяжении тридцати с лишним лет[55]. Это было для нее возвращением в родную семью, в молодость — встретилась даже со своими институтскими подругами, о которых никогда не забывала. И здесь, в благополучной Швейцарии, очередной раз ей довелось проявить неизменность своего характера и убеждений: «Мне не хотели верить, что со смертью Сталина прекратился террор, что его больше нет. Милейшая М. Филип. пыталась меня распропагандировать <...>, но я ей ответила: “...вот уже сорок два года, как мы отбились от всех, кто надеялся взять Россию голыми руками, и стали сильнее, чем когда-либо”» (II, 386).

Наивная искренность, прямодушие и верность идеалам молодости не покидали ее до конца жизни.

Любовь Васильевна Шапорина умерла 17 мая 1967 года.

Валерий Сажин

---

[53] Читателю дневников Шапориной, обнаруживающему иной раз ее непоследовательность или наивность, особенно в рассуждениях на политические темы, надо помнить: она совершенно не заботилась (не задумывалась), что когда-нибудь эти дневники будут читаться, тем более изучаться.

[54] Об этом см.: *Золотоносов М.* Русоблудие: Заметки о русском «оно». Антисемитизм как психоаналитический феномен // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 269—286.

[55] За Шапорину ходатайствовал перед Министерством иностранных дел в апреле—мае 1959 г. друг ее семьи Д. Шостакович (письма Д. Шостаковича Шапориной об этом см.: РИИИ. Ф. 48. № 57; в том же архиве хранится значок Театра рабочей молодежи, подаренный Шостаковичем дочери Шапориной Алене: Ф. 48. № 76).

Россия в мемуарах

ДНЕВНИК
1898—1945

1898

14 ноября. Боже мой, такая ничтожность, овца, ни на что не годная. И главное, еще меня ценят, говорят, что мировоззрение хорошо, что умна и т.д. А все это фразы, т.е. не фальшивые фразы, а, во всяком случае, хоть и вполне искренние, но не исполнимы. То-то и беда, что желаний много, в особенности слов много, и боюсь, ужасно боюсь, что ничего не исполню, что так и останусь теоретиком. А между тем с каким бы я удовольствием все сделала для всех, не из альтруизма, а только оттого, что если какая угодно жертва касается лишь меня одной, то ее так легко, так просто принести, в особенности умереть, поступить в монастырь, так сжаться, съежиться и заснуть навсегда. Боже мой, я знаю, что это грех, что я пишу.

К чему стремиться? знай — без горя жизни нет;
Надежда — глупый сон.
Другие мне в ответ таинственно звучат:
У нас иная жизнь! У нас иной закон...
Не верь отжившим, пусть плывут они назад, —
Былое — глупый сон![1]

5 декабря. Может ли существовать чистая, идеальная любовь между мужчиной и женщиной, — я думала что да.

Можно любить не красоту, внешнюю часть человека, а вдумываться в душу, но мне кажется, что такая любовь приходит лишь позже. Любовь возникает не в голове, а в сердце, следовательно, влюбляется человек не духовною, а физическою стороною своего существа. Так ли это? Как это грустно. Господи, если бы я могла понять, дойти до того, что хочу, — мне бы хотелось больше, выше всего жить духом, уничтожить силу физического начала, это цель моя.

Но надо ли? Зачем же тогда созданы мы из духа и тела, чтоб только была постоянная борьба между ними? Нет, это слишком гадко. Я хочу верить, что любовь — высшее чувство, просветляющее душу, я хочу верить, что не все же так грубо и просто, — мне это просто больно. Я так бы хотела, чтобы жизнь была выше, духовнее.

Господи, помоги мне сделать, понять это. Но ведь, например, кн. Андрей — я его и ценю и люблю за эту духовную жизнь. Он любил только Наташу[2], и именно так, хорошо.

Но можно ли так прожить, не любя, ведь всегда и повсюду пелось и говорилось, что несчастен тот, кто прожил, не любя. Что же тогда? Где Истина?

Жить как живется нельзя, невозможно. Жить надо, выполняя все положенное, исполняя все высшее, что в тебе есть; надо смотреть на брак и любовь между прочим. Так ли?

Надо ли идти против натуры — вот главный вопрос.

Следующий вопрос — дурно ли любить.

Над нами Бог, с нами Бог, буду надеяться на него, Он дал мне жизнь, дал дух, дал все, буду же брать от жизни, что дает!!

Правда ли, хорошо ли будет?

Уяснить это противоречие — и я буду очень счастлива.

1899

1 февраля. Итак, ровно ничего.

Господи, Господи, полное ничтожество — жалкий Гамлет Щигровского уезда[3]. Фразы, чудные принципы, убеждения, мысли, все видят способности, что-то ждут, и ничего.

Неужели же никогда никому и ничему не будет пользы от меня — лучше просто умереть, просто и коротко все разрешится. А ведь я думала сама, что, может быть, у меня есть что-нибудь, а оказываются только сомнения, стремления, неуверенность, нерешительность, и только.

Лучше быть бы без всех этих каких-то высших стремлений, а то видишь где-то голубое небо, где так хорошо, а сама по колено в грязи, и нет ни сил, ни умения выбраться, и ничего-то, ничего-то нет. Эх, кабы была у меня широкая да цельная натура — а то чувствую какое-то страстное желание вырваться в жизнь, на широкий простор — ан нет, точно узда надета.

Боже мой, Боже мой, помоги мне, на Тебя одного надеюсь.

10 февраля. И как мне не совестно грустить. Я хотела сказать[4]

15 мая. Сегодня кончились экзамены, следовательно, навсегда кончились наши занятия на школьной скамье — выходим в жизнь. Что-то там ждет нас? Бог весть, но я бы страшно желала одного — не отступать от известных правил, которые мне нравятся: во-первых, как говорит Л. Толстой в своем «Воскресении», — *жить, веря себе, не веря другим*[5]. То есть не доверять мнению большинства общества, идти всегда прямо — *прямо*. Господи, дай мне сил, помоги мне идти по такому пути, всегда анализируя свои действия. Это главное; нельзя жить и только жить, предоставляя себе действовать так себе, просто как влечет момент, что тебе в данную минуту весело, интересно. Только не это. Жить так и действовать так, чтобы каждый вечер душа, совесть была вполне спокойна, чтоб не было этих мучительных укоров за каждую глупость.

9 июля. Вчера нечаянно отворила Толстого на «Крейцеровой сонате»[6], и его рассуждение о любви поразило меня и вернуло опять на ту же мысль, которая уже часто занимала.

Итак, неужели это правда, неужели нельзя верить в любовь? Любовь, такая, как ее поют, неужели не существует? И я почувствовала, что это так, по крайней мере между большинством людей.

Не к чему себя обманывать, — всякое желание нравиться не вообще, а мужчине, всякое предумышленное кокетство низко, гадко, отвратительно. Желать любви, как я это прежде делала, мне показалось прямо совестным. И, подумав о всем этом, я пришла к заключению, что никогда не должна полюбить и <должна> не выходить замуж. Где-то там внутри меня мне стало грустно, но я отогнала это от себя, это все тщеславие, боязнь ridicule[7] старой девы, и это все прошло. Любви, святого чувства нет, но почему же мне как-то больно становится, когда я подумаю, что отказываюсь от нее навсегда? Да, это правда, Любовь все-таки скрашивает жизнь. Пусть она иллюзия, но коли без нее так пусто, значит, она, как и поэзия, должна существовать.

В «Крейцеровой сонате» Толстой пишет — любовь животное чувство (отвратит)[8]. Но рассуждаю так: Человек — животное, у него и инстинкты таковы. Но как и все мельчайшие из инстинктов человек скрашивает, возвышает своим разумом, анализом, мыслью. Поэтому страсть может быть присуща лишь людям грубым, низменным. Вообще все люди, по-моему, по отношению к чувству могут быть разделены на высших и низших. Первых, в особенности между мужчинами, страшно мало. Из всех виденных мною молодых людей, мне кажется, один Ш. принадлежит к высшим во всех отношениях.

Полюбить можно и из низшего; это очень легко, но я наперед отказываюсь от такой любви. Совсем. Правда.

Сегодня приезжая баба сказала с насмешкой: «Хорошо вам, барышни, прогуливаться». И правда, надо что-нибудь делать, работать. Эх, кабы на медицинские курсы — это моя мечта. Что же делать?

Боже мой, что делать?

8 сентября. Странное впечатление произвело на меня чтение «Что делать?»[9]. Манера писать, слог меня все время раздражали, это не роман, не действительная жизнь. Все эти люди — отвлеченные идеи и теории, которые не могут интересовать читателя как люди. Идеал человека Рахметов[10]. Что же представляет он из себя? Это человек добрый, честный, благородный, не дающий воли никаким порывам своей натуры, обуздывающий ее вполне, живущий исключительно для других, и не столько для других, сколько для идеала; этот идеал улучшение состояния человечества. Задача велика. Он по мере сил исполняет ее и за 40 лет до Нехлюдова отрешается от собственнос-

ти. Это все отлично и в общем мне нравится. Но все-таки мне кажется, что это что-то не то. Что же надо? Быть может, я с этим не соглашаюсь только потому, что это слишком высоко для меня, но мне кажется, надо жить проще. Не надо затевать перевернуть мир или улучшить человечество, а создать себе небольшой круг деятельности и здесь приносить большую пользу. Если бы все стали так делать, человечество бы много двинулось (как сегодня я слышала один солдат рассуждал: «Кабы мы все хорошо жили, на что бы нам государь был?»). Но опять-таки, без сильных людей, хватающих через край, быть нельзя — они все-таки со своими и ошибками и неудачами стоят неизмеримо выше других и двигают других. Опять я в противоречии, и никогда из них не выйду; что же мне делать?

Что же касается других лиц, то мне прямо было смешно, как ловко устроилась их жизнь с самого начала. Затем разошлись. Каждый совершенно спокойно нашел себе пару, и потом опять сошлись. Все не жизненно, но в общем что же делать? А вот: надо работать умно, равноправно, с отдыхами, одним словом, вести нормальную здоровую жизнь. Это удел порядочного человека. Жаль только, что Чернышевский не поставил своих героев в более обыкновенные условия, с мелочами каждодневной жизни, т.к., мне кажется, такая счастливая безоблачная жизнь немыслима; вообще, все это утопия.

За что мне приняться?

Мне очень хочется поступить на медицинские курсы, хотя и пугает и 5 лет учения, и работа, и боюсь, хватит ли способностей. А ведь как хорошо иметь почву под ногами, а не ждать у моря погоды. Ужасно я за себя боюсь, боюсь влюбиться с непривычки. Я, между прочим, кажется, очень люблю одиночество, согласна с Лопуховым[11] на этот счет.

11 октября. До сих пор ничего не сделано, это ужасно, прямо ужасно. А вместе с тем как мне хочется заниматься, учиться. Нет, окончательно я люблю одиночество и стремлюсь к нему.

15 ноября. «Знание прекрасного есть истинный путь и первая ступень к познанию вещей хороших и тяжких, и законы, жизнь и радость красоты в материальном Божьем мире составляют такую же вечную и священную часть творения, как в мире духовном добродетель, а в мире ангелов Богопочитание», — говорит Рёскин. По-моему, красота во всех ее проявлениях есть лучшее средство для того, чтобы пробудить в сердце человеческом все высшее, что так часто дремлет, если совсем не спит. Не знаю, может быть, такое чувство слишком субъективно, не думаю, но ничто так не действует на меня возвышающе и облагораживающе, как впечатления прекрасного — зритель-

ные или слуховые, зрительные даже, пожалуй, более действуют на благороднейшие стороны души. Пение я обожаю, когда я слышала Шаляпина, я вся дрожала; и вообще музыка, известная, страшно на меня действует: она пробуждает массу каких-то неясных желаний, туманных и щемящих сердце, — впечатление получается не совсем цельное и не чисто эстетическое. Мне кажется, музыка скорее действует на физическую природу человека. Красота же, которую мы видим, если она в самом деле велика, действует исключительно на духовные чувства. В особенности красота природы в непосредственном созерцании.

Дж. Ст. Милль: «Лучше быть недовольным человеком, чем довольною свиньею, неудовлетворенным Сократом, чем довольным дураком... Много людей, которые в молодости с энтузиазмом бросались на благородное, потом, по мере того как вступали в лета, становились апатичными, себялюбивыми. Способность к благородным чувствам в большей части натур — очень нежное растение, которое легко гибнет не только под враждебными влияниями, но даже за недостатком ухода; у большинства молодых людей эта способность исчезает очень быстро, если занятия, к которым предназначает их положение в свете, и общество, в котором они вращаются, не возбуждает ее к постоянной деятельности».

Неужели же и мне придется когда-нибудь перечесть эти строки и понять, что они относятся ко мне, что и я погибла. Господи, Боже мой, неужели так и пройдет жизнь и я опущусь, погрязну, не сделав ничего. Я это пишу, и у меня слезы горло сдавливают, что же будет потом. Хоть бы был один человек, у кого спросить совета, но ведь нету, нету нигде. Все они — и мама, и Леля — скажут: от самой зависит и т.д. и т.д.

Это сказать легко, ой, как легко, но сделать трудно, когда не знаешь, что делать. Ведь у меня душа полна стремлений к делу, к добру, к принесению пользы, и я чувствую, что была бы в состоянии делать то, что надо, у меня есть силы. Но что делать? Что делать? Ведь мне больно, мне тяжело, я не знаю, куда идти. Неужели же я не найду исхода?

Здесь люди живут по существу, а там проделывают бесконечный ряд условностей.

Потапенко.

11 декабря. Прочла «На действительной службе» Потапенко.

Да, конечно, Кирилл — это высший идеал[12], и я бы думала, что недостижимый, если бы не прочла летом, как один, кончив университет по медицинскому факультету, сделался сельским священником. Служить бедным — не

то ли это, о чем я мечтаю, и вижу, что, коли хочешь послужить «единому из малых сих»[13]...

Если что-либо хочешь сделать, живи *одна, одна и одна*. Семья — это одна пута, т.к. никогда одобрения быть не может ни в чем.

Любовь может дать счастье на год, а потом только остановка всему лучшему.

Семья делает общество и семейный быт, развивает общественность, но вместе с тем уничтожает благосостояние и нравственный подъем. Благосостояние в смысле служения ближнему.

1900

11 января. Вильно. Вот уж почти месяц, как я в Вильно, сколько новых лиц, новых разговоров, и какая разница в жизни. Но теперь я по всему вижу, что ни папа, ни мама совершенно не могут и не умеют вести городскую жизнь, светскую. Мне, к моему удивлению, эта жизнь понравилась, я быстро с ней освоилась, так же, как и с деревенским одиночеством. И только теперь я почувствовала, как мне хочется пожить весело, как все. Но это невозможно, и мне это больно. Лучше уж жить в деревне и думать, что я лишь оттого не пользуюсь всем тем, чем пользуются другие, а не видеть у себя под носом то, что взять нельзя. Почему я не могу жить и увлекаться, как все другие? Эх, лучше, право, на все махнуть рукой, тоска так тоска. По правде сказать, я от мамы ожидала большего в смысле светскости. Самой же составить себе жизнь веселую как-то не хватает энергии. Не к чему! Мне 20 лет, лучшие годы прошли, осталось каких-нибудь 3, самое большее 4 года молодости, и чем я их вспомяну, чем? Это интересно.

Что же, самые приятные годы — это 3 последних институтских года, годы полной свободы, независимости, беззаботности, дружбы, веселости и шалостей. Кроме этого приятных воспоминаний у меня нет. Да и эти воспоминания сильно боюсь, чтобы скоро не отравились разочарованием в подругах — письма все реже и короче от петербургских. А видит Бог, как я их всех люблю.

Денег у меня нет, книг нет, нет ничего того, что я люблю и что удовлетворяло бы моим вкусам, а платья мои стоят чуть не по сту рублей каждое. Не глупо ли, не безумно ли глупо! И у нас все так, все шиворот-навыворот. Не идем к Гр., где мне весело, а идем к старым Нееловым, где мне нет причины быть. Почему родители, взяв от жизни все, так мало думают, что надо же и нам чем-нибудь отпраздновать свою молодость?

Ах, как мне все надоело, как бы я хотела умереть. Единственный исход. Курсы, курсы — неужто и это останется несбывшейся мечтой? Не думаю, т.к. впереди все пусто. Замуж я не выйду, т.к. я выйду лишь за такого, как [1 нрзб.], а таких нет на свете.

Я знаю очень хорошо, что весь этот ропот на судьбу очень дурен, что это нехорошо, что не в этом счастье и т.п., но больше не могу. Хуже бы было фарисействовать перед самой собой.

Все равно, все равно; я знаю, что моя жизнь будет самой серой, неприглядной, ну и все равно, все равно.

24 января. Интересует меня мое будущее. В общем, я прежде удивлялась и даже с завистью удивлялась, когда слышала, что подруги влюбляются и увлекаются, а теперь вполне поняла, что это от себя зависит. Захоти, и сейчас если не влюбишься, то, по крайней мере, заинтересуешься кем-нибудь. Но такого рода увлечения мне не по вкусу, и я так увлекаться не буду, хотя, пожалуй, моя-то натура быстрее, чем какая-либо, prend feu[14]. Но на это есть в голове такая сильная пожарная команда, которая всякий огонь затушит. Так ли это будет и впредь? Надеюсь. Но не знаю почему, чует мое сердце, что если быть мне замужем, то скорее всего за (так! — *В.С.*). Хотя не знаю, может быть, и ошибаюсь, и во всяком случае, он мне сильно не нравится.

Идеал мой — медицинские курсы, и только это. Это деятельность самостоятельная, полезная, умирать спокойно можно доктору.

Будущее меня интересует, но не манит. «Гляжу на будущность с боязнью, гляжу на прошлое с тоской»[15]. Что день, и год, и век грядущие мне готовят[16] — that is the question[17].

To be happy or not to be happy???[18] Мне кажется, как бы народ просвещен ни был, всегда будут существовать гадалки и предсказатели будущего.

1 февраля. Жизнь надоела. Т.е. такая, какую я веду. Боже, Боже мой, как бы я хотела чем-нибудь увлечься, чтоб что-нибудь меня захватило всю.

Постоянное неудовлетворение — это хуже всего. И непременно надо поступить на будущий же год на курсы. Если это даже и не увлечет меня, не захватит, то, по крайней мере, будет уверенность, что живешь с пользой, что исполняешь долг. А то так — это ужасно.

А у меня такая страшная потребность веселья, молодой жизни, увлечения. «И так желаний много». На что, на что, ведь ни йота из этого не сбудется в жизни. И к чему пишут книги с такой идеальной жизнью, с такими сильными чувствами. Ведь это<го> нет, нет и нет. Хотя я напрасно говорю, обобщая. Все это относится ко мне только. Пустоцвет, ну и кончено. Но грустно, ой, как грустно, и больно и тяжело. И говорили про меня: увлекающаяся?!

18 февраля. Жизнь надо переменить, и непременно. Так устроиться, чтобы не пропало даром то, что есть: способность к труду, к ученью, и главное — любовь к ученью.

А на курсы — *непременно.*

19 марта. Тяжело у меня на сердце, страшно тяжело. Неудовлетворение, какая-то внутренняя сутолока, суета, неуверенность. И от этого больно, больно, как будто кто-то умер или страшный сон снится, плакать хочется. Что же это, отчего так тяжко? Ой, Боже мой, как безысходно грустно. Отчего, почему? Потому, что все хорошее отъехало куда-то, потому, что меня, как Саула, Бог оставил. О! Эта возмутительная пустая отвратительная жизнь — жизнь без цели, без Идеала, без всего. И не от кого зависит — конечно, от меня, и тут-то и коренится самый гвоздь.

Необходимо мне разобраться в самой себе.

Дело в том, что за последнее время я как-то окончательно усвоила себе новую философию, а именно поставила себя центром своей жизни, и исходя из того, что я молода, что молодость скоро проходит, я ни о ком не думала и, конечно, была страшно недовольна всем, т.к., в общем-то, увлечения, конечно, нет. Но это пора бросить. Пока сама являешься центром, конечно, ничто и никто не удовлетворит... Пора мне смириться. Seul le silence est grand; tout le reste est faiblesse — le silence et la patience[19].

Это так; но теперь второе — мое образование. Мое полное ничтожество в этом отношении меня страшно мучит. Как поставишь себя с Стазей, то так мучительно больно станет, а ведь, право, не знаю, с чего начать. Собственно говоря, конечно, следовало бы так — что существует, затем — как существует.

Начать с естественных наук, затем историю, философию, искусство, литературу. Это, конечно, самый правильный путь, но путь долгий. Кроме того, я не умею читать. О! Вообще я полное ничтожество.

Что же делать? Надо выпрямиться, встряхнуться, авось и мы еще повоюем? А?

24 марта.

Чего хочу, чего?
О, так желаний много,
Так к выходящей силе нужен путь,
Что кажется порой, их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь[20].

Хочется, хочется, хочется — чего? Не знаю. Думаю, чего-нибудь другого, что есть. Как, бывало, в институте мы говорили événement[21]. Мне хочется чего-нибудь новенького, чего-нибудь не такого, что повторяется каждый-

каждый день, все одно и то же, одно и то же, и так без конца, и впереди то же самое, и так бесконечно. Ах, нужны курсы, мое единственное спасение.

Хоть бы что-нибудь случилось — но нет, никогда и ничего, и так мало-помалу затянет болото, тина. Чудный пейзаж.

Нет, ни за что и никогда.

> Non è il mondan romore altro ch'un fiato
> di vento, ch'or vien quinci e or vien quindi,
> e muta nome perché muta lato[22].

Vanitas vanitatum et omnia vanitas[23], — сказал Соломон[24] в старости. А в молодости имел сотни жен.

27 апреля. Подходит к концу мое пребывание в Вильне. Надо будет подвести как-нибудь итог, не хитря и совершенно откровенно.

Конечно, я собой недовольна, я сделалась страшно эгоистична, и как от этого отделаться, и ума не приложу; очень уж меня манит жизнь на народе, болтовня (ух какая пустая!) и тому подобное; я все себя утешаю тем, что мы скоро уедем в Ларино и там примусь серьезно за дела. Надо мне измениться к лучшему, в особенности по отношению к маме.

А все-таки помимо всяких философствований мне бы очень хотелось любви, увлечения, но, кажется-таки, моя натура неспособна, хотя, конечно, главное происходит *потому, что я сама* никому не нравлюсь.

Итак, в Ларине я хочу серьезно заниматься: рисованием, чтением, итальянским, латынью, английским с Сашей[25] и вообще самообразованием, удастся или нет — это вопрос. Боже мой, помоги мне исправиться.

31 мая. Как мне жаль, что я не пишу дневник каждый день и не записываю то, что со мной бывает, о чем я думаю. Впоследствии, вероятно, было бы интересно прочесть.

Собственно, к каким я пришла выводам за это время? К самым грустным, а именно: что ужаснее нет жизненного строя как семейный. Семья — это такой ужас, такой, унижающий в человеке все человеческое, строй.

Я чувствую, что совершенно не способна к такой жизни, уж и теперь достаточно вкусила сладости семейной жизни.

Я буквально никого не обвиняю, но мне страшно тяжело дома; я понимаю вполне, как можно очертя голову замуж выйти за первого встречного или пасть еще гораздо ниже. Может, Соничка Бороздина так и поступила; я, конечно, не сделаю ни того, ни другого, только бы мне поскорее латынь

изучить; отчего у меня так мало силы воли и характера? Это прямо ужасно и возмутительно. Я ничего не делаю того, что хочу делать. Кроме того, я заметила, читая определение ординарных людей в «Идиоте»[26], я глубоко была поражена тем, что так ужасно ординарна, что ничего-то во мне нет оригинального. Это грустно. Вообще я чувствую в себе полную несостоятельность: ни глубины, ни чуткости, ни серьезности чувств, ни оригинальности, ни даже смирения и кротости.

Год прошел с тех пор, как я кончила, и могу сознаться, какой тяжелый год. И главное, какая ужасная разница между этою жизнью и нашей дорогой, простой, откровенной и открытой жизнью. Жизнь между равными, без придирок со стороны, жизнь, где ты сама отвечаешь за каждое свое действие и знаешь, что если в чем нехорошо и поступила, то только за это и отвечаешь, и главное, знаешь, что имеешь дело с людьми, которые тебя не оскорбят ни за что ни про что, а если и сделают что-либо неприятное, то в твоей же воле повернуть им спину и не обращать никакого внимания. А здесь!

Сколько я перенесла от мамы оскорблений так себе, <за> здорово живешь и с ужасным чувством, что от этого никуда не уйдешь. Денег ни гроша, идти некуда. Боже мой, как вспомню последние дни в Ларине прошлою осенью или, вернее, зимой, как вспомню Пасху (уж не считаю постоянных неприятностей), так прямо холодно сердцу становится. Ах, эта заутреня, этот момент, который для меня бывал в институте самым радостным, восторженным, когда запоют в первый раз Христос воскресе, как я его провела. Ночь, ветер, холод, мы на улице между толкающихся мужиков и солдат, в черном платье. Слезы так и льются, я стою около мигающего фонаря, на сердце пусто, страшно пусто и одна горечь ужасная, а потом эта прогулка по Немецкой и Завальной...[27]

Ах, если б мама только знала, какой след остается в сердце от всех ее выходок и как мало-помалу накапливается целая масса такой горечи, что сердцу прямо физически больно становится, я уверена, что она бы перестала устраивать свои бенефисы. Да что я жалуюсь. Вероятно, это к лучшему. Впрочем, я это только к тому, сколько самого мне дорогого и святого разбилось уже за этот год. И кто это все сделал? Горько, горько. И что больно, страшно, больнее всего, что такова-то будет жизнь навек, навек.

И эта безвозвратность хороших дней, эта безнадежность чего-либо лучшего в будущем — это страшно, прямо страшно. А это так, так. Ох, как тяжело. Что делать? Не вернешь же прежнего, как не вернешь и тех лет чудесных. Что же делать? Боже милостивый, что же мне делать? Ведь мне прямо

страшно, горло душит что-то, а я все же не знаю: курсы, конечно, курсы, долг будет исполнен, а счастье, счастье...

Ах ты, матушка, счастья захотела, счастья, а где оно? Для меня его *не будет*. И это-то и страшно.

Знаю, что все это нехорошо, надо смириться, отыскать ответ в Евангелии. Бог мой милостивый, спаси же меня, прости и помилуй. И дай силы.

6 июня. О, Бог мой, какая это все глупость.

Как можно себя настроить и, главное, как это все фальшиво и натянуто.

Боже мой, будь мне защитником от самой себя.

28 июня. Это, право, комично — я встаю в 6 часов, ложусь в 1 ночи. Итого бодрствую 19, а иногда и 20 часов; и в эти 20 часов я ничего, т.е. ровно ничего не успеваю сделать, и сама не понимаю, как это происходит. А между тем мне *надо* заниматься. Мне бы надо быть всегда готовой к

6—7
7—8
8—9
9—10 чай
10—11 }
11—12 } рисование
1—2 }
2—3 } Сашей
3—4 обед
4—5 }
5—6 } прогулка
6—7 чай
7—8 }
8—9 } латынь
9—10 письма
10—11 ужин
11—12 чтение

3 августа. Опять тяжело на душе — от всего, и от болтовни Mlle, и от папиного письма[28], и так вообще.

Что же произошло с тех пор, как я писала в последний раз? Собственно в моей жизни-то ровно ничего, я по-прежнему бездействую и равна нулю. Боже мой, Боже ты мой, помоги же мне измениться. Но за это время вспыхнула нежданно-негаданно война, жертв масса[29]. Туда ведут массу солдат, ведут к какому-то никому не нужному Китаю, в совершенно неизвестную

Маньчжурию. Мы, люди, читающие газеты, отчасти понимаем, почему и зачем война, да и то плохо, т.к. никто не хочет, но солдаты-то, т.е. именно те, которые убивают, разве им не все равно, будет ли в Шанхае английское влияние или французское. Конечно, они все идут с радостью, потому что «служба царская» для них вроде религии. Их там режут, убивают, а мы здесь говорим. Ах, это ужасно, но какое счастье, что Васе всего 17 лет[30]. Я хочу идти в сестры милосердия. Когда я первоначально захотела быть сестрой, то меня исключительно пленила именно докторская деятельность. Теперь же к этому стремлению принести посильную помощь присоединилось желание просто уехать от этой каждодневной жизни и окунуться в нечто другое, в нечто такое, что даст мне ощущений на всю жизнь. Я не умею этого высказать, но при одной мысли, что за серая жизнь меня ожидает, у меня мороз по коже и прямо страшно становится.

Я знаю, это эгоистично, но иногда я думаю, что ведь для того же и жизнь-то дана, чтобы жить. Например: я бы не хотела иметь Лелину[31] жизнь. До 23 лет покорялась маме, потом вышла замуж без особенной любви за человека около двадцати лет старше ее, некрасивого. Теперь ей 29 лет, четверо детей, четыре имения, следовательно, по горло хлопот, забот и т.д. Чем же она, бедняжечка, жизнь-то помянет? И всему, я уверена, виноват этот проклятый анализ. Итак, я серьезно хочу в сестры, но теперь мама с папой. Единственно, что меня удерживает сейчас же послать прошение — это боязнь за них. А вдруг заболеют без меня? А тут как еще вспомню папино лицо, когда он был в обмороке зимой, так всякая решительность пропадает. А между тем, как бы это было хорошо, какая бы чудная переделка была бы то для меня, как я бы жизнь узнала! А главное, как меня туда тянет, как хочется. Что же делать? Что-то будет? Чем-то кончится эта война для всего мира? Мне кажется, многое повлечет она за собой, и если XIX столетие было столетием пробуждения отдельных народностей Европы, их самосознания, то будущее грозит нам пробуждением рас — черной, желтой, пробуждением колоний, пора же нашему языческому милитаризму наткнуться на какой-нибудь камень.

4 сентября. Увы, мечта моя не сбылась, осталась я здесь, в сестры милосердия не поехала[32]. Я уверена, будь только мама против меня, я бы с ней справилась, т.е. мама бы в конце концов поняла бы, что это все не так страшно. Но Папа — он буквально как-то дрожал даже, говорил, что для него мой отъезд равнялся бы смерти. Милый Папа! Мне представляется, что он с самого начала понял жизнь немного фальшиво, чересчур трагически — в этом

все его несчастие, и я ужасно боюсь, не было бы и у меня этой наклонности. Ведь это было бы ужасно. Вообще, надо признаться, характер у меня отвратительный — тяжелый донельзя и для себя, и для окружающих. Как бы мне его исправить. Вообще мне надо чуть ли не с ног до головы переделать себя. Во-1), отбросить эгоизм, т.е. постоянное наблюдение за тем, как все другие относятся ко мне, как поживает мое драгоценное Я и т.д. Затем 2) выдержка, умение властвовать собою[33], 3) мягкость, ласковость; вот главное, чего у меня совсем нет и что портит мои отношения с мамой. Потом мало ли чего мне не хватает: энергии, силы воли. Неужели же возможно этого всего достигнуть! Господи, помоги мне. Еще раз скажу: характер мой, кажется, удивительно пуст, и самые важные решения не захватывают глубины; мне как-то кажется, что все у меня происходит лишь сверху. Так решение ехать в Китай было вполне серьезное, а между тем — тоже, хотя я и постоянно об этом думала, но не могу сказать, чтоб глубоко страдала от неисполнения его. Мне больно, что я не поехала, я чувствую, что была бы счастливее, если бы поехала, теперь же сижу, стараюсь долбить латынь и всем сердцем молюсь о пленных.

Удивительно, человек мне никогда особенно не нравился, а между тем желаю успеха так, как будто чуть-чуть не влюблена. Что значит на безрыбье. Бедный, а я все-таки ему завидую. Только б остался жив.

Политика меня увлекает бесконечно, и всё новые и новые вопросы подымаются. Всегда ли это так было или только теперь такая сильная и быстрая работа? Тут и Африка[34], и конгресс черных, и турецкая дружба[35], и сионистский вопрос[36]. Все это вопросы будущего. А еще славянское сближение. Все это увидит и разрешит XX век. Да! Даже жить хочется, чтобы видеть, к чему придет род людской. Ведь должен же быть конец милитаризму, ведь это противоестественно, противонравственно, должен же быть этому конец. Иногда мне кажется, что русский народ будет со временем народ буров[37], когда вся земельная собственность сосредоточится в руках мужиков и когда культура дойдет и до них. Иногда мне приходит в голову, что уж не вправду ли свет придет от иудеев, и они, поселившись в Палестине, сделаются со временем христианами, просветятся внутренно этим учением, громадные богатства будут разделены, и этому вечному старику, вновь завоевавшему себе свою обетованную землю, придется сказать последнее и решающее слово. А тогда — тогда мы соединимся с Богом, и только тогда поймем, для чего мы жили. Да — жить интересно, но и умереть интересно. Умираешь, и перед тобою подымается завеса того, к чему мы стремимся всю жизнь.

22 сентября. Ужасно я сделалась равнодушною ко всему — например, теперь пообещали мне Крым, затем не пустили, и мне хоть бы что, только с каждым таким разочарованием я чувствую, как еще что-то живое, жизнерадостное умирает внутри. Я знаю, что это гадко, эгоистично, надо быть веселой невзирая на обстоятельства, но я не могу, не могу, впрочем, постараюсь, а пока выскажусь хоть здесь, изолью душу хоть на бумагу. Во мне существует страстная потребность жизни, потребность, которая буквально иногда душит меня, жизни же я не вижу никогда, ее нету для меня, как здесь, так и в Вильне, т.к. не могу ж я назвать веселой жизнью мое пребывание в Вильне.

В Китай меня не пустили, я было хотела теперь послать прошение, но папа, одна мысль об нем мне все портит. Теперь в Крым! Мама не хочет мне дать денег на эту поездку и бережет для Вильны, сделает 100 р. платье для скучнейших визитов без цели. Добро бы у меня была цель словить себе там жениха, а то ведь буквально не для чего эти выезды скучнющие, тогда как в Крыму как бы мне было весело!!!

Во мне произошло какое-то полное revirement[38] всех моих идей и мечтаний. Только что они приняли такой жизнерадостный характер — вдруг я вижу с маминой стороны этот отказ, таким холодом пахнуло внутри, и я решила, что, пока я дома, я от жизни не увижу ни крошечки, надо *во что бы то ни стало* поступить на медицинские курсы. Только там я опять войду в колею, только там я оживу, не буду чувствовать эту мертвую зыбь на сердце. Об любви, замужестве мне даже и думать противно, тошно; такая это все гадость, скука, если я и выйду когда-нибудь замуж, то не раньше 28 лет, а то это кабала.

Жизнь, жизнь, где ты, живут же некоторые, отчего же другие остаются как-то вне этого течения.

Это все эгоистично в высшей степени, я это знаю и поэтому постараюсь быть наружно повеселее.

Ах, пусто, пусто, пусто.

Лидуся выходит замуж. Дай ей бог счастья, хоть я и очень боюсь, что оно недолговечно.

Милые мои подруги, какие славные письма я от них получила, а Ал. Ал. говорит, что переписка глупость. Да что же я бы стала делать без них, это моя единственная отрада.

24 сентября. 19 сентября скончалась Любочка Зверева: как это грустно, печально, первая из наших. Бедная, как она исстрадалась за эти полтора года болезни.

Как-то жутко становится — которая-то теперь на очереди, а она-то умерла 20 лет, буквально ничего не изведав в жизни. Собственно говоря, ведь это громадное счастье, но почему-то все ждут от жизни многого, и когда бы ни приходилось умирать, всегда кажется: вот еще бы немножко подождать и тогда-то и будет так хорошо.

Любочка, Любочка, милая моя, желаю тебе Там удовлетворения.

28 сентября. Станище. Вместо Крыма — в Станище, и чувствую себя прекрасно, по крайней мере, совесть спокойна.

На этот раз спасибо моему поверхностному характеру, что я так недолго грустила по Крыму. Но только пусть уж Мама не будет в претензии на отсутствие у меня светскости. Живя 8 месяцев не видя буквально никого, трудно сохранить светскость и даже просто привычку к обществу. Еще возможно, когда правда имеешь эту привычку, а когда привычки-то нет, когда прямо после института пришлось в городе прожить всего 4½ месяца, да и то бывая в обществе через час по столовой ложке, тогда на светскость манер не претендуйте.

Читаю «Бесы»[39]. Не могу сказать, чтоб мне очень-то это нравилось, — слишком уж тяжело читать эти отрывистые разговоры, неправдоподобные встречи всех действующих лиц. Но понравился мне очень разговор Ставрогина и Шатова ночью.

1 октября. Как возмутительна фальшь условностей нашей жизни, в особенности городской, в так называемом обществе. Даю себе слово отрясти это от себя.

12 ноября. Станище. Почему на меня произвело такое сильное впечатление газетное сообщение 7 октября о Б. Верховском, о том, что на воротах Ляояна была найдена прибитая обезображенная голова европейца, в которой многие узнали Бориса. Ведь никогда я влюблена в него не была, никогда им не увлекалась, а между тем все-таки впечатление было очень сильное, и больше всего подействовала на меня голова — обезображена. Бедный Борис, попал же он в эту Маньчжурию только для того, чтоб сложить там свою красивую голову. Красоты жаль. Ну да, одним словом, я решила тотчас же послать прошение о принятии меня в сестры. Но, подумав день-другой, я пришла к другим выводам. Надо ли мне туда ехать?

Все-таки знаний у меня нет, да и там главное уже сделано — Маньчжурия замирена. Моя твердая цель — медицинские курсы; лучше уж сразу туда поступить, и авось мне удастся поработать на пользу и с интересом. Жизнь семейная меня не привлекает, а отталкивает. К чему я стану связываться?

А вот после курсов поеду путешествовать, да не как-нибудь, а года на два, займусь серьезно медициной, авось выдержу экзамен дальше и тогда-то посвящу себя работе. Именно между окончанием курсов и окончательным погребением я хочу пожить, пожить как следует. И я не понимаю под этим каких-нибудь любовных приключений, а такую жизнь: путешествия, театры, галереи, рисование — одним словом, жизнь для себя, а потом работа вовсю.

Я эгоистка страшная и ужасно мало думаю о родителях, это гадко, но когда я буду доктором, я уже их не покину, да, впрочем, и они-то меня больше любят, когда я далеко.

Я у Лели. Вот это женщина. Я нарочно хочу это записать, чтобы, если буду жива, показать ее детям, когда вырастут. Для кого она работает, как не исключительно для них. При ее слабом сложении, при болезни почек она, невзирая ни на погоду, ни на что, ездит, ходит без устали. Так на днях мы путешествовали в Боровую[40]. С утра мелкий, еле заметный, но беспрерывный дождь. Серо, холодно. Укутавшись, мы едем в тряском шарабане по кочкам, колеям грязи. Там бродим с мужиками по болотам, корчевкам, кустам, которые ежеминутно стегают в лицо, затем едем дальше по громадному ляду[41] «без конца в длину, без меры в ширину»[42]. Я уж сидеть не могла и пошла пешком, так как шарабан прыгал, скакал, качался по всем этим пням и корягам. И все это с болезнью почек.

Джером К. Джером:

«Сколько лишнего набирает с собою человек в путешествие по волнам житейского моря! Массу друзей, которые не любят его ни на грош; лишнюю прислугу, дорогие и скучные удовольствия; формальности, притворство, страх перед тем, что “люди скажут”! Все это суета, господа, ужасная суета.

Бросьте ее за борт вашей жизни, и вы только легче вздохнете, и легче понесется ваша житейская лодочка. Бросьте, а то и не заметите даже действительной прелести жизни: ни прозрачного свежего воздуха, ни смелой и нарядной зелени весной, ни песни прибоя на песчаном берегу, ни любви молодой и чистой»[43].

Б. р. б. н. в. о. и. л. и. х. о. п. в. д.[44]

Что бы я дала, чтобы знать, жив он или нет, и чтобы остался жив. Не для меня, о нет!

27 ноября. Вчера приехала в Вильно. Начинается эта городская сутолока, и тяжело бесконечно на душе; не к месту я здесь, не к дому. Ну что-то зима эта мне готовит, чует мое сердце, что скуку страшную, грустно, грустно бесконечно. Так я чувствую себя от этого всего überdrussig[45], уйти бы куда-

нибудь от людей. И все фальшь и условности. Я не осуждаю людей, никого буквально.

Мне просто тяжело опять возвращаться к этой суетной жизни.

Вот чудный характер у Оли Плазовской. Как бы мне достигнуть такого же; так же оживлять всех и освещать все; а я, горемычная головушка, только мрак да грусть.

Ох охо.

7 декабря. Мне что-то не нравится быть в обществе. В прошлом году я от каждого собрания ждала интереса, теперь же я поняла, что ничего интересного быть не может, что интерес надо искать в собственных занятиях, в личном совершенствовании.

Было сообщение Орлова. Как это хорошо, и как симпатично он читал — так и переносил в тот мир, который меня так тянет. А судьба Бориса все неизвестна!

8 декабря. Мое поступление на курсы *необходимо*. Нечего думать о том обществе, которое я там встречу, а чем раньше я встану на свои ноги, тем лучше. Я к дому не пришлась, увы, следовательно, нечего портить жизнь другим. И чтобы не попрекали потом Китаем.

25 декабря. Вот прошел месяц, как я здесь, и в данный момент я могу сказать, что привыкла уже к жизни на людях.

1901

3 января. Мыслимо ли для меня какое-нибудь счастье?

Я понимаю, что начинать новый век и новый год таким эгоистичным вопросом скверно в высшей степени. Но с глазу на глаз сама с собой можно излить душу.

Мне кажется, я в этом уверена, для меня счастья быть не может. Вообще, как бы там ни было, мне кажется, что счастье для меня могло бы быть исключительно в любви, в любви бесконечной. Это для меня немыслимо. Мне прямо физически больно сознание того, что я не могу влюбиться целиком, увлечься. А почему? Потому, что в меня никогда никто не влюбится, меня никто никогда не полюбит. Почему это происходит — не знаю (ведь не хуже же я всех); я думаю просто, что я пустоцвет. Надо много будет времени, чтобы вытравить из меня эту жажду любви, жажду веселья и жизни, чтобы приучить меня к положению одинокой докторши.

Иногда мне все это кажется страшным пустяком, но в особенности после балов я прекрасно чувствую эту ноющую обособленность, жажду широты, увлечения безумного; и никогда-то, никогда я не буду иметь того, чем пользуются другие.

Ну да все равно. Если бы я только могла не копаться в себе, не анализировать малейшее свое ощущение. Ведь этот самоанализ прямо возмутителен — он мне ни минуту не дает покоя.

22 января. Жизнь, веселье, где вы, где вы? Ну да все равно. Мне хотелось бы каждый день писать дневник. Хоть несколько слов — я думаю, будет любопытно прочесть в будущем.

Вчера была в концерте Фострем. Как всякое лирическое колоратурное сопрано впечатления сильного не произвела.

Сегодня в школе, по покупкам, все то же самое, и все-то у меня времени не хватает для катка, гулянья и т.п.

Боже мой, Боже мой, жив ли Борис? Что б я дала, чтобы он оказался живым.

4 февраля. Никак не могу привыкнуть писать каждый день; ну запишу, что было на этой неделе. Понедельник не помню. Вторник — бал у Назимо-

вых; было очень весело, Алфред Кукель хочет, кажется, сосватать меня с Шауманом, по крайней мере, говорит об этом à qui peut l'entendre[46]. Есть ли хоть один молодой человек здесь, за которого я бы согласилась выйти замуж? Конечно, нет; я твердо уверена, что уже помимо того, что я *никому* не могу нравиться серьезно, я и по своей воле никогда не выйду.

Среда — была в театре со Стазей[47], шел «Эрнани»[48]. Хорошо, очень я люблю красивые лица, и вообще красота производит на меня сильное впечатление. Будь я мужчина, я была бы страшно влюбчива, т.к. не могу и так равнодушно смотреть на хорошенькие лица, женские или мужские — все равно.

Четверг вечером были у Веры Шенфельд. Бедная, бедная женщина, так мила, молода еще и прикована к такой гадости, как ее муж. И откуда она берет столько мужества, столько живости, веселости; или она уже примирилась со своей долей? Хотелось бы знать, верующая ли она? Может быть, она в вере черпает свои силы.

С четверга на пятницу (говорят, сны исполняются) я видела сон, что к нам приехали Глеб и Борис Верховские и я была очень рада возвращению этого последнего. Вдруг вчера узнаем, что Глеб и Петя Верховские отправляются на поиски. Что-то будет. Мне кажется, что он никак не может быть жив — а между тем — —.

Вчера были в театре — «Фауст»[49], пела Гелнер — премило, в высшей степени грациозно, изящно. Рассматривала я Сабурова. Он прехорошенький, и я нахожу — удивительно подходит быть третьим в ménage à Plusieurs или à Trois[50]. Представить его отцом семейства никак нельзя, а «первый любовник» бесподобный. Я, кажется, несколько наверстываю летнее одиночество.

Забыла пятницу. Каталась на коньках с О. Скалон. Она спросила, правда ли, что я выхожу замуж за Шаумана. Каково? а? Ей сказал Липкин. По утрам занимаюсь с Сашей, и меня мучит, что так мало. Из такого способного мальчика можно бы сделать гения, а я отношусь спустя рукава. Это гадко и прямо преступно.

Итальянский подвигается, латынь тоже.

Гамлет — К.Р.

Все не решен вопрос: что правит с большей властью,
Любовь ли счастием, или любовью счастье.

Кор. И не двоякая ль в молитве сила:
Предупреждать паденье и в паденьи
Прощенье даровать?

Слова стремятся ввысь, а думы долу бродят;
Слова без дум до неба не доходят[51].

26 февраля. Нет, слишком уж это embêtant[52] писать каждый день и описывать все, что происходит, потом так глупо перечитывать.

Грустно у меня на сердце, больно и неудовлетворенно. Сегодня было в газетах отлучение от церкви Льва Толстого[53], сегодня же мне рассказывали о студентах, присланных сюда в разные полки в солдаты[54]; совсем, говорят, мальчики, дети, и это детей-то такими розгами секут. Это так-то наша бедная матушка Россия вступает в XX век. Уж поистине многострадальная она, и остается ей молить Бога о своих надругателях — прости им, ибо не ведают, что творят. Я нахожу, Россию можно бы изобразить в виде высокого, здорового человека, вроде Ильи Муромца, в зависимости от каких-то крошечных пигмеев. И идет он себе вперед, не зная удержу, и сам не сознает ни мощи своей, ни красоты. А начальников его желчь разъедает и страх, чего страх непонятно, страх тупых и узких людей перед всяким новшеством, перед всяким смелым поступком. И связывают они его по рукам и по ногам, и заставляют помои носить, и позорят его передо всеми. Грустно мне и оттого, что так я мало знаю русскую историю; и щемит у меня от этого сердце, и хотелось бы все сделать, что в силах, для дорогой моей России. Люблю я ее, как человека.

Боже мой, великий и милостивый, выведи меня, укажи мне путь. Ты ведь видишь душу мою, я хоть ужасно пуста и легкомысленна, но ты видишь то немногое хорошее, что, быть может, есть во мне. Ты видишь, как мне хочется, чтоб жизнь моя не пропала даром, чтоб и я внесла лепту.

Помоги мне, Господи.

7 марта. Как относится христианство, исторически развившееся в строгий спиритуализм, к природе? — спрашивает Розанов и в конце статьи пишет: «Но насколько в нем (спиритуализме) есть порыв к осуществлению, он должен реализоваться, овеществляться, одеваться плотью, соединяться с кровью и, словом, как умерший человек есть расторгнутые плоть и дух, а живой человек есть соединенные дух и тело, так и *христианство придет в полноту действительности только тогда, когда пойдет по пути слияния божия и земного, без поглощения одного другим, для усиления каждого из них через другое»*[55].

И как подтверждение своих идей он приводит Достоевского, Зосиму, Алешу[56] и т.п. Приводит слова о том, что надо любить землю, ее красоту, ее

тепло, всю ее, одним словом, как любили эллины и иудеи. Во-первых, об эллинах и иудеях в Евангелии упомянуто совсем в другом смысле — несть эллин ни иудей[57], а затем мне кажется, что христианство именно можно понимать духовно. И Достоевский заставляет своего Алешу любить жизнь и землю только для того, чтоб он не перешел в крайний аскетизм. В нас и так настолько преобладает материальная сторона, что надо стремиться всеми силами к одухотворению, и только человеку, сумевшему подняться уже на известную высоту духовную, только такому человеку можно взглянуть на природу и, не боясь соблазна, созерцать в ней Бога. Мы же, простые смертные, живущие почти исключительно физическою жизнью, если мы себе усвоим эту теорию и станем гоняться по-эллински за красой мирской, природной, то мы увлечемся ею, и уже не «клейкие листочки»[58], не поразительная творческая мощь Бога в природе, не жизненная сила природы будет нас поражать, а мы увлечемся тою же эллинскою религией красоты, которая вылилась в статуях Венер, Юнон и т.д.

Жизнь так коротка, дни наши яко цвет сельний, тако оцветет[59], и цель ее самосовершенствование.

23 апреля. Оля Плазовская написала, что выходит-таки замуж. Если это не расстроится до 29-го, то мне будет очень жаль, и я ничего не жду хорошего от этого брака. Жена умнее и вообще куда выше мужа; что же будет через год, когда она его наконец увидит лицом к лицу? Впрочем, дай Бог, чтоб я ошибалась.

16 мая. Видела их вместе, ехала с ними от Борисова до Смоленска[60]; ничего, очень счастливы и милы, он, по-видимому, души в ней не чает, она дает себя обожать и, вероятно, отвечает. Mlle говорит, что он всегда будет у ее ног, это правдоподобно, и я немного успокоилась за судьбу Олэточки.

25 октября. Давно, давно не писала я здесь, милый мой дневничок. Мешала мне рассеянная жизнь, переезды с места на место. Теперь осень, зима готова наступить, природа переживает свои последние порывы, не хочется ей умирать, а суровый белый саван уже затягивает ее.

Мне опять тяжело и смутно на сердце, и я опять прибегаю к этим милым страницам, чтобы побеседовать с собой и выяснить себе себя. Это лето я провела приятно. Жизнь у Липочки — беззаботная, светлая — оставила по себе чудные воспоминания; мне кажется, там первый и последний раз я веселилась от души.

А кроме того, приятно видеть со всех сторон такое милое отношение. Не могу я привыкнуть к постоянной маминой ругани.

Конечно, мне были приятны отношения и Вавочки, и Васи, Миши и т.д., но в особенности первых. Милые мальчики, к которым у меня останутся самые хорошие чувства. Ну, да не стоит вспоминать летних впечатлений. Все это очень поэтично и приятно, а мне, между тем, скоро минет 22 года. Боже, Боже мой, как уж я великовозрастна.

А что я сделала?

Странно: обыкновенно мужчины, которые уже с колыбели приготавливаются к трудовой жизни, стараются как можно меньше делать и как можно дольше прожить в безделии. А мы, которых не готовят ни к чему другому как к выходу замуж, да и то плохо, мы мучимся своим бездельем.

Итак: надо же мне выбрать карьеру. Передо мною два пути: рисование и медицина.

На чем мне остановиться? Я рисование люблю всей душой, могу заниматься им бесконечно, но может ли из этого выйти что-нибудь? Или ничего больше, как быть барышней, рисующей тарелочки и ширмы. Мне кажется, у меня довольно удачно выходят портреты, я легко схватываю сходство. Но есть ли у меня настоящая способность к этому делу? Медицина как деятельность мне очень нравится, быть доктором — это единственная деятельность, дающая свободу совести. Что мне сделать? Эту зиму займусь рисованием, выйдет что-нибудь или нет? Боже мой! Помоги мне, помоги, укажи путь.

1902

1 февраля. Над моей жизнью я должна поставить крест. Моей личной жизнью. Сколько было у меня жажды жизни — все уничтожено родной матерью. Удивительно! Так систематично отравлять всякое молодое радостное стремление. Теперь, когда...

6 мая. Мы вновь в деревне со вчерашнего дня, и не могу сказать, чтобы очень ликовала. Удивительно мне тяжело на сердце, так тяжело, и никак не могу себе объяснить, почему это происходит; т.е. я прекрасно знаю, почему мне грустно, я только обманываю себя. Во-1-х, мне невыносимо вспомнить, как я провела эту зиму. Мне кажется, что я не уезжала вовсе, только моя поездка в Петербург стоит светлым пятном, но как-то вне времени и пространства, могла быть в этом году, или в другое время, или даже во сне, я не отдаю себе внутреннего отчета.

Эту зиму я провела между тремя женщинами: Лелей, Натой и Олей Скалон. Из них только последняя счастлива. Я их очень люблю, но быть только увеселительницей тяжело. Общества веселого, жизнерадостного я не видала, про домашнюю жизнь и говорить нечего, это прямо ад. Я Маму люблю, ценю в высшей степени ее ум, энергию, образование, вкус, но жить с ней больше не могу.

Почему она ко мне так относится? Она меня особенно не любит, хотя, по правде сказать, мне кажется, что, кроме Саши, она никого из нас особенной, «материнской» любовью не любит. А я тут еще стою живым укором того, что мною совсем не занимаются. Но чего я выносить не могу — это попреков о деньгах. Я, кажется, могу на стену лезть от одного упрека, а ведь это постоянная песнь о том, что я их разоряю. Каково? Они для меня жизни своей не меняли, а чем я виновата, что мама дешевле 90, 80 рублей платья не заказывает? Вообще, я такой жизни больше выносить не могу, не в силах. Ах, Борис, Борис, зачем ты умер?

7 мая. Весенняя ночь. Что за ужас — весенняя ночь. Луна закрыта тучами, темно, беловато-темно, а ветер стонет, воет, ревет и опять застонет; деревья раскачиваются, как привидение — черное, страшное на сером фоне. Это огромные ветви старой елки так и рвутся куда-то. Природа хочет воли,

жаждет жизни, она мятется, стонет, бушует. Такая ночь, я думаю, описана в «Воскресении». Нет, это не весенняя ночь, соловьиная, это буйная, страшная, жаждущая жизни и свободы.

Я не должна никогда связываться в жизни. Меня слишком глубоко оскорбляют малейшие оттенки грубости, не могу я жить среди людей, тяжело мне и грустно.

5 июля. Надо запомнить, что я пишу в настроении совсем спокойном: с мамой у меня отношения прекрасные, с тех пор как я объяснила, почему мне так тяжело дома. Что я ни к чему и никому здесь не нужна и при мамином энергичном характере не могу принять малейшее участие в чем бы то ни было. Мне тяжело всегда молчать и при малейшем звуке при посторонних слышать от нее (иногда и от Лели): «Люба, замолчи, ты ничего не понимаешь», а мне двадцать третий год. Мама все это поняла, и я думаю, что осенью меня отпустят. Есть ли у меня данные для рисования? Кто бы мог мне ответить? Если нет, то весною экзамен на курсы.

Это все прекрасно, но как же это тяжело сказать себе: ну, матушка, крышка, теперь впереди ничего светлого, никакого веселья, прощайся с молодостью. О, счастливые мужчины, и молодость-то для них бесконечна, а для нас? Да, впереди, быть может, у меня много радостных минут чувства выполнения долга, я к этому и стремлюсь, но все же тяжело сказать: прощай, молодость, которую и помянуть-то нечем; я начинаю верить, что счастье, хоть минуту счастья, дает только любовь, она одна может заставить забывать жизнь, а счастье только тогда, когда забываешь жизнь. А любовь для меня закрытая книга, которую судьба строго бережет от меня. Неужели же можно верить предчувствиям, я всегда была странно уверена в невозможности быть любимой и любить. Но довольно, что об этом-то толковать, теперь впереди борьба за существование, а ну как еще при всем этом судьба наградила меня папиным характером! О Господи, тогда я поступлю в Леснинский монастырь[61]. Ведь папа чудный, идеальный идеалист, но не человек дела, а мне нужно работать, много работать, пока я только allein, а уж если быть в жизни allein, то надо быть и frei. Allein и frei[62]. Да! Прощай же, моя молодость, прощай, хоть и не помяну я тебя ничем. Самые светлые воспоминания мои связаны с институтом, последние 3 года — самые лучшие в моей жизни.

Очень я благодарна Милочке за прошлое лето, несмотря ни на что, я с большим удовольствием вспоминаю Огарково и Клементьево[63], затем Станище. Вот и все, а в этом году вот уж одиночество-то.

Послало же небо нам Пингвина в наказание за грехи. Ну да все равно, не все ли равно! Всё всё равно; только надо бросить мне этот тон маринада, vinaigre aigri[64], который я приняла, надо, чтоб никто не заметил, как мне горько и тяжело на душе. А что-то моя Наточка поделывает? Ведь не стоит ее В.В. ее? Вот в чем вся соль моего несчастья. Почему не стоит — любят друг друга, значит, все хорошо, а если теперь любят хорошо, и всегда будут счастливы, как мама с папой.

18 июля, четверг. Больше не могу, еду к Леле, надо чуть освежиться. Этот почти месяц полного одиночества начинает чересчур уж тяготить меня. Днем, пока я занята рисованием, пока гуляю, все идет хорошо, я довольна и не хотела бы никого видеть, чтобы уж не прерывать занятий, которые мне не надоедают; но наступают сумерки, я играю на мандолине, и все еще ничего, я не думаю; но зажигают лампы, я остаюсь сама с собой, и делается до безобразия скучно.

Отчего, не знаю; нет, такой жизни, откровенно говоря, я выдерживать больше не в состоянии.

Я прямо не представляю, как Леля могла выносить, не рисуя; положим, на третий год она и вышла замуж, чтобы не проводить четвертого года в деревне. Это, положим, нерезонно, я должна найти другой [выход] и, кажется, нашла. Я еду в этом году в Петербург; решила давать уроки, хоть час или два в день. Это времени у меня много не отнимет, а вместе с тем даст рублей 25 в месяц. Что мне и надо. И заживу занятой жизнью.

По-видимому, я делаю успехи в рисовании. По крайней мере, портреты выходят у меня очень быстро, похоже и живо, но ведь у нас ни я, ни кто другой ничего не понимают в этом.

Уехать. В общем, это очень тяжело, расстаться с мамой, с папой, няней, Сашей, да, это очень тяжело; говорю совершенно искренно, что это меня смущает. Но что же делать? Надо же мне стать на ноги, ведь оставаться барышней, ничего не делающей, я больше не могу. Воспоминание об этих трех зимах в Вильне прямо кошмар.

Соглашаюсь с Толстым: ухаживание для женщин необходимая подмазка, без которой машина вертится плохо. Хотя я думаю, это не только для женщин, но и для мужчин. Тяжело, когда знаешь, что никто тобой не интересуется, ни для кого не составляешь *чего-нибудь*. Не любит человек жить в полном одиночестве, умственном также; по крайней мере, в молодости.

19 июля. II посл. Ап. Павла к Коринф., гл. 3, ст. 17. Господь есть Дух, а где Дух Господень, там *свобода*!

12 сентября

Мне жизнь вдалеке так всегда улыбалась,
Но Солнца напрасно всю жизнь дожидалась...
Он мне не блеснул, этот луч.

Казалось, вот-вот облака унесутся,
Заблещет природа и песни польются...
Не глянуло солнце из туч.

Широк небосклон, но нигде нет лазури,
Все тихо, все серо, ни солнца, ни бури —
Блесни же, блесни солнца луч!

Вон видишь, как даль голубая сияет,
То солнце любимцев своих освещает.
А здесь не блеснет этот луч.

26 октября

Идем вперед — блеснет рассвет,
Минует Ночь — тьмы вечной нет.
Вот солнца луч, идем скорее,
Тьмы вечной нет, гляди бодрее.

Надеюсь, что и для меня блеснул рассвет! Ведь в самом же деле, тьмы же не может быть вечной. Я в Петербурге, в школе Александра Маковского, в котором я заметила тот недостаток, что слишком красив и интересен.

Как все это произошло? Я и оглянуться не успела, как очутилась в Москве, потом здесь, затем у Вл. Е. Маковского, и наконец теперь папа уехал, а я здесь и с понедельника иду в Школу. Это будет 28-е. Меня это поразило. Когда-то, года два тому назад, я видела сон, что уезжаю куда-то совсем, кажется, с Борисом Верховским. Он меня ведет куда-то, я чувствую во сне, что это очень важно и что огромную важность играет число 28 октября. Теперь что ждет меня? To be or not to be?[65] Маковский обещает будущность, но правда ли это? Ох, Боже мой, помоги мне — и так хорошо на душе, легко, светло.

23 ноября. Вчера минул месяц, как я в Петербурге. Дни проходят так быстро, что буквально не замечаю, стараюсь поймать их и не могу, а вместе с тем кажется, что уже давным-давно я здесь.

Эти 3 года, проведенные мною в Вильно, кажутся мне чем-то никогда не существовавшим, я помню нескольких людей, Наточку, Олю Скалон, помню несколько балов, несколько отдельных фактов, более или менее интересных,

но в общем столько, сколько бы я могла запомнить и за один месяц пребывания, в общем же *жизни* я там не помню. Пустота, неопределенность, бесцельность, главное — именно бесцельность. Теперь же я чувствую себя совершенно иначе; мне кажется, так чувствует себя человек, спасшийся от крушения, выздоровевший после очень серьезной и опасной болезни. Легко и светло. Что день грядущий мне готовит[66], конечно, неизвестно, но дорога, по крайней мере, видна. Работать надо много, очень много. Выйдет из меня что-нибудь самостоятельное — это то, о чем я мечтаю. Если же таланта у меня не окажется, у меня все же широкая дорога впереди, а именно — школьная художественная деятельность. Теперь развиваются эти художественно-прикладные искусства, — и заняться этим развитием в массе, толпе, или, вернее, народе, вкуса, художественности, что, несомненно, имеет громадное влияние на общий уровень народного духа, — это так хорошо.

Потому что народное самочувствие слабо, тихо, чувствую я, что должна разразиться над нами страшная гроза, но она меня не страшит, она необходима, чтобы пробудить, встряхнуть, вызвать более быстрое кровообращение. А то тихо везде, сонно. Маковский жаловался, что и в академии настроение самое грустное, тяжелое; талантливости мало. Грустно это все. Читаю я «*Жизнь и школа*» Петрова[67] — как это все верно, хорошо продумано и сказано. Жатвы много, а делателей, людей на Руси что-то мало. Верно спрашивал недавно Розанов в фельетоне словами Гоголя: не ослабла ли казацкая сила, есть ли еще порох в пороховницах?[68] Про себя могу сказать, что у меня энергии на много хватит.

Мне тяжело думать, что я так далеко от наших всех. Леля, Саша, няня, я думаю, им без меня скучно, и я с нетерпением жду Рождества, чтобы их всех повидать. Но все же я счастлива, я давно не испытывала такого настроения, как теперь. Во-1), мне все время весело — даже странно как-то после этих трех годов, когда мне почти никогда не бывало весело, а вместе с тем ведь я не веселюсь. Помещение мое напоминает мне не то Béranger, не то Quartier latin[69] в смысле неудобств. Мансарда, за которую Аннушка и Ал. Ник. проклинают наследников, а мне чудесно.

Вспоминаю песенку Mlle Virginie Massel —

Combien je regrette:
Le cinquième étage
Tout rempli d'espoir
Au temps où j'avais l'amour en partage
J'étais bien heureuse près du Paradis[70].

Правда, я не имею l'amour en partage. Что же делать, не в кого мне влюбиться, такова уж, значит, судьба; те, кто мне могли бы безумно нравиться, вне сферы моего влияния, уже заняты, а бороться за любовь, отбивать — все это не в моем вкусе.

Итак, я очень довольна. Около 8 я встаю, в начале 10-го отправляюсь в школу, в 2 иду к чудесным старушкам Белозерским — клад, который мне послала добрая судьба. До 5 снова в школе.

Школой я довольна. Хороший или дурной это признак, но А.В. [Маковский] относится ко мне очень внимательно, он по получасу сидит у меня, говорит, объясняет. Вот *человек*, это редкость, т.к. людей ведь в общем мало на белом свете. Я его хорошо не знаю, но мне так кажется.

Талантов в школе немного; насколько я успела приглядеться, мне пока больше всех нравится Березовская как художник. В ней искра Божия горит ярко и, Бог даст, разгорится, она удивительно самобытна и непосредственна, в общем большой ребенок, но с светлыми, чистыми убеждениями.

У нас в классе пока талантов не замечаю, но чудесный ребенок Ясинская, такая душечка и наружно, и, мне кажется, внутренно. Кирилова ничего себе, талантливее других.

В том классе много типов. Симпатичный мальчик Диррихс. Такое милое, чистое личико. Толстой сказал, что женщине необходимо внимание, это верно, к своему несчастью подвержена этому и я, но пока довольна тем, которое мне там уделяют.

Маковский часто, почти всегда бывает в школе, и самые грустные минуты мои — это те, когда его совсем нет. Но что мне особенно нравится — это рвение, с которым большинство занимается своим делом. Да и немудрено. Рисование, живопись — это такое дело, которым нельзя не увлекаться, по крайней мере, для меня это единственная вещь, которой я увлекаюсь. Я это люблю всей душой. После Рождества непременно постараюсь оставаться в Школе до семи часов. Работать так работать, как следует. Меня все там ободряют и одобряют. Верить ли, нет ли, не знаю, но посмотрю и сама увижу. Боже мой, Боже мой, пошли мне сил, научи меня, покажи путь, в он же поиду.

1903

17 марта. Да, могу сказать, что эта моя жизнь вполне мне по вкусу, и если есть человек, которому на Руси жить хорошо, то это я. Говорят, кажется, что довольство настоящим — признак глупости, тупости, — но это мне все равно. Я только что просмотрела дневник — я подумала, что всей моей жизни и молодости крышка. А только здесь-то я и зажила как следует. Я занимаюсь порядочно, хотя Лебедев и говорит, что у меня все выходит легкомысленно, до 6½ или 7 остаюсь в Школе.

Вчера весь день провела с Мар. Вас. в Петергофе[71]. Жаворонки, свежий воздух, природа!

Бодрость, жизнь, надежда — это все счастье, даже без любви. Надо будет непременно подробно описать впечатления этого года. Больно уж хорошо, светло и, главное, потому, что всегда занята чудным делом, и цель есть, и дело, и надежда, и весело.

1917

1 марта. Стара я стала. На улицу не тянет, и я, пожалуй, с завистью смотрю на курсисток, разъезжающих на революционных автомобилях. Хочется или дела, или тишины. Хочу записывать дела наших дней. Прочесть будет очень любопытно лет через 5—10. Недаром же Россия — страна неограниченных возможностей. В Россию можно только верить[72]. Я всегда верила. Только в последние тяжелые времена Штюрмера, Протопопова и т.п. стала я падать духом. Неужели мы — вековечные рабы. Неужели мы всё стерпим, всё, растлимся без остатка. И вдруг. Наши кесари не найдут, по-видимому, себе Вандеи[73], на их сторону никто не встал. Печально такое паденье. Довести всех до того, что на другой день восстанья все офицеры идут с солдатами и церемониальным маршем проходят перед Родзянкой и добровольно разоружаются. Нет роялистов[74]. Но брошу-ка я рассуждения, будущее покажет, опишу эти дни. Их так мало, а кажется, вечность. Когда это началось? На прошлой неделе, кажется, значит, в двадцатых числах февраля. Начали, кажется, 23-го бастовать трамваи. Рабочие бастовали, собирались на улицах, ходили разноречивые слухи об усмирении их казаками. В субботу 25<-го> трамваи перестали ходить совсем, и днем, говорят, была стрельба на Невском, много было убитых. На думе (городской) стоял пулемет и расстреливал толпу. К вечеру это успокоилось, но в воскресенье 26-го стали ходить слухи, что полки отказываются усмирять рабочих, что казаки везде очень мирно ездят за толпой, а усмирители только полицейские, переодетые в солдатскую форму. Рассказывали, что у Знаменской[75] пристав отсек руку студенту, несшему красное знамя. Казаки же зарубили пристава.

27-го я была на службе в цензуре. На улицах в нашей стороне было тихо как ни в чем не бывало, и в четыре часа я пришла домой. Говорили только, что в Волынском полку[76] убит командир. К вечеру же начало выясняться, что дело становится серьезным и существует организация. Телефоны действовали плохо, но все же я узнала, что дума распущена, но не распустилась, Голицын в отставке, Протопопов сбежал будто бы, и Щегловитов арестован. Недолго поцарствовал бедный Иван Григорьевич. Только что аппетит разыгрался.

В начале 14-го года в Правоведении[77] был бал. Мы с Юрой и Сашей стояли и глядели на танцующих. К Саше подошел какой-то седой и бритый са-

новник и попросил пригласить дочь португальского посла. «Вас просит Ваша обожаемая начальница, надеюсь, Вы не откажете». Обожаемая начальница — это М.Ф. Щегловитова.

Полки один за другим переходят на сторону рабочих. Юрий пошел после обеда к Коллингвуду на Театральную площадь. Когда он возвращался часов в 9, неосвещенная площадь была пуста, усиленно обстреливался Литовский замок[78]. Пройти по Екатерингофскому[79] он не мог — казармы Гвардейского экипажа[80] были оцеплены, и экипаж сдавался. Слышны были выстрелы. Говорят, убили одного офицера, который стрелял в толпу. Вечером гвардейцы пошли брать 2-й Балтийский экипаж[81]. Там перестрелка была, по слухам, сильная. Говорят, что с соседнего страхового общества и из казарм за каналом стреляли. Экипаж был взят.

В 3 часа дня Тамара Верховская ходила в Павловский полк[82]. Солдат, дежуривший у ворот, и другие рассказали ей, что, вероятно, их скоро придут снимать, они боятся, что им попадет, т.к. кто-то из ихних стрелял. Вечером мы узнали, что и павловцы присоединились к восставшим.

Я страшно беспокоилась за Васю. Как офицерство будет реагировать? Взгляды Васины я знала, но как он отнесется, если к нему подойдет солдат и потребует оружие? Конечно не даст. Так мне казалось, и я надеялась, что Лида его не пустит в Штаб[83]. Поздно вечером мы вышли на улицу. Шла непрерывная трескотня выстрелов. Где стреляли, кто, никто не знал. Ощущение было очень странное: выстрелы, оказывается, вовсе не страшны и не громки. Стреляли мальчишки и подгулявшие солдаты в воздух.

28-го утром мы пошли к Васе на Галерную[84]. Везде стояли хвосты и очереди, конвоируемые солдатами. Кое-где стреляли. Ездили автомобили с красными флагами, с торчащими из окон винтовками. Вася оказался в Штабе. Когда мы вошли во двор, Лида, бледная, стояла у окна, ждала его. В страхе она решила идти за Васей и взять его домой во что бы то ни стало. По дороге мы встретили их вестового, который сказал нам, что Вася вернуться не захотел, что в 12 часов дня велено сдать (!) Штаб и он остается. Сердце упало. Но на самом деле оказалось все иначе. Хабалов, новый командующий Петроградским округом, издавший несколько неостроумных приказов, засел в Адмиралтействе с командой, поставил на крышу пулеметы и приготовился защищаться. Комитет дал знать в Штаб, что, если команда не будет выведена и не будут сняты пулеметы, Петропавловская крепость начнет бомбардировать Адмиралтейство[85]. Больной Григорович велел тотчас же все снять, и послали из Штаба офицера, георгиевского кавалера, для перегово-

ров. Заявили, что Генеральный морской штаб не может быть оставлен и т.д. Теперь на нем висит объявление, что Генеральный штаб находится под ведением и охраной Государственной думы.

Вася уходить не хотел, был спокоен, бледен, но сказал, что оружие снял. Пока мы стояли в швейцарской, офицеры стали уходить один за другим. Вышел и Угрюмов (который только что был архангельским генерал-губернатором). Тогда и Вася решил уйти. Мы пошли. Вася (капитан II ранга), адмирал Угрюмов и еще один офицер шли впереди, мы с Юрием и Лидой за ними, а верный Семен немного поодаль. Вели какие-то пустые разговоры. Лида спросила Угрюмова, при оружии ли он, и тот гордо заявил, что одет по статуту. Когда мы стали приближаться к Благовещенской площади[86], Семен осторожно сообщил, что на площади солдаты останавливают офицеров и разоружают. Мы посоветовали Угрюмову снять кортик и отдать его и револьвер Семену. Он и другой офицер быстро все сняли, и мы двинулись дальше. Вот тебе и Вандея. Никто нас не остановил. Почти все солдаты отдавали честь и становились во фронт Угрюмову. Но могу сказать, что была у меня la mort dans l'âme[87]. Когда мы пришли к ним, я села в передней и прямо встать не могла. Оказывается, когда мы шли, солдаты спросили Семена: «А ваши офицеры за старое правительство или за новое?» — «Конечно, за новое», — был ответ. Узнала я, что Саша приехал в это утро. Тоже принесла нелегкая. Он присылал к Васе за директивами, и Вася велел ему снять оружие и сидеть смирно в Гусевом[88]. Васина записка у меня сохранилась. Я решила идти за ним, но предварительно зашли домой. Саша был уже у меня. Он был страшно нервен и даже сказал: «Эх, зачем меня раньше не убили». Хотел идти искать Черкасова, своего командира. Ему, по-видимому, не вполне было ясно, что делать. Примириться и, так сказать, сдаться казалось оскорбительным. Я долго ему доказывала, что защищать не только une cause perdue, но une mauvaise cause[89] — странно. Хуже деморализовать страну, чем это делал Николай II, нельзя. Что бы ни было новое, оно будет лучше предыдущего и вернее нас приведет к победе. Саше казалось, что война проиграна, что все погибло и т.д. Я же уверяла, что только так мы и можем победить.

Кое-как я удержала его у нас до сегодняшнего утра, когда он ушел к Васе. И вчера весь день слышались выстрелы. Искали полицейских. Говорят, полицейские прятались по чердакам и оттуда стреляли, были обыски, были найдены и убиты будто бы городовые. Сегодня 1-го вслед за Сашей и я пошла на Галерную. Саша несколько успокоился. Он непрерывно звонил по телефону и узнал, что офицеры должны явиться в Зал армии и флота[90] за

инструкциями и удостоверениями. Вилькен же рассказал, что как только в понедельник был обнародован указ о роспуске думы, Голицын спешно подал в отставку и все министры за ним. Дума же осталась заседать, и вот октябрист Родзянко волею судеб стал народным трибуном, а Штюрмер, Протопопов, Щегловитов, Беляев и Добровольский сидят под арестом в думе.

Мы с Лидой пошли к нам. Издали услыхали мы звуки военной музыки на Екатерингофском и бросились бегом туда. Из гвардейского экипажа шли матросы, как оказалось, с вел. кн. Кириллом и всеми офицерами во главе. Шли в Думу.

Мы устремились тоже туда, но выбрали неудачную дорогу. Пошли по Садовой. До Сенной дошли спокойно, но тут шла стрельба. Гвардеец рассказывал, что из одного дома стреляли, когда проходили полки, и двое или трое из гвардейского экипажа убиты. Нам посоветовали скрыться, т.к. должны были начать пулеметный обстрел дома, только ждали конца обыска. Мы куда-то свернули, шли по опустевшей улице, т.к. все думали, что сюда-то и будут стрелять. Вышли на Офицерскую. Пройти на Театральную площадь оказалось невозможным, т.к. горела Казанская часть и сыскное отделение[91], говорили, что и там кого-то ищут.

Вернулись, пошли по Прачешному переулку. На перекрестке стояли двое солдат и беседовали с любопытными. Оба рослые, красивые, они рассуждали очень разумно. Когда бабы кляли полицию, солдат заметил, что они служили как умели и что если они теперь не стреляют в солдат, то и солдаты казнить их не станут, а пошлют только на позиции. Пусть гибнут от немецкой пули, а не от русской. Стрелявшие же будут преданы полевому суду.

Пошли мы по Мойке. Видели руину Литовского замка, всю закопченную огнем. Везде по улицам летает жженая бумага. Из всех участков, тюрем и т.п. выброшены и сожжены все бумаги.

Я рассталась с Лидой на углу Мойки и Алексеевской[92], и я пошла домой. С Сенной все время раздавались пулеметы, стреляли на Офицерской. Пройти по Лермонтовскому проспекту было невозможно. Слышалась ожесточенная перестрелка. Говорили, что на Эстонской церкви[93] пулеметы и по ним усиленно стреляли. Что-то говорили о почте, и душа у меня ушла в пятки. Шальная пуля могла залететь и в нашу квартиру. Там Вася.

Пришлось дойти до Крюкова канала. Только что подошла к Садовой, оттуда хлынула толпа, раздались выстрелы. Повернула опять по каналу, благо перестрелка у церкви прекратилась, и попала наконец на Канонерскую[94]. На фонаре висела шуба и шапка городового, самого же не нашли. Но клянусь,

если бы и нашли, на фонаре не повесили бы. Мне представляется, что не способен наш народ водрузить чью-нибудь голову на пику и ходить с ней. Не то. Душа, конечно, выше французской[95].

Теперь сижу дома. Последние слухи, что императрица сбежала, государя вчера пригласили в Думу, он обещал приехать — и сбежал. В Бологом[96] же был арестован. Теперь будто бы он также в Думе. Солдат рассказывал так: «Мы хотели проститься (?) с ним по-хорошему и встретили с хлебом-солью, но он отказался». Его попросили отречься от престола в пользу сына — регентом назначен Михаил Александрович. Предлагали Николая Николаевича. Но тот будто бы отказался, говоря, что стар и устал. Есть ли в этих слухах хоть доля правды, покажет завтра. Что-то будет? Солдаты будут довольны такому обороту дела, т.к. уже вчера поговаривали: а что-то нам будет. Но рабочие? Но социал-демократы, но агитаторы, провокаторы и немцы?

Узнаем ли мы вообще когда-нибудь истину, насколько немцы, с одной стороны, Бьюкенен, с другой, ont trempé dedans[97]. Если же все пойдет благополучно и с таким же энтузиазмом, как началось, и крайние партии примирятся пока на золотой конституционной середине и наступление покажет немцам, как плохо шутить с огнем, тогда, право, все страны должны преклониться перед нами. Недаром тот американец, чье письмо я только что читала в цензуре, писал: «It is the most wonderful country in the world»[98].

Солдаты сегодня на улицах просто трогательны. Любезны, предупредительны, ни одного пьяного, ни одного погрома. Саша говорил по телефону, что только что разгромил с матросами винный погреб. Что такое? Оказалось, он встретил матроса с бутылкой в кармане. Остановил, велел позвать унтерофицера, отобрали и разбили бутылку, обыскали других матросов и перебили все вино.

[21 октября 1949 года. Как обидно, что я тогда не продолжала мои записи. Но некоторые факты я помню так, как будто это было на днях. Не столько помню, сколько вижу, как вижу бледное, встревоженное лицо Лиды в окне, когда она ждала Васю из Штаба.

В один из первых же дней я решила сходить к Леле на Таврическую[99]. Мы жили на Канонерской. Вероятно, трамваи не ходили. Улицы были полны солдат и всякого народа, но уже было тихо, не стреляли. Толпы двигались к Государственной думе, т.е. к Таврическому дворцу[100]. На углу Литейной и Симеоновской[101] встретила Н.К. Цыбульского и А.А. Бернардацци. Последний был в встревоженном состоянии: «Я счастлив, — говорил он, — что мой

отец (может быть, дед) принял русское подданство. Я горд, что я русский! Какая удивительная, бескровная революция!»

Я шла с потоком людей, двигающимся к Таврическому дворцу.

По Шпалерной против сада[102] группа солдат вела к думе офицера, совсем молодого, с красивым, очень бледным лицом, он был без фуражки, с его шинели были сорваны погоны.

Все мы ждали свободу, почему же так сжималось сердце? Невесело было, и я не испытывала восторга Бернардацци. Меня обогнал грузовик, переполненный юношами и девушками, с ружьями, распевающими революционные песни. Я помахала им рукой, приветливо улыбнулась и тут же почувствовала всю фальшь своего жеста. Стало до боли стыдно за себя, и это чувство я очень остро помню до сих пор, и сейчас даже стыдно.

От весны и лета 17-го года осталось воспоминание постоянной грызни между Временным правительством и Советом рабочих депутатов, грызни между меньшевиками, эсерами и большевиками, бесконечная болтовня, блестящие речи Керенского, батальоны смерти, куда внезапно пошел Василий Порфирьевич Тиморев. Ему было уже много за 40, но этот удивительный человек заявил, что так как он единственный мужчина среди всей многочисленной родни, то считает себя обязанным идти на фронт. Ушел и пропал без вести. О том, что он жив, ранен и в плену, узнали лишь через год. Вернулся хромым. В первую же атаку, где он попал под перекрестный огонь, ему раздробили бедро.

Мы собирались на лето в Ларино[103]. Там начинались недоразумения с мужиками, и мама просила меня разузнать у высшего начальства, — что же прикажут делать — отдавать ли немедленно землю крестьянам или обрабатывать ее самим. Почему-то меня направили к Гоцу. Помню широкую лестницу, колонны, высокое окно, залитую солнцем площадку, очевидно, это был Таврический дворец. Брюнет Гоц заявил мне: помещики обязаны обрабатывать землю, собрать урожай; аграрный вопрос еще не разрешен.

Поезд был переполнен. На вяземский поезд всегда было трудно попадать, а тут еще толпы, тучи демобилизованных.

Ехала я с Васей и его няней Лидой. Провожали нас Вася (брат) и Юрий, отбывавший воинскую повинность в Финляндском полку[104]. В вагон, в свое отделение, мы влезли в окно. Верхнюю полку занимала добродушная тверская помещица, ехавшая с двумя мальчиками. Двинуться с места было нельзя. Все проходы были заняты солдатами, которые лежали и сидели на полу. Помещица отправила сына на рекогносцировку: можно ли попасть в убор-

ную. Он долго пробирался и, вернувшись, заявил: «Да, мама, можно, там только два матроса».

По дороге со станции Дёма, наш кучер, рассказывал, что мужики не дают пахать, мешают сеять. Крестьяне восприняли революцию как осуществление мечты о земле и воле. Им хотелось сразу же поделить всю землю, которая им уже так давно была обещана всеми революционерами.

Столкновения начались перед сенокосом. К нам как-то утром пришли крестьяне двух ближайших деревень — Шабалина и Шатилова, постоянно у нас работавшие и бывшие с мамой и нами всеми в самых дружных отношениях, говорившие при случае: «Мы ваши, вы наши».

Матери все это казалось настолько оскорбительным, что она не выходила к крестьянам, все переговоры вела я. Я выросла на глазах у старшего поколения, я для них была Любочка, в лучшем случае Любовь Васильевна. Младшие были моими сверстниками, мы подрастали рядом.

Я пошла с ними в клеверное поле. Среди этих, так сказать, своих крестьян затесался один чужой, из дальней деревни Клобуково. Тут я первый раз в жизни увидела у человека оскал хищного зверя. Этот мужик почему-то тоже претендовал на нашу землю, и когда он говорил, верхняя губа, дрожа, морщилась кверху, обнажая клыки. Казалось, он сейчас зарычит, как собака, у которой отнимают кость. Главным говоруном, демагогом был Иван Иванович Клюй; он живал в Петербурге, читал «Правду»[105] и дорвался наконец до возможности ораторствовать. «Вот видите, — говорил он мне, — в вашем стаде 250 коров». Шаблинские луга отделялись от наших только узенькой речонкой Дымкой. Пасущееся там наше стадо было у шаблинцев как на ладони, — в нем оставалось к 1917 году всего 37 коров после того, как по проискам милых соседей (помещиков) у мамы в 1916 году реквизировали для армии 24 дойных коровы (их зарезали и сгноили на ст. Дорогобуж[106]). Все это крестьяне прекрасно знали, но разыгравшаяся алчность удесятеряла в их воображении будущую добычу. Бедняги, они не знали, что им готовила судьба.

Я сделалась chargée d'affaires[107] моей матери, съездила за то лето в Смоленск, Вязьму[108], Москву. Я брала маленький чемоданчик, а в кармане лежал томик — «Сказки» Вольтера.

За то лето я перечла все эти contes: «Candide», «Le taureau blanc», «Lettres d'Amabed»[109] и др., упиваясь блеском вольтеровского остроумия и языка, особенно радовавших меня среди окружающей начинающейся разрухи и дурных известий с фронта. В смоленских учреждениях, конечно, как и везде, была полная неразбериха.

Молодые люди в защитных френчах и широких галифе, в блестящих высоких сапогах щелкали шпорами, изящно наклоняя вперед свой торс, как это было принято у правоведов и лицеистов. Почти все были евреи. Запомнила Шора. Он очень звенел шпорами и был изысканно любезен и аристократичен. Никто из них ничего не знал и не понимал.

Это было в начале мая. Встретила в Смоленске Николая Н. Лопатина, который рассказал мне всякие городские и политические сплетни и подарил медаль в честь открытия памятника Глинке[110] и его биографию, изданную в Смоленске[111]. Ездила в Вязьму. В вагоне встретила помещика нашего уезда Логвиновича, и так как я нигде не могла устроиться на ночь, он приютил меня в своей городской квартире. Мы проговорили почти всю ночь. Нам всем мерещилось огромное предательство на фронте, мы были подавлены неудачами и страдали от своего бессилия. Я даже написала злобное послание белыми стихами эсеру Чернову, который казался нам тогда главным предателем.

Логвинович показал мне курьезный документ, якобы найденный во время японской войны на убитом солдате-еврее. Это были постановления сионских мудрецов[112]. Раз в сто лет в Вене собираются еврейские цадики[113], проверяют, что сделано за истекшее столетие, и намечают, что надо делать в грядущем. Есть три силы, которые должны быть в руках Израиля: золото, печать и земля. Золото и пресса уже почти полностью захвачены, остается земля — Россия. Тут следовало нечто столь хитроумное, что я с трудом поняла и тотчас же забыла: в конечном счете земля попадала тоже в их руки.

После моей поездки в Вязьму в середине лета к нам прислали солдат для работы, крестьяне присмирели, помещики собирали урожай и стали даже ездить друг к другу в гости.

Дела на фронте были ужасны, немцы продвигались все ближе. Как-то к маме приехал крюковский управляющий графа Гейдена, немец. Он был очень бодро настроен. «Не беспокойтесь, Елена Михайловна, — сказал он, — скоро сюда придут немецкие гусары, и все будет хорошо». — «Я предпочитаю русских большевиков немецким гусарам», — ответила мать.

30 августа по обыкновению справлялись именины зятя и племянника, и мы поехали в Станище.

Пили чай на балконе. В это время принесли почту, и Леля, схватив газеты, стала читать вслух. Фронт, грызня и неистовства матросов. На «Петропавловске»[114] матросы арестовали несколько молодых офицеров... я закрыла лицо руками, не могла дух перевести, в смертельном ужасе ждала...

На «Петропавловске» был Федя Дейша, старший сын сестры, молоденький мичман, — свезли на берег и расстреляли — следовали фамилии — Феди среди них не было.

Много позже в Париже Вася (Яковлев) говорил мне, что эти анархические расстрелы первых месяцев революции совершались, казалось, по немецкой указке. Снимались все лучшие специалисты, начиная с адмирала Непенина, командующего Балтийской эскадрой, которого англичане чтили как Бога за его разведку. А Вася был dans le cas de le savoir[115].

Летом приехал Вася с женой проститься. Временное правительство командировало его в Париж к морскому агенту как attaché, специалиста по балканским делам.

При нем пришли крестьяне из Самойлова. Это была самая богатая деревня в округе. О чем тут речь шла, не помню, но помню, как Степан, умный, лет 45 мужик, схватясь обеими руками за голову, сказал: «Вот сколько бы ни работал — не устаю. А в волости от разговоров да обсуждений голова кружится, словно лопнуть хочет, дух спирает, устаю так, что сил нет, ажно в пот бросает». По маминой просьбе Вася вышел к крестьянам на крыльцо. Все это происходило под окнами моей комнаты, и я могла слушать и наблюдать.

Бабы стояли сзади, и пока их мужья вели политические разговоры, они любовались братом — уж до чего красив, до чего красив.

Предки самойловских крестьян, вероятно, были переселены при крепостном праве откуда-нибудь из чисто великорусских губерний. Рослые, красивые, хозяйственные, они выделялись среди остальных крестьян. Избы у них были высокие, из великолепного леса, а по другой стороне у них были в 16-м году каменные амбары. Теперь деревня пущена по миру, и остались в деревне древние старики (знаем это от самойловской Анюты Антиповой, живущей спокон века у В.Н. Кардо-Сысоева). Юрию также пришлось несколько раз ездить в волость — разговаривать.

Осень 17-го года: все усиливающаяся грызня, всеми средствами подрываемый авторитет Временного правительства. «Бред-парламент», как его называли, в нем только еврейские фамилии: Дан, Либер, Гоц... и переворот.

Странно и непонятно — никаких воспоминаний о перевороте 25 октября, совершенно никаких. Отголоски слухов об убийстве юнкеров и кадетов, защищавших Зимний дворец. Вероятно, предыдущими месяцами мы были подготовлены к тому, что произошло.

И сразу голод, столовые, спекулянты, оголение жизни. Полное разложение прислуг. Мы жили в четвертом этаже, из передней лестница вела наверх;

там была кухня и комната для прислуги. Там начались балы. Герои дня, матросы гвардейского экипажа, наши соседи, задавали там такого трепака, стоял такой шум и грохот, что все дрожало и дребезжало. Мне пришлось к ним раз прийти и честью просить вести себя потише. Они немного притихли.

Обе девицы в течение зимы нас покинули, соблазненные матросами.

Брестский мир[116]. Мучительное сознание позора, бессильная злоба. Несмываемый позор, от которого никуда не спрячешься. Недаром же в Бресте застрелился генерал Владимир Евстафьевич Скалон. Я хорошо знала его брата Николая Евстафьевича и слышала от него подробности. Я ехала в трамвае, рядом сидела молодая дама с милым бледным лицом, под вуалькой. Она меня что-то спросила по-французски, я ответила. Оказалось, француженка, и сразу же заговорила о мире, «c'est lâche, c'est lâche»[117], — повторяла она, и слезы градом катились и у нее, и у меня (я запомнила — мы ехали мимо Летнего сада).

Шла по Гостиному двору, навстречу два военных, идут молча, низко опустив голову. Хотелось опустить голову и никогда больше не подымать ее. Убийство больных, спящих Шингарева и Кокошкина потрясло всех, всю интеллигенцию. Какие-то латыши-солдаты пришли ночью и пристрелили спящих; что могло быть ужаснее, и подлее, и страшнее? Что могли мы ожидать в будущем? В день, когда были назначены их похороны, я вышла на Невский, около Литейной. Огромная толпа двигалась к кладбищу; густой серый туман низко спускался над людьми, над домами; головная часть процессии тонула в этом тумане, сумрак спустился над городом.

А в Ларине осенью 17-го года произошел следующий случай. В один прекрасный день к маме пришла дьячиха Ольга Петровна попрощаться, за ней пришли и бабы-работницы тоже прощаться. Оказывается, по Ларину прошли двое мужчин и сказали, что сегодня ночью вашу барыню убьют.

Ни о какой защите они не помышляли; раз сказано, значит, так и должно быть. Мама имела возможность в тот же день уехать в Петербург к нам, организовать защиту... Вместо этого, поужинав, она села, как всегда, к столу и погрузилась в чтение. Прислуга и староста помещались далеко, в противоположном конце дома. Дом наш растянулся в длину, а в ширину помещались только две комнаты. Столовая, где мама всегда читала, выходила на балкон, дальше шел цветник, старый парк, спускавшийся к Днепру. Столовая соединялась с гостиной широкой, всегда открытой дверью. С этой стороны за березами и каретником шла проезжая дорога. Стреляй откуда хочешь. Мама долго читала, устала, захотелось спать. Она пошла в спальню,

легла не раздеваясь. «Я подумала, зачем же раздеваться, если должны убить». Крепко заснула и благополучно проснулась на следующее утро жива и невредима. Никто не приходил. Какое надо иметь мужество, чтобы так ждать смерть!

У нас в Петербурге начинался голод. Теперь, пережив блокаду, я понимаю, что это был еще не настоящий голод, голод, от которого за 3 года погибло 2½ миллиона людей[118]. Но переход от полного изобилия, достатка к исчезновению хлеба, мяса, молока и многого другого был тяжел, мучителен. Поиски продуктов, очереди за кониной (ее звали маханиной). Истощенные лица. Запомнилось мне одно лицо. Это был, как мне казалось, мелкий чиновник. Небольшого роста, в темной крылатке и котелке, лет 45—50. У него было круглое, одутловатое, отекшее лицо желто-воскового цвета. Круглые карие глаза. Он всегда шел быстро, сутулясь и исподлобья глядя на встречных глазами, полными ужаса, смертной тоски. Я встречала его часто в конце Невского, у Штаба, потом он исчез — вероятно, умер. Называли целую семью, не то Нольде, не то Нолькен, отец, мать и дочь покончили самоубийством. Впоследствии, когда я бывала у мамы в Дорогобуже, она говорила, что у всех приезжающих из Петербурга и Москвы ужас в глазах.

Однажды, вероятно, в начале весны 18-го года, мы были у сестры. От голода нервы мои были в таком состоянии, что от малейшей шутки я обижалась и плакала. Ничего не могла с собой поделать. В это время приехал Федя из Кронштадта[119], привез несколько буханок черного хлеба и сливочного масла. Мы все набросились на роскошное угощение. С первым же куском хлеба с маслом я почувствовала, как у меня все умиротворяется в душе.

Зимой вернулась с фронта Ната Кузьмина-Караваева. Всю войну она была старшей сестрой санитарного поезда, вывозившего раненых с Карпатского фронта. Неужели она не записала всего того, что видела, пережила, перечувствовала за ту мучительную войну? Она много рассказывала нам. Мне всегда казалось, что она ищет подвига себе по плечу и все, что она ни делала, все оказывалось слишком мелким для ее сил. На последнем и самом трудном она и умерла в 40-м году.

Начала она с того, что когда приехал сюда первый французский авиатор, делающий мертвые петли, кажется, Пуаре, и спросил на аэродроме, где должен был показывать свое искусство, нет ли желающих лететь с ним вместе, на это отважилась одна Ната. По приезде с фронта она продолжала работать в Красном Кресте. Посещала тюрьмы, имела доступ ко всем арестованным. Ее друзья и знакомые по ее просьбе развозили пищу в тюрьмы. Помню себя

и Т.Г. на извозчике с огромными бидонами, которые мы везли в Кресты[120]. Возили суп, кашу, пироги. Разрешали носить пищу в камеры, но это обязывало посещать и убийц Шингарева и Кокошкина, и поэтому все отказывались. Министры Временного правительства сидели в Петропавловской крепости. По поручению Юрия я отнесла в крепость большую коробку папирос Терещенке. Когда Юрий поступил в консерваторию, Глазунов, Каль и др. обращались к Терещенке с просьбой помочь талантливому юноше, помочь, как они писали, «молодому орлу расправить крылья». После чего ежемесячно Юрий получал из конторы Юнкера[121] 100 рублей.

Терещенко выпустили зимой, он дал за себя выкуп: чек на 200 000 рублей на Киевский банк, и бежал. Киев тем временем был взят белыми, и банк уехал. Целую ночь я штопала солдатское обмундирование Юрия, которое Ната должна была передать Терещенке. Они были примерно одного роста. В какой-то шов я зашила кусочек янтаря, на счастье. Ната рассказала о Пуришкевиче. Пуришкевич был переведен в тюремную больницу. Неожиданно за ним приехало несколько матросов, чтобы перевезти в другое место. Пуришкевич потребовал начальника тюрьмы и заявил, что матросы, очевидно, хотят его пристрелить и будут объяснять свой поступок его попыткой к бегству. Поэтому он предупреждает, что никаких попыток он делать не будет. Матросы повезли его, долго возили по городу, шептались между собой и привезли обратно.

В каком-то учреждении Ната встретила одного бывшего чиновника, служившего в канцелярии ее отца в Иркутске, и генерала Селиванова, иркутского генерал-губернатора! Он в очень многом помогал ей.

Сколько она в то время делала добра. Тогда уехал Федя. Ходила она в черной кожаной куртке, черной сестринской косынке. Была очень хороша собой. Высокая, стройная, с огромными пепельными волосами, дивным цветом лица.

Осенью 18-го года она тайно уехала с матерью Терещенки и младшим ее сыном через Финляндию, а на следующий день пришли ее арестовать.

Несколько месяцев спустя я была в их квартире на Мойке, недалеко от Литовского переулка[122]. Там помещалось какое-то учреждение[123], — были голые стены, все было заплевано и загажено. Мебель Наты резного ореха была вывезена из Венеции.

Незадолго до отъезда Ната зашла к нам с Mme Терещенко, которая просила меня разрешить ее племяннику переночевать у нас. А потом конфиденциально: дайте, пожалуйста, ему тоже кусочек янтаря. Ваш янтарь так помог

моему сыну. Перед моим отъездом за границу в 24-м году я убирала книги, взяла Достоевского (у меня юбилейное издание большого формата), раскрыла и ахнула. Я совсем забыла о его содержимом. Он был весь переложен официальными бланками с просьбой оказывать содействие...

Муж Наты Аглай Дмитриевич Кузьмин-Караваев был расстрелян на юге весной или летом 18-го года зелеными[124]. Я была на панихиде по нем.

В начале весны, в чудный солнечный день мы шли с Надей Верховской через Поцелуев мост. Только что прошла Нева, каналы очистились ото льда. Мы шли по левой стороне, направляясь к Неве. По правой же на мосту и по обеим сторонам Мойки толпился народ, смотрели вниз. С той стороны на нашу перешла девочка лет 8, 9. Я спросила: «Что там случилось?» «Юнкерей ловят», — равнодушно ответила она.

В апреле 18-го года мама получила следующее извещение из Смоленска: «Сообщаю Вам, Елена Михайловна, что на основании основного закона о социализации земли бывшее Ваше имение подлежит распоряжением Вяземского уездного комиссариата земледелия между трудовым крестьянством, что Вы скоро увидите сами. 1918 г. 18 апр. Н.П. ...» (подпись неразборчива).

Что должно было быть сделано между трудовым крестьянством, осталось невыясненным, но трудовое крестьянство так и не получило Ларина. Мама съездила в Вязьму и сумела доказать, что из такого культурного, хотя и небольшого, имения надо сделать совхоз, т.е. казенное имение. Там впоследствии держали молодой скот, а в гейденовском Крюкове крупный. Там еще долго жила наша бывшая горничная Моника как специалист по птицеводству и кучер Дёма.

Дёма был поэтом в душе. Как-то я с ним возвращалась от соседей. Была тихая лунная ночь. «Ночь-то какая благодатная», — вздохнул Дёма.

Моника жила у нас очень долго. Она была из Вильны. После смерти отца в 12-м году мама стала жить круглый год в деревне, Моника осталась с ней. Однажды она мне написала, жалуясь на несправедливости и тяжелый мамин характер: «Я бы давно ушла, — писала она, — да старых индюков жалко». Индюки птица нежная, но Моника их выхаживала и выращивала замечательно. По Ларину всегда прогуливалось несколько индеек с огромными выводками. Позже, уже после отъезда матери из Ларина, крестьяне пытались поджечь имение, надеясь, что, если будут сожжены все постройки, совхоз будет уничтожен и земля перейдет к ним. Сгорело два сарая на окраине, и это, конечно, не привело ни к чему. Так было сожжено очаровательное имение

Рагозное[125] (Шагаровых) с домом с колоннами, типичной постройкой начала XIX века. Он был построен из дуба и горел чуть ли не месяц.

1918 год. Несмотря на социализацию, мою мать пока не выселяли, и на лето мы поехали в Ларино. В последний раз.

В 1917 году издательство «Альциона»[126] (А.М. Кожебаткин) заключило со мной договор на издание «Зеленой птицы»[127] Гоцци в моем стихотворном переводе и с моими иллюстрациями. Юрий с Васей и новой няней поехали вперед, а я заезжала в Москву для переговоров с Кожебаткиным (издателем «Альционы»). А в Петрограде в это время, летом 18-го года, свирепствовала холера, и кажется, тогда умер от холеры молодой поэт Коковцев, родственник Лермонтовых, которого я у них встречала.

Я очень увлекалась этой работой, делала рисунки в стиле XVIII века, в то же время пользуясь теми набросками и композициями, которые делала еще в 12-м году после поездки в Рим. Там я познакомилась с Гоцци, и тогда же, в 12-м году, Петтинато прислал мне Fiabe[128] Гоцци.

Со станции ехала на телеге с богобоязненным стариком, который, помню, все повторял: «Лукавые времена настают, ох, лукавые!»

Настроение у крестьян совсем переменилось. Ходили они, понуря голову. Переменилось и их отношение к нам. Приносили яйца, сострадали. Заносчивости и агрессивности 17-го года и в помине не было, чувствовалось большое разочарование, комиссары имения были не то что старая барыня. Бывало, попадет скотина в хлев, придет за ней ее хозяин, барыня пожурит, постыдит, наговорит жалких слов, он постоит перед ней, почесывая затылок, повинится и получает безвозмездно скотину обратно. А теперь рубли плати!

Мы все же занимали весь дом по-старому; комиссар, крестьянин, присланный из Вязьмы, жил не то на кухне, не то в девичьей, не помню. Лошадьми мы пользоваться не могли, кажется, оставлена была в наше пользование одна корова. Когда стали поспевать яблоки, мы их покупали. Постепенно комиссары (их сменилось несколько человек за лето, — все они проворовывались) вымогали у матери все, что могли и на что, собственно говоря, не имели права, отобрали, например, Сашино английское верховое седло. Хлеб стали печь с мякиной, с «кыльками», говорили рабочие, так что легко было занозить рот при еде.

В середине августа из Вязьмы пришла бумага-извещение, которая гласила, что дочь землевладелицы Яковлевой должна немедленно выехать с семьей из имения Ларино. Требовалась расписка. Я на этой же бумаге расписалась: «Прочла с удовольствием. Л. Шапорина, рожд. Яковлева». Мама и Юрий

смотрели мне через плечо. «Что ты делаешь, — возопил Юрий, — тебя расстреляют». — «Нет, они ничего не поймут и не обратят внимания на мой плагиат — ну, а если поймут...»

К маме несколько раз приезжала из Вязьмы очень милая и доброжелательная барышня из вяземского отдела земледелия, — она рассказала, что у них поняли мою остроту и много смеялись. Дело в том, что так, по слухам, имел обыкновение подписываться на бумагах государь Николай II.

Надо было уезжать из родного, милого Ларина. Лошадей и экипажа нам не дали. Мы сговорились с Ваней Французовым, мужем моей подруги детства и кумом Вали. Их хутор Тимошино был верстах в двух от нас, за Дымкой; лугами еще ближе.

Накануне отъезда Валя пришла к нам, ей был дан окорок, который она обернула, положила за пазуху, запахнув поддевкой, как ребенка, и унесла к себе лугами. Приходилось красть у самих себя. Отслужили панихиду на могиле отца. Приехал Ваня с двумя подводами. Мы уселись на сено и поехали. Под этим сеном был спрятан окорок. Вася, ему было 3 года, был в восторге: Ваня дал ему концы веревочных вожжей — он правил.

Встретили по дороге знакомого мужика. Он остановился и долго качал укоризненно головой: «Не могли своих лошадей-то дать, до станции доехать!»

Перед моим отъездом я разобрала все книги и уложила все то, что моя мать могла увезти с собой в случае выселения. Мы решили оставить в Ларине лишь такие книги, как Добролюбова, Чернышевского, Решетникова.

Крестьяне настаивали на том, чтобы «старую барыню» оставить в Ларине, но высшие власти на это не пошли, и через месяц после нас мама получила распоряжение выехать. Ей дали лошадей только доехать до Погорелова, которое находилось в трех верстах от Ларина за Днепром, в Дорогобужском уезде, причем дали, конечно, не коляску, а шарабан и телегу для вещей. Мать остановилась у садовника Михаила Ивановича, который и помог ей доехать до Дорогобужа. Здесь мама нашла комнату у родственников крюковского сыровара Гфеллера.

Мы вернулись в Петербург. Надо было строить жизнь заново. Гусевский дом был отобран. Ларина не существовало. Твердая земля ушла из-под ног. Надо было зарабатывать средства к существованию, надо было что-то придумать. Весной 18-го года Юрий кончил консерваторию. Рояль, высшая награда, был присужден Бику, уехавшему впоследствии за границу и, кажется, бросившему музыку. Знакомый устроил Юрия на службу в водный транспорт, где он и проработал несколько месяцев.

По приезде мы как-то зашли в «Привал комедиантов»[129] к Борису Пронину. Восторженно-радостная встреча. Борис был всегда восторженно настроен; по винтовой лестнице поднялись в маленькую, уютную комнату, где уже находились Шилейко и Виктор Шкловский. Шкловский был в военной форме, помнится, в солдатской куртке, с Георгиевским крестом на груди. Он ходил взад и вперед по комнате, скрестив по-наполеоновски руки. Шилейко его поддразнивал. Говорили о ген. Корнилове, тогда началось его наступление на Петроград. «Мы выйдем его встречать с цветами», — говорил Шилейко. «Вы, конечно, — обращаясь ко мне, отвечал Шкловский, — как все женщины, готовы целовать копыта у коня победителя». Маленький Шкловский хорохорился. Он рассказывал, что крест получил от Корнилова, но будет бороться против него до последней капли крови. «За здоровье его Величества», — поднял бокал Шилейко и чокнулся со мной.

Владимир Шилейко был очень талантливый поэт и египтолог, рано погибший от туберкулеза. Очень красивое лицо, напоминавшее изображения Христа, красивые руки с длинными пальцами.

Надо было что-то придумать. Я все думала, и наконец меня озарила мысль, я даже помню, что я в это время шла через мост у Эстонской церкви и остановилась, настолько мне понравилась моя идея: надо создать народный кукольный театр! В 16-м году Н.В. Петров почти организовал театр марионеток. Построил сцену, обучил В.С. Ухову и В.Г. Форштедт, кончивших театральную студию Александринского театра. Я для него перевела «Зеленую птицу» Гоцци (легко сказать!), писала декорации. Наталья Сергеевна Рашевская шила костюмы (тогда начинался их роман)... но он, поссорившись с Александринским театром, ушел оттуда, собрал труппу и уехал в провинцию.

Я встретила моего приятеля К.К. Кузьмина-Караваева, рассказала о своих планах, ему эта мысль понравилась, и он обещал свою помощь. Он заведовал тогда художественной частью Отдела театров и зрелищ (ПТО, Петроградский театральный отдел), во главе которого стояла талантливая, умная и еще красивая Мария Федоровна Андреева, жена М. Горького. Ее секретарем или управляющим делами был Петр Петрович Крючков, заслуживший впоследствии такую печальную славу.

В ту осень моя сестра переехала в Вязьму на горе себе и главным образом детям. Мой зять, сенатор А.А. Дейша, скончался весной 18-го года. У них была большая квартира из 10 комнат на Таврической. Сестре предложили очистить квартиру и переехать в меньшую, что, конечно, и надо было сделать, и жили бы они припеваючи до сих пор на свою обстановку. Девочки могли бы кончить образование. Сестра моя, никогда не признававшая ни-

каких и ничьих советов, решила, что в Вязьме «мужики их прокормят», всю обстановку, все, все сдала в Кокоревский склад[130] и уехала налегке в Вязьму. Кокоревские склады были вскоре реквизированы, и там пропало все имущество как сестры, так и матери. Между прочим, там пропали два рисунка Левитана[131], детские портреты сестры и мой чудесный китайский костюм, присланный мне в 1905 году из Маньчжурии. В Вязьме они жили в ужасающих условиях, голодали, переболели испанкой и сыпняком. Люба 14 лет принуждена была сразу же бросить ученье и поступить на работу, работала в двух местах, была для пайка суфлером в солдатском театре. Надя хоть успела до этого кончить гимназию. Мама приехала их навестить и говорила, что на Любочку жаль было смотреть. За водой ей приходилось ходить на реку. Она несла тяжелое ведро и шаталась от усталости, как былиночка.

Домовладельцы были упразднены, их управляющие также. Образовались «домкомбеды», т.е. домовые комитеты бедноты, председатели этих домкомбедов управляли домами и ежеминутно проворовывались. Запомнился один из них, Моисеев, человек лет 35—38, пресимпатичный, продержавшийся сравнительно дольше других. Он часто заходил к нам, приносил нам то варенье, то какое-нибудь другое лакомство или что-нибудь в том же роде. «Вы мне очень нравитесь, — говорил он, — такое поэтическое семейство!» Где он раньше служил, неизвестно, но он, захлебываясь, рассказывал нам о своей прошлой жизни. «Как я жил! Взятки брал, у Палкина[132] ужинал, на тройках катался».

Однажды он зашел и предложил мне купить для нас дров. Дров в продаже не было. Все кололи свои столы и шкафы, ютились в одной комнате. Приобрести дрова было верхом блаженства. Но денег у меня не оказалось. «Ну хорошо, — сказал Моисеев, — я вам на свои куплю». Он собрал деньги со всех жильцов в двух домах и бесследно исчез!

Электричество почти не горело, давалось, кажется, на час, на два. Если же электричество горело весь вечер и ночь, сердца обывателей сжимались в смертельном ужасе: это означало, что в квартале шли обыски. Был обыск у Тиморевых. Нашли Люсиного плюшевого мишку, одетого в военную форму, содрали с него погоны. На нашей лестнице было несколько обысков, нас Бог миловал; вероятно, у нас была прочная репутация «поэтического семейства». Юрий был страшный трус. В мое отсутствие он сжег Сашин правоведский мундир и треуголку и выбросил в Фонтанку два моих маленьких револьвера, а пару старинных пистолетов отдал в бутафорию театра.

Организация кукольного театра заинтересовала М.Ф. Андрееву, и 1 декабря 1918 года началась моя работа. На Литейном, 51 была экспериментальная

студия отдела. Создана была коллегия, ведающая творческими делами студии. В нее входили, кажется, Михаил Алексеевич Кузмин (литературная часть), Ю.А. Шапорин (музыка), Константин Юлианович Ляндау и С.Э. Радлов, архитектор С.С. Некрасов и я — Кукольный театр. Собрания этой коллегии были очень интересные (у меня сохранился лист бумаги, изрисованный Кузминым во время заседания нашей коллегии)[133]. Эти первые годы революции были порой энтузиазма, огромного подъема творческой энергии, которая с особенной силой проявлялась в театре. Кого-кого я только не встречала в Отделе театров и зрелищ. Кроме упомянутых членов коллегии и К. Кузьмина-Караваева, работавшего под псевдонимом Тверского, Николай Степанович Гумилев, В.М. Ходасевич, А. Ремизов, И.А. Фомин, В.А. Щуко, Марджанов, В.С. Чернявский, Бобиш Романов, Лопухова — все работали там.

Сейчас, вспоминая кипучую театральную работу этих лет — 18, 19, 20-го <годов>, — просто диву даешься, когда представишь себе, что творилось в это время в стране. Россия была зажата в кольцо всевозможных интервентов, западных и восточных хищников; шла кровопролитная Гражданская война (удесятеренная Вандея!), голод — получали восьмушку хлеба, сыпняк, террор, — а в Петрограде создавался Большой драматический театр[134]. Мы ставили с марионетками «Вертеп» Кузмина[135] и «Царя Салтана»[136]; в Театре-студии шла пьеса Адриана Пиотровского «Саламинский бой»[137], где полуголые актеры в греческих костюмах играли при четырех градусах тепла, а может, и меньше! Встречаю в фойе театра Литейный, 51 глубоко возмущенного красивого актера Сафарова в греческом костюме с накинутой поверх шубой. «Вы подумайте, два градуса тепла при моих данных!!!» — возмущался он. Непонятно! Помню еще пьесу «Бова Королевич»[138] — автора забыла. Михаил Алексеевич Кузмин как-то мне сказал тогда со свойственной ему жеманностью: «Россия похожа сейчас на квартиру, где кухня посередине — и всюду чад». И вот, несмотря на этот чад, работалось и изобреталось с неиссякаемой энергией и все принималось, только изобретай, только работай. Много делалось хорошего, много и плохого. Встречаю как-то Натана Альтмана на Васильевском острове: «Как поживаете, что делаете, над чем работаете?» — «Разрушаю Академию», — ответил Альтман. А что из этого вышло!

А голод все усиливался. В лавках стали продавать конину (маханину), но и ее достать было очень трудно. Перед Пасхой 19-го года я долго-долго искала кусок конины, чтобы разговеться в Светлое воскресенье, и была очень счастлива, найдя на каком-то отдаленном рынке фунта три ее. Хлеба выдавали очень мало, не помню точно, какое количество, чуть ли не восьмушку

в день. По деревням были разосланы рабочие продовольственные отряды, а на железных дорогах грабили пассажиров заградительные отряды. Из-под Вязьмы какая-то баба, продав единственную корову, отправилась в хлебные места и купила муки. Сколько она привезла ее для своего семейства, не знаю; известно только, что «заградители» у нее все отобрали, а она с отчаяния бросилась под поезд.

Поездка за хлебом была сопряжена с величайшими трудностями и опасностями. Шла кровопролитная Гражданская война. Люди попадали в окружение, отсиживались где-то, пока Красная армия вновь теснила белых. А что делалось в вагонах! Оля Плазовская чуть не год пропадала невесть где, поехав на юг за продуктами.

Осенью 18-го года Юрию казалось, что надо бежать из Ленинграда. У меня сохранилось его письмо к маме от 1 октября 18-го года: «Люба мечтает о переезде в Дорогобуж... Я постараюсь побывать в Смоленске и узнать о возможности получить службу в культ[урно-]просв[етительских] организациях. Здесь сырость, холод. Сегодня купили вязанку дров за 16 рублей. Пришлось стоять в очереди с 6 до 9 часов утра под дождем»[139].

Потом, не помню когда, Юрий решил переселиться на Украину, т.к. он родился в Глухове Черниговской губернии[140], — очень уж пугал голод и холод. Я же всегда придерживалась мнения, что в минуты серьезной опасности бежать не следует. («При переправе через реку нельзя менять лошадей», — сказал кто-то[141].) С декабря 18-го года мы начали работать в Театре, и вопрос о бегстве отпал сам собой.

Перед празднованием первой годовщины октябрьского переворота (18-й год) все художники были призваны украшать город, предвиделся заработок. Тиморевы работали в бригаде Добужинского; Елизавета Сергеевна Кругликова, Елизавета Петровна Якунина и я, мы писали на красных полотнищах какие-то лозунги и плакаты по эскизам Н. Альтмана в Зимнем дворце, ползая на животе и хохоча до упаду. Здесь и началась моя дружба с Якуниной.

Из газет до нас доходили сведения о кровопролитной Гражданской войне, мелькали имена Каледина, Краснова, Корнилова, Колчака, всеми силами души мы сочувствовали им и надеялись... — это я хорошо помню. Я по уши погрузилась в театр марионеток да еще в поиски пропитания, — Васе было три года. Ни молока, ни мяса, ни хлеба. Помнится: баба продает молоко в каком-то закоулке в районе Клинского рынка[142]. Около нее несколько человек в очереди. Вася болен. Наступает наконец мой черед. Баба наливает подошедшим со стороны. «Почему же вы мне-то не даете молока?» —

«А вот погоди», — наливает еще и еще. Я чувствую, что мне молока не хватит. Опускаю низко голову, потому что не могу удержать слез. Эту сцену и издевательство бабы заметил какой-то гражданин, ожидавший молоко, и возмущенно раскричался на нее, да так свирепо, что та испугалась и налила мне тотчас же молока. Торговать из-под полы было запрещено... Я убираю со стола. Вася забрался под стол и чем-то очень занят. Спрашиваю: «Что ты там делаешь?» — «Крошки подбираю...»

В ту осень или в начале зимы состоялся очень интересный спектакль. Шла пьеса Гумилева «Дерево превращений»[143]. Очень красивы и интересны были декорации В.М. Ходасевич. Запомнился фантастический восточный город, очень яркий по краскам на фоне черного бархата. А из актеров очень хорош был В.С. Чернявский в роли Судьбы, который до превращения был змеей и сохранил в своем человеческом обличье все змеиные ужимки. Музыку к пьесе писал Юрий, ее очень хвалили. Особенно хороша и оригинальна была музыка к появлению Вельзевула. Юрий впоследствии взял ее для «Куликова поля», а Блок написал для этой музыки новое стихотворение к своему циклу — ...появление татар... дрожит земля... — с рубленым ритмом, передающим скач орды[144].

В конце декабря Юрий поехал в Вязьму к моей сестре разжиться продуктами. Вернулся он в стеганом полосами жилете, причем все эти полосы были наполнены гречневой крупой. За дорогу крупа утряслась, спустилась вниз и придала ему объем беременной женщины.

Вернулся он 31 декабря, а вечером мы отправились встречать Новый год в «Привал комедиантов»[145]. Юрий как был в валенках и бушлате, так и пошел, а я, так как вечер предполагался костюмированный, надела мамино черное шелковое платье и на голову накинула старинные блонды[146], чтобы хоть чем-нибудь напоминало Испанию. Запомнилось, что было очень весело. Тверской, Ляндау, Блок и Любовь Дмитриевна, Кругликова, «княжинка» Бебутова, много народа. Румынский оркестр играет... и — обычай наш кавказский — Бобиш Романов вскакивает на столик перед оркестром, дирижирует, топает в такт музыки и бешено кричит: «Жару, жару!» Где-то много пьют. Поздно, надо уходить. Где Юрий, ни его, ни Блока не видно. Любовь Дмитриевна в костюме Mme Roland une directoire (на ней полосатое платье с белой косынкой и белый с оборками чепчик на голове) со свечкой в руке идет разыскивать мужа, находит и его и Юрия крепко спящими в одной из отдаленных комнат].

1927

23 марта. Париж.

Песня слепых нищих

Моя голова вянет, как трава,
Куда ни пойду, правды не найду,
Кину, брошу мир, пойду в монастырь,
Там я буду жить, монахам служить.
Там я выстрою келью новую,
Келью новую, трехоконную.
Как одно окно на зеленый луг,
А другое-то на весь божий мир[147].

Песню эту я слышала в Ларине, когда мне было лет 10—11; когда я ее вспоминаю, я ясно вижу наши старые березы около амбара и зеленую яркую траву перед амбаром. Пели слепые нищие. Конец я забыла и не ручаюсь — двухоконная келья или трехоконная[148]. Но куда третье окно должно было выходить? Загадка. По-моему, некуда; Париж — это окно на весь Божий мир. Такую бы келью на террасе в Saint-Cloud[149] поставить. И больше ничего не надо. Мама и Леля все зовут меня вернуться к своим пенатам. А где мои пенаты? Меня ужас, жуть берет при мысли о России. Одичавшая, грубая жизнь, грубый язык, какое-то чуждое мне. Совсем искренно — умереть я хотела бы в Италии. И хоть бесчувственному телу равно повсюду истлевать...[150] но я бы хотела истлевать в Риме, в моей Святой земле. Там и земля должна быть культурна, каждый атом дышит прахом стольких бессчетных поколений культуры. С Энея до Муссолини или Пия X. Вчера Clément Vautel по поводу взятия Шанхая китайскими коммунистами[151] писал: «Le chariot de Clio, la muse de l'histoire, vient de prendre brusquement un virage en épingle à cheveux et nous n'en savons rien! Cependant, on lira dans les bouquins scolaires de l'avenir — ces lignes.

Prise de Changhaï (1927)

La prise par les Chinois de cette ville, où les Européens affirmaient depuis longtemps la supériorité de leur race, a marqué la fin d'une des grandes périodes de l'Histoire.

C'est à partir de 1927 en effet que la race blanche, jusque-là maîtresse du monde, a vu décliner sa puissance et son prestige»[152]. Он сравнивает эту дату с 27 маем 1453 года, взятием Константинополя турками, замечая, что вряд ли тогда нашелся кто-нибудь, чтобы сказать: «Ça y est! Nous plaquons le moyen âge pour entrer dans les temps modernes»[153].

Под флагом коммунизма развивается самый ярый национализм, которого начало уже в XIX веке. Все расы хотят быть равноправными и владеть своими территориями.

Но негры — раса низшая. Я в этом убедилась на выставке l'art nègre[154], которое сейчас в такой снобической моде. Есть примитивы египетские, греческие, готические, китайские, скифские, — нигде нет той подлой животности, какой-то порнографической животности, как у негров. И только это. Больше ничего нет, и больше они ничего не видят. Следовательно, у них нет будущего.

Где же Россия? С Европой или против нее? Большевики хотят искусственно соединить ее с Желтыми против Белых. Это невозможно и очень страшно, чтобы это ее не раздавило. А я с Европой. Я ее люблю, все в ней люблю, мне здесь легко, т.е. духу моему легко и светло здесь. А Пенаты? Мои пенаты, верно, выброшены Канавиной[155]. И фамилия-то какая провиденциальная.

Хотя Юрий[156] что-то очень уж стал дружить с Васей, намекает на мое возвращение. Не хочется. Я бы так хотела ему помочь, заставить его работать, достигнуть всего того в музыке, что он может дать. Но жить с ним под одной кровлей не хочу. Нет на это сил. У меня полная атрофия самозащиты перед такими людьми. Я покоряюсь, бегаю на посылках и только бегством умею спасаться. Так я ушла от мамы в юности, ушла от Юрия. Так же действует на меня Л.Д. Потемкина. Надо все делать как ей этого хочется, она все знает доподлинно, и я не умею с ней спорить. Я теперь думаю, что бедному Петру Петровичу нелегко было с ней жить. Хотя он очень ее любил. Такие женщины считают, что если они дают физическое счастье человеку, — им все позволено: и грубость, и требовательность беспощадная.

Они были у меня после его возвращения из Венеции. Он привез много всяких безделушек оттуда, серег, бус и хотел, по-видимому, наделить всех знакомых. При мне он подшутил над ней, что она взяла себе львиную долю. Любовь Дмитриевна невероятно рассердилась, расплакалась и наговорила ему всяких горьких слов, между прочим: как мещанином был, так мещанином и остался. Это Потемкин-то мещанин! Бедный Потемкин.

23 июня. Боже мой, Боже мой, неужели же до конца жизни не будет у меня минуты покоя, человеческого покоя, с возможностью радоваться на жизнь, на детей, заниматься тем, что близко и интересно. Все-таки так портить себе жизнь, как я, надо умеючи. Но ведь иначе я не умею. Могла разве я силой заставить Юрия уехать и дать мне возможность спокойно жить у себя, в своей квартире, со своими вещами. Вероятно, нет, и убежала. И мыкаюсь теперь, как злополучная эмигрантка[157].

1929

<**После 7 января**>. Сегодня я шла через замерзшую Неву и думала о том, что сейчас в России происходит. Петр был гениален и сверхчеловеческого масштаба; был и он сам, и все его мечты. И за ним ринулось все, что было лучшего в России. Двести лет это лучшее впитывало в себя квинтэссенцию латино-германской культуры и утончалось до бесконечности, живя, как огни, над спящим глубоким болотом. Россия была как вздутый пузырь, на вершине которого были эти лучшие. Пузырь лопнул, прорвался. И теперь, пожалуй, жизнь не войдет в норму до тех пор, пока вся масса не взболтается, не окультурится, не выделит из себя оформившийся класс с ощущением отечества, которого у них пока нет.

Была я на спектакле Трама — Театр рабочей молодежи[158]. Все лицедеи — комсомольцы и комсомолки. Им страшно весело, они молодые, довольны собой. Шла «Дружная горка», оперетка[159]. Наряду с очень хорошим — отсутствие хорошего вкуса и пошлость. Много танцев очень хороших, идущих от гимнастики (физкультуры) и плясок, а наряду с этим пошлейшая штампованно-опереточная жестикуляция. Дешевов мне рассказывал, что пьесы сочиняются коллективно, следующим образом: в их художественный совет входят человек десять представителей от всего комсомола. На заседании они говорят о каком-нибудь наболевшем вопросе — напр[имер], страхе смерти, формализме и т.п. Намечаются основные линии пьесы, затем кто-нибудь пьесу эту пишет, а на репетициях начинаются импровизации, и тут же пишется музыка. Пьеса становится ясна ее авторам лишь на премьере. В скобках надо сказать, что очень талантливые режиссер Сокольский и композитор Дешевов — бывшие дворяне, des ci-devants[160]. Мейерхольд расхвалил этот Трам до самозабвения, а Сокольский ему ответил: «Вы хвалите Трам, как барыня расхваливает платье своей кухарки, хвалит, но сама не наденет». На реферате Мейерхольда[161] до его начала, которое затянулось, комсомольцы собрались в кружок и стали распевать русские песни с гиканьем и свистом[162]. Публика к этой милой шалости отнеслась с равнодушием (а может быть, и с пугливым подобострастием). Мне кажется, никогда пажи, правоведы и лицеисты[163] не чувствовали себя столь привилегированным сословием, как теперешние юные коммунисты.

Скучно, скучно, скучно. В театрах трюки, трюки без конца за полным отсутствием дарований. И кто когда будет помнить эти конструкции, хождение колесом, кинофикацию, радиофикацию и прочую ерунду. А раз посмотревши Шаляпина, не забудешь во всю жизнь. Или Монахова в «Дон Карлосе»[164]. У меня так и звучит его голос в ушах: «Она всегда мечтательна была». Какой Филипп! А по полу он ходит или по лестнице — кому какое дело. Ерунда. Все от непомерной тоски и бездарности. Бездарность без конца и края. А Моисси!

Как выскочить из этой тоски, что сделать, как освободиться от Юрия? Почему я не фон Мекк?

30 января. Последнее время Юрий каждый день объясняется мне в ненависти. Он ходит, как зверь в клетке, и ненавидит меня всеми фибрами души. Третьего дня я была в своей комнате, я вообще избегаю всякой встречи с ним. Он вошел и начал, как всегда, с денег. Денег нет, слишком много тратим, Васиным учительницам надо отказать и т.п. Я подсчитала все, что получила от него, выходит что-то мало, но ведь это только предлог, предлог, чтобы довести меня до белого каленья. И начинается: «Уезжай за границу, я тебя ненавижу, я не ручаюсь за себя, я тебя убью, я тебя выселю. Мое дарование погибает, меня семья гнетет. У меня за пять месяцев ни одной мысли».

Он меня убьет, — выселит! Я сказала раз и навсегда, что больше никуда не поеду, а что его я уже 5 лет умоляю уехать. Почему он не уезжает? Увы, ему просто жаль барской обстановки, рамки и больше ничего.

Надо заработка, денег, чтобы освободиться от него, расстаться как можно скорее. Эта грызня — это ужас. Это то, чего я не переношу органически. Бог послал мне Аннушку, которая все понимает и все чувствует. С ней, с Аленой, так легко. А Вася по тяжеловесности вроде отца.

Юрий не умеет, не может работать, заставить себя.

Сегодня была у Белкиных, и Валентина Андреевна Щеголева рассказывала, как воспитывался ее сын. Вся ее жизнь была посвящена ему. Читали, занимались, работали вместе. Как я ей завидую. Вот уж 11 лет, как я служу, работаю или ищу работы, и дети между прочим. Как это больно, и как для Васи необходим постоянный педагог, постоянный уход и присмотр. Он мало развит, ничем не интересуется длительно, малейшая трудность, преграда останавливает его. Юрий не интересуется детьми никак. Пришлось бросить уроки музыки. Необходимо бы учить Васю рисованию. У него есть способности, но я чувствую в его мозгу какую-то задвижку, какое-то нежелание додумать до конца, даже просто подумать. Я объясняю себе это болезнью,

гландами. И быть так беспомощной. Сегодня я чуть приободрилась, т.к. начинают оформляться мои мечты о кустарной артели, это раз, а второе — Лишину, кажется, прельщает мысль поставить «Трех апельсинов»[165]. Мне так хочется поработать с куклами, и все же это что-то даст и я съезжу к маме.

29 июля. Царское Село[166]. A new leaf[167] моей жизни. Опять новая страница. Наконец моя семейная жизнь ликвидирована окончательно, раз навсегда. 17 июля Юрий приехал как-то очень загадочно из Бердянска, куда уехал всего 6 июля, и с очень сконфуженным видом заявил, что хочет развестись.

Я: Пожалуйста, моего голоса ведь при этом не нужно.

Он: Я знаю, но я хотел предупредить.

Я: Прекрасно. Я теперь вывезу мебель, обстановку...

Он: С какой же стати, я привык к этим вещам, мне они нужны, мы тогда перейдем на алименты, ты рубишь сама сук, на котором сидишь.

Я: Мне кажется, что вернее — ты сам уже срубил сук, на котором сидел в течение пятнадцати лет.

Он: Я приехал с предложением дружбы, а ты отвечаешь мелочностью — и т.д.

Мне нравится этот разговор о дружбе. Вытребовав нас из-за границы, он на Варшавском вокзале *не подал мне руки*, не поздоровался. А потом и пошло. А что я ему сделала? При первом же его увлечении я сказала: «Уходи, женись, только оставь меня одну, — в покое». А он мне ответил: «Начхать мне на все, мне важна только музыка. Уеду тогда, когда *мне* это будет удобно».

Я бежала в Париж. Оставила ему и Канавиной всю обстановку, билась, пока не разбилась, Юрий вытребовал детей, т.к. посылка денег была запрещена. Мы вернулись, дети сразу же ему надоели, и он сознавался, что издали он ими гораздо больше интересуется. Всю зиму он ходил по всяким знакомым и жаловался, что семья мешает ему работать. Жаловался Л. Николаеву, Юдиной, Кушнареву и еще очень многим. Он создал такую домашнюю обстановку, что хотелось бежать опять, но куда? По-видимому, Юрий надеялся, что я уеду с детьми в Дорогобуж, не выдержав такого мучения, а он опять заживет чудесно с Капустиной. Но je n'ai pas marché[168]. Я теперь анестезирована и перебралась со всем своим скарбом в Детское Село. Я чувствую себя здесь *у себя*, хочется создать уют, теплоту жизни. Меня Юрий как-то поражает своим вкусом. Его жены — мещанки и по происхождению, и по вкусам, по моральному облику. Самый низ, то общество, которое мы смотрели в водевилях. Папаша Канавин со своим красным носом, известный в Петрозаводске тем, что виртуозно отливает спирт из запечатанных бутылок и

торгует этим спиртом. А вся компания Солнышковых? И в такой среде Юрий чувствует себя как дома. Про Капустину Петров мне сказал: «Очень мещаниста, совсем некультурна, небездарна, но лишена всякого сценического обаяния; когда Капустина на сцене — неприятно. Очень цепкая. Нам никому не понятно это увлечение». Мне иногда кажется, что это влияние того круга, в котором он вырос. Его тянет к мещанам.

Я очень боюсь, что его дарование заглохнет. Все-таки нельзя безнаказанно руководиться всегда и во всем одной физиологией. Толстые говорят, что все, особенно мужчины, возмущены всей этой историей. Мне же сейчас много легче, словно гора упала с плеч. И так хочется устроить себе какой-то заработок, чтоб не зависеть.

И как хорошо здесь, в Царском. Как все красиво — парки, озера, дворцы, домики, очаровательные особнячки, дух Пушкина. И после озлобленного Ленинграда с его зверскими трамваями — благодушное настроение Детского, доброжелательные соседи, милые Толстые. Что бы кто ни говорил, я люблю А.Н. и ее также. Уж очень он красочен и талантлив. Сейчас я хохотала до слез. Ночь, тишина. Пьяный идет по улице и старается как можно вернее спеть «Как сегодня день ненастный, нельзя в поле, в поле да работать»[169]. Это ему не удается. Его тенор сбивается то на фальцет, то на бас, и совсем неожиданно пьяниссимо переходит в фортиссимо. Против нашего дома он встречает приятеля, а может статься, они и не знакомы, но встречный, тоже пьяный, начинает ему подпевать. Первый сердится, но затем покоряется и только подпевает, но как! Второй уверенно и фальшиво все громче и громче поет баритоном, а голос первого взвивается фальцетом и летает сам по себе. Второй сердится: «Что ты врешь!» Они уже орут во все горло и, видя, что дальше идти некуда, замолкают внезапно. Я открыла форточку, и слезы градом текли от смеха. Потом второй стал читать какие-то трогательные стихи, и они ушли.

Юрий предлагает дружбу с опозданием на 8 лет. А как мы уезжали из Петербурга! 18 мая должны были приехать извозчики, чтобы забрать последние вещи. Утром моросило, и извозчики запоздали. Денег дома не было. Накануне я с болью в сердце продала мамино трюмо, чтобы послать Леле деньги, отдать долг, т.к. деньги дал мне Федя. Когда извозчики приехали, часов в 10 утра, Юрий уже ушел в Большой драматический театр, и Вася ему звонил туда, чтобы сказать, что деньги необходимы. Он должен был получить их в Драмсоюзе[170]. Извозчики уезжают. Мы с детьми в пустой квартире ждем денег. В 4 часа, меня не было при этом, Юрий звонит Васе, что опоздал в

Союз и денег нет. И вешает трубку. Мы ждем, время идет, 5 часов, 6 — мы звоним во все театры, Юрия нигде нет, дети голодные, и надо где-то ночевать. Звоню Ксении Михайловне <Кочуровой>, она предлагает мне 20 рублей, и я, отправив детей на вокзал с Юлией Андреевной <Тиморевой> с 5 рублями, чтобы покормить детей там, еду к Раздольским. Около 7 часов туда звонит Юрий с упреком, зачем уехали без него и увезли книжный шкаф (Васи Яковлева!). Когда я ему сказала, что уже 7 часов вечера, он не хотел верить — очевидно, время на любовном rendez-vous[171] прошло быстро и он о детях и не вспомнил. И было время еще догнать их на вокзале, он и этого не сделал. Так я уехала из своего гнезда, с такой любовью когда-то устроенного. Было больно. Меня и Петтинато всегда попрекал сентиментальностью.

13 сентября. Как мучительно думать о будущем. Скоро мне будет 50 лет, не по паспорту, а по-настоящему. А Алене 8½. У меня грудная жаба, сердце то и дело дает себя чувствовать. Когда-то мне предсказывали, что я проживу до 55 лет. Значит, остается 5 лет. Что я дам Алене за эти годы, на кого ее оставлю? Отец — пустое место. Я больше не верю в то, что он что-либо сделает крупное, у него было большое дарование, но физиология его захлестнула.

Что делать, с чего начать? Что ей дать? Васе все-таки уже 14 лет, он — мальчик, в школе. На кого же оставить мою Алену? Я не могу найти никакой работы. Я создала Кукольный театр и знаю, что могла бы его довести до совершенства. Я так ясно вижу, как бы я поставила там весь русский героический эпос, Жанну д’Арк, как бы с этим репертуаром объехала весь свет. Теперь же там сидит толстая умная еврейка, не подпускает меня на пушечный выстрел, она коммунистка, кажется, с ней не поборешься, да я и не борец в этом смысле. А в этом деле я знаю, что мне есть что сказать своего. А теперь я не знаю, к чему приступиться, где искать работы, чтобы дать детям то тщательное образование, которое необходимо. Надо их учить музыке на всякий случай; может быть, есть способности. Надо учить языкам — французскому, немецкому и английскому. Французским я могу сама заниматься, но остальными лучше специалистки. А деньги где?

6 декабря. Римский-Корсаков пишет мне, что для охраны себя от враждебных радиоволн очень полезны черные кожаные куртки. Но никакая куртка не обережет от такого нервного потрясения, какое я пережила третьего дня на премьере «Тартюфа»[172]. По мере того как развертывалось действие со всевозможными вводными трюками и мюзик-holльными номерами, я начала узнавать отдельные номера из моего сценария «Любовь к трем апельси-

нам», который находился в руках Петрова с июня месяца. В мае я написала пьесу — вариацию на тему Гоцци для кукольного театра. Она была не принята Соцвосом[173], отзыв оттуда от 14 июня 29-го года. Через несколько *дней* я зашла в Александринку к Петрову посоветоваться, не использовать ли мне эту тему для Music-Holl'а. Тема ему очень понравилась, и он, уезжая на две недели в отпуск, посоветовал мне разработать сценарий, т.к. его просили сделать постановку в Music-Holl'е. Сценарий опять-таки ему очень понравился, и он сказал: «Это очень ново и свежо, и я на их месте бы ухватился бы за эту тему. Данкман (директор Гос. цирка и Music-Holl'а в Москве) приезжает на днях в Ленинград, и я постараюсь провести Ваш сценарий. Вы же его не ждите и поезжайте».

Я ехала к маме. На возвратном пути 23 августа я зашла к Данкману в Москве. Оказалось, что Петров ничего ему о моем сценарии не говорил.

Я заболела и только в ноябре поехала к Петрову. Он меня не принял, должно было состояться какое-то заседание. Перед этим я ему послала 10 старых литографий актеров 50—70-х годов, так что элементарная вежливость требовала сказать мне хоть два слова благодарности. А послала я ему эти литографии потому, что была очень расстроена тем, что за время моей поездки к маме его у нас обокрали, т.к. дверь его плохо закрывалась.

Конечно, он не украл у меня пьесы; но — невольники в цепях, полушарие на сцене, поляки, румыны и прочие наши враги, миллионеры. Заканчивалось у меня праздником физкультуры, в «Тартюфе» кончается кинематографом — физкультура и трактор. У меня наверху, над сценой, стоит Капитал — маг и волшебник и дергает ниточки действующих лиц, в «Тартюфе» наверху появляется двойник Тартюфа, руководящий действием. Под конец у меня берут пожарный рукав и поливают СССР, здесь — просто и бессмысленно фонтаны. Петров мне советовал ввести желтых girls[174] — он их ввел в «Тартюфе». И реагировать я не могу. Юрий говорит: «Конечно, в другое время можно было бы подать в суд. А теперь я лишусь всякой работы, Петров мстителен».

Но главное — Петров служит в ГПУ, с ним не поговоришь. Я не хотела этому верить. Но теперь лично, на своей шкуре убедилась в его беспринципности. Подлей нашего времени не было в истории. Такого гомерического подхалимажа и трусости не было никогда. Во время Французской революции были партии, они боролись друг с другом, уничтожали друг друга. Теперь же все лежат на брюхе, и стоит только дохнуть кому-нибудь, как его тут же раздавливают, как блоху, ногтем. Да, во время спектакля у меня сделалось

сильнейшее сердцебиение, от злости ноги и руки дрожали, как в лихорадке. Я пошла в директорский кабинет, Петров меня опять же не принял. Как это объяснить как не сознанием своей подлости. Ведь летом же он жил у нас на правах чуть что не родного и был мил и очарователен (и восхищался сценарием!).

Как я могу пробить себе дорогу, когда всегда и постоянно меня обманывают и обворовывают?

Была у нас на Канонерской. Было мне достаточно противно идти к Юрию, но надо было показать Васю доктору. Какое у него запустение, холодно, сыро, грязно, неуютно. Жалко мне его ужасно. Вот уж кто затоптал свою жизнь и дарование в навоз. Девять лет я наблюдаю за ним. За это время я видела трех его любовниц — Нилову, Канавину, Капустину. Низóк — в полном смысле слова. Никакой заботы о нем, создания ему уюта, тепла. Непонятно мне это. Ему уже 42 года, а он все на бивуаке, «треплется» (модное слово) с какими-то шлюхами, скомпрометировал себя этим, в обществе больше нигде не бывает, никто его не зовет, и живет как бобыль. Вася пробыл у него два дня. Так и то он не утерпел и ушел, вероятно, к своей даме, и Васята обедал один. Господи, лишить себя детей.

Когда я вчера вернулась поздно, пришлось Алену разбудить, чтобы переложить на другую кровать. Когда она меня увидела спросонья, то так вся и прильнула ко мне. «Мамочка, миленькая», чуть не заплакала. И так мне стало тепло-тепло. И бедный Юрий от всего этого тепла отказался добровольно.

1930

24 января. Господи, Господи, помоги и выведи Россию на Твой путь. Вернулась сейчас от В.Я. Шишкова; пока никого не было, он читал мне Евангелие от Луки — притчу о судье неправедном. «И приидет Господь, но многих ли найдет верующих?»[175] Он боится, что сбываются худшие предсказания, я же не могу, не хочу потерять веру в лучшее будущее, в Россию, в свободную счастливую Россию. Так хочется оттолкнуться от земли и полететь к солнцу, в теплый вольный воздух.

Вчера заходила Наталья Васильевна с Марианной, у них сейчас увлечение коллективизацией, колхозами и обращением крестьян в рабство.

«Кто нам ближе, — говорит Н.В., — большевики или крестьяне? Конечно, большевики. Мы все, так же как и они, — дети, внуки Герцена, Бакунина, Кропоткина. Они (большевики) это понимают и нас ценят. Все писатели сейчас зарабатывают как никто. А сорвись их политика по отношению к крестьянству, победи мужик, он всех нас, интеллигенцию, к чертовой матери пошлет, это будет царство Цыганóвых (хозяин дома, где живут Толстые, всячески пытавшийся их притеснять). Мужик сметет город, Эрмитаж, это будет эпоха мещанства, это будет очень страшно».

Я с этим никак согласиться не могла — нельзя считать 100-миллионный народ quantité négligeable[176]. Мы все от Герцена и прочих, продукт западноевропейский, и может быть, нас и надо к чертовой матери отправить. В прошлом году Н.В. с таким же увлечением говорила мне о владычестве немцев, а этой осенью А.Н. говорил о том, что все это, включая и пятидневку и непрерывку[177], грандиозная провокация. Я думаю, что у Толстого никаких ни убеждений, ни определенных политических верований нету. Важно, чтобы ему и его семье было хорошо и чтобы он мог *писать*. Он не гений, не Лев Толстой и не Достоевский. Но он очень талантлив, из него эта талантливость прет из всех щелей, и я как-то прощаю ему за это его беспринципность и искренно люблю. Но не все это прощают. Яков Максимович Каплан говорил мне летом: «Я маленький человек и поэтому могу позволить себе роскошь быть знакомым только с порядочными людьми. А Толстой непорядочный человек».

У Шишковых были молодежь Толстых, Наталья Васильевна и Петровы-Водкины. На днях Кузьма Сергеевич говорил мне: «Тоска, и не только от

болезни. А знаете, безотчетная тоска есть предвестие грядущих бед». На это я вспомнила все творчество Метерлинка до войны, принцессу Мален[178], которая так ясно была предсказанием разорения Бельгии немцами[179]. Запертая в башне, Мален смотрит в щель и с ужасом видит, что вся страна опустошена. Все творчество Метерлинка до войны проникнуто предчувствием беды. Когда-нибудь его назовут пророком.

3 февраля. В ноябре Толстой написал комедию «Махатма», которую ни один театр не принял, что все же очень показательно[180].

Писать на тему поругания теософов посоветовал и все нужные материалы дал Алексею Николаевичу Мерварт. Я слышала только первое действие, и мне сразу же не понравилось. Дело было за обедом, все аплодировали, но даже из любезности я не могла похвалить пьесы и тогда же сказала, что неудобно высмеивать Кришнамурти, который является только проповедником нравственности и еще последнего слова не сказал.

Пьеса написана как грубый фарс. Содержание 1-го действия было таково: собрание теософов, среди них русская княгиня, не то Тетюшина, не то что-то в этом роде, уничижается перед йогом (бывшим американским бандитом). Все в обожании перед ним. Он ждет к себе богатую американку, которую нужно обработать, чтобы получить деньги. Появляется ее муж, богатый американский промышленник, с агентами. Ему необходимо установить flagrant délit[181], чтобы развестись с Betcy. Он обещает йогу за это деньги и прячется. Приходит Betcy, очень пылко настроена, но йог ведет себя крайне целомудренно. Дама недовольна, муж тоже, какой-то общий скандал и появление с громом и молнией главного йога. И тут они сторговываются с американцем, что он даст им какие-то миллионы за объявление Кришнамурти Богом. Американцу нужен Бог для противопоставления коммунизму, для влияния на рабочих, для сохранения рабочих в своих руках, для одурачивания их. Это первый акт. Дальше, кажется, этот план не осуществляется, т.к. Кришнамурти женится и коммунизм торжествует.

Осмеяние загнанных на Соловки теософов[182] мне показалось не слишком благородным и не очень своевременным, но я была уверена, что вещь эту наши arrivistes'ы[183] поставят с удовольствием, а между тем в Москве Корш[184] и МХАТ отказались, отказался даже Мейерхольд.

Вчера я застала Наталью Васильевну заплаканную и первый раз почувствовала в семье размолвку. Перед моим уходом она мне рассказала, что очень расстроена тем, что А.Н. хочет непременно арендовать имение Сергеева на Валдае, что это будет стоить несколько тысяч, которых нет, и что это

будет петлей. Н.В. говорила: «Я устала, я постоянно страшусь, что может подвернуться мерзавец и подбить Алешу на какой-нибудь поступок, который ему только принесет вред. Сколько я страдала из-за “Заговора императрицы”[185], сколько уговаривала не писать, а теперь из-за “Махатмы” мы совсем рассорились, он и на вас дулся, чувствуя, что вы против, и я так рада, что пьесу не приняли; зачем ему это, когда он наряду с этим пишет такие вещи, как Петр»[186].

Мне кажется, что Россией правит чудовищный бред сумасшедшего. Вдруг в полгода стомиллионное население обращается в рабство, лучшая его часть, самая работящая и хозяйственная, расстреливается или пускается по миру[187].

Мы с ужасом и отвращением читаем о сожжении Иоанны д'Арк, я не знаю, что страшнее, по-моему, сейчас страшнее. Там преступление над одним человеком, англичане сжигают врага, и XV век. Здесь XX век и насилие над нацией, над целым народом. Страшно.

17 февраля. Толстой пишет «Петра» с точки зрения культурного европейца XX века, который в ужасе смотрит на чудачества и пьянство Петра, озорство, несчастное и забитое положение крестьян. В современном же положении тех же крестьян он не видит ничего ужасного. Марианна (ей 19 лет) рассуждает так: «Вы не должны оценивать положение крестьян со своей точки зрения. У вас культура, вкус, вам болезненно лишиться своей собственности. У мужиков же одна изба, как другая, не хуже — не лучше. Следовательно, теряя собственность, они в общем ничего не теряют, а иначе мы не выстроим социализм»?!! Сам А.Н. ездил на Валдай, был на свадьбе у крестьян и пришел в ужас от ритуала. «Это такое глубокое мещанство» — он не замечает, что за неимением культуры этот устаревший ритуал, этикет, которым восхищался еще Лев Толстой, служит воспитывающим, сдерживающим началом. Всякая традиция — уже культура. Неужели лучше интеллигентские [собачьи свадьбы, вроде Юрия] без ритуала, без любви — одна физиология.

Меня поражает, с какой легкостью теперь все говорят о насилии. Был у меня недавно А.А. Мгебров. Первый раз видела его трезвым, говорящим просто, по-человечески. Он тоже мне отвечал: «Да, насилие. Но вся жизнь есть насилие, в данном случае оно прекрâсно!» (с accent circonflexe[188]). Не говорю уже о Гроссе. Тот захлебывается от честолюбия, от боязни что-то упустить, не захватить кусочек власти. Он иначе не говорит, как «мы»: мы закрыли несколько обществ — Куинджистов и Общину художников[189], они нам не нужны, нечего им собираться. Мы закроем музеи, нам не нужны Фомин и Щуко и т.д. Я помню, как еще не то в 18-м, не то в 19-м году я

встретила Н. Альтмана и спрашиваю, что он делает. «Разрушаю академию!» Много лет с тех пор прошло, и всё разрушают. Я удивляюсь, как много у этих людей жажды власти и как мало творческих дрожжей.

Зашли на днях вечером к Толстым. Юрий уверял, что будет голод, т.к. при раскулачивании крестьянства 45% населения должны стать на государственное иждивение. «Какой может быть разговор о голоде, — сказал А.Н., — когда у ЛСПО[190] все есть. Вчера мы были у Федорова[191]. Жрали устрицы, цыплят в сухарях, черт знает еще что, и всего за двенадцать рублей с рыла».

А Наталья Васильевна утверждала, что все бездетные должны обедать на Детскосельском вокзале[192], буфет держит то же ЛСПО, что и Федорова, там дешево и чудно. На другой день Петров-Водкин, Шишков и Пришвин отправились в Ленинград на Детскосельский вокзал. Получили несъедобные щи и кулебяку, заплатили втроем 8 р. и потом издевались над Н.В.; оказывается, она имела в виду холодные блюда — рыбу в провансале и т.д., стоящие по 75 к. и 1 р. S'ils n'ont pas de pain, qu'ils mangent de la brioche[193].

Юрий приезжал на два дня, говорит, что хочет переехать к 1 марта совсем сюда, оставив там комнату. Был тих и скромен. Ехать обратно должны были мы вместе. Пошли на вокзал, и, пользуясь случаем, что мы были без детей, я спросила его об его планах, о том, как его друзья приходят в отчаяние от его образа жизни и не знают, какой бы рычаг найти, чтобы заставить его работать. Он молчал, дошли мы почти до вокзала, ему оказалось нужным зайти к Асафьеву за нотами (он был у него накануне). Я говорю: «Взять для тебя билет?» Он отказался и, конечно, к поезду не пришел, а очевидно, смылся к Блиновой. Я не понимаю, как может быть человек до такой степени распущен, что, приезжая раз в месяц сюда, он не может удержаться, чтобы не обмануть, не солгать, не удрать к какой-нибудь студистке. Ему 43 года, он совсем седой и потому наголо бреется, отрастает брюшко, и бегает за двадцатилетними девчонками. И пускай бы бегал, если бы работал. Я всегда вспоминаю письма Глинки к сестре о своих «нянях»[194]. А несчастный Юрий, по-моему, на все махнул рукой, и с тех пор как мы уехали, скоро уже будет год, ничего не делает.

Пошла я вчера 16 февраля на рынок поискать масла. Все частники закрылись[195]. Замечательно, что их не закрыли насильно, нет, но наложили тысяч по 20 налогу. Мне рассказывала на днях И., что родители ее торговали на Сенной[196]. Вдруг совершенно неожиданно получили повестку, что надо добавочно за прошлые 27, 28 и 29-й годы доплатить 8000. Получили повестку сегодня, а назавтра утром пришли к ним и описали все имущество, оста-

вив одну кровать, по одному платью. А затем грозятся, что еще вышлют. Куда, зачем? Я в ужасе. Чем будем кормиться? Нет ни масла, ни яиц, ни мяса. Нам выдают по 100 гр. на человека раз в 10 дней, мы люди второй категории, не рабочие[197]. Вчера в газетах, после выкриков о бурном гигантском строительстве, заметка мелким шрифтом: на февраль будет выдано детям по 200 гр. масла, взрослым по 200 гр. фритюра (т.е. маргарина).

Как жить, чем питать моих детей, болезненных, которым au dire des docteurs[198] нужно разнообразное и обильное питание. В 18-м году у нас были тряпки, у мужиков продукты. Теперь и у нас, и у них хоть шаром покати. Вот вам и Папа Римский — тоже туда же!

12 марта. Заходила в отдел местного хозяйства хлопотать о починке водомера. На большой школьной доске сведения о всевозможных чистках[199]. Один случай меня развеселил: комиссия, выезжавшая в Колпино[200], вычистила председателя сельсовета Буланова, который оказался ярым контрреволюционером. Он сказал: «Ленин был крепок — и того сломили, а вас-то, барашков-каракулей, уберем» — и, кроме того, вел агитацию среди крестьян, говоря про комиссию: «Вот опять обирать приехали».

16 марта. Почти месяц, как больна Алена. Я в каком-то тупике и мучительном отчаянии. Даже плакать не могу. У нее суставной ревматизм, эндокардит, хорея[201]. Хорея сейчас проявляется тем, что у нее отнимается язык, ей все труднее говорить, и это так страшно, что прямо вынести нельзя. И доктора возмутительны. Такой недобросовестности я в жизни не видала. Профессор Кондратович, приехав, заявил: «Я имею в своем распоряжении 15 минут». И спросил за это 40 рублей. Он даже не заметил, что у Алены голова покрыта опухолями, и теперь, когда я звоню, уверяет, что это неважно и речь вернется сама собой. Не верю, и моему отчаянью нет границ. Аленушка, такая умница, такая способная, и вдруг потеряет способность говорить.

Господи, за что, за что? Боже мой, Боже мой, только бы спасти ее, вылечить. Юрий абсолютно равнодушен, вообще с каждым днем я его все сильнее презираю. Он считает, что раз деньги даны, то и дело с концом. Бедные дети. Я смотрю на папину карточку, и моей любви к нему нет границ. Папочка, родной, помоги мне, спаси мою крошку. Когда она еще хорошо говорила, она как-то сказала: «Но, Боже мой, какая скука с больным сидеть и день и ночь...»[202] А я готова за ней ухаживать всю жизнь. J'effeuillerai des roses sous ses pas[203]. Здесь, в Детском, я так беспомощна в докторском отношении.

И вся Россия тоже стремительно катится в какую-то бездну.

На вокзале 4 февраля гадалка мне сказала, что я скоро разбогатею, что меня ждет удар — болезнь кровного человека, ребенка. «У вас есть больной ребенок, калека? Будете лечить его в дальних краях». Ждет меня большое далекое путешествие, которое принесет мне благосостояние (это же говорила и Паллада). «Молодость у вас была счастливая, но и теперь вас ждет счастливая жизнь». Всю жизнь мне хироманты говорили одно и то же, главное, что конец моей жизни будет спокойный и счастливый в противоположность средине. Когда же наконец это наступит? Пока одно испытание тяжелее другого. Так мучительно страшно за Алену.

18 марта. Вчера мое отчаяние и страх за Алену дошел до апогея, и я поехала к Аствацатурову. Милый человек, как он меня утешил и успокоил. Оказывается, такое явление очень часто при хорее, называется мутизмом, может тянуться долго, но это нестрашно и не паралитического характера. Главное сейчас — сердце, и за ним нужно следить. Напряжение мое так было велико, что, успокоившись, я не выдержала, и они меня отпаивали валидолом. Я чувствовала себя как после тягчайшей болезни. Сейчас отовсюду ползут страшные слухи.

28 марта. Стоит записывать то, что рассказывают крестьяне. Молочнице написали из ее деревни Московской губернии, что там колхозники объезжают на тракторах деревни и забирают у мужиков последнее. У ее старика-отца был заготовлен для кур — больше у него ничего нет — мешок овса, и тот забрали, два рубля денег, он побоялся даже дочери написать, уже соседи дали знать, что старик совсем погибает. Она же говорит: «Мне один партиец говорил, что все будет по-старому, а в газетах только для иностранцев написано»[204].

Паша приехала из деревни (Псковская губерния) — продали корову и лошадь, бросили хозяйство, повсеместно дорезают скотину, бегут в леса, города — разорение полное. «Словно Литва-разорительница прошла». Вспомнили псковские свою старину[205].

Один крестьянин поехал жаловаться в Ленинград. Когда он вернулся, то был арестован и отправлен неизвестно куда.

Ксения Эдуардовна Дешевова провела месяц (февраль) в Коктебеле. Там творилось совсем дикое. Так называемых кулаков обобрали и выслали в Феодосию, причем мужчин отдельно, женщин отдельно, детей также. Дул норд-ост — дети позамерзали, женщины рожали в дороге, т.к. высылали, не считаясь ни с чем. В городе свиданий несчастным не дали, начались эпидемии.

Что это? Право на бесчестие[206], на проклятие?

У нас в Детском идет чистка совaппарата. В ратуше набирается до 500 человек любителей, всякий может допрашивать, пытать. Одного доктора казенный обвинитель спрашивал, не знает ли он, куда делись стекла с веранды того дома, где он живет, имеет ли прислугу, что она делает и что именно она для него делает. В артели инвалидов одну даму спросили, как относится ее ребенок (10 лет) к современному положению. Она ответила, что никогда этим не интересовалась.

Как ни было плохо Алене, когда я заходила в церковь помолиться перед распятием, я не могла не молиться за Россию. Когда я закрываю глаза и думаю о России, мне представляется она живым существом, с которого живого сдирают кожу, кровь хлещет. Такого разорения, такого наказания, конечно, Россия не переживала никогда, даже при татарах. Тогда можно было защищаться, геройски умирать, жив был дух, мог быть «злой город Козельск»[207], Китеж Божья Матерь накрыла своим покровом[208]. Какое счастье опуститься в бездонную глубину, слушать благовест святых колоколов и не быть. Кстати, Пришвин у Шишковых рассказывал (показывал снимки), как сбрасывали в Троицкой лавре колокола Годунова[209] и других. Когда их уже свалили и вокруг толпились официальные лица, случайно подошел мужик, ничего не знавший об этом. Он остановился, долго и удивленно смотрел на разбитые колокола, потом взглянул наверх, понял. «Сукины дети», — единственно, что он мог сказать. Я передавала это Щеголеву. «Ну, если это единственный протест русского народа, то это не страшно, надо все колокола снять, к чему они и кому нужны?» «И все церкви снимем за пятилетку, — добавил Павлуша, — кроме особо ценных в художественном смысле». Я боюсь, что протест будет не сейчас, и кабы он не был очень страшным. «И ты его узнаешь и поймешь, зачем в его руке булатный нож»[210].

Аленке моей лучше, и мне кажется, что мы обе с ней воскресли. Я твердо решила ее не пережить. У меня есть в запасе веронал[211], и я уверена, что при моем состоянии сердца этого было бы достаточно. Но пережить Алену хотя бы на один день — ни за что, довольно с меня. Как я понимаю Любовь Александровну Магденко, которая отравилась после смерти Елизаветы Петровны. Как она ее любила.

20 апреля. Вчера в поезде по дороге из города в соседнем отделении ехал пьяный. Неподалеку в уголке сидел священник. Пьяный начал к нему приставать грубо и гадко. Тот молчал и даже не шевелился — ведь «служители религиозных культов» вне закона. Но публика вступилась. Тогда он стал лезть

ко всем. Последнее, что до меня донеслось: «У тебя мещанская и дворянская душа. Должóн я тебя психологически раскулачить! Что сказал Сталин!»[212]

Невзирая на это, раба Божия в Детском вывели. За ним шел ражий детина в форме ГПУ, которому он говорил: «А ты, верно, уж родственник Романовых». — «Родной дядя, иди, иди».

Еще анекдот, сообщенный Пришвиным. Приходят Рыков и Ворошилов к Сталину и говорят: «Ну что, брат, сговнял? Теперь уходи». Тот взял револьвер и направился в другую комнату. Они же ему: «Нет, этого партия от тебя не требует — только уходи». По-моему, se non è vero, è ben trovato[213]. Сталин застрелил бы их на месте. Ils sont tous des êtres trop minuscules[214] — просто стрептококки.

5 мая. На днях Юрий приехал обедать с К. Фединым. Внешне Федин мне очень нравится, и в его сочинениях есть та теплота по отношению к людям, которой теперь авторы не страдают. Но в его романах есть и какой-то внутренний сумбур, как будто он не смог справиться со своим матерьялом. Замысел же всегда очень интересен. Что он за человек — не знаю. Он рассказывал о Летописи Гражданской войны, которую затевает Горький[215]. Его и Толстого вызвал П.П. Крючков, и они беседовали на эту тему. Затем Кр[ючков] спросил их, как им рисуется материальная сторона дела. «Я в этом смысле не умею совсем говорить, но Алеша, подумав, сказал: “Работа большая, все остальное придется отложить, надо, значит, пока мы будем работать, известную fixe[216], я думаю, тысячу рублей в месяц”, на что Крючков сказал: “Не мало?”».

А сейчас писателей отправляют бригадами в колхозы, совхозы, заводы и пр. смотреть, писать и вести культурную работу, на что ассигнуются большие деньги[217]. Толстой ездит слушать лекции в Гипромез[218] и летом едет на Урал на завод. Федин говорит: «Это кончится тем, что Госиздат попадет в окончательный тупик. Прельщенные деньгами, на это бросятся все, и к осени будет написано столько дряни, которую никто не будет ни читать, ни покупать».

Мне чудится во всем этом грандиозный подкуп. И насколько наши gouvernants[219] бездарны в смысле внутреннего хозяйства страны, настолько они собаку съели в подкупе и растлении нравов. Меня гнетет вся эта безграничная ложь, фальшь и насилие — угнетает нестерпимо; у меня ощущение, что какие-то сотни пудов давят на мои плечи, — а податься некуда.

У меня нет утешения ни в чем, дети больны, больны навсегда, порок сердца. Что может быть ужаснее для матери, да еще для матери, которая совсем

одинока. Искусство брошено, кукольный театр брошен, никакой работы для души, и днем и ночью незамолкающее, ноющее беспокойство об Алене, да и Васе тоже неважно. Я пошла уж сегодня к Толстым, чтоб хоть немного забыть все это, вот уж два с половиной месяца этого страдания.

10 мая. Читаю книжку о Тургеневе, записи его современников и его самого[220]. Бесконечно мне жаль людей — такие они одинокие, несчастные, как слепые котята торкаются бедной своей беззащитной головой, страдают до исступления, и только что начинают прозревать, как их физическая машина уже отказывается служить и наступает конец. И несмотря на все свои страдания, на мучительное одиночество — в этот короткий миг, данный для жизни, — как старается бедный человек проявить, выявить свое божественное, свой дух, свою миссию, дать все, что может, из данного таланта вернуть десять. Бедные Тургенев, Лев Толстой, Наполеон, Петр, — я думаю, что Петру не раз хотелось размозжить голову о камни от ужасного одиночества. И чем выше человек, тем более одинок. Не жаль лишь тех, кто, замкнувшись в свой маленький мирок, благоденствует. Не помышляя ни о чем. Бедное человечество. А когда еще оно переживает такие подлые эпохи, как мы, когда ежеминутно из нашей среды какие-то щупальцы вырывают близких и засаживают в тюрьму и дальше...

22 мая. Когда я бываю в Петербурге, то прихожу в положительно разъяренное состояние и мысленно ругаюсь самым непристойным образом. Шум, какая-то толпа ободранных, желтых, изможденных, озлобленных людей; на углах неистовые громкоговорители, которых никто не слушает, но которые оглушают и поставлены нарочно, чтобы сбить людей с толку. В магазинах ничего нет. Окна в кооперативах разукрашены гофрированной разноцветной бумагой, и все полки заставлены суррогатом кофе, толокном и пустыми коробками. На магазинах обуви объявления: сапог мужских, дамских, детских нет. Папирос нет, табаку нет, чулок для Васи нет, штопальных ниток нет, материи для обивки нет, в комиссионном магазине, казенном, на мой вопрос, есть ли простыни, барышня с презреньем ответила: от 30 рублей штука и дороже. К русскому обывателю, интеллигенту там относятся с презреньем, он ведь главным образом продает, где ему купить! А какой там фарфор! И бронза — все это «на крови и на слезах» собранное.

Когда-то Петтинато, когда жил здесь, говорил мне, что его поражает в нашей толпе, даже в церкви (мы были с ним в Казанском соборе[221]), отсутствие желания отодвинуться от соседа, не столкнуться. У нас всякий прет (не идет, а всегда прет) телом на тело, не ощущая всего ужаса этого. Наша тол-

па — толпа дикарей, стоящих на самой низкой степени развития. Католики считают свое тело греховным. В римских couvents[222] детей не купают, почти не моют, если и купают, то в рубашках. Алена рассказывала, как в Bezous[223] она на ночь надевала свою ночную рубашку поверх денной, чтобы, переодеваясь, не было видно голого тела. Они ощущают свое тело. У нас вообще ничего не ощущают, кроме физиологических потребностей, а насчет греха есть пословица: не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься.

Ненавижу. Ненавижу беспардонную, звериную грубость, тупость, наглость, ни на чем не основанную. Ждут поезда, вернее момента, когда отворятся двери на платформу. И бросаются так, как будто им в спину стреляют из пулеметов. Не видят перед собой никого, готовы все и всех смести — брбр, — и это дурачье околпачивают как хотят. Валяются на улицах, просто, без стеснения, без стыда. Это все ужасно. Ужасней, чем мы думаем. С каким презреньем должен англичанин смотреть на эти валяющиеся мертвецки пьяные фигуры, на все.

Больно. Святая Русь!

Вчера справляли Аленины именины. Обедали Толстые, Дешевовы, Загорный. Юрий рассыпается. Меня как-то это мало трогает, мало убеждает. Сможет ли он работать, пропустив столько лет? Боюсь, что Алене после вчерашнего торжества будет хуже. Почему у меня дети не как у всех, а за них так мучительно страшно.

16 июня. Тоска невероятная, такая тоска, что кажется, голову бы себе размозжила! Можно ли жить в стране, обреченной на голодное вымиранье, можно ли жить среди тупых, мрачных, озлобленных людей, злополучной, голодной, обманутой черни, мнящей себя властительницей. Я слушала както в вагоне разговор двух молоденьких женщин: «У нашего поколения нет ни прошлого, ни будущего, одно тяжелое настоящее. Старшее поколение живет прошлым, воспоминаниями, оно видело хорошую жизнь. У нас же только служба, жизнь впроголодь и ничего лучшего впереди». Жалко мне их стало очень. Как бы я жила, если бы я не знала Италии, если бы на каждом шагу меня не поддерживало Ларино, прошлое. Когда я шла за гробом А.И. Зуевой по полям за Мечниковской больницей[224], слыша пенье жаворонков, я вспоминала Помпею, я шла там в старый амфитеатр, и так же пели жаворонки, и еще звенели пчелы. И так захотелось в Италию. Умереть только там. Лежать только в моей Святой земле.

Как ужасна смерть в больнице. Мертвый становится сразу вещью, пустым местом. Всем, умершим в больнице, делают вскрытие, труп от груди до низу

зашит крупными стежками через край. Это как-то просто до ужаса. Я была в мертвецкой. Это очень страшно. Но потом я поехала на Охту на кладбище[225], и люди, ехавшие в трамвае, были еще страшнее мертвецов. Желтые лица с кожей, туго обтягивающей кости, провалившиеся глаза, люди, отощавшие от долгого недоедания и обреченные на смерть. В 18-м, 19-м году было совсем другое и «смертники» были другие. Это были главным образом интеллигенты. Они были ошеломлены революцией, внезапно наступивший голод сразу сломил слабых. Люди пухли от голода. Никогда я не забуду одно лицо. Я его встречала всегда в конце Невского. Мне казалось, что это был какой-нибудь маленький чиновник, Акакий Акакиевич какой-нибудь[226]. Он был небольшого роста, в котелке и черной крылатке, глядел он исподлобья, и взгляд его круглых карих глаз был испуганный насмерть. Лицо тоже было круглое, опухшее и желтое, как воск, с зеленоватыми подпалинами. Я знала, что этот человек долго не протянет. Потом больше я его не встречала. Этот смертный ужас в глазах: тогда ведь люди мерли, как мухи, на ходу. И у всех был такой же распухший восковой вид. Теперь не то. Долгое недоедание высушило людей, и теперь хуже вид у рабочих. Они тоже желтые, но совсем высохшие, худые. С них сдирают под видом соревнования, ударничества и пр. девять шкур. Наш сосед, милый Васильев, рассказывал мне, что он теперь иногда до 2 часов ночи ездит по округу, починяя машины новоиспеченных рабочих. Их было на здешней механической базе более 150 человек — учеников. Весь май они возили тракторы и катки перед нашими окнами. Вся эта молодежь, девицы и парни, ходили, обнявшись, за катками или лежали на солнышке. Затем они кончили ученье, их выпустили на работу, и они ломают все машины. А настоящие техники из сил выбиваются.

Когда я везла Анну Ивановну в больницу, с нами везли женщину, которую сопровождал сын, рабочий Путиловского завода[227], лет 24, необыкновенно нежно ухаживавший за матерью. Из больницы мы ехали с ним вместе в трамвае, и он мне рассказывал много о заводе. Он жаловался, что совсем нету квалифицированных рабочих — куда они подевались, неизвестно. Оттого, вероятно, в продаже, кроме бракованных вещей, ничего нет. Я купила чашки в государственном фарфоровом магазине (императорский завод[228]), очень хорошенькие, по 1 р. 9 коп., все с изъяном. Купила здесь Васе фуфайку, всю уже перештопанную. До какого крайнего банкротства должно было дойти государство, решившееся обречь своих жителей на такой голод во всех отношениях и вывозящее все вплоть до лука и чечевицы за границу. Какой это глубочайший позор! Все это рабочим объясняется строительством. Но зачем

строить, когда работать некому? Вся эта ложь меня приводит в исступление, и до чего я презираю народ, который все это терпит. Он, очевидно, и не заслуживает ни лучшей жизни, ни лучшего правительства. Но людям со свободным духом здесь не место, и надо направить все усилия, чтобы в будущем экспатриироваться. У Васи хорошие способности к рисованию — дарование интернационально. Только бы он был здоров. Сегодня я была в городе. *Нигде* нет никаких материй, никакого мыла, ничего съедобного, кроме Первой конной (колбасы[229]), люди ходят из магазина в магазин с тупыми лицами. Леле понадобилась примусная горелка — в Москве не нашлось, в Ленинграде и Детском также, теперь ей привезли из г. Зарайска[230]. Жизнь унизительная до последней степени.

Знакомая К. служила в Москве гидом и была приставлена к каким-то иностранцам, которым понадобилось купить кусок туалетного мыла. Обошли весь город и не нашли. Иностранцы были удивлены, а девица страшно сконфужена. Она отправилась в Наркоминдел[231], рассказала это, и ей дали наряд на мыло, которое она и передала своим иностранцам. Они опять удивились и стали допытывать ее, какими судьбами ей удалось достать это мыло. Узнав, в чем дело, они взяли да и написали благодарственный адрес в Комиссариат иностранных дел за доставленный им кусок мыла. Девице влетело, и, кажется, она лишается места.

Но что должен думать приезжий европеец о стране, в которой на 13-м году революции, в мирной обстановке обыватель не может себе купить куска мыла? *Кому* это нужно — вот что меня интригует.

На днях я обошла весь Апраксин, Гостиный, Пассаж в поисках одного метра синего сатина. Во всех магазинах лежало на полках по нескольку кусков черного сатина и больше ничего. Было похоже на страшный сон. Теперь уже и этого нет. Мне надо срочно сделать ремонт в комнате, куда должен въехать Юрий. Мне нужно три доски 2½ дюйма и 3 доски 1 дюйма толщины. Я уже жду полтора месяца, нигде на складах нету. Нашему жакту (жакт — жилищно-арендное кооперативное товарищество) необходимо сделать очень много починок и построек — и все стоит.

Такая тоска, но, конечно, главная моя тоска — это здоровье детей. У Васи кроме сердца еще и легкие не в порядке, ну как тут быть, как его спасти, что придумать и почему это?

Смерть Анны Ивановны очень страшна тем, что вот жил человек, умер и следа духовного никакого не осталось, как будто никого и не было. Когда есть дети, кто-то продолжает не столько жизнь, сколько дело, а если чело-

век сам по себе крупен и силен духовно, его флюиды, радиоволны его мозга остаются жить и долго еще звучат. Иногда это звучанье чем дальше, тем сильнее. Например, Жанна д'Арк — чудо из чудес нашей земли, 18-летняя деревенская девушка. Никогда ее так не боготворили, как в начале XX века, а было время, когда она совсем была забыта, высмеяна.

И как не хочется уйти из жизни совсем, не оставив по себе хоть легкого следа. Проплывет лодка — и за ней струйка долго видна, волны расходятся кругами. А умерла Анна Ивановна — и даже кругов не осталось. А впрочем, кто знает! Она была, несмотря на бедность, очень жизнерадостна, незлоблива, радовалась на чужое веселье, успехи и не теряла собственного достоинства. Получая 18 рублей пенсии, она жила не приживалкой, а барыней, а после смерти еще нас с Таней облагодетельствовала.

27 августа. Боже мой, отдохнуть бы от мучительного беспокойства об Алене, отдохнуть от всего, не думать о голоде, Алена, мой ангел, мое солнышко, тепло моей жизни, все больна, и все не лучше, а хуже. Господи, спаси ее, мою радость. И я опять одна с ними.

Поведение Юрия внушает мне глубочайшее презрение. С конца зимы начались усиленные разговоры о том, что он переезжает сюда. Надо ремонтировать комнату, пробить новое окно; накупается мебель, обивка, целое лето я добываю материал, ухаживаю за рабочими, и когда все готово, Юрий мрачнеет, высказывает сомнения, позволят ли ему перевезти рояль, не вредна ли Алене музыка, будет ли тихо в комнате и т.д. Дети ждут переезда, Лёка плачет, нервничает. Тут оказывается, рояль Музтрест не позволил перевезти. Мебель, т.е. диван и комод, из города перевозить нельзя, т.к. там наоборот он будет делать ремонт, надо же ему иметь обстановку и т.д. Для чего же была эта комедия? Для того, чтобы бывать в обществе? Или он сначала хотел переехать, а потом приехала Капустина и вся его храбрость улетучилась? Или просто переезд сюда обязывал к серьезной работе, окончанию оперы, симфонии; близость Толстого, Шишкова и переезжающего сюда Федина были бы каким-то контролем над его работой, а этого, по-видимому, дать он уже больше не может, мог бы — да лень. Он любит общество мещан, там он чувствует себя героем, гением, и ничто ни к чему не обязывает. Я взбесилась, как давно не было со мной, — обозлилась за глумление над детьми, над детской верой в отца. И высказала Юрию все это, не щадя красок. Он похлопал дверями, но на другой день приехал и сообщил, что ему дадут перевезти сюда другой инструмент. Говорить с ним я не хотела, боясь за Алену, а написала, прося больше не ездить в Детское, бутафорских роялей не перево-

зить и комедии не играть. И привела ему Васины слова: «Если папа не переезжает, пусть не ездит вовсе». С тех пор уже дней десять, как его нет, несмотря на то что он знает, что Алене хуже. Разве это человек?

При последнем свидании я ему сказала: «Годы наши идут, мы не молодеем, ты очень будешь жалеть, что отказываешься от детей». На что он мне ответил: «Да, я очень жалею, что мне не могли купить двух шкапов, когда были деньги» (тут продавались два небольших шкапика красного дерева за 140 рублей, которые ему нравились, но были совсем нам не по средствам).

Я удивилась, как можно детей приравнивать к мебели. Поразительная мелкость чувства и мысли. Только бы Вася не унаследовал этого. Обман отца на него произвел очень сильное впечатление. Бедный ребенок, он стал страшно нежен ко мне и более внимателен к Алене, он чувствует, что он должен быть мне поддержкой. Он очень скрытен, но каково ему было разочароваться в отце. Пока мы были за границей, я никогда даже не намекала ни на что и воспитывала в них культ отца. А тут ждало его такое разочарование и такая грязь.

Будь у меня самостоятельные средства, я окончательно порвала бы с Юрием, так, чтобы дети его больше и не видали, это было бы здоровей для них, до тех пор пока он не устроил бы себе пристойной жизни или не реабилитировал себя крупным произведением. Но, если бы у меня были самостоятельные средства, Юрий бы был тише воды, ниже травы, увы.

Бедные, бедные мои дети. Аленушка ничего не знает, но и она на днях мне сказала: «Я думаю, что папа так и не соберется к нам». Бедная крошка. Как бы мне им заменить и отца и мать.

8 сентября. Были у Толстых — именины Натальи Васильевны. Первый раз я видела Алексея Николаевича пьяным, как-то осевшим. Ксения привезла ему спирта, чтобы развести, а он, кажется, пустил его в ход чуть ли <не> в неразведенном виде. После обеда он пропал, оказалось, заснул в передней, но, проспав минут десять, вернулся чай пить, сидел нахохлившись и изображая пьяного. Молодежь шумела, шутила, и вдруг Алеша, обняв Фефу[232], нежным голосом заговорил: «Как бы мне хотелось на небольшом парусном суденышке в эту самую бухту Барахту съездить!!»

А позже он мне развил свою мысль: «Слушай, Люба: мы едем в лодке, море синее, безбрежное, бочонок пресной воды пуст, есть нечего, гребцы умерли, никакой надежды на спасение. Никакой. И вдруг видим полоску, полоску земли, гребем, гребем изо всех сил и видим — бухта, маленькая, тихая бухта, маленький остров, зеленая трава, по траве ручеек, какие-то кроли-

ки, козы, спокойствие полное, нежарко, хорошо, хорошо, и мы целуем, целуем эту землю. Это и есть бухта Барахта. Это конец всего, это счастье».

Вот бы мне попасть в эту бухту Барахту — кажется, что не дотянешь, не доживешь.

Пельтенбург говорит: в Голландии не верят в русские дела.

Что будет, как будет, как я выкарабкаюсь?

Одно я знаю: я даю себе клятву, Аннибалову клятву[233], никогда, ни под каким видом не допускать возможности жизни Юрия с нами. Как я могла ему поверить! Это человек конченый, опустившийся; его присутствие самым вредным образом отражается на детях. Не должен ребенок видеть безнаказанной распущенности. Это невольно подает ему пример. А теперь Вася видит, что раз папа избирает такой странный образ жизни, то его знакомые перестают его приглашать, уж в Детском бывать он не будет. Васе урок. А если б кто знал все! И все-таки каждый раз, когда я бываю в церкви, я молюсь за Юрия, чтобы Бог спас бы его, спас от него самого, и дал ему сделать то, на что ему были отпущены силы.

Как странно мне, что я чувствую в себе какую-то большую силу, которую применить мне некуда сейчас, и жизнь заставляет меня делать все не то, что надо. Удастся ли мне хоть выполнить мой план, написать всю свою жизнь, приложив к ней все письма, наиболее интересные и характерные рисунки свои из Ларина, фотографии? Чтобы детям моим или внукам была близка и ясна моя жизнь, детство в Ларине и наши последние мучительные, фантастические годы.

9 сентября. Этого лета я не заметила благодаря болезни Алены. Внешняя же жизнь изменилась катастрофически. Я как-то была у Валентины Андреевны Щеголевой в Обуховке[234] и говорю ей: «Мы не чувствуем встречного ветра оттого, что земля вертится и мы вместе с ней, но сейчас мы совершенно ясно ощущаем этот встречный ветер несущейся истории, так быстро мы несемся куда-то вниз». — «Еще бы, уж и зады все протерли», — ответила Валентина Андреевна.

Сейчас в сентябре более или менее стабилизировалось положение в том смысле, что как все исчезло, так ничего и нет. А то все исчезало постепенно. Был сахар, еще в марте продавался в кооперативах без карточек по 1 р. 65 коп. кило, потом по 2 р. 30, затем не стало, и сейчас на рынке он 7 р. Исчезло мыло, порошок для стирки, ситец, сапоги, какие бы то ни было; разменная монета. Когда приезжаешь в город, то потрясают очереди, все улицы уставле-

ны народом. Иностранным туристам велено объяснять, что это стоит беднейшее население, которому все раздается бесплатно.

После заседания жакта. У нас всякая частная организация, жилищно-арендное кооперативное товарищество — казалось бы, частное товарищество нас же самих, жильцов, — становится казенным делом с легким налетом ГПУ[235]. <...>[236]

15 сентября. Цены на частном рынке.

Мясо, телятина — 8 р. за кг.

Масло сливочное и топленое — 11 за фунт.

1 яйцо — 40 коп.

Картофель 1 кг. — 30 коп.

Лук ——

Французская булка — 55 коп.

Сахарный песок 1 кг. — 7 р.

Рафинад — 10 р.

Подсолнечное масло ——

Официальный курс рубля 13 франков.

1 доллар = 1 р. 94 коп.

24 сентября. Я думала, надеялась, что худшие времена прошли, а они, кажется, уже опять наступили. Опять голод, опять я без прислуги, как в те годы, с 18 по 22-й. Только мне на 10 лет больше, здоровья нет, и надоело, ой, как надоело. И тогда мы не представляли себе вполне трагических последствий голода. А теперь видим их ясно на здоровье детей. И вот опять они на ужасной пище. Доктор говорит: давайте легкое мясо! А курица стоит 12 рублей. И благодаря нелепому ремонту у меня с июля долги, которые меня топят, как привязанные к шее жернова. Вася бледен и худеет. Про Алену я уж и не говорю. Ее велено усиленно питать, только это ее может укрепить. Какое мученье! А в школе этих полуголодных детей посылают в совхоз на Среднюю Рогатку[237] картошку выбирать. Вчера заходила Катя и рассказывала очень занятно. Она служит в столовой на Средней Рогатке, и они обслуживают рабочих совхоза. В 10 часов утра к ним является целая партия в 150 человек: это субботник, работницы и рабочие с какой-то швейной фабрики в Петербурге, идущие выбирать картошку в совхозе, главным образом молоденькие еврейки, девицы с маникюром, в тоненьких туфельках, туфли и чулки мокрешеньки. Они *шли пешком*; вышли накануне после обеда, где-то ночевали, устали и промочили ноги. Их представитель потребовал чаю для них и воды выстирать чулки, Катя направила их в канаву. Спели «Интернационал» и еще кое-какие песни, попили чай, обсохли, в двенадцатом часу пошли за полверсты в совхоз

выбирать картошку. К 2 <часам> вернулись, попели, пообедали, отодвинули столы и стали танцевать. С ними был оркестр в 12 человек и баян. Потанцевали, попели и пошли картошку выбирать. В 6 часов поехали домой, на этот раз уж на поезде. Представитель хвалился, что они набрали 50 мешков картошки за день. Во что же обошлись правительству эти 50 мешков? Пропущенный день на «производстве», чай, обед и молоко. И кому это нужно: шум, реклама и ничего всамделишного. А картошка в земле, и овес до этих пор не убран. Одно сплошное очковтирательство, а зачем? Не пойму.

У нас холодно, дров нет. Меня бы надо взять за волосы да об пол, и так много, много раз, до седых волос дожила, а ума не вынесла. В нашем жилищном товариществе ордера на дрова распределяет комиссия из трех женщин, из которых одна прачка Наумова заведомая воровка, так же как и сын ее, и сожитель. И это курьезно, и для меня необъяснимо: как только общее собрание жакта и выборы в какие-нибудь комиссии, тотчас же несколько голосов предлагают ее. Наш сосед рабочий Кеддо, тоже заведомый вор, состоит кандидатом в члены правления. Чем это объяснить, не знаю. Может быть, бедные перепуганные домохозяйки считают, что если вор, то, по крайней мере, уж наверно политически благонадежен. А может, от страху.

А под шум всякой этой ерунды история с Р.П., а еще анекдот с Палладой. Оттолкнуться бы от этого берега и уплыть, уплыть туда, где живое солнце светит.

Надоело, надоело все, надоел Юрий, надоела зависимость от него.

Была на днях в городе и внимательно рассматривала толпу на Невском, повсюду. Это не народ, не пролетариат, а просто чернь, populace[238], драная, голодная, больная чернь. Ни одного свежего, здорового лица. Ни одного приветливого, веселого. И я смотрю на себя в зеркало и вижу желтое осунувшееся лицо, синяки под глазами и голодное выражение, одним словом, лицо, как у всей толпы. Такое же лицо и у моего бедного Васяты. Я ужасно за него боюсь.

Очереди в городе до ночи. Я шла около 8 часов где-то в конце Литейной — дождь, грязь; длиннейший хвост, одна женщина уходит из очереди, говоря: «Второй день за мясом стой, кровью это мясо обольется».

Ужасно чувствовать себя мышью.

9 октября. Я устаю. С 8 утра кипячу, развожу примус, варю, чищу, мою, подметаю, и так до 5, потом играю с Аленой, варю ужин, укладываю спать и падаю в кресло, свертываюсь калачиком — только бы заснуть. Холодно.

От усталости иногда окунаюсь в XVIII век, читаю de Lignes'а, а вчера просидела до 3 часов ночи над «Рокамболем»[239]. Замерзла так, что еле встала.

У меня теперь впечатления только «очередные». В городе получать что-либо в кооперативе — это один из кругов ада. Бедный Данте этого не предугадал. В последний раз я пробыла ровнехонько 1½ часа в магазине, чтоб получить ½ французской булки за 13 коп. (на 2 детей за 1 день), 200 гр. маргарину и 3 кг сахару! Надо встать в очередь к кассе (предварительно обойдя все отделы, чтобы узнать, что дают). Заплатив и получив талоны, — очередь у хлеба, очередь у маргарина, очередь у сахара. Все злы, измучены. Проходил пьяный — начали издеваться. За мной стоял мужичок. «Эх, — говорит, — ведь с тоски. Тоска, такая тоска, чем же душу-то развеселить, надо же чем-нибудь, вот и пьешь». А как пьют. Так мне жаль, что нету у меня аппарата — сфотографировать очереди у Центроспирта[240]. Живой Гойя. Распухшие лица, беззубые, калеки, ободранные старые женщины, пьяные — страшно смотреть. И все, верно, тоже с тоски. У всех людей, в особенности крестьян, уничтожена, выхвачена почва из-под ног, в буквальном смысле; что же им остается делать? Паша, Аннушкина сестра, рассказывала, что у них мужики сена не убирали. Не к чему, говорят. Я абсолютно не умею обращаться с современными людьми. Как попробую, так и нарываюсь на жульство. В июне получила заказ на раскраску костюмов к «Золотому веку»[241], рекомендовала меня Янишевскому Ходасевич. Красок, брильянтовой насыпи не оказалось в продаже, т.к. все частные предприятия закрыли. «Кубуч»[242] обещал мне их сделать, но тянул это целое лето. Я ездила в город без конца, хлопотала, наконец обещали сдать мне 3 или 4 октября. Я сообщила Плешакову. 4-го покупаю краски, прихожу в костюмерную — Плешаков уже передал заказ своему закройщику, якобы он боялся, что я совсем не приду. Передал тогда, когда узнал от меня, что краски появятся в продажу по моему настоянию. Плешаков — коммунист, активист, в прошлом, говорят, белый офицер, только что съел Янишевского, вообще сволочь. Как много их расплодилось.

Я подала заявление помощнику директора Государственных театров Лохотину (бывший кладовщик). Но как с ними бороться? Схлестнуться — неплохое выражение.

Была у Якуниной. Вот уж une femme courageuse[243]. Одна с ребенком и выбивается, выплывает на поверхность. А Левин — по суду — дает на девочку 50 рублей. Тоже... Молодчина она. И не сдается, и духом не падает, и виду не подает, как ей трудно.

11 октября. Единственное мое развлечение, когда я готовлю обед или стираю, это философствовать или мечтать. Помню, в Париже какие блестящие планы я создавала за стиркой Алениного белья. Бодливой корове бог рог не дает.

Рубила капусту для пирога. Неподатливые листья падали на пол, сечка мельчила остальные — коммунизм с нами делает то же самое; мы все время равняемся по низшему, по мелкому: чуть крупный лист — сечка его пополам. И все мельче и мельче рубится капуста. Также и мясорубка.

У нас расстреливают в спину, в затылок, чуть ли не в упор. Можно ли выдумать более подлую казнь, более подлый народ? Меня начинает искренно возмущать, когда во всех бедах обвиняют правительство, большевиков. Народ подлый, а не правительство, и, пожалуй, никакое другое правительство не сумело бы согнуть в такой бараний рог все звериные инстинкты. Я помню этот звериный оскал у мужика при дележке покосов.

До октября, вернее, до середины сентября, хоть все было дорого, но были деньги. А потом деньги пропали. В учреждениях задерживают, в Драмсоюзе задерживают, банки не дают. У меня мучительный ужас: как прокормить детей, чем? Я стала брать конину, но и она не очень дешева — 3 рубля кило. Ой, тоска какая. Единственное счастье — сон. Хотелось бы наесться веронала и проспать несколько дней — а Die Pflicht[244], как говорил папа. Папа, па-па. 9-го я служила панихиду в день его смерти. 18 лет прошло с тех пор, и как будто сейчас это все. Мое мучительное путешествие из Рима, встреча с Сашей на Смоленском вокзале, папа в гробу, его худые бледные руки. Боже мой, до чего я его любила и люблю. И до сих пор не могу примириться с его смертью. Как бы он любил моих детей. Какое бы счастье было иметь его около себя. Дорогой мой, дорогой папочка. Невесело он прожил свою жизнь. И теперь так же страдает Саша. Мы, дети, его обожали, он это чувствовал, знал.

13 октября. Обидно, что я пишу дневник только в тяжелые полосы своей жизни. В Париже за все самое лучшее, веселое, милое время, 25-й, 26-й год, я не написала ни строчки. Rue Jules Chaplain[245], встреча с Петтинато, дружба с ним, Оля Плазовская в одном доме со мной, Божеряновы, театры — несмотря на массу работы, как было хорошо, даже молодо и весело. Постоянные заказы, веселая работа с Ниной Гойер, дружба с Потемкиными, Montparnasse[246]. И ни строчки за это время, подлая, не написала. Но я так хорошо помню это время. Дети были здоровы. И все оборвалось с приездом Юрия. Пришлось бросить работу на три недели, и этим потерялась нить. Он загонял меня по Парижу, а мне надо было лежать. Я стала болеть. 21 октяб-

ря 26-го года умер скоропостижно Потемкин, внутренно умерла Любовь Дмитриевна. Я легла в больницу и вышла оттуда разбитым человеком. И пошло. Болезнь за болезнью. И что дальше? Выкарабкаемся или нет? Сейчас хуже, чем в 18-м году, нету тех сил. Разве бы я смогла теперь, как в 21-м году, вести хозяйство, топить русскую печь, кормить новорожденную Алену и писать по ночам декорации в Театре и еще на фоне увлечений Юрия! Никак. У меня сейчас только хозяйство без прислуги и больная Алена, и я чувствую, как с каждым днем мне все труднее и труднее. Прямо кляча. И досадно и обидно.

21 октября. Четыре года уже, как умер Потемкин. Что-то с Л.Д.? Вечером, когда дети угомонились, читала «Climats» André Maurois[247]. Какая милая книга. И как в наши звериные времена странно читать такие вещи. Ни ужасов, ни самосудов. Благородные люди, большие чувства, а не физиология. Так будут у нас писать через лет 15. В 12 часов ночи ко мне постучала соседка Елена Ивановна Плен. Елену Ивановну Плен арестовали. Я потом сидела до трех.

23 октября. Жуткое ощущение щупальцев спрута, от которых не уйти. И мы маленькие, маленькие мыши. Если бы просто мыши, тогда не беда. Но у этих мышей душа, Дух. Грех против Духа Святого. Жизни мышья беготня[248]. И каково это существовать этой жалкой мыши с человеческой Божественной душой? У меня с тех пор все из рук валится, как подумаю о Елене Ивановне.

2 ноября. Уже с месяц, как я никого не вижу и нигде не бываю. И должна сказать, что никуда не тянет. Сейчас люди не верят своей собственной тени, — а вдруг как она служит в ГПУ? В пятницу после ареста Е.И. я зашла вечером к Ш. Никого не было. Они очень милые люди, хорошие, вероятно добрые. Но говорить нам было не о чем. Я знаю, что он думает и что наболело у него, но он не говорит ни звука. Что он — меня боится, что ли? И это ощущение недоверия так противно, что не хочется больше никого видеть. Толстые не заходят, и я не иду. В одиночестве я не скучаю. Устаю и надоедает чернорабочее состояние, но когда я вечером остаюсь одна сама с собой, с книгами и письмами, я особенно остро чувствую всю интересность нашей жизни. Но до чего она трудна и фантастична! Никакой Perrault в описаниях сказочных дворцов, никакая Шахеразада[249] не додумались до гиперфантастики наших дней. Трагический гротеск. Зашла в кооператив промтоваров. Купить ничего нельзя. Лежат несколько косынок, чулок, сапог, все по ордерам с места службы. Туфли из ярко-зеленой лакированной кожи с светло-желтой. Кто будет такие носить? Да еще по ордеру. Стояла в очереди за ке-

росином. Дают по пол-литра на человека на месяц. На стене портрет Ленина и его изречение: «Всякая кухарка должна уметь управлять государством»[250]. Воображаю, как он теперь хохочет на том свете, с горки-то ему теперь виднее.

Ездила 28-го в город, чтобы повидать Н.А. Морозова, думала, что он как-нибудь может помочь Е.И. Ему 76 лет. Он свеж и бодр, и глаза так же сияют добротой и теплом, как и 20 лет тому назад. Вот живая реклама царских тюрем! Н.А. сказал мне, что его попросили в ГПУ раз и навсегда ни за кого не хлопотать, «а то идите на наше место». И он ничего не понимает. Ксении не было, она в Кисловодске. Когда я ее вижу, то всегда вспоминаю институт, Maman Mme Бюнтинг и ее слова к Ксении: «Vous devez marcher comme une grande-duchesse»[251], — ее обучали выходить и делать реверанс перед концертом. Она была блестяще одаренной девочкой, не талантливой, а страшно способной. Всю институтскую жизнь она шла первой. На курсах мы очень сошлись с ней и Лилей Сперанской, ее подругой. Потом, вероятно это было в 1905 году, я пошла на лекцию Морозова об откровении в грозе и буре[252]. Хотелось посмотреть на этого человека, только что вышедшего из тюрьмы; встречаю Ксению Бориславскую: «Это мой муж», — я верить не хотела. Между ними было лет 30 разницы. Потом, году в 7-м или 8-м, я училась в Париже. Они туда приехали. Мы с Ксенией водили Н.А. по магазинам и одевали его. Он кротко покорялся, но без малейшего интереса. Помню, что свидание со всеми эмигрантами произвело на него очень тягостное впечатление. Все ссорились, жаловались, никакого единения не было. В первые дни революции, в феврале или начале марта, я зашла к Морозовым, и мы зачем-то пошли длинными переходами в институт Лесгафта[253], который был своего рода революционным штабом. Проходя мимо одной комнаты, Ксения заглянула туда и увидала приведенных арестованных городовых. «Не смотри на них, Ксана, как их жалко, они, верно, плачут», — сказал Н.А.

9 ноября. Перед праздниками, 7 и 8-го, пустили в продажу посуду, для людей первой категории, конечно. В городе бабы становились в очереди с ночи и в один день все расхватали. У нас в Детском всякий покупатель кастрюли, чугунка и т.п. *обязан* был купить ночной горшок, и все детскоселы ходили по городу, по другим очередям, вооруженные ночными горшками. Сахарный песок выпущен в продажу по 2 р. 50 <коп.> за кило, а по карточкам не выдали даже к праздникам. Жить становится все трудней, т.к. за всем прочим пропали и деньги. Мы бы могли сейчас жить неплохо, если бы Юрию выплачивали то, что он зарабатывает. Дети все время хотят есть. Это мучительно. На рынке есть все, даже гигантские груши по 1½ рубля штука. Кто

их покупает? На днях вечером заходила к Толстым. Погружены в ремонт дома, мебели. Рассказ Н.В. о Фефе. Это уже просто глупо и недальновидно.

24 ноября. В «Литературной газете» 10 ноября была статья Толстого, смысл которой сводился к словам: «Вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой». «Я вам — утро человечества, социалистическое строительство!.. — нельзя ли на чаек с вашей милости, домик в пожизненное владение»[254]. Некрасиво как-то очень. Может быть, он вдруг уверовал, все может быть, но вера эта — ей грош цена. В прошлом году Мите была взята гувернантка, архирелигиозная, поклонница отца Александра, и был вначале полный восторг. У ней и Алена занималась с Митей до Нового года. А теперь Митя октябренок, а Никита пионер. А за границей Фефа был бойскаутом[255]. Тут не смена вех, а отсутствие каких бы то ни было вех. Замена убеждений чутьем, где выгодней и безопаснее. Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Так и А.Н. Но я больше у них бывать не смогу. Они затратили сейчас на дом, я думаю, тысяч 10—15, А.Н. говорил: «У нас будет две ванны, — одна будет замечательная, как у куртизанки, повесим похабные картинки...» Утро человечества. И ведь все равно никто не поверит. А вчера было собрание интеллигенции: профессора, Петров, Толстой говорил речь о вредительстве, еще не было в газетах подробностей[256]. Табесгои[257]. Всё это люди, зарабатывающие тысячи, — откуда и преданность. Может быть, я ошибаюсь, но я верю в одно, что не может и никогда этого не было в истории человечества, чтобы религия, основанная на ненависти, на порабощении целой нации, на внедрении в нее враждебных ее существу идей, могла существовать.

А пока что мои дети голодают, и я в самом буквальном смысле рву на себе волосы. Алена вчера не могла заснуть до 12 часов. «Вероятно, мамочка, оттого, что я голодна». А дать нечего. Что делать, что придумать? Продавать мебель — кому? Юрий ездил в Москву и заезжал в Клин, в дом Чайковского[258]. «Мне казалось, — говорит он, — что я попал на какой-то остров, в другой мир». Какие мы несчастные, что живем в такое время и в такой стране. Голодать, когда Юрий зарабатывает в эти месяцы не меньше чем по тысяче рублей, а выдали ему за ноябрь в Драмсоюзе 165 рублей.

27 ноября. <...>[259]. Свечин отказался: «...voici mon opinion, j'entends rester dans mon rôle et n'en pas changer comme Arlequin au spectacle... Deux jours après je fus nommé le matin senateur et le soir destitué»[260] — был назначен Пален, и Павел убит. А Англии он был неудобен, потому что он «irrité par l'Angleterre au sujet de l'île de Malte. Paul rappela soudainement ses armées, déchira les traités... et négociations dans lesquelles il se plut à étaler un chalereux enthousiasme»[261].

И был хладнокровно раздавлен. И мы еще думаем, что сами делаем свою историю. Те, которых теперь расстреливают, кому-то мешают для колонизации России. Это так же ясно, как простая гамма, и бесконечно стыдно слышать улюлюканье интеллигенции и Подлейшего Максима[262]. Я раскрыла вчера газету, и мне просто стало дурно[263], и я расплакалась. Больше не буду читать, так как я не верю ни одному слову. Мы слепые котята, quantité négligeable[264], а вокруг наших недр борются два мира — Европа и Америка, так мне кажется. Кто раньше захватит. И чтобы к моменту захвата ни одного *человека* не осталось. Только чернь. Боже мой, Боже мой, Ты нас оставил, или это необходимый урок? Любовь к отечеству и народная гордость?

1931

9 марта. Мои разговоры с Аленой кончаются обыкновенно полным моим посрамлением. Я ей читала «Бориса Годунова». Полный восторг. За ужином она меня спрашивает: «Кто был во Франции, когда у нас был Борис Годунов?» Я запинаюсь, плохо вспоминаю. Алена: «Я думаю, что, вероятно, эти скверные короли Henri IV et Charles IX. А как приходится Henri IV — Генриху III?» Я: «Думаю, что двоюродным братом...»[265] — «Ну, мама, я совсем не могу с тобой разговаривать — ты ничего толком не знаешь!!» Только бы Бог дал ей здоровья. Мне нравится в ней то, что она во всяком вопросе смотрит в корень и желает все знать à fond[266]. Историю она любит, и все ее интересует. Причем ей всегда хочется иметь понятие об общем состоянии всемирной истории. Ее постоянный вопрос: а что в это время было во Франции? А в Англии? И моих приблизительных знаний совершенно не хватает. Итак, я уже изучила историю Англии для нее. Вася же полная противоположность. Его вообще ничто не интересует. Ни история, ни литература, ни математика, он за все хватается, когда его кто-нибудь натолкнет, и тотчас же охладевает. Он пессимист и занят только собой, Алена жизнерадостна и интересуется всем. Странно это. Что-то будет из них? По-настоящему в нормальное время надо было бы Васю по окончании школы предоставить самому себе и дать ему самому выбиться на дорогу. А то он все еще считает себя ребенком: «Мальчику даже брюк не могут купить», «я сын композитора» и т.д. И все чего-то ему недоделали, чем-то он обижен. Тяжелый характер и совсем беспомощный. У него есть способности к рисованию бесспорные, но ни любви, ни увлечения, ни упорства нету. Ужасно меня беспокоит его будущность.

10 мая. Я прочла вчера «Пейпус-озеро» Шишкова[267]. Хорошо написано. Язык хороший, образы яркие и теплота внутренняя, чего нигде нет у Толстого (Алексея Николаевича). Толстой никого не любит из своих героев, он и Петра не любит, — он видит их внешность и анекдотическую часть их жизни. Он и Россию не любит. Шишков и Федин и любят, и болеют душой, «жалеют», как говорят у нас в Вяземском уезде. «Пейпус-озеро» всколыхнуло во мне парижские воспоминания, все эпопеи, которые я там слышала от Оли Б., Олечки Г., Потемкиных и многих еще. И все они там в работе и нуж-

де, но на свободе, они человеки, а не затравленные кошкой мыши, как мы. Кто из нас может быть уверен, что к нему вот сейчас не явятся с обыском, не арестуют, не отберут последнее кольцо. Если я не приношу вреда, то я могу, быть может, принести его в будущем, и поэтому я могу быть расстреляна без суда. С таким же успехом этого может и не быть. Передо мной лежит дедушкино пресс-папье — мраморное яблоко. Лежало у деда, у тетки Анны Васильевны, у папы. Невинное яблоко. Но ведь оно же может быть оружием и даже смертоносным, если им запустить в висок чей-нибудь. Поэтому это яблоко, быть может, лучше уничтожить? Так и всех нас самое было бы простое уничтожить. Вывести в расход. И стараются. Какой ужас: целому народу жить под подозрением во вредительстве и контрреволюции и под страхом смертной казни. Я даже во сне чувствую невероятную тяжесть, давящую мои плечи; пуды, которых нет больше сил переносить. Хочется лечь, наглотаться веронала — non vedere, non sentire, essere di sasso mentre la guerra e la vergogna dura[268]. И все пьют. Вот Андрей Белый говорил: наш народ страшно талантлив, я сам это видел, щупал, работал с ним, с рабочей молодежью — очень талантливы[269]; и за 12 лет никого не выделилось, спиваются, опускаются. Что-то мешает им.

Боже мой, зачем я только вышла замуж, народила больных детей, дать им ничего не могу, семья мне ничего не дала, кроме горя. Сейчас я думаю, что если уж судьба меня обратно бросила в Россию (несуществующую), то, вероятно, для того, чтобы спасти Юрия, ввести его в оглобли, а как это трудно, дать ему возможность закончить свои вещи, творить, а не болтаться в театральной грязи.

Юрий и Вася одно и то же. И про того и другого можно сказать: молодец на стадо овец, а на молодца и сам овца. Беспомощные, недальновидные, слабохарактерные.

Тяжело, тяжело, тяжело. Видеть не могу сытых и глупых Пельтенбургов. Ездят ежегодно на три месяца за границу, сейчас объехали Германию, Францию, Италию, Голландию, и нам, дурачкам, говорят: «Ах, там скучно, у нас здесь веселее». Миллионы высасывают из русского леса — паразиты — и: «Ах, в Париже театры неинтересные». Для таких дур все неинтересно. Поехала прошлым летом на археологические раскопки свайных построек на Онежском озере[270]. Поехала и до каких бы то ни было раскопок соскучилась и вернулась к Генриху. А ну их. Но неприкрашенная сытость и отсутствие всякой любви к России меня выводят из себя.

Страшно беспокоюсь за Елену Ивановну <Плен>. Неужели же ее опять арестуют? В этом маленьком существе такой крепкий дух. Какое издевательство.

11 мая. В ответ на мое уныние, даже отчаяние, вижу сегодня сон: я где-то в каком-то доме, внизу лестницы, и надо мне подняться на самый верх. Совсем темно, черно. Я иду высоко, дохожу до предпоследней площадки. Тут уже светло, но ступеней дальше не видно, они занесены глубоким синеватым снегом, покрытым гололедью. Я пытаюсь лезть, но Вася (брат) меня зовет, и я спускаюсь вниз, понимаю, что из-за него. Но попасть наверх мне надо, и я опять поднимаюсь. Опять на той же площадке какая-то сутолока, кто-то хочет идти вместе со мной, но я говорю, что необходимо быть одной, чтобы пробраться через этот снег; пускаюсь в путь, но благополучно добираюсь до верха. Там несколько человек, и кто-то вроде П.Е. Щеголева мне говорит: «Я пойду вниз проститься с Надеждой Александровной Белозерской, пойдемте со мной». — «Ну, уж нет, — отвечаю я, — с таким трудом я добралась сюда, я вниз больше не пойду». И проснулась. В Париже я несколько раз видела во сне, что я взбираюсь на какую-то страшно высокую скалу, и вот уже недалеко до вершины, я оборачиваюсь, и что-то мне мешает идти дальше, и я спускаюсь малодушно.

По приезде в Петербург мне приснилось, что я на верхней площадке страшно высокого дома. Ступеней нет, а только перила лестницы, и я должна, вися на руках, спуститься с шестого этажа. Это необходимо. И я проделываю этот ужасный путь, перебирая на весу руками, добираюсь благополучно до низу. Аннушка, которой я рассказала этот сон, покачала головой — «плохой это сон».

И тут и пошло: затворение Юрия, Капустина, моя болезнь в городе весной, проболела всю осень, заболевание ужасное Алены. Этой зимой мне снится: надо подняться на гору, кажется, в Ларине, от Дымской долины. Гололедица, и я скольжу обратно все ниже. И вдруг какая-то сила меня подхватывает сзади под руки и выносит на вершину, и я чувствую, что это ангел.

Что меня спасет, что нас спасет?

Все хочу заняться своими материалами по русскому эпосу, хочу подготовить целый цикл пьес для будущего романтического кукольного театра. П.П. Щеголев смеялся над моей затеей: «Романтизма у нас не будет, т.к. романтизм подразумевает реакцию, а у нас реакции быть не может, нет к тому элементов. Никому ваш Микула Селянинович не нужен».

Как может быть Микула и эпос не нужен, как можно отказаться от предков? Теперешнее поколение отказалось от своих отцов и матерей («Известия» 18 апреля 1931 года: «Узнав о лишении прав (избирательных) родителей, порываю с ними всякую связь. Лазутин»)[271]. Хорошо. Но у этого поколения будут дети, несмотря на аборты, и вспомнит же хоть какое-то поколение, более даровитое, о своих отцах и дедах, вспомнят и об Илье Муромце. И даже не началось ли уже. Толстой пишет «Петра» — пьесу и роман. «Academia»[272] издает русские сказки, правда, говорят, для экспорта, у меня все мысли направлены на наше прошлое. Может, угол отражения уже начался[273].

12 мая. По-моему, это аксиома: каждая революция — точнее, революционная действительность — есть кривое зеркало поставленной себе цели. Эта цель достигается через 100 лет, когда уже назревают новые идеалы: 1789—1889, 1918—2018.

6 июля. Мне начинает казаться, что наша революция со всеми своими уродствами и неслыханными жестокостями есть необходимый и нужный урок для народа, для всех его классов. В торжество коммунизма я не верю абсолютно, как не поверила бы в необходимость кастрации целого народа. Если бы целый народ можно было кастрировать, то по его вымирании на его место пришли бы другие со здоровыми инстинктами и расплодились бы на его месте.

Первая польза революции для нашей церкви, для православия, к которому должно быть привито многое от католичества. Серафим Саровский и Франциск Ассизский антиподы, и насколько Франциск выше. Серафим весь в Боге для себя. Схима — величайший эгоизм. Франциск с той же любовью к Богу весь для других. Больные, прокаженные, весь несчастный мир — он для них, для себя только минуты. У нас не было таких братств. Наша церковь трусливая и пассивная, народом не занималась, оставляя его в полной темноте, и теперь видны плоды. Наши мужики никогда не слыхали ни одного культурного слова. Я смотрю на моих прислуг: Аннушка, Нюра — это же ведь зверюшки, не злые, прирученные, но никогда никто в детстве им не сказал ни одного облагораживающего слова. Поп их крестил, и на этом кончилось всякое воздействие церкви. Католические дети волей-неволей до première communion[274], лет до 12 в постоянной опеке священников.

Что сейчас творится в деревне! Сплошной донос, каждый мужик, имеющий одним зерном, одной курицей меньше другого, уже доносит и старается раскулачить соседа. Аннушка очень яркий тип и очень страшный. Преданная прислуга до поры до времени, она способна на всякое воровство, на

предательство, донос, на все, что угодно. Именно крестьянство-то и должно быть наиболее перевоспитано, должно окрепнуть в борьбе, и к нему должны прийти на помощь с духовной пропагандой, научить его элементарной этике и чувству родины и общности интересов. Этому и мы должны научиться. Обухов недаром говорил: «Большевики — это очень хорошо и это очень нужно».

30 октября. Как я давно не писала и как мне скучно, когда я не пишу. Ведь здесь я сама себе единственный друг, с кем могу отвести душу. Людей, с которыми я люблю говорить, могу говорить до конца, me livrer[275], с которыми у меня совсем один язык, двое: Гоша Римский-Корсаков и Петтинато. Петтинато говорил: «Je puis être avec vous en manches de chemise, au figuré»[276].

А между тем жизнь все течет и меняется, меняется, как панорама по берегам реки. Самое большое «достижение» (модное слово): Юрий переехал сюда и работает, работает так, как еще никогда в жизни. В этом хоть утешение за мой приезд из Парижа. Не вернись мы, им бы завладела окончательно та женская шушера, до которой он падок, он бы не собрал самого себя. Переехал он с весны, заключив контракт с московским Большим театром[277]. Комнату я ему устроила очаровательную, такую, в которой сама бы пожила с удовольствием. Но характер у него такой, что время от времени его надо осаживать. Он и Вася, к сожалению, люди без чувства благодарности, добра, жертв они не видят и не ценят. Сейчас Юрий инструментует симфонию[278]. Надо думать, что кончит и что эпоха d'inachevé[279] окончена.

Лето прошло для меня бесплодно. Мне безумно хотелось рисовать, раза два удалось, вставши в 6 часов утра, сходить в парк, порисовать — и только; усталость невероятная. Домашнее хозяйство — это какой-то спрут с десятками щупалец. А у нас, в связи с огромным интересом, который все проявляют к работе Юрия, делается открытый дом, часто гости, а я почти одна. Я просто бездарна и не умею себя обставить хорошо.

Летом в доме Елены Ивановны жили Валентина Андреевна <Щеголева> с Анной Ахматовой, Радловы (Николай) и Ходасевич. Всякую свободную минуту я бежала к Валентине Андреевне, которую мне бесконечно жаль. Ахматова, которую я так близко увидала и узнала впервые, редко обаятельный человек. Я часами могла говорить с ней, любуясь ее тонким, нервным лицом[280].

1932

5 <февраля>. Да, жизнь течет, меняется, люди выбывают из строя, а другие бегут дальше, не замедляя шага. Умерла Валентина Андреевна Щеголева. И не стало человека, в котором я чувствовала такое теплое к себе отношение. Познакомилась я с ней уже после моего возвращения из Парижа. Я была страшно одинока. Юрий встретил меня comme un chien dans un jeu de quilles[281], почем я знала, как отнесутся ко мне его друзья, — уже перед моим отъездом в 23, 24 и 22-м <годах>. Юрий бывал всюду один, приглашений мне не передавал, я думала, что теперь будет то же самое, что я буду для них une intruse[282]. Мы с Васей, вероятно это было в декабре 28-го или в начале января 29-го года, мы были в Александринке на «Шахтерах»[283], сидели в ложе бельэтажа. Внизу в партере сидели Щеголевы. В.А. увидала Васю и спросила, один ли он, — нет, с мамой. В антракте она пришла ко мне и так была мила и сердечна, что покорила меня сразу. И потом, вероятно поняв мое положение, она удивительно тепло ко мне отнеслась. Когда у них собирались, она всегда звонила мне особо, предполагая, верно, что Юрий мне не передаст. И я сразу почувствовала почву под ногами. Весной 29-го года она заболела, летом они поехали на Кавказ, после грязей ей стало хуже. Лето 30-го года она почти все пролежала в Обуховской больнице, я ездила к ней каждую неделю, возила ягоды, старалась развлечь. У нее была отдельная палата, в которой были клопы. Ей стали делать вливанья, кажется, хлористого кальция (не помню точно), но помню одно: делал вначале доктор и все шло хорошо, потом его сменила докторша, которая вспрыскивание сделала совсем не туда, куда надо, испортила вену, боль была мучительная. А Греков пришел: «Не сердитесь, Валентина Андреевна, она ведь так переутомлена!» Осенью стало лучше, поехали они с П.Е. <Щеголевым> в Сестрорецк[284], там же жил Федин. Это последнее счастливое время было. Она оттуда мне писала. Потом, вернувшись в Ленинград, оба стали болеть, в январе умер Павел Елисеевич. В.А. осталась одна. Павлуша эгоист, под влиянием жены, скупой, он и последние дни не сумел ей скрасить. У них были деньги за границей. В.А. очень хотелось перевести свою часть на Торгсин[285], чтобы питаться. Павел не захотел. Питалась она плохо, сколько раз я привозила им дичь. Людмила Николаевна Замятина добывала масло, а сын

не думал ни о чем. Ирину она ненавидела всем сердцем. Елена Виссарионовна Бороздина ухаживала за ней все время геройски, но сама валилась с ног. На днях я была у нее отдать долг, и Елена Виссарионовна передала мне куски парчи, которые В.А. просила при жизни мне передать. Елена Виссарионовна рассказала, прося не передавать, что Валентина Андреевна просила отдать Верочке Белкиной статуэтку: Ахматову работы Данько[286]. Ирина воспротивилась. Как-то еще летом Валентина Андреевна говорила мне: «Я написала завещание и всем друзьям оставляю на память. Вы получите миньятюру — старика». Очевидно, Ирина тоже запротестовала. Характерно для нее и для Павла. И обидно, когда умирает такой содержательный человек, с такой светлой головой, такая умница, ничего не оставив после себя, не сказав своего слова. Больно — этот уход *совсем* всех тех больших ценностей, которые были в человеке. Было и нету. Страшно и неправдоподобно.

Елене Ивановне пришлось лечь в больницу. Мы с ней пришли в приемный покой 27 января в 3½ часа дня. На скамейке сидел мальчик лет 11—12 — у него тиф, сидит с утра, и сиделка не может никуда устроить, т.к. не дают белья. Мальчонка, поджав ноги в валенках и привалившись к стене, спит. Тут же рабочий с девочкой в скарлатине, баба с другой с дифтеритом. Сиделка прибегает и жалуется молоденькой докторше (Нарбут): «Подумайте, сколько времени больная лежит во дворе на дровнях, она в хирургическое с гнойником». — «А почему же вы ее не принимаете?» — «Место есть, да надо кровать из одной палаты в другую перенести, так не хотят...» Докторша склоняется над бумагами и шепчет: «Кошмар, кошмар...» Елену Ивановну предупреждают, что в палате холодно, чтобы принести одеяло.

В палате в первую же ночь умирают две женщины. У одной было сильное воспаление легких, был кризис, больные побежали за сестрой, та пришла через 40 минут, когда все было кончено. Полная беспризорность больных. А болеть по бюллетеню! Что может быть лицемернее и ужаснее отношения к больным служащим нашего социалистического закона. Я все это видела на Елене Ивановне. И самое замечательное, что, когда ей было особенно плохо, в четыре часа ночи за ней в больницу пришел милиционер и потребовал в ГПУ. Он никак не хотел верить ее болезни и обещал вернуться с лошадью. В 6 утра ко мне явилась Мэри: «Нэ пугайтесь, нэ пугайтесь, Елена Ивановна пришла милиционер арестовайт». Я просидела у нее до 9, потом пошла в ГПУ и стала объяснять заспанному уполномоченному, что гражданка Плен больна. «Точка, — если больна — точка». С тех пор никто не приходил. Бедная Елена Ивановна чувствует себя, как пойманная мышь: вот-вот и при-

хлопнут, а за что про что, неведомо. Она совсем слаба — декомпенсация сердца, сильный невроз. Когда я пришла в наше Детскосельское ГПУ — коридорчик и несколько дверей, — стала стучаться, заспанный голос попросил обождать. Я села на скамейку. В одной из комнат был громкоговоритель и исполнялся целый ряд менуэтов Моцарта, Шуберта!! под которые в комнате разбуженного уполномоченного (было 10 утра) слышен был женский шепот. Идиллия. Я ждала минут двадцать.

5 марта. Я, конечно, очень глупо веду дневник. Он у меня не дневник, а слезница. А надо бы записывать ежедневно самые пустые вещи, так характерные для нашего времени чудовищного гротеска.

На днях мы ужинали у Бонч-Бруевича, были Толстые, композиторы, Мария Вениаминовна <Юдина>. Попов играл свою первую симфонию, до того быстро, prestissimo[287], что мне казалось, не он управляет музыкой, а его руки понеслись куда-то с горы, и он им больше не хозяин. И все время fortissimo[288]. Я ничего не поняла, а только была оглушена. К тому же у меня начинался грипп. Наталью Васильевну вызвали к телефону. Она выбежала оттуда сияющая: разрешили А.Н. ехать за границу. Толстой вышел из соседней комнаты: «Алеша, звонили, пришла из Москвы телеграмма: приезжайте получением документов выезда за границу. Халатов». У Алексея Николаевича выражение лица было такое, как будто прочли приказ о наказании его розгами. «Неправда, пушку заливаете». — «Честное слово, Надя звонила». — «Ну хорошо». Тут стали играть, а потом пошли ужинать. Алексей Николаевич, выпив немного, обратился к нам всем: «Граждане, где, в какой Европе я найду такой круг, такое общество? Я ставлю вопрос на голосование и даю слово поступить так, как вы решите: ехать мне за границу или нет?»

Наталья Васильевна (по наивности, на мой взгляд) разъяснила: «Видите ли, Генрих (Пельтенбург) был за границей, побывал везде, видел всех и рассказал, что эмигранты так возмущены "Черным золотом"[289], что решили Алешу побить, как только он приедет». Голоса разделились. Большинство было за то, чтобы не ехать, мы с Юдиной воздержались, и я мотивировала это так: «Если не хочется ехать, насиловать себя не стоит. Но бояться эмигрантов — чепуха. Живет себе Горький все время в Сорренто[290], обливает эмиграцию помоями, а эмиграция на него не обращает ни малейшего внимания и никто его ни разу не побил. А посмотреть на настоящий исторический момент с птичьего полета в высшей степени интересно». — «Да, Горького не бьют, это другое дело, меня же считают ренегатом. Не хочется мне ехать».

М.А. Бонч-Бруевич принес показать чудесные коробки из Палеха[291], у него их штук 10—12. Очаровательные. «Вот в вашей Европе есть что-нибудь подобное?» — «Конечно есть». — «Нет, там ничего нет, кроме гниения. Только у нас идейное устремление, только у нас литературное творчество». Я: «Простите, литература не выше европейской». Толстой: «Где их Флоберы, Бальзаки?» Я: «А где наши Львы Толстые или Достоевские?» — «Все это впереди».

23 марта. 17-го мы со Старчаковыми поехали на торжественный банкет по случаю пятнадцатилетия «Известий»[292]. Все торжество с речами и делегациями состоялось в Большом Драматическом театре, где шел «Разлом»[293]. Мы приехали туда к концу, чтобы быть доставленными оттуда на машине в Деловой клуб[294]. Ужин, в особенности закуска были роскошны, в особенности по теперешнему положению. Салаты оливье, заливная рыба, икра, индейка и т.п. Было три длинных стола. За нашим была интеллигенция, главным образом еврейская, журналисты. За средним сидели какие-то молодые люди с абсолютно неинтеллигентными лицами, какими-то нависшими лбами, мясистыми губами. Я не могла понять, кто это такие, мой сосед, М. Слонимский, тоже недоумевал. Тот стол был возглавлен главным редактором Гронским. Оказалось, что тот стол — это Ленинградский Совет! Они дули водку, пели частушки (неидеологические), чувствовали себя героями.

25 [июня]. Васины выражения: (или ...ния[295], как я это называю): «Папа в Москве, и у нас черт знает что пошло. Ты транжиришь чужие (отцовские) деньги черт знает на что, а меня кормишь картофельными котлетами. Я желаю хорошо питаться!»

В кооперативах вместо мяса дают конскую жесткую колбасу, на улицах многотысячные толпы очередей, в которых стоят рабски измученные люди. Мешок картошки стоит 30 рублей. Я хожу ободранная так, что просто неприлично, и этот милый сыночек ежедневно преподносит такие перлы.

Юрий вернулся из Москвы, где были две репетиции симфонии, и пошел по знакомым: был у Попова и Толстых и сказал, что вечером непременно надо опять пойти к Попову. Г.Н. лежит, нарыв на ноге, и похож, несмотря на свою некрасивость, на портрет Тропинина[296]. Рассказал он нам следующее (кроме нас были Арапов и Богданов-Березовский). В конце мая он говорил с Толстым и Старчаковым о том, что ему бы хотелось написать фарс. Старчаков хлопнул себя по лбу, говоря: «У меня есть гениальный сюжет для фарса, моя повесть, написанная в 30-м году». Сюжет очень понравился Попову, и по просьбе Толстого он на другой же день был в Дирекции театров у

Бухштейна и заинтересовал его. Идея настолько увлекла его, что он мечтал писать эту оперу-фарс параллельно с той, которая ему уже заказана Мариинским театром. Он заболел, а Толстой уехал 6 июня в Москву, где в это время был и Старчаков и Шостакович, для которого Толстой обещал написать либретто.

Вернувшись из Москвы, Толстой и Старчаков зашли к Попову и рассказали, что они предложили сюжет Малиновской и что Митя Шостакович, услыхав его, пришел в такой восторг, что ни о какой иной теме он и слышать не хочет. В результате они продали тему фарса Большому театру для Шостаковича. По возвращении зашли к Гаврилу Николаевичу и как ни в чем не бывало ознакомили с совершившимся фактом: будто бы они рассказали Малиновской тему, а присутствующему при этом Мите Шостаковичу тема так понравилась, что он потребовал ее себе, говоря, что ни на какую другую он оперу писать не станет. Юрий же, бывший тогда в Москве, утверждает, что Толстой приехал в Москву к Шостаковичу, заранее отдав ему сюжет. А непредупрежденный Попов две недели обдумывал и работал над оперой. Объясняется все просто. Дирекция Большого театра решила, что на юбилейном спектакле будут участвовать «первые ученики» Шапорин, Шостакович и Шебалин. Следовательно, под Шостаковича можно хапнуть сейчас же денег. А обещания, словесный сговор с Поповым дешево стоят. Фантазии же на другой сюжет не хватило. Юрий обедал с Толстым у Горького, и Толстой стал рассказывать, что вот-де какое мы пишем либретто для комической оперы, на что Горький заметил, что он это читал у Сельвинского. Получился конфуз пренеприятный. На другой день Юрий зашел к Толстому и застал его с интервьюером, которого затем корректировал бывший тут же Старчаков. Интервьюер ушел, и Алексей Николаевич разбушевался: «Что же это такое, говорят, что это сюжет Сельвинского. Я не хочу четвертый раз идти под суд за плагиат!» («Бунт машин», «Заговор императрицы» и еще что-то[297].) Волновались они очень, пока Юрий не надоумил их написать письмо в редакцию, что опера пишется на тему повести Старчакова, вышедшей в 30-м году[298].

Юрий рассказал, что, когда должен был состояться суд над Толстым за «Бунт машин» Чапека, Щеголев П.Е. созвал Замятина, Никитина, Федина и сказал: «Конечно, граф проворовался, но мы должны его выгородить». Толстого оправдали, после чего они пошли в кабак и здорово напились.

Впоследствии Толстой предал и Щеголева и Замятина[299]. К чему это его приведет? Я убеждена, что tant va la cruche à l'eau qu'elle se casse[300].

Перевезла маму к себе. Перед этим сапожник мне подарил старинный медный крест. Я очень боюсь ее характера, довольно я намучилась в свое время, могу сказать, что вся моя юность была ею испорчена и начало всех моих нервных болестей от мамы. Правда, жизнь ее последнее время была так тяжела, что у меня рай по сравнению с тем. Когда-то давно-давно в Ларине, когда я была «нелюбимой» и гонимой дочерью, я маме сказала: «Подожди, еще когда-нибудь окажусь твоей Корделией»[301]. (Крест отдала в церковь.)

После исполнения на репетиции Симфонии Юрия Гоша мне прислал открытку такого содержания: «Не могу не поделиться с вами впечатлением о симфонии Ю.А., которую только что слушал на репетиции в Большом театре (I часть). Величественное впечатление. Я счастлив, что довелось дожить до претворения большим художником в музыкальной форме великих проблем человечества. По-видимому, “павшую связь времен между двумя мирами”[302] суждено связать в музыкальной культуре Ю.А. Общее впечатление, что я вырос и просветлел. Мелик-Пашаев назал Ю.А. “товарищ Мусоргский”. Это верно только отчасти. Мусоргский и его друзья подготовили Ю.А. Рад бесконечно». А в Москве он мне сказал[303].

22 июля. Мне невероятно скучно, тоска невыносимая. Отчего это? Конечно, главная причина этой мучительной тоски — полное одиночество. Моя жизнь как разбилась раз, так и осталась разбитой. И Юрий ничего не хочет сделать, чтоб мне было легче. Более неблагодарным, может быть, будет еще Вася. Обставлен Юрий дома идеально, малейший каприз выполняется, я ему разыскиваю литературные материалы для «Декабристов», сочиняю и пишу целые сцены, и отношение за это как к плохой прислуге. Окрики. Вся беда в том, что я *органически* не могу не заботиться и не баловать в темную голову окружающих меня людей. И это баловство их деморализует.

И если бы окружающая жизнь могла бы что-нибудь давать, чтобы вознаградить за семейное одиночество. Ничего, кроме постоянного ощущения тюрьмы, ощущения мыши под когтем кошки и этих высоких серых непроницаемых стен Всероссийской тюрьмы. Я не понимаю, как могут люди принимать всерьез эту тюремную жизнь, базировать на ней свое благосостояние, равняться по ней, — это не укладывается в моем мозгу.

Это нищенская жизнь зулусов, папуасов. Как дикие негрские племена тащили белым золото и слоновую кость за побрякушки и водку, так наши обыватели стоят в очереди перед магазинами Торгсина и выменивают свои кресты, кольца, браслеты и всякий золотой лом на советское барахло, бракованное трико (рассказ Ю.Л. Вайсберг) и масло. Я не могу без стыда про-

ходить мимо этих магазинов, где своим гражданам надо покупать на чужую валюту.

Рамболово[304]. **10—25 августа**. Давно я так не отдыхала, как за эти дни. С тех пор, вероятно, как не была в Ларине. Впрочем, тогда не от чего было отдыхать. Сегодня ходила с Аленой за грибами, утро свежее, как бывает ранней весной и ранней осенью. В лесу пахнет грибами, листом, землей. Паутина на кустах, и то и дело попадаешь в нее головой. Вспомнила я, как бывало в детстве, чуть порежешь палец — няня снимет в углу паутину, обмотает порезанное место, кровь останавливается, и очень скоро все заживает. И я подумала, что эта лесная паутина, которую я ежеминутно снимала с лица, окутывает мои раны и успокаивает их. Здесь паутина обволакивает мою память, и я не хочу думать о своем доме, о своей семье. Слушать тишину, смотреть на облака — какое блаженство. Никуда не теребиться, не торопиться. Хорошо. И кончается этот отдых. А пожить бы так месяца два! Но дома все сошло бы с рельс. Лучше не думать. Паутина, паутина, закутай мою память.

25 августа. Вот и вернулась я в свой дом. Последнее время мой семейный очаг нагоняет на меня невероятную, мучительную тоску. Безнадежную. Ведь семья у нас вообще один фасад. Я делаю вид, никогда не срываясь, что все очень благополучно, а между тем — что я Юрию? Экономка. А жена в Петербурге. Причем от него требуется только лишь корректное, *дружеское* отношение — и этого нет. И притом странно: когда он не видится со своей дамой, он становится мил, спокоен и не озлоблен. Близость же Капустиной [одной из них (я не знаю, которая сейчас)] его делает озлобленным, нервным и творчески малопродуктивным.

Я буду терпеть до смерти, если, конечно, Юрий будет работать. Но скучно мне до физической боли и до спазмов в горле. Семь лет, как Юрий начал оперу. И у него почти никаких материалов по «Декабристам» не было. Я собрала все, что только можно было найти у букиниста, я сходила к Р.В. Иванову-Разумнику [и Разумник Васильевич дал мне книгу о Рылееве со всеми его «Думами»], я выбираю матерьял, пишу сцены [и он погибнет, как это было с 21-го по 31-й годы. Одна физиология, и больше ничего].

Сегодня пришел Толстой, он бывает теперь редко и сердится. Алексей Николаевич новоиспеченный марксист [он на днях сказал: «Вы думаете, что я не марксист, потому что у меня хорошая мебель красного дерева. Нет, я марксист»], и ему очень важно «выявить» свой марксизм. Он говорил сегодня: «П.Е. Щеголев был дурак и ровно ничего не понимал. Он почему-то ненавидел царей и только в низвержении их видел революцию, и декабристов

он не понял. Вы (обращаясь ко мне) хотите с Юрием протащить старое мировоззрение, но это вам не удастся. Романтизм декабристов — ерунда. Им был невыгоден тот строй, экономически невыгоден, поэтому они и решили сделать переворот. Надо изобразить в Якубовиче разоряющегося помещика, бреттера, Ноздрева»[305].

У Юрия вид при этом, как будто его поливают помоями. Он борется за романтизм «Декабристов». Прослушав вновь сочиненное, А.Н. пришел в восторг и уже гораздо более умно, без всякого марксизма, заметил: «Якубович в виде красочной бытовой фигуры будет контрастом Анненкову и Рылееву, как в “Игоре” Владимир Галицкий»[306].

Дневник для меня — soupape d'échappement[307], мне легче становится.

21 сентября. Моя жизнь полна веселых впечатлений: сегодня надо было добывать карточки, спецталоны, прикрепляться к магазинам и т.д. Наши внуки, надо надеяться, не будут понимать, что это за спецталоны?[308] Им странным и невероятным будет казаться, что для того, чтобы получить в месяц 1 кг сахара, 1 кило крупы, 300 грамм постного масла да еще плохих, ржавых селедок и по полбулки в день, надо было такие хождения по мукам! Сначала по месту жительства достать справку за №, что я действительно здесь проживаю и не имею сельского хозяйства (?!!), эту справку — на службу Ю.А., и это каждый месяц. В Александринском театре продуктовыми карточками ведает пожарный. Я уже в прошлом месяце там бывала, принесла и сегодня спецталон Юрия. Пожарный мне и говорит: «Знаете ли, мне хочется вас спросить... все говорят, что жена Шапорина — Капустина, как же это?» Я очень весело расхохоталась: «Это, знаете ли, временная»; а он: «Как же это, а все говорят, что жена». Я все так же мило смеясь: «Это все-таки временная, т.к. мы не разводились и она записаться с Шапориным поэтому не могла». Страшно весело. [Такие пощечины прямо в лицо. Как то же было, когда я сдавала квартиру в 29-м году, пришла осматривать ее вдова какого-то профессора и спросила меня: «Это ваша, вероятно, родственница в студии Александринского театра?» — про Канавину, которая тоже числилась женой и даже носила фамилию Юрия.

Я бы хотела посмотреть на другую женщину на моем месте. Впрочем, никакая женщина этого не допустила бы, а я — устрица, как говорит Вася, мой брат. А Вася, мой сын, говорит следующее: «Ты, милая моя, сама виновата, что так себя поставила. Диалектический материализм учит нас тому, что всяк сам виноват в своей судьбе. Вот и отец у тебя был такой же, имея дом, ходил в рваных сапогах. А мы, молодые, мы знаем, что только наглостью

всего достигнешь, и я все время себя воспитываю, чтобы не быть на тебя похожим». Не правда ли, весело жить в такой семейке, где муж официально имеет другую жену, а дома от меня требует невероятных забот и платит за все это ничем не прикрытой враждебностью и грубостью, в которой он может сравниться только с сыном.] Очевидно, конечно, я сама виновата. Я всегда от всех людей жду человечности, внутренней культуры. А человечность вещь редкая. [Культура — тем более.] Умереть, уснуть[309]. При советских условиях мне один исход — смерть. При других условиях я бы взяла Алену и уехала в Италию и была бы счастлива. Ведь для моего счастья так мало надо. Возможность жить спокойно, без оскорблений, без домашней свары.

22 сентября. Старчаков рассказал, что в антивоенный день (это было на днях[310]) старика Карпинского повезли в порт на митинг. Вошел он на эстраду и начал в таком роде: «Мы всегда были миролюбивы, всегда стояли за мир. Вот еще великий князь Дмитрий Донской разбил татар на Калке[311]. Кто звал татар? Мы не хотели войны, они сами к нам пришли, и мы их разбили. И великий император Петр Великий тоже победил шведов под Полтавой. Кто звал шведов, они сами пришли, и мы их разбили. И великий император Александр I Благословенный тоже разбил французов. Мы не хотели войны, мы их не звали, зачем они пришли? И мы их разбили», — гром аплодисментов.

25 сентября. Мой дневник — книга жалоб. Жаловаться на судьбу комулибо не люблю, тщетное занятие: обиженный всегда виноват. Мне больно жить, физически больно. Я вспоминаю рассказ из детских учебников о том спартанском мальчике, которому лиса прогрызла живот, а он молчал, т.к. дело было за уроком[312]. Я чувствую себя этим мальчиком. Мои раны кровоточат, а я молчу и делаю вид, что все благополучно. И главное, я знаю, что это молчание так же глупо, как и молчание того мальчика. Закричал бы, выбросил лису, правда, влетело бы от учителя, но зато остался бы жив. Кричать хочется не своим голосом от злобы — и молчу. Юрий вчера приехал из Москвы за матерьялами для музыки к фильму[313]. Приехал в Детское часа на четыре, сказал, что в тот же вечер уезжает в Москву, а между тем ночевал в городе. Вчера я была в Ленинграде, сдавала работу, отвозила Гошин сценарий Радлову, с Юрием разъехалась. Позвонила в Драмсоюз — Юрий оказался там, очень занят, конечно, а заехать в Детское не может. Приехать на два дня и уделить семье четыре часа. Хоть из вежливости и из благодарности за то, что я столько ему помогла в либретто. Это человек без привязанностей. Любовница — это физиология. Не женится на ней потому только, что я ему

даю барский entourage. К детям заботы и любви тоже не вижу. И удивляюсь, как это с таким дарованием — такой маленький, ничтожный человек. Впрочем, чтобы говорить о даровании Юрия, надо подождать, чтобы что-либо из его крупных вещей было закончено. Ведь симфония и та не закончена. А оперы конца что-то не предвидится. А вдруг, как все у него, так и останется d'inachevé. Но тогда вообще моя жертва окажется ни к чему. Господи, если бы я имела возможность безболезненно для детей оставить Юрия. Уехать, хоть год прожить далеко, без этих постоянных оскорблений. Я согласна бы тогда умереть, лишь бы год, один год прожить в Италии с Аленой, забыть все горе, всю мучительную боль, а я могу все забыть, задвинуть доской прошлое, не слышать русских ругательств, не видеть пьяных, спящих в грязи на улицах. Вчера видела такой пьяный труп у Мариинского театра в 8 часов вечера, во время съезда[314]. Я не принимаю этот XVII век. Ведь все поведение Юрия — это все то же хамское бескультурье.

С 10 по 25 августа мы с Аленой прожили в деревне Рынделеве, деревне из 42 дворов, из которых 12 в колхозе. Сначала вошло в колхоз 30 дворов, да потом разбежались. Наш хозяин — колхозник. Отец его, чудесный и красивый старик, был прежде старшиной. Умница, справный и хозяйственный мужик. Председатель колхоза — бедняк, финн, по прозванию Конешный, но за всякими советами все идут к Федору Васильевичу. Председатель — пьяница и растратил рублей 200, так что деньги на сбережение дают нашему Федору, он и секретарь и казначей. Скудость жизни невероятная. Во всей деревне ни одной свиньи, держат по одной корове, по овце. У наших 3 курицы, петух, корова и овца. Лошадь обобществлена, но стоит у них. И так как заметили, что хозяева заботятся и берегут своих лошадей, то теперь, рассказал Федор, велено поменяться лошадьми. Крохотный огород. Не заводят ничего, так как, во-первых, с каждой скотины контрактация, то есть налог натурой, и затем тотчас же подозрение в кулачестве. Нет скота — нет и навоза, плохи хлеба. Приказано делать силосные ямы следующим манером. Выкапывается яма метра в два глубины и ширины, ставятся к стенкам колья, как для плетня, и заплетаются ветками. Пол тоже. И туда складывают силос. Сверху заваливается соломой, а поверх соломы землей, как для ледника. Через несколько месяцев там образуется навоз. Земля сырая, вся деревня стоит на невысоком бугре между двумя огромными болотами и лесами. Для силосования засеяно много подсолнухов. Мне рассказывали, что в некоторых местах приказывали силосовать, за неимением другого, клевер и

вику[315], лишь бы силосовать, так как это приказано свыше и с местными условиями не считаются.

При нас пришел приказ единоличникам отправить 8 лошадей и 16 мужиков на лесозаготовки, это было около 20 августа, когда крестьянам оставалась какая-нибудь неделя хорошей погоды для уборки сена и овса. И говорят, в прошлом году было то же самое, в самую страду угнали народ на 10 дней. Я думаю, что наши хозяева вошли в колхоз для спокойствия. Их, как бывших справных хозяев, причислили бы к кулакам, и жизнь была бы кончена. Удивительно славная семья, тихая, ласковая, уютная. Жену сына убило молнией, остался сынишка. Была она, судя по мальчику, очень красива. На образах, на комодах все вышитые полотенца из ее приданого. На одном вышиты птицы и цветы и надпись: «Катя вышивала, пташка распевала». Жалко смотреть на крестьян, на их скудную жизнь. Ни сала, ни масла, ни мяса. Только картошка, огурцы да молоко от одной коровы, которое они почти не пьют, а возят в город, продают литр по 2 рубля 20 копеек и покупают на эти деньги сахар (по 20 рублей килограмм) и булки по 2 рубля 50 копеек. «Чаем только и развлекаемся, а то совсем есть нечего», — говаривал Федор Васильевич, старик. Это заколдованный круг нашей крестьянской политики, приведшей к такому голоду и нищете.

27 сентября. Горький, Горького, Горькому, Горьким, о Горьком. Орден Почетного легиона, т.е. Ленина, шум, гам, юбилей[316]. А мне жалко, что Горький так бесславно кончает жизнь. Официальная слава, правительственные деньги и телеграммы, а всякий порядочный человек, называя его, «выражается». Все, кто были за границей в Берлине, когда Горький уехал из России, кажется, в 21-м году[317], рассказывают, что он иначе как «сволочью» наше правительство не называл. Толстые тогда в Берлине часто с ним виделись. Однажды Мария Федоровна <Андреева> утром пришла к ним, стала жаловаться, что кто-то донес, будто у них есть золото и драгоценности, может быть даже обыск, и она просит Тусю спрятать у себя чемоданчик, который она пришлет с верными людьми. Наталья Васильевна согласилась. Через некоторое время двое молодых людей принесли чемодан и попросили указать место, куда они могли бы сами его поставить. Им указали — под кровать, куда чемодан и был поставлен. Когда на другой день Юлия стала убирать комнаты, она попробовала подвинуть этот «чемоданчик», оказалось, что это ей было не под силу, так он был тяжел. Стоял он у них долго. А теперь от той же Натальи Васильевны и от многих других я знаю о его пышной жизни в Москве.

Дом в Москве на Спиридоновке[318] и Горки, подмосковная[319]. Хозяйство — полная чаша. Юрий там бывает почти в каждый свой приезд в Москву. Ведает всем Крючков, хорошо мне знакомый по Театральному отделу[320]. Он стал толст и противен, рыбьи глаза на свиной морде, говорит Юрий. Он спаивает всех, в том числе и сына Горького Макса, подсовывает ему подозрительных девушек. Вообще разлагает для устранения его влияния на отца. Разлагаются все, пьют неимоверно, околачиваются Ирина Щеголева и Муся Малаховская, Паша Сухотин вдрызг пьяный и ГПУ, ГПУ. Ягода ухаживает за женой Макса Тимошей, Агранов; какой-то тип все время сидит у двери. (Н. Радлов рассказывал.) Крючков как-то был очень недоволен и жаловался Н.В.: «Беспорядок у нас пошел. Сегодня без моего ведома приехал автомобиль». А в автомобиле был гэпэушник Агранов, привезший какого-то писателя. Весь этот народ, дорвавшийся до хороших хлебов, безобразничает. Там дома печется хлеб и в изобилии подаются чудные белые булочки к чаю. Крючков начинает ими перекидываться с кем-то. Булочки летят на пол. Горький молча встает, подымает булку, садится на свое место и молча барабанит пальцами по столу, признак неудовольствия. Было много ананасов, консервов, дамы стали надевать их в виде браслетов и т.д.

Как-то Макс повез Юрия кататься на машине и заехал за какой-то дамой, молодой и интересной, очень нарядной, оказалось — следователь ГПУ, и очень строгий. После катанья вернулись в Горки, и был им подан чай. Ирина Щеголева заявила, что очень проголодалась, и был сервирован ужин со всякими яствами и жареным поросенком. Через несколько дней в Клину Юрий на рынке видел таких поросят, продававшихся по 250 рублей штука.

Горький верит в Крючкова, т.к. тот блестяще устраивает его матерьяльные дела, и ему кажется, что без Крючкова он погибнет. А тот устраивает охрану, муссирует слухи о каких-то покушениях. Кому нужно убивать Горького? Та жизнь, которую он ведет здесь, хуже всякой смерти для его будущей биографии. Нижний Новгород переименован в Горький[321], и Горький это стерпел. Низко же для этого нужно опуститься.

Мария Федоровна Андреева живет в клоповнике и обратилась к Горькому с просьбой о квартире. Тот велел Крючкову дать ей ордер на квартиру в Доме Советов. Крючков же дал ордер кому-то другому [своим родным], Горький узнал об этом на другой год. Когда той же М.Ф. понадобилось ехать лечиться на Кавказ, Горький сказал Крючкову: «Дайте ей побольше денег», — Крючков дал М.Ф. 500 рублей, сумма по теперешним временам смехотворная. Крючков, бывший любовник М.Ф., человек, которого она вывела в

люди, вывезла за границу. Тогда, когда она стояла во главе Театрального отдела, Крючков заведовал делами отдела, и мне постоянно приходилось с ним сталкиваться по поводу организуемого мной Кукольного театра. Надо было мое упорство, чтобы добиваться от него чего-либо. С Е.А. Янсон же делалась истерика.

В 19-м году, когда я создавала Кукольный театр, по всем делам надо было обращаться к Крючкову. Мне нужен был матерьял для кукольных костюмов. Обратилась к Крючкову: «Зачем вам матерьял, вас пять женщин, режьте свои юбки», — сказал Крючков. Когда мне что-нибудь было от него нужно, я приходила три дня подряд, на третий добивалась своего. Крючков говорил: «Хорошо, хорошо», — и подписывал нужные бумаги. Тогда ему было лет 30—28 на вид, свеженький, курчавый, румяный, с жемчужными зубами, он пленил стареющую Марию Федоровну. Так они и уехали за границу, Мария Федоровна с ним, а Горький с баронессой Будберг, рожденной графиней Бенкендорф. Непролетарские вкусы у него по части женщин.

А Мария Федоровна большая умница, и с ней было приятно иметь дело.

Как мало надо для моего счастья: Юрий в Москве, нет враждебной насыщенности в воздухе. Вася уехал к товарищу, где и ночует, и я могу сидеть одна в столовой за своим бюро, тихо и уютно. Могу писать. Как я люблю вещи, книги, каждая вещь где-то найдена, облюбована. Книги в бюро, привезенные из разных стран, с римских толкучек и парижских quais de la Seine[322]. И так тихо на душе. Если бы вся жизнь могла быть такой, можно было бы забывать о том грозном надвинувшемся на нас голоде, который заполнил все мысли всех обывателей. Мне кажется, что голод — фигура какая-то вроде смерти, как ее рисует Дюрер, но лицо еще не голый череп, а желтое, обтянутое сухой страшной кожей, пришла и встала над всей Россией, и так как к недоеданию привыкли, то терпят все и будут терпеть до смерти. А почему голод, почему ничего нет, убей меня Бог, не понимаю. Нет в продаже ничего — нет обуви, обоев, иголок, почтовой бумаги, материй каких бы то ни было, галош, продуктов, вообще ничего.

30 сентября. Очень хорошо прошли мои именины. Давно мне не было так приятно, уютно и хорошо. Были все люди, в любви или расположении которых мне не приходится сомневаться. И я их всех люблю, в разной степени, конечно. Наташа Данько, совершенно исключительный человек, крупный человек, несчастный, я думаю, с той же грызущей спартанской лисой. Елена Яковлевна — та не молчит, и та, конечно, не так глубока и крупна, как Наташа. Когда так долго знаешь людей, вся жизнь их развертывается как

кинематографическая лента. И так мне хочется записать иногда целые такие жизни, прошедшие на моих глазах. Были Дешевовы, Кочуров, Ксения Михайловна <Кочурова>, Елена Ивановна, Поповы.

Вечер закончился совсем как во французских романах: одна из дам уехала на свидание с мужем другой (с ведома жены), которая, в свою очередь, отправилась тоже на свидание, я же должна говорить, что она ночует у меня. «Il faut que jeunesse se passe»[323], — говорю я им.

12 ноября. Увы, счастье Е.И. кончилось очень быстро. Говорят, что она так ревновала своего героя и так бестактно себя вела, что совсем отвратила его от себя, и ее попросили уехать от них. Это ужасно. И как она могла вообще его полюбить, а полюбивши — остаться жить у них! Мне ее психология непонятна.

15 ноября. А вот и сыпняк! В Ленинграде освобождают все больницы под сыпнотифозных больных. Я спросила сегодня у д-ра Лапшина, какие круги обывателей страдают главным образом, оказывается, домашние хозяйки и колхозники! Он рассказывал, что власти очень обеспокоены эпидемией главным образом потому, что политически это очень уж зазорно. Я же все время вспоминаю басню La Fontaine'а «Le Serpent et sa queue»[324] и вижу, что мы уже свалились в ту пропасть, куда хвост завел нас.

Перед праздниками я несколько дней подряд ездила в город, поездки действуют на меня потрясающе. Сесть в вагон, вернее попасть в вагон, надо с бою, люди кидаются на абордаж с звериными лицами и ухватками, кулаками отпихивают друг друга, лезут по трое сразу, сталкивают под колеса, я часто не попадаю в поезд, т.к. жду, пока это зверье влезет. Иногда еду в Павловск[325], чтобы обратно ехать спокойно. Дикое поле[326], вся Россия превратилась в огромное опустошенное Дикое поле, зарастающее бурьяном. В городе приходится ходить все время пешком, в трамваи попадать нет возможности, висят по пять, по восемь человек на каждой подножке. Перед праздниками везде стояли огромнейшие очереди — за чем? Выдавали, чтобы разговеться, на первую категорию одну банку консервов, на вторую полкило селедок, на детские карточки небольшую курицу и сколько-то грамм масла. А т.к. мы живем за городом, то Юрию карточек на иждивенцев не выдают! В нашем закрытом распределителе[327] выдавали по полкилограмма яблок и по одному килограмму винограда, очередь была огромная, один знакомый заметил, что обалдение человеческое дошло до огромных размеров.

В нашей разрисовочной мастерской перед этим было собрание художниц для того, чтобы обсудить, как декорировать к праздникам окна. Я взялась с

Лидией Алексеевной Тарновской сделать плакат, изображающий строительство России. Все захохотали. «СССР», — поправилась я. 4-го пришел в мастерскую милиционер и сказал: «Если 5 ноября к вечеру окна не будут декорированы, 100 рублей штрафа». Вот это организованность!

Но зато каждое окно каждого магазина было декорировано, но как! В одной парикмахерской стоял восковой декольтированный бюст дамы с чудными ресницами, задрапированный в малиновую ткань, а у подножия бюста — портрет Ленина. Портреты Ленина и Сталина, окруженные бумажными красными лентами и суррогатным кофе и сухим квасом, пустыми коробками из-под конфет в бесконечных вариациях. В каждом даже подвальном окне — портрет или бюст, и везде гофрированная папиросная красная бумага. Кое-где висело даже мясо! Но мясо выдается теперь по каким-то индустриальным карточкам, которых ни у кого нет. Приезжал Федор. Продал нам мешок картошки за 60 рублей и купил на рынке три буханки хлеба и три булки за 45 рублей. Весной обещали уменьшить контрактацию[328] картошки, а теперь у единоличников отбирают по 100, по 80 пудов. Колхозники же (12 хозяев) сдали 450 пудов. Хлеба же Федор получит на год за свою летнюю работу 3 пуда!!!

Что это такое? Глупость или предательство?

Убит жизненный нерв, и 15 лет Россия умирает, сейчас болезнь обостряется и переходит в скоротечную. Умрем или воскреснем? Как я верю в возрождение! Как я чувствую скрытые творческие потенции, как Россия зацветет и с каким ужасом будет вспоминать эти годы безумного эксперимента. Приедет наше заграничное юношество, образованное, подкованное к борьбе за новую Россию, за свою **родину**. У них там помнят, что есть родина, а Вася мне говорит: «Мама, ты обыватель с улицы Коммунаров, ты должна наконец понять, что Родины нет». Но он еще не очень убежден в этом, он больше с педагогической точки зрения это говорит, чтобы перевоспитать меня да и подразнить. А другие убеждены, дураки *.

Заходила вчера поздравить именинника Кузьму Сергеевича. «Ну вот, справили пятнадцатую голодовщину». За ним сейчас усиленно стали ухаживать и обещают выпустить за границу с женой и Аленой. Теперь, когда, может быть, это уже поздно для его здоровья. А в прошлом году отказали или предлагали ехать одному, оставив М.Ф. заложницей.

А собственная моя жизнь мне так очертела, что я ничего бы не имела против заболеть сыпняком.

* То есть убеждены в последнем (хронологически) высказывании высшего начальства.

Когда в 29-м году весной у меня случился припадок грудной жабы и несколько дней положение мое было очень опасно, Юрий уехал с Капустиной в Сестрорецк, за что его потом ругала Рашевская. Теперь он был болен. Ухаживала я за ним днем и ночью, за ночь первые три дня он будил меня раза по три, надо было менять белье и т.д. [В результате, когда он стал поправляться, начался дикий крик на меня.] А Богданов-Березовский состоит на ролях Лепорелло[329] — приносит письма от возлюбленной [и когда нужно, уступает свою комнату. Я в этом убедилась на этих днях. Мне отвратительна моя роль какой-то бедной родственницы, в которую меня ставит Юрий. Я молчу, стиснув зубы]. Я себя чувствую верблюдом, который под тяжестью своих горбов валится на землю. Моя гравюра «Одиночество» аллегорична. Я именно такой упавший верблюд. И все же я мечтаю. Мечтаю о свободе, об Италии. Господи, Господи, спаси Россию и меня с ней вместе.

21 ноября. Вчера возвращалась из города в переполненном вагоне. Я пришла рано, так что сидела. Поезд опоздал с отправлением, и народу набилось несметное количество. В проходах, у окон стояли в 4 ряда, площадка и проход у дверей была полна молодежью, слышалось веселое ржанье и визги девиц. «А ну-ка, нажмем, напрем, раз, два — сильно нажимай», — и всей оравой они со смехом нажимали толпу в вагон. Женский голос рассказывает: «Сегодня один парень, молодой, комсомолец, спрыгнул с поезда с другой стороны, а в это время на него поезд из Павловска налетел, ну и смолол его, молодой парень был...» Мужские голоса в ответ: «Царство небесное, гы-гы-гы, вечная память, осиновый кол ему в глотку, ха-ха-ха, сам гол, во рту кол, с колом лежать легче, туда ему и дорога, нечего прыгать куда не надо!»

Я слушала и вспоминала Уэллса «Машину времени»[330]. У меня все время ощущение, что мы, люди, выросшие в XX веке, попали на машине времени, летящей вспять, в XVII век [русский, не французский], и мучительно жить с нашей утончившейся эпидермой, с нашими нервами среди уклада и привычек трех столетий тому назад. Мучительно и больно. [Больно мне жить вообще. Я предполагаю, что у Юрия или новый роман, или обострившийся старый, и это очень печально. Как всегда в этих случаях, у него приостанавливается творчество, он не работает, делается зол, ненавидит меня всеми фибрами души.] Человек выворачивается шкурой наизнанку, виден голый зверь, la bête humaine[331]. Зрелище некрасивое. И обидно, что время проходит, лучшее время для творчества. В конце мая Юрий сдал симфонию, Коутс репетировал, в октябре ее премировали, в январе она должна идти, в течение года он за нее получал деньги, и что же, оказывается: он ее недоинстру-

ментовал! Мне этого не понять, и я не знаю, чем это объяснить. Вероятно, неврастенией или каким-то внутренним пороком, которым и объясняется его непродуктивность. Кажется, в 20-м году он начал романс «Воспоминание» (слова Пушкина), в основу романса легла его консерваторская фуга. Романс замечательный, и по сю пору не кончен[332]. А «Куликово поле»? Как это можно? Такое свое создание, такое выношенное, любимое, как симфония, и полгода оставлять половину финала неоконченным. Мне это физически больно, но я беспомощна.

У него просили симфонию в Киев, прислали деньги в библиотеку для переписки, он так и не дает. Я осторожно спросила, не отвезти ли мне партитуру, чтобы дать в переписку. Юрий разразился криками, что у него давно было бы исправлено, если бы я не похитила (конечно, ложь) у него красных чернил! Нет такого другого композитора, который так был бы ужасно обставлен, как он, и т.д. Я ему купила большую банку красных чернил, но дело не продвинулось. [До чего бы я хотела с ним развестись, иметь возможность пожить с детьми на свои средства и не видеть больше Юрия. Пускай себе гибнет на здоровье по собственному усмотрению, так жить больше не под силу.]

Жизнь сейчас так ужасна, так тяжела матерьяльно, что хотелось бы хоть крупицу тепла дома, в семье, видеть хоть крошечное участие.

Летом, в июле, я решила сбежать на несколько дней из дому. В заговоре были Аленушка и Лиза. Сказав Юрию и Васе, что я еду в город дня на два, я пошла якобы на вокзал. Затем задними ходами пробралась в комнату Елены Ивановны. Сама она была на юге, в отпуску. Лиза присылала мне с Аленой еду, и я проблаженствовала дня три. Аленушка приходила, мы с ней веселились, побег мой был окружен тайной, она была заговорщицей, что делало игру вдвойне интересной. [Занимались шарадами, на которые она была великий мастер.]

1933

17 февраля. Старчаков зашел утром (он тоже ищет мне otophane[333]) и очень хвалился тем, как они («Известия») ловко устроили первые из всех газет привет колхозному съезду[334] от всех заводов: собрали сто тысяч подписей и послали в Москву. Все это делалось тайно. Напечатали листовку, распространили ее (с ведома Угарова), организовали везде летучие митинги и собрали подписи. Старчаков был очень этим доволен, чувствовался спорт журналиста. Кто-то все-таки что-то донес в Смольный[335], там подняли историю, что все это bluff[336], что никаких подписей не было, но после расследования оказалось, что все было сделано подлинно, и история улеглась.

Во-1-х: Старчаков неглупый, начитанный и достаточно культурный человек. Чего ему радоваться и кого он обманет этими cent mille[337] подписей? Рабочие и мужики знают цену этих резолюций, для западноевропейских рабочих разве?

Во-2-х: Почему Смольный рассердился, заподозрив, что подписи дутые, когда вообще все рабочие подписи дутые?

Один рабочий рассказывал мне как факт следующий случай. На одном митинге выступил рабочий и сказал: «Товарищи, объясните мне, какая разница между крепостным правом и социализмом?» Он несколько раз повторил вопрос; был арестован и расстрелян.

21 февраля. Сейчас новая язва египетская[338] — парилки[339]. Д-р Охотский был арестован и просидел 8 дней в парилке [по болтливости своей он рассказывал, что у него есть дареные золотые портсигары и другие ценные вещи. Этого было достаточно, чтобы попасть в парилку. Все у него забрали, а он вернулся с распухшими ногами и лежит]. На него донесли, что у него была своя санатория под Москвой. Следователь страшно грубо с ним обращался. Санатория была у его дальнего родственника. «Это все равно, у вас должно быть золото, у вас большая практика». — «Да, но кто же будет теперь платить мне золотом, когда в торгсине пятирублевый золотой стоит больше ста рублей? Мне не хватает заработка, и я продаю вещи». — «Какие?» — «Шубу жены продал в госторг». — «Почему в госторг?» — «Я старый человек, и мне стыдно идти на рынок продавать шубу». Остальные вопросы были так же

нелепы. В комнате в 10 метров было пятьдесят человек, и там же параша, до которой почти невозможно было дойти из-за тесноты. У него за все время не действовал желудок, открылась язва в желудке. Сидели Лапшин, Рожанович, даже Анна Богдановна.

Уж из-за этого одного, из-за этих пыток для вымучивания золота и денег наша власть не имеет никакого будущего.

Была Дюна (Надежда Васильевна) Крандиевская. Рассказывала, как лепила вождей, Буденного, Дыбенко, Семашко. Музей революции[340], заказывая Буденного, просил, чтобы было сходство, но вместе с тем чтобы он был изображен народным героем. У этого народного героя совсем нет черепа, и глуп он и самовлюблен до чрезвычайности. Пришлось лепить его в папахе, чтобы прикрыть отсутствие черепа. Заходили Поповы. У него масса планов, чтобы как-то улучшить свой быт, он в этом отношении упорен и напорист. Там, где Юрий скромно соглашается на 6000, Попов требует 30 000, и прав. Пьянствовал у Гронского и потрясен роскошеством яств и пр.

Не забыть бы рассказ о матери Щекатихиной, о том, как «октябрили» сына Сокольникова, женатого на Щекатихиной, сестре Александры Васильевны, октябрил сам Ленин, опуская ножки новорожденного в большую вазу с шампанским[341]. Жили они в Кремле, икру и прочее привозили бочками. Бабушка как-то в кухне и разговорилась: «Награбили, а теперь и обжираются». Слова донесли, и Mr Сокольников попросил старушку Щекатихину выехать от них, обещая помогать ей деньгами. Никогда больше она не получила от него ни гроша. Жила у Александры Васильевны и сама рассказывала этот факт Василию Порфировичу Тимореву.

5 марта. Россия сейчас похожа на муравейник, разрытый проходящим хулиганом. Люди суетятся, с смертельным ужасом на лицах, их вышвыривают, они бегут куда глаза глядят или бросаются под поезд, в прорубь, вешаются, отравляются. Юрий ел блины у Гаука третьего дня. Там хирург Гессе рассказывал целый ряд случаев самоубийства в связи с паспортизацией[342], которые он мог констатировать в больнице, где служит:

Выдвиженка[343] отравилась сулемой[344]: пока к ней взламывали дверь, она успела выпить яд. Повесилась жена одного профессора. Самого профессора так затравили, что он год тому назад повесился. Теперь его жене не выдали паспорта, и она тоже повесилась!

Какая-то деревенская женщина, вдова с двумя детьми, не получив паспорта, пошла на реку, спихнула сначала детей в прорубь, а затем и сама бросилась (рассказ Маши-молочницы).

Елена Ивановна два дня тому назад, выходя из дому, увидела большую толпу у соседних ворот. Оказалось, человек повесился, не получив паспорта.

Куда деваться человеку, а в особенности женщине с детьми, когда ее выселяют и гонят неизвестно куда за сто верст от больших городов? Куда, к кому, с чем, когда нигде вершка свободного нет? Среди рабочих практикуется так: мужу дают, жене не дают и обратно. Неподалеку от нас семья крестьян. Муж, жена, сын и его жена. Все получили, кроме молодой жены. Ей дан десятидневный срок для выселения.

Тиморевы говорили, что есть такое правило: молодая жена, не служащая и не имеющая детей, не имеет права быть на иждивении своего мужа и подлежит выселению. Люся поэтому в большой тревоге.

Что все это: просто непроходимая глупость или контрреволюционное вредительство, иноземное озорство? Не социалистическое же или тем более коммунистическое строительство, во всяком случае. Над всеми дамоклов меч — Елена Ивановна, Гоша, имя же им легион, и вокруг кишат доносы.

Когда-то я писала, что чувствую встречный ветер истории. Тогда мы неслись в бездну. Теперь мне представляется, что мы уже на дне, и смрад кругом, все свалились друг на друга, кто жив, кто мертв — не разберешь, все копошатся, надеясь куда-то вылезти, не догадываясь, что вылезти некуда, колодец глубок, неба не видно. И вот ползают, отталкивают, сбрасывают слабых, кусают, царапаются, стонут. Ужас, вырывают корки хлеба.

А над все этим благополучная верхушка, подкуп писателей и всех, кто может делать рекламу. За Толстым ухаживают в Москве. Я говорила с Натальей Васильевной по телефону, спрашиваю, видал ли он хозяина (Сталина)? Нет, хозяина не видал, но людей хозяйских видел, все за ним ухаживали, в особенности те, которые держат нос по ветру. Куйбышев, прослушав «Петра», сказал Гронскому: «Не занимай его политическими статьями, оставь его в покое, ему надо писать “Петра”». К сожалению, Алексей Николаевич все же написал в «Известиях» статью «Драматургическая Олимпиада»[345]. Увы, когда он хочет говорить политически выдержанные слова, получаются сапоги всмятку.

У Г. Попова мания — его необеспеченность. Ему не хочется халтурить, а терпеть лишения тоже неприятно. Он их натерпелся до отказа. В Москве он с Шебалиным (кажется, по совету Толстого и Гронского) решили написать письмо Сталину, прося дать возможность хотя бы пятерым композиторам, лучшим, жить безбедно и работать над крупными формами, он сам, Шебалин, Мясковский, Шапорин и Шостакович. Я обиделась за Щербачева, но

Попов не находит его достаточно передовым. Мне это глубоко противно. Гоша без места, Дося Соложенко арестован, а Юрий пальцем о палец не хочет двинуть. [Я все забываю, что ведь он не Человек. Он только сухая оболочка своего дарования.] Я сама ездила к Пешковой по делу Игоря.

Письмо Лизе от ее брата Омельяна Линченко из Пирятина Полтавской губернии от 28.II.33 г.: «Ты ище списуешь, что ты деньги мне можешь выслать, — деньги мене не нужны, бо в нас за деньги нечого неможно достать. У нас хлеба на рынку совсем не видать, стакан мучники стоит 3 р., стакан пшена 3 р., 10 штук картопли 3 р., даже одна мануха стоит 20 р. У нас третья часть людей пухлых от голода, свирепствует сильно тиф. У нас умирают по двадцать душ у день. У нас сильна кража, крадут лошадей, коров, свиней, киз даже режут и идят, а на рынку однимают один у одного. Ето все я пишу тоби подробно»[346].

18 марта. За что мне такое горе, за что, за что, за что; зачем взять у меня мою девочку, мое счастье, *все* мое счастье, мою радость, мое солнце, — все, все, заменившую мне все счастье, которое бывает у других женщин? Аленушка, моя жизнь, дававшая мне такую любовь, которая награждала меня за весь жизненный обман, чудовищный обман, за всю ту веру, которую я принесла в жизнь. Деточка моя, родная моя, тебя замучили, умучили. Мать, у которой ребенок, должна забыть все остальное, должна анестезировать свое сердце, уйти куда-то от всего, а я, подлая, больше думала о своих страданиях, т.е. не думала, конечно, а просто безумно, до физической боли страдала тогда, в Петрозаводске, когда родилась моя Алена. Poor little Alone[347] — так она себя называла — poor little Alone, деточка моя, деточка моя. Нет моих сил писать, нет моих сил жить без тебя, мой ребенок золотой. «Мусенька, ты лучше всех, всех на свете», — сказала она мне накануне смерти.

5 апреля. Паспортизация ввергла всех в невероятное уныние. Подавленность, отчаяние, стон стоит. Я зашла на днях к Знаменью[348] ко всенощной, пели «Владычице, к тебе припадем», не помню слова, толпа вся запела вполголоса, в полутьме, и мне казалось: это вопль, стон всей России. Рассказывают раздирающие душу случаи. К. Федину доктор Мариинской больницы рассказал следующий факт: работница с восемнадцатилетним рабочим стажем, четверо детей. Муж сослан на 5 лет. Ей не дают паспорта и в десятидневный срок выселяют. Она повесилась, но ее вынули из петли. Тогда она бросилась из пятого этажа. Вся разбилась, но была еще жива и сказала доктору: «Я должна умереть, т.к. тогда детей возьмет государство, а то куда же я с ними денусь».

Самоубийств тьма. Наши газеты пишут о самоубийствах богатых евреев в Германии из-за объявленного Гитлером бойкота[349] — подумаешь, какое мягкосердечие. Негодяи. Но кто негодяи? Плебс, пролетарии; ведь все эти изгнания зависят от жактов. В официальной инструкции (ее читал Старчаков и говорил мне) подлежат выселению лишенцы[350], колхозники, преступный элемент. Но затем председатель жакта получает тайную инструкцию о выявлении сомнительного элемента и классово опасного. У нас председатель некий Ивано́в. По-видимому, он из богатых и хозяйственных крестьян Витебской губернии, судя по отцу, который и плотник, и штукатур, и на все руки. Сын, видимо, давно из деревни, служил каким-то инспектором на Ижорском заводе[351] и признавался мне, что т.к. от его инспектированья очень многое зависит, то заинтересованные снабжали его строительным матерьялом чуть ли не бесплатно. И вот этот жулик и в прошлом кулак — теперь председатель жакта. Ему надо выслужиться. Ему представляется, что чем больше он людей потопит, тем сильнее докажет свою благонадежность. И вокруг него такие же и хуже, вроде Наумовой, прачки и профессиональной воровки. По всей вероятности, служит в ГПУ. Доносы были на всех, и самые необоснованные.

17 апреля. Детка моя, я чувствую, что я должна как-то спасти тебя, твою память от исчезновения; неужели может погибнуть, уйти без следа мое дитя, такое лучезарное, такое милое? Беленькая, розовенькая, красоточка моя, что мне сделать для тебя? Не сумела я тебя уберечь, не все сделала, что было надо, и потеряла. Ты сердишься на меня, кошечка моя, я это чувствую. Когда умер папа, я все время чувствовала его близость, тепло его любви. И до сих пор это ощущаю. А ты ушла и не хочешь даже обернуться на свою маму, бедную маму. Я зову тебя, зову, а ты даже не улыбнешься мне в ответ. Как ты лежала мертвая, строгая, спокойная, с лицом жертвы, и укор был на твоем лице. Детка, прости меня, родная, любимая, я ведь так старалась все, все сделать для тебя за всю твою короткую и такую мучительную жизнь. Я бы, кажется, целые дни писала тебе и о тебе. Мысль о тебе уводит меня от жизни, очищает меня от грязной паутины домашних забот и неприятностей. Вся эта пыльная паутина остается где-то вдали, когда я с тобой.

Я шла на кладбище к тебе, воздух был весенний, я закрывала глаза, и мне казалось, что я еду к тебе в St. Germain-en-Laye[352]. Весенний свежий воздух, длина Сены направо, налево холмы la Machine de Bougival[353], вдали, в голубеющей дали, сизый парк St. Germain на горе, и я знаю, что под горой — ты,

мой котик. Я так тебя вижу. Помнишь, дедушка Иннокентий Николаев тебя обстриг, я вхожу в сад, дети кричат: «Аленушкина мама, Аленушкина мама», — а ты спряталась за дерево, потом вышла, сияя глазками и краснея. Ты от радости всегда краснела, и как будто сердце у тебя замирало. И такая у тебя была милая круглая головенка. Не могу, не могу. И нету St. Germain, а есть дорога на кладбище.

21 апреля. На днях были у Толстых, случайно, Гаврик играл симфонию, и там Шишковы позвали нас прийти на другой день к ним. Толстой был крайне героически и шовинистически настроен. Восторгался поведением Литвинова в процессе с англичанами[354]. «Такую пощечину англичане получили, так засыпались, как никогда. Никто в мире еще так с ними не разговаривал!» (А вчера уже был обвинительный акт, и гора родила мышь!) Никита, откупоривая бутылки шампанского: «Крестьяне — не пролетариат, и мы хотим из них сделать сельскохозяйственных рабочих». Алексей Николаевич перебивает его: «Люба, крестьяне, мужик — это свинья, это тысячелетнее свинство, за которое мы нынче расплачиваемся». А я как раз принесла Наталье Васильевне сборник песен, выбрав там женскую песню для оперы, чудесную песню «Ах, молодость, молодость, чем и вспомяну тебя»[355]. «Если бы крестьянство, народ было только свинство, не могло бы оно создать таких песен, как нет нигде в мире». — «Это отдельные талантливые личности». Но тут уж все, в особенности Шишков, меня поддержали.

«Вы с Юрием отрицаете все наши достижения из-за того, что еврейских спекулянтов заставляют сдавать золото, что совершенно необходимо делать, т.к. государство нуждается в валюте». И все в таком же роде, и шапками закидаем, и на один японский аэроплан наших десять, мы раздавим, мы покажем etc, etc[356] — еще шампанского.

26 апреля[357]. Да, а Япония отрезала у нас Восточно-Китайскую железную дорогу[358], очевидно не слишком считаясь с этими аэропланами. Ведь у каждого солдата есть голодные отец и мать в деревне, не говоря уж о мобилизации. А кроме того, я думаю, в Кремле как овечий хвост трясутся: а что, как какой-нибудь победоносный военачальник захочет «революцию сделать» и сделаться Наполеоном?

На днях Лиза пришла от Сидоренковых, где была также тетя Варя и еще кое-кто, всё мужики. Пришла и стала громить власть. Вася, ухмыляясь, заметил: «Чего вы, Лиза, ругаетесь, ваша же власть, вы революцию делали, землю брали, помещиков убивали и жгли...»

«Мы делали революцию? Нет, не мы, а вы, все делал высший орган (очевидно, подразумевая высшее сословие). Кто нас поджигал, кто навинчивал,

эта Фигнер, где она теперь сидит, мы как были темными, безграмотными дураками, так и остались, все студенты, господа поджигали».

И такая злоба у нее чувствовалась. И она права. И вот Россия без Бога, без хлеба, безжизненная лежит. Наша власть — дьявольская, сатанинская. Вся построенная на лжи, фальшивая, как ни одна другая. Разночинная интеллигенция бежит за ней петушком. Аристократия, высшее дворянство (аристократия духа также) и крестьянство не признали и не пошли за ней. Первые пошли на заводы Renault и Peugeot, стали шоферами[359], а вторые пухнут с голоду и мрут, а в батраки идти не хотят. И кажется мне, что они, как та барыня, что с арапками и собаками бежала от Наполеона, сами не сознавая, делают великое, величайшее дело, которое спасет не только Россию, но и весь мир от фальши и лжи насильственного коммунизма, террора, презрения к человеку, презрения к Духу.

Что может быть бездарнее, безличнее наших правителей? В этом году, чтоб поднять урожайность, выдумали сверхранний сев. Племянница Вари приехала из деревни (около Острова) — там велели посеять уже давно лен и овес. Мужики просили подождать, ссылаясь на знание своей почвы, — не помогло. Засеяли 40 пудов льна, овес — взошло, а потом выпал снег на пол-аршина, мороз — все погибло.

То же рассказывал Юрию Дунаевский о Харьковской губернии.

Гоша никак не может получить паспорта, т.е. права на жизнь, на кусок хлеба. За что? За то ли, что он внук той фон Мекк, которая дала Чайковскому возможность спокойно работать?

У нас в жакте не получили паспорта восемнадцать человек, из них Гусевы, муж и жена, пролетарий из пролетариев. Он сапожник, она ходила стирать. Оба пили. Они взяли котомки за плечи, билеты на незнакомую станцию и пошли куда глаза глядят.

Мне кажется, я сойду с ума от пенья солдат. Они все время ходят маленькими отрядами по улицам, по парку, везде, и кричат песни. Этот казенный мажор, это галденье невыносимо. Хочется тоже кричать и бежать.

Есть песня, в которой рифмы замечательные. Я не все слова разобрала.

25 июня. Мама умерла 4 июня 33-го года. После маминой смерти мы с Лелей разобрали книги, и я нашла мою любимую ларинскую книжку Гейне «Das Buch der Lieder»[360], которую тогда, в юности, я читала, перечитывала и знала наизусть. И тогда я больше всего любила

Der Tod das ist die kühle Nacht,
Das Leben ist der schwüle Tag.

Es dunkelt schon, moch schläfert,
Der Tag hat mich müd' gemacht.

Über mein Bett erhebt sich ein Baum,
Drin singt die junge Nachtigall,
Sie singt von lauter Liebe,
Ich hör' es sogar im Traum[361].

Не навеяли ли Лермонтову эти стихи «Выхожу один я на дорогу...»[362]?

Я не выдержала экзамена на жизнь. Меня жизнь сломила, у меня не хватило дарованья, силы, упоства, энергии. Тяжело, конечно, было — но это не изввиненье.

3 июля. Вчера получили телеграмму от Любы Насакиной (Назимовой) от 30 июня: «Саша скончался сегодня».

Более вопиющей истории, чем мученичество Александра Васильевича Насакина, возмутившее во мне все, что в человеке есть человеческого, я не знаю. Взяло ГПУ мирного обывателя, кристальной честности и порядочности, ни в чем не замешанного и ни к чему не причастного, и раздавило ногтем. За что? При обыске отобрали несколько номеров журнала «Столица и усадьба»[363] и Крестовского «Панургово стадо»[364] и заставили расписаться, что отобрана монархическая литература.

Когда Насакин запротестовал: эти книги продаются у каждого букиниста, — «Не рассуждайте. Направление монархическое!»

На первом допросе, еще до ареста, Насакину сказали: «У вас говорилось об японской интервенции». Он отрицал это.

Вернувшись домой, он рассказал это Любе, и она вспомнила: был у них однажды Поливанов, бывший судейский и еще кто-то. Говорили о трудностях жизни, о голоде и о том, что так дальше тянуться не может. Замолчали. Поливанов потер себе лоб и с искаженным лицом, как будто ему было трудно выговорить слова, сказал: «Будет японская интервенция». Мужчины промолчали, а Люба начала спорить с ним, что этого быть не может. Люба думает, что он провокатор. Первым был арестован Поливанов, и при допросах А.В. следователь все время ссылался на Поливанова. А когда Люба хлопотала о паспорте, комендант милиции раскричался на нее: «Вы посылаете мужу посылки, вы поддерживаете с ним сношения, вы должны с ним развестись». Люба разрыдалась и ответила, что до самой смерти не покинет мужа.

Как далеко нашему «рабоче-крестьянскому» до рыцарства Николая I. Маленькую, безродную модисточку, француженку Полину Gueble, не жену, а любовницу Анненкова, царь запрашивал через московского губернатора,

сколько ей нужно денег на дорогу к жениху, декабристу Анненкову, и прислал 3000 рублей.

«Говорят», что пленум ЦК постановил: закончить уничтожение буржуазного класса[365].

За что арестовали Александра Васильевича? Соседу-гэпэушнику нравилась их комната, ему и другим соседям хотелось выслужиться. Донесли, что у них бывают гости. Вызвали его в ГПУ: «Кто у вас собирается?» — «Никого у нас не бывает, разве кто-нибудь придет на мои или женины именины». — «Нам известно, что на именинах вашей жены у вас было семь человек, — кто такие?» Пришлось назвать. Их всех арестовали, допрашивали и выслали на север (всех арестовали по наговору Поливанова, а дальнейшее докончила Баулер Ксения Аркадьевна). Одна из кузин Любы, Ксения Баулер, старая дева 48 лет, полунормальная (их мать просидела 25 лет в сумасшедшем доме) показала на допросе [24 июля], что она монархических убеждений. На вопрос следователя, не агитирует ли она на службе и в очередях?(!): «Конечно, агитирую, только на службе меня не хотят слушать». Она сказала, что Насакин монархист, был следователем (следователь — враг рабочего класса), тогда как А.В. был секретарем и потом членом суда по гражданским делам. На допросе Баулер воскликнула: «Вот никогда бы я не ожидала, что Насакин заговорщик!» — на что следователь расхохотался и сказал: «Какой там заговор...»

Когда я вспоминаю Любин рассказ о том, что происходило в Тотьме[366], я ощущаю какой-то холод в мозгу, ужаснее я ничего не слыхала, может быть потому, что рассказано это так просто и оттого так страшно.

Люба приехала в Тотьму 27 июня и застала А.В. еще в живых. Худ он был, как скелет, ссыльных почти не кормили, обращались невероятно грубо.

По дороге где-то пригнали в баню, а верхнее платье отправили в дезинфекцию. Они вышли из бани в одном нижнем белье и долго стояли под дождем со снегом, в ожидании одежды. [Был конец апреля. После ареста выслали по этапу в Вологду, оттуда на станцию Харовскую, потом обратно в Вологду, сказав, что погонят пешком за двести верст. Из Вологды баржей повезли в Тотьму и там свалили всех, их было 300 человек, уголовных и политических, в разгромленную церковь, где они спали на голом каменном полу. Заболел сыпным тифом и умер.]

Люба приехала и пришла в больницу, когда у него начинался кризис. Ее не пустили к нему, а сами пропустили кризис, не поддержали сил ночью, и он сразу стал слабеть. Люба оставляла на ночь коньяк, и сиделки сами его выпивали. Направо и налево надо было давать на чай, чтобы как-нибудь за

ним ухаживать, и еще больше после его смерти, чтобы тело его не попало в общую свалку. Пробыв в Тотьме до девятого дня, Люба насмотрелась на жизнь выселенцев. Они все босые, в лаптях или драных сапогах на босу ногу. Голодные, бродят около почты и ждут посылок, а посылки приходят редко или совсем у многих не приходят. Пришел к Любе московский профессор Чернышев. Хозяйка ни за что не хотела его пускать — на нем черная рубашка, вся изодранная, так что сквозь лохмотья видно голое тело, такие же брюки. Он с жадностью смотрел на хлеб и яйцо, которые увидел на столе. Люба покормила его, и он стал просить у нее костюм Александра Васильевича. Ей рассказали, что на другой же день он его продал, чтобы купить хлеба и еды. Он был весь покрыт вшами. Любе рассказали, что он собирает на себе вшей, сыплет на хлеб и ест, говоря, что это устрицы. От голоду он уже помешался. Жена его сошла с ума, а дочь от него отказалась (тоже российское явление), и помощи нет никакой.

Заработка нет никакого. Месяц тому назад было тайное предписание всех снять с работы (вероятно, в связи с заграничными нареканьями о принудительном труде). Один старый счетовод служил где-то пастухом, и его сняли, после чего через несколько дней он умер. На улицах постоянно видишь валяющиеся трупы умерших от голода, кто навзничь, разметавши руки и ноги, кто уткнувшись лицом в землю. Их ночью подбирают, складывают по нескольку в гробы и везут на кладбище. Люба видела, как их хоронят. Привозят целый воз плохо сколоченных гробов и сваливают в яму, трупы вываливаются, торчат руки, ноги, их лопатами уминают, засыпают землей.

Встретила Люба там нашу * институтку Катю Корф-Путилову — муж Путилов расстрелян по делу Платонова[367]. Она сослана по доносу некоего Гросса, который у нее бывал раз в 3 года, по его доносу арестовано было и выслано 35 человек, среди них 82-летняя Обухова, которая сидела вместе с Натальей Баулер. Баулер ей посоветовала говорить на допросе, что она монархистка и все знакомые ее тоже. Это, мол, самое безопасное, большевики боятся только эсеров и эсдеков. Бывают же дуры на свете. Но какую надо иметь совесть, чтобы придавать значение бредовой болтовне выживших из ума старух **.

Много сосланной молодежи, студентов. Студент, живший с Александром Васильевичем, работает на лесозаготовках (там не снимают с работы), носит

* Екатерининскую.

** И на основании этого старушечьего бреда ссылать и посылать на расстрел порядочных, чистых людей.

доски и получает в день 800 граммов хлеба, это вся оплата его труда. Причем простому рабочему накладывают 5 досок, а выселенец должен нести 7.

Высланных ждет верная смерть. Они так и говорят: как начнутся холода, босые, голые, они все перемрут.

На обратном пути на какой-то станции Люба видела целый поезд высланных. Отдельный целый вагон женщин, очень много двадцати—двадцатитрехлетних.

И никакой возможности как бы то ни было помочь. Что это все? Бесы? Бесы[368]. Я дошла до такой усталости, в особенности мозговой, что ничего не помню, не соображаю, мне надо невероятное напряжение, чтобы что-то нужное делать, распоряжаться хозяйством. Хочется тоже упасть — и пусть везут на свалку.

И надо сказать, что я тоже все время голодна, питаемся мы плохо, в особенности я.

И вот вся жизнь прошла. Всю жизнь, с жизненного утра до ее заката, я промечтала, проверила в любовь, прождала ее. Не страсть, а любовь, любовь на жизнь и смерть, for better and worse[369], и не дождалась. Бог послал мне луч солнца, Аленушку. Вся любовь, на какую я только была способна, любовь до влюбленности, все соединилось в моей любви к Аленушке, и вот — взяли.

Когда она утром прибегала ко мне в кровать, я прижималась головой к ее плечику, я забывала все разочарования моей злосчастной жизни, слушая ее болтовню. Я спрашивала ее: «Аленушка, кого мама любит больше всего на свете?» — «Меня», — был ее ответ. Голубка моя, деточка.

24 июля. Леля мне как-то в утешение сказала, читая дневники С.А. Толстой[370]: «Вот, смотри, не ты одна страдаешь». Разве можно сравнить — С.А. была неудовлетворена его отношением к ней, она не любила Черткова, но все же она была его другом, помощницей безраздельно. Никакой параллели провести нельзя и ни с кем сравнивать не приходится.

Мне кажется, что чаша моего терпения переполнилась, и я настою, чтобы с осени Юрий переехал к себе на Канонерскую.

«Если ты будешь настаивать, чтобы я жил с детьми, я их возненавижу!» — Уехал. Алене все хуже и хуже. Дня за 4 до ее смерти он опять приехал, посидел с ней, вынес, по его словам, впечатление, что она не выживет, и опять уехал. На другой день я послала Лизу с письмом, чтобы он посоветовался с Мочаном и привез доктора. 28-го рано утром я послала телеграмму, чтобы срочно он привез Мочана или Розенберга, — он не приехал и ночь прово-

дил не дома, т.к. с 12 часов ночи, как только Алена умерла, Старчаков звонил на Канонерскую, и только в 4 часа утра Толстые до него дозвонились.

Что это, кто это? Человек — нет. И дальше:

29-го панихиду служил чудный отец Андрей Чуб. Похороны должны были быть 31-го. Мне хотелось оттянуть как можно дольше. Вдруг Юрий начал страшно протестовать: «Нет, надо ускорить, похоронить 30-го, может начаться разложение, и, кроме того, я дал знать всем знакомым, у них завтра свободный день!» Батюшка покачал головой и ответил: «По христианскому обычаю, можно хоронить лишь на третьи сутки, 31-го, но если вы так уж хотите, можем вынести покойницу в церковь, а знакомые ваши побудут на панихиде».

Конечно, я не допустила этого, я все ночи читала псалтырь, разговаривала с моим ребенком.

Пошли на кладбище после отпеванья в госпитальной церкви. Встретить должен был кладбищенский священник. Приезжаем и узнаем, что в ночь и священник, и дьякон арестованы. Как быть? Может быть, это предрассудки, Вера, Бог — все это выше ритуала, но ритуал скрашивает нашу несчастную маленькую жизнь, и мне показалось чудовищным опустить в землю мою Алену без святых слов. Юрий переминался с ноги на ногу. «Холодно, пусть закрывают поскорее, ведь уже отпевали в церкви». Наталья Васильевна Толстая посмотрела на меня испуганными материнскими глазами, вскочила на извозчика и через полчаса привезла из Софии священника. Этого я ей никогда не забуду. Дожидаясь ее, Юрий пошел с приехавшими знакомыми в контору, а я села около гроба над вырытой могилой, прислонясь к нему головой, и в последний раз потихоньку разговаривала с тем, что было прежде Аленой. Разложение — да если бы не было разложения, разве я дала бы ее оторвать у себя, похоронить?

Боже мой, как жестока жизнь. Выживет ли Вася, разовьется ли его дарование — он весь в отца, нелепый, грубый и талантливый. Я верю в Бога, но просить я не могу, я так просила спасенья Алены.

Вчера я вошла в собор, священник возглашал в алтаре: «Пейте от нея вси, сия есть Кровь Моя, еже за Вы и за многие изливаемая»[371], — и как-то я поняла, эти слова относились к России, должны относиться сейчас к России; вся пролитая кровь, все замученные люди, все Насакины, все умирающие от голода по всему простору российскому — все они великая жертва за будущее человечества. Великий урок грядущим поколениям всего мира: что случается, когда *ненависть* становится религией, или если не религией, то целью, девизом. Классовая борьба — что это такое? Оформленные, узаконенные зависть, донос, грабеж, нищета, голод, смерть. В Россию можно только ве-

рить[372]. Тютчев это понимал. Сейчас можно только верить, но уже трудно верить. Народ дошел до подлости, а в особенности оставшаяся в России, приспособившаяся, подхалимствующая интеллигенция. Господи, спаси и помоги.

16 сентября. Господи, Господи, я искренно хочу смерти. Когда я вспоминаю последний взгляд Алены, когда она сказала: «Поверните меня», — взгляд, полный беспокойства, тоски, взгляд ее чудных милых глазок, мне делается дурно, захватывает сердце, — лучше не жить. У меня ничего не осталось в жизни. А смерть — это так просто. Я не отходила от мамы в течение двенадцати часов ее агонии — читала Евангелие Иоанна, а потом Деяния[373]. Впечатление от маминой смерти 4 июня 1933 года осталось странное, торжественное и умиротворенное. Тот человек, который умирал, был совсем не тот, что жил когда-то и измучил мою юность. Жизнь была где-то далеко.

В половине третьего ночи Леля меня разбудила, я услышала хрип. Произошел, очевидно, третий удар, а еще вечером д-р Лапшин нас так успокоил. Мама была еще в сознании, но не могла говорить, попросила папироску и спички и держала их долго в руках, потом сознание ушло, мне казалось, что парализовалась левая часть лица, и левый глаз стал так страшно подмигивать, прошло и это. Сестра милосердия впрыскивала камфару, кофеин.

Мама тяжело, с хрипом дышала, но, видимо, не страдала. Время от времени она устремляла глаза кверху перед собой, взгляд делался вполне сознательным, лицо принимало торжественное, значительное выражение, словно мама видела что-то очень важное, главное. И несколько раз бессознательное состояние чередовалось с такими минутами сознания чего-то не нашего. Пришел отец Константин, причастил маму, у нее появились слезы на глазах. И так и умерла. И лицо ее стало мягким, как никогда, с ласковой, доброй улыбкой. Сестра милосердия заметила: «Бабушка кокетничает, она с каждым днем становится все лучше». Похоронили маму около Алены, оставив между ними место для меня.

Я знаю, что я Васе нужна, знаю, что, если бы я умерла сейчас, из него, пожалуй, ничего не выйдет.

24 октября. Некоторое время тому назад, может быть с месяц, Старчаков рассказал Юрию, что Америка предложила нам признание, деньги на содержание Красной армии, лишь бы мы начали войну с Японией[374]. Но правительство отказалось ввиду вдребезги испорченного транспорта. Когда приезжал Эррио[375], а за ним Кот[376], я говорила, что это неспроста, что Европа хочет нас толкнуть на Восток. С неделю тому назад, больше, 15-го мы ехали

на открытие Филармонии и встретили Наталью Васильевну, ехавшую с Павлом (загадочная личность) туда же. В тот день вернулся из Москвы Алексей Николаевич, очень довольный, огреб массу денег, подружился с Кагановичем и Ворошиловым, от обоих в восторге, вновь сблизился с Горьким — «опять роман», до этого была некоторая остуда сердец. Про Японию: «Японцы не клюнули на наше опубликование их тайных бумаг и не объявили войну»[377]. Я очень удивилась — разве мы хотим войны? Да уж, верно, так надо было. Еще позже еду я на извозчике со Старчаковым, он еще не видал Толстого, и передаю, что, по словам Натальи Васильевны, в Москве все жаждут войны. «Мы воевать не можем». — «А Красная армия, о которой столько говорят и на которую столько идет?» — «Воюют не армией, а валютой, а ее у нас нет. Вот если Америка нас признает, то война будет».

Через день утром Евгения Павловна звонит и передает, что Америка нас признала и все в восторге[378]. Я же вспомнила слова Талейрана о том, что, если Америка хоть одной ногой вступит на Старый Континент, Европе крышка, т.е. ее самостоятельности[379]. На это А.О. Старчаков рассказал мне, что осенью 17-го года Вильсон предложил Ленину денег для продолжения войны с Германией, и Ленин согласился. Но это не состоялось, т.к. было уже поздно и уже начались Брестские переговоры. Никогда еще не было таких «дипломатических тайн», как при советском режиме, а между тем это был один из главных революционных лозунгов: долой дипломатические тайны! Теперь всё — одна сплошная тайна, и я уверена, Литвинов — это почище Азефа.

Теперь герой дня среди писателей Лайонс, представитель в СССР United Press, журналист, еврей, очень американизированный. Его фетишировали Толстые, за ними Львы, т.е. Савин. Старчаков очень умен, я люблю его разговор, хотя и не очень уверена в его искренности. Он коммунист, еврей — и при этом абсолютно не стяжатель, никакой манны с неба на него не падает, и ни о чем он не хлопочет, как он говорит: «Мы с Юрием Александровичем романтики, впрочем, в просторечии это выговаривается просто — дураки». Я же ответила: «Но так как жены у вас тоже романтики, то они предпочитают считать вас романтиками, а не дураками».

27 октября. Я сегодня весь день одна. Лизу отправила за продуктами, Вася уехал на урок, Юрий в Москве. Как тихо делается на душе и в мозгу, можно сосредоточиться, как остро хотела бы я хоть неделю провести без людей. Я ничего не делала, разбирала бумаги, письма, ящик с вещами Аленушки. Когда я смотрю на ее карточки, читаю ее записочки, целую ее волосы и вещицы, мне делается физически дурно, словно кто-то сдавливает мое серд-

це, мое горло. Больше этого горя быть не может. Нашла я свои записки после смерти Сапунова. Тоже было горе. И большое горе. Но теперь мне кажется, что я была главным образом потрясена трагичностью самой катастрофы. Что было между нами? — Ничего. Начинающаяся влюбленность. Увлечена я была сильно, и он, так мне говорила Потемкина со слов П.П. в Париже, был сильно увлечен мною. Но ни слова не было сказано, не только что поцелуя. «Un amour ébauche est le plus fort»[380] — слова Петтинато. Через три месяца умер папа, и это горе было так сильно, что закрыло собой первое, вытрезвило меня. Я папу оплакиваю до сих пор. Я помню, как я страдала и как я искала утешения. Я и замуж-то вышла, чтоб укрыться от страха перед жизнью. И попала из Сциллы в Харибду[381]. Смерть Алены унесла с собой все тепло, всю надежду, сильнее любить нельзя, чем я ее любила. И нет ее. В жизни остались только обязанности, а жизнь больше не нужна.

2 ноября. Юрий сегодня утром приехал из Москвы — сейчас уже 12 часов ночи, и он не приезжал. Вася ждет целый день, вздрагивает при каждом звонке, прямо болен. [Что это за человек? Это существо с пустым нутром, совсем пустым. Я как-то недавно стала ему говорить, что ему необходимо считаться с Васей, который страдает от его легкомыслия, часто говорит о самоубийстве. Юрий рассердился: до каких же лет будет длиться Васино детство? Для меня он чудовищен.]

7 ноября. Аленчик, детка моя, как мне тяжело. Начинается зима, а я одна, и тебя нет. Когда к Васе приходят мальчики и веселятся, мне так больно, больно нестерпимо. Когда, бывало, приходили Алеша и Никита, тебе так хотелось быть тоже с ними, играть, и Вася тебя выгонял так грубо. Я же говорила, когда ты огорчалась и плакала: «Аленыш, не плачь, подожди годика три, и они сами будут умолять тебя прийти к ним». И вот. Боже мой, Боже мой, за что, за что?

Деточка, вспомни меня, поддержи свою маму.

8 ноября. Сейчас мы были у Старчаковых, обедали. Были Толстые, Лев Савин (Савва Моисеевич Леф или Лев?), Шишковы и мы. Толстой последнее время одержим правительственным восторгом. Через два слова в третье — ГПУ, Ягода, Запорожец и т.д. Ягóда мне говорит... Я говорю Ягóде... А еще прошлой осенью Алексей Николаевич ругал Горького: там бывать невозможно, везде ГПУ. Ягóда был мерзавцем, которого надо сместить. Обращаясь ко мне, А.Н. начинал тогда поносить большевиков: «Этих сволочей гнать надо», — на что я ему ответила шуткой: «Не становитесь провокатором, Алексей Николаевич, все равно я не реагирую». Пристал к Шишковым, по-

чему у них детей нет: «Ты, Клава, ходишь порожняя, вы эгоисты». Сколько ни пытались перевести разговор на другие темы, Толстой возвращался к этому вопросу и довел бедную Клавочку до слез. Шишков просидел весь обед, не проронив ни слова. Я вспомнила, как однажды Валентина Андреевна (Щеголева) мне заметила, чтобы я никогда на эту тему с Шишковыми не говорила, это больной вопрос, им очень хочется иметь детей; и неужели А.Н., знающий Шишковых так давно, не может понять, что нельзя говорить на эту тему, когда мужу под 60, а жене 25. Клавочка расплакалась и ушла в другую комнату, Наталья Васильевна стала останавливать А.Н., а он, глядя на меня, — он видел, что я обозлилась донельзя, — опять раскричался: «Неужели же я в своем кругу должен вести светские разговоры о примерочках и платьях». Во время обеда А.Н. спросил, чего это сегодня поп вечером звонил. Кто-то заметил: звонит не поп, а звонарь. «Алексей Николаевич это забыл», — сказала я, а Шишков лукаво мне подмигнул с другого конца стола. Еще года три тому назад у Толстых во всех комнатах висели образа, ходили в церковь, а теперь же: да здравствует марксизм. Вся речь все время пересыпана такой похабщиной, что уши вянут, повторить их невозможно. Савин ему вторит, юлит вокруг него, как моська, называет не иначе как граф и ваше сиятельство с наслаждением и, очевидно, внутренно наслаждается, что он, приказчик красильни Пеклие, принят в обществе графов.

Не так давно утром зашел Попов с Валерьяном и, покатываясь от хохота, рассказывал: «Вчера обедал у Толстых, там был Запорожец, начальник ГПУ с четырьмя ромбами[382], с Авербахом, человеком с лицом, похожим на мочевой пузырь. Запорожец — ражий детина, крайне примитивный. За обедом, обнажая руки, показывал следы от пуль и ран. Но надо было видеть [как вся семья Толстых готова была языком смахивать пыль с его сапог, говоря фигурально, как ловили всякое его слово]. После обеда он подошел ко мне (говорит Попов): сыграй русскую. Я ответил, что я русскую не могу сыграть, т.к. я испанец. Он поверил и отошел. Наталья Васильевна села за рояль, а Алексей Николаевич меня стал уговаривать, и кончилось тем, что мы в четыре руки стали играть русскую, а Запорожец плясал. Потом попросили меня играть, прося шепотом, чтобы я сыграл что-нибудь полегче, подоступнее. Но я нарочно стал играть фуги. Запорожец послушал и вышел из комнаты. Когда я заиграл из “Медного всадника”, он сказал: “Сразу чувствуется петровская эпоха”. Ему показывали картины и с восторгом слушали его сентенции. На картине полуобнаженная женщина держит лимон. Запорожец нашел, что главное в картине — это лимон. Еще долго после их отъезда Алексей Нико-

лаевич все восхищался правильностью такой оценки. “Действительно, главное — лимон”».

Сколько сволочи развелось в наше время неприкрытой и торжествующей. Спросили у Старчакова, который тоже был там, каково его мнение о Запорожце. «Я очень люблю пляшущих людей — у них, наверно, душа нараспашку, а вот я танцевать не умею», — сказал Старчаков.

Нерадовский опять арестован и еще несколько человек из Русского музея. С тех пор, как туда присосалась Добычина, это какой-то застенок. Два года или полтора, я не помню, зимой это было тогда, когда Нерадовский был арестован в первый раз, Добычина жила здесь, в туберкулезной санатории д-ра Крижевского. Она явилась к нам с объяснениями в любви и очень звала меня зайти в санаторию. Я как-то к ней собралась и рассказала ей о только что услышанной новости — аресте Нерадовского. Она откинулась к спинке стула, сделала трагическое лицо, пришла в ужас и сказала: «Конечно, я тотчас же примусь хлопотать о нем, я кое-кого знаю (по ее словам, она всегда все может, всех знает), но это ему поделом. Знаете, сколько он мне зла сделал? Я очень хотела служить в музее, а Нерадовский дал обо мне отзыв как о торговке картинами, ничего в искусстве не понимающей». Тогда же я подумала: а не ты ли, матушка, его и упекла? Его тогда обвинили в принадлежности к какой-то шовинистической украинской организации! П.И. нам рассказывал: Добычина, по-видимому, очень сильна в ГПУ, т.к. по ее милости из музея убрали даже партийную ячейку, которая осмелилась против нее восстать. Удалены были весной двадцать четыре человека, много очень знающих людей, вроде Л. Дурново. Я думаю, Добычиной, Жаку Израилевичу и К° надо разбазарить музей без неудобных свидетелей, которые бы стали бороться с этим. У Головиной висит хороший портрет Добычиной А.Я. Головина[383]. Она там страшная, ростовщица, вся в черном с белой серебристой отделкой. За этот заказанный портрет она не заплатила, и Антонина Яковлевна ей его и не отдала. Нерадовский хотел поместить его на выставку в прошлом году, но Антонина Яковлевна побоялась его дать, говоря, что Добычина его уж обратно не вернет. И П.И. согласился с этими доводами. Я сейчас, после этого обеда с Толстыми и Савиным, словно мух наглоталась, села в какую-то лужу навозную, провалилась и отмыться не могу — противно. И это культурное общество, цвет его. Да уж и цвет.

А Старчаков очень умен и с большим чутьем в литературе. Когда он пишет, это уже не то, он не может писать так объективно, непосредственно, руководясь только своим чутьем и вкусом, как в разговоре. Я положительно

наслаждаюсь, слушая его. Сегодня, пока я его рисовала, он сделал обзор нашей литературы с <1>908 года, блестящую характеристику. «Плеяда писателей, начавшая писать с 10 года, А.Н. Толстой, Замятин, Шишков, — это не реалисты, как их ошибочно называют. Предшествующие им символисты имели на них большое влияние, наложили свою печать. Психология человека, больное в человеке, трагическое, перестало существовать и заменилось маской, анекдотом».

Это очень верно. Говоря об А.Н. и его вчерашнем поведении, Старчаков сказал: «Охамел старик, распустился. Русский читатель привык в жизни своих писателей видеть житие, искать в них арбитров в вопросах морали, религии, искусства, а сейчас что мы видим? Поступь не та у современного писателя».

Третьего дня у меня была Анна Ахматова. Вот у кого сохранилась и поступь, и благородство былых дней. Я ее мало знаю, и ее личная жизнь мне мало понятна — Лурье, Пунин. Но она обаятельна, и она никому не поклонилась и ничем не поступилась. У ее сына ее улыбка. Про него, поговорив с ним, О. Мандельштам сказал Анне Андреевне: «Вам будет трудно уберечь его, в нем есть гибельность». Они были в Третьяковской галерее, в отделе икон. Увидав Владимирскую Божью Матерь, он приложился к ней. «Я, — говорит А.А., — была в полном ужасе: “Что ты делаешь?” На что он мне спокойно ответил: “Но ведь она же чудотворная”». Какие там иконы! Лучше, по-моему, у нас вообще ничего нет.

[А Юрий все носится, зайцев гоняет. Его новую пассию зовут Заева, ну и фамилии — Канавина, Капустина, Заева. Познакомился он с ней в вагоне. Несчастный дурень. Вот уже год, как он ничего не делает. Я с середины октября стала отмечать день за днем его работу. С 16 октября по 8 ноября он два раза занимался по полдня. Все остальное время носится в воздухе и кричит: «Это трагично — я не могу сочинять!» Если бы он попробовал хоть бы два дня посидеть подряд над работой. Больно и глубоко противно.]

9 ноября. Рисую Старчакова и продолжаю наслаждаться его характеристиками: «Лев Савин — он способный, но ничего общего с литературой не имеет. Мало еще рассказать что-нибудь интересное, надо иметь мастерство и знания. Никакого мастерства, никаких знаний, ничего не читал, так что сравнивать себя не с чем. Он биржевик, нэпман, знает очень хорошо этот быт, но это же не литература. А мнит себя гением: “Вы еще будете за мной бегать и мои карточки выпрашивать”. Мы на днях вечером шли, — говорит Старчаков, — вместе по Загородному, и он так мне надоел, что я подошел к

сидевшему у ворот в большом тулупе дворнику и сказал ему: "Вот тут один гений ко мне пристал, не можете ли вы меня от него избавить?" Лев до сих пор не может мне этого простить».

Я советую Старчакову писать литературные мемуары, заметки так, как вот он мне рассказывает, не считаясь ни с моментом, ни с цензурой, сейчас этого нельзя напечатать, но, быть может, через несколько лет и можно будет, и как будет интересно. Но только он страшно ленив.

Вчера были Петровы-Водкины.

18 ноября. Николай Радлов рассказал Ю.А. следующий анекдот. Радек шел куда-то с Лениным и рассказывал ему анекдоты, до которых Ленин был большой любитель, беседовали двое: большевик и хохол. Большевик говорит: «Наша революция уже перекидывается в Германию, будет революция в Германии, во Франции, в Италии, в Америке». — «Не, того не будет», — спокойно отвечает хохол. «А почему же?» — «Жидив не хватит!» Ленин очень смеялся. Через некоторое время было заседание Коминтерна, Радек получает записочку от Ленина: «Ваш хохол был не прав... Хватит!»

Обедали у Шишковых. Праздновались именины Клавочки и выход из печати «Угрюм-реки»[384]. Вещь эту я не читала, кто ругает, кто хвалит. Я не хотела к ним идти, предвкушая шум Толстого, непристойности и тоску. Прежде Алексей Николаевич вносил с собой массу веселья; с тех пор же, как им все более овладевает правительственный восторг, его шум становится какой-то официозной демагогией. Шишков, например, боится оппонировать. «Когда Алеша говорит, я уж молчу, кто его знает». И шутя: «А вдруг шепнет коммунистам». [В Москве писатели его называют осведомителем ГПУ.] Это, конечно, шутка. Толстых за обедом не было, к счастью. Были Соколовы, Коганы, Микитовы, Сергеевы, Львы, Петровы-Водкины, Марианна и Никита. И было очень приятно. Под влиянием очень вкусного обеда, хорошего вина все разговорились.

24 ноября. Сейчас на столе передо мной откуда-то появилась какая-то мошка. Я ее прикрыла большой лупой в металлической оправе, так что между столом и стеклом есть пространство. Мошка неистово забегала, ища выхода. И я подумала: мы все, вся Россия так прихлопнуты. Вначале все бросились бегать, с севера на юг, с юга на север, из столиц в маленькие города (три миллиона выпрыгнули совсем за границу). Теперь большинство поняло, что податься некуда, все равно везде тюрьма и везде голод. Еще интеллигенция бессознательно хочет куда-то выпрыгнуть, бежит за полярный круг, на Памир, в стратосферу, а мужики просто дохнут, лежа на своей лавке. А в газе-

тах: ура, ура, ура. Я сейчас выпустила мошку, и она сразу же взвилась и полетела. У меня не хватило духу оставить ее под крышкой до смерти. Я не экспериментатор.

Сашенька, прислуга Кованск., слышала в очереди такой рассказ: говорила молодая женщина. Послала она несколько посылок родным в деревню, ответа нет, и она решила съездить сама. Родом она из южных великорусских губерний — Курской или Воронежской. Приехала на станцию и стала расспрашивать. «Пойди, сама увидишь», — был ответ. До ее деревни надо было пройти еще две. Приходит в первую — избы заколочены, ни души. Во второй то же самое. Вот и своя деревня. Тоже пусто. Отыскала свою избу. Входит — никого и смрад страшный. Тогда она стала звать, нет ли кого живого. На ее крик с печки полез отец. «Хоть и отец, и грешно сказать, а хуже чёрта. Весь распух и волосы дыбом. Слез и говорит: "Я тебя съем". Очень я испугалась, но все-таки говорю: "Зачем же тебе меня есть, я тебе еды принесла", — и подаю булку. Он схватил, стал ее есть и тут же помер». Осмотрелась она, под скамейкой нашла мать мертвую и всю обгрызенную, крыса ли, отец ли? В другой комнате под кроватью лежала мертвая сестра, тоже обгрызенная. Махнула она рукой и вернулась в Ленинград. На нее напустились две коммунистки, говоря, что она не имеет права рассказывать такие вещи.

А вот рассказ уже вполне достоверный. Д-р Владимир Васильевич Акимов был послан на периферию, на север, около города Сороки. Село, где он жил, было около Беломорского канала, там жили вольнонаемные рабочие, завербованные по всей России, работающие на лесозаготовках. Столовых нет. Обманывают их нещадно. Рабочий получает квитанцию за выработанное количество кубометров. Приемщик пишет ему, что хочет, входя в стачку со знакомыми; тем он приписывает выработанное первым, барыш пополам. Темный мужик, работающий от зари до зари, редко заработает себе больше 1 кг хлеба в день. Выдается же на месяц ему 1 кг крупы и 1 кг рыбы. При вербовке обещана была теплая обмундировка — обманули. В тридцатиградусный мороз по пояс в снегу они работают в рваных портянках и старых галошах, без рукавиц, отмораживая себе руки и ноги. Если метель, он не может выйти на работу, следовательно, ничего не получает и ничего не ест. Чтобы что-нибудь получить, ему надо составить протокол о том, что была метель, и идти за 15, 20 километров заявить об этом, но идти усталому и голодному человеку в такую даль не под силу. Он продает с себя последнее, чтобы что-нибудь купить, а когда нету ничего, просто голодает, слабеет, работать больше не в состоянии и умирает. Часто бегут, но так как документы

в конторе, то его ловит ГПУ и тотчас же отправляет на Канал. При В.В. за три месяца его пребывания несколько рабочих умерло от голода. Если рабочий заболел, он перестает получать даже хлеб.

Владимир Васильевич часто вступался за рабочих, указывал на несправедливости. Один тайный доброжелатель шепнул ему по секрету: «Уезжайте отсюда, вас уничтожат, уже решено». В. Акимов сдал дела и уехал.

30 ноября. Я сказала на днях Юрию: «Я не вмешиваюсь в твою жизнь, но как мать я должна оберечь сына; еще сегодня Вася мне сказал: “Папа совсем перестал со мной считаться. Он меня не любит”». И, конечно, Юрию и в голову не может прийти, что сегодня утром, зайдя в церковь, я молилась и за Васю, и за него. За то, чтобы Бог, давший ему дарование, направил его, дал ему возможность сладить с низменными инстинктами и осуществить то, что в нем заложено. [И вдруг и Вася будет такой же? Как часто я думаю о смерти, мечтаю об уходе из жизни, об успокоении.] После этого разговора Юрий 4 дня проработал безвыездно над первым актом, ничего не докончил, он все перебеляет — мания перебелиоза, как это называет Ашкенази, — и уехал в город, очевидно, на два дня.

В Большом театре склонны думать, что он вообще *не может* кончить оперу, так говорил Кубацкий Гоше, он мне писал на днях. И я уже начинаю сомневаться.

В Союзе композиторов[385], мне сдается, тоже уже ничего не ждут, ему не верят, [зная его беспутную жизнь. Ашкенази на днях спросил меня, передал ли мне Юрий те 300 рублей, которые он ему дал: «Мы боимся, что Юрий тратит деньги на стороне». Оттого, очевидно, и летом, вызвав меня в Союз, Ашкенази мне сказал, что денежные дела он хочет иметь только со мной и выдавать деньги будут только мне. В 46 лет взрослый человек так себя поставил, чтобы тебе никто не верил и не доверял во всех отношениях. Если бы он работал, сочинял, никто бы, и я первая, не поставил бы ему его беспутство в упрек. Ужасно это. И мое положение уж не только фальшиво, но просто чудовищно, когда в глаза мне говорят, осмеливаются говорить подобные вещи]. Что бы я дала, чтобы встать на ноги, ни от кого не зависеть. Но ведь в нашей злополучной стране нет места частной инициативе, нет сбыта, нет никакого матерьяла, нет денег, нет покупателя. Что я могу предпринять? Поступить на службу на 100 рублей в месяц? В 29-м году я раскрашивала материи — теперь это все заглохло. В 18-м году я организовала Кукольный театр. Тогда было время свободное. Театры играли что хотели, не связанные партийным ханжеством, как теперь. Мы ставили «Вертеп» Кузмина, это была наша первая постановка, затем пошли сказки.

А теперь? Агитка, и больше ничего. Партийный елей. Очень смешно, когда видишь воочию, как люди перекрашиваются, меняя оперенье à vue d'óeil[386]. Толстой — но у него это искренно и непосредственно. А вот Брянцев. У него шла «Сандрильона» с очаровательным принцем в белом атласе (играл Зон), «Конек-горбунок»[387] и пр., а потом пошло леветь, углубляться в политику.

Я Брянцева искренно не люблю и не уважаю за глубочайшую фальшь и интриганство. Помню, как он мне сказал в 24-м году, когда я хотела пристроить Кукольный театр в Народный дом и уже договорилась об этом с С. Радловым: «Вы можете там играть и взять ваше имущество из ТЮЗа, но детским театром вы его не назовете». — «Почему же, ведь репертуар остается тем же?» — «Я этого не хочу, а раз я этого не хочу, то мой друг Злата Ионовна (Лилина, жена Зиновьева) этого вам не разрешит». Весь человек в этой фразе. В театре все зиждется на интриге. Куда уж мне. Что же мне придумать, где взять заработок, чтобы у Васи всегда были яйца, масло, молоко? <...>[388]

7 декабря. Прочла полкниги Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»[389] и страдаю физически от отвращения и злобы. Сметь поднять руку на Грибоедова, на Пушкина. А почему нет? (С акцентом.) Мы взрываем Симонов монастырь, «Утоли моя печали», «Николу Большой крест»[390] и т.д. — вы молчите, мы многое еще делаем другое — вы терпите, ну так теперь выкупаем в помоях ваше последнее, вашу первую любовь, вы все стерпите, так вам и надо. Так нам и надо.

«Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет»[391] —

да. И это, по-видимому, директива. В фельетоне некоего Свирина об Эйхенбауме и Денисе Давыдове, дав несколько щелчков по Пушкину, автор пишет: «Не пора ли уже забывать традицию великорусского буржуазно-дворянского литературоведения, которое больше ста лет замазывало эту реакционнейшую роль русской патриотической литературы? “Кавказский пленник” — колониальная литература»[392].

Дорвались, распоясались — а почему нет?

Больно мне нестерпимо. Я знаю, Россия восстанет из мертвых, но мне до этого не дожить, и больно, больно. Méntre la guèrra e la vergogna dura.

Проходила на днях мимо нового здания ГПУ[393]. Надгробный памятник над Россией, всеми мечтами, иллюзиями, идеалами, свободами. «Лежит на нем камень тяжелый, чтоб встать он из гроба не мог»[394].

Как-то зашла к Толстым, был болен Митя. А.Н. пришел в детскую; когда он меня видит, сразу же начинает исторические разговоры, всегда великодержавные. Он весь теперь — правительственный пафос. Он взял глобус: «Вот это все хочет взять Япония, Маньчжурия, Монголия, вся Южная Сибирь, но мы выгоним их даже из Маньчжурии... В Германии фашисты скоро провалятся. Нам надо быть в дружбе с Германией». Я не соглашаюсь: Германия нас колонизирует. А.Н.: «Пустяки, а если к нам придет 20 миллионов немцев, пожалуйста, — у нас земля пустует, они нам не помешают».

И это наш лучший писатель! Такое легковесие.

И никто-то, никто не подумает, что над родиной, над матерью своей глумятся.

12 декабря. Аленыша, родной мой котик. Скоро год, как я одна, без Тебя. Целый год. И не верю. Смотрю на твои ручки, сложенные на груди. Я так их помню, так люблю. Алена, что же мне делать, что делать, где нить моей жизни, кошечка моя родная?..

18 декабря. Когда она была больна раньше, в 30—31-м году, когда уже выздоравливала, я не знала, что придумать, чтобы ее развеселить. Я подарила ей свой кофейный саксонский сервизик, который Вася мне привез в 14-м году из Дрездена. Счастье было полное. И мы устраивали у ее кроватки five o'clock tea или dinette[395]. На подносе шикарно расставлены были чашечки, чайник, не хватало молочника, присоединили маленький китайский и пили вдвоем чай. И как мне всегда было с ней весело. Никогда она не падала духом, все-то ей нравилось, всем-то она была довольна. Помню, в Париже надо было ехать в St. Germain. Мы пошли из метро к трамваю (у Porte Maillot[396]), была гроза и сильнейший ливень, везде стояли лужи, и мы прыгали через них, и как она веселилась. Вася бы замучил меня упреками и брюзжанием. В другой раз мы ехали туда же, но на taxi. Шофер подкатил нас к Lunapark[397], и красные лакеи выскочили к нам навстречу, думая, что мы к ним. Мы же скромно повернули к трамваю, смеха и удовольствия было масса. Все ее веселило. Еще в день смерти мы играли в шарады — как она их придумывала замечательно. Но не могу я вспоминать этот ужасный день. Алена, Алена, приди, поддержи меня, Алена, родной мой, любимый.

28 декабря. Сегодня год, уже целый год прошел, и я его прожила, и он как в прорубь канул, а горе все то же, та же мука безысходная. И я ловила себя сегодня в церкви на какой-то бессознательной надежде, которая помимо меня во мне жила: все это неправда, этого не может быть, она жива, я ее увижу. Нет, не увижу. Но что же тогда? Что делать? Запить, принимать ве-

ронал? Не могу. Утешения не может быть. Молиться? Я молюсь. Но Алены не будет, даже во сне я ее никогда, никогда не вижу. И так тепло и уютно мне мерещится смерть. Конец. Это ведь так просто. В жизни я не вижу утешенья. Но в жизни надо еще много сделать, докончить. Главное, Васю подковать, сделать из него художника, хотя бы только направить по этому пути, укрепить физически. Будет ли у него упорство, стремление к достижению цели?

Какой ужасный был сегодняшний день год тому назад.

Ночь. Алена страшно часто дышала и стала кашлять. Температура утром 39 с лишним (39,5). Пришел Лапшин, выслушал, в легких ничего не нашел, но посоветовал вызвать профессора, Мочана или Розенберга. Я тотчас же послала телеграмму Юрию немедленно привезти Мочана или Розенберга. Боже мой! Петтинато мне писал, что его маленькая Maria была больна в прошлом году, il y avait quatre docteurs près de son lit, et s'était trop peu pour moi[398], и выходили девочку. А Юрий Розенбергу не позвонил вовсе, успокоился на том, что Мочан отказался, порекомендовав Шагана, который обещал приехать на следующий день. Сам же Юрий и недодумался приехать. С этого дня я его ненавижу. Я все могла простить, но отношение к больной Алене, опасное положение которой он понимал лучше меня, я не могу ни понять, ни простить.

Я была с ней одна с Лизой, без копейки денег, я курицы не могла ей купить. Днем начался хрип в легких. Несмотря на температуру, Алена была весела по-прежнему. За прием лекарства я ей давала взятки, тут я ей подарила свои китайские головные украшения. Она позвала Лизу и стала ей в прическу втыкать длинные серебряные булавки и очень была довольна, рассматривала пряжки. Потом вдруг спрашивает: «А где же, мама, пряжки с бочками?» — «Да ведь я только что их тебе показывала». И опять дала их Аленушке. «Ах, да, я сегодня все позабываю», — была очень высокая температура. Хрипы в легких меня страшно беспокоили. Стала от Старчаковых звонить всем докторам, никого дома не было. Иногда мне в душу закрадывался холодный ужас: вдруг не выживет, умрет, — но я отгоняла мысли скорей. Помню, я бросилась на колени в ванне, где никто не мог меня видеть, и там молилась. Температура 38,7. Целый день я читала рассказы из «Mon journal» — у нее были любимые. На обед, помню, была молотая вареная конина. Манную мне дала Старчакова. Хрип в легких все усиливался, хрип, который я не понимала и который наводил на меня смертельный ужас. Я решила призвать докторшу Гарцеву. Уже смеркалось. Адреса я ее не знала, пошла в Софию к Костюковым. Весь декабрь стоял мокрый, сырой, грязь в

Софии была непролазная, по щиколотку. Я бежала, увязая в грязи, с одной мучительной мыслью — а вдруг конец? От Леночки Костюковой побежала на Колпинскую в противоположный конец города — не застала, доктор в городе. А Алена одна, с Лизой, без меня. Мама не считалась, она к детям относилась без всякого интереса. Пошла к Старчаковым звонить и попросила Евгению Павловну снять с меня обручальное кольцо, оно не снималось, но она намылила палец, сняла и обещала на другой же день продать в Торгсин: тогда только что это начиналось, и я недодумалась раньше. Я звонила Баранову, вдруг слышу голос Лизы: «Пусть Любовь Васильевна идет скорей, Алене хуже». Я бросилась домой, а Лиза пошла искать докторов.

Хрип в легких перешел в какое-то бурление. Боже, Боже мой, какой ужас. Я еще вечером делала ей клизму, она сама встала в моем зеленом халате и села на горшок. Но тут видно было, что ей тяжело. «Поверните меня», — а глазки такие беспокойные, измученные. Я ее подняла повыше. «Дай мне чаю, погорячей и послаще». Я подогрела, напоила ее. «Сердце болит». Я все держала ее, обнимая. Она лежала, как бы засыпая и успокаиваясь. Я с ужасом увидала, что она стала медленнее дышать и страшно остывать. Потом головка наклонилась немного, губки раскрылись и показалось немного пены. Она вся опустилась. Что это: обморок, смерть? Я стала звать ее, кричать — ничего. Мама испуганная была все время около. Как была, я бросилась через улицу к доктору Токарской, стучала, стучала — уже было поздно, часов 12 — отворили. Умолила дочь ее прийти с камфарой, побежала домой. Алена лежала все так же. Алена, Алена, Алена. Часа два еще она была совсем теплая. Евгения Павловна побежала искать доктора. Я не верю, что ребенок умер, не может этого быть. Часа в два ночи пришел доктор и констатировал смерть. Я ходила не останавливаясь по комнате, потом села к ней, мне хотелось своим теплом согреть, вернуть ее. И сейчас, через год, все то же. Потом пришла Наталья Васильевна, целовала мне руки и сказала: «Любочка, у вас плохое сердце, болит спина, долго ли вы проживете, на кого бы вы оставили Алену, такую нежную, такую чуткую». Помню тогда же, была со мной только Евгения Павловна, такая злоба поднялась у меня против Юрия, и я ей сказала: «Вот жертва, вот ребенок, принесенный с рожденья в жертву самым низменным страстям. Весь период беременности, кормления был одним сплошным страданием и мукой. Алена и поплатилась». Деточка моя, деточка, уютная, родная, видишь ли ты мои слезы, чувствуешь ли ты мою любовь? Или, вернувшись к своему Божественному началу, все наше житейское уходит далеко, маленькое и незаметное. Девочка моя красивая, бесценная, лю-

бимая, когда я пишу, мне кажется, словно я говорю с тобой. И сегодня день весь был мучителен. На панихиду приехала Ксения и Елена Ивановна. Пришлось позвать о. Андрея завтракать. Он очень умен, все они очень милы, но мне бы только одной остаться, одной с тобой. Целый день Ксюша с Еленой Ивановной пробыли здесь, за обедом еще приехал Борис Пронин, потом Богданов-Березовский. И я говорю со всеми, вида не показывая, что мне все это общество не под силу. Я ненавижу в себе эту выдержку. Наконец все уехали. Юрий с Васей поехали к Пельтенбургам на елку. Я уверена, что у Юрия осталось об Алене самое далекое воспоминание, в церкви он все время подпевал певчим — когда больно и горе на душе, не запоешь. И вот часов в 10 пришел Гросс и Паллада и ушли только в час. И они знали, что сегодня годовщина, зачем же приходить? Еще в церковь — я понимаю. Или, судя по моему виду, они думают, что я забыла, утешилась. Аленушка, Аленушка, детка, что ты со мной сделала? Я не могу лечь спать, я не лягу. Я б хотела молиться всю ночь и не могу. Я могу плакать и чувствовать себя наедине с Аленой, только когда никого нет дома.

1934

1 января. Сегодня Новый год. По-латыни есть пословица, Петтинато переводил ее на французский: toutes blessent, la dernière tue[399] — о минутах. Что принесет этот год; насколько в прошлом году все были подавлены и только говорили о голоде, настолько сейчас все стараются надеяться, что будет лучше. Именно стараются. Я говорю не о нашем круге, артистическом и привилегированном, а о среднем, о мещанстве, рабочих. Все в складчину встречают Новый год. Весь наш двор и Лиза тоже сложились и устроили встречу Нового года у Сидоренковых, купили водки. В парикмахерской только и говорили, что о встрече Нового года. Юрий сегодня утром сообщил, что его звали в Ленарк[400], куда едут Толстые и все, желающие веселиться. Это меня возмутило: у человека 18-летний сын и никакого желания быть с ним вместе, что я ему и высказала. Я днем ушла, а Юрий без меня уехал в Ленинград, обещав Васе устроить и его туда же вместе с ним встречать Новый год. Я вернулась в 4 часа, Вася уже ждал телефона. Весь вечер он пронервничал, ожидая звонка; я выстирала и выгладила ему рубашку, папаша наконец позвонил, что места для Васи нет. Вася был ужасно возмущен. И так капля за каплей скопляется у Васи в сердце страшная обида на отца (он еще ничего не знает о новой возлюбленной, о заячьих амурах, все его человеческие проявления, кроме творчества, — тоже заячьи).

6 января. «Mot»[401] Старчакова: 4-го у нас была Юдина, и я созвала наших детскоселов ее послушать. Сегодня Старчаков мне говорит: «Юдина в этот раз мне гораздо больше понравилась, чем в прежние разы, простой, милый человек. А тогда мне показалось, что она немножко салонная сумасшедшая вроде Пастернака». Пастернак — салонный сумасшедший!

Я очень люблю М.В., сердцем люблю. Она очень, очень молода душой, моложе своих 33 лет, она чиста, наивна и неопытна. Сейчас она стала несколько иначе играть, чем прежде. По-моему, за этот год она сделала огромные успехи в технике, и мне кажется, она сейчас увлечена этими своими неограниченными техническими возможностями. Я ее просила сыграть Шуберта, она не захотела, а прежде она больше всего играла романтиков немецких.

Отрусели люди до последней степени. Толстой дал мне слово поговорить с Запорожцем о Нерадовском, который сидит уже с октября (в Русском музее арестовано 24 человека, в Эрмитаже 20).

На днях Вася расплакался и, обнимая меня, говорил: «Уедем от папы, будем жить вдвоем». А вместе с тем отец ему импонирует известностью.

К счастью, часов в 10 пришел Попов, мы вызвали Ирину, устроили покер, накрыли на стол, Вася развеселился, Попов был ужасно мил, в 12 часов ножом о бутылку выстучал 12 раз, выпили, и Вася забыл свое разочарование. Потом пришла Паллада и гадала Васе по руке: проживет он долго, будет женат два раза. Кроме художественных способностей, параллельно им, идет какое-то другое дарование. В его художественном даровании как бы три этапа.

Поповы обещали своей прислуге встречать с ней Новый год. Поэтому, чтобы ее не разочаровывать и вместе с тем побыть и у нас, Ирина перевела часы дома на пятьдесят минут назад. Это очень трогательно.

12 января. Все понятно. По словам Старчакова, Свирин — старый, опытный *чекист*, служит в ОГПУ, носит форму! Ему и книги в руки, по привычке разоблачил и Пушкина, и Лермонтова, не говоря уж о Денисе Давыдове.

29 января. Деточка моя, девочка моя, какая боль, жгучая, безысходная, кролик мой, поддержи меня, ведь прошел уж год и месяц, и ни разу, ни разу я не видала Тебя во сне. Хоть бы раз, хоть бы мгновение почувствовать Тебя рядом, Твою ласку, Твое тепло, Твое родное тельце. И вот я плачу, плачу. Что я без тебя — неприкаянная, беспризорная. И никогда, *никогда* я не увижу твоей ласки, ничьей ласки. Так и жить до конца среди холода и грубости моих ближних. Деточка, Аленочка, как я Тебя любила, как я Тебя люблю. И как можно было Тебя вырвать у меня?

На Казанском кладбище есть мраморный памятник, под ним похоронено четверо детей, умерших в течение одного месяца, — вероятно, была эпидемия какая-нибудь. Что же должна была пережить мать несчастная? Пережила ли она их? Может быть, у нее потом были еще дети. Как папа — вложил всю свою любовь к погибшей Наде в родившегося после этого Васю. Мне не на кого перенести мою любовь к Тебе, моя деточка. Мы как были с тобой два дружка, так и останемся. Только бы мне долго без тебя здесь не оставаться, не заживаться. Иногда мне хочется найти какое-нибудь дело, погрузиться с головой, чтобы не думать, не вспоминать; мучительно, хочется кричать от боли. Господи, Господи.

13 марта. Юрий играл нам с Васей новую песнь Рылеева на слова Пушкина, я сидела сзади него, видела его профиль. Как он постарел. Мне мучительно жаль его; когда я слушаю его музыку, я забываю все обиды, я вообще забываю наши взаимоотношения, я, человек, страдаю за него, такого слабого, безвольного, нелепого человека, губящего себя и других и, главное, свое дарование. А годы идут, toutes blessent, мгновения, одно за другим, незримо ранят нас. А Юрий упрямо тонет в своих страстях, капризах, неврастении. Сцену заговора декабристов он написал в январе—феврале прошлого года, после смерти Аленушки. Потом обещал сдать Большому театру первый и второй акты. Этому поверили, Ашкенази обещал выдавать ежемесячно 1500 рублей плюс 800 от Большого театра, на это мы могли бы жить; но тут Юрий перестал работать совсем, рвал и метал, вел себя возмутительно дома (выяснилось, что «дама» уехала в отпуск). Большой театр прекратил уплату денег, Союзу тоже пришлось прекратить. Целую зиму он морочил Союз обещаниями сдать два акта, а между тем до сих пор он никак не может перебелить, переписать 1-й акт. Сейчас из Москвы требуют сцену заговора для концертного исполнения. Его стали бомбардировать по этому поводу телеграммами уже давно; телеграммы складывались в кучу, и ответа никакого не посылалось. Я попыталась посоветовать ему сделать партитуру заговора — поднялся крик. Но т.к. письма из Москвы были очень тревожные, то я потихоньку позвонила Ашкенази, который и уговорил Юрия писать спешно заговор. Стоит Юрию дать какое-нибудь обещание, как он начинает придумывать все способы, чтобы его не исполнить. Он начал ездить ежедневно в город, потом заболел, причем мне сдается, что болезнь главным образом дипломатическая.

И к чему же это привело? К проституированию своего дарования, он собирается писать музыку к звуковому фильму «Крестьяне» Эрмлера, Большинцова[402]. Я никогда подобной чуши, более развесистой клюквы не читала: «Варвара спала, разметавшись, и ее волосы беспокойным каскадом ниспадали на спящую рядом свинью». Мужики свиней называют[403].

18 марта. Обедали у Шишковых. Алексей Николаевич читал только что написанную главу, Нарву[404].

Очень хорошо. Но нужно самой прочесть, т.к. уж очень хорошо он читает. Не слишком ли это протокольно и не слишком ли мало живой человеческой жизни? Опасно брать героем гения, непосильно.

«Война и мир», «Арап Петра Великого», «93 год»[405] — на фоне маленьких людей ярче выступает силуэт гения.

Были Лев с супругой, крашеной, жеманящейся львицей, Лаганский, вши на теле русской литературы, хуже: черви на ранах России. Не выношу.

1 апреля. Толстой сейчас заходил, и они пошли гулять с Юрием. Вчера он с Шишковым были у Островского (три ромба), и там было несколько военных; Урицкий (три ромба), командующий армией, провел несколько лет в Берлине, в Академии Генерального штаба, и очень хорошо рассказывал о нравах в армии. Сейчас там производится усиленная фашизация армии, тогда как перед этим командный, аристократический в большинстве случаев, состав был русофильски настроен. Новый главнокомандующий Шмидт, большая умница и очень талантливый, на летних маневрах ездил по Восточной Пруссии: там бедность, нищета. Шмидт сказал: «Разве здесь возможно мелкое хозяйство? Мы тут сделаем колхозы. Мы убедились, что ваше администрирование самое правильное, оно уже проверено, мы сделаем то же, но с империализмом и частной собственностью. Мы будем опираться на мелкую буржуазию».

«Это, конечно, ерунда, — расхохотался А.Н., — они все сделают по нашему рецепту, а потом их пошлют к чертовой матери».

А не наоборот ли?

Вчера Люся и Юрий Андреевич рассказывали. Когда беременная Гуля Фрице ходила на консультацию, у нее взяли полный большой шприц крови и так же и у других (одна крайне истощенная беременная умоляла, но тщетно, чтобы ее избавили от этого), не для того, чтобы исследовать именно *их* кровь, а для нужд больницы. Гулин маленький племянник лежал в больнице, его мать пропустили к нему только под условием, что она даст известное количество крови! И это практикуется сплошь и рядом.

27 апреля. Жизнь безжалостна и жестока, а человек так одинок, так несчастен. Как часто я думаю о папе и только теперь вполне понимаю, как ему тяжело жилось. Мы его обожали и все-таки уехали из дому, а он ведь только нами и жил, мама ему радостей не давала. Потеряв Алену, я поняла, как он страдал по Наде. Мне становится почти дурно, когда я, глядя на Аленушкину карточку, на милое веселое личико, вижу перед собой ее же мертвую, ее вытянувшиеся длинные ножки, склоненную набок головку. Этого не забыть, с этим нельзя примириться, этому невозможно поверить. Бедный папа, когда он увидал свою утонувшую Надю, — тоже, верно, никогда не смог забыть этого. После его смерти в его бумажнике я нашла цветы из венка с ее могилы, ее волосы, карточки. Я это храню. Никогда с нами он не говорил о ней, — я Надю не помнила, Вася родился позже. Оттого-то папа так болезненно

любил Васю, и я никогда, никогда не ревновала. Я слишком любила папу. Когда в 1905 году, после Цусимы, «Аврора», на которой был Вася, пропала без вести, я была в отчаяньи. Жила я тогда в Лозанне, Леля уехала в Россию, я долечивала ногу у Ру, жила в пансионате в Forêt de Lovobelui. Я целые дни плакала, глядя на Васину карточку. Если он погиб — это ужасно, но папино отчаяние — это мне казалось еще ужаснее, я знала, что он не сможет пережить Васиной смерти. С момента выхода эскадры Рождественского из Либавы папа заболел и проболел до Цусимы, т.е. до Васиного возвращения.

Я плакала и молилась, молилась о том, чтобы Господь послал на меня все несчастья, но спас бы Васю. И молитва моя была услышана и исполнена в полной мере. Васина жизнь была безбурна, удачлива, счастлива. А моя?

Я не ропщу. Я не имею права роптать.

Я плачу, плачу и утешаю себя только тем, что недолго осталось жить. Укрепить Васю физически, может быть, он станет более жизнерадостен. Чем жить так, лучше умереть. Я затеваю сейчас опять кукольный театр, чтобы не думать и, кроме того, чтобы освободиться от Юрия. [Аленушкиной смерти я не прощу никогда.]

Неужели же у меня никогда не будет средств сделать Алене памятник? Как бы хотелось поставить над ней такой храм, как у Орловых-Давыдовых. Белый, чистый, античный, чудесный. И самой спать под ним вместе с Аленой вечным сном.

2 мая. Нам надо уехать из Детского Села для Васи, и не только потому, что ему трудно, не по силам часто ездить в город, а также от разлагающего влияния дома Толстых. Безделье, дилетантство, благерство и похабничанье — вот во что вылилась для толстовской молодежи их жизнь. И странно это. Алексея Николаевича я знаю с 1908 года, срок большой. Он прекрасный семьянин и только в семье искал любовь. Разврата, распущенности не было никогда. Первый раз он женился 19 лет! Потом была Соня, они разошлись по ее вине. Затем с 15-го, кажется, года Наталья Васильевна. Весь его интерес в ней, в семье, в доме. Самый добродетельный человек, но язык похабный до последней степени, какой-то словесный блуд, который на детей имел самое отрицательное влияние. Митя, ему 11 лет, говорит des énormités[406], не понимая их смысла, вроде таких перлов: он нам третьего дня рассказывал, что оклеили столовую очень яркими оранжевыми обоями — «совсем публичный дом получился». Марианне: «Ты просто б...» (только первую букву, т.к. самого слова, по-видимому, не знает, но что-то слышал). Павел внес еще

больше пошлости, Никита говорит только двусмысленности и перед Васей и Алешей изображает благированного старого Дон Жуана (ему 17 лет).

Никакой дисциплины в работе и никакой работоспособности, несмотря на пример Алексея Николаевича, который работает много, систематически, всю жизнь работал.

Богатство развращает детей, а Васе подает плохой пример, развивает его требовательность, потому что он невольно хочет равняться по Никите. Не нравится мне все это. Бедный Фефа уже сильно обжегся о совершенно беспутную девчонку, а Марианна вчера мне изложила [уже раньше я была в курсе] свою profession de foi[407], свои взгляды, слишком для меня недоступные, новые, может быть, а может быть, просто дело темперамента. Зимой она была в Узком, в санатории[408]. В нее влюбился видный военный 43 лет. Флирт. Она уезжает и ждет развязки. Ее нет. Она едет в Москву, но он испуган. Связываться, по-видимому, не хочет. Она раздражена и жаждет развязки, причем говорит, что особого увлечения нет. Едет опять в Москву и, кажется, прямо к нему, одним словом, добивается своего.

«Я чудно провела эти две недели с Женей, у меня впечатление, что я уже десять лет замужем. Так[409] ... помешает жить вместе, а сейчас нет необходимости и потребности. Я нисколько по нем не скучаю. И для такого чувства ломать мне линию моей научной работы не стоит». Мне в такой постановке вопроса непонятно следующее: зачем же сходиться, если нет большого чувства?

Но в Марьянином случае есть объяснение: ее неудачное увлечение Фединым, первая любовь, не встретившая ответа. И вокруг этих драм толстовский цинизм[410].

6 мая. 24 <апреля> к нам приезжали Морозовы. После обеда Юрий играл отрывки из «Ярмарки», а затем сцену заговора. Николай Александрович сидел с горящими глазами, и по щекам текли слезы.

«Мне, пережившему то же, что и декабристы, особенно понятно, когда искусство передает настоящее или когда чувствуется фальшь. Вас я поздравляю, это верно, это подлинно настоящее понимание декабристов. Каховского я совершенно так и понимал, о Рылееве и говорить не приходится». Стихи Рылеева Н.А. знал на память. «Известно мне, погибель ждет...»[411].

Бодрость его удивительна. Ему 80 лет. Они проехали в Павловск, были в Обсерватории[412] и еще у знакомых, приехали в Детское, пришли к нам пешком, обратно опять пешком; выехав из дому в половине двенадцатого, они вернулись в первом часу ночи. И никакой усталости.

Он мне рассказывал 3-го о заседании Академии наук, когда им огласили постановление правительства о переезде Академии в Москву[413]. Н.А. пришел, по своему обыкновению, очень рано, любя потолкаться, поговорить до начала заседания. Переулочек, через который входят академики[414], был почему-то заполнен танками в полном вооружении, так что трудно было пройти[415]. Н.А. недоумевал — для чего были они тут, неужели для устрашения академиков?

В кулуарах не было сказано ни полслова о постановлении, и прочтение постановления было встречено гробовым молчанием. Предложение высказаться не встретило отклика.

Ведь все были оскорблены этим приказом; восторженная резолюция, посланная в Москву и напечатанная в газетах, даже не была оглашена академикам, была послана без их ведома.

И на такой лжи основано в СССР все: вся пресса, все администрирование.

9 мая. Ехала из Павловска. Весенняя ночь, за деревьями в домиках огни. И вдруг больно-больно сделалось. Как прежде, в каждом таком неизвестном таинственном освещенном окне чудилось счастье, ждалось счастье безбрежное, бесконечное. Как я любила вечером подходить к закрытым уже паркам. За решеткой темные загадочные деревья, белеют особой ночной жизнью статуи, а далеко за ними мелькают огни домов. Особенно любила Люксембург. И тоже казалось: там, вдали, счастье. И вот так скоро, так мало времени прошло, и все разрушено, исковеркано. Сердце истерзано, и ничего не ждешь, нечего ждать.

Когда я смотрю на большую первую звезду, мне мерещится Аленушка. Почему я ее не чувствую около себя, как чувствую до сих пор папу?

Я смотрела в окно и плакала, плакала...

И, кроме своей боли, знаешь, что в каждом окне недоедание, если не голод, ужас и свара коммунальной квартиры и усталость без конца. Убожество жизни беспросветное.

16 мая. 14-го я заехала к Софье Николаевне Столпаковой, приехавшей из Москвы.

Слушая ее рассказ, я плакала, как над своим горем. Как жить? Когда же кончится это садическое кровопролитие и уничтожение лучших? А вчера Евгения Павловна мне рассказала, что 14-го же Толстой зашел к ним совсем пьяненький часов в 12 ночи и потащил к себе ужинать. К нам с приезда из

Москвы он глаз не кажет почему-то. В Москве жил у Ягóды, «очаровательный человек, в имении под Москвой 35 000 кустов роз, обожает розы!».

Толстой рассказывал, что за ним усиленно ухаживала Бандровская на обеде у польского консула. Евгения Павловна на это сказала, что ухаживать за иностранками опасно. «Ну, мне ничего не опасно, чуть сомнительный вопрос, я сейчас же еду на Литейную» (т.е. в ГПУ). У них [Толстых] живет Павел Толстой, служит в ГПУ; постоянно бывает Липатов — служит в ГПУ, на днях это же предложили делать Льву; почему-то под сомнением Н. Радлов — чудная картина. Совсем как у Честертона: «Человек, который был Четвергом»[416].

Что бы на все это сказал Лев Николаевич Толстой?

Польский консул звал и нас обедать. Юрий был в Москве, а я отказалась за отсутствием платья, и очень мало интересуюсь этой средой, т.к. польский консул тоже соглядатай, только с другой стороны, и только влипнешь в грязную историю, а потом доказывай, что ты не верблюд.

Ягода любит розы...

Первое послание к Коринфянам: когождо дело іавлено будет; день бо іавит, зане огнем открывается, и когождо дело яковоже есть, огнь искусит. Гл. 3 ст. 13.

22 июня. Я шла на вокзал. Передо мной шли две девочки лет по 11. Одна с светло-русыми, как у Алены, волосами, коротко подстриженными, ручки за спиной, одна рука держит другую выше кисти, так любила ходить Алена. Я вдруг так ясно ощутила тепло ее шейки: вот встанет Алена, и я ее обниму, прильну к ней, к ней, к этой шейке. Я шла за девочкой и плакала, плакала. Никого не было, я шла по Госпитальной. Что-то сорвалось внутри, так больно, так больно. Я не могла — и перегнала девочек, не смотря на них, слишком реально стояла передо мной Алена, деточка родная, осталась я одна, одна [от Васи утешения мне не будет, это копия отца, полное бессердечье, отсутствие каких бы то ни было привязанностей, и никакой любви ко мне, никакой ласки. Он никого не любит, так же как и Юрий]. Боже мой, за что, почему надо было ей умереть, почему мне не суждено иметь хоть долю земного счастья?

5 июля. Как-то на днях вечером сидели у Старчаковых. У них был Жак Израилевич. За чаем он стал рассказывать о разных очень ценных вещах, которые прошли через его руки, пошли за гроши: подлинный Claude Lorrain, голландцы, мебель. От таких рассказов я положительно физически страдаю. Я спросила, где Елена Фурман? Жак: «На это я не могу вам ответить. Мы

даем обещание, почти присягу, ничего не рассказывать ни о том, что продано, ни куда и кому. Была в кладовых вторая Елена Фурман, поясной портрет, не хуже большого, тоже продан. За продажу Ван Эйка на 100 тысяч дороже, чем предполагалось, я был премирован старинным китайским гобеленом. Вообще вся эта идея — продажи Эрмитажа — моя. Как-то, когда правительству очень были нужны деньги, я сказал [фамилии я не запомнила, какому-то видному лицу]: "Когда будет мировая революция, все будет общее, а если не будет мировой революции, вам терять нечего". Лицо страшно обрадовалось, побежало по всем наркоматам, и продажа картин была утверждена. Теперь, конечно, я понимаю, что эта жертва была напрасной. Эти деньги для государства — капля в море, а Эрмитаж из первостепенного музея превращен в третьеклассную галерею» (??)[417].

Нерадовский осенью, до ареста, говорил про Израилевича: «Он наш главный враг, он разбазаривает все музеи».

Меня очень интриговал вопрос, почему «Антиквариат»[418] при посредстве Жака продает дивные вещи за гроши. Жак объяснил это тем, что эти вещи были не музейные, а купленные «Антиквариатом» за свои деньги. За границу продать их не удалось, и они решили распродавать их по своей цене, почему и продавали писателям, людям известным.

Такое объяснение малоубедительно.

Мне как-то вспомнилась сказка Андерсена (или Гримма?) о диких лебедях и их сестре, которая плела для братьев рубашки из крапивы[419]. Мне пришло в голову, что моя жизнь между Юрием и Васей — это неустанное плетение крапивы, от которого обожжены и руки и сердце, и все же в царевичей я их не обращу.

Мне очень нездоровилось за последние дни, вчера ездила в город, хотела сегодня полежать. Погода хорошая. Васе надо идти на этюды, этюды у него не клеятся совсем, решила идти с ним. Казалось бы, иди и радуйся. После вчерашнего дождя парк освежился, благоухает. Вася идет и злится безостановочно и лает, не говорит. «Что же — так и будем тихо идти? У меня вся внутренность выхолощена, я не могу жить в безденежье, в этой шапоринской обстановке, у меня одна пара сапог, у меня нет костюма» и т.д. А я иду и тащу его макинтош, терплю и стараюсь отводить его мысли. Он не смотрит на природу, ворчит, не успокаивается.

Он 4 месяца проучился у Чупятовых и разучился за это время рисовать. Встречаем Ниночку Федину на велосипеде. Она соскакивает, делает книксен, краснеет, зовет приходить. Похожа очень на отца, длинные темные ресницы.

8 июля. Я чувствую, что терпение мое дошло до грани и что такую жизнь я просто не в силах больше переносить. Я дошла до того знакомого мне ощущения, что я уйду, что надо уйти. Все мои упованья на устройство кукольного театра. Толстой с апреля меня водит за нос, обещая протекцию у Позерна; теперь я сижу у моря и жду погоды, т.е. его возвращения из Москвы. Исторический кукольный театр — былины, сказки — это может выйти очень интересное дело, если дадут возможность широко его поставить. Я внутренно подстегиваю себя и делаю все от себя зависящее, а по-настоящему, как я устала, как хочется покоя и отдыха. Но я хочу встать опять на ноги, на свои собственные, и тогда мы с Васей уедем. Заберу свой скарб, а он пусть поживет на вольной волюшке. Вася станет лучше. В деревне он был неузнаваем. На него страшно сильно действуют влияния, пример, он безвольный, мне кажется. [Я бы продолжала терпеть все, если бы Юрий работал. Он очень мало делает. Я веду статистику его работы: он три дня дома, три дня в городе у любовницы. Да и те дни, что дома, половину времени он лежит и читает. По договору, последнему, заключенному в апреле, он должен был сдать весь 1-й акт к 1 июня, к 1 июля 2-й акт. Сегодня 8 июля — он все еще работает над 1-й картиной 1-го акта, он как бы нарочно ищет себе препоны, недоволен текстом. Толстой переделывает, плохо; пишу я, идет к Старчакову — пóшло; идет к Наталье Васильевне. А чего проще: написать арию, а та же Наталья Васильевна потом напишет слова. Сегодня лежал, не работал, мерял температуру (норма). Пришел Лепорелло — Богданов-Березовский, который был очень удивлен, что я еще не уехала, очевидно был прислан с поручением, и после обеда наш больной умчался и вернулся в час ночи. Меня тошнит от всей этой грязи. Я готова, как Рылеев, говорить его стихами: «Мне тошно здесь, как на чужбине»[420], и я презираю глубоко себя, что я это терплю, этого терпеть нельзя.]

Денежные наши дела отчаянны. Получает Юрий от Большого театра и от Союза композиторов 1500 р. Покупательная стоимость этих денег дореволюционных — 1500: 45 (официальная казенная котировка торгсинного рубля) = 33 р. 33 коп. Бюджет наш сократить невозможно. Ни Юрий, ни Вася не могут жить без яиц, молока, зелени, я этими благами почти не пользуюсь. Мы задолжали за квартиру, Лизе и т.д. Скучно до последней степени. Вася худеет, у него скверный вид. Мы все раздеты. Я хожу в буквальном смысле босиком, т.к. в сапогах нет подошвы, и я чувствую, что будет еще хуже.

13 июля. Нина Сидоренкова рассказывала, как у них в Псковской губернии крестьян в колхозах душат льном: «Ни овса не посей, ни ржи, все лён,

лён и лён. А сами знаете, какова земля после льна. *Этот лен вымотал всю душу земли*».

Ни один современный писатель так не скажет.

14 июля. Была сегодня на Казанском кладбище[421] у Алены. Кладбище превращено в каменоломню. Отовсюду доносится стук молотков о камень. Все склепы, памятники разворочены, в грудах лежат надгробные плиты, мраморные кресты; это все для городских панелей! Я увидала группы молодых граждан, обмеривающих памятник, и спросила, все ли склепы и памятники будут уничтожать. «Те, которые отбирает комиссия после постановления Президиума» (по-видимому, горсовета). Круглый храмик Орловых-Давыдовых выделен, уничтожению не подлежит, т.к. находится в ведении Дворцов и музеев. «Но, — сказал заведующий кладбищем, — они его здесь не оставят, перенесут в парк!»[422] Как это сказано у Щедрина, не помню, что надо было совершить, чтобы доказать свою политическую благонадежность; кажется, крестить жида, сделать подлог... не помню третье[423]. Сейчас ясно:

1. Отречься от отца и матери,
2. Донести на ближайшего друга и упечь его куда Макар телят не гонял,
3. Надругаться над церковью и осквернить могилы.

Смотреть на эти сваленные в кучу памятники нет сил. Сколько слёз на них было пролито, с какою любовью их ставили на вечные времена, и вот пришел хам и все снес. Зачем? Только для того, чтобы вдоль широкой улицы панели были бы обложены гранитом — и какие граниты! — и мрамором и приезжие туристы восхищались нашей культурой. А рядом в Олонецкой губернии 26 сортов мрамора. Сволочи. И все трусость подлая, желанье выслужиться, показать, что всем жертвует для коммунизма. А при чем тут коммунизм? Когда я смотрела на эти развороченные руины, я поняла, почему Стравинский перешел во французское подданство. Плюнул в лицо народа, который все готов отдать на поруганье ради спасенья своей шкуры. А насколько идейны все эти горсоветчики, мы знаем из процессов. Россия, т.е. СССР, — это сплошные растраты и воровство. Только что здесь, в Детском, был процесс. Леноблторг[424], финансовая инспекция, комиссионный магазин, универмаги — все воровали. Девять расстрелов, остальные на 10 лет, было их там душ пятьдесят[425]. Перед этим был процесс военной кооперации, еще раньше Ижорской кооперации[426], позже Торгсин. Заведующий комиссионным магазином Аркаша приговорен к высшей мере наказания. И через месяца полтора я встретила его в кондитерской в Ленинграде, он ел мороже-

ное. От меня отвернулся. Воруют председатели горсоветов (Киев), воруют все. Где же, где же русский подлинный народ — сидит сейчас тише воды, ниже травы. Вот Федор, его отец, старик Федор Васильевич. Все эти высланные «высланцы», дохнущие от сыпняка на Новостроях и других местах.

Все-таки есть от чего прийти в полное отчаянье. «Горькая детоубийца Русь!» — хорошо сказал Макс Волошин[427].

5 августа. Сунога. «En un mot»[428], поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдете взять билет, pour vous montrer son pouvoir[429]. «"Дай-ка, дескать, я покажу над тобою мою власть"... и это в них до административного восторга доходит»[430]. И еще: «Право на бесчестье». «Бесы». Достоевский.

8 августа. Я себе всегда очень напоминаю Delobel'я из «Risler aîné» Daudet[431]. Я могу целые дни мечтать о вещах совершенно неосуществимых. Вчера, например, я целый день ездила с кукольным театром за границей, была в Париже, расплатилась с Mme Michel, была в Америке, в Италии, заехала в Падую и собралась в Ассизи. Правда, с утра t° у меня была 39 с лишним, так что весь день я лежала в полудремоте. Но и без жара я способна так мечтать, и даже не об одной себе, а о посторонних, устраиваю судьбы. Иногда я даю заказ своим мечтам и направляю их в Италию. А то, если думать о существующем, выползает дикое озлобление, встает мое горе, а т.к. у меня сейчас в очень скверном состоянии сердце и я боюсь затяжной болезни, то я и даю волю своему Delobel'ю.

22 августа. Сунога. Моя хозяйка рассказывает: председатель (колхоза) стал им говорить, чтобы они, сжав полосу, еще граблями подгребали. «Никогда я не подгребала и теперь не стану, потому что ничего не оставляю. Разве я *лиходей* своему хлебу? Я своему хлебу *не лиходей*».

Перлы из доклада Горького на съезде писателей: «Многим смешно читать, что люди изменяют фамилии Свинухин, Собакин, Кутейников, Попов, Свищев и т.д. на фамилии Ленский, Новый, Партизанов, Дедов, Столяров <и т.д.>. Это — не смешно, ибо это говорит именно о росте человеческого достоинства, об отказе человека носить фамилию или прозвище, которое унижает его, напоминая о тяжелом рабском прошлом дедов и отцов. <...> Возможно, что Свинухин взял фамилию Ленского не у Пушкина, а по связи с массовым убийством рабочих на Ленских приисках в 1912 году, а Кутейников действительно был партизаном, а Собакин, дед которого крепостной

раб, быть может, был выменян на собаку, — действительно чувствует себя “новым”»[432]. Сюсюканье Горького невыносимо. Кстати, Собакин, Свиньин — старые боярские фамилии, и Горький, конечно, это знает.

«Никогда еще дети не входили в жизнь такими сознательными и строгими судьями прошлого, и я верю в факт, рассказанный мне: одиннадцатилетняя туберкулезная девочка сказала доктору в присутствии отца и указывая на него пальцем: “Это вот он виноват, что я больная, до сорока лет тратился здоровьем на всяких дряней, а потом женился на маме, ей еще только 27, она здоровая, он, видите, какой несчастный, вот я и вышла в него”. *Есть все причины ожидать, что такие сужденья детей не будут редкостью*».

Его несчастный сын Максим Пешков, умирая в этом году, должен был сказать доктору, указывая пальцем на Горького: «Это вот он виноват; он бросил маму, путался всю жизнь и до сих пор со всякими дрянями, я вырос пустоголовым балбесом, Крючков на его глазах меня так спаивал, что к 35 годам мое сердце превратилось в дряблый мешок и не выдержало первой серьезной болезни. Это вам подтвердят кремлевские доктора...». И еще: «...и заключить все это (русскую историю) организацией колхозов — актом подлинного и полного освобожденья крестьянства от “власти земли”, из-под гнета собственности». Köstlich[433]. Я бы хотела освободить Горького из-под гнета собственности.

8 сентября. Со смерти Алены прошло год и 8 месяцев, и все-таки я не верю этому. Я сейчас смотрела на ее личико в гробу, такое прекрасное, серьезное, и вынула ее волосы, отрезанные уже после смерти. До сих пор у них совсем живой запах живых волос, волос живой Аленушки. Деточка моя, деточка, ничего-то я до сих пор не сделала. Я так хочу написать все, все, что я помню о твоей жизни, о моей жизни за эти почти 12 лет твоей жизни. Как подумаешь, как мучительна жизнь, то, конечно, счастлив тот, кто умрет молодым, а все-таки ведь бывают же очень счастливые женщины, может быть, и она была бы счастлива. И ни разу я не видела ее во сне. Алена, деточка, самое счастливое, что со мной может случиться, — это внезапная и болезненная смерть. Я говорю это совершенно искренно. Конечно, мне бы хотелось видеть Васины успехи в живописи, мне бы хотелось организовать кукольный театр, чтобы в нем, наперекор всякому материализму и марксизму, изобразить многострадальную историю России (а не одного класса), показать чудесные былины, сказки. Хотелось бы еще раз побывать в Италии, но все эти желания очень мелки и не сильны в сравнении с желаньем полного, вечно-

го успокоенья. Почувствую ли я перед смертью близость моей Алены, моего кровного, любимого, чудесного ребенка? Там, когда мы вернемся к нашему Божественному Источнику, — что будет?

12 сентября. Мне хочется подвести итог того, что Юрий сделал за последний год, с момента исполнения симфонии 12 мая 33-го года[434]. Месяц после того он пробыл в Москве и Клину, вернулся 4 июня, в день маминой смерти. Все лето он ничего не делал, это был разгар его романа; в конце лета написал песнь Каховского «К мечам, к мечам, с восходом дня»[435]. Эти стихи Одоевского я разыскала в «Дополнении» к стихотворениям Одоевского — и они легли в основу стихов А.Н. Толстого «Когда поток с высоких гор...». Должна сказать, что музыка этой песни мне не нравится, что-то в ней есть салонно-банальное.

Целую зиму Ю.А. приводил в порядок 1-й акт, конец и начало его переделал, написал последний хор девушек на слова народной песни: «Ах талан ли мой талан таков». У Толстого была такая песня: «Идут, идут молодцы, ведут коней под уздцы...» Юрию хотелось, чтобы песня отражала тяжелое, подневольное состояние крепостных девушек. В песнях собрания Сахарова (1839) я нашла две, которые и соединила, добавив от себя одну лишь фразу, — вернее, только последних два слова «во чужих людях рабою жить». Ни в одной песне я не нашла упоминания, даже намека, на крепостное право.

<Песня> 45

Ах талан ли мой талан таков,
Или участь моя горькая,
Иль звезда моя несчастная?
Высоко звезда восходила,
Выше светлова месяца,
И затмило красное солнышко.
На роду ли мне написано,
На беду ли мне досталося
Во всю жизнь несчастье видети
Во чужих людях *рабою жить*
(жить умеючи)

Песня 43

Ни в уме было,
Ни в разуме
Держать голову наклонную,
Ретиво сердце покорное[436].

Какие чудесные слова. Язык песен так же прекрасен, как стихи Пушкина, такая же музыка.

Сдал он 1-й акт к августу.

В конце апреля или начале мая у нас провел два дня Атовмян. За утренним чаем при Атовмяне Юрий спросил меня, когда же мы едем в деревню, и на мой ответ, что, вероятно, к 1 июля, он раскричался: «Вы должны уехать к 1 июня, я не могу при них работать, они шипят за стеной!» Я ответила: «Как можем мы мешать, нас только двое осталось, и уж мы на цыпочках ходим, да и часто дома не бываем».

Я уехала в конце июля, и вернулись мы 30 августа. Весь август, по словам Старчаковых, он ничего не делал [читал, гулял. Я просмотрела сцену заговора, которую, по его словам, он кончил, — ни одной ноты с прошлого года не добавлено. Большой театр его вызвал, и из рассказов Юрия я поняла, что он сумел им втереть очки].

С места в карьер он начал шуметь, что Толстой не то делает, что надо; либретто не на высоте, оперу нельзя будет назвать «Декабристами», потребовал, чтобы Цявловский был приглашен консультантом, повез к нему Кубацкого, Юровского.

Цявловский как историк, конечно, со всем согласился, и цель была достигнута, пущена дымовая завеса, или попросту пыль в глаза. Может быть, еще уверил, что готов второй акт.

За последние два года Юрий ни разу не работал больше трех дней подряд. Молодежь, Кочуров и Арапов, говорили мне, что Ю.А. работает только при мне. И они заметили то, что я-то знаю.

Мое присутствие заставляет его работать, за что он меня так остро ненавидит. Он сознает, что мне очков не вотрешь, что хоть я и молчу, но мне все ясно. Ходячая совесть за отсутствием своей собственной. Я понимаю, что за это можно возненавидеть, когда в самом себе нет импульса, императива к творчеству. Я думаю, что это неврастения, выработавшаяся благодаря отсутствию строгого воспитания с детства. Благодаря этому полное отсутствие выдержки, полная физическая распущенность. Я очень боюсь за Васю. Советская школа в нем не пробудила никакой жажды знания. Вася ничем не интересуется. Я взяла в деревню «Бесы», сама их перечитала, дала Васе — он боится Достоевского, до сих пор не прочел. Рисовать я его *заставляю*, а ведь способности у него незаурядные, и я знаю, что из него может выйти толк. Нету этой жажды познания, которая была во мне и в маме. Я не говорю, чтобы у меня это было достаточно глубоко, я разбрасывалась, страдала ужас-

но за свое легкомыслие: как мы с Надей Верховской хотели осилить Канта, ей было 17, а мне 18 лет.

А еще ругают институтское образование! Отсталость. Наша Maman фон Бюнтинг, консервативнейшая женщина, сумела нам дать таких профессоров, как Ф.А. Браун, Мандельштам, А.К. Бороздин, В.Ф. Шишмарев, Петри, С.В. Рождественский, который сейчас где-то находится avec Макар et ses veaux[437]. Помню, как она нам говорила про Шишмарева: «C'est un tout jeune savant, sa science lui tinte aux oreilles»[438]. И этот очаровательный jeune savant всегда нам твердил: чем больше мы знаем, тем более понимаем, что ничего не знаем. Как бы это впрячь Васю в какие-то жесткие оглобли, которые бы заставили его работать и развиваться.

Посоветуюсь с Кардовским. Я очень верю Дмитрию Николаевичу, человек он прекрасный. Очень уж я перегружена всякими хозяйственными тяготами, которые я ненавижу ото всей души. Петров-Водкин совершенно отрицает Кардовского как педагога, отрицает талант Яковлева, Шухаева и всех кардовцев. Но у него самого ни одного талантливого ученика, воспринявшего его школу. Одна бездарная К.П. Чупятова. Сам Чупятов вполне самостоятелен, Дмитриев — декоратор. Остальные себя не проявили: Елена Яковлевна Данько сбежала из Академии художеств из-за петров-водкинской школы. Она мне рассказывала: душу воротит от необходимости рисовать коричневые листы бумаги синей краской.

20 сентября. Все время думаю, как быть с Васей. Несмотря на крик, грубость и тяжелый характер, он мягок как воск: куда повернешь, туда и пойдет. И оттого-то ответственность за его будущее. Я смотрю на его летние этюды и рисунки и последний натюрморт с глиняным горшком. Вчера показала Елене Яковлевне Данько и вынула его работы прошлого года — летние два этюда и последние Natur-morte'ы перед Чупятовым: разница огромная, сдвиг. Смотрит и видит то, что прежде не видел, чувствует пространство и уже, до известной степени, владеет краской. С большой осторожностью смешивает краски и не любит этого делать. В глиняном горшке добился игры света и тени, округлости, одним кадмием. Мне, когда я работала, никто этого не дал. Писала то, что видела, поправляла, но сознательного подхода никто не дал, или я была так глупа, что не поняла. Вот как же быть? Вчера же зашел Петров-Водкин. Похвалил Васю в первый раз; я ему рассказала свои сомнения, что живопись условными красками у Чупятова привела к тому, что Вася некоторое время путался в красках, не видел цвета, оказавшись наедине с природой. Кузьма Сергеевич: «Так и надо. Дайте композитору тему

в две ноты, чтобы он их разработал. Какое богатство он может в них найти. Но, конечно, это труднее, чем если Вы ему скажете: вот телега едет и скрипит, озеро плещется — изобрази это в музыке. Так и тут: дается два тона, разработай-ка их. А природу, краски, если он их видит, он не разучится видеть». К.С. рассказывает, что Стецкий его спросил: «Как съездили за границу?» А между тем, несмотря на все хлопоты, его так и не пустили. Нас, т.е. СССР, приняли в Лигу наций[439], и Литвинов сказал колкую речь. Дескать, вот видите, теперь, когда Германия и Япония забряцали оружием, вам стало страшно и мы вам понадобились. Наши 160 миллионов человеческого пушечного мяса заставили вас забыть коммунистическую опасность, демпинг, террор, и вместо крестового похода против нас вы же почти пришли в Каноссу[440]. А рожа у Литвинова страшная, по описаниям ни дать ни взять Азеф. И это наш Биконсфильд! Пускай Биконсфильд — но почему же все наркоматы иностранных и внутренних дел в руках евреев? Какое позорище для России.

Два лета подряд я живу август месяц в Ярославской губернии в деревне, в колхозе. В этом году никакого сдвига к лучшему я не обнаружила. Вывод может быть таков: крестьяне — это батраки у скупого бессердечного хозяина, ведущего хищническое хозяйство и выжимающего из крепостного мужика все соки, не давая взамен ничего.

В прошлом году я писала портрет председателя нашего колхоза, талантливейшего резчика В.А. Морозова. Подружилась и с ним, и со всей деревней и знаю все их беды. Цифры говорят сами за себя. В прошлом году они купили по казенной цене поросят — по 4 р. 50 коп. за кг живого веса. Откормили их, затратив на них 90 трудодней, не считая корма, сдали тому же государству, у которого купили, по 1 р. 75 коп. за кг живого веса.

За 1 тонну отборной картошки они получают 30 рублей, по 50 коп. за пуд, т.е. по 3½ коп. за килограмм. Мы же платим сейчас в кооперативах по 30 коп. за кг. При нас была сдача мясозаготовок. Наша хозяйка сдала овцу в 26 кг живого веса — получила 7 р. за живую овцу. Я вчера купила в казенном ларьке баранину по 14 р. кг. При сдаче баран должен быть нестриженый и хорошей упитанности. Овчина идет в те же 7 рублей.

Налоги в этом году удвоены[441]. В круглых цифрах за все продукты, сданные государству: хлеб, сено, лён, картошку, — колхоз получит 1000 рублей, а всех налогов на 2500 рублей. Где взять? Продать лишнюю картошку, капусту. У нашей Любовь Васильевны, жившей прежде богато, судя по прекрасному дому и большому двору, теперь одна корова, две овцы, из которых одна

пошла на мясозаготовки, поросенок и несколько кур да кошка. Расширить это хозяйство никак нельзя, кормить нечем. Сена на корову выдается очень мало, приходится прикупать. Любовь Васильевна (моя тезка) работает, как негр, у нее золотые руки, и по всей деревне она слывет лучшей работницей. Летом ей помогает в работах Тамара, ребятишки. Прошлым летом был дома Алекс. Ал., тоже работал, и все-таки хлеба они достаточно не выработали, пришлось прикупать, а урожай был очень хороший. Досталось по 995 грамм на трудодень. А денег за работу они не видят, выходит, что около 50 копеек за трудодень. Алекс. Ал. работает в городе, в кооперации или столовых, он и присылает муку и все остальное.

Нормы выработки колоссальные. Колотить льну на трудодень надо 480 снопов, стелить 960 снопов. Других работ я точно не знаю, знаю только, что по некоторым нормам надо работать 1½, 2 дня, чтобы выработать 1 трудодень. Кто сдаст больше нормы — премируется. Но через некоторое время общая норма повышается. Недалеко от морозовского Борка произошло зверское убийство. Копали работавшие на мелиоративных работах, убили своего товарища и еще живого закопали в землю. Выяснилось, что убитый был человек непьющий, работящий и выкапывал 12 кубометров канавы вместо 8, положенной нормы. Другие за ним угнаться не могли. Его премировали и тотчас же повысили норму для всех до 12. Они обозлились и, напившись пьяными, убили товарища. Поножовщина вообще в ходу.

Вся деревня примерно моего поколения. Любови Васильевне 49 лет, ее мужу 53, и все хозяева в этом возрасте или около. Стариков мало. Бабушке Лампе (там произносят — бабушка) 69 лет, голова у нее трясется, но ходит она быстро, держится прямо и работает как все. Отдохнуть нельзя, заболеть нельзя — не будет хлеба, подохнешь с голоду. Я случайно зашла в деревне Плёсе к одной девушке. Миловидная блондинка лет 30 на костылях. Она, Елена Козлова, узнав, что я приятельница Ксении Алексеевны, рассказала мне свою беду. В 31-м году ехала она с другими на одре (тамошние телеги), лошадь понесла, вывернула их, и ее придавило одром. Ее отвезли в Ленинград, и Вреден сделал операцию. Взяв из ноги кость, он фиксировал 5 позвонков. Подробности я не очень понимаю, но она стала инвалидом. Вот уже три года, как она судится со своим колхозом, прося, чтобы ей дали пожизненный паек. Раз дали и больше не желают.

У городских рабочих есть социальное страхование, за время болезни они получают ⅔ жалованья. Мужик лишен всего. Морозов Николай Александрович как-то сказал, когда мы проходили по деревне: «Да, теперь нету больше

радости труда». Зима не дает им отдыха — начинаются лесозаготовки. Молодежь вся бежит из деревни. К бабушке Лампе вернулся с военной службы сын. Сергей оказался лучшим работником колхоза. Среднего роста широкоплечий крепыш. Вася с ним очень подружился. Осмотревшись, он убедился, что при самой напряженной, вместе с матерью, работе он зарабатывает только на хлеб, одеться, обуться, купить сахару уже не на что. И решил ехать в город. Поумней мужики учат своих детей в городе, да и сами перекочевывают в Москву, Ленинград, оставляя всю работу на женах. Я подслушала случайно разговор нашего хозяина с сыном 14 лет, который зимой учится, так же как и Тамара, в Москве, но учится плохо. «Ты пойми, не для себя же мы заставляем тебя учиться. Я хочу, чтобы ты не оставался в деревне дохнуть с голоду, а мог в городе тысячи зарабатывать».

Мужиков ничем не снабжают. Сахару нет, мануфактуры нет, разве что после сдачи льна получат метра 4 сатина, рубля по 3, 4. При мне в кооператив привезли конфеты, цена 12 рублей, 15 и 18 за килограмм. А в сахаре и «гостинцах» они очень нуждаются, т.к. чай является главным plat de résistance[442] мужика. На обед, проглоченный второпях, у них картошка с молоком и луком, огурцами. Никаких жиров.

Прежде нам здесь, в Детском, носила сметану чухонка. Муж ее умер года 3 назад, осталась с 4 детьми мал мала меньше. На днях заходила ее сестра, рассказала: на бедную бабу наложили такой налог, что пришлось идти в колхоз, а как же может она, одна работница, прокормить в колхозе своих ребят?

Такое положение в деревне, на мой взгляд, не имеет будущего.

2 октября. Вася начинает сегодня посещать вечерние курсы при Академии художеств. Дней десять тому назад он был с Юрием, который вдруг почему-то проявил к этому интерес, у Бродского, чтобы показать свои работы. Мы отобрали последние работы и лучшие из прошлогодних. У Бродского были еще Юон, Матвеев и др. Бродский нашел, что Вася мог выдержать экзамен (с чем я не согласна) в Академию, его Nature-Morte с глиняным горшком — настоящий Дормидонтов: «Нам придется по нему равнять всех остальных». Юон сказал: «Знаете, у него уже есть свое лицо». И все очень были удивлены, что он работает всего год (работает он, положим, полтора года). На вечерних курсах работают по три дня в шестидневку, кроме этого, будет заниматься у Чупятовых по утрам. Если бы Васиным отцом не был Юрий, я бы вполне спокойно смотрела на его будущее. С такими способностями можно достичь очень многого и стать большим художником. Вот и страшно

мне за Васю. Что будет с ним, когда я умру? Я ему нужна как палка, к которой подвязывают цветок, чтобы он прямо рос.

30-го, на мои именины, Петров-Водкин подарил мне свой рисунок, набросок с Васи. Меня это очень тронуло, я знаю, как он ценит свои вещи. Я его расцеловала. К.С. был в очень хорошем настроении, много рассказывал о своих столкновениях с Репиным. «Репинские портреты случайны, в них везде он сам». Из картин прекрасны «Запорожцы». Старчаков мне говорит: «Мне все понятно, Петров-Водкин может говорить только о себе, но это так и надо». Юрий теперь хочет, чтобы Старчаков кончал ему либретто. Из этого ничего не может выйти хорошего. Александр Осипович большая умница, замечательный критик, но он не романтик, так же как и Толстой не поэт. Какая лень мысли у Юрия: как прежде он не мог догадаться заглянуть в сочинения Рылеева, так теперь не догадывается, что необходимо поискать арию для декабристов в стихотворениях Одоевского и Кюхельбекера.

6 октября. Вчера зашла к букинисту. Денег получила мало, но я принципиально стараюсь урвать 10—15 р. от жратвы на книги.

Углубишься в просматриванье книг, связь с действительным миром порвется, как будто уехал куда-то. В таком состоянии отъезда я вчера подымаю голову и вижу рядом Стрельникова. Мы стали вместе перебирать старенькие книги, а выходя из лавки, он и говорит: «Какие мы с вами внутренние эмигранты!»[443]

Когда-то, в 24-м году, А.А. Брянцев, бия себя в грудь, восклицал: «Вы — Стрельников и я — аристократы, а я попович, и потому-то я и знаю, что надо публике!» Почему попович лучше понимает, чем просто интеллигенты?!

По-моему, наши совписатели своим поведением на съезде заслужили себе на веки веков достоевское «право на бесчестье»[444]. Надо было вчера ехать в город. Вышла из дому, на счастье, ехал автобус. В нем ехал целый оркестр молодежи с гитарой, кастаньетами и еще какими-то инструментами. Они заиграли тот чарльстон, под который Аленушка так любила танцевать — «C'est elle, qui pilote, c'est elle, qui capote, c'est moi, qui cire le plancher»[445]. Я ясно до боли увидала ее в зеленом бархатном платьице, танцующую чарльстон. Вокруг много народа, это было когда-то у Толстых, а Федин старается выучиться и тщетно подражает ее движениям.

Ничто, кроме смерти, не утишит и не уничтожит эту боль. Разве возможно жить без тепла, без любви? Все тепло, вся радость, вся нежность, ласка — все ушло с ней. Я не верю до сих пор. И так хочется написать всю ее жизнь.

10 октября. Была у меня сегодня Леночка Борисова-Мусатова, с которой мы так славно жили когда-то, в 1908 году, в Palus[446]. Ее жизнь сейчас, вернее быт ее жизни, — яркая иллюстрация советского трагического гротеска. На первый взгляд, не то Гоголь, не то Зощенко, а на самом деле драма. Она замужем, т.е. попросту живет с милым и очень хорошим К.И., живет уже давно. Огласить свои отношения они не могут, т.к. тогда один из них потеряет комнату, их уплотнят в одной. Не будучи научными работниками, они не имеют права на лишнюю площадь. С К.И. жил двоюродный брат, юноша. Юноша вырос, женился, обзавелся ребенком, но выезжать из комнаты брата не желает, некуда. Дальше еще хуже. К.И. техник и чертежник, служит и получает работу на дом. Срочно ему было заказано начертить карту СССР в большом виде, а затем сделать тот же чертеж для брошюры. Работал он несколько ночей подряд. Работу принял корректор, сдал в печать. Брошюра напечатана. По ней делает доклад профессор. И вдруг через месяц из какого-то глухого угла запрос в Наркомсвязь: что вы печатаете? Явная контрреволюция! К.И. в ГПУ. На карте — в словах Сталинград и Ленинград — пропущены буквы р — получается пасквиль и почти ниспровержение государственных основ. Корректор арестован, К.И. тягают в ГПУ, обвинение во вредительстве через печать и угроза высылки[447]. Он лишен отпуска, т.к. взята подписка о невыезде. В это время им предлагают переменить их комнаты на комнаты в Ленинграде, на Литейной, о чем они оба очень мечтали. Пришлось отказаться. Жизнь обоих совсем испорчена. Причем они подозревают, что этот пропуск буквы «р» сделан в типографии умышленно, т.к. после буквы «г» пустое пространство.

12 октября. Была на днях в Публичной библиотеке, перечитала все стихи Одоевского, Катенина, переводы Беранже Курочкина, все это для «Декабристов». Удивляюсь Юрию, который не делает этого сам, а бегает теперь по всему свету и жалуется на А.Н. Толстого. Когда я дала А.Н. полный черновик сцены заговора, он тотчас же ее прекрасно сделал, и Юрий этой сценой вполне доволен. Одоевский настоящий и прекрасный поэт. Я нашла у него две строчки, которые, по-моему, могут служить эпиграфом к моей жизни:

Сердце горю суждено,
Сердце на двое не делится[448].

Вчера я служила панихиду в 22-ю годовщину папиной смерти. И как ярко все мне памятно. Мой месяц в Риме. По богатству впечатлений, какой-то

насыщенности души Римом мне всегда кажется, что я там прожила не месяц, а год. Вот в Петрозаводске мы прожили около двух лет — темная томительная дыра, грязная, липкая, без времени, час ли, день ли, что-то бесформенное и мучительное.

Да, Рим. Дорога оттуда после Васиной телеграммы. «Cet inutile et tragique voyage»[449], как писал мне Петтинато из Рима, куда он приехал уже после моего отъезда. Как ехала я эти двое суток! Выхожу в Смоленске из вагона — на перроне Саша. На мой вопрос о папе он только ответил — плохо, и весь дрожал мелкой дрожью. Я поняла. Доехали. В Издешкове была грязь непролазная, еле выбрались, было уже совсем темно. В Ларине вхожу в переднюю, ко мне бросается Леля, с ней делается истерика, крик. Вокруг стола сидят дядя Владимир Васильевич и тетя, милые старики. Боже мой, и их нет, нет и Лиды, и Ляли. Вася и Лидия Ивановна, мама говорят о постороннем, я тоже — яковлевская выдержка непостижима. Папа умер 27 сентября, с похоронами ждали меня. От Рима до Издешкова я ехала двое суток. Гроб стоял в церкви, я хотела сразу же пойти, меня не пустили. Пошла рано утром. Папа мало изменился, обострилось его бледное милое, одухотворенное лицо, его такие любимые нервные маленькие руки. Как я их целовала. Мне казалось, сердце разорвется, не пережить такого горя. Я лежала на полу и плакала, плакала, не в силах сдерживать себя никак. Я так любила папу, что и сейчас плачу, и боль от его потери никогда не заживает вполне.

По мне панихиды никто не будет служить, некому. [Вася вполне сын своего отца. Никто для них недорог, нет у них привязанностей. Родная сестра пишет Юрию о своем бедственном положении, они голодали в прошлом году — он не ответил даже. Уже несколько раз он мне говорил, что нечего посылать семье арестованного Игоря. И если бы не я, конечно, не посылал бы.]

Для меня ценна и дорога всякая папина бумажка, и я берегу его перья, вставочку с собачьей головкой, его бумажник с детскими письмами, с цветами с Надиной могилки, с ее волосами. Я берегу все Аленушкины игрушки, книги, вещи. Я умру — все, конечно, будет сожжено. Архивного культа у Васи нет. Хватает же у него духа говорить: «Вы должны обо мне думать, меня одевать, мне принадлежит будущее, а не вам».

Говорят, что теперешняя молодежь вся такова: безыдейна, эгоистична, мечтает только о благах земных, линкольн[450] — завершение всех мечтаний. И это вполне понятно. С самого рождения они ни разу не слыхали этических заповедей, ученья морали. Религия нас учила, в нас подсознательно вко-

реняла понятия: люби ближнего, положи душу свою за ближних, не убий, не пожелай. Люди, вырастая, забывали религию, но учение, мораль была живуча, сохранялась в плоти и крови. Теперешнему поколению внушают с детства, что христианская мораль тлетворна и гораздо здоровее классовая ненависть, давно уже переродившаяся в мелкую межсоседскую зависть и озлобление. А кроме того, вся молодежь выросла в таких лишениях, что ей простительно, пожалуй, мечтать только о матерьяльном благополучии. И еще: жили 18, 19, 20, 21-й год в такой нищете, в таком голоде, что все матери отказывали себе во всем и все отдавали детям, лишь бы их накормить — сами голодали, и дети привыкли и требуют жертв и дальше.

15 октября. Зашел сегодня Кузьма Сергеевич звать Васю ему попозировать для Ленина. Посидел часа два. Я рассказывала ему, что нам обещают квартиру в доме, который строит Рабис[451] на месте особняка Мельцера. Оказалось, что Петров-Водкин прекрасно знал Мельцера, инженера, и был ему очень многим обязан. Мельцер вывез его мальчишкой из Хвалынска[452] и поместил к Штиглицу[453]. Мельцер что-то строил в Хвалынске, и Петров-Водкин притащил ему свои работы. Петров-Водкин у него жил и потом, когда учился в Москве, приезжал и останавливался у него[454]. От него он, повидимому, и за границу уехал. Об этом ничего нет в его воспоминаниях, ни в «Хлыновске», ни в «Пространстве Евклида»[455]; вероятно, сейчас это не à la page[456], может быть, даже и не пропустили бы. Петров-Водкин очень тепло о нем говорил. У Мельцера на фабрике был восьмичасовой рабочий день — у первого в Петербурге. Рабочие были великолепно обставлены и очень любили Мельцера. Благодаря этому он и не был арестован в начале революции, когда хватали всех фабрикантов. Теперь он в Америке. Мария Федоровна Петрова-Водкина рассказывала мне, что Мельцер был на их свадьбе ее посаженым отцом и она его называла mon petit papa[457]. Очень его любила.

23 октября. Какими судьбами удастся мне выкарабкаться из новых осложнений моей жизни, при общей ненормальности русских условий жизни? Чудес не бывает, я уже успела в этом убедиться, прождав чуда всю свою жизнь.

Еще в одном я убедилась, чему научила меня жизнь: для успеха в жизни, матерьяльного и морального, надо всю жизнь идти к одной цели и надо обладать крепкими нервами: *истерике нет места в жизни*. Слабость моих нервов меня погубила.

Стряслась революция, мы все, как первозданный Адам, оказались за вратами рая и смогли убедиться, что у нас есть только руки, ноги и голова, боль-

ше ничего. Я выдумала кукольный театр. Дело пошло хорошо. Первое время я зарабатывала больше Юрия, театр кукол очень любила. И надо было, не считаясь с выходками Юрия, с интригами Брянцева, продолжать это дело, а не бежать в отчаянии в Париж. Надо было tenir tête[458], чего я не смогла. Попав в Париж, *надо было* там и оставаться, добиться своего, а у меня опять, опять не хватило нервов. Обрушились детские болезни, одна страшней другой, я не выдержала и сдалась, вернулась. Юрий высылал мне 100 рублей — 1200 фр., это было разрешено. Но теперь новое постановление запрещало всякую пересылку денег. Вернувшись, *надо было* оставаться в Петербурге, не бежать опрометью от дикой ненависти Юрия в Детское. Надо было оставаться с детьми в чудной солнечной квартире, осмотреться и добиваться кукольного театра. Но я не воительница, увы.

Сколько раз сейчас я повторила: надо было. А вот теперь что мне делать? Опять с нового листа начинать жизнь? Положение таково: около 10 октября Юрий уехал на Канонерскую, привел свою комнату в порядок и, по слухам, собирается там и оставаться. Там он чудачит, танцует перед Кочуровыми, Араповым, Бертой и всей коммунальной квартирой фокстрот, рассказывает анекдоты, веселится и в полном спокойствии не работает. Предлогом к отъезду послужил такой случай: Вася обнаружил, что из комода исчезли два рулона заграничной нотной бумаги. Юрий дома поднял шум, стал возмущаться, что Кочуров берет его вещи. Я нашла, что возмущаться нечего, и комната и письменный стол открыты, прежде и ключа не было.

[С лета 32-го года начался его роман с Заевой, и он почти перестал работать. Кое-как очень медленно закончил симфонию, благодаря подстегиванию Коутса. Принялся за оперу. После смерти Алены написал сцену заговора, только арии. Сейчас он должен по продленному договору сдать клавир всей оперы, а к февралю и партитуру. Ничего не сделано. Очевидно, кто-то виноват в этом; виноват Толстой.

Юрий знает, что я этому не верю.

Я нашла прекрасные стихи Одоевского для дуэта Анненкова и Полины и для Одоевского в Москве. Прочла их Юрию и предложила совместно сделать черновики для Толстого первой картины 2-го акта и других. На стихи Беранже «Слава святому труду»[459] может быть построен весь пролог.

В тот же день] Юрий уехал. Ему важно быть без либретто. Он, как страус, спрятал голову под крыло и там отсиживается. Хотелось бы мне знать: сам он, наедине с самим собой, сознает он свою вину или искренно верит, что

все в жизни соединилось, чтобы мешать ему сочинять и что эти последние два года он страшно много работал и очень вырос.

Теперь он уже хочет менять свою комнату на Канонерской — Кочуровы мешают. Но что же нам с Васей делать?

Я лично довольна таким оборотом дела и больше *никогда* не соглашусь жить под одной кровлей. Надо во что бы то ни стало организовать кукольный театр. Готова хоть к Горькому на поклон ехать, лишь бы удалось сделать театр так, как я этого хочу. Вчера, дожидаясь под дождем автобуса, подслушала в очереди такой анекдот, верней новую пословицу: «Не имей два брата (?!), имей два блата». Хорошенький русский язык! Но смысл мудрый. Сейчас надо иметь блат. А прежде? А везде и всегда? Прежде это называлось протекцией, теперь шпана завоевала права гражданства, чернь превратилась в пролетариат, и арго входит в литературу. Итак, надо иметь блат.

Была вчера в областном ТЮЗе, говорила с Мокшановым, по-видимому, энергичный молодой человек, несмотря на шиллеровский облик, впрочем, руки не шиллеровские. Он посоветовал развить энергию, делать все самой, ничего не ждать от Наркомпроса, от Смольного.

Только бы встать на свои ноги. А Вася страдает и в своих чувствах, и еще более в обманутом честолюбии. И еще: как мне расплатиться с Mme Michel?

29 октября. Под утро проснулась и опять заснула: я в какой-то комнате, у меня какая-то дама, будто Mlle Baillair. Я подхожу к Алениной кроватке. Аленушка не спит, розовенькая, глаза сияют. Я наклоняюсь к ней, обнимаю ее и хочу поднять. Ее спинка выгибается, головка падает назад, ей лень вставать. Тепленькая, тепленькая со сна. Потом протягивает ручки, обнимает меня и встает. Ей лет 6. Она выросла из рубашонки, я подшлепываю ее по теплой розовой попочке, прижимаюсь головой к ее тельцу, крепко, крепко обнимаю ее и говорю: «Voyez, comme nous sommes devenues grande»[460]. Ручонка ее на моей голове. Я так счастлива, и вдруг начинаю понимать, что Алены уже нет, и в слезах просыпаюсь.

Господи, Боже мой.

2 ноября. Совершенно удивительно, как действует на меня отсутствие Юрия. Я делаюсь человеком, я думаю, я соображаю, я вижу и гляжу вдаль. Как в анекдоте о раввине и еврее. Я почувствовала огромное облегчение, мне хочется работать, привести в порядок свою жизнь. Если мне и осталось 5 лет жизни, как мне гадала Паллада, то надо тотчас же приниматься за дело и ввести в свой обиход систему, вернее, правильное распределение времени как для себя, так особенно и для Васи.

Какие у меня задачи:

1. *Васино здоровье и работа*. Упорно и не отступая перед его капризами. Мне надо: 1. Привести в порядок письма. 2. Закончить воспоминания. 3. Написать жизнь Алены и поставить ей памятник, такой, чтобы ее не забыли. 4. Закончить серию: «Куранты любви» — зиму и осень. 5. Восстановить серию «Фантазия» К. Пруткова.

И непременно организовать кукольный театр со сказками и былинами.

Если, умирая, я оставлю в порядке mon tout petit ménage[461], то как-то душа будет спокойна, хотя, может быть, это никому и не понадобится. То есть понадобится Васе; с годами он разовьется, поумнеет, научится любить и чтить прошлое. Мне кажется, так приготовлялся к смерти в Средние века какой-нибудь золотых дел мастер или башмачник; ему важно было передать свое уменье, опыт, любовь, вернее, любви — сыновьям, и так накапливалось веками великое уменье и культура. У нас же каждый сын чувствует себя обязанным перед своим достоинством забыть отца и мать, отречься от них и оплевать по мере сил. И нет ни уменья, ни опыта, ни любви к делу.

Вообще любви нет или пропала.

Для этого: с утра до часу я рисую. Вечером с 8 привожу в порядок «архив» и пишу. День — хозяйству и шитью.

9 ноября. Юрий наглупил и наподлил, как мог, и попал в тот тупик, который я давно предчувствовала. Сейчас я была у Толстых. Вчера к нему приезжал Иохельсон с Пушковым говорить о «Декабристах», о либретто, о Юрии. «Вы знаете, Любовь Васильевна, я вывозил Юрия как мог, я его мирил с Малиновской, возил к Алексей Максимовичу, устраивал деньги. Теперь он встретился со мной с объятьями, а за глаза и Малиновской, и верхам Союза композиторов он говорит, что не пишет оперу из-за меня, из-за полной несогласованности с либреттистом. Это уже предательство».

Хотят передать дело партийной общественности. Под оперу взято около 70 000. Поставят Юрия под угрозу партийного суда.

Как это весело. Всего этого я ждала. Когда в сентябре Юрий ехал в Москву, я одно твердила ему: «Не жалуйся на Толстого, он не виноват, ты сам должен проработать, подготовить либретто, тогда и он все напишет превосходно».

Вечное вранье, какая-то путаница. Отсюда Ю.А. выписал свой паспорт, прописался на Канонерской. Мы можем остаться без карточек, и так на четверых у нас одна, одна булка на два дня на всех. А если и ее не будет, это страшно удорожит жизнь.

Вот я хотела упорядочить свою жизнь. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

15 ноября. С приездом Толстого мое дело двинулось. Но оказалось, что еще до того, как он предложил горкому писателей организовать кукольный театр при клубе[462], это же предложение сделали Маршак и Е. Шварц. Я очень этому рада. Составляю сметы. Была с Васей на «Борисе Годунове» 13-го[463]. Александринцы сделали все, что могли. La plus belle fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a[464]. Хороших актеров у них нет ни одного. Бабочкин лучше других[465], и из него может выйти толк. Карякина талантливая, но играет мало. Вольф-Израэль—Марина[466] — ужасна. Какая-то капризная швейка жеманится и скрипит голосом. Борис—Симонов делает страшный вид, внешне похож на Грозного, но после Шаляпина смотреть нельзя. Флит написал о Вольф-Израэль—Марине: «То флейта слышится, то будто жеребенок...»[467]. Самое неприятное — не умеют читать Пушкина, уничтожают музыку пушкинского стиха. Когда читаешь про себя, наслаждаешься этой музыкой; александринцы все сделали, чтобы стихи читать прозой. Федин сидел рядом с нами: «Социалистический реализм — это теперь mot d'ordre[468], — который нужно дать, они поняли как сугубый натурализм, и получается какой-то спектакль 80-х годов». То же и «Мазепа» в Мариинском[469]. Но технически очень хорошо сделано, вращающаяся сцена очень остроумно использована.

Когда я ждала у входа Васю, мимо прошел Юрий, приехал в тот день из Москвы по вызову Союза композиторов. Я не окликнула. В одном из антрактов я говорила с Гофманом, Юрий подошел и поздоровался. Я — ни звука. Васю он повел в директорскую ложу, кормил пирожными и спросил, почему же мама сюда не придет, выпить чаю, закусить (?!). Вчера мне звонит Толстой: «Ваш благоверный вчера в Александринке, говоря со мной, разрыдался. По-видимому, его взяли под ноготь в Союзе композиторов. Зажали под ноготь. Я остался тверд, говорю ему, первую картину (2-го акта) ты должен сделать в один месяц. Юрий говорит, зачем месяц, я это скорее сделаю. Опять врешь, не сделаешь. Надо назначить не фиктивные, а настоящие сроки. Завтра 15-го они ко мне приедут, Юрий, Иохельсон, и мы точно выработаем сроки. Я не знаю, в каких вы отношениях, но если он будет жить на Канонерской, он ничего не сделает».

Вася вчера видел Юрия и говорит, что у него очень сконфуженный вид, как-то нерешительно попросил у Васи ключ от комнаты, спрашивал, как мы использовали присланные Малько деньги на Торгсин...

Какое же мы имели право их трогать? Какое унижение взрослому, почти старому человеку ставить себя в такое положение. Плакать перед А.Н., на которого он жаловался всем и каждому, да еще как жаловался, а теперь при Васе в театре говорил Пиотровскому: «Иохельсон поссорил меня с Толстым». Стыд. Против всего этого, т.е. клеветы на А.Н., я еще в начале сентября его предостерегала.

Видела Нину Барышникову. Случай с Андрюшей — это то самое страшное, что создали условия советской жизни. Из-за электрических реклам Невского проспекта, из-за жизнерадостных фокстротов и цыганщины, которыми оглушают толпу из всех громкоговорителей, из-за победных газетных од выползает чудовищный быт, созданный «раскрепощением женщины», свободной школой, свободным браком. Андрюше 9 лет. В 29-м году летом он прожил у нас месяц. Милый, ласковый, воспитанный мальчик. Этим летом Нина приезжала с ним и со своей сестрой Катей. Катя была сослана в Сибирь, прошла через все муки, болела сыпняком, но выкрутилась, перебралась в город, поступила преподавательницей в техникум; в виде премии получила бесплатный билет до Ленинграда и решила забрать Андрюшу от матери, устроить там в школу. Больше я ничего о нем не знала. Увезла его Катя, а через два месяца, украв у нее 800 рублей сбережений, Андрюша бежал в Ленинград. В начале прошлого учебного года он попал в 20-й школе в банду грабителей из старших классов. Раскрылось это позже. Уследить, ходит ли он в школу или нет, было невозможно. Нина пыталась просить учителей контролировать Андрюшу, давала им самодельные тетради-дневники для записывания присутствия его на уроках — учителя отказались: мы не можем контролировать учеников, их слишком много. Андрюша стал обкрадывать мать и соседей, Нину хотели выселить из комнаты. Когда он был в Иркутске, бандиты приехали туда на гастроли. Днем они прятались и давали Андрюше деньги для закупки провизии, давали не считая, пачками, т.к. денег у них было в огромном количестве. Андрюша, вернувшись, рассказал, что они поехали дальше, до Владивостока, но, по наведенным Катей справкам в угрозыске, он вернулся с бандитами. Добиться от Андрюши точных сведений невозможно, только изредка он проговаривается и очень боится. Когда Нина уговаривала его рассказать, он отказался, говоря, что его непременно убьют. По его словам, они подписывают договор, и таких сыщиков, как у них, нет ни у кого. Его найдут и в санатории, если придется — зарежут няню, но его найдут и тоже зарежут. У них в Ленинграде квартира, чердак, который они сами электрифицировали, там они живут, и каждый платит

дворнику по три рубля, платят милиции, оттого-то изловить их невозможно. Андрюша остался без пальто, все продал. На днях Нина вышла из комнаты, шла в кухню стряпать, слышит, хлопнула ее дверь, наружная, и когда она бросилась за Андреем, то его и след простыл.

В комнате был полнейший ералаш, — подушки без наволочек, все перерыто. Нина бросилась вдогонку; во дворе мальчик сообщил ей, что Андрей пошел в баню на Кузнечном переулке. Она вспомнила, что Андрей рассказывал о каком-то человеке на деревянной ноге на Кузнечном рынке[470]. После некоторых поисков Нина нашла его, он стоял и продавал Андрюшины ботики, она их узнала.

19 ноября. В «Борисе Годунове» одного из бояр играл Оранский, я его знаю по ТЮЗу. Он сын расстрелянного протоиерея Орнатского.

Как бы я могла жить, если бы папу расстреляли? В Париже Вася мне рассказывал, Вася знал обоих братьев, что кто-то встретил Флоринского, chef du protocol[471] Москвы, и спросил: «Как можете вы оставаться в России и служить большевикам, которые расстреляли вашего отца?» — «Неужели же вы откажетесь ездить в автомобиле, если услышите, что где-нибудь произошла автомобильная катастрофа!» — был ответ. По словам Толстого, этот Флоринский сейчас выслан из Москвы по делу педерастов![472]

Заходила к Старчаковым, он лежит с прострелом, читает «Литературную газету» и ругается: «Подумайте, какой-то Блейман смеет ругать Бунина, Бунина ругать! Пора критике перейти на другие рельсы, изучать технологию творчества, а не мировоззрение, эволюцию мировоззрения интеллигенции. Эту сферу ведает жакт, который выдает или не выдает паспорта. Критику пора бросить заниматься этим делом. Надо читать французов, Taine’a, Carlyle’a. Надо изучать форму, технику. Не думайте, что меня бы погладили по головке, если бы я высказал эти мысли вслух. Надо ждать, пока кто-нибудь в Москве зевнет над современной критикой и скажет: скучно, пора писать по-другому».

Все-таки Толстой хоть и умный человек, но у него нет широты кругозора. Он был третьего дня (перед этим у него состоялось официальное совещание с Юрием, где присутствовали Иохельсон и Ашкенази). Он говорит теперь du haut de sa grandeur[473], и вещает истины: «Довольно барабанного боя, декабристы должны ходить по земле, современная опера *должна* быть реалистической. Вот, смотрите; в “Леди Макбет”[474] говорят о грибках, о шерстяных чулках, вот как нужно писать теперь оперу».

Я: «Да, но декабристы и не ходили по земле, возьмите дневник Кюхельбекера. Музыка по своему существу абстрактна, и опера всегда условна».

Толстой: «Это один Кюхельбекер. Всякое время диктует свои законы — сейчас должен быть реализм. Что же касается музыки, то я в этом ничего не понимаю, говорю прямо».

Юрий молчал или оппонировал очень скромно, вид имеет запуганный. Нельзя было ставить себя в такое глупое и унизительное положение.

Толстой и Шапорин, вероятно, никогда не смогут договориться.

Толстой — это быт, реализм, анекдот, а опера всегда романтична. Романсы Юрия — вот его творческая тональность.

1 декабря. Как можно жить, потеряв ребенка, такого ребенка, как Алену? И живешь, потому что жизнь — это зубчатое колесо. Но минутами как будто кожа срывается с затягивающейся раны, и больно нестерпимо. Сейчас прибежал Волчок. У старика уже глаза потускнели. Так же прибежал он к ее кровати в последний день ее жизни, вилял хвостом, служил, Алена радовалась, смеялась. Волчок, Волчок, счастливый непонимающий зверь. Так больно, больно, больно. На днях я услыхала страшный детский плач на улице. Я подбежала к окну. Вера Наумова тащила буханку хлеба домой, ей захотелось по маленьким делам, вероятно, она долго удерживалась и все-таки не смогла удержаться. Ей лет 7—8, она отчаянно плакала, как будто случилось что-то непоправимое, ужасное, ее плач был чем-то похож на плач Алены. Я кинулась на кровать с таким же плачем, в доме никого не было.

Полоснуть бы бритвой себе вены — и дело с концом. Как жить без Алены? Почему я живу? Из одного ли страха смерти? Мне кажется, я смерти нисколько не боюсь, это так просто и так нестрашно. Как бы мою смерть перенес Вася? Мое самоубийство произвело бы слишком тяжелое впечатление на его нервную систему. Я не думаю, чтобы он страдал сердцем, если бы я умерла. [Он в отца, и привязанностей у него нет.] Он был бы потрясен. И как его сейчас оставить и на кого?

4 декабря. Убили Кирова[475]. Кто и по какой линии? Неужели род человеческий так глуп, что все еще повторяются политические убийства, когда заведомо известно, что всякое убийство влечет за собой только реакцию. Люди, конечно, звери и могут быть гораздо хуже зверей. «Jedoch der schrecklichste der Schrecken Das ist der Mensch in seinem Wahn»[476] (Шиллер). Я понимаю, что убийца должен быть казнен, но зачем эта гекатомба из семидесяти, по-видимому, совсем не причастных к убийству Кирова человек?[477] Это ГПУ замазывает свою оплошность и бросает кость рабочим, которые совсем

в ней не нуждаются. А может быть, и нуждаются. По крайней мере, Зося находит, что семидесяти мало, надо тысячу за Кирова расстрелять. У них у всех парадоксальная фаза — по Павлову[478].

6 декабря. Ехала вчера в город с Марианной Толстой. У нее очень плохой вид последнее время, дома об ней, по-моему, очень мало заботятся. Она мечтает уехать на месяц в Петергоф. Сейчас у нее очень натянутые отношения с отцом. «В нашем доме любят только удачливых людей, и т.к. я сейчас в полосе болезней и депрессии моральной, то я не ко двору. В прошлом году, когда Фефа был так несчастен, папа его возненавидел, и Туся тоже отвернулась, сейчас же, когда у Фефы все хорошо, удачная женитьба, успехи, и дома к Фефе прекрасное отношение. Помните, как у нас все превозносили И.В. Запорожца, какая была дружба, сейчас, когда все ГПУ слетело и Запорожец в опасности, я слышу, папа его ругает, говорит, что слышал о нем много очень плохого. Я возмутилась и сказала папе, как это возможно так менять свое мнение о людях. Папа на меня закричал, вообще он уже недели две со мной не разговаривает. Это какой-то примитивный эгоизм. Ведь смотрите: у нас нету постоянных друзей, у нас бывают какие-то случайные люди. Случись с папой несчастье, они все отвернутся. И я думаю, что это идет скорее от Туси, чем от папы».

Я люблю Марианну, может быть потому, что знаю с рождения. Ее несчастное детство наложило на нее печать какой-то ущемленности. Своими романами она хочет залечить неудачное увлечение Фединым, но, по-видимому, первую рану залечить трудно. Марианна очень талантлива, она мне читала свои стихи, прекрасные, музыкальные, настоящие. Она умна, но слишком откровенна, и сама это сознает и страдает от этого.

Из острот Старчакова: «У нас же нет литературы, совсем нет. Есть несколько книг, но литературы нет. Если бы Козаков не был блестящим оратором, его бы не было вовсе. Козакова читают до Любани[479], в Бологом[480] его уже не читают.

У нас есть два писателя — А.Н. Толстой и Тихонов Н.С., но и то в прежнее время Толстой был бы только средним писателем».

Когда Марианна рассказывала мне об отношении к ней отца, я вспоминала о том, как я, бывало, старалась домой приехать в парадном виде. Мама не выносила неудачливых людей.

12 декабря. Вернулась сейчас из филармонии, исполнялась симфония Юрия, дирижировал Коутс[481]. Она производит огромное впечатление. Больно

мне было до отчаяния. Кто больше меня понимает дарование, возможности Юрия, национальный характер его таланта.

С нами в ложе были Чупятовы, Шишковы, Старчаков, Чапыгин и Н. Крандиевская. Чупятовы были потрясены. «Это возвращение русской музыки», — сказала Ксения Павловна. Успех был очень большой; вызывали очень много, вызывали сразу же после 1-й части. Эта симфония смотрит в будущее. Когда мы слушали эту симфонию в Москве, Г.А. Римский-Корсаков сказал: «Конец симфонии хочется слушать стоя».

Мелик-Пашаев дирижировал в Москве гораздо глубже, чем теперь Коутс. Коутс груб и поверхностен.

После всех этапов начала, после горестных женских стонов, колыбельной и похода, симфония разливается широкой русской песнью, которая все побеждает.

Старчаков благодарил меня за билет; я ответила, что меня-то благодарить не за что. «Ну что вы, вы же вдохновительница целой жизни».

Я засмеялась. Нечего сказать, вдохновительница.

Я пытаюсь заинтересовать себя кукольным театром, но я делаю это насильно, без Алены ничто меня увлечь не может. Такая тоска, такая тоска без нее, и чем дальше, тем больше. Я не могу без мучительной боли видеть девочек ее возраста. Я на них гляжу, я вижу какие-то черты сходства, как это могло быть, что я ее потеряла. Алена, Алена — единственное счастье, единственное тепло моей злополучной жизни. Деточка моя родная.

1935

26 февраля. Старчаков: Алексей Николаевич говорил ему, что переделал «Петра» для детей, Детгиз (Семашко) много ему должен. «Для кого вы еще теперь писать будете, Алексей Николаевич? — спросил его Старчаков. — Для жесткокрылых или для ластоногих?»

Старчаков: «Читаю Горького. Он просто глуп, или это отсутствие культуры. Эти люди ходят, ходят, как будто все хорошо, а потом возьмут и высморкаются в скатерть», — и прочел выдержку из Горького: «вытряхнул из бороды улыбку» и т.д.

«Скучно, — говорит Старчаков, — все засели в свои норы, никто ничего не пишет. Федин сидит в Петергофе, нервничает, написал 60 страниц и ни с места». Я попыталась ему объяснить, почему это происходит. Всякому страшно оказаться avec Макар et ses veaux.

10 марта. 3-го утром ко мне приехала барышня по поручению жены Стрельникова: ниоткуда, говорит, я не жду помощи, как от Шапорина. 1 марта в 4 часа ночи пришли к Н.М. с обыском. Обыск был крайне тщательный, перерыли даже все игрушки, вскрывали их, взяли: игрушечные погоны и карточку священника, оставшуюся после старушки няни. «Отобрал он также, — рассказывала Нина, — серебряное кольцо от салфетки, но я на виду у него взяла и положила на место, он ничего не сказал. Стал он белье все из комода вытряхивать и кидать, я ему говорю: “Как вы, гражданин, труда не уважаете, я это белье крахмалила, ночь гладила, а вы все перемяли”. Он тогда стал аккуратно вынимать». Известие об аресте Стрельникова меня поразило: всю революцию человек работал у всех на виду, да еще в таком театре, как ТЮЗ. Что же предпринять? Я дала адрес Ю.А. в Москве и Клину, жена Н.М. решила к нему послать кого-нибудь.

6 марта утром слышу мужской голос меня спрашивает у Лизы, затем отворяется дверь — и на пороге Стрельников. Я подумала, что его выпустили, обрадовалась. 5-го вечером ему объявили, что в пятидневный срок, т.е. 10-го, он должен выехать минус 15[482]. Дали карту и предложили выбрать. Он выбрал Саратов. Состояние Н.М. было близко к невменяемости. «Чем я заслужил, чтобы со мной поступали как с последним бродягой? В конце концов, я ничего не имею против отъезда, но дай же собраться, у меня семья,

жена, двое детей, племянница, архив, библиотека. Сколько раз я проходил мимо людей, у которых, вероятно, тоже было горе, я об этом не думал, я приехал к вам, зная, что вы любите меня. Перед другими, на улице я держусь, но больше я не могу». Он говорил без остановки, в полном отчаяньи. Ходил взад и вперед по комнате. Я пыталась успокоить его, дала капель. «В четыре дня собраться, имея за собой единственную вину — называться фон Мезенкампфом, мне доказывали, что я Мейндорф, проработав 17 лет при советской власти, это чудовищно». Перед уходом, прощаясь, он мне сказал: «Если бы я не был в таком состоянии, я бы встал перед вами на колени и вас поцеловал». По-видимому, он чем-то был очень тронут, мы поцеловались.

Я в тот же день послала два спешных письма Васе, в Клин и Москву (с Юрием я не переписываюсь), а 7-го решила написать еще и Юрию по адресу Кубацкого, съездила в Ленинград и послала с поездом. Я знала, что 8-го будет правительственный просмотр оперы[483], и поэтому телеграфировала Толстому, чтобы он предупредил Юрия о том, что ему есть у Кубацкого спешное письмо.

Стрельников обратился в Союз советских композиторов. Когда он был у меня 6-го, я позвонила Ашкенази, сказала, что Н.М. высылается, необходимо хлопотать об отсрочке через Иохельсона. 7-го в Союзе получила за это упрек от Абрама Абрамовича: «Разве можно говорить по телефону о высылке, ведь я уже сидел». Высылают из Союза композиторов еще Штамма и[484] — все с немецкими фамилиями.

Хлопотал Иохельсон, Брянцев просил Угарова, результатов не было никаких. Из Москвы никаких вестей. В управлении ГПУ на все просьбы отсрочить высылку хотя бы еще на пять дней — отказ. 8-го я поехала к Н.М., познакомилась с женой и детьми, она очень мне понравилась. Мальчики воспитанные, сдержанные. Квартира вверх дном, ящики, рогожи, сено, упаковщики, все на полу, Надежда Семеновна сидит и плачет. Так, вероятно, уезжали из Москвы перед французом, да и то тогда было менее irrévocable[485], — бежали от врага, ехали по своей воле, в свои усадьбы. Большую часть вещей они брали с собой, что нельзя было взять, я предложила перевезти на Канонерскую, — картины, люстры, часть книг. У Н.М. огромное преимущество перед другими высылаемыми — средства.

9-го я осталась ночевать на Канонерской (в не топленной всю зиму комнате), вещи перевезли, ТЮЗ дал грузовик. Чудесный, доброжелательный и все понимающий шофер Григорий Самойлович, высокий, широкоплечий.

10-го я поехала к ним проститься, в 8 часов вечера они должны были уезжать, а в 7 у меня была репетиция кукольного театра.

Отъезд был приостановлен. В 6 часов к ним прибежали два милиционера в страшных попыхах и страшном беспокойстве: а вдруг уже уехали? Из Москвы по прямому проводу передано: приостановить! Значит, Ю.А. хлопотал и что-то изменилось, но насколько — неизвестно. Н.М. заговорил об Ю.А. и чуть было не заплакал, да и я была близка к этому. У меня состояние как при сильной болезни.

В несчастном Ленинграде стон стоит, и были бы еще целы колокола, слышен был бы похоронный звон. Эти высылки для большинства — смерть. Дима Уваров, юноша, больной туберкулезом и гемофилией, что он будет делать в Тургае[486] с тремя старухами: матерью, теткой и няней? Чем заработает хлеб? Творится что-то чудовищное и неописуемое. Высылаются дети, 75-летние старики и старухи, Пинегин, у него висел портрет Седова, при обыске ему было сказано: знаем мы вас, портреты царских офицеров на стенки вешаете...

Лозинский с семьей. За него очень хлопотали здесь и Толстой в Москве, поехал в Москву Никита Толстой, был у Горького, привез хорошие вести, но на всякий случай пошел с Наташей в загс. Если вышлют семью, девочка сможет остаться здесь. Это страшно трогательно. Наталья Васильевна вчера мне звонила и рассказала все это. Я просила ее поцеловать Никиту в обе щеки, недаром же я так люблю обоих мальчиков.

Я вчера репетирую, вдруг вижу в дверях Елену Ивановну: все Козловские арестованы, я еду к вам. Маруся Тихонова-Неслуховская говорит, что у них прямо переселенческий пункт, высылается ее двоюродный брат. Пошла я к Морозовым, думаю, вот где я отдохну на минуту от всех ужасов. А у них полна гостиная людей, приехавших прощаться. В институте Лесгафта семь человек, из политкаторжан — три семьи высылаются. Ссылают в Тургай, Вилюйск, Атбасар, Кокчетав[487], куда-то, где надо 150 верст ехать на верблюдах, куда-то, где ездят только на собаках.

По каким признакам?

Бывших дворян, аристократов, оппозиционеров, детей священников, мало-мальски состоятельных людей, имеющих родных за границей, и без признаков вовсе. И главным образом старых петербуржцев[488]. Да и что могло остаться от прошлого у всех этих людей за 17 лет уравнительного бедствия? А с другой стороны, у кого из интеллигенции нет хотя бы одного из этих признаков. У меня масса причин к высылке. Дворянка — раз, дочь помещи-

цы — два, братья бывшие офицеры — три, эмигранты — четыре! Толстой, Федин — да у всех покопаться, найдется повод для высылки. Ужас висит над городом.

А цель? Или уничтожение русской интеллигенции, как говорил мне Jerard в Париже в 1928 году. Или, по проф. Павлову, очередное «торможение» для удержания населения в «парадоксальной фазе». Или вредительство. Нарочитое возбуждение ненависти к власти, как только замечают, что даже самые ненадежные элементы начинают примиряться и «принимать» новый режим. У всех этих жертв сразу отбираются паспорта. А в комиссионных магазинах перестали принимать вещи без предъявления паспорта. Люди бросают свой скарб и едут без гроша, без надежды на работу неведомо куда.

В ГПУ приносят людей на носилках, и если человек может головой шевелить, значит, годен для выселения. Что это?

Жакт хотел отобрать одну комнату у нас, Ленсовет дал броню на год, но управдом спросил у меня, давая справку 1, что Ю.А. является действительным съемщиком квартиры, на каком основании он выписался отсюда?[489] Я объяснила командировкой в Москву (хотя выписался он гораздо раньше), больше года, а по теперешним законам иждивенцы, живущие на другой квартире, чем глава семьи, лишаются права на карточки и на какие-то еще блага! Подчеркивать сейчас, что он здесь не живет и знать меня не хочет, это почти равносильно доносу в ГПУ, потому что, не являйся я в данный момент женой Шапорина, меня конечно бы выслали в какой-нибудь Тургай; «по Вас верблюды плачут», — сострила Наталья Васильевна. Братья — эмигранты, дворянка, жила за границей — все это смертельные грехи. Если бы Вася чувствовал какую-либо привязанность ко мне, неужели бы он не сказал отцу, что не заехать в Детское недопустимо.

В ноябре 1931 года пришла на имя Юрия повестка из ГПУ с просьбой явиться в иностранный отдел[490]. (Жил же он тогда в Детском.) Мы никак не могли догадаться — зачем? В назначенный день Юрий попросил меня поехать с ним на Гороховую и подождать в сквере, «а вдруг меня арестуют?». Через минут пятнадцать он уже вернулся сияющий: «Это, собственно, не меня касается, а тебя — тебя просят прийти тогда-то». Его спросили о моих братьях, о том, с кем он встречался в Париже, куда приезжал в 26-м году на три недели. Юрий на это ответил: «Знаете ли, был я там всего три недели — ничего не помню. Вы расспросите мою жену, она там четыре года жила». Перед ним усиленно извинялись за беспокойство: мол, знаем, как вы заняты и т.д. Совершенно ясно, что хотели пощупать почву, как отнесется Ша-

порин к вызову в ГПУ жены. Возмутится ли он, не запротестует ли. А он своими руками выдал. Но когда я пошла на Гороховую, он меня в сквере не ждал. Меня допрашивали пять с половиной часов, и знавшая об этом и ждавшая моего звонка М. Юдина примчалась в Детское, т.к. была уверена, что меня уже арестовали и надо везти передачу.

[**Апрель**][491]. Вася 15 марта помчался в Москву, ничего не сделал, пробыл там зря пять дней и, вернувшись, стал звонить уполномоченному НКВД. Вечером в тот же день, это было 22 марта, его вызвали на Литейный[492]. 16 марта Ю.А. телеграфировал НКВД, прося выделить из выселяемой семьи Владимировых дочь, являющуюся незарегистрированной Васиной женой. Это была ложь, но единственный путь спасти девочку. Васю вызвали, и солидный трехромбовый гэпэушник[493] начал с жалких слов: «Ну как вам не стыдно, Василий Юрьевич, вы хотите идти по стопам Никиты Толстого. Вы компрометируете ваших отцов, брак этот фиктивный». Вместо того чтобы отстаивать свои позиции, Вася тотчас же согласился с ним и обещал быть паинькой, скомпрометировав таким образом и свои заявления, и просьбу отца. Его взяли, что называется, на арапа. Дальше его стали расспрашивать о моих братьях: который из них был морским агентом в Болгарии? А другой был добровольцем, не правда ли? Вася и с этим согласился, тогда как никогда ни Вася, ни Саша добровольцами не были, на стороне белых против красных не воевали.

Такое признание могло бы стать опасным, если бы, к счастью, гэпэушники не знали прекрасно истины.

В НКВД надо говорить умеючи, как в бирюльки играть[494], и главное, не трусить. Где же было девятнадцатилетнему Васе все это сообразить и не струсить. Очень хорошо помню мои разговоры с чекистами в 31-м году. Именно игра в бирюльки. Тех-то имен произносить нельзя, а те-то можно; можно потому, что ты прекрасно знаешь, что эти люди очень близки к НКВД, хотя и занимают прекрасное положение в театральном мире. Да-с!

Вообще, лучше всего иметь глуповато-светский вид и тон.

Люди прикованы к своей площади.

Рабы, рабы во всем. Подхалимы до мозга костей. Больно, больно. Им, Шапориным, никогда и в голову не придет, что горе по Алене живет, что ее нет, что забыть этого нельзя. У них если что и было, то все выветрилось. А уж внимание к этому горю проявить — такая мысль в их сознание не закрадывалась ни разу.

21 апреля. Васи до сих пор нет. Что у них в голове, что у них в сердце — непонятно.

Евгения Павловна говорила мне, что Старчаков страшно возмущен поведением Ю.А. Помимо меня, непристойно приехать в Ленинград чуть ли не на десять дней — и не заехать в Детское к Толстым, Старчаковым, с которыми он так дружил. И вести за спиной Алексея Николаевича интриги в Мариинском театре, сговариваясь с Пиотровским о переделке либретто. Неужели так страшно сказать что-либо в лицо, а не ругать за спиной. Все это втиранье очков. Сейчас заходила Наталья Васильевна (как всегда, писать деловые французские письма). Возмущены Ю.А. ужасно. Он, без разрешения Алексея Николаевича, дал в «Литературный Ленинград» отрывок из либретто «Декабристы», который и был помещен в № от 20 апреля[495]. Озаглавлен: «Декабристы», тогда как Толстой этого названия не признает, находя более правильным назвать оперу «Полина Анненкова». Совершенно непонятно!

Перебирая бумаги, я нашла черновик своего письма в стихах от 23 сентября 16 года! — где я писала Юрию: «Талант и лень две вещи несовместные». И еще: «Трудоспособность — гения симптом»[496]. Не так уж это глупо сказано.

Сегодня Вербное воскресенье, чудная погода. Я ходила на кладбище. И каждый раз, идя туда, я зажмуриваю глаза и вспоминаю дорогу в S^t^.Germain[497], в особенности в такой ясный солнечный весенний день. Долина Сены. Аленчик мой родной, родной, родной, что ты со мной сделала? Господи, как хорошо было. И ничем не залечить, и ничего не вернуть. Я забываю себя и свое горе, только пока работаю с марионетками, словно я в сказку во сне переселяюсь. Оттого-то мне так и хочется наладить эту работу. (Не забыть бы Алениного чудного словечка «туманится».)

Март месяц — словно какая-то ужасная, из страшного сна, лавина проползла, разрушая семьи, дома. Все это настолько неправдоподобно, что вот было и есть, а не веришь. 13 марта мне позвонила Лида Брюллова (Владимирова), меня дома не было; утром 14-го я звоню им — соседка отвечает: «Лидия Павловна ушла по делам, 16-го они уезжают». — «Куда?» — «В Казахстан. Все трое». В три часа я была у них. Разгромленная комната, голые стены. Месяц тому назад мы у них пили чай, так было уютно. Люди входят, уносят вещи, укладывают. Они совершенно спокойны, в особенности Лида и Наташа, хотя на них и лица нет, похудели, побледнели. Наташа что-то стирала, все время напевая веселые песенки. 12 марта им дали распоряжение уезжать 15-го, [Дмитрий Петрович] еле выторговал еще один день. Рояль,

шкаф удалось продать, кое-что распихали по знакомым. Ехать в Атбасар. Лида рассказывала, как трогательно провожали, верней, прощались с ней в ТЮЗе, где она прослужила 12 лет управделами. «У нас в ТЮЗе замечательно хоронят, кто бы это ни был, уборщица ли или артист. Трогательно и сердечно. И вот мне заживо пришлось пережить свои похороны, только без пенья».

Т.к. был прецедент с Никитой, то Вася предложил Наташе жениться, на что бедная девочка согласилась. Очень уж хотелось ей доучиться, и что делать ей в Атбасаре!

14-го Вася угрюмо сидел у них в тени высокого готического стула чуть не плача, время уходило, а предложения он делать не решался. Мое положение было глуповато, т.к. еще до его прихода я с Лидой говорила об этом, и мы порешили, что это единственный выход. Накануне Наташе предложил то же самое Митя Радлов, влюбленный в нее, но она отказала, именно боясь его любви. Пора было уходить. Наконец, воспользовавшись, когда мы остались одни, я ему посоветовала поторопиться, он нашел Наташу где-то в коридоре, и через пять минут у них все было решено. Он стал дозваниваться в НКВД почему-то по совету Никиты; там ему ответили, что им нужно подтверждение от отца, тогда они разрешат девочке остаться. Помчался в Москву, и 16 марта Ю.А. прислал телеграмму в НКВД. А теперь Юрий здесь уже неделю, и они ничего не предприняли.

15-го Вася уехал. Он мне говорил, что ходил по улицам и плакал. На вокзале, когда он посылал телеграмму, рядом с ним юноша писал телеграмму, и Вася подсмотрел — на ней стояло: «Бубнову, копия Сталину. Отца высылают, осталось два месяца до окончания вуза, умоляю разрешить...» — наивный дурачок.

Заходила я к ним каждый день, была и 16-го перед отъездом, к сожалению я не смогла их проводить, у меня была последняя репетиция чапыгинского спектакля[498]. Я долго сидела, все ждала спасительной телеграммы из Москвы. Их комната была уже абсолютно пуста, мы сидели у Вероники. Милая З.Я. Матвеева принесла им валенки. [Продолжала ходить безрезультатно в НКВД. Пришла — следователь раскричался: «Да что вы, гражданка, воображаете, есть нам время телеграммы рассылать!» — и ушел. Знакомая Владимировых поехала в Москву, была у военного прокурора, и телеграмма была послана.]

В те же дни в «Вечерней Красной газете» была заметка под заглавием: «*День птицы*»[499]. «В этот день все школьники, пионерские и комсомольские

организации будут строить скворечники и водружать их в садах и скверах, чтобы прилетающие птицы находили себе готовый кров!» Трогательно. А десятки тысяч людей всех возрастов, от новорожденных до восьмидесятилетних старух, выброшены в буквальном смысле на улицу, гнезда разгромлены. А тут *скворечники*.

В одно из моих посещений НКВД, пока я сидела и ждала аудиенции, пришла дама с девочкой лет двух на руках. Девочка славненькая, голубоглазая, улыбалась, а на щеках стояли две крупные слезинки. Она вызвала какого-то типа, вероятно, своего следователя: «Я не могу завтра ехать, у меня нет ни гроша денег, куда я с ребенком без гроша поеду». — «Продавайте вещи». — «Я продаю, но что я могу продать в три дня, связанная ребенком». Он ушел, она же стала целовать девочку, целовала, как будто всю любовь хотела вложить в эти поцелуи, и приговаривала: «Чьи это глазки, мамины, а Туся чья, тоже мамина», — и опять целовала, верно, черпая силы в своей любви. Я не в силах была смотреть на нее. Следователь куда-то ее повел, и чем дело кончилось, не знаю.

Я сидела у следователя, у другого стола сидела пожилая дама, мне видны были только щека ее, очки. «Гражданка, выбирайте скорей», — хамским голосом говорил следователь. Она же растерянно отвечала: «Что же мне выбрать, я нигде никого не знаю». — «Скорей, гражданка» — «Ну, Вологду, можно Вологду?»

Поедет эта старуха в Вологду, а дальше что?

При мне женщина бросилась к следователю: «Мы должны завтра ехать, а мужа все не выпускают из тюрьмы, что делать, что делать?»

Выслали Тверского. С начала 18-го года человек работал в театре, получил заслуженного, но был офицером в германскую войну и, по слухам, был адъютантом Керенского, хотя последнему я мало верю. Белым никогда не был. [С начала 18-го года работал в Петроградском отделе театра и зрелищ.] Я пришла к нему проститься. Комнаты пусты. Один стул, стоит посередине. «Вот, Любовь Васильевна, еще новый этап жизни. Вы уезжали за границу, я думал — не вернетесь, теперь я вернусь ли?» Ехал в Саратов, куда прежде его приглашали.

Теперь же, он писал родным, ему, как беспаспортному, работать в театре нельзя. В таком же положении проф. Кованько, математик, племянник Елены Сергеевны Кругликовой, поехал в Томск, где ему предлагали кафедру, а теперь нет разрешения. И скворечники, День птицы.

28 апреля. Иногда во сне по каким-то странным ассоциациям приходят в голову стихи. Помню, как в Nanteuil-le Haudoin[500] я проснулась, говоря про себя: «И шел, колыхаясь, как в море челнок, Верблюд за верблюдом, взрывая песок»[501], — было очень рано, часов пять утра, и по улице, под окнами, медленно стуча огромными копытами, шли першероны[502], рабочие ехали в поля. И в такт их шагу нанизывались слова. Сегодня я проснулась, твердя: «И жизнь уж нас гнетет, как ровный путь без цели, Как пир на празднике чужом»[503]. И просыпаясь, я все повторяла эти стихи. И наконец, окончательно проснувшись, поняла их смысл, вспомнила всю свою грустную жизнь, грустное настоящее.

12 мая. Смерть не страшна. Что меня ужасает — это то, что все мое любимое, жалимое никому не будет нужно, будет выброшено, сожжено, роздано.

Я открыла сундук, я одна сейчас в квартире, и перебирала Аленины платьица, носочки. Каждая тряпочка мне дорога, это все образы, дневник ее коротких дней. Вот маркизетовое белое платьице, спереди вышита корзиночка с цветами, я переделала ей из своей блузки в Nanteuil[504], в нем ее снял M'Paul в саду у Mme Michel. Приезжал Петтинато, мы ходили вместе гулять, он восхищался, как она поправилась, вытянулась, похорошела.

Розовая юбочка, румынские вышитые рубашечки — наследие маленького Васи.

Летом, может быть, 33-го года мы обедали у Толстых без детей. Сидим на балконе, пьем чай. Вдруг появляется Алена в этой юбочке, блузочке с розовым пояском. Я целую ее: «Вот я принарядилась и пришла». Ангел мой золотой, вот уж правда, свет моей жизни. Боже мой, за что, за что я лишена радости, счастья? Какая в этой девочке была неистощимая жизнерадостность в болезни, до последнего дня. О, этот день, эти полные беспокойства и муки глаза в последнюю минуту. Нет, не могу, не могу.

15 июня. Я так занята кукольным театром и так устаю, что и писать некогда. Жизнь идет, и даже отраженья ее не остается. Обидно.

[**Без даты**[505]**.**] Как это ни странно, Вася[506]. Вчера он днем был в городе, вернулся, пошел на этюды, выкупался — и готово, все его нервные центры соскочили с петель.

Он может жить в хорошем настроении, только если он один является центром внимания и ухода; лишь рядом кто-то еще — он приходит в неистовство. Так он ненавидел и изводил Алену. Теперь приехала Леля, которую, он знает, я страшно люблю. Конечно, он уже ворчит [находит в ней всякие недостатки и невыносимо груб. Как это больно].

1 июля. Редко урываю я время, чтобы писать. А к этим тетрадям у меня отношение как к каким-то очень дорогим и немножко запретным друзьям. Как грустно, что так мало, почти совсем нету друзей. Гоша, Петтинато, Леля.

Жизнь идет, навертывается на человека, как клубок, и нет ему времени ни думать, ни печалиться о других, только бы свои беды развести.

Организовала я таки Кукольный театр, третий раз[507]. Но как это все трудно, и удастся ли мне все то сделать, что хочется, уж и не знаю. Денег мало, следовательно, надо делать что-то ходовое, для доходов, а мой русский эпос откладывается. Русский эпос — товар экспортный. Эх, кабы поняли те, кому понять надлежит, что нам надо работать на экспорт.

Васе я почти не уделяю никакого времени, уж очень он враждебно стал относиться к моим замечаниям. Стоит мне что-либо ему сказать об этюде, начинается неистовый крик, оскорбления и пр. Сегодня он начал натюрморт — полевые цветы на сине-зеленом фоне. Я не согласилась с теми красками, что он взял, он, конечно, начал кричать. Но исправил этюд, а после и говорит: «Все-таки твое присутствие и замечания очень полезны. Что бы ни написал Воля Стреблов, отец все хвалит, получается дрянь».

Я знаю, что мои указания ему страшно полезны. Вася очень талантлив, но он еще очень неопытен, а самомнения, по примеру Чупятова, много. У него готовые чупятовские рецепты, и он не желает честно смотреть и видеть натуру. Через год его надо будет окончательно изъять от Чупятова, а то тот его засушит.

Юрий переписывается с Васей, никогда ни в одном письме не было передано мне привета. Меня не существует. На Васино рожденье 1 июля трогательная телеграмма, от его гостей также. Как просто отмахнуться от всех забот о здоровье, развитии, образовании, не знать ничего, кроме денежной поддержки, переписываться, посылать телеграммы, и это с восьмилетнего возраста Васи.

У Толстых произошла трещина в семейном счастье, и вряд ли кому-нибудь из них приходит в голову, до какой степени это мне неприятно, обидно, тяжело. Я так привыкла смотреть на их семью как на оазис среди общей печали, что эта трещина меня очень огорчила. Произошло это так: перед Пасхой, за несколько дней, Наталья Васильевна уехала в Москву к сестре. Мне это показалось очень странным, и я передала свои впечатления Старчаковым. Мне он ничего не сказал, а жене потом признался, что Н.В. нашла какие-то любовные письма и произошел «семейный купорос». Головина же мне рассказала, что виновница этого Шатрова. Она в прошлом году гостила

у них летом, и когда Наталья Васильевна уезжала на Кавказ, то Елена Митрофановна свихнула ногу (вероятно, симулировала), осталась здесь, и Алексей Николаевич от нее не отходил. Бабушка мне это тогда же рассказывала. Наталья Васильевна пережила это очень тяжело. Вернулась она из Москвы через месяц, похудев невероятно, — слез, верно, пролито было немало. Внешне она была очень бодра, в Ленинграде заводят квартиру для удобства детей, она поступает в ВУЗ и будет служить.

Тяжело даются эти передряги. Вряд ли Н.В. догадывается о том, как я ей сочувствую.

26 июля. Никогда, никогда не услыхать ее голоса. Сейчас читаю о сказке, о детском творчестве. Вспомнила, как Алена рассказывала Ирине Потемкиной сказку о любви к трем апельсинам[508]. Чудесно рассказывала. И вот — никогда, никогда не услышу. Это невозможно и непонятно. Никакая работа, никакая занятость не заглушат этой мучительной боли. Наоборот. Еще острее, еще ужаснее.

28 августа. Вчера пошли с Еленой Ивановной к Петрову-Водкину. Давно их не видала, а тут, первый раз за лето, три дня дома. Объясняю. Они обижены, что не прислала билетов на кукольный спектакль в Павловске, Паллада похвасталась, что я ей дала билеты. Тоже объясняю, что спектакли продаются организациям, а что Палладе я просто дала пятерку. К.С. желчен. Я радуюсь за них, что переезжают в город, рассказываю, что из моих хлопот ничего не выходит. Кузьма Сергеевич говорит: «С какой же стати они [Рабис] вам дадут квартиру, Шапорин вас бросил, приедет сюда с молодой женой, тогда ему и дадут квартиру. Мне там что-то по этому поводу говорили». Какая бессердечная бестактность, чтобы не сказать больше. Крупный человек, а острит, как пожарный. Видимо, ему казалось, что такой выпад очень остроумен. Я не сморгнула, никак не реагировала, не ушла. Но больше моей ноги у них не будет.

Он нас пошел провожать, был всячески любезен. Тошно. Если эти слухи правда, это будет страшный удар для Васи.

Рано я Васю предоставила самому себе, выйдет ли из него что-нибудь? Начатые этюды, когда я ездила в Лугу[509], мне не понравились. Пора изъять его от Чупятова, засушивает. Чупятов, при внешней скромности, человек с чудовищным самомнением и все время говорит только о самом себе, презирает всех и вся. Презирает «Мир искусства»[510], презирает кардовцев[511], Яковлева и Шухаева, и Григорьева, презирает до известной степени и Петрова-Водкина, и Вася, как попугай, повторяет за ним то же самое. В России был

Иванов, теперь Чупятов, между ними лучше других Врубель, и Петр[ов]-Водк[ин], Репин, Серов, Левитан и др. не существуют. Не существует для Васи и весь Запад. Вот кому бы надо побывать в Италии.

Утром вернулся наш Рыжик, пропадавший несколько месяцев. Я страшно ему обрадовалась — тоже зверюшка, которую любила Алена.

В кукольном театре нам все время усердно и с увлечением помогает Галя Кипарисова. Ей 15 лет.

Как бы веселилась Алена.

25 октября. С сердцем что-то плохо. Все время ноет, мешает, в левом ухе шумит. Неужели пора? Когда-то кто-то гадал мне, что умру 55 лет. Значит, пора. И жизни не жалко, так меня обманувшей, и смерти не страшно. Больно только, что умираю бесславно, ничего не доведя до конца. И на Юрия не сумела влиять, заставить работать, и Васю не поставила на ноги, и для себя ничего не сделала, и кукольный театр не довела до конца, не успела сделать того, что хотела. И больно, что все, любящие меня, далеко, а ближним до меня дела нет. Где Саша, что с ним, любимый мой родной Сашок. И не крикнуть, и не позвать.

Я очень боюсь, что влияние Чупятовых делается все более отрицательным. Они так приучили [Васю] к условности в цвете, что, оставшись один на один с природой, он в ней ничего не понял и не увидал. Он пробыл два месяца за Лугой, привез этюдов двенадцать, в которых даже намека на природу нету. Природа была только поводом к этюду. Все написаны желтой краской — это в июле и августе, когда не было ни одного желтого листа. Условны все до последней степени и малоинтересны. Теперь он у Чупятова начал рисовать. Вчера он принялся дома рисовать Геню и за вечер нарисовал какую-то дыню — это называется искать форму. Я понимаю, но зачем же убивать всякую непосредственность, всякое самостоятельное видение натуры. Это очень страшно для Васи, поддающегося не то что влиянию, а просто гипнозу. И не знаю, что предпринять, школ нет. Ему же надо se retremper au réalisme[512]. Но с ним говорить нельзя.

8 ноября. Алена и Вася одинаково воспитывались, Вася больше видел моей трудовой жизни, а какая разница в натурах. В Васе мне все чуждо и непонятно, а в Алене все было такое родное, понятное и дорогое.

В Васе болезнь, страдание, слезы вызывают отвращение и злобу. Когда мне на днях сделалось плохо и я осталась ночевать на Канонерской, вызвала врача, он встревожился: «Это меня ужасно расстраивает. Ведь ты должна понимать, что если ты тюкнешься, как это подействует на мое настроение!»

Алена была вся — жажда знания. Прочтя «Принц и нищий»[513], она заставила меня пересмотреть и рассказать ей всю английскую историю; тут, на счастье мне, подвернулась очаровательная история Англии Киплинга[514]. Маленький Ларусс[515] всегда был у нее в руках. Читая что-нибудь из русской истории, ей непременно хотелось знать всю общеевропейскую историческую ситуацию эпохи. Вася ничего не хочет знать и ничего не читает. Не в моих силах заставить его читать. В 20 лет должен быть собственный внутренний интерес.

Вчера Вася показал начатый без меня только в рисунке натюрморт. Ступка, слон и зеленая рюмка на столике. Все предметы стояли веером друг к другу. Чупятов так пишет, утверждая, что оси предметов, ввиду того, что земля круглая, не могут быть параллельны. Это, конечно, смехотворно. На площади в 50 сантиметров! Я попыталась Васе доказать, что если он хочет чего-нибудь добиться в искусстве, то сейчас, когда он учится, ему надо руководиться только природой, натурой. Я показала ему его собственный натюрморт, писанный акварелью, 33-го года, из тех же предметов, с такой любовью сделанный. Показала рисунки Врубеля, Ван Гога (его любимых художников) — как они искали натуру, не становясь натуралистами. Только в этом талант — передать природу через свои мозг и глаз. А фигурянье и нарочитая условность приводят в тупик. Вася много кричал и ругался. Но смахнул рисунок и нарисовал наново. Мое присутствие для него необходимо. И этого я дать ему больше, увы, не могу. Сейчас наше матерьяльное положение таково, что без моего заработка мы бы не просуществовали. Жизнь, несмотря на некоторое удешевление, очень дорога. Толстовский дом рухнул, как карточный домик. Боже мой, как легко люди разбивают все самое дорогое в жизни из-за голой физиологии. Двадцать лет жизни душа в душу с Натальей Васильевной, взрослые, талантливые дети, дом, форма жизни — все насмарку, к черту, из-за чего? Что это — любовь, страсть? Ничего похожего. Разве это чувство? В 53 года старик распалился. Он говорил Старчакову: «Я хочу любить, любить кого бы то ни было». Был увлечен Тимошкой, вдовой Макса Пешкова. Она не сдавалась. Наталья Васильевна нашла стихи А.Н. к Тимоше, и с этого начался разрыв. Тогда-то она уехала в Москву, была у Тимоши, предлагала ей А.Н., говоря, что ее заботит только его счастье. Тимоша отказалась. Наталья Васильевна решила уехать из Детского и сделала ошибку. Она мне говорила: «У нас будет чудная квартира, я буду учиться, потом буду работать в ВОКСе[516] или в НКИД[517], я буду думать только о себе. Все заботы о других — это псу под хвост. Надо быть эгоисткой. Я заве-

ду себе белье, как у куртизанки, хочу быть очень нарядной, хочу жить только для себя».

Это была бравада, и вместе с тем в ней была надежда, что А.Н. без нее не проживет. Она уехала, поселив в Детском Людмилу Баршеву. В конце августа Людмила зашла ко мне, у меня с ней всегда были очень, дружеские не дружеские, но с моей стороны очень доброжелательные отношения. Ее расход с мужем, смерть пасынка были окружены каким-то драматическим флёром, она нуждалась, работала, болела, мне как-то всегда было ее жалко. И Наталья Васильевна относилась к ней очень хорошо.

Людмила рассказала мне о желании Натальи Васильевны, чтобы она сделалась секретаршей А.Н., заменила ее по приему гостей и т.д., а А.Н. попросил еще, чтобы она и счета от кухарки принимала. Жалованье ей предлагали 300 рублей на всем готовом.

Людмила пришла ко мне посоветоваться, как быть. Ее пугало обычное легкомыслие Толстых. Надо было расстаться с библиотекой Союза писателей, где она работала. «Впрочем, пока что я ничем не рискую — до 13 сентября у меня отпуск, мама мне советует взять. Толстые так всегда были со мной милы, что отказать неудобно». Дальнейшие события развернулись с головокружительной быстротой: Людмила заменила сразу Наталью Васильевну во всех смыслах, наверху, в комнате Натальи Васильевны, началось по ночам безумное веселье, куда приглашалась и Гаяна, дочь Елизаветы Кузьминой-Караваевой-Пиленко. Юлия Ивановна взвыла и донесла Наталье Васильевне. Фефа оскорбился за мать, приехал в Детское и сделал Алексею Николаевичу выговор за легкомысленное поведение. Алексей Николаевич, по-видимому, свету не взвидел — послал Фефу к черту, добавив: «Чтобы твоей жидовской морды я никогда больше не видал».

Людмила уехала из Детского и скрылась за дымовой завесой. Отпуск ее в Союзе писателей истек, и меня тщетно о ней спрашивали. Я ничего не знала.

Елена Ивановна давала как-то урок английского языка Наталье Васильевне; при ней приехал Алексей Николаевич, и произошла ужасная сцена. Присутствовал при этом Никита, останавливал мать.

Затем А.Н. уехал в Чехословакию и изливал Фадееву в жилет свой любовный восторг[518], пил до потери сознания и, вернувшись в Москву, развелся и женился на Людмиле. На этот раз можно сказать: не скоро сказка сказывается, но скоро дело делается. Новый пятидесятитрехлетний Руслан нашел свою Людмилу[519]. Я как-то возвращаюсь из города, мне звонит Старчаков: «Хотите знать последнюю новость: Алексей Николаевич женился, угадайте,

на ком?» — «На Тимоше?» — «Хуже». — «На Людмиле??» — «Да, заходите, все расскажу».

Его вызвала Наталья Васильевна и показала письмо. А еще до письма А.Н. виделся с Николаем Радловым и просил передать Тусе, что он женился и разводную скоро пришлет!

Старчаков был потрясен: «Скажите мне, вы знаете жизнь, чем можно объяснить такой поступок? Что старик со мной делает? Ведь я выводил его в вожди, ведь послезавтра он уже был бы вождем, на месте Горького, послезавтра к нему стали бы уже ездить наркомы. Пока еще не ездили, он звал Бубнова, но тот не приехал. Завтра он бы уже приехал. Очень важна форма жизни. Тут была форма: был загородный открытый дом — полная чаша, прекрасная хозяйка, дом, где можно было принять Уэллса или Бернарда Шоу. Эти формы нельзя разбивать. Лев Николаевич бежал из Ясной Поляны в поисках истины, Алексей Николаевич подцепил молоденькую фифишку и едет в Кисловодск, совсем как герои Лейкина. Ну, увлекись Улановой и уезжай в Ниццу. Жест! А то Людмилу, спавшую с Никитой и многими другими, везти в Кисловодск. Политически это неправильно. На это плохо посмотрят, и он это скоро почувствует. Горький не станет его принимать с Людмилой».

Но, по-видимому, это не так. Теперь доходят слухи, что он устроил в Москве огромный банкет в честь Людмилы, была масса народу, и Тимоша дала ответный обед. А дуреха Августа Пельтенбург пишет мужу, что она искренно радуется счастью Алеши. Эта совсем бездарная женщина мечтает, что Алеша выведет ее в режиссеры.

14 ноября. На днях Наталья Васильевна заехала ко мне на минуту с Фефой. «Приезжала, хотела отобрать кое-какие вещи, но рука не поднялась. Дом будет иметь разоренный вид, Алеша вернется, рассердится. Пусть сам отбирает». Рассказала про Августу, которая удивляется: «Зачем ты устраиваешь драму? Никакой драмы нет, Алеша счастлив, весел, Людмила мила и умна, он наконец нашел родного человечка».

Очевидно, для сердечной бестактности пределов нет. Сказать это в лицо женщине, которой впору с пятого этажа бросаться с горя.

«Моя личная жизнь кончена, женская жизнь». Я подвела Наталью Васильевну к зеркалу.

21 ноября. Как-то я была в S^{t}. Germain. Аленушка сидела у меня на коленях. Она обняла меня, положила мою голову к себе на плечо и, качая меня, запела: «Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю». Какое счастье,

единственное счастье. Любимая моя, родная моя. Я работаю за троих, я занята все время, за месяц сделала две постановки: «Мойдодыр» и «Литературное обозрение»[520], 17-го все мысли были этим заняты, три дня я не возвращалась домой. 18-го еду в поезде, и со мной в вагоне две девочки. Ничем они Алену не напоминали, но вся сутолока отлетела, и осталась одна мучительная незаживающая боль.

Умер Гросс. Мне его очень жаль. Жаль так рано сгоревшей жизни, так обидно заезженной этой старой отвратительной бабой.

В 31—32-м годах мы были прикреплены к писательскому кооперативу, я встречала его с кулями, булками и ужасалась: «Зачем это вы, Виталий Николаевич, сами все таскаете, вам вредно». На что всегда был один ответ: «Это совершенно случайно, Палладочка сегодня не могла, прислуга тоже не могла...», и эта «случайность» повторялась ежедневно. Булки, керосин, картошку — все тащил он на себе в Детское.

Я зашла к ним перед пасхальной заутреней, зная, что ему плохо. Он лежал. Ему хотелось бросить службу и перейти на инвалидность, т.к. сил на ежедневную езду больше не хватало. Дома же он мог бы статьями зарабатывать.

Паллада вмешалась в разговор: «Но ведь ты понимаешь, что на 150 рублей мы прожить не можем». Она заставила его работать до тех пор, пока перо не вывалилось из рук.

Я познакомилась с Палладой у Смирновых [году в 9—10-м]. А.А. очень с ней дружил, встречала ее в «Бродячей собаке»[521]. На том фоне она была забавна, занятна. Куртизанка, гетера, дочь генерала, более или менее обеспеченная, достаточно бескорыстная, остроумная, в ней был экзотический шарм. Судейкин ей говорил, что, когда разбогатеет, будет платить ей большие деньги за болтовню, за то, чтобы она развлекала его во время работы. В первый же день знакомства с Сережей Позняковым она предложила ему сделаться ее любовником. «Вы будете 21-й». Сережа, кажется, отказался (ему было 19 лет). Когда я прочла «Плавающие и путешествующие» Кузмина, я даже обиделась за Палладу, мне казалось, что М.А. ее оклеветал[522].

В стихах о «Бродячей собаке» Кузмин писал: «Да!.. Не забыта и Паллада В титулованном кругу, Словно древняя дриада, Что резвится на лугу, Ей любовь одна отрада, И, где надо и не надо, Не откажет, не откажет и не скажет, не могу!»[523].

Я не совсем точно помню последние строчки, но что-то похожее. Титулованный круг состоял из бар. Н.Н. Врангеля, кн. С.М. Волконского,

гр. Берга. А.К. Шервашидзе мне рассказывал, что у Паллады эти милые эстеты говорили такие чудовищные вещи, что даже ему бывало не по себе. Я у нее не бывала. Мужья у нее сменялись за мужьями. Одевалась Паллада безвкусно и провинциально, из-за ушей висели какие-то длинные аметистовые серьги, приделанные к волосам. Но она была очень остроумна, весела, мила, занятна. Когда это было, кажется, в 1912 году, — мы ездили к ней в Павловск: Потемкин, Белкин, Позняков и я, застали ее с Сапуновым на вокзале. Сколько ей лет? Не думаю, чтобы она могла быть много моложе меня. В том же 12-м году зимой в «Бродячей собаке» был костюмированный вечер. Я накинула на голову бабушкины блонды, на плечи надела черный с большими букетами платок, была в черном. Сошло за испанский костюм. Пошли мы туда с Петтинато. Помню, сидела я у окна на каком-то возвышении, на колени ко мне взгромоздилась Паллада, а у ног сидели Гумилев и Петтинато. Было очень весело — с Палладой всегда было весело, все острили, и Петтинато мне потом говорил: «Vouz avez été brillante»[524].

Произошел катаклизм.

Кажется, году в 23-м Паллада вернулась из скитаний по югу. Туда, в аристократическое бегство в Крым, она попала с Дерюжинским, скульптором. Брак этот был настоящим, с венчаньем. Дерюжинский был дружен с Феликсом Юсуповым, у Паллады остались в альбоме от этого полуострова «Цитеры»[525] стихи за подписью ФЮ. Но в эмиграцию Дерюжинский жену не взял. Жила Паллада тогда главным образом гаданьем по руке и на картах, меняла мужей и вернулась сюда, нося фамилию Педда — ? — «акростих из фамилий моих последних пяти мужей».

Встречала я ее редко. Раз утром явилась она к нам на Канонерскую с Гипси (странный тюзовский актер) в голубом, атласном мятом платье — где-то танцевали всю ночь. В 24-м году — я погружена была в кукол в ТЮЗе — она и Борис Брюллов пригласили меня быть третейским судьей или арбитром: бросать ли ему семью (жену и детей) и жениться на Палладе или нет. Он был безумно в нее влюблен. Я ответила, как Соломон или как Санчо Панчо[526]: «Если явилась хотя бы тень сомнения, надо воздержаться». В общем, «dans le doute, abstiens-toi»[527]. Он воздержался.

После моего возвращения из Парижа и переселения в Детское застала ее уже здесь. За это время она женила на себе двадцатилетнего Гросса, «заимела» (как теперь говорят) от него ребенка и превратилась в домохозяйку. Но какую! Прислуги у нее менялись каждую неделю, уходили со скандалами, драками, убегали в форточки. Грязь дома невероятная. Гросс работал, как

вол. Служил, писал, таскал кули из города. Тащил булки, керосин, картошку, все. А Паллада дралась с прислугами, ходила по гостям, волоча за собой измученного четырехлетнего Фитика, и сплетничала, сплетничала. Сплетни носили часто возмутительный характер. Про Стрельникова она пустила слух, что он служит в ГПУ; про Тиморевых, чудесную Юлию Андреевну, что они у нее украли белье! Которого у Паллады вообще не было. Мне ее болтовня доставила честь быть вызванной в ГПУ [в 1931 г.]. Там дознавались, что я знаю о ген. Суворове, эмигранте. О моем знакомстве с Суворовым знать никто не мог, т.к. собственно и знакомства-то не было, но он был мужем Натальи Романовны, двоюродной сестры Паллады, с которой я встречалась у брата Васи, где она с мужем играла в карты и от которой привезла привет Палладе.

Перед Светлой заутреней в этом году я зашла к Гроссу — он лежал.

17 декабря. Пришла В.С. Фигнер с Мариной. Марина — вторая Медея, красотка. 30-го маскарад в школе, Марине нужен костюм. Я надела на нее свою китайку, повойник, и она пустилась в пляс. Они, несколько пар, будут плясать русскую под музыку «Светит месяц, светит ясный». В 26-м году я взяла Аленушку на лето из St Germain, и с русским земгорским[528] детским садом она ездила в Vaux sur mer[529]. П. Потемкин писал для них частушки.

«Мы земгорский детский сад, сад, сад,
Нас здесь сорок семь ребят, бят, бят,
Чтоб с французов взять пример, мер, мер,
Нас послали в Во сюр мер, мер, мер».

Ей было 5 лет. Приехала загорелая, оживленная, пела русские песенки и танцевала запоем. У них ставился спектакль, пели «Снежинки» Гречанинова[530] и «Светит месяц». Это был Аленин коронный номер. Пухленькая, крепкая, она чудесно выделывала все па, особенно как-то округляла ручки, только присядка не удавалась. Всю ту осень у нас с ней было увлечение танцами. Жили мы на rue Cassini в rez-de-chaussée[531], так что Аленушкины пляски не могли никому мешать. Я садилась в глубокое кресло и начинала петь песни, вальсы, всякие танцы, а Алена импровизировала. Под вальс Коппелии[532] шла классика, ручки вверх, одна ножка в воздухе — прямо поза Павловой с наброска Серова[533], и краковяк, и импровизации, и опять все тот же любимый «Светит месяц, светит ясный». «Что ты, что ты, что ты, что ты», — ручки в бочки и спиной к публике. Публика и оркестр — я — искренно веселилась, с Аленой всегда, всегда было бесконечно весело. Глазки горят, волосики

разлетаются, вся розовая, очаровательная. Почему судьба так жестоко немилосердна? И вот я одна, одна, словно в океане одна плыву.

Аленыш, Аленыш, зачем ты меня бросила? Это же нету сил выдержать. Скоро уже 3 года. Три года. И вот живу. И пусто на сердце и больно, больно! И все, кого я люблю, — далеко. Где-то мой бедный любимый Сашок? Задавлен этой толстой бабищей. Боже, как мне тяжело!

Старчаков: «Советскую литературу надо оставить под зябь, и писателей уничтожить, как сапных лошадей. Через 10 лет, не раньше, разрешить писать. Литература у нас заросла бурьяном, здесь пасся Лавренев, Федин, другие; чертополох вырос выше человеческого роста. Под зябь».

Блок по дневникам — незрелый человек. На людях — демон, он приходил домой и записывал: купил колбасы на 10 коп.[534].

У прежних зрелых людей были понятия о чести, долге, ответственности. Теперь и поколение Блока честь заменило совестью, а долг — настроением.

1936

15 марта. Вчера доклад Мейерхольда с сенсационным названием «Мейерхольд против мейерхольдовщины»[535]. Первая часть — корректив к статьям «Правды»[536]. Много блестящих фраз. Гром аплодисментов вызвало: «Советская тематика является чисто дымовой завесой, за которой скрывается посредственность. Нам нужна советская классика, как сказал товарищ Сталин».

А еще смеялись над принципом непогрешимости Папы[537]. Очевидно, народам с потрясенными нервами необходима вера в непогрешимого вождя. У него самого, у народа, нет сил разобраться, война надорвала нервы, здоровье — приятно, что за тебя кто-то непогрешимый подумает. И сомнению не может быть места в такой вере.

Ошельмовали как могли Шостаковича[538]. Вчера это была реабилитация. Знаменитый «сумбур» был заменен экспериментированием. Параллель с агрономом Цициным, которому Сталин сказал: «Экспериментируйте смелей, мы вас поддержим»[539]. Огромный мастер Шостакович, мыслитель. Вот отдельные удачные слова Мейерхольда:

Ход к простоте не легкий. У каждого художника своя поступь, и в поисках простоты не надо этой поступи терять. Не надо смешивать экспериментаторство с патологией.

Необходимо то, что впоследствии должно быть отброшено.

В злых, жестоких заголовках статей «Правды» пафос высоких требований нашей партии, требований повышения вкуса. Все эти статьи бьют по головам критиков, которые пока еще сидят в кустиках, и не знаю, что они там делают...

Между формой и содержанием не может быть разрыва. В трагическом высшая поэзия. Если бы в жизни не было страдания, была бы такая тоска, что мы все бы преждевременно повесились. Мой путь — реализм на базе условного театра.

Охлопков на театральной дискуссии каялся в грехах, он разделся донага, взял розгу и сек себя по заду. Куда же после этого ему идти, как жить?[540]

Я никогда не откажусь от своих принципов, сознавая свои ошибки. И если бы случилась такая невероятная вещь, что я бы отказался от своего пути,

у меня бы осталось в котомке то, что я получил от своего учителя, величайшего мастера К.С. Станиславского. «Avant tout il faut faire de la musique»[541]. По пути Мейерхольд оплевал Радловых, считая С.Э. своим эпигоном.

Вторая часть доклада была менее интересна. Ругал своих учеников, восхваляя себя, а у нас в памяти все его последние неудачные постановки: «Пиковая дама», «Дама с камелиями», «Список благодеяний»[542]. От дискуссии отказался за переутомленностью, а жаль. Как я говорила, так и вышло; все, кто торопился лягать Митю, останутся в дураках, в каких дураках подлец Пиотровский[543].

4 сентября. Вернулась я из странствий[544]. Все мне надоело до последней степени и больше всего сама жизнь. С театром ничего не выходит, негде голову приклонить, без блата ничего не сделаешь, в Госэстраде бестолковщина и тупость. А дома Вася — копия своего отца. По-видимому, влюбился и обезумел, как папаша. Шапорины звереют при увлечении. Девушка мне понравилась, они начали вместе работать. Я целое утро устанавливала им Nature morte, заходила, делала Васе указания. Завтракали вместе, опять работали. Вася стал уговаривать ее остаться обедать. Наташа зашла ко мне в комнату проститься, я подала ей руку и просила остаться обедать. Обедали. Она ушла[545].

Мне страшно за него[546]. Всякий, первая встречная, может из него веревки вить, в искусстве тоже нет никакой твердости. Никакого упорства, никакой энергии — что из него выйдет? У нас дом полон книг по истории, истории литературы и другим отраслям. Вася ничего не читает, ничем не интересуется, интеллектуально, духовно он не живет. В его годы[547]

В нормальное время я бы уехала в Италию и там бы осталась до смерти. Вася пусть устраивался бы самостоятельно.

Если бы я работать хоть могла так, как мне хочется, т.е. довести кукольное дело до настоящего искусства, а то делать в две недели постановки для невзыскательного рынка — это ни к чему.

Аленушка, деточка. Садилась я в трамвай на днях, передо мной вошла в вагон девочка лет 11, мать ей вдогонку давала наставления осторожно переходить улицу. Чем-то девочка напоминала Аленушку. Белокурые волосы, беретик, чуть набок надетый, серое пальтишко. Я все на нее смотрела и очень беспокоилась, как-то она одна пойдет. Но на остановке ее ждала подруга. Они обнялись и весело побежали.

Как-то мы с Аленой должны были ехать к доктору часов в 6. У меня были дела утром в городе, я должна была уехать и просила Ксению довести Алену

до вокзала и посадить в вагон. Я же ее встречу. Как сейчас ее вижу. Важно так идет по дебаркадеру, пальтишко беж с красными обшлагами и воротничком, беретик на головке и красная французская книжка в руках.

А Вася за мое отсутствие отослал Рыжика на бойню усыпить. Бедный кот, которого мы так все любили, которого Алена так любила. Видите ли, у него лезла шерсть, и его тошнило.

Впрочем, Петтинато мне всегда говорил, что я sentimentale et romanesque[548].

В Москве часто виделась с М.В. Юдиной и очень огорчилась. М.В. стала заниматься живописью и рисованием, мечтает сделаться архитектором. Рисунки, а в особенности эскизы, композиции, слабы, наивны. Так можно начинать в 15 лет, но не в 36. Я ей это все сказала, добавив, что всякое искусство требует полной жертвы. М.В. говорит, что музыку она исчерпала всю, карьера и деньги ее не интересуют; чтобы жить, надо плыть к новым берегам, без этого она не может жить. Мне больно. В этом ее порок, червь, который не дает ей выйти в мировые пианисты. Она знает всю музыкальную литературу, но до совершенства еще столько пути. Она говорит: «Смотрите: все эти знаменитости имеют маленький репертуар и с ним ездят всю жизнь по заграницам. Я этого делать не могу».

А из ее живописи ничего не выйдет. Я почти так и сказала ей. Трудно сказать всю правду, когда человек видит в этом свое утверждение.

А.О. Старчаков стал мне жаловаться на старость. «Как вам не стыдно, — говорю я, — словно Тургенев, который с тридцати лет во всех письмах жалуется на свои старческие немощи». — «Тургеневу немножко легче жилось, чем нам, на его глазах друзей пачками не расстреливали», — был ответ. «А до сих пор не замечали-с?»

21 сентября. В Петергофе. Какая красота. Дворец без фонтанов кажется еще лучше, чем когда льются лавины воды. Даже, наверное, лучше. Застывшая сказка, la belle au bois dormant[549]. Все кругом чуждо, видение прошлого, как церковь в Коломенском[550]. А море! Хоть и лужа, а все-таки море, и дух Петра, конечно, витает здесь.

Что будет из Васи? Когда-то, в 14-м году, Даша Квашнина-Самарина в Севастополе гадала Юрию по руке и говорила: «У вас большое дарование, но может выйти, может не выйти». Так и с Васей: у меня такое ощущение, что его надо вести на помочах, не обращая внимания на все его vipères et crapauds[551] (sic!), как мы с Аленой называли его постоянную ругань и ворчанье.

Застала его, вернувшись из поездки, в полном удовлетворении от провала на экзаменах. Они с Наташей вместе будут работать, приглашать модель и т.д. Закатил без меня по случаю провала ужин в 250 рублей, на котором были Никита с женой, Геня и Наташа Князева с сестрой. Веселились до 6 часов утра, ездили ночью кататься на Никитином auto. Я себе ясно представляю, как должно было быть весело без старших и с деньгами.

Я засадила за натюрморт — большой с тыквой и черным слоном. Написал он его прекрасно, дай Бог всякому взрослому, правда, пришлось постоянно выправлять, указывать ошибки. А то, что он сделал на экзамене, не поддается описанию. Убого, абсолютно бездарно, даже догадаться нельзя, что это Васина работа. Непонятно. Испугался, что обвинят в формализме.

Просила Бродского посмотреть его работы. Помогла ему тащить холсты, а затем сидела в Соловьевском сквере и ждала ответа.

Вот я и боюсь. Умри я, кто будет его направлять на правильную дорогу, невзирая на ругань и полнейшее равнодушие?

Когда встанет он морально и интеллектуально на свои ноги? Он еще бóльшая тряпка, чем Юрий. У того все-таки была какая-то дисциплина гимназии, университета, консерватории.

28 сентября. Новый Петергоф. Завтра надо уезжать, и очень жалко, как будто в холодную воду бросаться — в хлопоты, заботы, сутолоку, после полной тишины, полного одиночества, длинных прогулок по берегу моря. Напомнило мне ларинские долгие осени, которые мы проводили с мамой вдвоем, почти не общаясь, осени, наполненные чтением, рисованием, прогулками и мечтами.

Каждый день рано утром иду к фонтанам. Никого нет. La belle au bois dormant. Золотые статуи, благодаря золоту, теряют сходство со своими античными образцами, и мне мерещится дворня принцессы, храпит в розовой нише повар, развалившись, как Вакх, рядом целующийся молодой пажик с фрейлиной, девушка собралась купаться, даже Персея я готова принять за поваренка, зарезавшего курицу[552]. Расцветка деревьев тоже волшебна и пышно-нарядна и дополняет декорацию. Где-то вдали струится какой-то случайный фонтан, шуршат листья под ногами, сыплется золотой дождь листьев. До чего хорошо. И отгоняю все мысли, все думы, и упиваюсь красотой. Когда я вспоминаю всю свою жизнь, единственные минуты настоящего счастья дала мне природа. Она же в прошлом залечивала мои раны. На всю жизнь помню Бретань[553], океан, запущенные часовни, Кермарна — церковь, в которой я просиживала целые дни и рисовала. Часы били вдвойне, где-то в

стене слышались какие-то вздохи, ржавый ключ в полметра величины был в полной моей собственности. Потом Рим в 12-м году. Небо римское, Форум, вилла Madama, Sta Мария in Domnica[554] — чудесная мозаика.

Посмотрела сейчас в окно. Луна. В такую ночь в начале сентября мы с Надей Верховской поехали верхом в любимое наше Погорелое[555]. Липовый парк при луне казался кружевным. Желтая листва казалась белыми блондами. Нас остановили было сторожа, потом узнали ларинских барышень, было нам лет по 17, а помню как сейчас. Ехали назад, над долиной Днепра поднялся густой-густой белый туман. Мы пустили лошадей вскачь, казалось, мы несемся по какому-то фантастическому белому морю, где-то далеко сияет луна, как темный остров вырисовывается вдали сквозь завесу тумана ларинский парк. Мы еще видели друг друга. Ах, хорошо было. Надя Верховская — редкий по одаренности, по художественной чуткости человек. Как мы с ней веселились. Ездила она к нам по летам несколько лет подряд, когда нам было по 15, 16, 17, 18 лет, до ее замужества. У нас не было ни общества, ни кавалеров, и никогда ни с кем я так искренно не радовалась жизни, как с ней. И философствовали без конца. Такая была жажда знаний. Надя часами сидела над перепиской Байрона, она уже тогда прекрасно знала английский. Как она играла Шопена, Моцарта, как пела. Когда я слушала этой зимой Кортó 7-й вальс Шопена, я чуть не заплакала. На нашем старом Шредере[556] Надя так его играла, что впечатление осталось на всю жизнь.

Есть же какие-то горящие, живые люди, как Надя, как Анна Михайловна Жеребцова. И какая-то у меня в сердце к ним благодарность. Но их мало, таких людей.

Как-то раз зафилософствовались мы с Надей до утра. Вообще нашим любимым занятием было встречать восход солнца. Мы вылезали в окошко, влезали на колокольню, бродили по спящему Ларину.

Но в ту ночь мы сидели на крыльце и что-то страшно умно разговаривали. Ночь темнела, потом стало чуть светать, такой предутренний серый жуткий час. «Знаешь, Надя, ведь я не я, а оборотень». Что тут началось! Надя начала хохотать, и хохот перешел в истерику. Я перепугалась, больше всего я боялась, что мы разбудим весь дом, как раз у нас гостили ее братья. Я зачерпнула в бочке воды, отпаивала ее, потащила бедную хохочущую Надежду через забор, в поле. Еле успокоила. Больше уж я ее не пугала.

А в следующее лето я ее ждала, но она не приехала и написала мне письмо: «Для папы я в Ларине, но я уезжаю на Урал. У меня началось увлечение, я думаю, на всю жизнь».

Уехала с Леонидом Викентьевым, своим двоюродным братом. Вышла замуж. Он работал на изысканиях. Нуждались, перебивались. Мало-помалу как-то он выбился из нужды, стал зарабатывать, они нашли квартирку, обставили ее, и тут его свалила болезнь сердца. Повредила ему работа на Севере — он работал на Мурманской дороге, потом Кавказ, в 15-м году всякая надежда была потеряна. Он не мог лежать, не мог двигаться, страдал ужасно и решил покончить с собой. Надя заметила у него под подушкой револьвер. С этой минуты она не отходила от него, спрятала револьвер. У них была в тот день О. Гольман, Надина подруга по гимназии, которая и рассказала мне. Надя сидела у него на кровати. Отвернулась, чтобы что-то сказать Оле, — раздался выстрел.

Ох, жизнь, жизнь, какое бесцельное страдание.

И почему человечество не кричит, не воет сумасшедшим голосом, не бросается в кратеры вулканов? А только режут друг друга, как пещерные люди. И эти замечательные диктаторы как паяцы друг перед другом. Я часто думаю, зачем я пишу. Непонятно, но иначе не могу. Я думаю, от одиночества и от желания делиться мыслями с кем-то близким, родным, таким существом, какого у меня нету.

Прочла здесь первый том хваленых мемуаров De Custine'а. Какой вздор. Не умный, но умничающий, самовлюбленный, поверхностный француз наслушался либеральничающего придворного князя Козловского, кокетничающего своими плевками по адресу родины, и ну ругать все подряд, ничего не зная и не понимая. И сфинксы не настоящие, а копия, и статуя Петра плоха (он не знал, что ее делал Фальконет), и Петербургу быть пусту, и зачем было его основывать, и березы плохи и жидки, «вот бы сюда наши каштаны», и белые ночи неприятны, а уж политический строй и подавно. Раз он не понял роли Петра и Петербурга, с него нечего и спрашивать. А у нас его захвалили, благо он все русское ругал. [Кюстину нравился только Николай I.] Большевикам еще большая свечка поставится за то, что они учат патриотизму русских. Давно пора.

Итак, конец моему мирному житью. Надо приниматься за работу. Что-то получится из моего «Буратино»[557] и из «Царя Салтана» с палешанами[558]?

Да, как-то была у Старчаковых. «Ужасно, никто ничего не пишет. Все только наслаждаются жизнью. Прежде писатели, состарившись, начинали проповедовать. Теперь проповедь не в моде, писатели просто наслаждаются. Старик Шишков сидит в одних панталонах на балконе и кроит какие-то халтурные сценарии, Алексей Николаевич совсем бросил писать, ведь уж

после второй части “Петра” больше двух лет прошло. Так нельзя. Раз ты не проповедуешь непротивления и воздержания — подавай нам художественное произведение». — «Ну что же, Александр Осипович, — говорю я, — очевидно, исполняется ваше пожелание, и русская литература легла под пар, под зябь».

«Алексей Николаевич переделал все свои книги для Детиздата. Они ехали на пароходе — А.Н., Людмила и секретарша — и спешно переделывали “Инженера Гарина”[559], а в стену все время стучал гэпэушник: скоро ли, т.к. должен был срочно отвозить книгу из Нижнего в Москву. Вы представляете себе, чтобы Лев Николаевич взял “Войну и мир” и сказал: “Соня, стриги”».

6 декабря. Сутолока, все время сутолока. И вдруг словно какая-то молния прорежет эту мозговую сутолоку, и вспомнишь так ясно всю Аленину жизнь, все мелочи ее жизни, ее болезней. И плакать так хорошо, слезы смывают все наносное, остаешься сам с собою. Как я ее любила, как люблю. Я по-настоящему в жизни любила только двух человек — Алену и папу, и до боли. Алену еще больней. Девочка моя родная. Четыре года прошло. А как вчера.

1937

30 января. Вчера Петров-Водкин у Белкиных мне шепотом говорит: «Нарочно не поехал на совещание, где надо было высказываться за смертную казнь троцкистам[560]. Так ночью позвонили: “Выскажитесь, — мол, — Кузьма Сергеевич”. — “Валяйте, говорю, конечно”». А за что «высказываются»? — За приговор всему режиму, как государственно-административному, так и партийному. Завивалась вчера у парикмахера. Громкоговоритель начал передавать обвинительную речь Вышинского[561]. Мой фигаро[562] развел руками, наклонился ко мне и шепотом (тоже): «Ничего не понять — всё начальство!» До сих пор в школах учат, что при Николае II был изменник Сухомлинов, это как пример разложения монархического строя. Сейчас сотни сухомлиновых, перед которыми Сухомлинов мальчишка и щенок.

В каждом наркомате наверху по предателю и шпиону. Пресса в руках предателей и шпионов. Все они партийцы, прошедшие все чистки. Божьих коровок, вроде Насакина, вроде Столпакова, ссылали, расстреливали, убивали, а 15 лет на глазах у всех чекистов шло разложение, предательство, распродажа. А то, что еще не говорится на процессе? То, вероятно, еще страшней. А уж самое страшное — это самый факт откровенности подсудимых. Даже ягненок у Lafontaine’а оправдывался перед волком[563], а наши матерые волки и лисы вроде Радека, Шестова, Зиновьева, как ягнята, кладут голову на плаху, говорят «mea culpa»[564] и рассказывают все, как на духу.

Фейхтвангер заинтересовался, почему такая откровенность, — наивник![565] А гипноз на что?

Вот тут и вспомнишь ту бумажонку, которую в 17-м году показывал мне Логвинович в Вязьме[566]. Все в ней было понятно, непонятно только было в этом плане, как можно социализировать землю, раздробить, а потом вновь восстановить частную собственность, для перехода ее в новые, уже сионские руки. И вдруг оказывается, что у господина Троцкого уже все предусмотрено, готово, аппарат налажен. Потрясающе. Но, как всегда у евреев, недодумано. Вот умный народ, а всегда недодумано, и всегда они срываются. Устраивают свои великие комбинации, забывая о хозяевах. Мардохей надеялся в три дня всех персов перерезать, племянницей пожертвовал для этой

цели, и ничего все-таки не вышло[567]. И так всегда. Россию задумали скушать, благо свинский народ. Подождите, голубчики, еще русский народ себя покажет. Русский народ, создавший такие песни, такую музыку. Где возможны такие явления, как палешане[568]?

20 мая. Едет человек на велосипеде или мотоцикле, свалится на всем ходу, а колеса машины все крутятся и крутятся в воздухе.

Я всегда напоминаю себе эти колеса, крутящиеся после остановки машины. Хочется тишины в голове, а там все кутерьма, отрывной календарь кукольного театра.

Хочется молиться, просить покоя, а мысли бегут без остановки. Тяжело.

27 августа. Гляжу на Алену в гробу, гляжу, гляжу и все яснее вижу ее живую, теплую, родную. Она, конечно, благую часть избрала[569]. Она не видела горя, разочарования, несчастий. Она всегда ощущала мою бесконечную любовь к ней, я ее охраняла от всяких огорчений, кроме Васи. А что готовила бы ей жизнь? Нежная, чуткая — как бы ей жилось? Что ее ждало? Боже мой, как бы мне хотелось верить в бессмертие духа, во встречу там, дальше. Алена — все. Ужасно чувствовать, что счастья быть уже не может. Совсем. Я могу быть довольна, радоваться, но быть совсем счастливой — никогда, никогда. А сейчас мне все время кажется, что я хожу среди картины Брюллова «Гибель Помпеи». Со всех сторон падают колонны одна за другой, им нет конца, женщины с ужасом в глазах бегут.

Бесконечное утомление.

И кукольный театр — спасенье. И Палех. Как мне посчастливилось, что я встретилась с этими людьми, с этим неправдоподобным, сказочным явлением. Хочется опять туда поехать. Еще раз увидеть это пронесенное через столетия простыми мужиками искусство. Вот это все было бы близко Алене. Ей было бы сейчас 16½ лет — красавица была бы. И я совсем, совсем одна. Одна-одинешенька.

10 октября. У меня тошнота подступает к горлу, когда слышу спокойные рассказы: тот расстрелян, другой расстрелян, расстрелян, расстрелян — это слово висит в воздухе, резонирует в воздухе. Люди произносят эти слова совершенно спокойно, как сказали бы: «Пошел в театр». Я думаю, что реальное значение слова не доходит до нашего сознания, мы слышим только звук. Мы внутренно не видим этих умирающих под пулями людей. Называют Кадацкого, Вительса — певца, только что певшего на конкурсе, Наталью Сац — директоршу московского ТЮЗа. И многих других. А потом совершенно непонятные по жестокости высылки жен арестованных[570]. Физик Фреде-

рикс выслан во Владимир, в концлагерь — жена, Маруся Шостакович — в Алма-Ату. Малаховский еще не выслан, про него ходят страшные слухи, от которых зажимаешь уши, а жена уже в Алма-Ате и оттуда уже высылается в район, т.е. в голую пустыню.

Жизнь Евгении Павловны <Старчаковой> — жизнь мышонка, над которым сидит кошка и выжидает момент, когда прикончить.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю...
<...>
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог[571].

Я из этих «счастливцев», но такое состояние — бездны мрачной на краю — утомительно. Смертельно утомительно. Ходишь по кладбищу со свежевырытыми могилами. Кто туда упадет, не упадешь ли сам? И так это уже обыденно, что нестрашно. Куклы — убежище. Сказка. Живая сказка.

Господи, помилуй живых и упокой мертвых.

22 октября. В ночь с 21-го на 22-е я проснулась около трех часов и не могла заснуть до шестого часа. Трамваев не было, на улице было совсем тихо, изредка проезжала машина. Вдруг выстрел пачкой. Минут через десять опять. Стрельба пачками с перерывами в десять, пятнадцать, двадцать минут продолжалась до начала шестого часа. Пошли трамваи, начался шум. Я отворила окно, слушала, откуда шли эти выстрелы, что это могло быть? Звуки были не фабричные, это была стрельба. Где? Рядом Петропавловская крепость. Стрелять могли только там. Расстреливали? Не учение же от 3—5 утра. Кого? Зачем? Это называется — предвыборная кампания[572].

И сознание в нас так притуплено, что впечатления скользят, как по лакированной поверхности. Слушать целую ночь расстрел каких-то живых и, вероятно, неповинных людей — и не сойти с ума. Заснуть после этого, продолжать жить как ни в чем не бывало. Какой ужас.

В Ярославской губернии, в тех местах, где мы жили, арестованы все священники, псаломщики, церковные старосты, все, кто имел какое-нибудь отношение к церкви, пастухи и пр., пр. В Детском Ирина пришла из школы и говорит: «Нам сказали, что сейчас идут массовые аресты. Надо устранить перед выборами нежелательные элементы!»

2 ноября. Нет сил жить, — если вдумываться во все, что творится вокруг. «Pas de forces»[573], — как писала Лидия Ивановна о Васе.

29-го я возвращаюсь с работы, открывают мне дверь и на меня сразу бросаются Наташа и Вася — Евгения Павловна арестована, Ира у нас. На Ирине лица нет. Глаза распухли от слез так, что их и не видно, вокруг глаз словно кровоподтеки.

Она была в школе, ее вызвали. Евгения Павловна успела только с ней проститься и сказать, что ей объявлен приговор: 8 лет принудительных работ, обвинение: жена врага народа (без суда и следствия, следствие заочное). Мара страшно плакала. Еще сказала Евгения Павловна: поезжай к Любови Васильевне. Ирина бросилась в Ленсовет, раздобыла пропуск к прокурору Шпигелю, ворвалась, по ее выражению, к нему, рассказала все. «Как же мы будем жить без мамы?» Шпигель ей ответил: «А как же живут испанские дети? Обвинение и арест правильны, пусть она едет к бабушке в Москву; может быть, бабушка и сестренок возьмет. Дней пять мы обождем; если ты их не устроишь, мы об них подумаем».

Но подумали они о детях сразу, и в 6 часов вечера из НКВД приехали в Детское, забрали малышей и отвезли в детский распределитель НКВД, Кировский, 66. Когда мне это сказали по телефону, я обомлела. Мы там несколько раз давали спектакли, и педагоги рассказывали о детях. Это беспризорные, преступники. Есть дети с бесконечным количеством приводов. Есть убийцы.

Как быть? Мара с больным сердцем. Несчастные девочки, что они должны были пережить! Утром увезли мать, а затем приехали и повезли их почти что тоже в тюрьму. Ирина была потрясена, хотя я и пыталась ее уверить, что там неплохо. «Я ничего не понимаю, мне кажется, что все это сон. Утром еще у нас была семья, а сейчас нет ничего, все разлетелось».

Как должна девочка все это пережить. Но Ирина оказалась совсем не заурядным ребенком. Она проявила за эти дни недетскую энергию.

В тот же вечер мне позвонила Н.И. Комаровская, она была в Детском после увоза детей, впечатление на нее все это произвело ужасное, квартира — как после покойника. Она советовала как можно скорей забрать и спрятать все мелочи.

Ирина в три дня выхлопотала, чтобы ей оставили все оставшееся имущество. Шпигель вторично ее не принял, но направил ее к следователю НКВД. Тот послал к ней другого, который на своей машине съездил с Ирой в Детское, снял печать в комнате, передал все имущество, к невероятному удивлению прислуги и жильцов. 2 <ноября> мы с ней пошли на Кировский, 66. Начальник дома сразу же и с удовольствием согласился передать мне детей.

«Вы им кем приходитесь?» — спросил он меня. «Никем, соседка». — «А дети вас знают? Может быть, они не захотят к вам идти?»

На другой день дети были у меня[574].

Старчаков был арестован в начале ноября 36-го года. Передачу то разрешали, то запрещали. Отношения между ним и Евгенией Павловной были очень тяжелые.

Я понять никак не могла, как такой блестяще-остроумный и умный человек мог быть дома таким грубым, отвратительно некультурным. Стоило ему выпить, как его ревность срывала с него все цепи внешней воспитанности. Ревность, ни на чем не основанная.

Перед самым арестом они были у Попова. Гаврило проводил их до дому. Как только они вошли домой, А.О. схватил том Шекспира и изо всех сил бросил его в лицо Евгении Павловне. Кровоподтек занимал половину лица. И не только в пьяном виде был он груб, как зверь. Дней пять еще он продолжал ее ругать самыми площадными словами и избивать.

После ареста, через месяц, начались у Е.П. другие мучения: стали поступать повестки ко взысканию алиментов по его какой-то старой связи, авансов по договорам, имущество описали.

Все это все более и более ожесточало ее против него.

Не так давно она мне говорила: «Знаете, я иногда думаю, какая я гадина, что не помогаю Александру Осиповичу, бросила его на произвол судьбы, но ничего у меня нет к нему, кроме страшного озлобления».

1 августа с нее взяли подписку о невыезде и сократили со службы. Работы она нашла, у нее была своя машинка.

Арестовали, делали обыск, нашли детские письма, письмо Мары из больницы — зачем храните вы все это барахло; узнав, что дома больной ребенок, вернули паспорт. Е.П. написала Сталину — без последствий. А 29 октября взяли и немедленно выслали. В январе бабушка Ирины получила от Е.П. письмо из Томского концентрационного лагеря, письмо бодрое, насколько возможно, с просьбой выслать посылку и денег.

Я купила все просимое, собрали старые вещи, послала от имени Мары. Послала деньги 80 рублей (полагается 20 рублей в месяц), и с тех пор ни ответа, ни привета.

[Дети рассказывали: «Когда взяли маму, мы очень плакали. Потом пошли гулять. Вдруг прибегает Валя и говорит, что за нами приехали дяденька и тетенька. Я (Мара) ни за что не хотела ехать, я плакала и убежала в другую комнату. Но тетенька все уговаривала, говорила, что у них в школе очень

хорошо и дети хорошие. Повезли нас в легковом автомобиле — маму тоже увезли на легковом, не на таком черном вороне[575], как Вэту Исаевну Долуханову-Дмитриеву. Там были очень хорошие две девочки Искра и Светлана Рязанцевы. Их маму тоже арестовали, но с ней оставили их братишку шести месяцев. Мы спали в одной кровати и вечером плакали».

Я только сегодня решилась их расспросить об этих первых днях их сиротства.

Они, верно, и сами не сознают того потрясения, которое пережили в те дни, в 7 с половиной и 9 с половиной лет. А сколько таких][576].

15 ноября. Ира позвонила в НКВД следователю Монахову: где мать, т.к. ни в одной тюрьме ее не нашла. Монахов ответил, что она уже выслана, но куда, он еще не знает. На этот вопрос ей может ответить прокурор.

20 ноября. Ира пошла к прокурору Шпигелю, взяв накануне к нему пропуск. У нее все горло было в налетах и повышенная температура.

Шпигель ее выгнал: «Нечего тебе валандаться, а то мы тебя в детский дом отдадим».

21 ноября. Играли в филармонии 5-ю симфонию Шостаковича[577]. Публика вся встала и устроила бешеную овацию — демонстрацию на всю ту травлю, которой подвергся бедный Митя. Все повторяли одну и ту же фразу: «Ответил, и хорошо ответил». Д.Д. вышел бледный-бледный, закусив губы. Я думаю, он мог бы расплакаться. Из Москвы приехали Шебалин, Александр Гаук, одного Шапорина не было. Можно ли быть более неорганизованным человеком, чем бедный Шапорин. И Вася, увы, такой же.

Встретила Попова: «Знаете, я стал трусом, я трус, я всего боюсь, я даже ваше письмо сжег». В этом письме, между прочим, в конце я писала: «Евгении Павловны нет больше в Детском, а Галя и Мара у меня!» Безумно страшно! Наталья Васильевна мне говорит: «Какая вы умница, что взяли детей. Если бы не наш дом (правительства), я бы взяла одну из девочек». Н.И. Комаровская: «Если бы не мое сердце...» и т.д.

22 ноября. Счастливые обыватели. Просыпаюсь утром и машинально думаю: «Слава Богу, ночью не арестовали, днем не арестовывают, а что следующей ночью будет — неизвестно».

Всякий, как Lafontaine'овский ягненок, имеет все данные быть схваченным и высланным в неизвестном направлении. Хорошо мне, я отношусь к этому абсолютно спокойно и равнодушно. Но ведь большинство же в невыразимом страхе.

12 декабря. Quelle blague![578] Я вошла в кабинку, где якобы я должна была прочесть бюллетень и выбрать своего кандидата в Верховный Совет[579]. Выбирать — значит иметь выбор. Мы имеем одно имя, заранее намеченное. В кабинке у меня сделался припадок смеха, как в детстве. Я не могла долго принять соответствующе спокойный вид. Выхожу — идет Юрий с каменным выражением на лице. Я подняла воротник до глаз — было невероятно смешно.

На дворе встретила Петрова-Водкина и Дмитриева. В.В. <Дмитриев> говорил о чем-то постороннем и дико хохотал. Стыдно ставить взрослых людей в такое глупое, невероятно нелепое положение. Кого мы обманываем? Мы все хохотали. А эти кабинки с фиговыми лепестками из красного кумача!

Во всех учреждениях происходили проработки положения о выборах. Ставился вопрос: имеете ли вы право, получив бюллетень, уйти домой, чтобы обдумать, кого избрать. Ответ был таков: конечно, имеете право пойти домой, посидеть часа два, дабы всесторонне обсудить вопрос, и затем уже вернуться и опустить бюллетень в урну.

16 декабря. У Юрия был Лозинский, обсуждали «Куликово поле», читали предание о Дмитрии Донском, которое у меня от папы[580]; Лозинский будет вносить поправки и добавления. Юрий играл и пел.

Музыка замечательная. Мы все ушли, и я слышу, как Юрий ему говорит: «“Куликово поле” будет частью исторической трилогии: “Поле”, “Декабристы”, Симфония».

Он повторял мои слова. Из Харькова я ему написала очень серьезное и убедительное письмо о его работе, его миссии.

Читая «Предание», сцену гадания Волынца[581], убедились, что именно эта вещь вдохновила Блока. «Зарницы землю стерегут»[582].

1938

6 <марта>. Вчера утром арестовали Вету Дмитриеву. Пришли в 7 утра, их заперли в комнату, производили обыск. Позвонили в НКВД: «Брать здесь нечего». Вета, прощаясь с Танечкой (4 года), сказала: «Когда вернусь, ты уже будешь большая».

Мои девочки (Мара и Галя) гуляли во дворе, видели, как Вету посадили в черного ворона. Вернулись в слезах. Арестована Анисимова (балерина).

Мне просто дурно от нагромождения преступлений по всей стране.

Морлоки[583] хватают своих жертв, жертвы исчезают, очень многие бесследно: Старчаков, Миляев, Женин отец; старый 77-летний Нечай — царскосельский старый лакей, поляк, у которого в Польше души живой не осталось. Кому это нужно?

Евгения Павловна в Томске: томская тюрьма, спецлагерь[584]. Кому могла быть опасна эта несчастная женщина, которая так воспитала своих детей, что от них, потерявших отца и мать, я не слыхала ни одного слова ропота? Длится еще испуг. Мара как-то сказала, читая «Буратино»[585]: «Как это Папа Карло не знает, где счастливая страна? Я думала, что все знают, что это СССР!»

11 марта. Евангелие от Марка, гл. 5, ст. 5. И вьну нощь и день во гробех и в горах беять вопия, и толкайся камением. 6. Узрев же Иисуса издалеча, тече и поклонися ему. 7. И возопив гласом велием, рече: что мне и тебе, Иисусе, сыне Бога вышняго, заклинаю тя Богом, не мучи мене. 8. Глаголаше бо ему: изыде душе нечистый от человека. 9. И вопрошаше его: что ти есть имя. И отвеща глаголя: легеон имя мне, *яко мнози есмы*. 10. И молиша его много, да не послет их вне страны. 11. Беять же ту при горе стадо свиное велие пасомо. 12. И молиша его вси беси, глаголюще: поели ны во свиния, да в ня внидем. 13. И повеле им абие Иисус. И изшеде дуси нечистии, внидоша во свиния: и устремися стадо по брегу в море, бяху же яко две тысящи и утопаху в мори.

Великий, великий Достоевский![586] Мы сейчас видим наяву все великое стадо нечистых, вселившихся в свиней, видим так, как никогда еще в мировой истории никто не видал.

Люди всегда во все века боролись за власть, устраивали перевороты. Робеспьер истреблял всех инакомыслящих, но *никогда* еще в мире эти боров-

шиеся между собой люди и партии не старались уничтожить свою родину. В течение 20 лет все эти члены правительства устраивали голод, мор, падежи скота, распродавали страну оптом и в розницу. А вся эта инквизиция Ягоды? Хорошо то, что мы читали в газетах, а каково то, чего нет в газетах. И почему я так все это чувствовала и говорила о своих прогнозах Васе. Теперь он руками разводит. А Ежов — этот еще почище. Надеюсь, что и дальнейшие мои прогнозы сбудутся и король останется голым.

В Москве все в такой панике, что мне прямо плохо стало. Как бабы говорят, к сердцу подкатило. Адвокатша, Ирина тетка, говорила, что каждую ночь арестовывают по два, по три человека из коллегии защитников. Морлоки. 21 декабря арестовали, а 15 января выслали в Читу нашего театрального бутафора, глупенького Леву. С таким же успехом можно арестовать стул или диван. Выслан без следствия. Когда 1 февраля Лида пришла с передачей, ей сказали: 15-го, Чита. Уж никаких статей теперь не говорят, чего стесняться в своем испоганенном отечестве.

Когда читаешь о всех этих непонятных убийствах Горького, Макса, умирающего Менжинского[587] и т.д., непонятно, зачем и кому нужны были эти люди. Им был нужен и был опасен только Сталин, да еще Ворошилов и Каганович, теперь Ежов. Сто раз они их могли убить, отравить, сделать все что угодно, и даже покушений не было. Как это понять? И где правда и где ложь? И на чью мельницу вся эта вода? Я думаю — Гитлера, может быть, и Чемберлена, т.к. Англия должна всегда tremper dans toutes les vilenies[588], где пахнет наживой.

Но жить среди этого непереносимо. Словно ходишь около бойни и воздух насыщен запахом крови и падали.

И через все это смотрят на меня глаза Орантос-Богородицы с чудесной мозаики Киевской Софии[589]. Хорошо бы еще раз съездить в Киев весной. Смотришь на эту красоту и забываешь бесов хоть на минуту.

21 марта. Звоню к Е.М. Тагер. Мне отвечают, что у нее очень высокая температура. Я знала, что у нее ангина. После целого дня мытарств по Госэстраде, трех поездок в Смольный к Грибкову, голодная и усталая подымаюсь к Тагер. Отворяет Маша, я вижу: дверь в комнату Е.М. непривычно открыта. «Мамы нет дома». — «Где же мама, в больнице?» — «Нет, не в больнице, маму взяли НКВД».

19 марта пришли в 11 часов вечера, обыск был до 6 утра, перерыли все. Старая тетка говорит: «По-моему, искали оружия, ощупывали все пальто на вешалке, платья. Ничего не нашли». Взяли письма Е.М. к отцу, писанные

больше 20 лет тому назад, письма очень интересные, она хотела рассказ написать, повесть одной семьи. [Арестован и Заболоцкий.] Взяли старую библию; тетка попросила оставить, ответили: незачем, религия дурман для народа!

Остались две древние старухи 73 и 77 лет, мать глухая и тетка, и 13-летняя Маша. Что с ними будет? Я мечтала схитрить, получить разрешение на «Ваську»[590] из реперткома и деньги за него для семьи из бухгалтерии. Получила бы тетка по доверенности. Но не тут-то было. Когда я вчера пришла с невинным видом в репертком, Павловская уже все знала. Я так свыклась с мыслью ставить «Ваську», так погрузилась в Новгородскую историю, и вдруг все пошло к черту. Морлоки. Ощущение, что меня вышибли из седла.

24 марта. «Но песня, — песнью все пребудет». А. Блок[591].

Да, песни наши — утверждение России — и врата адовы не победят ю[592].

13 апреля. Проходила на днях мимо бывшего дворца Кшесинской — на нем plaque mémoriale[593]: «В этом доме с такого-то марта по такое-то июня 17 года заседал штаб» и т.д.[594] Я подумала: «Une grue royale a été remplacée par un tas <de> prostituées»[595]. Каким небесным невинным ангелом кажется очаровательная Кшесинская рядом со всеми этими немецкими шпионами, как их величают на процессах.

Ни о ком из арестованных ни звука. Они пропадают, как в Лету, как в могилу. И это молчание вокруг исчезнувших живых людей ужасно.

Мать Анисимовой понесла дочери деньги, передачу. Деньги не приняли: «Ваша дочь в больнице, придете в следующий раз, если выйдет из больницы, передадим».

Сколько несчастная женщина ни хлопотала, ничего не узнала. Каменная стена.

Меня страшно беспокоит лето. Детей Старчаковых надо везти в Детское — с кем их оставить? Мне самой надо ехать с театром на два с половиной месяца. Это единственный способ заработать на отпуск, а не отдыхать я больше не могу, мои силы приходят к концу. Я вот сегодня лежу, голова кружится, сердце болит, и ни мысли в голове. У меня дома нет угла, живу я с девочками в одной маленькой комнате, вечером мне не дают уснуть Вася с Наташей, утром будят младшие. Мне нужен отдых, и как можно скорей. Неужели не дотяну? Безумно интересует развязка. Чем кончится борьба двух миров?

18 апреля. Была в церкви у Знаменья (в Детском) и утром, и вечером. Как люблю я великопостную службу, какие чудесные слова. Человек прежде мог

делаться чем угодно, но в детстве он слышал, он учил эти слова: «Даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков»[596]. Если бы Вася вник в эту молитву, мог ли бы он быть таким недоброжелательным ко всем, так злорадствовать всякой чужой неудаче?

Закрыли почти все церкви.

В Ленинграде остались Никольский собор и Кн. Владимира[597], греческая[598], Андреевский обновленческий[599]. Здесь осталась одна. Большинство священников выслано. По-видимому, религия внушает большой страх, или это масонская ненависть ко Христу?

Я хочу заказать Коноваловой барельеф Алены, сделать его на мраморном белом кресте. Я перевезу Алену и маму на Александро-Невское кладбище Никольское[600] к дедушке. Поставлю памятник Алене и завещаю, чтобы меня положили у ног Аленушки и на подножии креста выгравировали слова: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...» Как хороша эта молитва — вопль человеческой души: «и одежды не имам да вниду вонь»[601].

Коновалова рассказывала со слов Ф.Г. Беренштама, что последними словами Кони была просьба поставить на его могиле деревянный крест. Несколько лет тому назад Ф.Г. поручил Коноваловой вырезать этот крест в русском стиле, Дом ученых[602] хотел поставить его в какую-то годовщину смерти Кони. К.П. сама не смогла до конца довести работу, т.к. в квартире Беренштама, где она работала, кто-то заболел скарлатиной. Докончил старичок резчик.

Но крест так и не поставили[603].

Вася часто возмущается, что я не хожу в кино, в театр. По ним, по современной молодежи, впечатления скользят, не доходя до сознания. С детства они привыкли к ужасу современной обстановки. Слова «арестован», «расстрелян» не производят ни малейшего впечатления.

А каково нам, выросшим в Человеческой, а не звериной обстановке; впрочем, зачем я клевещу на бедных зверей.

Мне непонятно вот что: Ягоду расстреляли, и он, и его поступки, и его приспешники опорочены. Казалось бы, логически рассуждая, все высланные им ни в чем не повинные люди, вроде сотен тысяч дворян, высланных в 35-м году за смерть Кирова (убитого Ягодой), должны были бы быть возвращены.

Выходит как раз наоборот. Сейчас все, отбывшие свои 5 лет или 3 года, получают еще столько же и ссылаются много дальше. Как это понять? К. Тверской, Иванов-Разумник, П.И. Нерадовский с больными ногами.

1 мая. Нас начинают опять обучать выборам в РСФСР. Для чего расходуются на это огромные деньги и вся бумага, которая есть в стране, не понятно. Кого мы хотим обмануть? Говорил нам пропагандист о 1 мае, и я вспомнила очень забавную историю. Не помню, в каком году могло это быть — 1902, [190]3, — не помню. Мы тогда жили в Вильно, и у Скосыревых должен был состояться домашний спектакль. Mme Скосырева, рожденная гр. Маврос, в первом браке гр. Симонич, продвигала мужа, отставного драгуна М. Скосырева, строила ему карьеру, и спектакль и вечер были для губернатора фон Валя.

Играли «Мышонка» («La souriceau») — не помню автора. Я, как младшая из исполнительниц, натурально играла старшую — добродетельную Клотильду, моей воспитанницей была Ната Кузьмина-Караваева. Спектакль состоялся в начале мая, но, увы, фон Валь не приехал, заболел. Оказалось, так говорили злые языки, 18 апреля, по новому стилю 1 мая, было арестовано много рабочих из-за забастовок, все они были заперты во дворе полицейского управления. Туда приехал Валь и собственноручно избил рабочих «по морде». На другой день у него распухла вся физиономия и сделалась рожа! Его терпеть не могли и злорадствовали.

P.S. Леля, у которой замечательная память, рассказывает это иначе: 1 мая евреи-рабочие пустили по Немецкой улице козу с привязанным к рогам красным флагом. На нее полиция устроила облаву, а также на всех рабочих, бастовавших по случаю 1 <мая>. Их всех загнали во двор полицейского участка и устроили сечение розгами, предварительно вызвав доктора Михайлова; доктор должен был осматривать рабочих перед экзекуцией и давать разрешение. Валь присутствовал и якобы помогал. Михайлова после этого куда-то заманили и высекли[604].

Огорчает меня Вася, да и Наташа тоже. Бессердечность этого юноши беспредельна. Живут они как rentiers[605], работают очень исподволь, ничем серьезным не интересуются, самообразованием не занимаются. Он ничего не достигнет, потому что это не работа. Прежде он меня слушался, ругался, но исполнял мои советы. Теперь стоит мне что-нибудь ему сказать, Наташа восстанавливает его против меня, и я выслушиваю от него какие-то чудовищные вещи, то, что мы с Аленой называли des vipères et des crapauds[606].

Единственным утешением дома являются дети, чужие дети, такие ласковые, культурные и хорошие.

Вася совсем не умеет рисовать, и ведь он уже 5-й год работает, а наброска сделать не может.

13 июня. Была сейчас у Манизеров. Показывала мне Е.А. большой альбом с фотографиями детей с самого их рождения и всей семьи и даже собаки. Дом — полная чаша. Мучительно мне больно, что у нас нет того, к чему я привыкла с детства, чего нет у Васи и не было и у Алены, — уютной семьи с папой и мамой, со спокойной жизнью, с bien-être'ом[607]. Что всегда мы живем в обрез, Вася не одет, не обут. Отец никакого интереса к сыну не проявляет. Абсолютно никакого. С января Ю.А. сюда не приезжал, вызвал детей к себе и ни разу с ними не поговорил. Ходил гулять и молчал. Был в Москве концерт Мити Шостаковича — Юрий их не взял с собой. Хватает нам денег, работает ли Вася, как работает, для него интереса не представляет.

Тяжело. Ютимся мы в этой крохотульной мещанской квартире, где вздохнуть нечем, откуда-то ползут клопы, летят стаи моли, нет воздуха, пространства, зелени.

3 июля. Среди Алениных бумажек есть одна замечательная: написанное к самой себе письмо от 12.XI.29 года — ей было 8 лет. Сверху: «Посмотри утром сегодня для денег. Алена Ш.». Внутри: «Мне надо 10 коп. для копилки, который у мамы в секретном ящике и еще попроси у нее дать мне 5 или 10 коп. чтоб положить в копилку когда я ее куплю, я попрошу у Аннушки 4 коп. на конфеты. Алена».

И все это будет сожжено или брошено в помойное ведро в день моей смерти. И карточки Аленины, все, все дорогое, ее волосы, у которых до сих пор живой запах.

Прежде вещи хранились из поколения в поколение, сохранялись архивы, создавалась история. Теперь сегодняшний день отрицает вчерашний, сегодня расстреливают вчерашних вождей, все вчерашнее уничтожается и в умах молодежи. Папа приучил меня болезненно чтить все эти бумажонки, записочки вчерашнего дня. Он всю жизнь проносил в бумажнике Наденькину карточку, ее волосы, Васины письма, и я храню их. Если бы Вася Яковлев был здесь, но каков-то младший Вася?

Алена моя родная.

Я как-то стала думать, почему я нигде почти не бываю, к себе не зову, почему я живу как-то вроде как на поезде. И вдруг я поняла очень ясно, что с момента смерти Алены у меня пропал всякий вкус к жизни. Я не живу, а только доживаю. И люди меня стали мало интересовать. Только когда они в несчастье, хочется помочь, они становятся ближе. С Аленой ушло самое главное в жизни, радостная связь с жизнью порвалась навсегда. Может быть, если

бы Вася был добрый, ласковый, если бы я чувствовала его любовь к себе, было бы иначе. Но он такой холодный.

Алена, Алена, родная моя, вся моя радость, весь мой свет.

Да и вся жизнь кругом одно сплошное несчастье.

30 июля. Туапсе. Из окна на темном южном небе горит Медведица. С детства люблю ее, какая-то веха в воспоминаниях. Ларино, балкон в сад, пахнет табаком, розами, резедой. Кругом высокие ели, дальше парк. Сколько воды, сколько крови, сколько слез утекло с тех пор. Боже мой, Боже мой!

В Риме Медведица низко опустилась над Пинчио[608], как-то хвостом вверх. Стою на Piazza di Spagna[609], смотрю на нее, а кругом реют летучие мыши. Это 1912 год. Потом папина смерть. Война. В 17-м году Саша после плаванья в Японии попадает в Мурманск. Я ему писала, чтобы всегда, когда перед ним встанет Медведица, он думал обо мне, — я всегда думала о нем. В Париже на Avenue de Versailles, в первый год моей жизни там, в 1924—25 годах, когда я бежала от Юрия, от горя, над моим 7-м этажом стояла Медведица.

Сегодня я весь день под впечатлением, казалось бы, пустякового доклада, сделанного коллективу нашего театра местным докладчиком. Белокурый молодой еще человек с довольно правильными чертами лица — высокий лоб, светлые, стальные, искрящиеся изнутри глаза. Доклад о комсомоле по случаю исполняющегося 20-летнего юбилея.

Он начал говорить, и выяснилось, что говорить-то он не умеет вовсе. Он говорил так плохо и на таком некультурном языке, что наши стали фыркать и с величайшим трудом удерживались от хохота. Такие фразы: «съезд юношеской мóлодежи», «юношеская мóлодежь», «ожесточенная борьба мóлодежи с капитализмом», «мóлодежь принесет подарок к 20-летию своей родине-матери»; «Н. Островский вел гражданскую войну на кровати» — и ainsi suite[610]. Я боялась, что кончится дело скандалом. Но он быстро кончил и сказал: а теперь я скажу о себе: в 1921 году, 17 лет, я пошел добровольцем на Афганскую границу. Англичане вооружали бандитов. Выучился управлять пулеметом Льюис, ходили банды в 1000, 2000 человек.

16 октября. В поездку наш театр выехал 2 июня. Пианист наш Виктор Литвинов не мог выехать из-за зачетов; выехал только 22 июня. В 7 часов вечера он зашел ко мне за билетом и очень радостный ушел. 2 или 3 июля мне звонит Гусев-Оренбургский (спец. часть Госэстрады), спрашивает о Литвинове и просит приехать. Целый час допрашивал он меня о нем. Давно ли работает, кем рекомендован, как себя ведет, пьет ли, курит, кто к нему

ходит, что читает, *рисует ли*, есть ли у него фотоаппарат, хороший ли пианист. Я очень подробно описала Литвинова, его страшную рассеянность, чудаковатость, добросовестность в работе, скромную жизнь. Рассказала некоторые случаи: ему было назначено мной прийти в Госэстраду на Чайковского для репетиции с Бочаровым, а он, вспомнив, что год тому назад он играл в просмотровом зале в Комитете, пошел туда. Мы ждали его внизу, а он ждал нас в течение двух часов наверху. Когда дело дошло до: рисует ли и имеет ли фото — он и не рисовал и аппарата не имел, — я поняла, что тут уж пахнет обвинением в шпионаже. Когда все вопросы были исчерпаны, Гусев сказал: «А теперь помните: я вас ни о чем не спрашивал и вы мне ничего не говорили. Так вы говорите: он очень хороший пианист?» Я ушла и поняла, что не надо было хвалить бедного Виктора. 5 июля пришло письмо от <1 нрзб.>, что Литвинов до сих пор не приехал. Человек бесследно исчез.

Когда я вернулась, я обратилась опять к Гусеву с вопросом, не арестован ли Литвинов? «Не спрашивайте и не ищите, все равно концов не найдете».

Юноша перешел на 5-й курс у Миклашевской, теперь вся жизнь разбита. Я предполагаю, что он в Москве или в Новороссийске забрел куда-нибудь в запретную зону по близорукости и рассеянности. Его сцапали — нужен был пианист. Человека загубили. Mittelalter[611]. Я больна. И по собственной глупости. Помню, в нашей ларинской тройке левой пристяжной был Васька. Он тянул так, что из сил выбивался, а постромки у его партнера справа, — постромки висели совершенно свободно. Я вот, как Васька, тяну даже и тогда, когда совершенно не нужно. Зачем, например, я просидела здесь весь июнь, хлопоча о помещении и книге? Когда я вернулась, на всех местах сидели новые люди, а старые за полтора месяца забыли обещания. В наши дни можно хлопотать только с сегодня на завтра, да и то... Ни у кого нет ни слова, ни честности, ни заботы о настоящем.

Я опять не отдохнула, переезд еще утомил[612], и окончательно подкосила Васина грубость и бессердечность. Его отношение ко мне — это что-то неописуемое, и Наташа, увы, его еще хуже настраивает.

Прежде, когда мне бывало плохо с сердцем, он делался очень заботлив, беспокоился, звал доктора. Теперь он даже не заходит ко мне в комнату. Если бы не Ника (Зуев), я бы жила в полном разгроме, без электричества. У меня не повешена штора, из окон напротив все видно, я прошу повесить шторы. Тщетно. А до чего он может договариваться, не поддается описанию. Например: «Вот ты одеваешься, а мы ходим голые!»

Только что ему сделали новый костюм, брюки, Наташа оделась, как кукла, а мой зимний гардероб состоит из рваного, в заплатах костюма и черного вечернего платья. Переменить нечего.

Они с Наташей настаивали, чтобы я прописала к нам живущую в другом месте Наташину тетку. Я не люблю никакой fraude[613] и отказала, направив их за решением вопроса к Юрию Александровичу, на чье имя записывается квартира. Были дикие крики и такой выпад: «Конечно, ты взяла детей, не спрашиваясь у папы, потому что ты хотела прославиться». Ну что тут делать?

Я больна, лежу одна. Дети спят. Они милы и ласковы. Они прибегают ко мне со всякими своими пустяками.

А эти двое! Главное, как благородно хамить с человеком, который весь свой заработок на них же тратит.

И не работают. Они оба живут, как жили прежде богатые дилетанты: немного порисуют, потом помчались в гости, потом к ним гости. Никаких серьезных стремлений, цели.

Боюсь, что ничего из Васи уже не выйдет. С момента женитьбы все его живописные поиски кончились. За два года он не кончил ни одного начатого натюрморта, эскиза. И ничего не поделать. Никакой совет не принимается, и ругань такая, что второй раз уже и не посоветуешь. Ведь 23½ года. Взрослые.

Больно и больно. Бесконечно больно. Наташа — светская и абсолютно пустая. Любит ли она Васю? Или Вася только пока?

7 декабря. Съездила в Москву на 7 дней и отдохнула. Хорошо пожить среди любящих тебя людей, без домашних дрязг.

1939

24 января. Были вчера на «Спящей красавице»[614] с Улановой. Настоящая сказка Перро, и XVII век условный, чудесная музыка, все как сон, и полный отдых всему организму, как во сне. И все всероссийское убожество жизни забываешь. Где разгадка этого момента, что мы переживаем? Почему мы быстро возвращаемся к 20—21-му годам? Почему исчезло все? Город замерзает за отсутствием угля и дров. Наш театр помещается в Клубе трамвайного парка. Казалось бы, ему если не книги, то уголь в руки. Нету ни одной щепотки, не дают по нарядам, не будет до лета. Нету дров. Нету электрических принадлежностей, чулок, материй, бумаги; чтобы купить что-либо из мануфактуры, надо стоять в очереди ночь, сутки. Вечерковские приехали из Детского в очередь. Ходили на перекличку в 2 часа дня, в 4, 6, 12 ночи и 6 утра, после чего уже не уходили и в полном восторге, т.к. получили по 10 метров сатина!!

Урезаются все заработки — от рабочих до писателей и композиторов.

Заводы останавливаются за отсутствием топлива. Газеты полны восхвалений зажиточной и счастливой жизни[615] и водворения трудовой дисциплины[616].

Was ist das?[617] Стыдно невероятно. Improductivité slave?[618] Ведь были все возможности для эксперимента. И что же? Фокус не удался, что ли? Или наоборот, слишком даже удался. Пока что все мои прогнозы сбылись. Как грустно. Vergogna[619].

Кольцов арестован. Уж вознесен был до небес. Каково-то пришлось Алексею Николаевичу. Он с Кольцовым очень дружил последнее время, говорила Людмила.

Когда они были у нас в ноябре, им очень понравились девочки, и Людмила обещала прислать им к праздникам тысячу рублей в подарок. До сих пор не видно. А мог бы он вспомнить обо всех услугах А.О., о тех статьях, которые Старчаков за него писал[620].

19 февраля. Похоронили Кузьму Сергеевича. Если бы он присутствовал на своих собственных похоронах, при его тонкой, возвышенной впечатлительности, он был бы потрясен.

Траурная процессия приехала на Волково[621] около 7 часов. Было почти темно и быстро темнело, так что скоро стало невозможно различать лица.

Поставили гроб над могилой, открыли. Кругом в темноте на холмах могил, на разрытой земле толпа людей. Полное молчание и разговоры могильщиков. Зажгли один фонарик, воткнутый на палку, и кто-то держал его над могилой. Свет его падал, скользя, на лицо Манизера, который поддерживал Марию Федоровну. Она поднялась на груду земли, наклонилась над гробом и несколько раз ласково, ласково погладила лоб Кузьмы Сергеевича, я чувствовала, что она шепчет: «Папуся, adieu, adieu»[622]. Поцеловала. Леночка поцеловала его. Гробовое молчание кругом и заглушенные всхлипывания. Опять переругивания могильщиков, как спускать гроб. Оркестр заиграл траурный марш.

Взялись за веревки, вытащили доски из-под гроба, стали спускать гроб, вдруг он соскользнул и стоймя обвалился в могилу, крышка открылась — у меня сердце захолонуло, я отскочила за толпу, отвернулась, мне казалось, что он вывалится из гроба. Опять уже громкая ругань могильщиков, а оркестр шпарит бравурный «Интернационал». Стук земли о гроб. Извинения и объяснения пьяного могильщика.

Всё.

Все композиции Кузьмы Сергеевича были наполнены удивительной гармонией линии, а люди на его картинах прислушиваются к какому-то внутреннему звучанию. Он очень прочувствовал и понял Европу, но русский иконописец пересилил в нем западные влияния. Красный конь[623] не от Матисса, а от Палеха, и дальше от XVI века. Он был очень умен, но с каким-то неожиданным крестьянским, мужицким завитком. С мужицким же мистицизмом и верой в колдовство. Он мне несколько раз рассказывал об одном заседании Вольфилы[624] в первые годы революции. Был доклад о религии. Присутствовали марксисты, священники, раввины. Тогда ведь можно еще было свободно говорить о таких вопросах. Выступил и он, был в ударе и говорил, по-видимому, очень сильно о вере. В перерыве его окружили, и он почувствовал, как из него уходят силы, он обернулся и увидел, что окружен раввинами, которые трогают его за пиджак. «Я определенно чувствовал, как из меня выходят токи, флюиды». Он верил в каббалу, в ее существование. А иногда мне казалось, что он мог быть масоном. Он любил эксперименты. Как-то в один из последних разов, когда я была у них на Кировском[625], мы разговорились о религии. Он поносил христианство как религию упадочническую, антихудожественную, пущенную в мир евреями на пагубу мира.

Кузьма Сергеевич любил парадоксы. А теперь должна прийти новая религия, ведущая к Богу, но сильная, радостная.

Евреев терпеть не мог и всех подозревал в еврейском происхождении, даже Матвеева.

Умер И.И. Рыбаков в тюрьме. Умер Мандельштам в ссылке. Кругом умирают, бесконечно болеют, у меня впечатление, что вся страна устала до изнеможения, до смерти и не может бороться с болезнями. Лучше умереть, чем жить в постоянном страхе, в бесконечном убожестве, впроголодь. Когда я хожу по улицам в поисках чего-нибудь, я могу только твердить: «Je n'en peux plus»[626]. Очереди, очереди за всем. Тупые лица, входят в магазин, выходят ни с чем, ссорятся в очередях.

Ведь ничего же, ничего нет. Был митинг для работников эстрады по поводу XVIII съезда партии[627]. Крылов говорил, честно глядя в лицо слушающих, а мы так же честно глядели ему в лицо и слушали. А говорил он следующее: «В мире — соревнование двух систем, соревнование, в котором мы оказались победителями. У нас "огромнеющее" (он всегда так говорит) экономическое развитие, у них — снижение. Мы, большевики, единственная партия в мире, которая довела весь народ до зажиточного состояния, и недалеко то время, когда каждый будет получать по потребностям, с каждого по способностям. Т.е. время полного торжества коммунизма».

А пока что я совсем не буду удивлена, если узнаю, что вся наша мануфактура и сырье уходят через лимитрофы[628] в Германию.

28 февраля. Я сегодня видела во сне Алену: звонят по телефону, я слушаю, спрашиваю, кто говорит? Слышу издалека-издалека голосок — это я, Алена. Где ты, откуда говоришь? Из тюрьмы — доносится слабо-слабо ее голос, когда она шутя говорила баском. Я спрашиваю еще, задаю много каких-то вопросов, но больше уже ничего не слышно. Я иду разыскивать ее по тюрьмам. Вхожу в какое-то здание, спрашиваю женщину в меховой шапке, идущую туда же: «Вы не знаете ли, в этой тюрьме есть дети?» Она ничего не отвечает. Я спускаюсь по мраморной лестнице с красной дорожкой. Большая комната, много всякого народа, и вдруг входят дети, девочки, идут парами, и среди них Аленушка. Она выше других, она в чем-то светлом, я бросаюсь к ней, она застенчиво улыбается, не смотря на меня. Я ее целую, целую ручки ее. Она бледненькая, глазки чуть провалились, синева кругом, но веселая. Я спрашиваю девочек, не скучает ли Аленушка, как живет. Ребята наперерыв говорят: «Нет, нам весело, Аленушка не скучает». Я все целую ее, и потом все исчезает. Господи, этот голос из такой дали — это я, Алена.

Бедная я. Совсем-совсем одна. Так любить, как я любила Алену, и потерять. Тут бы голову себе размозжить, а вот живешь.

Аленушка, родная, поддержи свою бедную маму. Такая тоска, и кругом тоска.

20 марта. Гитлер взял Чехословакию[629], послал ультиматум Румынии... Впечатление, что он режет плавленый сыр, и никто не протестует. Протестовать могла бы только Россия.

20 марта. Я забыла в январе написать о возвращении Виктора Литвинова. Оказывается, он благополучно доехал до Москвы, погулял по городу и пошел на главный телеграф посылать телеграмму в Новороссийск, в театр. Шел по какой-то улице, переходил ее, мимо него проехала какая-то машина, он остановился. Его арестовали. Машина была правительственная, и улица, трасса, как теперь выражаются, была тоже правительственная. Его продержали в тюрьме в Москве и в Ленинграде семь месяцев. Он ничего не делал, но много читал беллетристики. Первый раз прочел «Анну Каренину»[630], пополнел, имеет цветущий вид.

За это время его вещи, находившиеся на Московском вокзале, пропали, его известили, что их продали, там было его летнее пальто. В общежитии расхитили, а частью сожгли его книги. Его выпустили вчистую, приняли обратно в консерваторию, в общежитие, вернули стипендию. Неужели для проверки понадобилось семь месяцев? Человек — это звучит не гордо[631], это quantité négligeable[632].

23 марта. Когда я читаю сейчас газеты, наполненные восторженными «ура» и «осанна» на XVIII съезде партии, я все время вспоминаю песенку зайчат из «Волшебной калоши» Германа Матвеева, которую я ставила прошлой весной в театре Петрушек[633]. Зайцы поют:

Ура, ура, ура, ура!
У нас нора, своя нора,
Свой новый дом хороший,
Да здравствует калоша!

Поют на мелодию, взятую из «Серого волка» Лядова[634]. Зайчата съели кусок галоши и решили, что они самые сильные звери в лесу.

Эти «ура» звучат в особенности нелепо сейчас, когда маленький Гитлер шагает по Европе, как Гулливер через лилипутов[635]. И шагает даже без боев, ведомый одним импульсом железной воли, перед которой все расступаются, как волны Чермного моря перед Моисеем.

Что будет дальше? Мы тоже «расступимся»?

Логически рассуждая, момент осуществления чудовищнейшего предательства в мире наступает. Все подготовлено.

И какой ужас, что нашему бедному поколению выпало на долю быть всему этому свидетелем. Беспомощным свидетелем.

29 марта. Гитлер взял Мемель, берет Данциг. Говорили прежде: «Велик Бог земли Русской»[636]. Но, во-первых, мы не земля Русская, а мы анонимный Союз ССР, а во-вторых, Богу не за что нас спасать. С какой легкостью предали свою веру, с какой легкостью забыли все моральные устои. Донос поставлен во главе угла. Донос разрушил деревню. Могли же в Суноге дать молчаливый, но дружный отпор — никого не раскулачили, а когда вышел приказ раскулачить заведомого богача Галанова, его предупредили и попрятали все его добро где кто мог. Могли же. Но это единичный случай. Зачем Евдохе надо было доносить на Рыбакова, зачем ей надо было доносить на меня, что я разбазариваю имущество детей и спекулирую их жилплощадью? Я хожу рваная, так что стыдно, т.к. весь мой заработок идет на детей, очевидно, это кажется по нашим временам неправдоподобным.

Non vedere, non sentire, essere di sasso mentre la guerra e la vergogna dura[637].

Я всегда чувствую этот жгучий стыд за Россию, и больно. Лягушки, избравшие себе царя[638].

Я представляю, как должен страдать Вася Яковлев и другие, любившие страну до боли.

А может быть, великий Бог над нами сжалится ради тех замученных праведников, ради тех миллионов, которые в заточении?

Какая безумная, беспросветная трусость — ни слова не сказать правды на этом съезде. Насколько было бы убедительнее сказать прямо и откровенно: да, товарищи, вся страна раздета, мануфактуры нет, угля не хватает, продуктов питания не хватает, и объяснить, почему это. А заведомая ложь неубедительна. Le mensonge ne peut pas durer (Carlyle)[639].

9 апреля. Светлое Христово Воскресенье.

Кажется, первый раз в жизни я не пошла к заутрене. Некуда идти. В городе осталось 3 церкви, все переполнены людом[640]. Крестного хода нет, с улицы даже «Христос Воскресе» не услышишь. И кроме того, я замучилась. Два с половиной месяца я была без прислуги, а детям надо и завтрак, и обед, и вытопить, и керосин принести, и с 11 — <до> 6 быть в театре, и дома работать над постановкой. Я взяла детей сгоряча и ни минуты не каюсь в этом, но я не рассчитала ни своих сил, ни своих средств. А ни того, ни другого не хватает.

Была на днях в церкви — как хорошо уйти от сутолоки. Я горько плакала и чувствовала, как эти слезы смывают всю накопившуюся сутолочную коросту с души, омывают ее. Я думала о несчастной Евгении Павловне и тех сотнях тысяч высланных матерей, которые ничего не знают о своих детях. Можно ли выдумать более варварское мучение? La verité doit de temps en temps chager de vêtements et renaître à nouveau (Carlyle)[641].

Mais tout mesonge a son arrêt de mort écrit dans la chancellerie même du ciel et, lentement ou rapidement, avance incessament vers son heure. L'étrange contraste des cérémonies de jubilation: cérémonial de jubilation et rareté de pain (Carlyle)[642].

Встретила на премьере «Снежной королевы» Ходасевич. Она обедала у Алексея Николаевича с Кольцовым, испанским генералом и его женой, другими испанцами. Через несколько дней после этого Кольцов был арестован[643]. Будто бы выяснено, что он в течение очень долгих лет уже был одним из виднейших международных шпионов.

Толстой был совершенно потрясен, они очень дружили последнее время. В ноябре, когда они были у нас, Людмила говорила: «Мы всячески избегаем знакомства с высокопоставленными людьми. Или они оказываются вредителями, или неинтересны. Они похожи на человека, сидящего у руля: машина дерет 500 километров в час, он держится обеими руками за руль, трясется, по сторонам уже не смотрит и думает только об одном — как бы не погибнуть. Мы очень дружим с Михаилом Ефимовичем». Не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

22 апреля. Противнее зимы я не переживала. Какая-то мелкая гадость кругом. Интриги, склоки, грязь, мещане, тошно. Обнаженность звериных инстинктов нашего времени проявилась во весь свой рост после смерти Петрова-Водкина. Мария Федоровна осталась совершенно беспомощной с глупенькой, хорошенькой Аленушкой. Квартира из трех комнат и верхняя комната, служившая Кузьме Сергеевичу мастерской. Всего 78 метров. Вот эта-то верхняя комната явилась предметом вожделения всего Союза художников. Примерно за месяц до смерти Кузьмы Сергеевича пришли из горкома ИЗО от художника Кручинина с просьбой уступить мастерскую, т.к. он, дескать, пишет картину в полтора метра! Мария Федоровна расстроилась ужасно, она мне говорила: «Je vois que si K.C. meurt, on va nous chasser de notre appartement»[644]. Мы все ее успокаивали, я позвонила Манизеру, Белкин поговорил с Рыловым.

После смерти Кузьмы Сергеевича квартиру у семьи не отобрали, но *на другой* же день после похорон выключили телефон. Мария Федоровна при-

шла в отчаяние и попросила меня поехать к директору телефонного управления. Ведь Петров-Водкин был членом Ленсовета. Я съездила.

Телефон включили.

28 апреля. Мне представляется тело России покрытым гнойными нарывами, везде бестолочь, бесхозяйственность, вредительство, склоки, доносы, все заняты мелкими и крупными пакостями, которые надо сделать своим соседям, из-за этих дров и щепок не видно ничего светлого, святого, не видно России. Смотрю на лица людей, стоящих в верстовых очередях: тупые, обозленные, без всякой мысли, испитые. Они, эти люди, могут стоять в очереди часы, дни, сутки. Терпению их нет границ. Это не терпение, а тупость и маниакальная мысль: дают селедки. Неужели ты не обойдешься без селедки? Нет. Это самовнушение, убившее все остальное.

Донести, сделать гадость, погубить соседа, выслужиться на этом — тоже маниакальная мысль. Ведь никаких же интересов нет. Слушала вчера «Дон Жуана»[645] — какая музыка, какой финал! Как отдыхаешь! И какими далекими и маленькими, маленькими кажутся все эти людишки из Госэстрады, старающиеся мне вредить. Как с Эйфелевой башни смотришь на землю.

Был сейчас Свиридов, играл свою музыку к «Руслану»[646]. Разговорились. Талантливый и славный юноша, и не как все, говорит нештампованными фразами.

Рассказал, что зашел вчера в церковь: 5 лет, как не бывал, и осталось от этого посещения радостное чувство, хотя человек и неверующий. Свечи, запах ладана, лики образов, тишина, воспоминания детства.

Очень талантливый, пока еще под сильным влиянием Шостаковича.

29 апреля. Иду по Фурштатской к Литейной, встречаю гражданку с тазиком, наполненным кислой капустой. Как теперь все делают, бросаюсь к ней: «Гражданка, где вы брали капусту?» А капусты эту зиму нет нигде, на рынке она стоит 7 рублей кило (ананас — 20 рублей кг), и за ней огромнейшие очереди.

«Где нам дали, вам не дадут», — был гордый ответ. Я засмеялась. Все понятно. Рядом находится распределитель НКВД. Наши хозяева — стрептококковая инфекция, разъедающая организм страны. За их заслуги можно и капусты дать.

8 июля. Москва. А.Я. Бруштейн, у которой я была вчера, сказала замечательную вещь. Говоря об А. Толстом: «Важно знать, что служит человеку меридианом жизни. Можно жить у Парижского меридиана, меридиана Гринвича, острова Ферро[647], а можно меридиан вести от собственного, лю-

бимого пупа. Просидев с А.Н. на длинном совещании драматургов[648], мне показалось, что его меридиан от пупа. Он говорил только о себе, о своих пьесах, о том, что их замалчивают, и т.д.».

Остроумно и, пожалуй, верно.

Рассказывала она про писательские мытарства. Сделан фильм на тему ее пьесы «Розовое и голубое». Осталось на четыре дня съемки, стоил уже 1 млн 200 тыс. Всеми признан прекрасным, назначают нового начальника Дукельского, он снимает все, что находится в работе, не смотря[649]. Это прошлое — надо только современное. Пишут из школьной жизни, захватывают Испанскую войну. Глядишь, в Испании катастрофа[650], — сценарий уже не звучит. Я обратилась к ней за советской современной пьесой. И слышать не хочет. Будет писать из Гофмана что-нибудь для Образцова и меня. Вот тебе и на! Хочу, говорит, отдохнуть и залечить свои синяки.

Мои синяки залечит только смерть. Вася. При таких способностях ни шагу вперед, не работает, у Наташи на поводу, «муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей»[651]. Хуже — просто кухонный мужик.

Наташа уехала в мае, мы с Геней на него насели, и он сразу же со всем согласился. Да, надо работать, поступить в Академию и т.д. Летом писать этюды, с осени работать усиленно.

Приехал сюда за Наташей, на несколько минут зашли ко мне на Мертвый переулок 26 апреля, обещали заехать перед отъездом 29-го, даже по телефону не позвонили, уехали. Я уговаривала на июль поехать в Детское, подышать воздухом, писать этюды, Вася бледен, плохо себя чувствует. Наташа очень поправилась в Пушкине[652] и ехать в Детское не желает.

Лучше уж о своих синяках и не говорить, только хуже болят.

20 июня, по слухам, арестован Мейерхольд, смутные обвинения в шпионаже. Неужели с таким крупным человеком, всемирно известным, нет других средств воздействия, кроме ареста. Стыдно. Впрочем, стыд не дым, глаза не выест.

Перед этим было в Москве совещание режиссеров. Мейерхольда встречали овациями, он имел шумный успех, но в газетах об этом умалчивалось. А на приеме в Кремле, сильно опьянев, Мейерхольд громко сказал Юрию Александровичу: «Не пускают в Ленинград — то ли Молотов меня слишком любит, то ли к Бутыркам[653] поближе».

17 июля. Римский-Корсаков рассказал следующее: на днях Зинаида Райх вернулась с прислугой очень поздно с дачи, часа в 3 ночи. Вошли в квартиру, и на них набросились люди, которые нанесли З.Н. одиннадцать резаных

ран, убили. Работница, раненая, успела выскочить на лестницу и закричать. Бандиты скрылись. Ограбления не было.

Кто? Если бы она ехала домой на собрание заговорщиков, она прислугу бы не брала. Вообще, гипотезы ни к чему. Mittelalter.

И вот мы, бедные люди XX века, принуждены все время натыкаться на XVI — начало XVII. И не кричать от ужаса, а делать вид, что не видишь, не слышишь.

Non vedere, non sentire, essere di sasso[654].

На днях бабушка Вольберг получила одно за другим два письма от Евгении Павловны. Ей разрешено писать раз в три месяца. За эти один год и девять месяцев до нее не дошло *ни одного* детского письма. А деньги и посылка дошли. Пишет: посылайте деньги 40 рублей в месяц, посылки один раз в три месяца и пишите, даже если я замолчу. Да.

24 августа. Я насыпаю сахарный песок в вишневую настойку. Гляжу в окно: по Фурштатской снуют люди, гражданки бегут становиться в очередь, никому нет никакого дела, т.е. абсолютно *никакого* до того, что nous voila plaqués, nous sommes Mackés[655], как говорил Билибин в «Войне и мире». Про Маск сказано в Ларусе[656]: «Il se rendit avec 28 000 hommes sans combattre»[657].

Пакт о ненападении с Гитлером, с Германией[658]. Какое ненападение? Что, немцы испугались, что мы на них нападем? Прошлой осенью со слезами мне рассказывала В.С. о том, что редактор военного журнала говорил ей: в немецких газетах пишут: в России нет больше армии, надо торопиться выполнить свои задачи.

Чего им торопиться — русский народ лежит на обеих лопатках, и «лежит на нем камень тяжелый, чтоб встать он из гроба не мог». Лежит, кто пьяный, кто трезвый, но запуганный до потери человеческого облика.

Пакт о ненападении — какой ценой! «Для спасения революции» Ленин отдал 6 стран и контрибуцию, чужое добро легко отдается, отдал моря, а сейчас что мы отдадим? Риббентроп не ехал бы за мелочами. Уж верно стоит — Paris vaut bien une messe[659]. Вероятно, пойдет в Германию все сырье, нефть, уголь и все прочее, мы, навоз, удобрим благородную германскую почву. Руки Гитлера развязаны. Польша последует за Чехословакией. Угроза Франции — Франции, нашей второй родине.

После Брестского мира я ехала как-то в трамвае, перед окнами мелькал Летний сад, врезался мне в память. Рядом со мной сидит молодая женщина лет 35, вся в черном, француженка, и говорит: «C’est lâche, c’est lâche, que va devenir la France»[660]; а у меня слезы так и текут по лицу, я знаю, что nous

sommes des lâches[661], и к чему привела эта измена Ленина? 17 миллионов высланных[662], сколько расстрелянных — имя им легион, закабаленное голодное крестьянство, и вторичный, уже Московский брестский мир с Германией. А сколько в эмиграции. Как Федя говорил: «Это уже не эмиграция, а exode»[663].

Передовица «Правды» по поводу подписания договора кончается словами: «Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета»[664]. А? Что это? Кто эти враги? А еще теплые тела убитых в Испании, Чехословакии? Сволочи. Я не могу, меня переполняет такая невероятная злоба, ненависть, презрение, а что можно сделать?

Ни одного журналиста не осталось из тех, кто имел голос и голову на плечах. Радек, Бухарин, Старчаков. Жив ли умница А.О.? Ему инкриминировали (и он *признался в этом*!) покушение на Ворошилова!

Мы знаем, как при Ежове, да и не только при Ежове, люди сознавались в несуществующих преступлениях. Как Крейслер видел пол, залитый кровью, в комнате, куда его ввели на допрос. Его били по щекам.

А. Ахматова рассказывала мне со слов сына, что в прошлом июне 38-го года были такие избиения, что людям переламывали ребра, ключицы.

Что должен был перенести гордый и умный Старчаков, чтобы взять на себя такое преступление! Подумать страшно. Расстрелян ли он, жив ли?

Сын Ахматовой обвиняется в покушении на Жданова.

Бедный Борис Столпаков расстрелян, если не ошибаюсь, еще в 34-м году, почти за год до убийства Кирова, за «покушение» на Кирова. Он был расстрелян в марте, когда Ягода подготовлял убийство Кирова и старался пустить по ложному следу общественное мнение. Со Столпаковым были расстреляны его двоюродный брат Бобрищев-Пушкин, Зиновьев (или Захарьев, не помню), Гартфег и еще двое юношей из старых дворянских родов. Теперь-то очень понятно, почему им мешал честный и прямой Киров. Германскому Гестапо нужны были только пешки. Фотография в «Правде» чего стоит! Направо глупые, разъевшиеся морды Сталина и Молотова, а слева, скрестив по-наполеоновски руки, тонко и самоуверенно улыбается фон Риббентроп. Да, дожили. Торжество коммунизма! Урок всем векам и народам, куда приводит «рабоче-крестьянское» patiné de juifs et de géorgiens[665] правительство!

По-моему, всякий честный коммунист и революционер должен бы сейчас пустить себе пулю в лоб.

А мы, интеллигенция?

Гаврило Попов сказал Васе: «Ну, слава Богу, по крайней мере, пять лет войны не будет, можно писать оперу. Только вот, пожалуй, “Александра Невского”-то уже нельзя продолжать! Потороплюсь взять аванс»[666]. Его «Испанию»[667] уже за несколько дней до приезда Риббентропа сняли.

Коновалова вчера была у Горин-Горяинова, он получил участок под дачу. Рад, что не будет войны, и «надо торопиться строить». Авось вернут частную собственность.

Недаром наша парадоксальная тетя Леля говорила по поводу уничтожения крестьянских хуторов и огородов: «Это все делается для Адольфа». И еще: «Мы загонщики фашизма».

Что же делать? У меня одно ощущение: надо в театре продвигать только русское. Русскую историю, русский эпос, песню. Внедрять это в школу. Знакомить детей с тем единственным богатством, которое у них осталось. Но где авторы? Где бедная Елена Михайловна Тагер, которая так это понимала, так любила. И какая насмешка природы, что мы с ней, чистокровно русские интеллигенты, до боли любим это бесценное русское сокровище. Е. Данько — отец из крестьян, мать дворянка — презирает русский эпос; богатыри, по ее мнению, отрицательные типы, поддерживающие феодальный строй! Какая нелепость! Бредит Гофманом. Барышникова, наш лучший кукловод, купеческая дочь, отец очень богатый, верно из крестьян, презирает все русское, и сколько их.

Рабство, германское иго — так я предпочитаю, чтобы оно было открытым. Пусть на каждом углу стоит немецкий шуцман[668] с резиновой дубинкой в руках и бьет направо и налево русских хамов, пьяниц и подхалимов. Может быть, они тогда поймут, где раки зимуют. Но только «может быть». Мы все в «парадоксальной фазе», по Павлову. Что же будет дальше?

А пока сахара нет, в провинции и масла нет, сапог нет, мануфактуры нет, транспорта нет.

Встретила Бориса Пронина. Говорили о Мейерхольде и Зинаиде Николаевне.

У него такие предположения: Юргис Балтрушайтис, будучи литовским полпредом в Москве, продолжал, насколько это было ему возможно, свою прежнюю артистическую жизнь, любил богему, бывал у Жоржа Якулова, Коки Подгорного, Мейерхольда, оставляя свою машину за углом; кокетничал этим. Прошлой осенью гостил у Подгорного, был один в квартире, зашел Балтрушайтис, занес две бутылки хорошего вина. Когда у Мейерхольда были неприятности, Балтрушайтис рассказал Подгорному: был у старика

(Литвинова), тот потирает руки и говорит: «Наша взяла, Мейерхольд будет работать»; Балтрушайтис дружил с Литвиновым. Балтрушайтис уехал из СССР, и Мейерхольд послал с ним письмо Ромен Роллану, в котором жаловался на невозможность работать, высказывал желание уехать за границу. И вот это-то письмо попало в руки НКВД. Каким образом — неизвестно. Борис считает, что убийство Райх не политический акт, а покушение на грабеж, что при обыске понятые из жакта могли соблазниться дорогими костюмами и пр. Но, по слухам, обыска не было.

5 сентября. Была у Елены Яковлевны Данько и Янсон. Е.Я. летом отдыхала в Доме творчества в Детском, бывшем доме Толстого. Жил там и Б.А. Лавренев. Когда до них дошли слухи об убийстве Райх, Лавренев поехал к военному прокурору и привез от него такую версию: З.Н. вызвали по телефону в Москву, якобы желая сообщить новости про Всеволода Эмильевича. Она приехала поздно. Вслед за ней пришли убийцы. Ее нашли с выколотыми глазами, объясняют это легендой, что в зрачке умирающего запечатлевается то, что он видит в последний момент[669]. Убийцы будто бы этого побоялись. Елена Яковлевна говорит, что Лавренев — страшный человек, по-видимому, слишком уж хорошо осведомленный о делах НКВД. О Старчакове печально: он расстрелян как враг народа. Не хочется этому верить; Лавренев его терпеть не мог, помню, как он мне называл его склочником, человеком с отвратительным характером. Когда-то они вместе работали где-то в Средней Азии, и там, очевидно, зародилась их взаимная антипатия. А.О. называл Лавренева голодной акулой.

В одно время с Е.Я. в Доме творчества жил молодой писатель Хмельницкий. У него была привычка, сочиняя, ходить по саду взад и вперед вдоль забора. Остальные лежали на шезлонгах, сидели на террасе, беседовали. Приехал директор Литфонда Ванин и, увидев такое мирное времяпрепровождение, впал в ярость и отчитал писателей как следует, как маленьких детей: они-де не работают, это Дом творчества, а не болтовни и т.д. Особенно досталось Хмельницкому. В ответ на это Хмельницкий написал в книге отзывов на первой же странице эпиграмму на Ванина, смысл которой был таков: Ад охранял Цербер о 100 головах, писателей же охраняет безголовый, но от этого не легче. Скандал произошел невероятный. Хмельницкий был объявлен классовым врагом, чуть что не врагом народа, на него будет донесено прокурору, НКВД. Состоялось общее торжественное собрание писателей для обсуждения поступка Хмельницкого, и всему была придана политическая, контрреволюционная подкладка. В конце концов встал некто Орлов, у ко-

торого хватило мужества сказать, что поступок Хмельницкого можно назвать бестактностью, но политического в этом нет ничего, и никогда эпиграммы не трактовались как политические выпады. За Орловым молчавшие до тех пор заговорили тоже, и Хмельницкому был вынесен только строгий выговор.

24 октября. Прочла сейчас пьесу Чапека «Мать». Она идет в Александринке[670]. По-моему, ее бы следовало снять с репертуара. Она направлена против войны, против агрессии. А мы сейчас и агрессоры и помощники агрессивного фашизма. Что поделывает сейчас Коминтерн[671], мне хотелось бы знать. Логически рассуждая, весь не только коммунистический, но и просто демократический мир должен бы перестать подавать нам руку, говоря житейским языком. Может быть, это все тот урок миру ad absurdum[672], от противного, о котором говорил Чаадаев[673]?

6-го [октября] я вернулась из отпуска. Прожила с 7-го <по> 29-е на Селигере[674] у Н.В., поехала в Палех, оттуда домой. 29-го поехала на лодке до парохода в Неприе[675], часа два с половиной ждала опоздавшего парохода, сидя в полуразрушенной баньке у озера. В озере отражался розовый закат, появились звезды. Настали сумерки. Было очень холодно. Пароход, ночевка в Доме крестьянина. Целый день на вокзале в Осташкове[676]. Часа три в Бологом до 2 ночи. Шуя. Ночевка у уборщицы. Дорога вечером на лошади в Палех. Закат. Чудный лунный вечер, осенний запах леса, земли, увядших листьев. Золотые прозрачные березовые перелески. С наслаждением вдыхала я этот аромат, напоминающий Ларино, поездки верхом по осенним лесам.

День в Палехе. Ночью поднялась снежная вьюга, к утру снега намело пол-аршина, на рынок приехали на санях. Одела валенки, огромный овчинный тулуп с большим воротником, шерстяной платок на голову и пять часов ехала до Шуи, колеса облипал снег. Зорька еле шла. Обе легковые машины артели забраны на военные нужды, т.е. забрана одна, другая «разута».

Нечего сказать, подготовлены к войне. А ведь, по словам и газетам, готовимся все 20 лет.

Опять целый день в Шуе, ночевка у той же уборщицы Чебыкиной, хождение к ней по занесенным глубоким снегом шпалам с версту. И, наконец, мягкий вагон, лежу 28 часов и наконец отдыхаю в тепле за весь свой отпуск.

И вот от всей этой поездки осталось впечатление хождения по мукам. За видимой нищенской жизнью — стон, общий стон однообразным гуденьем звучит над целой страной. На Селигере раз вечером вхожу в кухню. Липа, старая девица Слободы[677], служившая все лето у Н.В., сидит в уголке между плитой и косяком двери вся съежившись, закрыв лицо руками, сторож Сте-

пан у плиты, подбрасывает туда щепки, мрачно смотрит в огонь. «Что с вами?» — «Да вот, плохие вести Степан привез, кончается наша жизнь, и ничем помочь нельзя. Все это указано в писании, и будет все хуже и хуже». — «Да в чем тут дело?» Тут наконец Степан поднял голову: «Был в деревне (Залучье, на другом конце Селигера), при мне приехали из осташковского Рика[678] и объявили, чтобы мы ничего к весне не готовили, огородов не удобряли — весной все село за 5 км от озера отнесут[679]. А только что летом хуторян из-за леса, за пять километров, перевели к нам и поставили их избы вдоль озера, мы радовались, какая деревня большая да красивая стала. А как перевозить? Дают пятьсот рублей, два пуда гвоздей, а что на это сделаешь? Разорение.

Летом был у нас пожар (у Степана до сих пор обгорелые руки), у матери весь двор сгорел, осталось только что на себе. Все сено для коровы сгорело, и сельсовет дал погорельцам разрешение покосить. У матери было накошено воза три. Вот эти, из Рика, забрали все это сено у погорельцев, отправили в Осташков на военные надобности. Мать взяла свою корову, отвела в сельсовет, привязала к крыльцу и ушла. Кормить не дают, резать не позволяют, что же делать?

Осталось у нас с братом три рубашки. Вот и носишь рубашку месяц, пойдешь в баню, вымоешься, выстираешь, высушишь да опять наденешь. Ведь ни одёвки, ни обуви мы уже десять лет не видим. Сколько сдаем льна, а мануфактуры нам не привозят. Прежде зарежу скотину — у меня кожи будет чем всю семью обуть. Теперь надо зарезать барана — иди в сельсовет на бойню, и там забирают кожу, кишки, кровь.

Задавили льном. Картошки посеяно пятьдесят гектаров, успели убрать только шесть гектаров, остальное осталось под снегом, померзло, а раньше убирать не разрешают, пока со льном не покончишь.

А вы думаете, могу я сказать на собрании в сельсовете, что то или другое неправильно? Вначале находились такие, сейчас: “Как твоя фамилия?” — и на другой день человека не стало. Забрали и пропал, неизвестно куда и где, и навсегда. Теперь соберут нас, так все сидят, опустив голову, подперши ее руками. И ни слова. Правильно, все правильно. Вот теперь погорельцам некуда деться. А было у нас три церкви. Ну не хотят, чтобы церковь была, так оставили бы так, вот теперь бы людям было куда спрятаться. Так нет же. Был у нас каменный собор красивый, на горе над озером стоял — взорвали, другую каменную тоже разрушили, была деревянная старинная, тоже красивая церковь, крышу сняли, в город отвезли, церковь сожгли.

Сейчас нам все равно. Видим, что погибать, и рукой махнули, молчим, пускай хоть в тюрьму сажают и там хлеб дают».

Сёла по Селигеру стоят от века; оказывается, уже давно ходят по деревням слухи, что их будут с озера переселять вглубь страны, величайшая нелепость, когда столько еще свободного места по озеру. Нашли же дачники-застройщики себе чудесные места. Н.Н. Качалов, Вивьен, Бабочкин, Н.В. Толстая и другие. Хотят курорт делать, а на острове Городомля[680] таинственное военное строительство — может быть, химический завод[681]. Извне не видно ничего, густой лес. Подъезжать, даже близко проезжать воспрещается. Теперь вокруг Городомли белые буи демаркационной линии. Весной их не было, и произошел такой случай. Из Осташкова ехал пассажирский пароход «Совет», обслуживающий ежедневно по расписанию все пристани озера. Ветер ли его отнес или просто оплошность капитана, но «Совет» подошел несколько ближе к острову, чем полагается; последовал залп, и пятеро человек было ранено, из них два тяжело, одному пришлось ампутировать ногу.

Сидела на вокзале в Шуе, вечером. Посередине стояла группа рабочих с котомками за спиной, курили. Курить на вокзале запрещено. Подошел милиционер, что-то сказал, а потом вырвал папиросу изо рта рабочего и бросил на пол. Поднялся крик, рабочие обступили милиционера: не имеешь права, говори, рукам воли не давай — казалось, вот-вот начнется рукопашная расправа. Милиционер еле-еле утек. На скамейке лежал молодой еще человек в стеганом, совершенно рваном ватнике и холщовых штанах. Потом он сел и, низко наклонив голову, начал что-то подвывать. Была ли это песня, не знаю.

Милиционер опять появился и стал его выгонять — на вокзале ночевать нельзя. Тот не уходил. Вышел сам комендант. Тут человек вскочил и начал ругаться. Ругал он обоих и трехэтажными и всякими другими словами. «Поговори еще, мы тебя в камеру посадим». — «А прячьте, такие-сякие, арестуйте, в тюрьме хлеб дают». Эту фразу я слышала десятки раз.

Рядом со мной сидит баба в черном платке. Заговорила. «Вот какие смелые, сразу видно, городские, рабочие, а у нас в деревне разве скажут слово. Ой, тяжело в колхозе, ни из-за чего работаешь, ни одеться, ни прокормиться, задавили льном». Баба из-за Нижнего[682], и повторяет ту же <песню>, что я слышу по всей дороге.

Еду вечером в Палех. По селам ни одной собаки. Помню, как прежде из каждой избы неслись собаки и провожали проезжавших неистовым лаем.

Говорю об этом моему старику вознице (палехскому конюху). «Да видите, кормить-то нечем, да и караулить нечего: кожу с тебя не утащат».

Палех в упадке. В 38-м году арестовали Александра Ивановича Зубкова, организатора и председателя артели; взял бразды правления Баканов, совсем молодой, партийный, добивавшийся этого всеми средствами и, вероятно, повинный в аресте Зубкова. В связи с арестом Зубкова в дела артели вмешалось НКВД. Из библиотеки были вывезены все материалы, которые умным чекистам показались «божественными»: старинные иллюстрированные Библии Шнорра[683] и более ранние, картоны — копии с новгородских фресок, старинные иконы и копии. Все это (по словам И.И. Василевского) было сожжено.

Все эти ценнейшие вещи служили художникам матерьялами для их работ, как их предки пользовались Библиями XVII века. При Зубкове у артели был свой представитель в Москве Василевский, служивший во Всесоюзхудожнике, доставлявший им заказы по всей стране. Его сняли под предлогом, что он сын попа и что такое представительство — лишняя трата денег. Василевский получал 700 рублей.

Теперь артель сидит без заказов, и Баканов пустил ее на ширпотреб — то, с чем жестоко боролся Зубков.

Я остановилась у Баженова, а под вечер пошла к Парилову Николаю Михайловичу, который нам делал «Салтана». Парилов — крестьянин, Баженов — интеллигент, хотя и полуграмотный, — совершенно разные представители Палеха. Баженов талантливее, но Парилов самобытнее, и в нем «стиль» прирожденный, от икон, которые ему довелось писать самому, а Баженов стиль изучил, самого его революция застала 11-летним мальчишкой. Парилов — личник, т.е. его специальностью были лики на иконах, и на его эскизах лица, типажи были сделаны замечательно, по левкасу[684]. Эскизы кукол у Баженова неинтересны, нехарактерны, quelconque[685].

Угостили меня чаем с сахаром, конфетами, т.е. с такими запасами, которые есть сейчас только у хороших хозяек; пожаловалась жена на трудности хозяйства, «уж и не знаем, продержим ли корову, покосу нам, как единоличникам, не дали, сена купить негде». Сам же Николай Михайлович жаловался на отсутствие творческой работы. Нет ни театральных заказов, ни иллюстраций, расценки на работу по лаку снижены, старшие мастера перестали писать коробочки, молодежь рисует с открыток, с дешевых картинок. Парилов повел меня в мастерские. Было уже совсем темно, в мастерских никого не было, он водил меня по комнатам, открывал ящики, сушильные печи,

показывал и шкатулочки, и оригиналы, с которых рисовали. Открытка: тигр; на коробочке тоже тигр, немного стилизованный, пальма. Другая еще хуже, уже без всякой стилизации. Утром Маркичев показывал мне целую массу коробочек, одна грубее другой, запомнились: Горький, группа детей — одни головы, а под ними продолговатый букет пошлейших цветов. И как исключение большая шкатулка, приблизительно сантиметров 40, старого мастера Сперанского — король Лир. Сверху король, свита и дочери. По всем 4 сторонам различные сцены. Буря, тучи по черному золотом и золотой дождь сделаны потрясающе. Что владимирскому мужику Шекспир и что он Шекспиру?

Там же показал мне Маркичев маленькую овальную коробочку-миниатюру Вакурова — «Бесы». Черная тройка, золотой снег и темно-синий фон. Чудесная работа, будь бы у меня лишние сто рублей, непременно бы купила.

Парилов показал мне свою картину «Колхозный ипподром», метра полторы длины. По первому плану бегут палехские кони, запряженные в американки[686], на втором плане в центре трибуна, кругом толпа. В Париже у какого-нибудь Marchand de Tableaux[687] эта картина могла бы иметь колоссальный успех. De manière Henry Rousseau[688] по своей огромной наивности. Все лица выписаны как на иконах, композиции никакой, все люди стоят в ряд, юбки у всех женщин с неизбежной византийской складкой посередине. Парилов угнетен, да, вероятно, и не он один.

Ночью поднялась снежная буря, к утру намело снегу в пол-аршина[689]. Мы с трудом доехали до Шуи, снег облипал колеса. Надели на меня валенки, огромный тулуп.

По всей дороге, по селам и в самой Шуе я любовалась на резьбу в окнах, светелках, вокруг крыши.

Я вывезла из Палеха подаренный мне Иваном Маркичевым керамический флакончик, вернее, вазочку. По черному полю серебряные цветы. Какой безграничный абсолютный вкус у этих людей.

Это все надо было бы заснять, это уже искусство прошлого, кому же в колхозе придет в голову украшать свое жилище? Я спросила у старого превосходного мастера А.В. Котухина, как у них хватало время на резьбу наличников. Он мне ответил: «Вот придешь из мастерской (он был иконописец), устанешь и для развлечения, для души берешь доску и режешь что в голову придет». Оттого такое разнообразие в рисунке.

Опять день в Шуе.

А прошлый раз я пошла с утра завтракать в ресторан и наблюдала, чем люди питаются.

Было 11 часов утра.

2 сотки водки, 2 бутылки пива, которое пьют с солью, тарелка щей. Другая компания из трех человек за время моего обеда выпила 1½ литра водки, пива без счета и по одному блюду первого или второго. Это были, по-видимому, «хозяйственники», какие-нибудь «завы». В высоких сапогах, куртках, отделанных барашком, рожи у них постепенно краснели; они вели какие-то хозяйственные разговоры. У таких людей особый хозяйственный жаргон.

Пьют все, пьяные везде. Валяются, как скоты.

От поездки осталось какое-то донельзя грустное впечатление, даже мучительное.

И в Палехе после ареста А.И. Зубкова у всех тяжелое настроение. Созидать трудно, а разрушать — ой, как легко.

23 <августа>. Была у Данько, Наташа после дизентерии еле-еле двигается. Я пыталась ее уговаривать не уезжать, но она мне ответила: «Мы хотим уехать, не быть в Ленинграде, когда придут немцы». Я не стала настаивать. Перевезли ко мне с Бебутовой кардонку и небольшой чемодан с фарфором. Хотелось бы спасти его как можно больше. Е.Я. ежедневно увозит мне книги, но сколько их еще останется! Мне как-то бесконечно обидно за Наташу, и я все-таки уверена, что это спаниковала Елена Яковлевна. Фарфоровый музей[690] увезен в Саратов, туда они и надеются пробраться. Деньги у них есть.

25 <августа>, вечер. Утром заходила Елена Яковлевна. Она ежедневно ездит в Союз писателей, где должны дать какой-то талон на эвакуацию[691] и известить, когда поедет эшелон. И до сих пор ничего не известно. Она рассказала, что директор Фарфорового завода Диккерман, умный, энергичный, толковый еврей, в самом начале войны устроил себе командировку в Ирбит[692] для организации автосвечного завода. Ему был дан вагон, в который он погрузил один заводской станок для автосвечей, свою квартиру и семью с тещей и прочими родственниками. Вероятно, теперь к нему в Ирбит стягиваются со всей страны родные. Когда он поступил на Фарфоровый завод, он во всех цехах снял старых заведующих и понасажал своих родных. Теперь они все уехали и оголили цеха. Директором он вместо себя оставил бывшего токаря, старого работника, очень тупого, который окончательно развалил работу. Художественную часть сразу же закрыл. Наташа на днях пришла брать расчет, и ей не с кем было даже и проститься. Она нашла только старого вахтера, который так же, как и она, прослужил 27 лет на заводе. Он заплакал. Им рассказывал очевидец, что когда на заводе «Большевик»[693] собрали митинг по поводу воззвания Ворошилова[694], оратору не дали говорить. Его речь о защите Ленинграда и народном ополчении встретили криками: «Что нам с вилами, как на французов, против немцев выходить? С танками и самолетами вилами бороться? Нас предали!» А на митинге на Фарфоровом заводе говорили о патриотизме и махали руками те, у которых в кармане уже были талоны на эвакуацию. Остающиеся молчали!

«Да, — грустно сказала Елена Яковлевна, — нас предали». Наташа принесла из ТАСС сенсационную новость: немцы вошли в Персию, а мы и англичане двинули туда же войска[695]. Масштаб борьбы за мировую гегемонию разрастается и грозит разрастись еще больше. Мы, СССР, на положении Китая — мы нужны немцам, как утильсырье для борьбы с Англией. Унизительно и стыдно. Стыдно за то, что страна была 23 года в руках шайки глупых полуинтеллигентов, приведших ее к позору.

Родители Катиной прислуги Веры живут около Острова. Вера была в отчаянии, уверенная в их гибели. На днях оттуда пришел мальчишка-подросток и рассказал следующее. Их деревню немцы не бомбили, жителей не трогали, велели им переделить землю, коров и прочий колхозный скот и ушли. Крестьяне в восторге. Мальчик попросил, чтобы его отпустили в Ленинград, где живут родители. Его отпустили, и он пошел. Он встречал на дороге немецкие посты, штаб, везде его допрашивали, кормили и отпускали дальше. В таком роде это уже не первый рассказ я слышу, и это разнесется по колхозной России как по телеграфу. Результаты скажутся скоро. Мы вспоминали с Еленой Яковлевной первые годы революции — творческие годы. «Одним словом, — сказала я ей, — за двадцать три года нам пришлось видеть grandeur et décadance de l'empire. La guerre et la vergogne»[696].

Кукольные театры тоже «драпают». Деммени, Шапиро и Гензель получают вагон.

Заходили Беляковы. Шапиро собрал коллектив и осмеял все большие театры за бегство, объявив, что их театр едет в гастрольную поездку, а отнюдь не бежит. Чего бежать Деммени? Я думаю, у него совесть не совсем чиста.

Теперь недалеко то время, когда «устремися стадо по брегу в море, бяху же яко две тысящи и утопаху в море» (от Марка, гл. 5, 13).

27 <августа?>. Утром пришел Кочуров, давно я его не видала. Принес массу слухов: Гитлер прислал ультиматум — объявить Ленинград открытым городом и вывести войска[697]. Англия это будто бы поддерживает. На днях должны произойти какие-то крупные события. До него заходила Елена Яковлевна. По дороге в Союз писателей занесла пакет с книгами. Я долго уговаривала отменить поездку. «Вы понимаете, — говорила я, — Россия сейчас подожженный с четырех углов муравейник. Хабаровск и Владивосток эвакуируют. Ташкент не принимает, с юга и с запада тоже бегут в панике, — куда вы поедете с Ольгой Осиповной, которой семьдесят семь лет, поедете в теплушке». Она ушла. А немного позже, уже при Кочурове, вернулась с окон-

чательно растерянным видом. Отъезд эшелона отложен на семь дней. Их обстрелял пулемет, еле удрали, несколько человек были убиты.

Муся Гальская рассказывала Л. Насакиной, как ее отправили из Союза писателей на работы: привезли в болото, ничем не кормили, свежей проточной воды не оказалось, и они процеживали через полотенце грязную, червивую болотную воду. Спали на том же болоте. Через два дня у нее распухли ноги, и ее отправили в Ленинград. Всякое живое и нужное дело принимает у нас какие-то мертво-формальные уродливые формы. Берут на работу беременных, у которых происходят там выкидыши, больных.

31 августа. «Право на бесчестье» мы заслужили полностью — мы даже не ощущаем бесчестья. Мы давно потеряли не только всякий стыд, но самое понятие чести нам совершенно незнакомо. Мы рабы, и психология у нас рабская. У всего народа. Нам теперь, как неграм времен дяди Тома[698], даже в голову не приходит, что Россия может быть свободной; что мы, русские, можем получить «вольную». Мы только, как негры, мечтаем о лучшем хозяине, который не будет так жесток, будет лучше кормить. Хуже не будет, и это пароль всего пролетариата, пожалуй, всех советских жителей. И ждут спокойно этого нового хозяина без возмущения, без содрогания. Говорят, немцы всё же лучше грузин и жидов.

До чего мы дошли, и до чего нас довели. На днях я прочла нашу ноту иранскому правительству[699]. Пропустила из-за этой ноты свою очередь на яйца. Стояла долго в длинном хвосте какого-то двора на Литейном. Двигалась медленно. Я решила сходить в булочную, взять хлеб по карточкам[700]. Хлеб получила очень быстро, и черт меня дернул остановиться перед газетой. Я начала читать и забыла про этот пяток яиц, который имела получить. Эта нота была для меня откровением. Когда я прочла длинный перечень всего того, что Советское правительство уступило, отдало персам в 19-м году, я только вслух твердила: черти окаянные.

Всё то, о чем болели цари со времен Алексея Михайловича, что спешно достраивали от 1914 года до 1918-го, т.е. во время войны, всё это Ленин с Троцким отдали без сожаления и без малейшего понимания политического и стратегического значения того, что уступали, без сожаления; а теперешние умники еще хвастаются своей политической безграмотностью. И мне стало совершенно ясно, что Ленин был неумный и никак не государственный человек. Он был подпольный революционер, наторевший в полемике во французских и швейцарских кафе, пошедший на компромисс с немцами, чтобы сделать свой эксперимент. Для этого понадобилось обмануть мужиков.

Обманули и создали ЧК из человеческих отбросов. Очень быстро Ленин увидел, что опыт не удался и объявил НЭП. Тут его пристукнули, а собственный сифилис помог разложению[701]. Он пережевывал уже устаревшего в Европе Маркса и разразился парадоксом: «Каждая кухарка может управлять государством». Вот и доуправляли. Где золото, содранное с церквей, где золото, выпаренное у жителей? Я думаю, многое ушло к сионским мудрецам.

4 сентября. У нас остался ночевать Гаврик Попов. У меня в комнате лучше всего сделано затемнение, поэтому чай пили у меня. Г.Н. рассказывал сценарий фильма «Привидение путешествует на запад»[702]. Мы хохотали до слёз. А Ленинград, былой Петербург, окружен со всех сторон. Немцы спускают огромные десанты с танками, пушками, как говорят, в Териоках[703], за Колпином, теперь в Ивановском[704] по Неве. У нас сразу наступил голод, так говорят в очереди, для меня он наступил давно. С 1 сентября уменьшили норму хлеба: у служащих с 600 гр. до 400 гр. в день, у иждивенцев до 300 гр. 2-го я с утра пошла покупать масло и сахар, дали мне масла 100 гр. всего, потратила на это полчаса и затем два часа на 200 гр. сахара, больше не дают. Никаких круп, ни макарон, ни чечевицы. Пообедала с С. Муромцевой в Союзе писателей и на обратном пути встретила Гипси. Он мне сообщил весть, от которой у меня ноги подкосились: три дня тому назад арестован Чернявский[705]. Пришли ночью, очень долго обыскивали, ничего не нашли и забрали его. Гипси предполагает, что это ошибка, что у Владимира Степановича есть однофамилец и тезка — бывший офицер; Гипси говорит: «К приходу немцев быть арестованным — это, конечно, хорошо, но что они с Чернявским за это время могут сделать? Что с ним будет?»

Что с ним будет при его нервозности, его, как мне кажется, отсутствии мужественности? А НКВД способно на все... Гипси довел меня до дома. Поднимаюсь, вхожу — меня встречает Елена Ивановна Плен. На ней лица нет. Утром ее вызвали в милицию: высылка в 24 часа. Куда, каким образом, когда поезда не ходят? — «3-го вас погрузят на баржу и довезут до Шлиссельбурга[706], а там вы свободны, поезжайте куда хотите, живите где хотите, только не в Ленинградской области; можете взять с собой что хотите». Когда в назначенный час Вася поехал вместо Lily, чтобы сообщить о ее болезни, он там нашел человек сто высылаемых, главным образом женщин. Старушки в старомодных капорах, в потертых бархатных пальто. Вот с этими *врагами* наше правительство умеет бороться. И только, как оказалось, с этими. Немцы у ворот, расколошматили часть Ижорского завода, вот-вот войдут в го-

род, а мы старух и одиноких беззащитных и безвредных людей высылаем и арестовываем.

Интересно, что эти «свободные» старухи будут делать, когда их высадят в Шлиссельбурге? В сентябре? Петр Великий не додумался до этого.

7 сентября, утро. 5-го выяснилось, что высылают и нашего хирурга В.Ф. Ионова, который работает в Мариинской больнице[707] и у нас, работает с утра до поздней ночи. Вечером позвонила Шостаковичу: высылается Оссовский с женой в 48 часов. Он будет хлопотать в НКВД за Оссовского и Елену Ивановну. Вчера у меня была С. Муромцева, чудесно рассказала свой визит к Мичуриной, изобразила в лицах.

Пришла Наташа Данько. Они 5-го сидели вечером в большой своей комнате на проспекте С. Смоленского[708]. Громкий разрыв орудия, занавеска против Наташиного окна разорвалась звездой, посыпались осколки стекла.

Они все выбежали в темную переднюю, потом нашли в комнате осколок. Забрали кое-что и уехали в город.

Сегодня я очень плохо спала. Если сегодняшний день обойдется благополучно для тех тысяч народа, которых посылают в честь МЮДа[709] рыть окопы под немецким обстрелом, будет чудо. J'ai la mort dans l'âme[710].

<9 сентября>. Днем 8 сентября у нас был Г. Попов. Он играл. Позвал меня и стал играть Равеля. Он играл «Promenade en auto», и в самом бравурном месте говорит: «Стрельба». Я его успокаиваю, он подбегает к окну. Высоко в небе белые комочки разрывов, отчаянная пальба зениток. Внезапно из-за крыш начинает быстро расти белое облако дальше и дальше, на него нагромождаются другие, все они золотятся в заходящем солнце, они заполняют все небо, облака становятся бронзовыми, а снизу идет черная полоса.

Это настолько не было похоже на дым, что я долго не верила, что это пожар. Горели, по слухам, нефтяные склады, продуктовые Бадаева[711].

Картина была грандиозная, потрясающей красоты. Облака по своей расцветке напомнили мне Ларино, так как нигде таких красивых облаков, как в детстве и юности, я не видела. Лет 12—14 я могла часами лежать на копне и смотреть на облака. В особенности при закате солнца. И чего я только там не видала. Фантастические горы, средневековые замки, озера, моря...

10 сентября[712]. 8-го, 26 VIII по старому стилю, Натальин день, годовщина Бородинского боя[713], бывший наш ларинский храмовой праздник, с молебном, пирогами, парадным, всегда запаздывавшим, обедом и гостями; мы тоже отпраздновали по-новому. Началась бомбежка города. Наташа Данько

приехала ко мне с ночевкой, т.к. у сестры милиция не разрешает ей прописаться. Наш управхоз тоже еле-еле разрешил оставить ее на ночь.

Мы пили чай. Она мне привезла несколько картошин и конфет. Часов в 10 завыла тревога, и сразу же послышался взрыв. Я разбудила Васю и Наташу, которые уже легли спать. Мы продолжали сидеть у меня. Внезапный подземный, с полу, толчок, за ним взрыв, затем еще сильней, и такой взрыв, что мы с Наташей бросились в ванную. Вася и Наташа быстро собирали Сонечку, и Наташа с бабушкой ушли в бомбоубежище. Мы так и остались в ванной, центральной комнате без окон, к нам пришла Катя Пашникова. Вася сидел в передней. Взрывы повторялись, но уже меньшей силы. Очевидно, эти первые взрывы разрушили дома 10, 12, 16 по нашей Фурштатской и 24 по Чайковского. Я чувствовала невероятную усталость. [Целый день я дежурила в госпитале, и сразу же началась эта бомбардировка.] Наташа Данько сидела на краю ванны, мы с Катей на чемоданах. Я наконец не выдержала и пошла спать, закрылась пальто с головой — утром надо было вставать в 6 часов. После 12 был отбой тревоги, все стихло. Наташа Данько прилегла в пальто и берете, она заснула, а я так и пролежала до утра с мучительным сердцебиением в полудремоте.

Ночь с 9-го на 10-е я пошла уже в бомбоубежище. Главное, ничего не слышать. Эта ночь для нашего района была спокойнее. С 10-го на 11-е бросали бомбы в районе Жуковской[714]. Вчера же сначала было довольно тихо. Вдруг около 12 часов ночи взрыв такой силы, что земля ходуном заходила, потом другой, третий. Я читала рассказы А. Франса, подняла голову, уверенная, что рушится наш дом. Вошел Вася, значит, еще не мы. Вася по своему упрямству не заходит в бомбоубежище, а стоит на улице или на лестнице. Бомба упала во дворе дома № 6 на сарай и прачечную.

Добиваются ли немцы уничтожения здания НКВД, где масса зениток и куда из-за них они подлетать не могут, уж не знаю. Пока что страдают только несчастные мирные жители.

Наш бульвар загроможден скарбом из пострадавших домов. В доме 12, где живут Чернявские, срезало угол, полторы комнаты и кухню или переднюю, в глубину по Друскеникскому переулку. В верхних этажах стоят в остатках комнаты белые кафельные печи с каминами, висит где-то и качается от ветра оранжевый абажур, вдребезги разбитый буфет на оставшейся стене, до которой дотянуться уже нельзя, на вешалке висят два пальто, мужское и женское, рюкзак, стоит чемодан.

Там погибло четверо. Старик с немецкой фамилией Буссе, молодая больная женщина с мужем и еще кто-то, словом, только те, кто не ушли в убежище.

Получив повестку о своей высылке, Елена Ивановна обратилась за помощью или советом к своему бывшему сослуживцу, партийному, работающему сейчас в райсовете, который к ней всегда прекрасно относился. «Поезжайте, Елена Ивановна, как вы можете еще раздумывать, я бы 10 лет жизни отдал за то, чтобы иметь возможность эвакуироваться сейчас из Ленинграда. И не я один, тысячи человек были бы счастливы находиться на вашем месте».

Хорошо так говорить мужчине, обеспеченному, партийному (вероятно). Даже смешно.

12 сентября. Вечереет. На душе тошнотно. Мы все смертники, но не знаем, за кем сегодня придут.

Мы 23 года были потенциальными смертниками, а сейчас завершение всей эпохи. Бесславное завершение.

Рядом со мной Сонечка лепечет, лепечет обворожительно: «Люба — дай улибку, дай галяни». Улибка — это карточка улыбающегося Васи, когда ему было года два с половиной, похожая на Соню. Кто-то сказал при ней, что ее улыбка похожа на Васину, она с тех пор так и назвала карточку улыбкой. Галяни — карандаш. Приходили Наталья Васильевна, Митя и София Ивановна, ходили обедать в Союз писателей. Н.В. окончила двухмесячные курсы сестер, но теперь медлит поступать, хочет быть в опасное время дома, с Митей. Она спрашивает меня: «Ehescheidung? — развод?» «Ich bin in Ehescheidung mit meinem Manne»[715]. — «Приготавливаетесь?» — «Да». Она очень боится, как бы словесный блуд Алексея Николаевича не отозвался на Мите в случае прихода немцев. Толстые — он и она — воплощенное легкомыслие и беспринципность.

14 сентября. Вчера в госпитале у меня все из рук валилось, разлила марганцовку на скатерть и т.п. Весь день была стрельба из дальнобойных орудий. У наших раненых повышается температура. Почти всех их переложили в коридор, что создает сутолоку, беспорядок. Но коридор внутренний, сводчатый, крепкий.

Но молодежь и тут не унывает. Маржинцев, 19 лет, перед которым разорвалась своя же мина, слепой, лишь один глаз немного чувствует свет; Ерема Кондратьев, 20 лет, обе руки отняты ниже локтя и тоже слепой, и Федосов 21 года, недавно вынули глаз, но пострадавший меньше их всех. Они

садятся вместе в уголок и поют хором, голоса небольшие, но верные, музыкальные, у бедного Еремушки высокий тенорок. Он совсем ребенок. Маржинцев очень высокий, все лицо отечное от ранения, его трогательно все сестры и сиделки зовут Жоржиком. Он рассказывает старинные сказки. В ТАССе мрачно настроены, говорят, 15-го немцы возьмут Ленинград.

Мы в кольце, вокруг Ленинграда масса нашего отступившего войска, бежавшего за отсутствием командования.

Катин рассказ из окопов. За Красным[716] наступали немцы или финны. Командир и два политрука построили свою часть и ушли, обещав скоро вернуться. Немцы ближе, начали стрелять — наши не знают, что делать. Те продолжают стрелять — наши, отстреливаясь, отступили, дошли до штаба. Отыскали командиров в деревне пьяными с бабами, тут же расстреляли.

Раненая Кабанова, Красовский.

Кабанова — миловидная бабенка из колхоза верст двадцать за Петергофом. В их деревне стояли военные. Жили в их избе, напились; пьяный красноармеец уронил гранату. Многих ранило, ей пришлось вынуть глаз, раненый Волков тоже был ранен гранатой красноармейца, Лужин.

У нас в госпитале девочка, поступила 14-го. Дети играли утром в бомбоубежище. Вошел военный, бросил гранату. До 20 человек раненых и убитых. Сиделка рассказывает со слов родных: женщина с окопов привезла себе хахаля, муж на фронте. У хахаля всего имущества было шесть гранат. Три из них успел бросить в разные бомбоубежища.

Вова Красовский 12 лет, сын доктора, играл на улице Ракова с мальчишками, пьяный красноармеец стал им читать лекцию о гранатах. Проходили два милиционера, он им предложил: «Хотите, покажу пушку?» Те ушли. Он тряхнул гранату, взрыв, все дети ранены, у солдата покалечена рука. Теперь в бомбоубежища пускают только по пропускам. Что это такое?

Беккеры и их знакомые так и ночуют в бомбоубежище. Около них устраивается Наташа с Соней и бабушкой. Читают, французские книжки на столе. Они все очень милы, очень любезны и воспитанны, но чем-то эти бдения и несовременная воспитанность напоминают мне быт французских nobles[717] в Conciergerie[718] или других тюрьмах.

Заходил Кочуров и рассказал совершенный анекдот. Пока Шостакович хлопотал об Оссовском, из Москвы, очевидно из Комитета по делам искусств, пришла с опозданием на 10 дней телеграмма с приказом вывезти Оссовского и Асафьева, как золотой фонд русской интеллигенции, в Нальчик, дать возможность вывезти семью и квартиру.

Кочуров видел Оссовского. Тот рассказал ему это: «Правая рука не знает у них, что делает левая».

Алеша Бонч-Бруевич читал книгу о плане генерала Гофмана покорения России, плана, точно проводимого Гитлером в действие, книгу знали все, в 37-м году она была переведена на русский язык[719]. После чего у нас поторопились расстрелять Тухачевского. Lily все еще лежит, симулируя радикулит. В милиции, куда я носила ее бюллетень, вероятно, 4-го или 6-го, мне сказали: «Ну что же, пока больна, пусть лежит, а потом надо будет выехать». 12-го ходила с ее заявлением в НКВД. Ждала в очереди с 1½ до 5; как тревога, так мы должны были бежать в соседний двор. Дежурный был очень любезен, велел добавить кое-что, заверить характеристику от заведующего кафедрой, вероятно, придется еще раз к нему пойти. Она, бедняга, изнервничалась.

Я не герой, и это состояние овец на бойне непереносимо. Шабельские не ходят в бомбоубежище. Я же только там хорошо себя и чувствую, потому что ничего не слышу. Пусть меня прихлопнет, но я не слышу предварительной стрельбы, гуденья, свиста. А Вася, которого я всегда считала скорей трусливым, ни разу не зашел в бомбоубежище, а стоит на улице, осматривает чердаки.

Сегодня весь день тревоги. Вася ходил на крышу и видел штук 150 самолетов — бой. Была на почте, послала девочкам 100 рублей по Васиному почину. Встретила Ненюкова. Их дом № 24 на Чайковской разрушен, он остался в чем только выскочил.

16 сентября. Вчера я возвращалась в десятом часу из госпиталя. Накрапывал дождь. Ни зги не видно. Зарницы со всех сторон неба, — это идут бои. После этих вспышек еще темней. Выхожу на Литейный. Направо, в сторону Невского, далеко за ним зарево, красные тучи. Несутся танки, грузовики с солдатами от Финляндского вокзала[720]. За силуэтом Спасского собора[721] тоже зарницы. Мы в грозовом кольце. Громят Путиловский завод, «Электросилу»[722], Мясокомбинат[723]. Перед глазами встал образ Петровского Спасителя[724] — глаза, полные смертной муки и жалости. Я подумала: «Твой город громят, Господи, город Петра».

Была у бедной Lily. Обещала пойти 18-го в НКВД. С телефоном очень трудно, в нашем районе выключен, по слухам, будет выключен везде. Звонила Данько, они обе страшно обрадовались, т.к. о нашем квартале ходят очень мрачные слухи. Все страх.

В конце обеда (был целый обед! Без мяса, конечно) звонок. Вася открывает, я слышу Наташин взволнованный голос и Васино громогласное «Слава богу».

В чем дело? Оказывается, дела очень плохи, немцы быстро надвигаются, по-видимому, возьмут город, будут бои в городе. «Чему же ты радуешься?» — говорю я. «Все что угодно, только не бомбежка». Я говорю: «Ты не понимаешь *трагедии*, Россия перестанет существовать». Он отвечает: «А сейчас? За двадцать три года создался такой клубок лжи, предательства, убийств, мучений, крови, что его надо разрубить. А там видно будет».

Я сегодня заходила в церковь под грохот дальнобойных орудий. Невесело. Что-то нас ждет?

Я как-то спрашивала Наташу Данько, каково настроение у рабочих. Она говорит, что воззвание Ворошилова о самозащите страшно возмутило рабочих. Все боеспособные уже давно взяты в армию, остались старики и женщины, кто же будет защищать город? И где оружие?

А нормы все сбавляют. Теперь я уже вместо 600 гр. получаю в день 200 гр. хлеба, и этого, конечно, не хватает. Целый день в госпитале — 14 часов продержаться на 200 граммах. Это трудновато.

Вчера Алеша рассказал Васе, что перед выступлением Сталина с 5½ утра по радио предупреждали, что будет чрезвычайное сообщение. Затем, после объявления диктора, что будет говорить Председатель и т.д. и т.д., раздался дрожащий голос: «Братья и сестры», затем бульканье наливаемой воды в стакан и лязг зубов о стекло. «Друзья мои» — и опять стук зубов о стекло[725].

Мужичьё сиволапое. Робкий грузин! Открыла окошко, потушив, конечно, предварительно свет. Все спокойно. Орудийной стрельбы не слышно, но все время зарницы, очевидно, со стороны Финляндии; некоторые очень яркие, высоко над домами. Дома черные, без единого проблеска света.

Хочется спать, уже двенадцатый час. Спим не раздеваясь уже с 8-го, только утром переодеваясь.

18 сентября. Сегодня днем дальнобойные орудия били по Ленинграду. Соня испугалась, мы быстро свели детей в бомбоубежище, там хоть ничего не слышно. Психологическое укрытие.

Уверяли, что это наши стреляют по немцам, но, увы, немцы погромили достаточно. У Троицкого моста[726], у Дворцового[727]. На углу Желябова и Невского[728] — это в центре. Маргарита Валерьяновна <Князева> говорит, что на углу Вознесенского[729] и Казанской[730]. Что дальше, не знаю. Вася был на улице, искал Наташе чулки.

Зашла С. Муромцева, пошли обедать в Союз писателей, встретили А.А. Смирнова, Б.В. Казанского. Казанский рассказал, что Лавренев уже давно уехал с Большим драматическим театром[731]. Он в день их отъезда встретил жену Лавренева, Е.М., она рассказала ему об этом и добавила, что, конечно, несколько стыдно уезжать, но Б.А. так нервничает... Еще бы, после своих глупых статей[732]. Храбрецы.

Смирнов подождал меня, и мы вместе дошли до трамвая. «Его Величество решило сделать из Ленинграда плацдарм. В наших газетах сообщалось, что немцы где-то выставили перед своей армией русских заложников, женщин и детей. В Ленинграде выставляют перед своей же армией три миллиона безоружных стариков, женщин, детей, ученых и хотят сделать новую Нумансию[733]. Армия, вместо того чтобы прорваться и сохранить свою живую силу, сгоняется в Ленинград, на Академии наук пулеметы. Ужасно, когда все зависит от воли обезумевшего фанатика».

Дошли почти достоверные слухи о гибели Гени Зевелевича. Это ужасно. Он приезжал в последний раз такой бодрый, жизнерадостный. Несчастная, несчастная его мать.

К нам за столик в Союзе писателей села дама, которую я там часто видела, но не знаю, кто она. Немолодая, невысокая, худенькая, с нервным хорошим лицом. Сегодня она вся дрожала и была как-то вне себя. Соня Муромцева оторвала ей талон. «Я два дня ничего не ела, у меня такое несчастье...» Я спросила, что с ней. «Нет, лучше об этом не говорить, но то, что со мной случилось, это во сто раз хуже смерти». Ей надо было ехать к юристу, на Петроградскую, и она никак не могла понять, почему нельзя ехать через Троицкий мост, на какой трамвай сесть. Вероятно, кого-нибудь арестовали близкого. Пошла к Лили, взяла бумаги, но до НКВД не дошла, смалодушничала — опять сильно палили. Пойду, если доживу, в субботу. Хоть бы англосаксы вмешались и не дали нас искоренить окончательно. Ведь отбить все равно не смогут.

Сонечка стала такая бледненькая. Молока теперь доставать негде, масла нет или, вернее, почти нет. Бедная детвора.

Вчера в лечебнице была жена Стрельникова Надежда Семеновна и вызвала меня, т.к. знала через Н.И. Кутузову, что я там работаю. (Она все повторяла: какие люди, какие люди.)

Встретились мы очень тепло; она с детьми тоже без крова. Около их дома на Староневском[734] упала бомба, все окна выбиты, штукатурка обсыпалась, и дом дал трещину, но устоял. Они теперь поселились в квартире Зона[735]. Она

рассказала мне следующее: недели за две до этого она заснула, сидя в кресле. Слышит, что ее зовут: «Данечка», — и видит: Николай Михайлович. Она пошла приготовить ему постель, но увидела, что там спит Боря. Решив, что ей все это показалось, она вернулась на кресло и опять заснула. И опять слышит голос Н.М.: «Данечка, не забудь, в субботу, в половине двенадцатого». Когда упала бомба именно в субботу в половине двенадцатого, мальчики даже не проснулись и ничего из вещей не пострадало. Надежда Семеновна видит в этом заботу Николая Михайловича о семье даже за гробом. Она построила дачу в Луге, боясь за легкие детей, у Бориса начало туберкулеза. Там осталась ее сестра. «Там немцы, и если только не нагрянут наши партизаны, все уцелеет. А придут партизаны — сожгут».

20 сентября. Вчера был ужасный день. Еле я успела дойти до госпиталя, началась страшная пальба, казалось, над нашей крышей, завыла тревога и взрывы один за другим где-то совсем близко. Эти толчки в земле невозможно переносить. Днем еще тревоги. Под вечер я шла из 5-й палаты, на коридор из поликлиники по лестнице вели мужчину в штатском, в халате, с забинтованным лицом, на бинтах выступала везде кровь, сзади шла Мария Васильевна, бледная, с осунувшимся лицом. Мужчина сказал мне: «Добрый день, сестрица». Голос показался знакомым. Мария Васильевна прошептала: «Вы узнали?» Я схватилась за голову. Доктор Бондарчук, которым мы так восхищались. В перевязочной тотчас занялись извлечением осколков. В правом глазу, на лице везде было стекло, одно из них было такой величины. Бондарчук занимался в лаборатории Института на Маяковского[736]. Началась тревога. Все стали уходить, звали Бондарчука, он медлил, хотел закончить работу. Тревога — волна разбила окно, около которого сидел доктор. Его увезли наверх, в операционную. В 9 я хотела уйти — опять тревога. Бондарчука перенесли на наш коридор, ходячие больные ушли на другой конец, детей раздвинули, привезли каталку. Операцию и наложение швов делал В.М. Остроумов, помогала Мария Васильевна. Была абсолютная мрачная тишина. Изредка начинал пищать кто-нибудь из ребят, сиделка взяла маленького, в тот же день раненного, на руки и укачивала.

Бондарчук терпеливо молчал. Над ним молча работал и накладывал многочисленные швы Остроумов. Тонкий и красивый профиль А.И. Яковлевой. Все они с повязками на лице.

Когда в первый раз в нашей перевязочной его разбинтовали, он очень спокойно сказал М.В.: «Я взрослый и трезвый человек и прошу сказать со-

вершенно откровенно: глаз потерян или нет?» Остроумов: «Ничего нельзя сейчас сказать, глаз очень плох, но категорически сказать, что погиб, нельзя». Глаз и веки были разрезаны, все залито кровью.

Когда перевязка кончилась и Бондарчука повели наверх, мы остались одни с М.В. Она только сказала: «Какой ужас», — и заплакала, и я тоже. Молодой, ему 41 год, блестящий доктор-нейрохирург и человек, и так зря быть раненным, может быть выведенным из строя.

Вчера бомбы были брошены в Мариинскую больницу, Нейрохирургический институт, поликлинику, новый Морской госпиталь на улице Красных командиров[737], который очень долго горел.

Я так домой и не ушла, потому что в половине 12-го опять была тревога, продремала на диване до 6 утра. Бондарчук спал спокойно. Ему вспрыснули противостолбнячную сыворотку, дали сульфидин[738]. Всю ночь около него просидела одна из его сотрудниц. До жены не дозвонились. Выключение телефонов в такой момент вносит лишнюю панику. Ни об ком ничего не знаешь.

Какое дикое, ни с чем не сравнимое варварство.

Говорят, Ляля видела сама, были немецкие листовки: «Мы даем вам передышку до 21-го, а потом, если вы не сдадитесь, сотрем вас в порошок». Непонятно, к кому они обращаются. Мы обыватели — quantité negligeable[739], а Сталин — он сам нас уже 20 лет как в порошок стирает, Ленинград он не выносит, т.к. здесь его никто не знал и не видал в начале революции.

Сонечка так и спит в бомбоубежище. Теперь она привыкла и засыпает. Ей вчера снесли туда ее старую кроватку.

Для повышения настроения пущен слух, что завтра прибавят хлебный паек. А паек вообще сошел на нет. За вчерашние сутки я съела всего, вероятно, не больше 250 гр. хлеба и 4 кусочка сахара с чаем, и больше ничего.

22 сентября. Три месяца войны. Немцы взяли Киев. Сегодня Вася читал очередную немецкую листовку «Мир угнетенному народу». А дальше: «Мы ведем войну с комиссарами и евреями, сдавайтесь, а не то вы все погибнете под развалинами своих домов. Вы в железном кольце»[740].

Какой-то grand guignol[741]. Кому нужна наша гибель под развалинами Ленинграда? Наша жизнь по советской расценке много дешевле тех бомб, которые на нас потратит Германия.

Эти листовки явно предназначены для создания паники в населении и в почти, по слухам, безоружном войске.

Теперь ходят слухи о совещании в Москве с Америкой и Англией[742], они, дескать, требуют, чтобы Ленинград был сдан, а по другим версиям — объявлен вольным городом. Очевидно, путают понятия вольный и открытый[743].

Бьют часы — 11 часов. Toutes blessent, la dernière tue. Близка ли эта последняя минута? С начала войны немцы все время бросают листовки. Первые были самого радужного содержания: «Жители Ленинграда, никуда не уезжайте, бомбить не будем». Теперь бабы в очередях это вспоминают. Говорят: «Гитлер нас обманул».

Была я опять в НКВД с заявлением Е.И. Сегодня оказался очень вежливый и приятный дежурный, обещал сегодня же доложить начальнику управления: «Авторитет товарища Шостаковича и вашего мужа будут иметь решающее значение» — давай Бог. Бедная Lily, до чего она одинока.

Под вечер зашел Г. Попов. Он в первый раз был очень со мной откровенен, рассказал об аресте в 37-м году его отца: «Если у нас останется тот же Союз, те же Круцы и Иохельсоны, я кого-нибудь из них задушу».

Многих «из золотого фонда интеллигенции» отправляют сейчас на самолетах до Тихвина[744]. Улетел Фок с семьей, т.е. с Сашенькой Лермонтовой и детьми, Мигай, Зощенко[745]. Последним не разрешили будто бы взять жен. Попов говорит, что если бы ему предложили уехать одному, он бы остался: «Как я могу бросить Ирину, прожили 11 лет — и оставлять ее на произвол судьбы!» Может быть, уедет Шостакович с семьей. Софью Васильевну контузило при разрушении соседнего дома, и она сейчас живет в Хореографическом училище вместе с Марусей. Бедные, бедные мы овцы. Но русский народ заслужил это. Он не сумел отстоять своей религии, своей старины, на которую ему наплевать.

24 сентября. Вчера за день было двенадцать тревог. Раненые уже перестали выходить из палат в коридоры, как это полагается, надоело, устали. Выстрелов слышно не было, взрывов также. Сегодня говорят, что бомбили окраины и Кронштадт. Сегодня слышен все время артиллерийский обстрел довольно далеко. Мучительно думать о Сонюрке, мучительно слушать канонаду. А народ на улицах, мне кажется, вообще ничего не думает.

Я пошла опять в НКВД за ответом для Е.И. Редкие раскаты орудий. Огромная очередь у винной лавки.

Когда я 22-го вышла из НКВД, с Литейной бежала толпа людей, бежали так, что я решила: там, за углом взорвался снаряд и тревога. Рядом же бомбоубежище. Я спрашиваю бегущих: «Что, тревога?» — «Да, да», — чуть не

сбивают меня с ног. Я направляюсь к бомбоубежищу в соседнем доме. Нет, народ бежит не туда. Они бежали в очередь за овощами.

В НКВД сегодня ответа мне не дали, сказали, что на дом пошлют к Е.И.

Вася сегодня ездил с Верой в Парголово[746]. Привезли 24 кг картошки по 3 рубля кг. Здесь нет ее совсем, за последний месяц, кажется, только один раз Катя достала 4 кг. Их просили привезти носильные вещи.

Куда это сегодня стреляют?

Каждый день немцы кидают листовки. То они рекомендуют всем жителям уйти за 25 километров от города, то, вчера, советовали весь день сидеть в бомбоубежищах, «а ночью можете спать спокойно». Даже будто бы была такая: «Не сигнализируйте, мы сами знаем, где бомбить».

Наташа спросила в ТАССе, не ведется ли каких-нибудь переговоров в Москве об условиях сдачи Ленинграда (были слухи, что англо-американцы требуют уничтожения колхозов и восстановления частной торговли), — корреспондент ответил ей: «Не говорите об этом громко: слишком поздно».

В «Известиях» очень невразумительно пишут о голоде в Германии. «На третий год войны снижают паек, мало картошки» и т.д.[747] Для чего это писать и только раздражать бедных обывателей?

На днях, когда вечером все собрались в бомбоубежище, завхоз Антонов делал доклад о сборе теплых вещей для армии, о фанере, которою надо забить окна, и прочих благоглупостях.

Мы, голые и босые, мы должны помогать Красной армии, одевать ее! Я, кстати, хожу в летнем пальто. Осеннее старое я продала зимой, а материю на новое — весной. Буду ходить в летнем до шубы. К девочкам посылки так и не пошли. Как будет дальше, смогу ли я им послать теплые вещи? Никто больше не заходит. Приятнее всего сидеть дома и никуда не рыпаться.

Вчера я хорошо помолилась, и как-то спокойнее стало на душе. Только бы Соня и Вася уцелели. Наташа принесла слухи из ТАССа, что в Детском Селе груды развалин, но памятники старины не пострадали. София[748] совсем разгромлена. Немцы предупреждали, чтобы вывели войска. Г. Попов рассказывал, что немцы требовали, чтобы военные части были выведены из парков, если хотят спасти парки. Части не вывели, и Павловский дивный парк уничтожен.

Неужели наши власти могут что-либо пожалеть из русской старины, власти, которые динамитом взрывали Симонов монастырь[749] и Михайловский златоверхий в Киеве[750], с его мозаиками!

Что им, этим Рымжам, Житковым, безграмотным parvenus[751], памятники старины? Я помню, когда я в 1905 году была во Флоренции, там было страшное волнение среди всего населения, все газеты были полны полемикой, где стоять микеланджеловскому Давиду. Он стоял на площади Санто-риа, а его хотели перенести куда-то в другое место; во всех лавчонках только об этом и говорили[752].

А нам что? Да еще после двадцатилетнего коммунистического уравнительного бедствия, воспитания.

Сейчас заходил приятель и сосед Кати Князевой Карнаух. Он рассказал, что Шлиссельбург нами сдан, также и Валаам[753]. Что на Валааме мы уничтожили все, кроме монастыря. Теперь речная флотилия пытается доставить в Ленинград продукты и запасы, которые там есть. Этот Карнаух был директором института.

Сегодня утром получили две телеграммы из Свердловска от Лели и Юрия, какая даль, говорили все, что и правительство туда уедет.

Екатеринбург — кровавый город[754].

Послали им ответные телеграммы, Юрию такую: живы, здоровы, благодарим, целуем. Надеясь, что из первого слова он догадается, что нам грозит смертельная опасность, и немножко раскается, что Васю к себе не взял в начале войны.

26 сентября. Le dernier jour d'un condamné[755] растягивается неизвестно по каким причинам. В центре за последние дни не было таких сильных бомбежек, как вначале, но все время слышна орудийная стрельба.

По слухам, усиленно громят Кронштадт. Больно за Кронштадт, за наш флот, за Васю-брата и прежних моряков, расстрелянных и эмигрантов. Вспоминаю, как в первые же дни японской войны я ездила к Васе в Кронштадт на санях из Рамбова[756]. Потом ездила в 12-м году на кладбище на могилу Сапунова.

Если в немецких руках будут Шлиссельбург и Кронштадт, то что же дальше? Говорят, пришел Сибирский свежий корпус, и этим объясняют наше относительное успокоение. Я этому не верю. Для меня непонятно, не помещается в моем мозгу, как четвертое измерение, бесцельное варварство немцев, бомбардировка больниц. Пострадали Мариинская, Нейрохирургический институт, Николаевский военный[757], Невропатологическое отделение Медицинской академии, Морской госпиталь на б. Конногвардейской, теперь Красной конницы[758]. Туда были брошены фугасные и зажигательные бомбы,

там погибло очень много народу, раненых, много сгорело. Бомба, брошенная в больницу Эрисмана, не взорвалась, а ушла на 6 метров в землю.

Зачем? Показать, что они ни с кем не считаются? Мы это знаем. Неужели же в будущем человечество не восстанет против этого варварства?

Бедный кроткий Николай II организовал Гаагскую конференцию[759], Бриан Лигу Наций. Все это псу под хвост. Тевтоны über alles[760].

Ходила сейчас на почту, необходимо девочкам послать акрихин[761]. Я зашила таблетки в марлю по одной, чтобы было плоско, марлю пришила к открытке — не принимают. Нигде нет такого бесчеловечного формализма, как у нас. Сейчас седьмой час дня. Вася с Катей уехали в Парголово за картошкой около 11 утра, и до сих пор их нет. Беспокоюсь ужасно.

Наша семья сейчас 9 человек — у нас поселилась Наташина сестра с Алешей и домработницей. Глупа она вроде отца, только у нее вдобавок нет отцовского воспитания. Она бесцеремонна и грубовата. Васе они все очень надоели.

27 сентября. 2 часа ночи. Бабахают дальнобойные орудия с 12 часов. Что же делать? Разбудила Наташу, она считает, что не стоит нести детей в бомбоубежище, выстрелы довольно далеко.

За стеной храпит Е.М. Шабельская. Люди уже привыкли. Буду спать. Написала девочкам письмо.

28 сентября. Ночь была совсем спокойная и утро также. В прошлую ночь и в эту — огромное зарево по направлению к Кронштадту. Вчера бросали бомбы на окраинах, на Петроградской стороне, на Выборгской около бывших гренадерских казарм[762]. К нам в больницу принесли около 6 часов вечера двух раненых, один ранен в Колпине, другой, шестидесятилетний, около завода «Вена»[763].

Я вчера думала: Россия заслужила наказание, и надо, чтобы «тяжкий млат»[764] выковал в ней настоящую любовь к родине, к своей земле. 100 лет, а может, и больше интеллигенция поносила свою страну, свое правительство, получила в цари Мандукуса[765] и начала униженно, гиперболически преклоняться, возносить фимиамы, думая только о шкуре своей. Думать тошно об апофеозе «Как закалялась сталь» в театре Радлова с бюстом Сталина в центре действия[766].

А Алеша Толстой!!

Убийство Александра II чего стоит. Подозреваю я, что и там Англия была не безучастна.

Теперь Немезида[767].

Россия не может погибнуть, но она должна понести наказание, пока не создаст изнутри свой прочный фашизм.

Днем опять пошла в НКВД. Дежурный, умного вида еврей, конечно, ничего не знал о заявлении Е.И. Он меня спросил: «Ее больше не вызывали? Не беспокоили? Нет? Так чего же она волнуется? Поправится, выйдет на работу — пусть к нам зайдет. Тогда выясним, будет то или другое». — «Нам бы хотелось, — заметила я, — чтобы было то, а не другое». Он благосклонно засмеялся. С самого начала он очень удивился, почему ей было предложено выехать. По-видимому, это была кратковременная и совершенно нелепая полоса, и уехали одни бедные одинокие старушки.

Поехала к Е.И. Ее сосед, железнодорожник-проводник, ездит теперь до Купчина[768] и там роет траншеи, разрушает шоссейную дорогу, закладывает мины, покрывая их досками и делая над ними подобие могилок с надписями. Над ними спокойно и не стреляя летают немцы. Когда появляются наши самолеты, немцы улетают. Наши сбили там два своих самолета.

Приятельница Е.И., жена командира — ремонтника военного корабля, приезжала проститься с матерью, забегала к Е.И. Кронштадт бомбят нещадно, корабли ушли оттуда в разных направлениях, муж получил приказ быть готовым идти в Кронштадт. Он командир, партийный, ничего не знает, что делается, есть ли какой-нибудь план, ничего. Знает только, что погибнет, и жена перебралась к нему на корабль делопроизводителем и сестрой, чтобы погибнуть вместе.

Вечером тревога. Мы с бабушкой, детьми и Катей Князевой пошли вниз, уложили детей. Соня общая любимица. У нее сияют глаза, и общую радость при ее появлении она принимает как должное. Перед тревогой она с Алешей пришли ко мне, и мы смотрели картинки в «Mon Jurnal». Алеше надоело, и он ушел. Она же прижалась ко мне и задремала у меня на коленях. Я испытывала настоящее счастье, прижимая этот маленький теплый комочек. Как мне хочется устроить счастливое детство, дать ей хорошую гувернантку, повезти летом куда-нибудь.

30 сентября. Мои именины. Пошла в церковь. Там очень хорошо поют, поют так, что отрешаешься от житейской путаницы. «Горé имеем сердца»[769] — в этом весь смысл церкви, богослужения. И такое потом успокоение испытываешь.

Ночь была спокойной, даже не верится. Вечером вчера около 8 была тревога, я была в госпитале. Слышна была пальба настолько сильная, что все раненые сбились в коридоре, куда почти не доносятся раскаты взрывов.

Здесь же сидела и М.В. Попова, совсем больная. Вслух читали газету, я стала делать вечерние процедуры, впускать глазные капли, делать компрессы. Через силу входила в перевязочную, там казалось, что где-то близко кидают бомбы и вот-вот наступит мой черед. И постепенно страх исчез.

Около 9 тревога кончилась, и один из раненых заметил: вот вы-то до конца с нами просидели, а вчера все сестры в бомбоубежище сбежали, с нами осталась кухарка да две санитарки.

Оказалось, что вся эта стрельба и грохот был шум от наших собственных зениток. А накануне было сброшено много бомб; мы были в убежище, а Вася на улице насчитал до десяти взрывов.

28-го утром из кухонного окна я увидала людей, несущих от нашего подъезда носилки, лежащий на них был покрыт белым. Занесли в сарай.

Оказалось, в квартире 91, против нас, жила молодая женщина, очень худенькая, лет 35, Сабуренкова, с сыном и матерью. Муж был на фронте, и со взятия Кингисеппа[770] она ничего о нем не знала. В ночь первой ужасной для нашего района бомбежки, с 8 на 9, ее видели в жакте в совершенно растерзанном виде, с растрепанными волосами, вид у нее был мало нормальный, она рыдала. 9-го она сказала сыну: «Юра, я иду в магазин». И с тех пор исчезла. Ее искали во всех больницах — безрезультатно. 28-го какие-то военные пошли осматривать чердаки и в темном закоулке нашли ее повесившуюся. Мозг не вынес впечатлений. Жаль людей.

Вчера вечером, когда я пришла с дежурства, Вася, тоже дежурный по дому, рассказал таинственную историю. Военный заметил с улицы, что в одном из окон нашего дома, выходящего на Кирочную[771], как только начинается тревога, включался и выключался свет, было похоже на сигнализацию. Вчера туда пошли, стучались полчаса, пока открыли дверь. Там оказались дети Шельдер, две девушки 18 и 14 лет и мальчик лет 10. Мать у них недавно умерла. Их допрашивали; Вася ушел, так что подробности неизвестны. Старшую девочку отвели в НКВД. Может быть, они охраняли наш дом.

2 октября. Вчера я дежурила. Весь день слышалась орудийная пальба, раскаты. Все делают вид, а может быть, и действительно не обращают внимания на эти раскаты. Я откровенно признаюсь, что только делаю вид. Приехавшая к вечеру санитарка Наташа, она из Московского района, живет около Заставской, рассказывает страшные вещи. Палят по Московскому району. Она с семьей переселилась в землянку, муж с детьми там и остался. Железнодорожный мост через Обводный канал разрушен. Наши орудия тоже стреляют. И среди этой пальбы, под разрывающимися снарядами — люди, обы-

ватели роют траншеи. Вчера (говорит Наташа) там стали падать снаряды. Люди побежали. Им закричали: «Стой, ни с места». Ну, которые умные, те успели убежать, а кто не убежал — все в кашу, одно мясо осталось.

Это рытье окопов в принудительном порядке — загадка для меня и для многих. Рыли под Кингисеппом, Веймарном[772] (Митя Толстой), Лугой, наша Катя была под Лугой, Толмачевом[773], Красным. Все это взято немцами, и немцы, как говорят, с благодарностью воспользовались готовыми траншеями. Сейчас-то, когда идет обстрел пригородов, это копанье производит впечатление маниакальной идеи сумасшедшего. Стопроцентное выполнение приказа и жажда выслужиться за чужой счет задурило бедным дуракам головы.

30-го была Соня Муромцева. Бомбы свистят над ее головой, но она влюблена, счастлива, ее приглашают в Александринку играть Лизу в «Дворянском гнезде»[774], глаза блестят. Я за нее очень и очень рада, т.к. считаю, что ее место на сцене.

Всякие слухи: будто бы Кронштадт уже взят, туда спустился десант. Уцелевшие корабли прошли в Неву. Тимошенко с армией перешел к немцам, присоединился к какой-то русской армии!?![775] А перед этим говорили, что он застрелился, что он расстрелян...

Мы вообще ничего не знаем. «Яко овца на заклание ведеся»[776].

Сегодня я весь день не выхожу, отдыхаю. Утром затопили ванну, вымыли детей. Соня боится воды и страшно плакала, пока мы с Катей Князевой мыли ее пухленькое тельце. Принесли пупсика — пупсик бяка, отмахнулась от него. Как только завернули в простынку, развеселилась: Соня выкупалась, Соня чистенькая.

Вася пишет хороший натюрморт и насвистывает песнь цыганки из «Декабристов», я штопаю чулок, все это под отдаленную сплошную канонаду. Сегодня Маргарита Валерьевна принесла слух, что мы повели наступление, что мифический Кулик таки пришел, немцы окружены[777].

Куликом этим уже с месяц убаюкивают наше беспокойство. Все подобные разговоры называются госслухами. Нашего капитана собираются эвакуировать в тыл на самолете. Мария Васильевна сообщила мне это по секрету. Беседуя с этим капитаном Ольховиковым, я вспомнила вяземских армейских офицеров — Вовочку Рухина, Семевского, Тухина. Это же несравнимые величины. Это были гении в сравнении с современными капитанами и лейтенантами, читающими по складам. Ни одной мыслишки от них не услышишь, ни одного движения интеллекта. «Глубоко народный командный со-

став!» Он показал себя. Лефевры и Мюраты могут быть при Наполеоне, а при Ворошилове им всем ноль цена, они остаются платьем голого короля.

Теперь, когда мы все — смертники, я поняла, как я привязана к Васе.

Вчера я вернулась из госпиталя около 11 часов, тревога длилась около 3 часов и задержала. Сразу прошла в бомбоубежище, дети были там, и я узнала, что Наташа, работавшая всю ночь, не вернулась. Вася поехал к ней и до сих пор ни того, ни другого нету. Ноги задрожали. Из жакта звоню в ТАСС — не отвечают. Иду домой — вернулись. А ведь что переживешь за несколько минут, какие ужасы не придут в голову.

Вскоре после начала бомбардировки я была в госпитале и делала с Марией Васильевной перевязки. Из поликлиники зашла санитарка: кто тут у вас Шапорина, ее мужчина спрашивает. Я попросила обождать и продолжала помогать доктору. Я решила, что с нашими несчастье и ко мне прислали сказать. Что я тут пережила! Не выдержав, я попросила шепотом Надю Банникову дойти и узнать, кто пришел и что случилось. Надя через минуту вернулась, ничего не случилось, это ваш сын. Мария Васильевна услышала наш шепот и отправила меня узнать, в чем дело. Я вошла в поликлинику, увидала Васю и расплакалась неизвестно почему, никак не могла удержаться. А он пришел сказать, что пришла телеграмма от Атовмьяна с переводом в 1500 рублей от отца. Долго потом еще дрожали колени и ноги подкашивались.

Вчера вечером, когда я шла домой, было совсем светло, взошла луна и пробивалась сквозь быстро бегущие облака. Я вышла на Литейный — огромное зарево, облака совсем красные, свет шел по направлению к Московскому вокзалу или еще дальше, к Малой Охте.

Сейчас десятый час. Пока ждали тревогу, я выспалась. Тревоги до сих пор нет, даже не верится. Скоро месяц, как спим не раздеваясь, хотя и были немецкие листовки: спите спокойно, ночью бомбить не будем.

Сейчас рассматривала старую карту 1857 года Рейна, с иллюстрациями — как тихо; когда в Европе настанет тишина тургеневских романов и можно будет проехаться по Рейну. Увы, я уже больше никуда не попаду, не пожить мне больше в Италии, не побывать в San Gemimano, в Assisi, в Сиенне, куда так хотелось. Грохот тевтонских пушек разрушил мир.

«Ôtes-toi de là, que je m'y mette»[778] — кричит немецкий народ всем остальным.

8 октября. Сейчас около 3 утра. Только что вернулась из госпиталя. Тревога началась с немецкою аккуратностью в 7½ часов, длилась шесть часов с лишним и кончилась около двух. На улицах мутные сумерки, то ли луна, то

ли рассвет, довольно светло. Кто погиб за эти 6 часов, что разрушено? Когда яростно лаяли зенитки и слышались раскаты взрывов, я только думала: «Господи, помилуй, Господи, помилуй». Угнетает полная беспомощность. Что думают Гете и Шиллер о своих потомках?

8 октября, вечером. Сегодня дождь, и я выспалась за вечер. Посмотрела в окно; кое-где мерцают звезды, разъяснивает, и ночь, может быть, готовит сюрпризы. Я съездила сегодня в Комитет по делам искусств[779], к Рачинскому, встретила бегающего по лестницам Шапиро и около часа ждала приема. Просила прикрепить нас, семью Шапорина, к открывшимся у них столовым в БДТ, Александринском, Михайловском[780]. Он обещал, велел записаться у Боровкова. Боровков же начал длительно объяснять мне, что не может же он записать нас раньше, чем голодающих актеров: «Посудите сами: театр Деммени голодает, приходил А.А. Брянцев, говорит: “Я народный артист, член Ленсовета, всех знаю в Ленсовете, и я устроил только семьдесят актеров в столовых, а шестьдесят голодают; пятьдесят человек у меня ведут большую шефскую работу и голодают. Накормите их”. Мне надо прикрепить восемьсот человек, прикреплю и вас, но вы сейчас в театре не работаете». Я ему напомнила о заслугах Шапорина, забыла напомнить о своих, указала, что С.В. Шостакович и Толстые уже прикреплены. Хорошенькие дела через три с половиной месяца войны. Наши девушки съездили сегодня в Старую деревню[781] и нарезали там на полях капустных кочерыжек и набрали листьев. Тушеные кочерыжки оказались очень вкусным блюдом, и Вася решил еще раз съездить с девицами туда же. Если бы запастись, то был бы хоть маленький ресурс.

У нас в госпитале лежат раненые рабочие, сдавшие свои карточки первой категории. Им дают только 200 гр. хлеба. Они было стали возмущаться, выяснилось, что райсовет постановил: на больничном положении довольно с них и 200 гр. хлеба! На весь день.

Мне пришлось продежурить с 3-го на 4-е всю ночь, т.к. Ильинская не смогла прийти из-за тревог, я 25 часов прожила, съев только 200 гр. хлеба и выпив две кружки чая. Все, по-видимому, относительно. Это была ужасная ночь. Первый раз немцы бомбили Ленинград всю ночь, до 4 утра. Одна тревога следовала за другой через полчаса.

Молоденький двадцатидвухлетний краснофлотец Герасимов, раненный в голову, бредил. Несмотря на принятый люминал, он то и дело вскакивал и с криком хотел куда-то бежать. Я его гладила, успокаивала, под раскаты взрывов уверяла, что все тихо. Он засыпал и опять, и опять бредил.

6-го была у меня Елена Ивановна, ее дела без перемен.

Заходила С. Муромцева. Она принята в Александринский театр, репетирует Лизу в «Дворянском гнезде», Луизу в «Коварстве»[782]. Все александринцы ее ласкают и хвалят и удивляются, как это произошло, что она до сих пор была не у них.

Настроение там ахти какое!

В уборных Александринского театра размещены П.З. Андреев с Дельмас, Каменский и Софроницкий. Кажется, переселится туда же и С.В. Шостакович. Андреев рассказал следующий эпизод о Касторском. Касторскому три раза предложили лететь из Ленинграда. Он все три раза ответил отказом. Его вызвали в НКВД, стали какие-то фертики[783] допрашивать: на каком основании вы отказываетесь; может быть, вы ждете каких-нибудь перемен, мы очень подозрительно относимся к таким отказам. Касторский: «Я больной человек, у меня больное сердце, и лететь на самолете не могу. Не всякий человек может быть летчиком. Почему вы именно меня, старого певца с ослабевшим голосом, хотите увезти, когда есть гораздо более достойные молодые». — «Мы хотим спасти вашу жизнь». Касторский: «Мою жизнь я получил от Бога, и он в ней волен».

Фертики пожали плечами и отпустили Касторского домой.

Соня рассказывала очень много, она чудесно это делает; она играет, изображая в лицах.

Мечты Лешкова; Мичурина. Андреев.

Я никогда не интервьюирую больных. Но прислушиваюсь к их разговорам. Оппозиционный элемент составляет сейчас Никонов, раненый рабочий Ижорского завода. Слышу как-то: говорят об общем положении дел. Нас бомбят, Полтава взята. «Прохвастались», — говорит Никонов.

Мотя, санитарка детского отделения: «Сами мы виноваты». — «Чем же мы виноваты?» — «А тем, что на всех собраниях руки поднимаем».

Смирнов, у которого отнята одна рука, спрашивает Еремушку — без обеих рук и слепого: «Когда война кончится, тебе ведь будет очень обидно, что ты и руки и глаза потерял». На что Кондратьев ответил: «Видишь, если война кончится нашей победой, я не буду обижаться. А если немцы победят, то, конечно, обидно». У Еремы нежный юмор, который не покидает его и во время самых злостных бомбардировок. И чудесное светлое лицо. Нестерову бы с него писать какого-нибудь убиенного Бориса, ослепленного Василька.

Заходила сегодня Марина Хармс. Д.И. арестован уже полтора месяца тому назад, соседний с ними дом разрушен, их дом дал трещину, все окна

выбиты, она живет в писательской надстройке[784]. От родителей, живущих в Малой Вишере[785], никаких известий. Марина без всяких средств к существованию и в смертельном беспокойстве за Даниила Ивановича. Была Женя Григорьева. У нее окна заколочены досками, очень холодно, но все же они все вернулись на свою квартиру. Она нянчит чужого ребенка и собирается поселить у себя уже третью жилицу, раненую с верхнего этажа, учительницу. Женя — это сама самоотверженность и доброта. Мы с ней познакомились в 1903 году у Александра Маковского в его школе.

Я вчера списала из какой-то статьи в газете: «Великий Сталин неоднократно указывал, что самое ценное в нашей социалистической стране — это люди!!!»[786]

10 октября. Третий час утра. Опять тревога, длившаяся 6 часов, очень аккуратно с 7 часов 30 минут до 1 часа 30 минут. На улицах светло как днем. Луна сияет ослепительно, а такого блеска Большой Медведицы я, кажется, никогда не видала. В городе тихо. Быстро бегут люди, задержанные тревогой. Мчатся застрявшие трамваи. Как будто ничего и не бывало. Пожаров не видно.

Захожу в наше бомбоубежище. Сонечка спит. Дома есть нечего. Тушеные кочерыжки оставила в духовке — они прокисли, суп несъедобный. У меня ни крошки хлеба. Подогрела суррогатное кофе, выпила чашку с леденчиками. За весь день, с 6 утра до 3 часов ночи, 200 гр. хлеба, 2 кружки чаю и чашка кофе. Pas beaucoup[787].

От своих я не вижу никакой заботы. Я для Князевых соседка, о которой не надо заботиться. Ну да Бог с ними.

Сегодня в газетах: сдан Орел, обострились бои на Брянском и Вяземском направлении. Очевидно, Вязьма взята. Немцы берут Россию, как масло режут. И Ларино встало передо мной как живое. Дороги, луга, выбоины на дорогах, мостики, леса, парк с горкой в конце, церковь, папина могила, аромат травы, дорога на станцию, Днепровская долина — я вижу все это, я чувствую запах леса; и все это, быть может, истреблено нашими и немецкими полчищами.

Ларино в двенадцати верстах от железной дороги. Расстроилась я ужасно. Вдобавок оказалось, что Н.И. Кутузова бывала в наших местах, только в другую сторону от Издешкова[788]. У ее бабушки было там небольшое имение. Она знает Нюту Путята, ее брата, — ее дальние родственники.

Когда я утром шла в госпиталь, была чудная погода, только что встало солнце, и с горизонта вдали за Литейной, из-за Пантелеймоновской цер-

кви[789] подымались розовые, сиреневатые облака, такие, как на картине Мусатова[790] — quand les lilas refleuriront[791].

И эта утренняя красота, и ночной лунный и звездный блеск — все это несет смерть, бомбы, разрушение...

Боже мой, до чего человечество регрессирует. Страшно за людей.

А наши газеты, радиопередачи отвратительны и бестактны. Орел взят, Брянск взят, а по газетам мы все время гоним противника.

Позор, и какой позор! Сил нет перенести. Где Римский-Корсаков? Жив ли он? Об нем ни слуху ни духу.

11 октября. Половина второго утра. Вернулись с Наташей из бомбоубежища, где Соня осталась ночевать в своей кроватке, бабушка, Катя и Алеша на скамье.

Сегодня 10-го — 27-го по старому стилю — день папиной смерти. Я отслужила панихиду по рабам Божиим Василию, Елене, отроковице Елене. И какая-то тишина спустилась на душу, тишина осеннего дня, я даже не знаю, с чем это внутреннее состояние сравнить.

Я помню мой приезд в Ларино 29 лет тому назад, как вчера, мою встречу с Сашей в Смоленске, отпеванье, милые папины руки и мое горе бесконечное, ужасное горе. Как я любила папу, как люблю его и сейчас, как мы все, дети, его любили.

Если Вася в Париже, он, верно, тоже служил панихиду, жив ли он, Саша? Рим, Votre inutile et tragique voyage[792], как писал мне тогда Петтинато из Рима в Ларино. Мы тогда еще были европейцами с общей родиной Пан-Европой[793], а теперь мы голодные, озверевшие волки, лязгающие друг на друга зубами, и надо всем Германия, жаждущая дорваться до нашего горла. Она его уже почти перекусила. Падуанский Мантенья мне так же дорог, как новгородская София, но это уже древняя история, и я, мы, пан-европейцы, это вчерашней день.

Я подходила в церкви к Спасителю, смотрела в его такие человеческие глаза и говорила Ему: «Твой город, Господи, спаси и сохрани».

Опять тревога. В предыдущую тревогу около 11 часов Вася сосчитал 3 падения бомб. Куда? Дикари.

12 октября. Вчера вечером я вернулась домой в десятом часу и застала у себя Ирину Вольберг. Она сидела в кухне на Катином диване. На ней был красноармейский макинтош, на воротнике 3 кубика[794], высокие сапоги, кожаный ремень, на коротко остриженных волосах шапка.

Она вскочила и, чтобы предупредить мое нападение, быстро заговорила: «Я уже договорилась с Катюшей, я ей дала 50 рублей, дам шелковое черное платье и впоследствии я ей достану туфли. Я могу легко это сделать — я теперь старший лейтенант, у меня уже были туфли, найденные у немцев, но только очень маленький размер, Кате не подойдет. Я ей скоро достану трофейные туфли». — «Но как ты могла взять у бедной девушки единственное добро, последние и единственные туфли, — по-русски это называется кража». — «Я на другой же день принесла их обратно, но бабушка сказала, что все переговоры надо вести с вами». — «Бабушка никакого пакета у тебя не видала, ты могла на другой же день принести их». — «На другой же день меня призвали в Красную армию, а сейчас дом, где оставались туфли, разбомбили». Она вытащила из узла трепаное шелковое платье. Катя примерила — ей выше колен, она отказалась его взять. «Тогда я тебе отдаю все остальное!» «Все остальное» заключало в себе рваную скатерть, две пары старых трусов и рваные рейтузы. Тут Ирина вынула еще 100 рублей и дала Кате. «Вот это другой разговор, — сказала я, — хотя сейчас Катя туфли нигде и не найдет». Ирина стала завязывать узлы: «Как хорошо, что я оставила свое оружие в Доме Красной армии, хороша бы я была с узлами и своим автоматом!»

«Как же ты так быстро получила свой чин?» — «Я выполнила очень важное задание, мое начальство получило за это ордена. Мое соцпроисхождение помешало представить меня к ордену, но мне дали старшего лейтенанта и предложили вступить в партию. Я выдержала экзамен в Театральное училище, но на другой же день меня призвали в армию. Да, сейчас почти всех комсомолок призвали. Работаю в ПСМ (или что-то вроде) по снабжению».

В это время она надела свою шубу, а сверх нее красноармейскую шинель. Котиковый воротник шалью был выпущен поверх воротника и прикрывал все кубики.

«Моя ставка 400 рублей». — «Смотри же, пошли маме». — «Непременно».

Ирина удалилась. До моего прихода она поведала Кате, что в апреле ей родить! «Вчера я случайно встретила своего мужа на Невском. Это первый раз после моего отъезда из Детского». Направилась она на Моховую, 34 (по ее словам) в Театральный институт.

Все эти рассказы произвели на меня впечатление отчаянного вранья, и костюм — переодевания в чужое.

Бедная Евгения Павловна. Типичная авантюристка.

Вечером, не успела я проспать и полчаса, как завыла тревога, и очень скоро после этого где-то не очень далеко упала бомба, дом содрогнулся.

Быстро снесли детей вниз, и я оставалась там до пятого часа, до конца тревог, и читала «Войну и мир».

Невероятно унизительно сидеть и ждать бомбу. Я думала о Гитлере, вспоминала его тяжелое лицо. Человек, вероятно, гениальный, одержимый маниакальной и сумасшедшей идеей покорения мира ради торжества своей расы. Все равно этот конгломерат рассыплется. Нельзя поработить нации, давшие миру Толстого и Достоевского, Шекспира. Но патриотизму он людей научит и, даст Бог, подрежет оккультное масонство.

14 октября. Голод бодро на нас надвигается, то есть он уже пришел, но мы, привыкшие к постоянному недоеданию, мы все еще не решаемся называть вещи своими именами. На эту декаду было выдано мне, как служащей: 100 гр. сахара, 50 гр. масла, 100 гр. леденцов, 100 гр. селедки (¾ селедки), 300 гр. макарон. Это все. И 200 гр. хлеба в сутки. Неслужащие масла не получили вовсе и сахара 50 гр.

На рынках нет ничего, купить нигде ничего нельзя. Картошку отбирают. Кирька, Катин брат, вез по Неве на лодочке два мешка картошки, один из них предназначался для нас. Красноармейцы отобрали у него картошку.

Отец Катин служит в водном транспорте, по лесосплаву; сейчас его барка стоит где-то вверх по Неве против Рыбацкого[795]. Катя вчера с утра туда поехала, и до сих пор ее нету. Как бы она не попала под обстрел.

В госпитале работает дружинницей Нина Меерсон из ТЮЗа. Вчера я прошу ее кланяться всем, кто меня помнит. Некому, все уехали в Кронштадт на пятидневку, А.А. с ними (Брянцев). Они ездят на самые передовые позиции, были и в Детском, после того как там частично оттеснили немцев, были в Пулкове[796]. Там комиссар сказал им, что в 800 метрах находится ДОТ, где сидят семь человек, и немцы никак не могут с ними справиться. Хорошо бы туда пробраться, чтобы развлечь смельчаков, но пробраться можно только ползком. Мужчины запротестовали, а женщины, молодежь соглашались ползти. Пока шли пререкательства, немцы открыли такой огонь, что ползти стало уже невозможно.

Сегодня я опять была в НКВД по делу Елены Ивановны. Опять был новый дежурный и опять сказал, чтобы она ждала ответа, не являясь в милицию.

Арестованы профессора Бертельс, Жирмунский, Эберт, еще какой-то историк.

Взята Вязьма, вчера Брянск, Москва постепенно окружается.

Что думают и как себя чувствуют наши неучи, обогнавшие Америку. На всех фотографиях Сталина невероятное самодовольство. Каково-то сейчас бедному дураку, поверившему, что он и взаправду великий, всемогущий, всемудрейший, божественный Август.

Наш больной, раненый колпинский рабочий, настроен очень пессимистично. Вчера к нему приезжала жена. Обстреливают Ижорский завод со всех сторон, со стороны Детского, Малой Ижорки, обстреливают и мирный поселок, т.к. наши ставят орудия среди жилых домов. «Я думаю, что ни в одном государстве, — сказал он, — этого не делают. Я ложусь спокойно спать, а утром вижу, что около меня, моего дома огневая точка. Мы с ними бороться не можем. Жене из Колпина выехать не разрешают. Ленинград беженцев больше не принимает, и приходится оставаться под огнем».

Сейчас приехала Катя, привезла целый мешок капусты. Капусты, c'est beaucoup dire[797]. Маленькие кочешки, выросшие на оставшихся в поле кочерыжках, листья — сейчас это драгоценность. Если бы у нас не жила Катя Князева сам третий, мы бы вообще лучше питались.

Я иногда, пробыв весь день в госпитале на 100 гр. хлеба (100 я съедаю утром), дома пью чашку кофе. Сегодня обед роскошный: остатки супа с макаронами и немножко макарон. Я разделила свои 300 гр. на 4 раза. Что дальше будет, не знаю. Мечтаю о спекулянтке.

Вчера буфетчица Поля принесла мне ½ кг масла за 50 рублей. У нее где-то за Невской заставой[798] знакомая, имеющая отношение к продуктовому магазину. Это может быть неприлично, но голод, искусственно созданный нашими правителями, еще неприличнее.

Ленинград через три месяца войны остался без хлеба и всего прочего.

Тут заплатишь любые деньги.

Бедная, золотая Сонюрочка бледнеет. Сколько это может продолжаться? Ходят слухи, что скоро хлебный паек уменьшат до 100 гр. в день.

Маргарита Валерьяновна пришла к нам в ужасном состоянии. Вчера фугасная бомба упала на дом 81 по Каналу Грибоедова и в поликлинику, где она работает, на Вознесенском, доставили 62 человека тяжелораненых. 12 человек умерло у них же. Среди них четырехлетний ребенок.

Что за бесцельное избиение — Massacre des innocents[799]. Ужас берет.

Катя была у родителей на правом берегу Невы, против Рыбацкого. Как настала ночь, так немецкие самолеты и полетели и никто в них не стрелял. А зениток там много.

Вчера я дежурила в госпитале, тревога началась в 7 часов, и очень скоро стали раздаваться выстрелы, где-то близко бахнуло, еще и еще. Неприятно. Потом кто-то побежал, с подъезда ворвались какие-то люди: «У вас крыша горит, где ход на чердак?» Никто не знал. Наконец их направили в поликлинику, рысью они пробежали по коридору между кроватями раненых, влетела девушка: «Нина, беги, твой дом горит». Нина Каштелян, шестнадцатилетняя дружинница, умчалась. Стало все тихо. Раненые не двинулись с места. Я продолжала впускать в глаза капли.

Кроме первого момента замешательства, никакого волнения и паники.

Пожар был быстро ликвидирован. Зажигательные бомбы, по слухам, около ста, были брошены по всей Моховой: в дома 38, 34, 30, 28, может быть, и еще, и все были очень быстро потушены.

Мальчики, подростки увлечены тушением бомб и, говорят, успешно тушат. «Бежим на чердак, а там какой-то дядя, жадина, восьмую тушит, а нам не дает». Где-то в нашем районе пятнадцатилетняя девочка с флюсом взбежала раньше всех на чердак и потушила бомбу, чему страшно завидовали мальчишки: девчонка, да еще с флюсом!

Все исхудали страшно. 12-го пришел Попов и остался ночевать. Спустил весь жирок, живот пропал. Вася острил: «Благодарю товарища Сталина за тонкую талию». Вообще, Вася много и хорошо острит и увеселяет своих товарищей по ночным дежурствам.

Боюсь за его почки, боюсь за всех. Так бы хотелось уцелеть всем.

16 октября. Вчера и сегодня ночью не было тревог. Под утро я разделась, надела ночную рубашку и чувствовала радостное состояние выздоравливающей. И кажется, что эти тревоги, эти бомбежки, убитые, раненые, зияющие дома — это дурной сон, кошмар, этого не может быть, настолько это все нелогично, противоречит жизни, законам человеческим и божеским. А в утренних сводках тяжелое положение на фронте, прорыв в западном направлении. Вчера, говорят, перед тем, как известить по радио о взятии Мариуполя, передавалась песня «Москва моя, страна моя...»[800].

Стыдно за всё. Стыдно за передачи по радио, стыдно за Лозовского. Еврейские parvenus вообще лишены такта, как всякие, впрочем, parvenus, но у иудеев по отношению к России нет ощущения родины. Ужасно. Мне кажется, что я не смогу посмотреть в глаза ни одному немцу, ни одному нашему эмигранту.

Вася преклоняется перед гениальностью немцев, и в частности, генерала Гофмана.

Вася погружен в мысли об искусстве. Третьего дня мы весь вечер проговорили с ним о Сезанне, его влиянии, спорили о Пикассо и о Шекспире. Вася — человек с шорами на глазах. У него бывают увлечения. Когда-то, кроме Чупятова, никого после Леонардо не существовало. Теперь Сезанн и Лев Толстой, может быть еще генерал Гофман, остальное не существует.

20 октября. Уже конец октября. Два дня нет ночных тревог. Немцы под Москвой. Взята Одесса, т.е., как наша печать сообщает, оставлена без нажима немецких войск. Чудесная красавица Одесса, хорошо, что я ее повидала прошлым летом. Беляковы уверяют, что у Шапиро уже лежат в кармане два билета на вылет из Ленинграда. Но куда они, дурачки, летят? В России не будет лучше, и там еще могут вспыхнуть восстания и погромы. Перед приходом немцев подонки постараются сводить счеты. По слухам, есть аресты среди лиц, отказавшихся уезжать. Что-то очень давно нет Муромцевой, и я беспокоюсь о ее судьбе.

В госпитале теперь больше раненых граждан, чем военных, восемь бойцов и пятнадцать граждан. Военных некуда эвакуировать. Г. Попов часто приходит к нам ночевать. Вчера они с Наташей и Васей размечтались о том, как они купят коня, разделят его и будут есть бифштексы. Они как-то в начале войны вместе завтракали в «Квисисане»[801], ели жареного поросенка и запивали коньяком. Вошел милиционер и стал у всех проверять паспорта. Г. Попову он задал ряд неприятных вопросов. Когда же он спросил паспорт у Валерьяна, тот ему показал какой-то билет, который милиционер молча ему вернул и ни о чем не спрашивал. Уходя из ресторана, Попов спросил у Богданова-Березовского: «Что ты ему показал?» — «Не помню», — был ответ. Теперь он, беспартийный, назначен ответственным секретарем Союза композиторов. Вообще Попов склонен всех подозревать в службе в НКВД, Пушкова, даже Шостаковича. Ему кажется, что для преуспевания у нас — это единственная дорога. Сам Гаврик пока неудачник. Он мне представляется трусливым и нервным. Этого достаточно, чтобы спасовать. Он рассказывал про своего отца, что тот так был перепуган революцией, что сошел с ума и все ценные вещи побросал в Крюков канал. Что же касается до Шостаковича, то это, конечно, чушь, и такие возмутительные подозрения вызваны неосознанной завистью.

Достаточно Шостакович настрадался от Сталина. Если ему вернули «милость» и дали премию[802], то это, конечно, под влиянием успеха за границей и какого-то все-таки общественного мнения у нас.

Гаврик тоже готовит по-немецки объяснительные речи о своей опере.

22 октября. Возвращаться из госпиталя приходится в кромешной темноте. Перед глазами ходят черные круги от напряжения. На Моховой тротуар в рытвинах, того и гляди упадешь. На Пантелеймоновской[803] уже легче, видно больше неба и асфальт. Вижу силуэт Спаса Преображенья. Когда попадаю на Кирочную, значит, дома — никакая тревога уже не остановит.

Вчера только что заснула, раздался сильнейший грохот, я проснулась. Опять выстрел. Бомба ли, дальнобойное ли орудие? Попов не спал, говорит, бомба. Разбудила Васю и Наташу, те и ухом не повели. Это дальнобойные, и притом наши.

Наши или нет — мне все равно. Не могу слушать эти внезапные разрывы. Взяла «Войну и мир» и пошла в бомбоубежище, где и читала до 1 часу, пока не стихло. Там тепло и светло.

В столовой — суп и «мясное»: за 50 гр. мяса по карточке получаю не больше 25 гр. колбасы и столько же чечевицы, колбасу съедаю, конечно, с кожурой. Это все на весь день.

Когда-то я смотрела в Александринке «Ревизора». Осипа играл Варламов. В сцене, где Хлестаков обедает в гостинице, Осип стоял за его стулом и жадно глядел, как он ел. Хлестаков глотал, глотал и Осип.

Когда я кормлю больных, я всегда вспоминаю эту сцену и чувствую себя Осипом.

Больные сейчас начинают шуметь, что им урезают порции, нет белых булок. Для нас же их пища — недосягаемое блаженство. К утреннему чаю каша или селедка. В 1 час обед: щи или суп, котлеты с кашей или макароны с мясом и кружка компота. В 4 чай без ничего, в 6 ужин из одного блюда — пирог или каша. В 8 еще чай.

Хлеба военные получают 600 гр., гражданские 200. Как-то я шла утром в госпиталь, шел снег, с вечера тоже шел снег и тревоги не было.

Вася пишет картину: Божия Матерь Севера. Женская фигура в красном; перед ней идет мальчик в белой русской рубахе, за ними северное сияние и льды. Мне пришло в голову продолжить: из-под руки Божьей Матери идет снег, а внизу под снегом наши города. Она осеняет нас снежным покровом.

Сказала Васе. У него так холодно в комнате, что невозможно работать. И топить нечем. У меня пока было 10 градусов.

Что будет дальше, ума не приложу. Придется всем спать в одной комнате. Дров нет, хлеба нет, правители, по слухам, вылетели из Москвы в Казань.

В консерватории распространили слух, что Митя Шостакович улетел с Бивербруком в Америку. Вася заходил сегодня с Поповым в Союз компо-

зиторов и узнал, что Д.Д. в Саратове и прислал сюда вызов для Софьи Васильевны — разрешение ей на вылет из Ленинграда.

Третьего дня была и ночевала С. Муромцева. Принесла всякие александринские новости. Все декорации чуть ли не за сто лет, находившиеся на улице Росси, сгорели. И «Маскарад»[804], и «Дворянское гнездо».

До чего жалко. Там были сброшены зажигательные бомбы. Бедная Софья Васильевна, живущая в Хореографическом училище[805], была среди огромного пожара.

Говорят, немцы перед взятием Киева сбросили дымовые безвредные бомбы. Дым заполнил улицы и дома. Когда дым рассеялся, на каждом углу стоял шуцман. Se non è vero, è ben trovato[806].

Соня была в миноре. Старики ее очень хвалят, а снизу, конечно, интриги: «Как это со стороны, из эстрады, пришла и сразу в героини». Я ей прочла длительное наставление о том, что интрига в театре всегда была и будет и что надо на это идти, бороться, добиваться своего и побеждать. И если Вольперт это не нравится, не обращать внимания.

Чуть не каждый день получаю открытки и письма от девочек. Я очень за них беспокоюсь, у них так мало теплых вещей. Послала сегодня еще 50 рублей — значит, всего уже 260 рублей. Написала, чтобы заказали валенки. Посылку, конечно, уже не послать.

От Лели открытка. Сколько ей, бедняге, на старости лет приходится передряг переносить и мыкаться по белу свету.

А немцы и в Таганроге, и в Малоярославце, и Твери.

23 октября. Проснулась сегодня с обрывком фразы «у Бога», — откуда это? — и вдруг вспомнила: «Легкой жизни я просил у Бога, — Легкой смерти надобно просить». И я шла в госпиталь, и там все утро звучали во мне эти чудесные стихи Бунина[806а]. В особенности сейчас приходится просить легкой смерти; «безболезненна, непостыдна, мирна и доброго ответа на судище Христове»[807].

Дождь, грязь, но, может быть, благодаря этому известная тишина. Или все силы направлены на Москву? Бедная Москва. Юдина там. Давала недавно концерт. Где Надя Верховская, где Римский?

24 октября. В «Московской правде» статья политрука В. Величко[808]: многодневные бои на дорогах к Москве. Статья, не похожая на обычные наши фанфаронады. Если бы у нас так писали, так позволяли писать, и дух был бы у нас другой.

Дух замирает от ужаса, сколько поляжет там наших, сколько полегло. Во имя России, имя которой правители не решаются произнести. Что будет? А статья Толстого отвратительна. Хвастовство, хвастовство и хвастовство. А сам давно сбежал. «Мы делаем шах королю...»[809] Хорошенький шах.

И почему немцы везде с превосходящими силами? За тысячи верст от своей базы — и все с превосходящими силами. Где же наши миллионы?

Не могу об этом думать. И вижу перед собой Еремушку без рук, без глаз, с ясным, светлым лицом и нежным ласковым голосом.

Слухи, что кто-то видел листовки, предупреждающие, что 26-го начнется усиленная бомбежка. Что мы, бедняки, можем делать? Прятаться в бомбоубежище и погибать.

Васе страшно хочется работать. Его семья меня раздражает. Они все у нас живут, видят, что Вася замерзает в своем поношенном пальто. Полушубок он по-шапорински оставил в Москве у Ю.А. Я вижу у бабушки валяющийся прекрасный ватник, его подстилают Алеше в бомбоубежище. Я обрадовалась и прошу дать его Васе под пальто. «Ах нет, из этого будет шуба для Алешеньки!»

А покрыть шубу Алешечки хотели Галиным детским пальтишком. Миша, Катин муж, привез из-за границы несколько костюмов и отрезов на костюмы, но дать сыну что-либо из этого им жалко, не лучше ли взять у моих нищих девочек. Все деньги, которые Ю.А. когда-либо давал на обмундирование, шли на Наташу, Вася гол как сокол. А им жалко ему дать ватник. И раздражают эти все сладкие названия: алешечки, маргошечки, туки, тяки и пр. Я живу теперь отдельно, хожу в столовую и там эфемерно питаюсь.

Наташа принесла из ТАССа слух, что на заводах проводятся митинги о том, что рабочие «просят» снизить хлебный паек в пользу Красной армии.

Мы знаем, как проводятся эти резолюции. Сейчас мы погибаем на 200 граммах. Что же будет, если мы будем получать 100 грамм? Я погибну, в особенности если это надолго.

А хочется досмотреть картину до конца.

26 октября. Вчера я стояла в очереди перед столовой, кто-то меня окликнул: «Здравствуйте, Любовь Васильевна». Смотрю — мальчуган лет 10, в ушанке. «Не узнаю, как тебя зовут?» — «Я Аркадий — Аркадий Корабельников». Их семья поселилась в части нашей квартиры в Детском, другую половину — нашу столовую, переднюю и кухню — занял горе-художник Ахрамюк. Аркадий рассказал, что они и многие другие наши соседи давно уже

выселились из Детского; половины нашего дома уже не существует. А Детское сейчас «нейтральное».

Бедное Детское[810]. Я боюсь думать о кладбище, об Алениной могилке. С июня месяца я там не была. 3 июня, в день именин, я свезла фиалок на могилу. А с тех пор, как началась война, я осталась без денег, надо было девочек отправить и т.д. Кладбище рядом с аэродромом. В каком оно виде — страшно подумать. Алена, детка моя, я тебя оставила на произвол судьбы. Когда я туда попаду?

Если только я уцелею и у меня будут какие-либо средства, перевезу могилы в Александро-Невскую лавру[811]. А папина могила — что-то с Ларином?

Вчера, когда я вернулась из госпиталя, Катя Князева встретила меня с хохотом: «Вы ничего не знаете? Катя потеряла ваши хлебные карточки, у нее украли сумку, где были все ее деньги, 300 рублей, паспорт, ваши и ее хлебные карточки, все карточки на масло». Мне стало страшно. Как прожить шесть дней без этих несчастных 200 грамм, которые все-таки являются главным plat de résistance[812]. Утром я поехала на Обуховский рынок[813] поискать хлеба. Конечно, ничего не нашла, но не жалею, что съездила. Народ страшен. Это какие-то брейгелевские карикатуры на людей. Все ищут пропитания, хлеба, капустных листьев. Ободранные, с желтыми, изможденными лицами, заострившимися носами, провалившимися глазами. Огромная очередь за капустными листьями, там драка и визгливые ругательства баб. У чайной очередь впирается в дверь, туда старается протолкаться маленький мальчуган лет 8. Взрослый мужчина хватает его и отшвыривает от двери, мальчуган катится кубарем, вскакивает на ноги и с ревом опять лезет в дверь, его не пускают бабы, крик, рев. Женщина с желтым треугольником вместо лица стоит с двумя крошечными желтыми кочешками капусты и пытается променять их на хлеб, девочка меняет пол-литра молока на хлеб, на нее кричат, угрожают милицией. Страшно. Несчастный народ. Скоро мы начнем пухнуть, как в 18-м году.

Вернулась домой, Вася меня заставил взять у себя кусочек хлеба, который я взяла с болью в сердце; что можно взять из полуфунта. Пошли мы с ним в кафе «Бристоль»[814], съели по супу из протертой чечевицы с намеком на плавающие в нем гренки и по 25 гр. макарон с сыром. Вася взял лимонад. На бутылке красная наклейка с следующей надписью: «Не рекомендуется пить беременным, малолетним и почечным больным». Вася выпил всю бутылку, не слушая моих протестов: «Послушай, что опаснее: бомбежка, артобстрел, голод или лимонад с сахарином?»

Оттуда Вася поехал на симфонический концерт, исполнялась 4-я симфония и Фортепьянный концерт Чайковского[815]. Зал был полон, и Вася говорит, что никогда он такого наслаждения от музыки не получал, как сейчас.

Я же пошла в свою столовую, съела еще суп с макаронами и 25 гр. манной каши. Как я завтрашний день просуществую!

Из слухов: Беляковы, видевшие Надюшу Птохову, рассказали, что из всего высшего командного состава нашего флота, бывшего в Ревеле[816], уцелел один Птохов, которого тоже подобрали в воде. Будто бы немцы бросали листовки: «Сдавайтесь, все ваше начальство уже улетело и увезло с собой мумию».

У нас что-то тихо. Вероятно, все силы немцев брошены сейчас на Москву и Юг. Часть нашего двадцатичетырехлетнего позора смывает сейчас с России все тот же мужик. И за ним будет будущее.

Сегодня заходили Белкины. Он говорит, что приходится теперь слышать фразу: сами поставили, сами и сымем. Кого поставили, кого сымем, неизвестно.

<...>[817] говорят, что А.А. Ахматова улетела из нашего Ленинграда[818], Зощенко тоже. Жаль, я все к ней собиралась.

30 октября. Прошел и октябрь. Немцы нас опять вспомнили, прилетали вчера, третьего дня. А дальнобойные все время обстреливают наши пригороды, за Невской заставой, у завода Марти, Путиловский завод. «По стратегическим соображениям» нашего Великого стратега мы оставили Юзовку[819], Харьков, с легкостью немцы взяли Украину, Кривой Рог, Донецкий бассейн, отрезали Крым, отрежут Кавказ и Баку — а наши все силы брошены на защиту двух столиц. Наши же войска вокруг Москвы и Ленинграда могут быть зажаты в железном немецком кольце. Ужас. Не хочется об этом и думать. Сейчас все заняты мыслями о пропитании, ищут дуранду, отруби, а мы — пропуска в столовые. Опять ездила в Управление по делам искусств. Если Боровков мне завтра не даст трех пропусков, дело будет дрянь.

Что делается в Москве и под Москвой, нам неизвестно, в газетах не пишут.

Наташа принесла слухи из ТАССа, что там начались погромы. Говорят, что москвичи в панике. Мне страшно думать о бедной Москве.

Вася подал заявление о принятии его в Пожарную охрану на улице Росси, 2. Вася все делает нелепо, шиворот-навыворот: у него больные почки, больное сердце, а он — в пожарные! Хочет иметь I категорию. Вместо того чтобы сейчас пробиваться в театр, когда художников осталось в городе мало,

и работу, хотя бы не очень выгодную, найти можно. И ничего и слышать не хочет.

31 октября. Обтерпелись. Когда грохочут дальнобойные, я закрываюсь с головой и засыпаю, будь что будет. Люди стоят в очередях, катают детей на саночках по бульвару. Г. Попов ищет спекулянтку, чтобы поехать за город и что-нибудь достать, конины или картошки.

Встречаю Головкину Ирину Владимировну, она что-то грустна. Ее мать Софья Николаевна Троицкая — родная дочь Н.А. Римского-Корсакова. Голодает, конечно, как и все. Я посоветовала Ирине Владимировне хлопотать о пропуске для матери в столовую через Союз композиторов. Она была там, и Богданов-Березовский ей обещал что-либо устроить, был очень любезен. Она пошла за ответом: «Богданов-Березовский занят, меня направили к Фрадкину, который ведает распределением. Взглянув на меня через плечо, он процедил: “Римским-Корсаковым? Отказано”. Я была ошеломлена и переспросила: “Как, Римским-Корсаковым — отказ?” — “Да, отказано”. В это время подошла Юлия Лазаревна Вейсберг. “Ты что тут делаешь, — это моя племянница”, — объяснила она Фрадкину. Тот тогда приподнялся и поклонился. Я рассказала. Ю.Л. пришла в раж. “Как, дочери одного из величайших композиторов вы отказываете в тарелке супа?” — и пошла... Подошел какой-то еще ушастый еврей: “Но вы поймите, мы своим не всем дали, я даже своему бг’ату не смог устроить. Отдайте свой пропуск”. Тут я вмешалась: “Но ведь Юлия Лазаревна получает как композитор, а не как жена Андрея Николаевича Римского-Корсакова”. Ю.Л. продолжала бушевать, и я, вероятно, получу пропуск, но не как внучка Римского-Корсакова, а как племянница Юлии Лазаревны Вейсберг».

5 ноября. Атмосфера сгущается. По слухам, немцы бросали листовки, рекомендуя 7 и 8-го сидеть дома, запастись продуктами. В газетах — немцы стягивают войска к Москве и Ленинграду. В Ленинграде продуктов нет. Перед 1-м ходили радужные слухи, что на 10 дней увеличат норму хлебной выдачи, но пришло 31-е, и я на 1-е получила те же 200 гр.

3 декабря. Летят на самолетах, уезжают на машинах. Из нашего дома, с нашей лестницы на днях улетели в Свердловск Рыскины; он, по-видимому, крупный инженер, она же милая и очень крупная женщина — у них 3-летний мальчик Буба, — взялась отвезти мое письмо Леле. Их домработница провожала, они добирались до аэродрома два дня. По ее рассказам, подлетает много аэропланов, сваливают продукты, нагружаются пассажирами и улетают не задерживаясь.

Эвакуация (по слухам) идет вовсю. А мы, бедняги? Вася с Наташей так ведут хозяйство, что Наташины заработки текут как вода. И многому помогает, конечно, сестрица. Вася телеграфировал, или, как теперь говорят, молнировал, Юрию, чтобы тот их выписал. Случись им ехать — опять ни гроша. В погоне за рабочей карточкой Вася вчера поступил дворником в Театральный институт. Сегодня целый день проработал с ломом, вывез три кучи льда и изнемог. Сначала он было поступил сторожем на пожарный склад, продежурил день на улице, ушел.

Все это я ему говорила: работу надо брать по силам и способностям. Конечно, он накричал на меня и теперь убедился. Наташа должна бы устроить его на работу в ТАСС, он рисует лучше их всех. Но это не входит в ее планы: там флирт, там Ваксер. А Вася дурак!

Встретила Гипси, он сказал, что Чернявский давно уже выслан в Новосибирск. Это слава богу. Это уже надежда на жизнь.

Люди начинают пухнуть. Наша М.В. Попова заметила у себя отек ног, взяла отпуск, сестра Елена Константиновна — все лицо распухло, и очень плохо себя чувствует.

Боже мой, сейчас опять сильнейший подземный толчок и взрыв (8 часов вечера). Опять, очевидно, бомба замедленного действия, упавшая вчера на Литейном против Кирочной, как раз в том доме, где продуктовый магазин, к которому мы с Катей прикрепились. Это очень страшно — эти взрывы, это колебание всего дома, так и кажется первое мгновение, что все рушится. Какая бессмыслица! Я разочаровываюсь в немецком уме и гитлеровской стратегии. Он может уничтожить и город, и жителей, но, пока армия стоит, город не сдадут. Зачем же разрушение? Ну, да что об этом говорить.

На днях заходил Коля Крылов, он десять дней пролежал, был болен от истощения. Они всегда хорошо питались, кажется, люди хозяйственные. На улице встречаешь уже пожелтевших людей, таких, каких много было в 18-м году, такая желтизна с немного зеленым отливом, как у мертвецов. Тяжело.

А чем кормиться? Мне по *рабочей* карточке полагается на декаду: 300 гр. крупы, 400 гр. мяса, 500 гр. конфет и 4 кружки пива! Et c'est tout[820]. Рабочему мужику ½ фунта хлеба в день и 1 фунт мяса на 10 дней! Спасение сейчас в столовых, которых много и которые более или менее снабжаются. При нашей безалаберности и бесхозяйственности надо даже удивляться хорошей организации этих столовых. С этими минимальными крохами можно всетаки ежедневно получить суп и что-нибудь второе. Это очень мало, но с этим

не умрешь. Сегодня на обед у меня были кислые щи приличные и котлета (очень маленькая) с небольшим количеством соевой фасоли рубленой. За это у меня взято талонов от продуктовых карточек.

Карточки — большие листы, разделенные на маленькие клеточки: крупа по 12½ гр., мясо по 25 гр., масло по 5 гр., хлеб по 25 гр., сахар по 10 гр. Суп 25 гр. крупяных и 5 гр. масленых талонов, котлета 50 гр. мяса и 5 гр. масленых талонов, фасоль 25 гр. крупяных.

У меня больше вырезают, чем мне дают, но и то хорошо, все готово. А в магазинах нет ни крупы, ни мяса. В столовую надо приносить свои ложки: все ложки раскрали, подозревают беженцев, эвакуированных из захваченных местностей, которые здесь столовались. Уж не знаю кто, но все ложки пропали. Style russe[821].

Денег нам в глазном институте не платят. Хорошо, если он восстановится, бомбу уберут. В противном случае, не знаю, что и делать. Надо будет куда-нибудь устраиваться, т.к. средств к существованию больше нет. Осталось 30 рублей. Я подсчитала, что́ стоил мне ноябрь месяц — хлеб, продукты, обеды, оказалось, 100 рублей 92 коп. За август, сентябрь и октябрь я заработала 613 рублей, из них послала девочкам 300 рублей и заплатила Е.Д. Бренстедт долг ей Ирины Вольберг 60 рублей. Правда, у меня были еще 750 рублей, присланные Юрием Александровичем, из них 400 пошли на квартирную плату и общее хозяйство. Сейчас надо приниматься за работу, очевидно, опять сестринскую, и не хочется. Нервы все-таки в таком состоянии, что лучше всего сидеть дома и при бомбежке идти в бомбоубежище. Распустились.

Сын нашего управдома Антонова, юноша лет 16, вчера, вернувшись после бомбежки, рассказал Васе, что видел на углу Литейной и Пестеля лежащую на мостовой оторванную человеческую руку.

Писем ниоткуда нет никаких.

4 декабря. Ощущение всеобщего бегства из города. Уехала З.К. Яковлева из нашего дома. Уехала с М. Котовой на военных машинах. За ними приехал легковой автомобиль, выкрашенный в белую краску, и небольшой фургон Красного Креста, тоже размазанный белым (с вытянутой трубой, по-видимому обогреваемый). Ехала с ними еще военная дама с тремя маленькими детьми, которые и погрузились в фургон. З.К. взялась опустить мои письма девочкам и Римскому-Корсакову и обещала сама свезти письмо Леле.

Муж Зинаиды Кондратьевны работал в обкоме, т.е. в областном комитете партии, — такие, конечно, все едут. Сейчас только что была коротенькая

тревога; понесли детей вниз, я пошла тоже и остановилась с Mme Вульф в коридоре. «Вы едете, уходите?» — «Никуда». Она: «Знаете — я совершенно извелась от всех этих разговоров. Все уходят пешком, идти около 200 километров. Вещи везут на машинах, уходят медвузы, но ведь это безумие. Мне около 50 лет, я много зарабатывала, но все шло на то, чтобы питать дочерей. Зато у них нет валенок, нет платков, вообще идти мы не можем. И я никуда бы не двинулась. Но я еврейка, и я боюсь, что Ленинград могут не отстоять, что его может постигнуть судьба Ростова, что какое-то время он может быть в руках немцев. И это страшно. А ехать куда? Я здесь буду голодать на своем стуле, там я тоже буду голодать, но неизвестно где». Я ее спросила, неужели она верит во все те ужасы, которые немцы творят с евреями и которым я не доверяю. «Нет, это факт».

И еще ужасно, что мы ничего не знаем, ничего нам не сообщают, внезапно мы узнаем, что Ростов взят нами у немцев, тогда как о взятии его немцами мы ничего не знали.

Заходил сегодня Гипси: «20 лет я работал в коллективе, а еще раньше в детском театре в Краснодаре, откуда меня вызвали Е.И. Васильева и Маршак. Мое отношение к театру, к работе, к коллективу ставилось всеми в пример, а теперь я Фирс, которого забыли в “Вишневом саду”»[822].

Вася с Наташей загорелись желанием уезжать на лучший корм, завтра Наташа едет хлопотать. Иначе, как в самолете, и думать нечего уезжать. Молодежь — студентов университета, Медицинской академии[823], Морской медицинской академии[824] — отправили пешком. Но сегодня уже есть слухи, что на Ладоге где-то обстреляли пешеходов и такая эвакуация приостановлена. Теперь, пока Сонюша больна, конечно, и думать нечего о поездке.

У меня в комнате 6½ градусов. Невзирая на это, я утром вымылась до пояса ледяной водой, и вот даже могу сидеть и писать. Но, конечно, это тяжело.

9 декабря. Несколько дней нет налетов, и тут только и ощущаешь, какого огромного напряжения нервов стоят эти бомбежки. Когда их нет, когда нет этого острого ощущения летящей над тобой шальной смерти и разрушения, чувствуешь себя словно выздоравливающей после тяжелой болезни.

10 декабря. Катя Пашникова рассказывает, что среди рабочих мужчин очень многие опухли так, что еле глаза видны. Женщины тоже, в особенности те, у которых ребята. Кто-то из рабочих видел по дороге двух замерзших людей; одного около Мечниковской больницы[825]. И все идут мимо них не останавливаясь, никто их не подымет.

«Ну еще бы, — сострил кто-то из рабочих, — вот если бы лошадь упала, так сразу бы все к ней с топорами бросились». — «Зачем с топорами, — заметил другой, — и так бы разодрали на части».

Люди вырывают у детей и женщин хлеб, воруют все, что могут. В доме № 15 по Литейной живет сестра из нашего института Элеонора Алексеевна Иванова. Бомба разрушила ее квартиру, но вещи остались, их можно было бы восстановить. Так с кушетки, недавно обитой, уже успели содрать обивку и отпилить ножки.

Несчастный народ.

Вчера я простояла два с половиной часа в очереди за сливочным маслом, причем два часа на улице, на морозе. Мимо проходил Евгений Шварц, я его окликнула. Он собирается улетать, говорит, что и Данько хлопочет. Шишков отказался, здоровье якобы не позволяет.

Васин эвакуационный пыл несколько остыл. Иван Иванович Карнаух, сосед и, по-моему, амант[826] Кати Князевой, наговорил ей всяких ужасов. Он занимает какое-то крупное место в морском ведомстве, сейчас возводит укрепления около Ладожского озера. По его словам, один профессорский самолет погиб, пешеходов и машины немцы бомбят, был потоплен ими один пароход на Ладоге с женщинами и детьми, и он видел трупы женщин и детей, вмерзшие в лед. Так что, по его словам, единственно возможный, и то не совсем безопасный, способ — это летный. А от Юрия ответа на Васину телеграмму нет как нет.

Вчера вечером пришел Гавриил Попов. Он еще похудел, как-то посерел. Ирина болеет. Ему предложено лететь с женой, конечно Желобинскому, Софье Васильевне Шостакович. Отказались уезжать Б.В. Асафьев, Кочуров, Софроницкий, Каменский. Попов высказал такие предположения, основываясь на одной газетной фразе в связи с началом войны на Тихом океане: «Великобритания безоговорочно выступает вместе с США. Еще неизвестно, какую позицию займет в войне на Тихом океане СССР, СССР не пойдет на войну с Японией, т.к. у нас нет на это сил, и выйдет из войны». Я думаю, что все не так просто и на такой мир Гитлер не пойдет. Ему надо поставить нас на колени.

Я сегодня пошла в театр посмотреть Муромцеву в «Дворянском гнезде». После того чудесного спектакля, который был в Александринке с гениальными декорациями Дмитриева, этот спектакль глубоко провинциален. Никуда не годные штампованные актеры, игравшие Лаврецкого, Паншина, Марию Дмитриевну, Варвару Павловну.

Текст скомкан, спектакль ведется нечисто, все торопятся и срывают самые лучшие места. Грибунина средняя Марфа Тимофеевна, и хотя про Корчагину говорили, что она играет не Тургенева, а Островского, конечно, она много выше. Соня хороша внешне и играет хорошо. Но и она и Грибунина играют без партнеров, потому что вместо них пустые места. Обидно. У Рашевской было больше простоты, больше была разработана роль до мельчайших подробностей. Соня иногда чуть-чуть мелодраматична. Все это я ей скажу. В театре холодно, как на улице. Грибунина играла в валенках, на них калоши, а Соня — декольте. Все в шубах, калошах, платках, но все же партер почти полон. Удивительно. Много молодежи, есть военные. В буфете продавались ромовые бабы по карточкам. За три бабы вырезали 200 гр. кондитерских изделий.

Спектакль идет с двух до пяти. Возвращалась пешком по Караванной[827], по Моховой. Из разрушенного дома № 42, где большая часть обвалилась, неслись звуки музыки очень бравурной и веселой. Там, как видно, где-то уцелело радио. Производит жуткое впечатление. Был шестой час. Было полутемно. Загорались яркие большие звезды. Дыры провалов комнат, окон зияли черными сотами гигантского брошенного улья. И из черных дыр — музыка.

Сегодня питалась так: 250 гр. хлеба с маслом (причем это такое же масло, как я китайский император — живой маргарин по 26 рублей кг) и суп с макаронами в столовой. Все. У наших совсем обеда не было. Пили кофе. Встретила жену Белякова Таню, тоже опухает. Говорит: «Больше всего боюсь голодной смерти». Это все ужасно. Я пока еще не худею.

Грибунина сказала мне, что Комитет по делам искусств будто бы закрывает их театр, а Театр Акимова улетает[828].

Я как-то шла по Литейному и слушала, как по радио диктор читал какую-то лекцию о том, как с 39-го года, с момента начала войны, англичане и американцы использовали время для подготовки к войне, построили то-то и то-то. Хотелось спросить: а мы? Даже не смогли снабдить бедный Петербург, оказавшийся пограничным городом, провиантом на полгода.

По-видимому, все-таки кое-что подвозят. Нам увеличили на эту декаду паек, т.е. увеличили его главным образом рабочим: полкило крупы, полкило мяса, полкило конфет и 350 гр. масла. Иждивенцам 200 гр. крупы и 150 гр. мяса — как же не умереть с голода? Хлебный паек все тот же: 250 гр. рабочим и 125 гр. служащим и иждивенцам.

Умер старый Ян Густавович Пукк, живший под нами. Немец или эстонец, он был похож на апостола. Высокий, очень прямой, с длинными седыми волосами и бородой, благообразным лицом с тонкими чертами. Я встретила его дочь на лестнице, спрашиваю, как мать переносит свое горе. «Знаете, сейчас такое тяжелое время, что горе коснулось ее как-то краешком». — «Когда похороны?» — «Когда достанем гроб, теперь ведь очень трудно с этим».

И в самом деле, я все время вижу на улицах: везут самодельные гробы упрощенной формы, некоторые, видно, сделаны из дверей. Везут покойников на саночках, салазках. Сегодня женщина везла гроб, который был мал покойнику, крышка открыта, только приложена сверху. Спереди торчали завернутые в простыню ноги, сбоку локоть, колени были согнуты, очевидно, чтобы поместить тело. И сколько их везут. Да, ce n'est pas «le bon temps pour mourir»[829], как называет quatro и cinque-cento Стендаль в своих «Promenades dans Rome». Надо будет перечесть для отдыха души. Эх, найти бы его «Rome, Naple et Florence»[830].

Я переехала в комнату девочек, здесь хоть печка, которую можно натопить. Сейчас температура целых 11 градусов, а там выше 6 последнее время не поднималась. Здесь целая полка юдинских книг, много немецких, все романтики, я отобрала Novalis'a. Взяла Марлинского, взяла Maspero «Histoire des peuples de l'Orient». Буду читать.

Бедный мой Вася, совсем захлестнут князевской семьей. Они живут все в одной комнате — Вася, Наташа, Соня, бабушка, Катя Князева, Алеша (4 года) и Вера. Вася раздавлен ими. Наташа и Катя неумные и невероятно упрямы. Т.к. Наташа работает уже три месяца и зарабатывает, она сделалась невероятно горда и заносчива, и всякий мой совет принимается на рогатину, чего бы он ни касался, она все боится que je vais lui marcher sur les pieds[831]. Заболела Сонечка и сразу свяла, как это всегда бывает с детьми. Докторша велела достать сульфидин[832]. Тетка Марго вчера звонила к соседям и сказала, что достала лекарство, которого в аптеках нет. Просила тотчас же позвонить. Я говорю Наташе: «Сбегайте, позвоните, можно, может быть, сегодня же достать». — «Нет, я сейчас не пойду». Делать ей нечего, но зачем я сказала? Идет поздно вечером и уже не может дозвониться.

Я утром прихожу к ним и прошу послать Веру за сульфидином. Веру не посылают. «Я знаю, что делать, вам нечего вмешиваться, это моя дочь». — «Да, но это моя внучка, и я беспокоюсь». — «Это моя дочь, и я никому не позволю вмешиваться». И т.д. «А у вас дочь умерла и сын больной, не вам бы советовать». Ну что же с ними поделаешь. Они голодают и не берут обе-

дов в моей столовой и «Северном» ресторане, в который у меня есть пропуск, потому что я им это предложила, что они «сам с усам». А уж видит Бог, что моему терпению и любезности нет границ. Я безумно беспокоюсь за Сонюрку, у которой такие умные глазки и такая пустая и неумная мать и совершенно нелепый отец.

14 декабря. Жизнь постепенно замирает. У нас в большинстве районов выключили электричество. Нет тока, и не ходят трамваи, стоят заводы. На Катином заводе вчера дан был ток только от 10 <до> 3. Вчера я пошла на улицу в 8 утра, пошла занимать очередь за продуктами. Темно. Месяц в туманном нимбе. По Литейному идут толпы народу в обе стороны, идут по тротуару, по улице, идут молча, торопятся. Странное впечатление, какое-то не совсем реальное. На белом снегу, среди огромных сугробов черные силуэты без теней в прозрачных утренних сумерках.

Наш магазин на Литейном. Но впускают со второго двора на Пантелеймоновской. Я стала в очередь — была 208-я. Маньяки приходят в 4 утра, чтобы ничего не получить. Прикреплено к магазину 4000 человек, а привезли с базы 150 кг лапши! Сегодня четвертый день декады, а мы с Катериной еще ничего не получили. Я страдаю по маслу и сахару.

Наблюдая очереди, пришла к следующему грустному выводу. Двадцать четыре года рабочий класс был привилегированным, понастроили дома культуры, и вот результат: пролетариат сейчас озверел, женщины — это настоящие фурии. Интеллигентные женщины, мужчины вежливы, молчаливы, любезны, те же набрасываются на каждого. Кроме озлобления от голода и лишений, в них нет ничего. Я подхожу и кротко спрашиваю, за чем очередь? С остервенением начинают облаивать без причины. Около столовой я нашла крышку от кувшина, очевидно, шли за супом и обронили. Я спросила громко, не потерял ли кто (стоим полчаса на морозе). Войдя в помещение и сев за стол, я повторяю свой вопрос. Двое мужчин на меня начинают кричать: чего вы лезете со своей крышкой, не морочьте голову, теперь и не то теряют, нечего ей было зевать и т.д. Один из кричавших был управдом Якуниной, завладевший ее квартирой. Провалившаяся переносица, глубоко сидящие злые черные глаза под растрепанными бровями, широкий с вывороченными ноздрями нос, это тот тип управдомов, про которых А.О. Старчаков говорил, что они формируются из негодяев. Воровство неслыханное: Катя Князева видела, как женщина с двумя детьми выходила из трамвая. Она несла кастрюльку с обедом. Ей надо было снять ребенка с площадки, и она попросила какую-то женщину подержать кастрюльку. Пока она снимала ребенка, та пустилась бежать с обедом, ее не догнали.

На днях вечером ко мне пришел с поручением от Данько проф. В.Г. Гаршин, как оказалось, большой друг, а по словам Елены Яковлевны, последний (хронологически) поклонник А. Ахматовой. Он хотел получить из Наташиных (Данько) вещей фарфоровый бюст Анны Андреевны, а кроме того, слышал, что у меня есть кое-какие монеты. Оказался нумизматом-энтузиастом или даже маньяком и вообще человеком очень интересным. Он патологоанатом, работает в Медицинском институте, имеет дело сейчас с бесчисленным количеством трупов, которых не хоронят за отсутствием гробов, транспорта и т.д. Он племянник писателя Гаршина. По его словам, в эти тяжелые и страшные времена все личное у него отпало и остается какое-то благостное состояние души. Он верит, что у нас должны появиться люди, что мы должны победить.

Нумизматика и археология — его мания. Страстишка или даже страсть. Я вчера зашла к Данько, Наташа говорит, что с тех пор, как она ему случайно сказала, что видела у меня монеты, он совсем перестал говорить об А.А. и только и думает о монетах.

У меня оказалось некоторое количество очень интересных римских монет, среди них восемь консульских серебряных, которые ему вскружили голову. Мне же как-то не хочется с ними расставаться, это последние папины монеты. А кроме того, это валюта. Кроме того, я не знаю цен. Он предлагает по 20 рублей за штуку или пол-литра спирта за все восемь. И Вася говорит, что последнее выгоднее! Каково! Будто бы литр спирта стоит 400 рублей. Даже противно. Гаршин заходил и вчера и сегодня. Но я не решаюсь. Я, правда, сижу без денег. Но что-то не хочется.

Данько хотят улетать. Т.е. хочет этого Елена. Доведенная бомбежками до полной депрессии, голода она, по ее словам, не чувствует, во всяком случае от него не страдает, но бомбежки переносить больше не может. Она записана в группу Детиздата, их 15 человек. Кроме того, она заставила Наташу написать в Ленсовет Попкову, и там тоже их записали. Потом мы спускались с Наташей. Она в отчаянии, считает, что отъезд в самолете — это гибель для матери, а у самой Наташи порок сердца. Добираться до аэродрома очень трудно для здоровых, а не для таких больных, как они.

Писатель Десницкий просидел трое суток на аэродроме в ожидании самолета, питаясь только сухарями, которые имел с собой.

Из нашего глазного института улетают Марья Васильевна Попова, Кутузова. Вчера видела ее мужа Д.А. Зильбера. Он улетает с вузом: «Здесь работать нельзя, в аудитории ноль градусов, трамваев нет. Вместо 250 студентов на лекцию приходят 18 — надо уезжать». Уезжает на машине доктор Банникова.

Кто же останется? Будет ли вообще что-либо функционировать?

Елена Яковлевна боится еще и немцев, верит во все сообщения о зверствах и считает за собой и Наташей какие-то грехи.

Карнаух рассказывал Кате Князевой, что он видел, как над Ладожским озером немцами был подбит наш самолет, упал на лед, лед треснул, и самолет пошел ко дну, никто не спасся. В этом самолете были профессора. Рабочие Кировского завода шли пешком, их разбомбили.

Машины останавливаются из-за заносов, из-за отсутствия горючего, порчи. Костры зажигать запрещено — военная зона. Люди замерзают.

Я уж этого Данько и не рассказывала.

Сонечка, к счастью, поправляется.

Днем внезапно начался сильный обстрел города. Гаршин заходил вечером (он живет на Троицкой[833], ходит на работу на Петроградскую сторону: площадь Льва Толстого, больница Эрисмана[834] — недурной путь), говорит, громили Петроградскую сторону без всякой системы, просто жилые дома, по-хулигански.

18 декабря. Вчера Вася с Наташей меня совершенно убили. Выяснилось накануне, что Катя Князева должна вернуться на свою квартиру. Домовое управление предупредило ее, что в противном случае к ней вселят кого-нибудь. Они хотят к ней все переехать.

Утром вчера Наташа мне заявила, что, по всей вероятности, они все переедут на Бармалееву, т.к. там есть дрова и есть прислуга, и Иван Иванович обещал снабжать продуктами. «Вот не знаем только, как бабульку перевезти, трамваи не ходят».

Я Васю спрашиваю, отвечает: «Не мерзнуть же нам здесь». Замечательно. А 60-летняя мать останется одна в целой квартире. Это здорово, вполне и по-советски, и по-шапорински. Я в первую минуту даже растерялась, настолько мне показался сам факт чудовищен. Разговаривать я с ними не стала, а предупредила, что найду жильцов, т.к. иначе ко мне вселят насильственно неизвестных людей, и вообще оставаться в полном одиночестве я не согласна.

Я пошла к Данько. Когда я Наташе рассказала, что Вася хочет уехать и я ищу жильцов, она сказала, что они бы с удовольствием ко мне переехали. Они живут в пятом этаже, мать устроили где-то в углу в первом, ночуют в бомбоубежище, в которое идти надо через двор. Все это крайне неудобно. Дрова у них есть. Не знаю, на чем порешат мои нежные родственники. Мне кажется, что вряд ли этот переезд устраивает саму Катю, имея в виду ее роман. Но, впрочем, теперь никто ничего не стесняется.

На днях я встретила Сашу Смирнова, т.е. А.А., — я его по привычке молодых лет мысленно зову по-прежнему. «Улетаете?» — спрашиваю. «Знаете ли, дорогой друг, не хочу, ни при каких условиях. Но Оля в последнее время сильно настаивает на отъезде, боится голода. Я же считаю, что если я не перенесу голода, то здесь я умру у себя, на своей постели. А там тот же голод, но я буду ютиться неизвестно где. И как добраться? Мы имеем право взять по пуду вещей. Мы долетаем до Хвойной, если нас не подстрелят, очередь в открытые грузовики, никто нам не помогает. Доезжаем до станции железной дороги, и начинается бой, чтобы попасть в вагон. Настоящий бой. Надо своим пудовым чемоданом прокладывать себе дорогу, другой рукой цепляться... но мы с Олей совершенно неспособны к физическим упражнениям и тут же бросаем или теряем свои чемоданы, лишь бы влезть в вагон. А дальше что? Весной буду ходить в шубе, здесь потеряю тоже все». Их знакомый военный приехал с Ладоги[835], насмотревшись на пешую эвакуацию. Люди замерзали. Матери теряли детей, возвращались и находили их мертвыми. Толпы бросались на проезжающие машины, хватались за колеса, бросались под автомобили, которые ехали, катились дальше с окровавленными колесами. «Это тоже одно из преступлений», — добавил А.А.

Опять на днях вышла в 8 часов утра в очередь (люди становятся с четырех), и опять то же впечатление не реальной жизни, а китайских теней. Много-много ног идут, спешат во все стороны. Люди видны на фоне снега и сугробов только до пояса, верх теряется на фоне домов. Полная тишина, только скрип мерзлого снега под ногами. Натыкаюсь на молодую женщину, упавшую на дороге, помогаю встать. Никто не останавливается, трусит мимо нее. На ней ватник, платок на голове. Просит помочь ей взвалить на плечи мешок с дровами. Берусь за него — не поднять, такая тяжесть. Немудрено, что она свалилась. Мы обе просим проходящих мужчин помочь (un coup d'épaule[836]) — проходят пролетарии, не обращая внимания. Интеллигентный *господин, шедший с дамой*, подошел и со мной вместе взвалил дрова ей на плечи.

Днем в тот же день я возвращалась из столовой в третьем часу дня, шла около дома Красной армии. Вдруг раздался страшный детский крик, рев, голоса: держите его, держите его. На другой стороне Литейной вижу бегущего мужчину, его окружают со всех сторон, другой мужчина его хватает, он сразу же вынимает из кармана бумажки, хлеб. Девочка выходила из булочной, прилично одетый, рабочего вида мужчина выхватил у нее карточки и хлеб и пустился бежать. Это среди бела дня на многолюдной улице. Его повели в милицию. А вчера такая картина. В одну столовую на Литейной стоит на

улице очередь. Три ступеньки ведут к двери. На них стоят несколько женщин с кастрюлями. По этим же ступенькам на коленях карабкается мужчина, почти старик, хватает одну из женщин за ноги и тащит с крыльца. Она с отчаянным криком падает на него; ее соседки стараются ее поднять и поливают руганью мужчину: вот мы тебя в милицию отведем, он каждый день скандалит. Он подымается, и начинается общая ругань. Я ухожу.

И все время везут и везут покойников в белых домодельных гробах.

Гаршин говорит, что смертность страшная. У Елены Ивановны в Лесотехнической академии[837] за четыре дня умерло четыре сотрудника. Один доцент пришел, почувствовал себя плохо и умер, другой доцент умер по дороге, умерла канцелярская служащая и еще преподаватель. Бедная Lily ходит в Лесной[838] и обратно пешком со 125 гр. хлеба. На лице отеки. Страшно. Все время шли слухи об увеличении выдачи хлеба, о подвозе муки, продуктов. Все эти слухи шли из военных кругов. Все передававшие их начинали рассказ: «Один военный из комсостава сам видел и говорит...» Мне кажется, что эти слухи пущены нарочно, официально для успокоения умов. Для успокоения же были увеличены и нормы на крупу, мясо, масло и сахар, в особенности рабочим. Ничего этого не оказалось. Масла я так за десять дней и не получила, пришлось взять сегодня сыра, никаких круп не было или было минимально, а питание в столовых резко ухудшилось. Вчера я была в Северном ресторане[839]. Суп — вода, политая хлопковым ужасающим маслом, в ней штучек восемь лапши, на второе две лепешки из дуранды[840], политые ложкой киселя. Это нечто вроде сухой земли.

В столовой на Симеоновской сегодня кислые щи с тремя капустинками и каша, две столовых ложки каши не то из ржи, не то из пшеницы коричневого цвета.

В лечебнице, куда я хожу через день для инвентаризации (бомбу разрядили и увезли), встретила нашего больного (раненого) Галанина. Он лейтенант, с орденом Красного Знамени за Финскую войну. Он уже в своей части, на фронте. По его словам, мы отогнать немцев не можем своими силами. Подвоза нет, горючего нет, продуктов нет. Главнокомандующий[841] вывел часть армии через Ладожское озеро в тыл немцам. Нам могут помочь только извне. А извне (это уже мое впечатление) нам никто не помогает, и великий Сталин дает нелюбимому Ленинграду умереть голодной смертью. И все встречаются друг с другом и говорят: «Ой, как бы хотелось пережить, узнать, что дальше будет».

Вчера рано утром забрела Коновалова посмотреть, живы ли мы. «Знаете, — говорит, — я все хотела кончить жизнь самоубийством. Когда начали

бомбить, решила: зачем же ссориться с Господом Богом, когда ежеминутно бомба может ахнуть. А теперь уже просто интересно, чем же кончится эта мировая заваруха».

22 декабря. Мне минуло 62 года (по паспорту 56) — немало. Мы сговорились с Коноваловой, что я к ней приду 21-го и останусь ночевать. Не хотелось мне встречать мой день рождения среди князевских склок, Васиной враждебности, хотелось провести какое-то время в доброжелательной атмосфере. У Клавдии печь натоплена, светит электричество, попили чайку каждая со своим остатком хлеба. По ее словам, среди художников за это время умерло человек двадцать. Умер Филонов, Дормидонтов, Семен Павлов.

Она рассказала мне со слов скульптора Дыдыкина ужасную вещь, которую мне надо будет проверить, т.к. Клаша часто путает. Будто бы целый ряд палешан, среди которых был П.Д. Баженов, был послан на окопные работы и все были перебиты немцами. Если это правда, то это совершенно непростительно — посылать таких художников рыть окопы. Непременно схожу к Дыдыкину. [Это правда. Как мне сказал Парилов — было вредительство.]

Я шла к Коноваловой в пятом часу вечера. Стояла перед этим в каких-то очередях и насмотрелась нелепых сцен совершенно обезумевших от голода людей. И так мне стало жалко Васю, и я решила не обращать никакого внимания на все его выпады, на все его крики.

Ходила с Клавдией Павловной в столовую ЛОСХа[842]. Я просидела ровно 1 час 40 минут, чтобы дождаться крохотной порции черной малосъедобной лапши ценой 8 коп. Художники толпились в очередях в кассу и за конфетами. В комнате стоял туманный полумрак. «Смотрите, — шепчет Клавдия Павловна, — вот этот кандидат в покойники, и еще этот. Обострившиеся носы, кости, обтянутые кожей, провалившиеся глаза. Страшно».

«После отъезда ТЮЗа[843],— говорит Гипси, — я несколько раз плакал, как ребенок или как взрослый обиженный человек, бросили, забыли». Последнее время в ТЮЗе он был вроде как на посылках. Известие о дне отъезда пришло накануне, Гипси пришлось весь вечер и часть ночи ходить по городу (трамваи не ходили) оповещать артистов. Шел снег. Одна из актрис трогательно его благодарила, обещала привезти в театр для сына сахара, папирос, конфет. Другой актер сказал, что у него есть манная крупа и рис и все это он оставит Гипси. Актриса ничего не привезла, а когда после отъезда актеров Гипси взял оставленный ему актером пакет, там оказались соль, перец и горчица. Только старый Горлов его не забыл и привез для сына какие-то вещи своего сына. Бедняга.

25 декабря. Сегодня великий день: всем прибавили понемногу хлеба. Рабочие получают теперь 350 гр., остальные по 200 гр. И все счастливы. Может быть, в честь англичан это сделали в день католического Рождества? Я думаю, смертность напугала начальство. Мрут, мрут безостановочно. Умер Николай Карлович Беккер, наш сосед. Он постепенно переставал жить. Не хотелось больше есть, не мог вставать, нить жизни истончилась настолько, что порвалась без усилий и безболезненно. Говорят, все так умирают. Вчера утром О.А. зашла к нам за мной, чтобы я сделала ему вспрыскивание камфоры. Меня не было дома. Я пришла к ним в 3 часа. Укол сделала докторша Волбрунн. Он уже умер, лежал желтый, как воск, и худой, худой. В нашем доме ежедневно покойники. Я проснулась ночью, болело сердце, не хотелось вставать, слабость сильная. Вдруг и меня ждет такое же угасание от голода, страшно как-то стало, жутко. Заснула, к утру подбодрилась.

28 декабря. 9 лет прошло со смерти Алены. Уже 9 долгих лет, и не верится, что этот ужасный день был так давно. Дорогая, родная моя, ты и папа взяли всю мою большую любовь. В тебе была вся моя жизнь, и ты оставила меня сиротой на весь остаток моей жизни. 9 лет прошло с того дня, а я помню его весь, помню эти глаза моей Аленушки, полные муки. Господи, Господи, за что? Крошка моя золотая, я даже не знаю, что делается с твоей могилкой, может быть, она разворочена снарядом, может быть, там все срыто с лица земли, ведь рядом был аэродром, который немцы сильно бомбили. Деточка, деточка моя, как я люблю тебя и как ты живешь во мне. Переживу ли я эту зиму, перевезу ли тебя в Невскую лавру, поставлю ли памятник?

Пошла сегодня в церковь отслужить панихиду. Никакой возможности, пришлось подать записку на общую панихиду, и даже не знаю, дошла ли она до дьякона, пришлось передать ее через целую толпу. Когда я обратилась с просьбой отслужить панихиду туда, где продают свечи, принимают записки, — «Что вы, что вы, какие там отдельные панихиды, столько покойников, заочных отпеваний, панихид, все будут общие». Я отстояла перед этим всю обедню. Чудесно пел хор. Под это церковное пение постепенно очищался мозг от мусора каждодневной жизни. Дух проясняется, горé имеем сердца. Пели запричастный стих, замечательный, начинался одним голосом: «Благослови еси Господи, воззвах Тебе, молю приемли моление мое»[844].

1942

4 января. Уже новый год. Что-то даст нам он, и вообще, доживем ли мы до весны? Смертность катастрофическая. Встретили мы его все-таки с вином. Вася после всех своих криков просил меня не обращать на это внимания, и я пришла к ним со своим вином («выдали» перед этим) и кусочком хлеба. Тетка Марго принесла им тминного сыра, шумел самовар, и мы решили, не дожидаясь двенадцати, выпить чаю. Пили вино, чокались, пили за присутствующих и за отсутствующих и, главное, желали друг другу выжить, дожить до лучшего времени. Удастся ли это всем, неизвестно. Утешали себя предсказаниями Иоанна Кронштадтского о том, что 41-й год будет самым тяжелым[845], а дальше будет лучше.

Положение с продовольствием в городе, по-видимому, все ухудшается. Вчера были большие перебои с хлебом, везде громадные очереди. Вася встал сегодня в 6 часов и пошел за хлебом. Вернулся к 8!

В магазинах не выдали за последнюю декаду декабря ни масла, ни крупы, не выдали конфет. Детскую крупу заменяли какой-то мукой. В столовых тоже слабо. Беляков сказал мне, что лучшая столовая в помещении Музыкальной комедии[846]. Я добилась в Управлении по делам искусств, после нескольких пешеходных хождений, двух пропусков туда для Васиной семьи. Была там сама вчера. Суп — вода с макаронами, которых очень мало, притом черные. Суп дается без вырезания карточек. Второе — гречневая размазня, ложки три столовых.

Со мной 1-го случилась катастрофа. С новыми карточками пошла в столовую. Темно, люди тащат друг у друга чуть ли не изо рта ложки, тарелки (в столовой и тарелок больше нет, украли). Сидели какие-то подозрительные парни. И у меня пропала карточка на мясо и крупу, т.е. то, чем я питаюсь в столовой. Если мне ее не возобновят, то это более или менее верная голодная смерть! В субботу раздобывала всякие справки, из жакта, из института. Ходатайство института завтра сдам.

1-го начал функционировать наш стационар, но в жалком виде. Удалось обогреть помещение бомбоубежища на двенадцать кроватей и бывшее детское отделение на семь. 1-го привезли из Дворца пионеров тринадцать чело-

век. Тринадцатый 2-го уже умер, — служащий Института Ал. Александрович Васильев, лет 60, от истощения.

Сейчас у нас лежат больные истощением, ослаблением сердечной деятельности д-р Банникова, д-р Торопский, Ф.Ф. Мильк, санитарки Кузьмина, Белошева.

Бедный Беккер до сих пор не похоронен. За гроб взяли полкилограмма хлеба и 100 рублей денег, за рытье могилы тоже.

Вчера его свезли на кладбище, но не похоронили. Я встретила Мар. Степановну, говорит, что поедут опять завтра на кладбище, и может быть, придется хоронить в братской могиле.

Вчера сидела в столовой Музкомедии, там столуется театр Радлова, Деммени. За моим столом сидели две служащие из театра Радлова: «Знаете, сегодня умерли Лавровский и Михаил Иванович». — «Как, Михаил Иванович., он же вчера был в театре?» — «Да, а сегодня уже умер, совсем тихо...» и т.д. Все смотрят друг на друга с беспокойством — кто обречен?

В больнице не идет вода, не горит свет, дрова кончаются, керосина нет. Освещаемся маленькими коптилками, воду носят из дома напротив.

Вчера я сидела у Васи в комнате. В моей 2 градуса, и я все-таки сейчас сижу тут и пишу в шерстяных перчатках. Я сочиняла письмо зам. председателя Ленсовета Попкову, прося его (по примеру Толстых) дать Васе рабочую карточку.

6 января. Силы падают не по дням, а по часам. Стоило мне эти пять дней пробыть на одном хлебе и воде (тот бесталонный суп, который я получаю из Музкомедии — просто вода), как силы совсем упали. Утром я выходила на работу — дрожали ноги. В больнице было много дела. Четыре подкожные впрыскивания угасающим людям, присутствие на операции, беготня вниз и вверх, после чего я еле плелась домой. Пришла и завалилась на кровать. Угасает воля к жизни. Болит сердце.

Неужели не дотяну?

Встретила вчера на Саперном Верочку Белкину. Вениамин слег от истощения, и Вера устроила его в больницу Эрисмана. Там холодно, но там уход и все-таки три раза в день кормят. «Как я еще жива, не понимаю. Со Ждановки[847] иду на Бассейную[848], на уроки в Музтехникум, оттуда на Петроградскую в больницу, потом домой. Откуда берутся силы, не знаю». Белкин заболел, полный упадок сил, не поднять руки, глаза впали, кругом синева. Кормить нечем. Вера раздобывала, где могла, то конину, то кусочек шпика.

Носит в больницу поджаренный хлеб и что найдет. Сейчас ему гораздо лучше. Он стал очень религиозен.

Мы крепко расцеловались с Верочкой и друг друга перекрестили. Кто знает, увидимся ли. Умерла Е.С. Кругликова. Д-р Остроумов говорил, что вначале смертность мужчин составляла 93%. Сейчас процент умирающих женщин повысился.

Я эти дни делаю подкожное впрыскивание. Я была поражена худобой рук — одни мышцы и висячая дряблая кожа как у мужчин, так и у женщин. Лежит у нас Федор Федорович Мильк — наследник знаменитого оптика и сам оптик. Ф.Ф. Мильк дружил с Юрием Александровичем Гаушем, был чем-то вроде мецената. Обедал когда-то у нас в Детском. Истощение. Он безумно боится, что его выпишут, вчера умолял меня дать ему у себя какой-нибудь угол, у него есть дровишки, буржуйка. Его комната на четвертом этаже, нет ни воды, ни света, он абсолютно одинок. С женой развелся очень давно, для дочери он тоже чужой.

Из военных кругов оптимистические обещания: продержитесь еще десять дней. То же говорил сегодня Наташе д-р Фарфель. Она ходила с Катей к нему в Европейскую[849], где организуется образцовый госпиталь; они поступают туда санитарками, т.е. хотят поступить.

Но в распределителях, т.е. магазинах, нет уже давно ничего. И у людей больше нет воли к жизни. Притулиться бы куда-нибудь и перестать существовать. И вот это состояние наступает катастрофически быстро в последней стадии голода. Мы так выголодались, что о ропоте, возмущении, поисках виновных в том, что не было запасов, что не направляют крупных сил на освобождение города или не сдают его, не может быть и речи. О немцах и не говорят. А они ежедневно нас обстреливают из дальнобойных. Варвары самые настоящие, и весь их расизм провалится как бред. 1871 год — осада Парижа[850]. Теперь блокада и уничтожение Петербурга — для чего?

Уже перемещение внимания[851] не помогает. Я ловлю себя на мечтах о завтраке с белыми булочками, ветчиной, шоколадом.

Вчера вечером прибрел Г. Попов. Света не было, так что я не разглядела его при моей коптилке. Очень удручен, очень устал, Ирина плохо себя чувствует, в квартире ниже нуля, жить нельзя.

По улицам бродят люди с ведрами, по воду. Ищут воды. В большинстве домов не идет вода, замерзли трубы. Дров нет. У нас, к счастью, часто бывает вода, и сейчас вот горит электричество.

Писем ни от кого нет.

Идет снег. Все умрем, и нас засыплет снегом. Во славу коммунизма.

Уже 8 часов. Надо ложиться спать. А то тяжело. До завтрашнего хлеба.

12 января. Не записывала давно, т.к. холод выгнал меня из моей комнаты. Просто не под силу стало спать, а главное — вставать и ложиться при нулевой температуре. Сплю в общей комнате на двух креслах и <двух> стульях. Катя Пашникова вошла в комнату и усмехнулась: «Все здесь ваше, а вы на стульях спите». Я претензий не предъявляю. Les misères de la vie[852]. Электричество не горит ни у нас, ни в больнице, нигде. Тока нет, трамваев нет, дров. Заводы стоят.

Soeur Anna, soeur Anna, ne vois tu rien venir? Но пыль не вьется по дороге, трещат сильные морозы до 30°, нас засыпает снегом, и мы мрем, мрем, говорят, чуть ли не по 10 000 в день. Страшно.

Вера, прислуга Кати Князевой, хоронила своего четырехлетнего племянника и рассказала: приезжают грузовики, один за другим, полные покойников. Голые, босые, с оскаленными зубами, открытыми глазами. Тошнехонько. Машинами роют траншеи, как на окопах, и туда сваливают всех этих мертвецов, не то что кладут, а именно валят без разбора и засыпают, это стоит 20 рублей.

Сегодня умер Мильк. Рассказ Сени Кулакова. Рассказ в канцелярии голубоглазой женщины о сыне и муже. Встреча 4 подвод. Условия работы в больнице. Пропуска обеда. Васино отношение. Я без обеда. «У нас уютно, тепло, а ты живешь как отшельник — нам ничего не сделала».

На душе тихо — может быть, предвкушение смерти. За Васю страшно. Из Смольного пока нет ответа. Предложила, не хлопотать ли об устройстве Васи в больницу, все-таки там кормят, а в столовых одна дуранда. «А карточки нам оставят?» — спросила Наташа и стала усиленно отговаривать Васю от этого.

Хлеб нам прибавляют за счет умирающих, смертников, как их называют.

16 января. Кажется, уже нет сил для наблюдений. Шла на работу, перед глазами темные круги. Больные у нас главным образом свои — доктора, медсестры, санитарки. Легла сестра Бутыльникова. Изменилась она до неузнаваемости, лицо стало красиво и благородно. Огромные глаза, наполовину прикрытые веками, отвислые щеки исчезли. К ней приходит сын, мальчик 11 лет, очень красивый. Вероятно, ей надо было уехать. Не вынесла ни бомбежек, ни голода.

17 января. Вчера иду мимо Летнего сада. Деревья в инее пушистом и прекрасном. Навстречу человек лет под 40, худой до отказа, интеллигентного вида. Хорошо одетый, в теплом пальто с воротником. Нос обострился, и, как

у многих теперь, по тонкой горбинке носа кровоподтек лилового цвета. Глаза широко раскрыты, вываливаются. Он идет, еле передвигая ноги, руки сжаты на груди, и он твердит глухим дрожащим голосом: «Я замерзаю, я замер-за-ю».

На обратном пути из Ленторга[853] (подробности...) шла через Марсово поле. Был пятый час, темнело. Пушистый иней розовел. Люди бежали в разные стороны. Меня обогнал молодой краснощекий матрос. Повернулся ко мне лицом, махнул рукой по направлению могил и озорно и громко: «Площадь жертв революции! Так твою распротак. Дожили! Площадь покойников!»[854] Его догнали спутники, и они быстро исчезли в морозном тумане.

Да. Город покойников. «Колыбель революции» расплачивается за свою опрометчивость.

Пошла сегодня к Радлову просить третий пропуск. Его не было, но я встретила Анну Дмитриевну. Они живут уже с сентября в театре — дома выбиты все окна. При встрече я ей говорю: «Все время твержу ваши стихи: “Безумным табуном неслись года... Они зачтутся Богом за столетья...”»[855]. — «Да, но тогда, в начале революции, было легче, совсем не то, что теперь. И пока театр работал, притом работал блестяще, перевыполняя свой план, было легко. Но в январе за отсутствием света театр закрыли. Люди в угнетенном состоянии, умирают. Восемь человек уже умерло в театре. Это страшно, и страшно, что искажается внутренний облик у людей».

Она торопилась в «Асторию»[856], куда они получили пропуск на десять дней.

Умер живущий над нами Петя Азаров, муж Бэллы Вульф. Ему не было еще 30 лет. Сгорел в один месяц. Умер от истощения. «Не давайте сыну лежать, — сказала мне Бэлла, — Петя залежался, так говорит докторша». Я была потрясена и перепугана за Васю.

Шла по Халтурина. Не доходя до площади, увидела юношу в коротком полушубке, ушанке, валенках. Он стоял, прислонившись к стене дома, и, повернув голову, не шевелясь, смотрел вдаль по Миллионной[857]. Глаза его казались совсем белыми. В Ленторге я провела минут 10 в поисках концов своего дела — продолжения моего письма Попкову. Помещается учреждение в каком-то роскошном особняке на набережной, впотьмах везде поблескивает мрамор лестниц и колонн, в темной, деревом отделанной бывшей столовой с огромным камином при оплывающем огарке свечи сидят замерзающие барышни. Письмо мое получило положительный ответ, но распоряжение не дошло по назначению. Иду обратно. Против Эрмитажа по Халтуриной на

высоком крыльце лежит человек, вижу ноги в валенках. Около него два милиционера. «Надо его отвести в медпункт», — говорю я им. «Куда его вести, — говорит милиционер очень равнодушно, — он уже готов, надо убрать». Я вгляделась в лицо лежавшего: это был тот юноша, который здесь стоял полчаса тому назад. Шел снег, снег, снег. Площадь, набережная, облупившийся Зимний дворец, Эрмитаж с разбитыми окнами — все это кажется мне чем-то далеким и фантастическим, сказочным умершим городом, среди которого движутся, торопятся до последнего издыхания китайские нереальные тени.

В бытовом отношении жизнь становится все хуже. В столовые подбросили продуктов, дуранда исчезла, появились крупы, какие-то лепешки, супы с крупой. Котлеты же делаются из соленых кишок и прочих внутренностей, пахнут тухлым мясом, скорее треской. Дров в городе в плановом порядке нет. Доктор Остроумов мне заявил: белье будут менять раз в месяц, мыть больных нельзя — дров нет. Но если следить за чистотой, то вши не заведутся. (Вши завелись уже у троих, мажут теперь всякими мазями.)

Почта, комиссионный магазин, столовые, рассказ Мани Шабельской — умершая дочь — одеяло.

18 января. Начались пожары. Четверо суток горел дом на Пантелеймоновской, наискосок от разрушенного бомбой. Горят дома по всему городу, горит в Гостином дворе. В государственном плане не было заготовки дров. Трубы лопнули, воды нет, тушить нечем. Все топят буржуйки. Уборные не действуют. Продолжаю ходить во второе учбюро по распределению заборных книжек[858]. Начальник Лечидова, помощница ее Омельченко с невероятно зычным голосом. Обе — полуинтеллигентные, грубые до отказа. С 9-го числа хожу через день, вместо карточки второй категории (вместо моей рабочей — при восстановлении потерянной снижают категорию) мне подсунули третью категорию, иждивенческую; напутали и теперь глумятся надо мной. «Убирайтесь к черту», — кричит Омельченко. «Работница хоть облает, но поймет», — говорит Лечидова, и обе приходят в ярость, что я не лаю и продолжаю говорить спокойно. Воспитанность выводит из себя. Одна пожилая, очень милая дама просила разрешения больному зятю, работающему в порту, перерегистрировать карточки по месту жительства. Не разрешили. «Да идти некому, зять болен, при смерти, внук тоже болен, я не могу идти так далеко». — «Везите его в гробу!» — кричит Омельченко. Чувствуется ненависть к культурному человеку, зависть.

Я голодна и слабею. Все одна дуранда. Д-р Тройский просит наколоть ему сахар. Я колю щипцами, осколок летит на пол. Не поднимаю, знаю, что маленький. Сдав ему сахар, поднимаю крошечный осколок и с наслаждением съедаю.

На столе лежит ложка, которой раздавали больным кашу. По краю осталось немного каши. Я пальцем как бы нечаянно задеваю ложку, на пальце немного каши, потихоньку облизываю.

Прихожу голодная домой, без обеда, на одном хлебе. Наташа и Катя по новым карточкам получили 700 гр. хлеба. Мучительно хочется хлеба. Зависть голода.

Надя Банникова передала свои наблюдения на Троицком мосту. Ветер, идти трудно. Идут, придерживаясь за перила, навстречу друг другу мужчина и женщина. Сталкиваются, и начинается ругань: «Не видишь, что ли, что я сейчас свалюсь...» и т.д. Надя уходит, не дождавшись конца сцены.

25 января. День: живу в Ноевом ковчеге — Васиной комнате: бабушка, Вася, Наташа, Соня, Катя Князева, Алеша, Вера и я. Вася встает в 6 часов и идет за общим хлебом. К 9 иду в больницу, не моясь. Вчера Вера нигде не нашла воды, сегодня утром тоже, мне не дали воды! Даже для зубов. В больнице, оказалось, тоже вода не идет! Всех санитарок отрядили за водой, нигде не нашли, набрали снега во дворе и натаяли его. Мне пришлось дежурить в палатах 1-го этажа — 4° тепла. Я не снимала шубы и перчаток. Никто не моется. По улицам ходят абсолютно закопченные люди, как трубочисты. Замерзла, говорят, водокачка. Немцам не удалось ее разгромить, сами заморозили. Болят руки, суставы пальцев.

Морозы стоят трескучие, вчера было 36°, а сегодня немногим меньше.

На днях приходила Мария Митрофановна Шабельская и рассказывала, что у нее умерло 15 человек знакомых. Она пришла к знакомой старушке. Т.к. та двигаться не могла, то лежала в коридоре, чтобы не отворять дверь. Больная дочь лежала в комнате. Старушке стало холодно, и она попросила Марию Митрофановну принести одеяло из комнаты. Сумерки, в комнате полутемно. Одеяло лежало на постели. М.М. потянула его, тяжело; она напрягла силы, вытащила его — под ним лежал труп, умершая дочь старушки.

26 января. Вчера, вернувшись несолоно хлебавши из столовой (закрыта за отсутствием воды), сходила на бульвар за снегом. Растопила, хватило помыться вечером и утром. Все ездят на Фонтанку и Неву, я предпочитаю снег, — он чище. Без воды встали хлебозаводы. Вася сегодня пошел за хле-

бом без четверти 6, вернулся в половине 9-го, получил чуть ли не последний хлеб. Везде огромные очереди.

Вчера была безумно голодна. Попросила у Наташи две столовые ложки муки и сварила болтушку, прибавив для вкуса укропу.

В больнице холодно, в палатах 5—7 градусов. Дежурю теперь в бомбоубежище и двух верхних палатах. Вначале больным делали массу вливаний глюкозы, инъекций камфоры, сейчас все отменили за отсутствием возможности стерилизовать, заменили валерьянкой с ландышем. Дома в Васиной комнате очень тепло. Вася стопил на буржуйке шкафик и письменный стол приятеля Юдиной, натаскал из общежития рам, дверей, досок.

Сплю на стульях, подкладывая матрас Якуниной. Все пользуются чужим, махнув рукой на элементарную честность.

Город замерзает. Кто виноват? Кроме блокады, конечно, система: отсутствие частной собственности, *частной инициативы*.

От Юрия была телеграмма, переехал в Тифлис[859].

27 января. Против ожидания, столовые вчера были открыты, и я пообедала в цирке. Пообедала — c'est beaucoup dire, получила две столовые ложки гречневой размазни и 2 дурандовые лепешки, за что взяли 50 копеек и вырезали талонов на 75 гр. крупы и 5 гр. масла.

Домой решила идти по Фонтанке мимо Инженерного замка — бульвар, который когда-то назывался Золотым бережком и был излюбленным местом юных педерастов.

Миновала цирк, вижу на снегу, в пол-оборота к решетке, лежит человеческая фигура, по-видимому, невысокая женщина, вся обернутая в простыню и перевязанная веревкой, как свивальником. Руки сложены под простыней на груди. Она производила впечатление завернутой статуи, настолько неестественно вытянутой она лежала, не прикасаясь коленями к снегу; по-видимому, завернули ее в ту же простыню, в которой она умерла, ниже крестца было темное пятно, может быть кровоподтек.

Я долго стояла около. Прохожие шли, не оборачиваясь и не глядя.

Дома тепло. Пришла Соня Муромцева. Я страшно ей обрадовалась. Вид у нее прекрасный, даже непохудевший. Живет по-прежнему в Александринке, платонически увлечена П.З. Андреевым, приглашена на работу на радио.

28 января. Вчера хлеба не получили. В столовой оставался один суп, жидкий, с воспоминанием о крупе. Дома выделили мне около 100 гр. хлеба. Сегодня ушла, не дождавшись его. Меня шатает, как от ветра. Вечером в 7 часов пошла искать хлеба. Сильный мороз, градусов 30, луна освещает город,

светло как днем. На углу Радищева переулка стоит очередь во весь переулок, несколько сот человек. А хлеба привезено 370 килограмм. Заняла очередь и пошла искать дальше. Обошла все ближние кварталы, хлеба нет нигде.

Наташа с Катей ушли сегодня в 4½ утра. Катя надела мои валенки и к 9 не вернулась. Пришлось идти в летних галошах, замерзла.

Слабость, в голове пусто. «Тяжелее груз и тоньше нить»[860]. Нить так тонка, что вот-вот порвется. Если не будет хлеба, завтра не в силах буду выйти на работу.

Остроумова, жена доктора, говорит мне: «Надо и вам лечь в больницу отдохнуть; не думайте, что у вас вид лучше, чем у тех, кто у нас лежит».

Когда, идя в столовую, спускалась с моста к цирку, мужчина ввозил на мост гроб без крышки. В гробу сидел человек в позе пьяного, случайно упавшего в гроб. Он сидел в гробу, опершись об одну из продольных стенок, ноги в коленках высоко торчали в другую сторону, шапки на всклокоченной голове не было. Он был мертвый и замерзший.

У Васи сильно опухли ноги.

В палате 5 градусов. Светильник со скипидаром немилосердно коптит.

29 января. После работы пошла в Ленторг. Шел снег с утра. Прошла Инженерный замок[861]. При спуске к Марсову полю на мостике меня обогнал грузовик, высоко нагруженный трупами. Они лежали в уровень с кабинкой, сверху были прикрыты тряпками. Тряпки вздувало ветром, из-под них торчали голые ноги. Около кабинки на трупах сидела закутанная фигура, сзади тоже человека три. Грузовик быстро проехал и завернул по мосту к Летнему саду. Пошла вдоль канала, мимо павильона в Михайловском саду, который мне всегда напоминает институт[862], детей Брюлловых, военный парад в честь приезда Франца Иосифа[863]. В конце аллеи на снегу два трупа. Один, завернутый в клетчатую столовую клеенку, лежал ничком, другой, в темном, — на спине. «Нагая смерть гуляла без стыда...»[864].

В Ленторге меня ждало разочарование. В течение двух недель меня уверяли, что моя просьба уважена (о первой категории карточки для Васи), вчера же оказалось, что Андреенко не рассматривал моего письма, мне его дали на руки и направили к Стожилову на решение. У него было совещание. Я решила его дождаться и высидела часа два в нетопленой комнате.

Из кабинета выходили женщины, по-видимому, это были начальники участковых бюро заборных книжек. Одна из них кому-то звонила по телефону: после перерегистрации выяснилось, что по городу 16% *отсева*, а в моем участке 20% — необходимо проверить. Разговор шел на том советском

жаргоне, который так великолепно передал Катаев в своем «Домике» (или «Городке»)[865].

16% отсева — это что же: умершие? С 4 миллионов это 640 000. Смотрела я на этих баб и думала: вот кто управляет нашим снабжением. Стожилов с очень белым или бледным, немного одутловатым лицом, скорее, интеллигентного типа, сказал мне, что он профан в музыке и Шапорина как композитора не знает, с какой же стати давать сыну карточку. Впрочем, придите завтра.

А секретарша еще лучше: «Мне тоже 25 лет, за меня никто не хлопочет, почему же ваш сын будет получать первую категорию?» Маленькое миловидное личико было истощено и бледно. На ней был засаленный ватник, на голове ушанка.

Вопрос шел о 150 граммах хлеба.

Выйдя на Дворцовую площадь с Миллионной, я остановилась. Шел снег. Покрытая снегом черная шестерня на штабе неслась вверх. Колонна, штаб, Адмиралтейство, Зимний дворец казались грандиозными и вместе с тем призрачными, сказочными. А внизу по сугробам сновали маленькие, согнутые, сгорбленные, в платках и валенках темные фигурки с саночками, гробами, мертвецами, домашним скарбом, такие чуждые этой призрачной, царственной декорации.

Я вспомнила площадь перед Ватиканом и спешащие туда фигуры в черных рясах, так великолепно компанующихся с колоннадой св. Петра, или попарно гуляющих в садах виллы Боргезе[866] семинаристов в ярко-красных с пелеринами сутанах.

Чернь захватила город, захватила власть, захватила страну. Город отомстил за себя. Чернь, лишенная каких бы то ни было гуманитарных понятий, какой-либо преемственной культуры и уважения к человеку, возглавила страну и управляла ею посредством террора 24 года.

Сейчас, когда все инстинкты обнажились, город замерз, окаменел, с презреньем стал призраком, чернь осталась без воды, огня, света, хлеба, со своими мертвецами.

И смерть повсюду.

31 января. Опять надо идти к Стожилову за ответом. Хлеба нет. Обыкновенно карточки выдавали дня за два до 1-го, и все, у кого хлеб забран на день вперед, а таких добрая половина обывателей, 31-го брали на первое. Карточки сейчас не выдали, говорят — не готовы.

Пошла в столовую. Очередь на улице; мороз, голова кружится, черные пятна перед глазами. Простояла с полчаса, ушла. Опять шла мимо Марсова поля, от слабости полная атрофия наблюдательности.

Пройдя аллею, остановилась. По улице выезжала тройка: три бабы, средняя в ярко-васильковом платке с цветами, везли сани, нагруженные трупами. Средняя очень весело, лихо кричала, сверкая зубами: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей, вози знай!» Знаменитые сталинские слова[867].

В Ленторге Стожилов, секретарша — верх любезности; рассмотрели вопрос и дали первую категорию навсегда. Очень рада.

2 февраля. 1-го была без хлеба до двух. В столовой, как всегда, очередь, но, к счастью, не на улице. Впереди человека за два стоит женщина. Бабы начинают кричать на нее — на ней кишмя кишат вши: на пальто, на платке. Ее хотят выгнать вон. Другие бабы подымают крик: «Мы все во вшах, воды нет, дров нет, бань нет, живем в грязи по уши, закоптели, как цыгане, куда ее выгонять, жрать где она будет? Сталин-то небось сыт, об нашей жизни не знает». Волнение успокаивается.

Дома — les misères de la vie[868]. Любезность и благодарность за хлопоты о рабочей карточке длились один день, и пошел страшный хамеж. Наташа делает ежеминутные замечания. Они все пьют липовый чай, а я чистый кипяток, и ни разу им не приходит в голову угостить меня чаем.

4 февраля. Стояла утром в очереди за сахаром, к сожалению, безрезультатно, песку не хватило. Разговорились с соседкой по очереди. «Умирают теперь люди очень просто. Муж пошел с утра за карточками на завод и не вернулся»[869].

Отрезают мягкие части тела и едят их, будто бы видели. Легенды это или быль? Сосед Елены Ивановны накануне смерти умолял жену поискать на улице покойника и принести ему мяса. Это, конечно, психоз.

Вася и Наташа в панике и решили уезжать. Оно и лучше. Перенести такую зиму, не «загнуться», не свихнуться — на это надо много моральных сил, больше даже, чем физических. Со мной они становятся все более агрессивны, но я никак не реагирую и молчу.

10 февраля. С 6-го на 7-е — ночное дежурство, холодно. Прихожу домой голодная, конечно. Вася подает мне мой хлебный паек на тарелке, все какие-то кусочки. Сонечка: «А мама у вас отломила кусочек». Алеша продолжает: «Тука все довески у вас съела». Я делаю вид[870]

В это время раздался голос Елены Яковлевны Данько — она пришла ко мне за своими книгами и сделалась невольной свидетельницей, вернее слушательницей, милой семейной сцены. Должна сказать, что я как-то перестала реагировать на Васины выпады, мне только очень и очень жалко Сонечку, у нее такое грустное стало личико. Я ее страшно люблю, а слыша такую ругань, она, конечно, меня чуждается. Проводила Елену Яковлевну в Лавку писателей, свезла ее книги на продажу, пошла на Мальцевский рынок, оттуда на Кузнечный (все пешком после бессонной ночи), тут купила себе буржуйку. Когда подходила к Владимирскому собору[871], меня обогнал грузовик, высоко нагруженный голыми трупами. На грузовике была грубо слаженная клетка, трупы лежали в беспорядке. Первое бессознательное впечатление — архаические деревянные Христы с польских кальвариев[872]. Тела были, или мне так показалось, не мертвенно желты, а слегка подкрашены, розоваты, что и напоминало деревянные раскрашенные распятия кальвариев.

Лицом к решетке лежал мужской труп, одна рука была прижата к груди, левая высоко наотмашь поднята, как на кресте, волосы спускались на лоб. Это пронесшееся видение — одно из самых сильных впечатлений за зиму.

L'homme nu Вольтера[873].

Храбро водворилась в детской комнате. Температура —2°. Затопила печурку папиным письменным ореховым столом и легла спать. Укутавшись под одеялом и шубой — всегда тепло. Другое дело, вставать утром и раздеваться вечером. Наутро рано, в начале восьмого, пошла в магазин в очередь за сахарным песком. Очередь вилась змеей взад и вперед по темному магазину (окна затемнены, у продавцов горят коптилки). Вдруг странный звон в ушах, очень скверно и боль в затылке, голоса: шляпу, шляпу-то подберите. Открываю глаза — лежу на спине под ногами толпы, соседки соболезнуют. Рука в муфте судорожно сжимает сумочку с карточками. Меня поднимают, ведут к окну, и опять я прихожу в себя на полу лежащей пластом на спине. Что это — смерть? Мне помогают сесть, и опять я лежу. Или это страшный сон с повторностью положений? И в голове все время фраза: «Тяжелее груз и тоньше нить», «нить», и слово «нить» мне представляется узким, острым и длинным мечом, прорезающим мозг. Мозг болит. Темно-черные силуэты толпы, и я на спине под ногами. Неужели это конец? Сердобольные люди подняли меня, усадили на столик, и я ухватилась за прилавок, почувствовала тошноту и сильнейшую головную боль. Тут я догадалась, что угорела. Я выбралась во двор, натерла лоб и виски снегом, поела снежку, отдышалась и вернулась в очередь. Соседки очень сочувственно позволили мне все время сидеть на

столе, не передвигаясь спиралью по лавке, получила песок и ушла на весь день к Елене Ивановне. У нее и переночевала на кожаном кресле. 9-го вернулась к себе, вода замерзла. Так было дня два, потом стала натапливать до 4, изредка 5 градусов. Вася при встрече на коридоре сказал мне: «Если хотела у нас оставаться, в тепле, должна была вести себя приличней».

Елена Ивановна посоветовала мне предупредить управдома о том, что Наташа собирается открыть лицевой счет, что они могут прописать в мою квартиру всех Князевых и я останусь ни с чем.

Я пошла к Михеичу, который сказал, что этого он никогда не допустит.

Ожидая его в конторе, услыхала чудовищную историю. В квартире 98 нашего дома жила некая Карамышева с дочкой Валей 12 лет и сыном-подростком ремесленником. Соседка рассказывает: «Я лежала больная, сестра была выходная, и я уговорила ее со мной побыть. Вдруг слышу, у Карамышевых страшный крик. Ну, говорю, Вальку стегают. Нет, кричат: спасите, спасите. Сестра бросилась к двери Карамышевых, стучит, ей не отворяют, а крик “спасите” всё пуще. Тут и другие соседи выбежали, все стучат в дверь, требуют открыть. Дверь отворилась, из нее выбежала девочка вся в крови, за ней Карамышева, руки тоже в крови, а Валька на гитаре играет и поет во все горло. Говорит: топор с печки на девочку упал». Управхоз рассказал сведения, выяснившиеся при допросе. Карамышева встретила у церкви девочку, которая просила милостыню. Она ее пригласила к себе, обещала покормить и дать десятку. Дома они распределили роли. Валя пела, чтобы заглушить крики, сын зажимал девочке рот. Сначала Карамышева думала оглушить девочку поленом, затем ударила по голове топором. Но девочку спасла плотная пуховая шапочка. Хотели зарезать и съесть. Карамышеву и сына расстреляли. Дочку поместили в спецшколу. От нее узнали все подробности, рассказ управдома Ивана Михеевича.

12 февраля. Дежурила ночь, беседовала с санитаркой Машей Цветковой, средних лет женщиной: «Церковь убрали, Бога нет. А он, Батюшка, долго ждет, да больно бьет. Вот мы теперь за свои великие грехи и получаем. Блуд какой был! Больно нам, а Ей, Заступнице, разве не больно было, как Знаменье-то взрывали и рушили[874], он и стал громить. А Сергию преподобному не больно было, как его церковь рушили да каменный мешок на его место поставили[875]. Дурное вместо хорошего... Отвозила сегодня, — продолжает Маша, — шестнадцатилетнего мальчишку из нашей квартиры на общественный морг на улице Воинова. Видели бы вы, сестрица: во дворе штабеля покойников, кто как, кто на карачках... Одна такая симпатичная дама лежит,

молодая, лицо круглое, волоса распущены, как живая; совсем голая лежит. Я выхожу, идет командир. Я ему и говорю: товарищ командир, зайдите в общественный морг, поглядите, как мы, ленинградцы, умираем, и скажите на фронте, чтобы нас спасали скорее, а то все умрем до единого. Ничего не сказал, пошел мимо».

С 16 на 17 февраля. 15 и 16-го сильные бомбардировки, оглушительно громкие. Много попаданий где-то невдалеке. Кажется, что деревянный огромный молот таранит мерзлую землю. Сегодня у меня ночное дежурство. Иногда кажется, что это уже не по силам.

Больные в нервном состоянии от канонады, многие не спят. Я иду в коридор, сажусь в угол дивана. Здесь не так слышно, да и своды замечательные. Недаром об них полутонная фугасная бомба испортилась.

Часа в два обстрел нашего района кончился, но долго еще слышался дальний гул орудий. Около пяти утра позвали к доктору Тройскому. Я боюсь, говорит санитарка, он хрипит. Ввела ему камфору, он не то дремал, не то был без сознания, рука все время подергивалась. Два раза будила Маева, говорю: «Доктор умирает». Маев не пришел. Вернулась в свою палату. Полное равнодушие, хочется спать.

В шесть заиграл марш, марш-бодрячок, веселый, бравурный, как раз подходящий к обстановке. Прибегает Шура Алексеева: еще надо сделать укол Тройскому, доктор Галкин зовет. «Бесцельно, — говорю я, — подождем последних известий». Цинично, но вся наша жизнь стала цинична.

«Нагая смерть гуляла без стыда»[876].

Сознаюсь, я тотчас же пошла, ввела камфору, и когда я вынимала иглу, он потянулся, открыл рот. Покойник, умерший, «новопреставленный» стал только трупом без могилы и креста.

Между двенадцатью и часом ночи мне надо было звонить в Горздравотдел о вывозе из больницы трех трупов; два из них лежат уже с месяц в помещении клуба, и, несмотря на холод, смрад пошел по всей больнице. Оттуда отвечают: все упирается в транспорт. Трупов не прибавилось?

Тройский умер, он не умер, а превратился в труп, только и всего.

Их столько, столько, что уже отворачиваешься на улице, когда везут навстречу. На днях вид одного из них меня как-то болезненно тронул и поразил. Две женщины везли на саночках черную мумию, ребенка лет 10, очень аккуратно зашитого в черную материю. Ручки на груди, весь силуэт напоминал на белом фоне снега египетскую бронзовую фигурку.

Живу на морозе. Утром 2 градуса, выше 8 не натапливается и тотчас же спускается. С Васей невыносимые отношения. Вчера я сказала Кате Князевой, что я прошу Веру носить мне воду и выносить грязную. За это я ей дам пропуск в столовую. Я добавила, что удивляюсь, как она сама, живя у меня всю зиму, до этого не додумалась. Вася и Наташа запретили Вере носить мне воду.

Я каждый день теперь приношу Сонечке обед, т.к. Наташа потеряла свои карточки (они пользуются моим пропуском в Музкомедию).

Я спешно шью Соне ватник на дорогу. Это все не считается. Бог с ними, им же хуже. Юрий прислал в Смольный Жданову телеграмму, прося разрешить Васе выехать в Ярославскую область, к себе он их не приглашает. Дурачки, на меня наплевали, поставили в невыносимые условия, а там отец их знать не хочет, если я не приму мер. Правда, я их уже приняла. 13 февраля уезжали Данько, и я дала им письмо Юрию, чтобы опустить за нашим «кольцом». Я писала ему, что очень советую выписать к себе Васю *одного*, устроить на работу, хотя бы помощником художника в театр, жестко заставить зарабатывать. Пусть сам сумеет встать на ноги, чтобы выписать семью. Ничего о наших взаимоотношениях я не писала, конечно, но сказала: надо Васю изъять из князевского курятника, т.к. мозги у них птичьи.

Пора Васе самому выплывать. Легче всего плевать в тот колодец, откуда пьешь.

19 февраля. По-видимому, наша артиллерия или авиация сбила немецкие батареи, т.к. все эти дни тихо. Зимой, такой суровой зимой, наши мужики справляются с немцем, и Blitzkrieg[877] отошел в область предания. Будут знать, мерзавцы, каковы russische schweine[878]. Но что дальше?

Я превращаюсь в пещерного человека. Получила 450 гр. мяса. Стала варить суп. Так хотелось вкусного бульона. Варила часа два, три, а потом не хватило терпения резать ножом и вилкой, взяла мясо руками и так и ела. Месяцев 6, а то и больше не ела мяса, надо думать, какова была моя жадность. Бульон же был безвкусен, без единого Fettauge[879].

1 марта. 26 февраля Вася уехал. Отъезд эшелона был назначен на 25-е, и в 9 утра мы отправились на вокзал. Присели перед отъездом, я благословила Сонюру гусевским складнем[880], Наташа сказала все нужные слова: не поминайте лихом и т.д. Вася же не простился. Я давно уже перестала обращать внимание на его выпады, повезла Сонечку, которая была посажена на санки в ватном мешке и была совершенно спокойна. На вокзале выяснилось, что эшелон пойдет 26-го, но посадка состоится.

На вокзале увидела М.Ф. Петрову-Водкину с Леночкой. Уезжают в Хвалынск, где К.С. выстроил для матери хороший дом. «J'ai tout vendu — les lits, les meubles, tout. J'emporte ce que j'ai d'or et argenterie, dix mille roubles, mes fourrures, des promtovarы pour changer. Nous allons rester une année ou deux, je voudrais vendre la maison, qui vaut au moins 40 000 — j'eu acheterai une plus petite»[881]. Картины, рисунки К.С. и литературу взял Русский музей на хранение. «Et vous savez (шепчет она мне на ухо) on va rendre la ville, c'est décidé, — le mois de mars sera réchitelni»[882].

Соню устраивают в вагоне недалеко от круглой времянки. Вася идет разыскивать дрова. Я ухожу, т.к. надо идти на дежурство, утром меня заменили.

Днем был сильнейший обстрел города, опять пострадала Моховая, снаряд попал в дом 40, в то же место, где уже была брешь, попал в двор нашего института, в заднем флигеле вылетели все стекла. Я безумно беспокоилась за Финляндский вокзал.

На другое утро в 6 часов пришел Вася за отварной водой, пришел ко мне, просил не сердиться, объясняя всё их патологическим состоянием, просил прийти и принести образок на дорогу.

Часов в 11 я пошла на вокзал. Сильный мороз. Как муравьи, люди тащат свои тюки и чемоданы на вокзал. Сколько их! Едут на грузовиках, на дровнях. Все последнее время город в лихорадке эвакуации[883]. Что это означает, чем это вызвано? Я понимаю, что люди безумно устали от постоянной напряженности нервов. Вася говорил: «Довольно мертвецов, я видел трупы с отрезанными мягкими частями[884], видел отрубленную голову, которая валялась у Соляного городка[885], довольно, больше не могу». Но уезжают все вузы, Университет, Консерватория, медвузы, театр Радлова, Комсомола[886], джазы, ансамбли песен и плясок (Цуккерман). Мы с Васей пошли по перрону. Встретили Всеволода Англиевича Сулимо-Самойло. «Уезжаете? А я остаюсь защищать Ленинград», — смеюсь я. «Может быть, вы и правы, но эта эвакуация — массовый психоз, и я, к сожалению, ему поддался».

На вокзале 25 февраля уезжающим выдали талоны в столовую. Они получили по большой (Вася говорит — тройной) порции пшенной каши, по сардельке и по кило хлеба. Остались очень довольны. Рядом с ними сидит композитор М. Юдин. Сонечка что-то напевает. Мы с Васей хорошо на этот раз простились, хоть бы только им благополучно переехать Ладожское озеро.

Эшелон ушел вечером, я не провожала, т.к. шла на ночное дежурство.

Теперь собирается уезжать Катя Князева с университетской организацией, и бабушка остается, по-видимому, на моем попечении. Я сегодня совсем

расстроена — мне кажется, от визита Маргариты Валерьевны. Это человек обреченный. Она пришла вчера, села у печурки — «Ne m'approchez pas, je suis pleine de poux»[887]. На ней вши кишат. Она сидела перед огнем и ловила их. Под глазами кровоподтеки, худоба страшная, кожа лица в складках. Она не голодала совсем, т.е. если сравнивать ее питанье с нашим. В клинике (Максимиллиановской поликлинике) столовая, на фабрике, где она тоже работает, она получала пробу, т.е. лучший обед, сейчас ее поят молоком, но, очевидно, дистрофия уже в такой стадии, когда ничто не может помочь. Говорит и ходит она как сомнамбула. Ее должны были принять на стационар фабрики и не приняли из-за вшей. Теперь она ложится в больницу, из которой, помоему, ей не выйти. Она невероятно несчастна и чувствует себя прокаженной. Вид ужасный и именно обреченный. И как-то скверно на душе.

Встретила на днях Элеонору Алексеевну Иванову, с которой мы, как и с Петровой-Водкиной, говорим по-французски. У нее другие слухи: «Les kommunistes, les NKVD fuient — il n'y aura plus d'institutions soviétiques, ce seront les anglais et américains qui seront les maîtres!»[888] Здравствуйте! А немцы ежедневно раза два в день нас бомбардируют сильнейшим образом. С каким бы наслаждением я уехала, если бы было куда ехать, где голову приклонить.

Я сейчас не голодаю. Прибавка хлеба, круп, мяса, хотя и минимальные, сделали свое дело — мне кажется, что я больше не слабею, я не устаю на дежурстве. Вчера ходила к Любе Насакиной на Галерную улицу без всякой усталости, любовалась солнечным Петербургом, гордым Исаакием, дворцом царицы Прасковьи за рекой[889], Адмиралтейством, откуда-то появившимся фасадом Екатерининского института, освещенным закатным солнцем. Но бомбардировка потрясает мои нервы, я ее не выношу. А что будет, когда начнутся бомбежки, нервов на это уже не хватит. Народу на улицах мало, если сравнить с тем, что было, переполненными трамваями, автобусами, троллейбусами. Троллейбусы стоят, занесенные снегом, а по улицам снуют больные люди. Здоровых лиц нету.

3 марта. Заходила Елена Ивановна. Лесотехническая академия тоже эвакуируется. Е.И. было предложено ехать, но она отказалась. Вернуться в Ленинград будет невозможно. Рассказала следующее: опять вводятся строгости, за опоздание снимают с работы.

2) Рабочий, проболевший два месяца, переводится на иждивенческую карточку.

3) Все справки, заменявшие больным бюллетени, с 3 марта аннулируются, будут действительны только новые, их будут выдавать очень строго.

4) На работу людей с отеками принимать не будут.

5) Эвакуировать дистрофиков не будут.

Все это жестоко до цинизма, но, очевидно, с людьми, дошедшими или доведенными до бараньего состояния, иначе обращаться и нельзя.

А карточки иждивенцев таковы, что на них можно три раза в декаду пообедать. Мария Евгеньевна имеет право использовать в декаду восемь талонов по 20 гр. крупяных и 125 мясных. За суп вырезают один талон, за кашу два. Вот тут и выкуси.

Уехала сегодня Катя Князева. Бабушка же брошена одна, без денег, без дров, по-видимому, на мое попечение. Когда я Кате говорила и настаивала, чтобы они как-то обеспечили бабушку, она отмахивалась: все сделает тетя, все надежды на тетю. «Но ведь вы же понимаете, что на Маргариту Валерьевну надеяться нечего, она не встанет». — «Ничего не знаю, мне бы только уехать».

Князевы создания паразитарные.

13 марта. Морозы держатся не ослабевая. Сегодня градусов 25. С питанием опять перебои. В магазинах ничего нет, в столовых нет подвоза крупы. Сегодня у нас только мучной суп. На этой декаде можно было использовать только 250 гр. мяса, пять котлет, которые я уже съела. И голодна. Хлеб съела с утра, его мне явно не хватает. Вчера дежурила весь день, сегодня иду в ночь. Уверяют или распространяют слухи, что на базах масса продуктов, но нет возможности развезти по магазинам, нет транспорта. Nonsens[890].

Говорят также, что медицинский персонал будут кормить, так как среди него столько умирают и столько болеют, что работать некому. Не верю, слишком давно уж об этом говорят. Врачи, вероятно, устроятся, а об нас, сестрах, забудут.

Сверху, по-видимому, решили сделать вид, что все благополучно, а ослабевшие дистрофики — контрреволюционеры. Была статья в «Ленинградской правде» «Холодная душа» — это умирающий дистрофик, апатичный ко всему, не реагирующий на митинговые речи, и есть «холодная душа»[891].

Быть может, на быдло, находящееся в «парадоксальной фазе» (по Павлову), такое освещение положения и произведет надлежащее впечатление. Но, увы, «холодная душа» скоро превратится в холодный труп, ей не до газет.

На улицах сейчас почти не видно везомых покойников. Говорят, мертвецов велено вывозить только ночью.

Конец февраля, последняя декада, в честь дня Красной армии была эпохой prosperity[892], и обыватель воспрял духом, надеясь на подвоз. Дали полкило добавочной крупы, 150 (!) гр. сушеных кореньев (я получила сушеную кар-

тошку и капусту — последняя очень вкусна). Давали по 450 гр. мяса в декаду. А сейчас голодаем, это тяжело. Я сегодня, надев черный солдатский халат, который ношу на дежурстве, посмотрелась в зеркало. Совсем Плюшкин на карикатуре[893].

15 марта. Сегодня осталась без обеда. Столовая закрыта за отсутствием дров, а служащие убирают снег на улицах.

Сварила остатки хлеба с укропом, сделала панаду[894]. Мне этого мало. Взяла материю на блузку, которую когда-то купила у Аннушки по 35 рублей метр, всего у меня 2 м. 30 см., пошла на Мальцевский рынок, променяла на 300 гр. хлеба.

5 апреля. Светлое Христово воскресенье! Славно мы его встретили и разговелись. В седьмом часу вечера 4-го начался налет. Громыхали и ревели зенитки. Раздавались разрывы. Отвела бабушку в ванную, там не так слышно и немного спокойнее. Нервы больше не могут выносить этого ужаса, беспомощного ожидания гибели. Податься некуда. Бомбоубежище не функционирует, его залило водой, все замерзло, наполнено льдом. С часу ночи начался второй налет. Пошла одна в ванную — Вера и бабушка просили их не будить. Сидела там в шубе, там очень холодно, до 3 часов, когда все стихло. Если бы я могла не просыпаться от гула орудий, было бы счастье. А лежать под грохот невозможно. Лучше быть одетой.

Хотела утром пойти в церковь, заутреня должна была быть в 6 утра[895]. Вера ушла за хлебом с ключом и вернулась только в 9, простояла в очереди за сахарным песком, в результате чего я не попала к заутрене и получила вместо 300 гр. — 225! «Употребил-с», — как говорил один из слуг в рассказе Гончарова[896]. Пошла к поздней обедне. Она не состоялась по усталости и болезни священника. Он только «освящал куличи». Это было трогательно. Шли женщины с ломтиками черного хлеба и свечами, батюшка кропил их святой водой. Я приложилась к Спасителю, отошла в сторону и расплакалась. Я почувствовала такую безмерную измученность, слабость, обиду ото всего, хотелось плакать, выплакать перед Ним свое одиночество, невыносимость нашей жизни. Слезы меня немного успокоили и лик Спасителя. Господи, Господи, помоги мне, помоги всем нам, несчастным людишкам. Сегодня уже были три тревоги. Что будет дальше?

Голод усиливается, у меня, по крайней мере. Хлеба моих полкило хватает только на утро. В столовой уменьшили порции, суп стал совсем жидким, водой с легким воспоминанием о горохе или лапше. Выдержу ли? Боюсь, что нет. Самое ужасное — думать, что свезут тело в общий морг, без отпевания,

без креста. Господи Боже мой, дай мне умереть по-человечески. А когда-то я мечтала о смерти в Италии, где земля мне казалась легче! Быть похороненной с Аленушкой, моей родной, любимой. Надо выдержать, дорогая. Надо укрепить нервы. Пойду в Комитет[897], буду проситься на стационар дней на десять. У нас больница сейчас переполнена раненными артиллерийским обстрелом. Человек двадцать из Ржевки[898]. Снаряд попал в поезд с боеприпасами, и произошел взрыв такой силы, что в нашем районе открылись все форточки, двери. Это произошло 29 марта в 6 утра. Я дежурила ночью и только что собралась пойти за хлебом, как вдруг что-то словно посыпалось на крышу. А со стороны улицы в палате разбилось внутреннее стекло.

> Carbon (*a Cyrano, bas*):
> Mais tu les fais pleurer...
> Cyrano
> De Nostalgie! ...un mal
> Plus noble que la faim ...pas physique: moral!
> J'aime que leur souffrance ait changé de viscère,
> Et que ce soit leur Coeur, maintenent *qui se serre*![899]

То же «перемещение внимания», что у Толстого. Не ожидала найти это у Ростана, открыв случайно «Cyrano».

10 апреля. Налеты 5 апреля оказались вовсе не случайными, как передавало радио, а, наоборот, немцы доказали полную осведомленность. Бросили бомбы на Летний сад и Марсово поле, где, как говорят, были склады боеприпасов, так что там долго продолжались взрывы. В Инженерный замок, вокруг водокачки и еще в целый ряд «военных объектов». Катина мать рассказывала: «Выхожу накануне ночью на палубу, смотрю: с неба как солнышко спускается, гляжу — другое, кликнула ребят. Над самым заводом» (не помню каким). «А на другой день прямо туда бомбы и бросили». Говорят, немецкие аэропланы, бросая бомбы, пикировали очень низко, так что верно попадали в цель. Я ждала налетов все следующие дни, но пока все спокойно.

Эвакуация прекратилась. Ладога оттаяла. Наши хозяева, M[r] Стожилов и K°, над нами надругаются. На 10 апреля объявлена выдача сухих овощей вместо очередной выдачи крупы, причем вместо 300 гр. на рабочую карточку крупы дается 150 сушеной картошки, крупы не будет. У нас по этим талонам уже все съедено в столовой. Вместо мяса в эту декаду выдали селедку, хотя мяса было завезено очень много во все магазины. Получили соленое,

у меня оставалось только на 150 гр., полселедки я растянула на два дня. С каким наслаждением я ела эту селедку первый раз за зиму. В прошлом месяце эти овощи давались по добавочным талонам. Ну что рабочий будет делать с таким количеством?

По-видимому, со снабжением не удалось никак справиться. Продуктов было привезено к Ладожскому озеру видимо-невидимо. Не нашли ничего лучшего, как складывать их на льду. В лед попала бомба, очень многое затонуло. Катя Пашникова видела человека, привезшего оттуда мешок гороха, выловленного из воды, там работают теперь водолазы. К Ладоге ходили бесконечные эшелоны с эвакуированными, там их перевозили; неужели нельзя было перевезти продукты и раздать населению, которое уж само бы знало, как все это употребить. Но у нас принцип: не допускать никакой частной инициативы, все делать по распоряжению начальства. А начальство бездарно, не заинтересовано в населении, в том, чтобы его поддержать. Я теряю силы.

Сегодня была опять в Комитете. Рачинский обещает, что меня поместят в стационар. Как хочется полежать, отдохнуть. Не хлопотать ни о своих, ни о чужих делах. Оттуда решилась совершить подвиг — пройти в Максимиллиановскую больницу к тетке Марго, посмотреть, в каком она состоянии и ждать ли от нее помощи для бабушки, которая совершенно брошена на мое попечение. Ленинград сейчас ужасен. Лужи, грязь, нестаявший лед, снег, скользко, грузовики едут по глубоким лужам, заливая все и всех. Толпы народу чистят улицы, чистят еле-еле, сил-то нет. Трудовая повинность была назначена с 27 марта по 8 апреля — продолжена до 15 апреля. Наша несчастная Вера со своей иждивенческой карточкой и 300 гр. хлеба в день должна работать по 6 часов ежедневно.

Марго в отеках, желто-восковое лицо неузнаваемо. Мне кажется, она не выживет. Волосы ей обстригли, она в чепце, говорит, что вшей ей вывели.

Очень ее жалко. У бабушки много любительских карточек: Марго в белых изящных платьях в Алтухове[900], хорошенькая, элегантная.

Она замучила себя двумя службами, жизнью без угла; неумный и нелепый, но крайне добрый человек. Что же мне делать с Марией Евгеньевной?

15 апреля. Ответа из Комитета о стационаре еще нет, сказали — завтра выяснится. Лицо у меня страшное. Устала, хочу полежать. Уж очень много каких-то хлопот. Т.к. Вера переутомлена, я теперь стираю себе, глажу, ведь большой стирки не делается, а белье нужно менять как можно чаще. Откры-

лись бани, сегодня пошли трамваи, 4 главные линии № 7, 3, 12, 9. В газетах туман: «На фронте ничего существенного не произошло». Это изо дня в день.

Мы очень чувствуем это на своем желудке. Бедные парии, иждивенцы за вторую декаду не получили ничего, ни сахару, ни постного масла, которое получило остальное население.

Слухи о конференции с союзниками в Москве, о том, что Ленинград будет вольным городом со свободной торговлей и т.д. А немцы все нас обстреливают.

У Англии с Индией катастрофа, я думаю, что дело ее гиблое[901]. Гениальный Clément Vautel — Le char de Clio[902] и т.д.

И мне кажется, что мы заключим сепаратный мир с Гитлером. Он, верно, понимает, что с Россией влип.

14-го за один день должна была быть проведена подписка на новый военный заем. Делается это так. Несколько человек, в том числе и меня, позвали к нашему зам. директора Воронову. Он болеет и лежит в комнате за дворницкой. Он ведает «Спецчастью»[903], т.е. НКВД, жена его там официально служит. Он полуинтеллигент, у него острые черты лица, острые глаза. Со мной он крайне любезен всегда. Он сказал несколько слов о важности займа и добавил, что подписка должна быть на месячную зарплату без всяких послаблений, а кто хочет, может внести наличными за месяц или 50%. Мне поручили медсестер. Двое заартачились, их вызвали к Воронову — и они подписались, конечно. Я написала несколько слов в стенгазету, и написала искренно, ни разу не произнеся слово «советский». Я написала, что враг должен быть и будет сломлен, тому порукой патриотизм всего народа и героизм Красной армии. Разве это не правда? Я глубоко убеждена, что армия, победившая внешних врагов, победит и внутренних.

19 апреля. Лежу в глазной лечебнице и испытываю наслаждение, что могу лежать, не бегать по чужим делам, лежу, и даже мыслей никаких нет в голове. Начала читать воспоминания Кузминской[904], но не читается. Надо отдохнуть. Für eine 60-jährige Dame[905] я слишком замоталась. То были хождения к прокурору по делу Елены Ивановны, затем в милицию из-за украденного паспорта и, наконец, хлопоты о бабушке. Бедная Мария Евгеньевна в безвыходном положении, и я вместе с ней — в чужом пиру похмелье. Вера хочет уходить и устраиваться на работу, чтобы получать карточку 1-й категории и быть избавленной от трудповинности. Это вполне резонно. Я умолила ее остаться до 1-го, отдала ей свой паек за декаду и шерстяное платье Ма-

рочкино, уговорила. Хлопочу о помещении бабушки в дом инвалидов. 17-го пешком отмахала туда за Смольный, устала до потери сознания, а предстояла бессонная ночь в больнице.

С 15 апреля ходят трамваи и производят впечатление восставших после продолжительной и тяжкой болезни. Ходят медленно, скрипят, ежеминутно портятся. Рвутся провода, ломаются дуги. Лечь сюда я должна была 18-го. Решила после ночного дежурства сходить в баню, первый раз за всю зиму. Бани только что начали функционировать.

Около 2 часов пришлось прождать в очереди, но какое блаженство вымыться. Тепло, обилие воды, чисто, какое наслаждение бедному усохшему и засохшему за эту зиму телу.

Странное впечатление производит это обилие голых, сухих, поджарых тел в банном тумане. Зрелище более приятное, чем прежние отвислые жирные животы, зады и груди. Дожидаясь своей очереди у крана, я стояла за пожилой женщиной. По ней можно было изучить анатомию, все мышцы, их прикрепление, все так же ясно, как на известной гипсовой фигуре Ecorché[906]. Ягодиц нет, есть только тазобедренные кости. Мяса нет. Животы сморщены, но кожа не висит. Мы не похудели за осаду, мы высохли, оттого и умираем. Несколько молодых тел, свежих, неусохших. У одной девушки фигура греческой статуи, какой-нибудь Аталанты, Дианы в молодости. Высокая, с длинными ногами, чудесной линией бедер, небольшой крепкой грудью.

Я не удержалась и высказала ей свое восхищение, она пожаловалась на слабость и боль в ногах.

Попала я сюда так: 16-го звоню в Комитет по делам искусств насчет стационара — отказ. Я страшно обозлилась и огорчилась. Чувствую, что сил больше нет, надо полежать. Дежурила. Встречаю Мушковскую и Маева. Она спросила: «Что это у вас такой плохой вид, синюшные пятна на лице? Вам надо лечь», — и обратилась к Маеву. Тот дал согласие, но старшая сестра требует, чтобы я в свои дни дежурила. Доктор Галкин обещает меня отстоять. Зачислили с 18-го. Вчера вечером зашла к нам в палату Надежда Яковлевна Соколова, ее сестра лежит тут же. Это единственный человек в институте, с которой у нас общий язык (увы, она оказалась осведомительницей). Она из морской семьи Павлиновых, их брат художник и гравер П.Я. Павлинов. Она пессимистически настроена. По ее словам, немцы скапливают большие силы в Финляндии. Она рассказывала мне, что знавала одну ясновидящую, Давыдову, которая бывала у них. Умерла в 30-х годах глубокой старухой. С детства, глядя на воду, рассказывала целые истории, не созна-

вая еще своего дара. В 30-х годах она говорила Н.Я.: «Вот ты скажешь, что старуха совсем завралась, но я тебе говорю, что я вижу много мертвецов на улицах Петербурга, так много, что вы уж их не замечаете. А потом горшок перевернется, всех накроет, и на другое утро проснетесь, и все будет другое. Перед этим умрут три человека. А ты еще встретишь своего бывшего жениха и выйдешь за него замуж» (он эмигрант).

В палате нашей 6 глазных больных, из которых четверо ранены артиллерийским обстрелом, все работницы.

Пролетарки всем недовольны: порции малы, одно холодно, другое подано с опозданием, все их обкрадывают. Меня же после порций из столовых радует сравнительное обилие еды.

Утром чай, 40 гр. масла, на день 400 гр. хлеба, 30 или 40 гр. сахарного песку, кусок омлета (вчера была манная каша). На обед: густой суп с вермишелью и картошкой! Жареная печенка с большим количеством пшенной каши, компот, чай. В 6 часов гречневая каша и кружка кофе с соевым молоком, кружка кефира. Хлеба мне, конечно, мало.

Бабы рассказывают всякие слухи: на 20-е предсказано большое сражение, а 15 мая война кончится. А вдали все время слышится канонада, как отдаленный гром. Под этот гром радио сейчас передает концерт Краснознаменного Балтийского флота.

21 апреля. 6 утра. Марш-бодрячок. Информбюро — на фронте без существенных перемен. Это означает, по-моему: ничего хорошего, окромя плохого, как говорили в Вяземском уезде. Бабы рассказывают страшные истории. Александрова, раненная на Ржевке, повариха из детского очага: «Соседка моя спрашивает в булочной, не продаст ли кто-нибудь хлеба. Одна женщина к ней подошла и говорит: “Есть у меня, миленькая, хлеб, да только дома. Приходи к 7 часам туда-то”. Дает адрес. А знаете нашу жадность — захотелось побольше купить, она никому, даже мне не сказала. К 7 часам пошла. Уже темно на улице, входит в коридор, стучит в дверь — можно войти? Можно, говорят, — узнает она голос той женщины. Отворяет дверь, в комнате темно, и сразу ее кто-то за горло и душить. Чувствует, мужская рука. Она хоть и старая, но баба крепкая. Как толкнет его что было сил, мужик и упал. Она в коридор, караул, кричит, спасите. Все соседи повыбежали. А женщина выходит из комнаты и говорит: она сумасшедшая, он с ней пошутил. Пошутил! Ее бы придушили, обобрали, а потом выбросили бы на улицу. Умерла и умерла». Другая больная: «А то и вовсе бы съели». Александрова: «И съели бы». Другая: «Студень бы сварили и на рынок снесли бы

продавать». Постникова: «А я, уже раненая, была в милиции. При мне гражданка принесла туда ребенка грудного, мертвого. Ручки и ножки отъедены». И пошли рассказы.

23 апреля. Дежурю ночь. Каким-то чудом полная тишина. Всю прошлую ночь была сильнейшая бомбардировка, то отдаляясь, то усиливаясь. В четвертом часу утра присоединились зенитки к общему грохоту. Около 7 немного поутихло, но потом опять пошло греметь; вчера днем канонада несколько раз возобновлялась. Казалось, начинается штурм города.

28 апреля. В «Правде» (Ленинградской) напечатана была выдача продуктов на последней декаде апреля к 1 мая.

	Рабочим	Служащим	Иждивенцам	Детям
Крупа	400 гр.	300 гр.	—	200 гр.
Масло животное	200	100	100	100
Сахар } Конфеты }	300	250	100	250
Мясо	500	300	100	100
Дополнительно сверх норм				
Крупа	400	300	200	200
Чай	25	25	25	25
Соленой рыбы	500	400	250	250
Сухофрукты	150	150	150	150
Клюква	—	—	—	150
Крахмал	—	—	—	100
Пиво	1,5 л.	1,5 л.	0,5	—
Сыр	100 гр.	75	75	100
Какао с молоком	—	—	—	2 таблетки
Табак	50 гр.	50 гр.	—	—
Водка 40% или вино (я получила портвейн)	0,5	0,5	0,25	—

Выдача с 25 апреля — 1 мая.

Каждый день одна-две тревоги. Самый сильный налет, первый, был 25-го. Надежда Яковлевна Соколова была на Лахте[907] в это время и наблюдала издали. Самолетов было очень много, но зенитки заставили их повернуть в сторону Ораниенбаума. Навстречу им поднялось большое количество наших самолетов. Вообще производит впечатление, что теперь мы лучше оснащены и эффективнее охрана. Как зажужжат наши, так на душе спокой-

нее, не то что осенью, когда немцы были хозяевами положения. За это время я устроила Марию Евгеньевну в дом инвалидов, меня отпускали вчера, ездила в городской отдел социального обеспечения.

Наслаждаюсь лежанием. Попросила Маева, чтобы дали мне отдохнуть от дежурств, на которых настаивала невзлюбившая меня взбалмошная старая дева Закржевская. Нахожусь здесь уже 10 дней и не заметила, как они прошли. Время проходит от еды до еды, которой, конечно, больше, чем дома, но все же ее очень мало, и мне не хватает ни хлеба, ни всего прочего. Dolce far niente[908] испорчено обязательными занятиями и грядущим экзаменом по ПВХО[909]. Наконец пришла телеграмма от Князева, что наши доехали благополучно, здоровы. От Юрия тоже: спрашивает Васин адрес и обещает выписать в Тифлис, значит, получил мое письмо, посланное с Данько. Юрий мне никогда не пишет и не отвечает, но в то же время точно выполняет мои советы и просьбы.

Я приобрела вид настоящего дистрофика, к счастью, еще нет цинготных явлений. Поддерживает ларинская закалка.

Стихи Н.С. Тихонова из газеты:

Нет, не хотел бы надпись я прочесть,
Чтобы в строках, украшенных аляпо,
Звучало бы: почтите мертвых честь.
Здесь Франция стояла! Скиньте шляпу[910].

По смыслу хорошо. Но количество *бы*: хотел бы, чтобы, звучало бы — тяжеловесно и неповоротливо.

2 мая. Взвешивалась. Во мне 51½ кг — 3 пуда 8 фунтов 300 гр. Когда я кончала Екатерининский институт, во мне было, помнится, 4 пуда 15 фунтов. А потом дошла до 5 с гаком. Усохла пуда на два с лишним за зиму. Как же тут не быть дистрофиком? Чем же питаться дальше? Внутренних жиров, которыми я, как дромадер своим горбом, питалась, больше ведь нет!

1 мая прошло под знаком сплошного ура и веселья по радио. Началось с прочтения приказа Сталина, который перечитывали раз пять в течение дня. А затем ансамбли песен и плясок пели патриотические и якобы народные песни и частушки с уханьем и свистом[911] style russe[912]. По институту даже распространился слух под это уханье, что блокада прорвана!!

Все мы ждали яростных налетов, ночью на 1-е раза три начинали бухать зенитки, утром был артиллерийский обстрел, но налеты так и не состоялись.

Третьего дня я ходила домой. Елена Ивановна схлопотала в горздраве транспорт для бабушки. При мне за ней приехали две хорошенькие санитарки, рассказали, что в Доме инвалидов хорошо кормят, а это сейчас самое главное. Перед отъездом мы с Lily выпили за здоровье М.Е. винца. А я, как настоящий дистрофик, получив свои майские дары, набросилась на них, плохо прожарила баранину и съела ее, кусок селедки, заедая изюмом. Ночью с желудком произошла катастрофа. Надо побыстрей ее ликвидировать.

6 мая. Я все еще в больнице. Температура 3-го поднялась до 38,1. Все мое обжорство виновато. Но с поносом я справилась постом и черными сухарями, пересушенными почти до угольного состояния. Лекарств никаких в больнице нет именно тогда, когда столько больных мрут от поносов и дизентерии.

3-го в воскресенье утром в седьмом часу был первый налет, тревога, после десяти второй, но взрывов слышно не было. «Soeur Anne, soeur Anne, ne vois tu rien venir», — говорю я опять, глядя на себя в кругленькое зеркальце. — «Je ne vois que le soleil qui poudroie et l'herbe que verdoie»[913], — увы! На душе очень неуютно — из стекла на меня смотрит страшное лицо дистрофика, истощенного до последнего предела. Лицо чужое. Трагические глаза с темными красновато-коричневыми веками и целым рядом складок кругом. Складки от носа, вокруг рта к подбородку, одна и та же у всех истощенных ленинградцев, делающая все лица похожими одно на другое. Красноватый нос, предельная худоба, и на щеках обвисшая складками кожа. Все, что осталось от Анны Пармской (на портрете в Эрмитаже)[914], на которую, по мнению Д.Н. Кардовского и Ф.А. Малявина, я была похожа как две капли воды. «Любовь Васильевна красавица», — говорил Кардовский Тиморевым. Страшно! Неужели не пережить? И быть похороненной в общей могиле. Брр.

В нашей палате лежит глазная больная Прокофьева. Работала на Звенигородской улице по уборке трупов. «Страшно небось?» — спрашиваю я. «Чего страшно, — говорит она, — они и на мертвых не похожи (она сильно окает), жидкие какие-то, не костенеют. Зимой — ну, замерзали, а теперь в них и костенеть-то нечему. Нагрузим полный грузовик — и на Волково. А там канавы машинами взрывают и всех один на одного». Эх — без креста![915]

Звоню вчера Наталье Васильевне, говорю, что хочу выписаться домой, чтобы успеть сделать предсмертный автопортрет дистрофика.

Она получила телеграмму от Алексея Николаевича: он посылает ей посылку с узбекской делегацией. Дело в том, что Н.В. хлопотала в Ленсовете об усиленном пайке; ей отказали, посоветовав обратиться лично к Толсто-

му, все знаменитости-де посылают своим родным продукты в авиапосылках. Тогда Н.В., спрятав гордость в карман, телеграфировала А.Н.: в пайке отказано, пришли и т.д. Советует мне обратиться к Юрию. Не могу.

Упал ковш на дно,
Достать его холодно,
И досадно, и обидно,
Ну да ладно, все одно.

А вдруг выкарабкаемся?

Почитаю-ка «Faust'a».

Здесь, в больнице, я в первый раз прочла всего «Фауста» на немецком и наслаждалась.

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten...[916]

26 мая. Шла утром в 8 часов завтракать. На Кирочной, около Дома Красной армии, меня перегнала женщина, которая везла покойника в детской плетеной коляске на рессорах. Мертвец, зашитый в простыню, был посажен в колясочку, голова перевешивалась и качалась из стороны в сторону, т.к. коляска сильно пружинила, ноги почти упирались в грудь женщины. На ней был темный костюм и какая-то шляпчонка; поверх чулок серые голубоватые носки, спускавшиеся на туфли. Мертвец прыгал, почти танцевал в колясочке. Мы ко всему привыкли, но это зрелище было необычно и отвратительно, и страшно в своем гротеске. Две бабы везли воду; они остановились и разразились бранью. «Ну можно ли так надругаться над покойником?» Мертвец меня перегнал и повернул по Пантелеймоновской [Пестеля].

Была сегодня в Комитете по делам искусств, просить какой-нибудь поддержки в питании. Это стыдновато, но «стыд не дым», все этим пользуются (Зак, Валериан Михайлович). Видела там Бартошевича. Он собирает матерьялы и пишет книгу или большую статью о патриотических настроениях в русском театре, — точного заглавия не помню. «Я упиваюсь этой работой, она мне дает силы. Полтора месяца зимой провалялся, жена все продавала и покупала продукты, выкарабкался и с увлечением работаю. Важно, чтобы к окончанию войны иметь что-то в портфеле. Морально важно».

Я сидела там довольно долго, ждала приема у Загурского. Смотрю — идет Пехов, Всеволод Сергеевич. Вот человек, который мне казался обреченным на гибель этой зимой. Худой, высокий, чахоточного вида, не от мира сего, как он выжил? Я его окликнула. Он очень обрадовался и рассказал, что продолжает работать в ГАИСе в доме Зубова[917] и с увлечением работает над во-

просом о детском театре. Кроме того, все время делает театральные эскизы, для себя. Зимой болела нога, он пролежал два месяца в больнице и все время там рисовал, делал эскизы. Благодаря этому и поправился. Хочет ко мне зайти, порасспросить о кукольном театре, т.к. это входит в трактуемый им вопрос. Его огромные глаза горели при этом. Творческий запал спасает людей, это все то же «перемещение внимания».

Как бы мне хотелось вернуться к умственной творческой работе. У нас в больнице создался с приходом к власти Маева и иже с ним такой неприятный тон, что не хочется больше там оставаться. Но «рабочая карточка»!

Списываю с листочков, которые пишу на дежурствах ночью.

1 июня. Дежурю ночь. Час ночи. Все тихо. В лечебнице дали электричество, но его запретили зажигать, нет лимитов, горит коптилка.

Мне не хочется больше работать, стали отекать ноги, устала, хочется отдохнуть, никуда не спешить, читать, писать, не дежурить по ночам; надоел малокультурный круг людей больницы, хочется заняться творческим трудом, сесть на свою полку.

Надоело постоянное ощущение собственного истощения. Сегодня утром выстояла в очереди, к счастью, недолго, свои 400 гр. мяса в виде соленой баранины. Почувствовала невероятную усталость. Пришла домой и съела полученные 20 гр. масла с сахаром. Замечательно подкрепило. Вот что нам нужно! А не те 100 гр. кашицы, которые мы получаем в «усиленном» питании[918].

Видела А.А. Брянцева, прилетел на несколько дней по делам театра из Березников, на Урале[919]. Похудел. Только с 1 мая стало налаживаться питание, всю зиму было очень тяжело. На рынках ничего нет, витаминов никаких, кто догадался, по приезде променяли табак на лук и грызли зиму. Артисты получают 800 гр. хлеба, иждивенцы 400, а иждивенцев 50 человек.

«Наши психуют, — говорит Брянцев, — стремятся домой в Ленинград: “Отечество в опасности, а мы скрываемся”. Вот посмотрели бы на вас, сказали бы: “Не хочу”. Будущую зиму, если не вернемся домой, переберемся в Молотов[920]. Театр имеет большой успех, играем все старое, новых постановок пока не делаем». Я говорю: «Хочется выжить, чтобы умереть и быть похороненной по-человечески, с панихидой, отпеванием», на что Брянцев ответил: «Я из духовного звания, отец был семинаристом[921], я сам пять лет служил на клиросе, поэтому веры у меня нет никакой, христианство и иудейство — дрянные религии, далекие от природы, я предпочитаю язычество. Я очень люблю церковную музыку, но в ней мало христианского. В ней боль-

ше языческого. Плачу и рыдаю[922] — это же противоречит христианской вере, смерти христианин должен радоваться».

Весь это разговор происходил на улице, перед ТЮЗом.

Дала ему опустить в Москве письмо Юрию, ему натащили целый чемодан писем.

Заходила в Союз композиторов к Богданову-Березовскому, он теперь председатель Союза, Евлахов ответственный секретарь. Наконец русские.

Встретила там Кочурова, он был на фронте, подкормился, поправился. Пишет песни для Красной армии[923]. Видела и Животова, тот провел целых два месяца на фронте, загорел, окреп. Я со страхом спросила о Наталье Ивановне — и жива, и здорова, и живут они сейчас рядом со мной, на Чайковской, в квартире Флита[924].

Ужасно радует, когда вижу людей творческого склада; пожалуй, самое сильное впечатление произвел на меня Пехов.

На фронте у нас дела, по-видимому, неважны, чтобы не сказать — плохи. Что ждет нас? Вторую осень (о зиме и думать нечего) мы не переживем.

Неужели так бесславно погибнуть от голода? Это ужасно. Soeur Anne, soeur Anne, ne vois tu rien venir? Ничего и никого.

Мне почему-то все казалось, что с установлением нежных отношений с Англией как-то проявит себя Саша: найдет меня, я узнаю что-либо о нем, о Васе. И ничего. Жив ли он?

Скучаю без Сонечки. Так и вижу ее умные серьезные глазки, устремленные на хлеб, так хочется надеяться, что у них все благополучно, они сыты и навязчивый вопрос голодного желудка отпал и Соня опять по-детски весела.

Ни одного письма от них.

4 июня. 11 вечера. Белая ночь, «пишу, читаю без лампады»[925], сижу в перевязочной, из сада свежий чудесный воздух, весенний. Встает Ларино перед глазами: 21 мая ландыши, дубки. И рядом весь беспросветный ужас нашей мышеловки. По-видимому, нам все-таки суждено здесь погибнуть. Дела на фронте плохи, об освобождении Ленинграда никаких разговоров.

А у меня катастрофа. Утром я обнаружила, что у меня пропала столовая карточка на эту декаду, т.е. это значит семь дней полного голода, без хлеба, без еды. Вчера за ужином моя соседка по столу, по акценту татарка, все волновалась и всех спрашивала, кто забыл на столе у кассирши свою карточку. Мне в голову не пришло, что этой растяпой была я. Какая-то гражданка быстро подошла к кассирше и взяла карточку, а кассирша не потрудилась спросить ее фамилии (карточки надписаны). Я снесла серебро Животовым,

поехала к Коноваловой: не купит ли ее булочница мой шелковый платок; нашла ее в ЛОСХе в очереди за помидорным пюре. Там же стояла и Щекатихина. Клавдия Павловна пришла в панику и отдала мне свой кусочек хлеба, граммов 50, я его взяла! И с жадностью съела. Это было все, что я съела за день, и, как это ни странно, я весь день не ощущала голода. Очевидно, все условно и относительно, но все же меня, вероятно, ожидает участь цыганской лошади: совсем было отвыкла от еды, но сдохла.

Вот что значит чересчур «перемещать внимание»; я думаю о другом и теряю карточки. И нигде ничего не найти, голодная смерть. Pas un seul petit morceau de mouche ou de vermisseau[926]. Увы, это вовсе не смешно. Не пережив этого, не поймешь. Если мне Загурский не устроит бесталонных обедов, хотя бы на эту декаду, я не выдержу и свалюсь.

Пришло письмо от Наташи бабушке. С предварительного разрешения Марии Евгеньевны я прочла его. Оно от конца апреля. Все хорошо. Весна, Сонечка целый день на воздухе. Берут в колхозе 3 литра молока по 4 рубля, есть картошка и пр. У крестьян яйца стоят 50 рублей десяток. «Сонечка всех вспоминает, только Любовь Васильевну никогда». Ни слова привета мне, конечно, нет, хотя эта самая бабушка оставлена всецело на мое попечение.

Животовы живут у Флита. У Натальи Ивановны хороший вид, почти не похудевший. Остается здесь, мистически верит в судьбу и ведет хозяйство, меняя все, что можно.

Заходила 2-го в Комитет по делам искусств за ответом об обедах, которого еще не было. За талонами стояла очередь у секретарши. Тут были и народные, и заслуженные, с орденами и без оных, многие с дистрофическим видом, с лицами в складку, как у меня. Горин-Горяинов с женой, Стрешнева — эти без складок.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь[927].

Сама перед собой я вчера опозорилась. Еленин день. Я пошла в церковь, подала за упокой. Шла служба, обедня. Причащались. Дьякон объявил, что будет сначала общий молебен, потом панихида. Значит, ждать еще минут 40, час. У меня кружилась голова; торопясь в церковь, я поела очень мало хлеба. У меня еще был хлеб тогда. Слабость такая, что я побрела домой, не дождавшись панихиды. Какое физиологическое малодушие! И как я себя презираю.

Бедная моя Аленушка, на что стала похожа твоя старая мама. Деточка моя, цела ли твоя могилка? Неужели мне так и не суждено выполнить мою

мечту — перевезти Аленушку и маму на Александро-Невское кладбище. 3 июня минул год, как я не была в Детском.

4 часа утра. Ночь прошла тихо, без бомбардировки. А все эти дни и ночи, то ближе, то дальше, слышна была артиллерийская стрельба из дальнобойных. Все привыкли, все стали фаталистами и не обращают никакого внимания на грохот и на грозящую опасность. Особенно божественно равнодушны дети. На днях я была дома; забили зенитки где-то совсем близко и очень грозно, с улицы донесся серебристый детский смех, и щебет их на бульваре не прекращался.

Зимой на улице поражали мужчины своим агонизирующим видом. Повидимому, они уже все перемерли, попали в «отсев», теперь черед за женщинами, за подростками.

Бредет женщина. Ноги широко расставлены, и она их, с трудом приподымая, медленно-медленно переставляет, вернее, передвигает. Глаза без выражения смотрят вниз, губы белые, лиловатые, на желтом лице ни кровинки, под глазами совсем белые, как бумага, пятна, а ниже отекшие темные подглазники; складки какие-то собачьи от носа вокруг рта, веки красно-коричневые. Все лица похожи одно на другое. Эти уже не поправятся. У меня лицо в этом же роде, но внутренняя жизнь еще не погасла, хожу быстро, но начинаю чувствовать какую-то неловкость в ногах, с наступлением тепла они стали опухать. Я встречаю почти каждый день на Литейном девочку лет 15; ее лицо становится все худей, губы белей. Пустые, ничего не выражающие глаза смотрят на мостовую, идет медленно, как сомнамбула. Все дистрофики ходят с палками.

Сейчас пришла ко мне санитарка Дуся Васильева поболтать, чтобы разогнать сон. Живет она на Таврической, недалеко от водокачки, дом наполовину разбомблен. Рассказала следующее: зимой они как-то переносили вещи, ходили вниз и вверх по лестнице. Женщина попросила их помочь ей подняться по лестнице — самой ей это было не под силу. Довели они ее до третьего этажа, где сами жили, им было некогда с ней дальше возиться, она побрела одна в четвертый. Не достучалась ли она, но только наутро они нашли ее замерзшей у своей двери. И весь божий день она лежала на площадке, и все через нее шагали. Дуся сжалилась, и они с племянницей отнесли ее в нижний этаж в пустую квартиру. Заявили в конторе дома. Через несколько дней, идя мимо, Дуся решила посмотреть, убрали ли женщину. Она лежала на прежнем месте, раздетая, с отрубленными по торс ногами.

Съели, может быть сварили студень.

Дусина племянница ездит проводником с эвакуационным поездом с Финского вокзала[928]. По ее словам, сейчас не удается наладить широкой «акуации», т.к. немцы стали сильно бомбить поезда и баржи. По той же причине, по-видимому, не везут нам и продовольствия. В городе чувствуется отсутствие продуктов.

По небу пошли розовые тучки, солнце встает, птицы чирикают.

Чувствуется какое-то затишье перед грозой.

7 июня. Эти все дни для меня прошли под знаком голода. Оставшись без карточки на всю декаду до 11-го, я в первый момент решила, что не выдержу, умру. Но, по-видимому, силы у нас очень растяжимы. 4-го вечером с дежурства я зашла в столовую справиться, не нашлась ли карточка. Гражданка, режущая и отпускающая хлеб, сжалившись надо мной, предложила мне из своих сбережений грамм 300 хлеба. Я взяла. Тронуло это меня очень. Вернувшись в больницу, съела их тотчас же с соевым молоком, которое мне дают в день дежурства (пол-литра). На следующий день я принесла ей четыре серебряных кофейных ложечки. 5 июня променяла на Кузнечном рынке чудесный шелковый русский платок с лиловым рисунком на коричнево-зеленом фоне на один килограмм хлеба! Покупательнице это обошлось 1 р. 10 коп. — рыночная цена хлеба 500 р. кг.

С безумной жадностью в тот же день съела гр. 600, запивая кипятком. На 6-е осталось 400 гр. Зашла утром к Животовым. У них есть спекулянтка, меняющая вещи на продукты, отнесла серебро — чайник, молочник и сухарницу и эмалевое яичко, из которого делаются две рюмочки. Очень мне серебра жалко. Папа их подбирал одну вещь за другой, после маминой смерти сухарницу для печенья и молочник взяла Леля, а я молочник того же стиля купила в Детском.

Но голод, истощение, головокружение так страшны, что, очевидно, надо жертвовать всем, а у меня вообще ничего нет. Мебель не идет.

Наталья Ивановна напоила меня черным кофе с хлебом и потребовала, чтобы я пришла сегодня к ним обедать. Стыдно пользоваться гостеприимством в данный момент, но я воспользовалась. Я с утра уже шаталась и ходила, как пьяная, которая старается идти не шатаясь по прямой доске, а в мозгу нет равновесия. Перед обедом пошла на Мальцевский рынок[929] с прекрасным покрывалом на кровать Евгении Павловны и променяла его тоже за один кг хлеба. Дольше на рынке оставаться не могла, и впереди был ужас быть без хлеба и сегодня и завтра — с ночным дежурством.

И мучительное сознание, что нигде ничего не купить на те деньги, которыми я располагаю. Вся моя зарплата равна тремстам граммам хлеба.

У Животовых съела тарелку супа и пшеничной каши (они и Флиты получают обед в Союзе писателей), стакан витаминного морса, за четыре дня первый раз пообедала, и это меня очень подкрепило.

В Комитете по делам искусств, конечно, обедов я не получила, там все свои, а всего у них 38 обедов и 40 завтраков. Я взмолилась, не могли бы они мне дать талоны только на три дня: 8-е, 9-е и 10-е — дальнейшие карточки целы. Обещали, завтра надо будет опять туда пойти за ответом, телефоны в Комитете не работают.

Я убедилась, как быстро от голода пустеет голова и уже ни на что не способна. Убедилась также, что каждая крошка хлеба подкрепляет.

4-го, обнаружив исчезновение карточек, я первым долгом пошла к Елене Ивановне, так как накануне, 3-го вечером, была у нее с тюльпанами поздравить с днем ангела. Надеялась, что выронила у нее.

Мне кажется, если бы кто-нибудь сделал мне столько серьезных услуг и такого серьезного порядка, как спасение от высылки, я разбилась бы вдребезги и помогла бы человеку, обреченному на недельное голодание. Но Елена Ивановна, как во время моей болезни, не показывается. Она любила бывать, когда встречала у нас интересное общество, был дома Юрий. Я не показываю вида, что мне это немножко больно, но в душе что-то оторвалось, боюсь, что навсегда.

А Наталья Ивановна и Нина Николаевна (жена Флита) меня тронули при утреннем дележе хлеба: они оставили мне кусок к обеду. Я им сказала, что, конечно, это бессовестно с моей стороны приходить обедать, но хочется доказать миру, что находятся и в наши страшные дни люди, которые делятся своим тощим рационом с голодающими.

По слухам, генералов Федюнинского и Мерецкова, шедших к нам на помощь, отправили на юг[930], на их место назначены другие.

Беда, как это все бездарно. Значит, мы остаемся в нашей мышеловке, обреченные на медленное умирание. Все устали, все впали в пессимизм.

18 июня. Я бесконечно устала. Мне кажется, что каждое мое ночное дежурство берет у меня полгода жизни и килограмма два веса. Следующий день я лежу замертво между хождениями в столовую. Сегодня второй день, но и то еще я не отдохнула. Двадцать часов почти все время на ногах, работа неинтересная, начальство отвратительное. Не знаю, что и делать. Вообще что делать? Может быть, самое умное было бы копить денег на гроб, купить

доски, заказать гроб; затем скопить достаточно хлеба, чтобы быть отпетой и похороненной по-человечески. И ждать смерти. Надо же смотреть в лицо действительности: если ничего не изменится, не случится чуда, если нас ждет второй год блокады и я буду так же питаться, как сейчас, я протяну еще самое большее три месяца. Я это чувствую по убыли физических сил. Это не мешает мне разоряться на книги: купила Еврипида второй том[931], второй том Ключевского[932], который Юрий увез и не вернул, ищу пятый том, нашла Стасюлевича два тома «Материалы к истории Средних веков»[933]. Эти книги я видела только у Е.И. Замятина; искала, но никогда у букинистов не видала. Сейчас же выплывают очень интересные книги у букиниста на Симеоновской, и я, вместо того чтобы копить на гроб, охочусь за книгами. Смешно. Одна бомбочка — и ничего не останется. И никто об этом не думает *совсем*. Фатализм развился невероятно. Жизнь за этот год блокады, бомбежек, артиллерийских обстрелов, фронта, одним словом, доказала с полной ясностью, очевидностью, что от судьбы не уйдешь. И никаких мер принимать не стоит, и бояться нечего, все равно смерть тебя найдет, если тебе положено погибнуть.

«Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего». Евангелие от Матфея, гл. 10 § 29 и дальше § 31: «Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц». Мы можем сказать лишь: да будет воля Твоя, и быть спокойными.

Нина Меерсон (сотрудница ТЮЗа, теперь медсестра) встретила на Лиговке своего бывшего товарища, только что вернувшегося с фронта. Об нем не было слухов уже девять месяцев, мать считала его погибшим. Он был очень весел, отличился на фронте, был награжден и отпущен на несколько дней. Прямо с машины торопился к матери.

Пока они говорили, все время шел артиллерийский обстрел. Шли рядом. Вдруг он падает навзничь. Осколок снаряда попал в лоб, убил наповал.

Нина не пошла к его матери. «Я подумала,— рассказывала она мне вчера, — мать его уже похоронила; узнать, что он был здесь, рядом, шел к ней и убит — это будет еще ужаснее. Похоронить второй раз».

Я все эти дни под впечатлением письма Алексея Валерьяновича Князева: Катя умерла, не доехав до Вологды, 8 марта, т.е. через пять дней после отъезда, от голода. Алешу с вещами сняли в Вологде и известили А.В., чтобы он приехал за ним в железнодорожную милицию.

От голода умереть Катя не могла, очевидно, она заболела в поезде, и т.к. была очень истощена, то организм не выдержал. В этой смерти есть что-то

глубоко трагическое. Катя страшно стремилась уехать, она говорила, что чувствует: стоит ей только уехать из Ленинграда, и она поправится, окрепнет, будет спасена. А сестре Фарфеля, Вере Михайловне, Катя говорила, что очень боится путешествия. Молоденькая, в 24 года, умирать в вагоне среди чужих, зная, что остается ребенок на произвол судьбы. Это совершенно ужасно.

Что пережил бедный мальчишка, брошенный, одинокий! Его взяла семья ж.д. служащих, он заболел, по-видимому, тифом (название болезни зачеркнуто химическим составом). А.В. приехал в Вологду, Алешу не видал и вернулся ни с чем. Обещали по выздоровлении его привезти в Ярославскую губернию.

Ирина Головкина получила из Тюмени телеграмму от главного врача больницы, что ее сестра скончалась. Людмилу Троицкую, родную внучку Римского-Корсакова, выслали в начале марта, в ту волну нелепых высылок, от которой я спасла Елену Ивановну. Хотели выслать и мать, Софью Николаевну Троицкую, и Ирина так боялась за мать, что принялась хлопотать только за мать. Милиция приходила, торопила, Людмила уехала. По дороге заболела [дизентерией] и умерла.

Она работала у нас в институте в рентгеновском кабинете, считалась прекрасным, знающим работником. Кому понадобилась ее гибель, кому она была здесь вредна или опасна?

И сколько их погибло.

Эвакуироваться могут только сильные, энергичные, не павшие духом. Слабые умирают по дороге.

Отовсюду приходят мрачные слухи роста цен, голода, отсутствия продуктов.

В Верхораменье[934], медвежьем углу, картошка стоит 200 рублей пуд!

Вернусь к моим голодным дням. Как-то я все же их пережила. Сделала опять объявление на улице о продаже мебели и чемоданов. Пришла лишь одна милая девушка, учительница по черчению. Ей очень понравился наш «стиль комнаты», Васины натюрморты и маленький столик маркетри[935] (детский). Она мне за него предложила полкило гороха, 150 гр. сахарного песку и граммов 40 или 50 пшеничной крупы.

Хлеба в тот день у меня было только 250 гр. С каким упоением я съела пшеничную кашу, варила и ела горох, пила сладкий чай. 9-го меня пригласил обедать Богданов-Березовский в «Универсаль»[936] на Аничкин «усиленный обед», — она была больна. 10-го хлеба уже не было вовсе. Оставался

горох, и я поехала с утра пить чай к Наталье Васильевне. Она покормила меня зеленым супом, кашицей и чаем с вареньем. На этом и кончилось мое бескарточное существование — с 11-го была уже новая карточка, был хлеб. Вот уж misère humaine[937]!

Алексей Николаевич прислал Наталье Васильевне с узбеками один кг риса, один кг сахара и масла, четверть чая, десять чесночин и луковицу. И это все! Стыдно. К ней приехал секретарь из Смольного и предложил ехать с узбеками в Куйбышев[938]. «Ведь ни для кого не секрет, что нас еще ждут большие трудности, что немцы готовят штурм» и т.д. С узбеками на самолете до Вологды, а там со всеми удобствами поездом. Наталья Васильевна согласилась, прося взять с собой няньку Лозинских, Грушу. Стала собираться, увидала, что в 20 кг ничего не уместить, ни белья, ни зимних вещей. Приехать нищей и сразу же обращаться за милостыней к Людмиле. Расстроилась и позвонила в Смольный свой отказ.

Узбеки улетели, и немцы их разбомбили не то в воздухе, не то в Вологде при посадке в поезд. Судьба.

О штурме и наступлении говорят на партийных собраниях, это я отношу к разряду официозно распространяемых слухов. Для чего? Может быть, чтобы ускорить эвакуацию. Наташа пишет нежные и заботливые письма бабушке, благодарственные за «заботы и устройство бабушки» — Елене Ивановне. Мне же ни она, ни Вася ни звука. Немножко больно. Но Вася же не человек. Зато от девочек письма полны такой нежностью, такой заботой, такой тоской. Как бы хотелось взять их на зиму, как бы хотелось, чтобы эта зима была уже человеческой. Надо денег, денег и денег, чтобы им послать, чтобы они покупали себе молоко и яйца, пока цены доступны. Молоко там стоит 10 рублей, яйца 15 десяток. А у нас молоко стоит 600 гр. хлеба литр, т.е. 240—300 рублей.

Вчера в первом часу зашла в Союз композиторов[939]. Начался сильнейший артобстрел по району. После одного разрыва дом затрясся. Говорят, снаряд попал в Фонтанку, другой около Аничкова дворца[940], есть жертвы. Мы перешли в коридор. Устала, устала, устала.

22 июня. Год войны, год блокады, год голода — и все-таки мы живы. Но в каком виде, в каком состоянии! Страшны те, которых видишь на улице, а которые умирают дома, в больницах? Елена Ивановна поступила в госпиталь на Васильевском острове, там главным образом дистрофики с дизентерией и без нее, с колитом и т.п. Она говорит, что у многих такие отеки, что тело

превратилось уже в бесформенную груду с вздутым животом. Они умирают в полном сознании и очень тяжело.

Нужна эта жертва многомиллионным населением политически или стратегически? Может быть — да, нужна. Но все же это единственный, первый случай в мировой истории годовой блокады и подобной смертности. Конечно, совершенно неправильно, а для социалистического государства преступно, что одни слои населения питаются за счет других. Сегодня в столовой две женщины за моим столиком, две «иждивенки», рассуждали: дали бы нам поесть да полкилограмма хлеба — и мы тоже пойдем работать. «Я была рабочей, заболела, ослабла и не смогла работать, стала иждивенкой, а уж на иждивенческой карточке на ноги не подняться».

Поехали сегодня с Еленой Ивановной в Лесной, хотели в Удельнинском парке погулять. Не тут то было. Ну, мы пошли вдоль дач, воздух чудесный. Встретили мужчину, который нес в сетке редиску. Где купили? Сам продаю. Сколько? 100 грамм хлеба или 45 рублей. При всей моей бедности вытащила 45 рублей. Какая редиска! Больше года не ели сырых овощей или фруктов. В пучке было 15 редисок, очень крупных, с грецкий орех, сочных, крепких, чудесных. Хлеб у нас с собою был. Мы дошли до какого-то обмывочного пункта, где во дворе стояли скамейки, уселись и чудно позавтракали на солнышке под грохот артиллерийского обстрела. Где-то бухало и разрывалось. Не очень далеко, но длился обстрел, как всегда, недолго.

Эти дни я занималась товарообменом. Два кожаных чемодана и брезентовый портплед отдала за один кг хлеба, один кг пшеничной муки, грамм 200 гороха, 600 ржаной муки и 300 рублей денег. По рыночным ценам это выходит тысячи полторы. Хлеб, конечно, съела в первые же три дня.

Вчера Аннушка сварила суп из травы и пшеничную кашу. Я вернулась из столовой и с жадностью поела второй ужин. Сегодня после ужина пошла к Животовым, съела там блюдечко каши, вернулась домой, разогрела суп и сварила целую глубокую тарелку каши. Съела ее с маслом. Когда получаешь какую-то добавочную пищу, сразу же сознаешь, как хочется есть и как мало, как недостаточно того, что мы получаем. Только-только чтобы не умереть.

Чтобы досыта наесться, нам много надо. Столовая моя на Симеоновской находится рядом с бойким букинистом, а через улицу, на Литейном, Лавка писателей[941]. Сцилла и Харибда, о которые разбивается мой финансовый корабль. Это совершенное безумие мне при моей нищете покупать книги. Но нахождение и покупка книг доставляют мне такое большое удовольствие, что я не удерживаюсь и утешаю себя тем, что надо будет — и продам.

Купила вчера «Записки» С. Порошина (10 рублей), первый сборник статей Ключевского, «Ранний итальянский гуманизм» Корелина, «Из истории русской интеллигенции» Милюкова, «Русский некрополь в чужих краях» вел. кн. Николая Михайловича, Послание шведского полковника Александра Лесли к царю Михаилу Федоровичу[942] — шесть крайне интересных книг по русской истории стоили 26 рублей, а 15 редисок — 45!

Сейчас около 12 часов ночи. Пишу без всякого освещения, у окна.

Ни одной спички! Не выдают.

23 июня. Наши управленцы не скупятся на приятные сюрпризы. Получила сейчас повестку явиться с паспортом в райсовет по эвакуации. Сейчас идет бешеная высылка людей, т.к. иначе нельзя же назвать насильственную эвакуацию[943].

При эвакуации человек теряет право на свою площадь и имущество[944]. Для меня эвакуация равносильна смерти, и лучше уж покончить с собой здесь, чтобы не умирать от сыпняка в вагоне. Чудовищно. Целую жизнь собирала книжку за книжкой, если что и ценю, это умственный уют, свой угол. И вдруг все бросить и с 50 рублями в кармане ехать неведомо куда, куда глаза глядят. Может ли быть что-нибудь ужаснее, нелепее в своей жестокости, циничнее наших нравов, правительственного презрения к человеку, к обывателю. Слов не нахожу. Пойду завтра в Союз композиторов и скажу Валерьяну Михайловичу, чтобы делал что угодно, чтобы отменить эвакуацию, а то я в самом деле повешусь; к сожалению, отравиться нечем.

Вообще весело. В мое последнее дежурство меня вызвал к себе Воронов и сказал, что начальство мной недовольно, что я путаю распоряжения, что они не хотят меня увольнять, но чтобы я сама подала заявление и т.п. Я тотчас же подала заявление об освобождении меня от работы. Закржевская, эта сумбурная старая дева, державшая себя при Анне Ивановне тише воды, ниже травы, став начальством, создала возмутительную атмосферу в институте. Она кричит на всех, все кричат друг на друга. Она меня невзлюбила сразу, новая старшая сестра Вернандер с лицом гориллы оказалась скверной подхалимкой, кроме того, она все забывает, все путает и сваливает на других. Так, она спутала дежурство сестер, и в мое отсутствие свалила на меня. С Меерсон был целый ряд инцидентов. Зная, что Закржевская и Маев всячески выживают старейшего и лучшего доктора Галкина, Вернандер с ним страшно груба. Вообще ничего от прежнего института не осталось. Там сейчас 80 больных и 8 докторов, все бабы. Закржевская, Лихачева, Мушковская, Пшеничнова, Шибаева, Спевак, Суконщикова и Галкин. Все они на казар-

менном положении устроились, т.е. там живут и питаются. Одного Галкина выжили с питания.

Я была сегодня в Комитете по делам искусств, пытаюсь через Комитет получить первую категорию карточек, и кроме того, зайду завтра к Бондарчуку, попрошусь в Нейрохирургический институт[945], он меня звал к себе. Ввиду эвакуации, пожалуй, лучше быть все-таки на медицинской работе.

Не поеду никуда — лучше повеситься.

В мои годы быть выброшенной на улицу, превратиться в нищую, без угла! С собой можно взять только 30 кг, взять столько, сколько можешь сама поднять и нести. Следовательно, мне надо брать не более 10 килограмм.

Я мечусь по комнате в бессильной злобе, как разъяренный зверь. Прочла для успокоения главу из Евангелия.

Лягу спать, утро вечера мудренее. Господи, спаси и сохрани.

2 июля. Шла утром после завтрака домой. Где-то далеко бухала артиллерия. Было похоже на икоту великана. Загрохотали зенитки. В толпе на углу Литейной и Пантелеймоновской никто не двинулся. Стали смотреть на небо, ища разрывов. Сегодня с самого утра и очень часто начинают стрелять зенитки. Очевидно, немцы пытаются прорваться в город.

Мои дела все в воздухе. Я не то что сижу между двумя стульями — я просто повисла в воздухе. 25 июня я подала свое заявление и ходатайство Президиума Союза композиторов главному военному прокурору Ленинграда об отмене мне эвакуации. Ответа еще нет. 30-го я получила пропуск к этому самому прокурору Д.Н. Грибанову, сыну нашего Николая Степановича.

«Почему вы не хотите ехать? Вы видите, что делается в Ленинграде? Город укрепляют, это уже не прифронтовая линия, это фронт. Мы должны эвакуировать все гражданское население, здесь будет армия[946]. Нам дорог каждый грамм хлеба... Поезжайте к мужу, к сыну». На это я ему объяснила, что народу еще очень много, я работаю с 18-го года, организовала первый детский театр и т.д. Муж лауреат и т.д., за что же я подлежу высылке? Была всегда уважаемой гражданкой, а теперь вывоз на свалку. «Мы не высылаем». — «А статья 39, перечеркнутая прописка?» — «Никакой статьи — мы спасаем людей». — «Простите — я видела паспорт композитора Канкаровича, ему вы разрешили же остаться. Я ехать не могу за полным отсутствием средств, и денег мне взять неоткуда. Я имею здесь заработок, угол, медицинские сестры нужны, а где я, старый человек, найду заработок, где меня не знают? Сын сам на иждивении тестя, поступает в ночные сторожа, мужу живется неважно в Тифлисе (об этом писала Богданову-Березовскому вдо-

ва Миклашевского), может быть, ему и самому придется переехать куда-нибудь, вряд ли туда сейчас можно добраться». В конце концов я заговорила с искренней слезой в голосе.

Грибанов обещал пересмотреть мое дело, и я ушла.

Он еще сказал, что медицинские сестры будут не нужны, т.к. сразу же будут эвакуировать раненых. Экая нелепость! В кольце, которое еще более сомкнется, если немцы начнут штурм города, уж будет не до эвакуации.

Дозвонилась к Бондарчуку, была у него сегодня, назначил мне пойти к его заведующему кадрами, обещал при малейшей возможности принять.

Пока что и тут и там неизвестность.

И с 1-го иждивенческая карточка, т.е. 300 граммов хлеба. Остальное питание в столовой не очень многим отличается от служащей, т.е. второй категории, не так чувствительно. Но 200 гр. хлеба — этого недостает.

Сегодня на завтрак я получила рисовую кашу гр. 100 и 15 гр. сыра. Рабочие en plus[947] соевый биток. На обед вчера был суп с лапшой, два соевых битка с сладкой подливкой, кофе (сладкое), рабочие еще мясную котлетку и желе вместо кофе. На днях как-то была на завтрак вареная картошка и 20 гр. масла! Около года, с октября, не видали мы этого редкого фрукта. И при всех этих свалившихся на меня невзгодах я как-то совсем спокойна.

Я никуда не поеду — это для меня ясно. Убьют здесь — судьба. В жизни и смерти Бог волен. Я еще сказала Грибанову, что страшнее всего беженское положение, смерть в вагоне, все, связанное с нищенским бегством.

Вчера, идя по Моховой, я как-то особенно внимательно рассматривала грядки, засаженные капустой, огурцами; даже два кустика картошки заметила. И вспомнила грядки из своего сна в тифозном бреду.

5 июля. Сдали Севастополь. В газетах сказано: немцы получили груду развалин. Это, очевидно, нам в утешение, дурачкам (есть ли такие?), которые не поймут, что Гитлер получил Черное море, очевидно флот, если наши его не взорвали. Теперь весь юг в его руках. Николай I отравился, говорят, после падения Севастополя, а тогда было положение не так страшно[948]. Украина, Крым, пробираются, конечно, к Баку. Наталья Васильевна заходила вчера ко мне по дороге из писательской столовой[949]: «Мы все виноваты в теперешнем положении вещей. Вся страна уже много лет голодает. Помните, как на Витебском вокзале лежали повсюду голодающие украинцы. “Панычу, хлеба”, — протягивали руку. А мы, Алексей Николаевич, я, другие, в хороших шубах, сытые, после попоек проходили, и нам казалось, что это где-то далеко, это нас не трогало. Теперь вся страна за это расплачивается». Я ей

сказала, как много впечатлений дали мне мои театральные поездки. Ее допекают писательские собратья. Вера Инбер и другие упрекают ее в недостаточной актуальности ее стихов, в них нет ненависти, нет ярости! [Вера Инбер — племянница Троцкого[950].]

Была я в Союзе композиторов. Наконец состоялось мое свидание с Загурским, который прослушивал произведения. Я ему говорила, что очень устала и хотела бы заняться по специальности: 1) писать статью «Кукольный театр во время войны»; 2) сделать серию зарисовок с разрушенных зданий для офортов. 3) Как бы мне получить первую категорию карточек?

По первому вопросу Загурский направил меня в Институт истории музыки[951] к Маширову. В плане издательства есть: театр во время войны, и, таким образом, моя тема подходит. Второй вопрос: по понедельникам в 6 часов собираются художники, он возглавляет это общество, надо показать работы. А вот насчет главного надо, чтобы я сама хлопотала. После его ухода я говорила с Богдановым-Березовским, и он обещал мне хлопотать от Союза композиторов у Попкова. За Васю я могла это делать, а за самоё себя уж очень неудобно. Я бы очень хотела больше в больницах пока что не работать. А вчера мой доброжелатель, правитель канцелярии Григорий Васильевич Лохов, сказал мне следующее: «Ваши неприятности исходят и не от Маева, и не от Воронова, я не скажу вам сейчас, от кого! Но дело тут в вашей анкете. У вас есть родные за границей. Уже осенью вас хотели перевести из военного отделения к гражданским больным. Но Мария Васильевна и Анна Ивановна не допустили, они очень хорошо к вам относились».

«Но кто же, — спрашиваю я, — вероятно, НКВД?» — «Нет, НКВД тут ни при чем. НКВД прямо снимает с работы, если находит нужным, нет, это одно лицо по дурости. Я когда-нибудь вам скажу» [оказалась Соколова, рожд. Павлинова].

Ввиду этого, хорошо бы было спокойненько заняться статьей, офортами, но без первой категории жить невозможно.

Сейчас, когда я могу отдыхать, я почувствовала невероятную слабость, особенно слабость в ногах. Сегодня к 8 утра пошла в столовую на завтрак. Была пшенная каша (немного) и кофе, оставалось 150 гр. хлеба, 150 забрала вчера вперед! Вернулась домой и легла спать. Хотела пойти на рынок, менять скатерть и мамину вышивку на хлеб, но сил не было никаких. Еле встала в первом часу, надо было убрать комнату и идти обедать. Эти хождения три раза в день, конечно, очень утомительны. Ужинать я не пошла. На ужин была обещана козеиновая каша[952]. Хлеба нет, для нее идти не стоит. На обед были

зеленые щи и крошечный подлещик с козеиновой кашей. Рабочим и служащим тот же подлещик с картофельным пюре. На третье вкусный компот из дыни.

Может быть, слабость у меня от недостатка хлеба. Но мне его нужно 700 гр., не меньше, в день.

7 июля. Вчера мой день начался за здравие, а кончился неожиданно за упокой, да еще какой.

Опять с утра слабость невероятная, ноги еле бредут; вернувшись после завтрака, залегла спать, а после обеда решила пойти в Институт истории музыки. Маширов принял меня очень любезно, очень обрадовался моему предложению писать статью, тотчас же вызвал Оссовского, который, по-видимому, художественный руководитель, и научного секретаря, продиктовал мне заявление. Меня на время работы зачисляют научным сотрудником, дают карточку как служащему. Он просил меня попутно собирать материалы, фото, афиши по всем отделам театра и эстрады за время войны, обещал дальнейшую работу. Оплата за лист 600 рублей, авансов не дают. Но это неважно. Меня все это так окрылило, что даже слабость прошла. Зашла в ЛОСХ поискать Клавдию, не нашла, пошла было дальше; слышу крик на всю Морскую: «Шапорина!» — Клавдия меня догоняет. Поднялись к ней, поставила самоварчик, угостила намоченным горохом, больше ничего не было. Пошла ужинать. В трамвай не попасть в шестом часу, так до самого дома пришлось идти пешком, но так было весело на душе. Вернуться к умственной работе, собирать театральный материал, встречаться с культурными, или, по крайней мере, артистическими, людьми. Я устала от бескультурья наших докторов и сестер, вот уж узкие специалисты без каких бы то ни было интересов вне еды, котлового питания и, в последнюю очередь, своей специальности.

Дома. Уже девятый час. Приглашают в домовую контору, говорят: из милиции. Новое дело!!

Прихожу. Управхоз и молодой человек лет 30, в штатском, с несколько сифилитически приплюснутым носом. Посмотрел паспорт, спросил, могу ли я ему уделить часа полтора-два, и мы куда-то пошли. Он шел быстро. Я пыталась его догонять, но скоро поняла, что он нарочно уходит, делая вид, что он сам по себе, я сама по себе. Пошли по Надеждинской[953], вышли на Некрасовскую. Всё крайне таинственно, как заговорщики. У дома 19 он вошел во двор — вокруг низенькие дома, провинциальный вид. Он, не оборачиваясь, вошел в невзрачный подъезд, поднялся во второй этаж, очутившись в длинном коридоре с дверьми с одной стороны, с другой окна. Вошли. Он

предъявил мне свою книжку: сотрудник милиции Балтийского флота. Сверху НКВД. По фамилии Левин. Начался разговор: «Почему вы подали заявление Грибанову, как вы поняли повестку, вам присланную?» Я: «Как обязательную эвакуацию». Он: «То есть высылку?» — «Да». — «Да, это высылка. А что вы еще предприняли?» — «Телеграфировала мужу». Он: «Чтобы он хлопотал в Смольном?» — «Да». (Вообще, он оказался замечательно осведомлен.) «Как вы думаете, чем вызвана подобная мера?» Я: «У меня есть один грех, братья за границей, но теперь при переоценке исторических фактов я могу только гордиться своими братьями». Рассказываю о Васином ранении при Цусиме, о деятельности в Черном море, о Сашиных Георгиях. Он что-то записывает. «Ну, а еще какие у вас грехи?» — «Еще дворянское происхождение». Он: «Ни то, ни другое, — делает следовательски хищное и загадочное лицо, — вот вы недавно публично осуждали правительственные мероприятия, критиковали и т.д.». Я: «Это ложь, да, ложь, потому что я никогда при публике, при посторонних не беру на себя смелость осуждать действия правительства. Я могу сама не все принимать, хотя бы уже потому, что я верующая, но я прежде всего люблю свою родину и не стану расшатывать ее организм. А кроме того, я все-таки не совсем глупа, чтобы вслух при людях говорить неподобающие слова...» — и т.д.

Он делает приятную улыбку; у него хорошие зубы. «Поговорим о ваших знакомых — с кем вы видитесь?» Я отвечаю, что почти ни с кем, большинство разъехалось, не до того было зимой, да и сейчас нет сил. Называю Елену Ивановну, так как он чуть ли не с самого начала спросил меня: «Почему вы так хлопотали за такого человека, как Плен?» Называю еще Наталью Васильевну, Белкиных, оговариваясь, что чуть ли не с год с ними не видалась. И больше ни одного имени. «А Кочуровы, это же ваши друзья: Ксения Михайловна, Юрий Владимирович?..» — «Я там почти не бываю, люблю больше всех...» Он: «Надежду Платоновну?» Я: «Нет, ее я совсем мало знаю, а Юрий Владимирович ученик мужа» и т.д. «Ах, Ксения Михайловна такая практическая женщина! А он уж слишком мягок, даже странно, что такие противоположные характеры сошлись. А вы знаете их друзей?» — перечисляет семью Кучерянца, Галю Уланову, которую я ни разу там не встречала.

Я объясняю, что за последние года 4 была раза два вечером, когда приезжал Юрий Александрович, а сама изредка заходила только по делу. «Ксения Михайловна любит народных и заслуженных, а я ни то, ни другое, я для нее интереса не представляю и поэтому не бываю».

Он так много говорил об Аствацатуровых, что у меня создалось впечатление, что донос на контрреволюционные разговоры идет от Ксении. Только у них слышишь такую архиконтру, которая мне всегда казалась провокацией. Левин мне ставит ультиматум: «Мы оставляем немного народа в Ленинграде, город будет военный, но они должны быть у нас все на виду, мы должны знать об них все. Поэтому я с вами буду встречаться и в дальнейшем, и вы будете меня держать в курсе того, что говорят и думают ваши знакомые, хотя бы только Толстая и Плен, этого уже достаточно».

Влипла! Я — сексот! Это здорово!

С час я протестовала, ссылаясь на свой прямой характер, на то, что я оскорблена, на то, что я поддерживаю знакомство с очень небольшим кругом людей, которых считаю честными и порядочными.

Ничего не помогло. Я подумала: толку они от меня не добьются, доносами и провокацией я заниматься не буду, тут хоть меня расстреляй. А ну их к черту.

Я ему это сказала (кроме последнего восклицания). «Да разве мы требуем? За ложь и провокацию вы первая будете наказаны».

И заставил меня подписать бумажку, что, во-первых, я никому об наших свиданиях не разглашу, а затем, что я и впредь буду выполнять поручения органов НКВД[954]. Тут я тоже долго сопротивлялась, но тщетно. Мне в конце концов стало даже смешно. Я подпишусь, черт с ними. Paris vaut bien une messe. Но кто кого обманет, еще неизвестно. Если бы передо мной встало конкретное предательство, я пойду и на высылку, на арест, на расстрел. Я себя знаю.

Кончился наш разговор в 11 часов, и я получила задание написать короткую автобиографию и характеристику Толстой и Плен.

Вышли мы вместе, он шел в НКВД, на этот раз он шел рядом со мной, и мы дружески беседовали.

Из своей биографии он сообщил, что был морским инженером-конструктором; ему 32 года, и совсем седые виски. Очень сильное кровяное давление, так что он боится за свою психику. Я ему рекомендовала пиявки поставить. «Очень тяжелая работа». J'te crois![955]

Назначил мне явиться к нему 13-го в 7 часов вечера.

Пришла домой — вот я и у праздничка! Страдает ли моя совесть, чувствую ли я себя навек обесчещенной и опозоренной? Формально, внешне — да. Но внутренно ничего не ощущаю, мне смешно, и они мне смешны.

Да, он мне еще сказал, что ему известно мое восхищение Красной армией. Он любит принимать загадочный вид и показывать свою осведомленность. Но кто осведомитель? Ксения — или Ксения через Цурмилена?

12 июля. Невероятная слабость. Ощущение полного истощения. 10 дней жизни на иждивенческом пайке, более чем голодном, дают себя знать. Неужели не хватит сил на такую интересную работу! Это будет ужасно.

А еще — embarras de richesse[956] — предлагают организовать кукольную агитбригаду для обслуживания торфо- и лесозаготовок и воинских частей. Это по требованию Ленсовета и горкома партии Лидия Семеновна Тагер, возглавляющая культшефскую комиссию, сказала мне вчера, что я ей очень нужна: «Мы хотим восстановить кукольные театры». При таком питании не хватит сил. Очень утомляет хождение в столовую. Ведь вот сейчас: туда шла пешком, в трамвай в 6 часов не попасть, и в столовой простояла полчаса в очереди — для чего? Чтобы получить соевую запеканку, кипяток вместо чаю и 5 конфеток (50 гр., они в бумажках).

В Управлении встретила Артура Эглита, он теперь председатель горкома художников. Рассказал он мне печальные вести. Вымерла вся семья Чупятова — и Леонид Терентьевич, и жена, и Андрей. Брат Л.Т. живет в пригороде, имеет корову, он за всю зиму не дал Леониду Терентьевичу капли молока и дал им всем умереть от истощения. А потом налетел, как коршун, и вывез все. Когда пришли из Союза художников, квартира была пуста. Целы ли картины, прекрасные натюрморты, все его эксперименты? Уезжал Вл. Лебедев. У него была лучшая в Ленинграде библиотека по истории западного искусства, он просил Русский музей или Эрмитаж взять библиотеку себе, — отказались, нет транспорта (нет интереса). Художники умирают, квартиры и имущество погибают. Умерли все в Театральном музее: Жевержеев, Шеффер, Нотгафт. Артур совершенно убил меня слухом, идущим из Фарфорового завода, о смерти сестер Данько. Я не хочу этому верить. Распространили же про Бобышева слух, что он умер, а он оказался цел и невредим где-то на Волге. Все это истерика и неврастения Елены Яковлевны: «Ах, с наступлением весны начнутся бомбежки, я не могу этого вынести!» А ехать куда глаза глядят трем больным женщинам! Бросили квартиру, почти все Наташины работы на произвол судьбы, что с ними? С Наташей? Это один из самых ценных для меня людей. И как узнать правду?

Вчера заходила ко мне Элеонора Алексеевна с Ниночкой. У нее всегда новые сплетни, то нас берут немцы, то приезжают американцы. Не знает, что делать. Вот посидела немного, пописала и отошла. Мне надо кабинетно ра-

ботать, а не носиться по городу, по лестницам. Надо хлопотать о восстановлении телефона.

Завтра столько беготни, хлопот, и вечером еще быть на Некрасовой у Левина.

Я умру.

14 июля. Да-с! Вчерашний день был днем неожиданных разоблачений.

Днем я где-то моталась, затем написала на четырех страницах свою сухую автобиографию и два панегирика по полторы страницы Елене Ивановне и Наталье Васильевне и в 7 часов вечера была на Некрасовской, д. 19, комн. 13. Мой чекист в морской форме очень любезен.

Читает мои сочинения. Объясняя свою поездку в Париж леченьем детей, я написала что-то о «стрептококковой инфекции». «Что это такое?» — спрашивает Левин. Я объясняю. «Значит, осложнение?» — говорит он. Если он не знает, что такое стрептококк, не понять ему, что я пишу и о Наталье Васильевне: «Она эгоцентрична, но не эгоистка...»

Он находит, что написано мало. Надо развить, подчеркнуть все эволюции взглядов на войну, реакцию на события, политические взгляды Н.В. (Да, так я тебе и сказала.)

«Вот вы, например, — говорит он и делает “беспощадное” лицо, что мало гармонирует с его приплюснутым коротким носом с открытыми ноздрями, — вы недавно еще восхищались Тухачевским и говорили, что, будь он во главе армии, дела бы на фронте шли иначе».

«Я это говорила теперь?» — возмущаюсь очень искренно я (вспоминая, что правда, не так давно говорила о Тухачевском, но с кем? Вспоминать некогда, потом).

«Я это могла говорить в то время, когда Ежов, уничтоживший верхушку Красной армии, сам оказался вредителем и мог это сделать для ослабления армии и СССР».

«Вы видите, как люди лгут и передергивают, лишь бы донести».

Задерживает он меня недолго, опять улыбается, назначает мой следующий визит на 21 июля, прося написать побольше о Н.В. «Она поставила Толстого на ноги, без нее он никогда бы не сделался тем первоклассным писателем, каким стал».

Я о ней писала следующее.

Прежде всего, говоря о Н.В., надо сказать, что она талантливая женщина, талантлива как писатель и поэт, талантлива в жизни.

С большим вкусом во всех родах искусства, чего нельзя сказать об Алексее Николаевиче. Она — огромное на него влияние, удерживала от срывов. Практична, но расточительна до известной степени. Патриотична в высшей степени.

Выхожу от него и иду к Птоховой.

Мучительно напрягаю память: с кем я говорила о Тухачевском? Могла говорить только с кем-то близким, нет, тут не Ксения.

Да, я сидела у круглого стола и говорила — здорово! — с Еленой Ивановной! Только с ней я откровенна была до сих пор, как с самой собой.

А он дурак! Il a donné dans le panneau[957] и, желая озадачить меня своим всезнанием, открыл свои карты — разоблачил сексота.

Самое важное теперь не подать вида, что мне известны их сношения, но уж теперь меня не поймаешь. Кто бы мог думать, а? Я ведь ей рассказала все, о чем меня Левин спрашивал, что я ему говорила, одним словом, вела себя так, как должна была вести себя и она, и всякий порядочный человек. Как возможно с ее стороны другое отношение, не пойму. Мне было очень больно. Это уже предательство — и от кого?

Это не только une messe...[958]

Пришла к Птоховой, дочери проф. Иванова. Похудела, зимой голодали, семья в одиннадцать человек при одной рабочей карточке отца. Она было поступила в сестры — заболела. Одышка, осложнение в печени. Ложится в больницу. Я хотела ее завербовать в кукольную бригаду для культшефской комиссии. В их доме был пожар, все бежали на улицу, оставив двери открытыми. Мать только успела поставить у двери образ Николая Чудотворца.

Где погорело, где разворовали, у них все цело — Никола-угодник спас.

15 июля. Стала рассматривать сегодня утром, в 6 часов, карту России и пришла в полный ужас. Я привыкла, что там, дальше, «большая земля», вся Россия; настоящее положение вещей так замалчивается и перекраивается бодрыми маршами и стрекотом о героизме и прочей шумихой, что я не отдавала себе отчета, что же творится? И вот по карте: Царское Село — Псков — Новгород — Ржев — Брянск — Воронеж — вот граница Московии, а южнее и западнее все в немецких руках. Что же будет? Встретила вчера Яблонскую и на ее подобный вопрос ответила: мы должны как «Candide» Вольтера сказать: «Пойдем возделывать наш огород»[959] — это единственное, что нам остается делать. «В Россию можно только верить». Яблонская хотела включить эти стихи в тютчевский цикл радиовещания — запретили: несвоевременно. Она рассказала: ночью, 14-го, телефонный звонок (она теперь

живет в Радиоцентре), вызывают директора Бабушкина, срочно к утру надо готовить английский выпуск известий. Паника, спешка, всё приготавливается. Утром телефон: срочно отменить, запрещено. Рассказ Чехова «Дама с собачкой» не пропустили — минорный тон.

Мне кажется, что у нас здесь никакого штурма не будет и мы «как тощий плод, до времени созрелый...»[960].

Шла в Хореографический институт к Тагер в культшефскую комиссию, села в Екатерининском сквере на скамейку. По радио диктор говорил о всех тех ужасах, которые несет с собой немецкое завоевание. Между прочим: удушение и уничтожение православной религии, уничтожение церквей, замена христианской религии другой, языческой?!!!! Faut avoir du toupet, tout de même[961]. Надо же иметь наглость.

16 июля. Голодна ужасно. Бедных служащих кормят из рук вон плохо, почти так же, как иждивенцев, этих париев Советского Союза. На обед был суп из пшеничной крупы и две лепешки из травы. Вечером соевая запеканка. Пожалуй, с такой пищи и загнуться можно.

Зашла сегодня к Маширову, бежит в Управление, Донцов умер. А два дня тому назад я с ним беседовала в Управлении по делам искусств, он дал мне записку к Гвоздевой. А.В. Донцов, которого мы все в доме на Кировском считали большим жуликом, — как же это он не пристроился к каким-нибудь хлебам? Очевидно, он жуликом не был вовсе. Жена его работает уборщицей в доме 14 для получения 1-й категории.

Встретила Наталию Васильевну (она ежедневно ходит за обедом в Союз писателей). Она зашла ко мне. Передала слухи, что в Финляндии недород, отчаянное положение, а американцы упорно склоняют финнов бросить немцев, обещая золотые горы и медовые реки. Для нас это было бы спасением.

Голод не только тетка, голод палач.

22 июля. Мой третий визит к Левину уже окончательно меня убедил в том, что он неумен. И как это таких наивных людей там держат?

Поручить двум друзьям следить друг за другом и доносить друг на друга. К чему это привело? Lily ко мне перестала ходить, я к ней и подавно. А если бы она не была так запугана, мы бы могли попросту договориться и его разыгрывать.

Я ему написала, что о Толстой мне добавлять нечего, т.к. в течение зимы, даже с начала войны, мы совсем не видались, обе работали, а она была занята семьей. Увидались в мае, делились впечатлениями о детях, внуках; она читала мне свои стихи, прекрасные по форме и по содержанию. О политике

не говорили. Н.В. страстно переживает все перипетии нашей Отечественной войны. В данный момент, при случайной встрече в Союзе писателей, она восторженно передала мне очень приятные слухи о взятии нами Лигова[962]. Я никогда не запоминала отдельные фразы, выражения, для меня играет роль общее настроение и направление мыслей. А об этом уже я говорила.

Левин делает «беспощадное» лицо. «А почему вы о главном, о Лигове, говорите в последних строчках, это надо развить!» Я: «Вы мне сказали развить эволюцию Н.В. по порядку: что было весной, зимой и теперь. Поэтому о сегодняшней встрече я могла говорить только в конце и добавить ничего не имею, мы обе торопились по разным делам».

«Вы уверяете, что не говорите о политике, — это неправда; все говорят о политике, а вы до сих пор влюблены в Тухачевского!» Не помню, что я ему ответила, но он потом извинялся, уверяя, что пошутил.

«Вы по вашей работе должны встречаться с военными, надо очень быть внимательной к их разговорам». Я: «Уверяю вас, из моего длительного опыта — ни один человек, малознакомый, говоря о театральном деле, не станет говорить о политике, все осторожны». — «Ничего подобного, при первой встрече не станет, но при второй и третьей уже станет. Надо следить, мы окружены шпионами, диверсантами, вредителями». Я и говорю: «Я с вами не согласна, но что же — вы хозяин».

«Беспощадное» лицо — это правильно.

Я играла в больное сердце, надо просто его разыгрывать, я думаю, это не очень трудно. Он уверяет меня, что хлопочет о моем телефоне, «для вашей общей работы, для работы у нас...». Fat[963].

От него зашла к Говоровой, т.к. Животова передала мне, что есть место для художницы по плакатам на заводе Сталина[964]. Нашла ее очень опухшую, получила повестку и решила уезжать. Денег ни гроша, полное неумение устраиваться. Я ее считаю исключительно талантливой художницей, Верейский ей в подметки не годится. Но *подать себя* она никогда не умела. И девочка талантливая. Свела их с комиссионершей. Отъезжающие оставляют мне свои вещи на хранение и делают подарки, бросают все, даже ценное, на произвол судьбы. Говорова подарила книжку, подаренную ей Павлушей Щеголевым, «Записки П.В. Долгорукова»[965], и две гравюры, виды Смоленска и Новгорода.

Нина Меерсон дала мне сохранить фамильный еврейский светильник и портрет маслом старого еврея работы художника Зощенко и подарила очаровательный кувшинчик белого металла вроде серебра и столь же очаровательного маленького Боккаччо по-итальянски.

24 июля. Уже около недели идет бой под городом. Почти не смолкая грохочет артиллерийская канонада. По газетам смутно, а по слухам более подробно: мы начали наступление, взяли Лигово, Стрельну, какой-то важный укрепленный пункт около Петергофа. Открыли бы здесь второй фронт с помощью союзников, но они что-то не охочи на это, мерзавцы.

У меня кисло на душе. В нашем дворе на меня сзади налетел мальчишка на велосипеде, сбил с ног, я упала на асфальт и сильно расшибла оба колена. Они распухли, болят.

С моим интервью ничего не выходит. Без телефона зарез. Я уже третий раз жду Зака, и всё понапрасну. (Для статьи о кукольном театре во время блокады.) Хожу в Эстраду, сговорилась с Лебель, и тоже зря, у нее все заболели, она ничего не приготовила.

Я голодна. Съев свое серебро в три дня, я отекла, т.е. появились отеки на лице. И теперь еще труднее.

За серебряный молочник, чайник, сахарницу весом 1 кг 100 гр. (чудесной работы, стиль рококо) я получила 1150 гр. крупы, 600 гр. гороха и 187 гр. масла. Курам на смех.

Мой третий визит к моему энкавэдэшнику.

Очень мне было больно продавать это серебро. Все эти предметы папа собирал постепенно, все в одном стиле. Было 4 предмета — молочник, чайник, сахарница и сухарница. После маминой смерти мы поделили их с Лелей. Она взяла сухарницу и чайник.

Позже я где-то нашла такой же точно и купила. Голод не тетка.

4 августа. Вчера, уже темнело, было около 10 часов — стук в дверь. Иду отворять: «Кто?» — «Любовь Васильевна дома?»

Приятный голос моего филёра. Я объясняю Левину, что не могла предупредить его, что не приду, рассказываю о болезни.

Провожу в столовую, где навела за эти дни порядок (мне кажется, красное дерево ему импонирует), я вообще веду с ним разговоры в светско-салонном тоне. Спрашивает адрес больницы. «Вы не хотите выпускать меня из вашего поля зрения», — говорю я. «О да, ни в коем случае». Просит, чтобы я, когда выйду из больницы («поправляйтесь поскорей»), зашла на улицу Некрасова и подсунула записочку под его дверь, он там бывает почти каждый день.

Это явочная конспиративная комната для уловления душ. Очевидно, и Елена Ивановна туда ходит.

Зачем я ему? Или он так недалек, что надеется от меня получить какие-либо доносы и клеветы на моих друзей и знакомых? Он наивен. Вероятно, ему дано задание обработать какое-то количество людей, какую-то группу, к Наталье Васильевне он подойти не смеет, а через меня думает «осветить» или «просветить» писателей, артистов, которые, по его словам, со второй встречи будут мне открывать души, а он через меня вылавливать шпионов. «Мы окружены шпионами, диверсантами, вредителями, немецкими агентами», — как-то сказал он мне, повторяя газетные статьи.

Так и лови их, а он теряет драгоценное время на мое уловление.

Когда он ушел, у меня осталось впечатление прикосновения жабы, какой-то плесени, до которой я дотронулась.

Не будь им ни дна ни покрышки.

Быть в поле зрения такого чекиста! Весело. Хоть бы поскорей попасть в больницу и подольше там побыть.

Было назначено мне сегодня ложиться туда, пропутешествовала зря, мест не оказалось. Вышел директор, извинялся, вчера был страшный наплыв больных-дистрофиков, приносили прямо с улицы. На соевых жмыхах далеко не уедешь.

Все эти дни сильная канонада. Кто стреляет, где — неизвестно. Но стрельба такая, что иногда окна дребезжат. На меня она действует удручающе, кажется, вот-вот немцы войдут или бой приблизится еще, надо торопиться куда-то, не успею попасть в больницу...

На улицах, в трамваях никто об этом не говорит, как будто все тихо и мирно. Только в одном проходном дворе с Малой на Большую Конюшенную[966] при сильном залпе орудия гражданка, баба, сидевшая на солнце, ахнула: «Ой, Господи, какая жуть надвигается!»

Эвакуация прекращена. Вероятно, пути нужны для другого.

Ничего не знаю об Елене Ивановне. Ей не перерегистрировали паспорт и не выдали карточек. 1-го я взяла на два дня хлеб и смогла ей дать за один день, а дальше не знаю, как она будет, она эти дни не показывалась.

Она мне несколько раз приносила и заставляла меня брать хлеб — у нее, дескать, остается.

Когда выяснилось, что она на меня доносит, я поняла, что у нее совесть нечиста и ей хотелось хоть таким образом замолить свой грех.

Все это чудовищно.

Лишить человека хлеба — пролетарская зависть ко всему. Устала я за эти дни ужасно, я совершила настоящие travaux d'Hercule[967]: убрала всю кварти-

ру, подмела везде, это при больных ногах. Починила буфет. Встала сегодня в пять утра. Надо ложиться. Сейчас уже девять, завернусь с головой и не буду слышать «грозу военной непогоды»[968].

10 августа. Лежу в больнице. Отдохнуть, полежать очень приятно. Но голодно больше, чем дома. Лариса (Шведова) напрасно так расхвалила Наталье Васильевне свою больницу, говоря, что она не дает воровать, зато ворует сама. Питание слабое, гораздо хуже, чем было в глазной: утром каша не каша, а поварежка супа с воспоминанием о крупе. Поэтому главная pièce de résistance[969] — черный хлеб — дается сырой и тяжелый. Я выучилась в столовой крошить хлеб в кашу, перемешаешь его с этой жидкостью, глядишь, хлеб-то и пропитается вкусом каши, и ее как будто больше станет. Зато хлеба мне, конечно, не хватает.

Мучительно это постоянное ощущение несытости. Я все время «перемещаю внимание», — читаю, пишу письма. Но все же такое состояние надоело. Доктор находит у меня порок сердца, t° 35,7—36.

Кроме меня в палате одиннадцать баб, пролетарок. У всех дистрофия, цинга. Ноги в коричневых лиловатых пятнах. Все они завистливы до предела.

Я вошла с маленьким чемоданом, после ванны мне дали халат. Сразу же, я еще не дошла до кровати, поднялись крики: «Вот, тут с целым чемоданом пропускают, а нам и сумок пронести не дали, я уж неделю здесь лежу, халата все не дают» — и т.д.

Завидуют друг другу. Стóит одной выйти из палаты, начинают «мыть ей бока», как выражается моя соседка, самая тихая и кроткая из баб. Но, приглядевшись и прислушавшись за эти дни, я убедилась, что все они глубоко несчастны. Почти у всех за эту зиму умерли от истощения мужья, сыновья, родные; сами пришли сюда еле живые, на костылях. Так как все проболели, или, как теперь говорят, пробюльтенели, больше двух месяцев, всех ожидает переход на третью категорию карточек, т.е. на голодный паек. А все голодны уже и сейчас, «как шакалы» (их слово). При этом никакой культуры, никакого развития, и опять-таки зависть и злоба на культуру. Они все невероятно много пьют, я думаю, не меньше пяти-шести литров за день горячей воды — это при дистрофии! Я пробовала советовать поменьше пить и высказала свои соображения на этот счет. «Ну вы культурные, вы и не пейте, а мы некультурные, жрать хочется, вот и пьем», — злобно ответила самая озлобленная.

У всех почти корни в деревне, и о деревне говорят с любовью, красочно, образно, деревне в прошлом.

Гусева, лет 40 на вид, а может быть, и меньше, красивая женщина с глубоко сидящими синими глазами, черными бровями, каштановыми волосами, горластая. Носит золотые цыганские серьги. Из Московской губернии, из-под Подольска. «Семь человек семья была, варила во какие котлы; детям, бывало, разливаю по мисочкам. А дети хорошие, послушные, муж здоровый был мужчина, столяр-краснодеревщик. И вот теперь я одна осталась одинешенька. Муж помер с голоду под весну, один сын тоже, сыновья не родные, пасынки. Двое на фронте. Авиатехник был в Севастополе, писем давно нет. Другой танкист, в последнем письме писал из-под Вязьмы, тоже вестей нет. Дочки живы. Одна, 15 лет, в Подольске медсестрой работает, другую со школой в Токсово[970] отправили». У самой ноги в больших коричневых пятнах — цинга. Колени еле сгибаются. По крайней мере, раз в день, после ругани больницы за голод и т.п.: «Благодарю нашего Сталина и усё наше правительство, что поставило меня на ноги, что я поправляюсь, что столько обо мне заботы — и все бесплатно».

Другие кричат: «Какое там бесплатно, а вычеты, страховка...» — etc. etc.

Их, конечно, жаль.

Но все они много богаче меня, судя по их разговорам. Это я замечала и в столовой. Для них ничего не стоит купить хлеба, зелени. У всех дома много материй. И у всех дома в коммунальных квартирах жуткое воровство, верить никому нельзя. Да и большинство из них, вероятно, охулки на руку не положат[971].

12 августа. Я опускаюсь. Дурной пример заразителен. Бабы вокруг меня только и говорят что о своем голоде и дуют воду. Я ловлю себя на мечтах о беконе, белых булках, каше вволю, поджаренной картошке.

Вспоминаю послеобеденный чай в Ларине часов в шесть на балконе. Из цветника пахнет табаком, розами, их там так много. От самовара тянет дымком; на столе варенье, булки, масло, русско-швейцарский сыр от Ф.И. Ягги, из мосоловской сыроварни, большое блюдо земляники или малины. Видишь все это, и хочется плакать. Больше, кажется, нет сил терпеть. Ведь уже больше года длится такое состояние.

И надо выходить из больницы. За работой, ходьбой, разговорами перемещаешь внимание, и жить легче. Надо устроить заработок, может быть с кукольной бригадой. Вася пишет, что получил письмо от Юдиной, Валерьян и Загурский говорили ей о моем «героизме?!» — вот пусть и помогут.

Надо двинуть свою работу, закончить ее, получить деньги, пораспродать кое-что и правда — поехать к Васе.

А тут еще новая напасть: сегодня в «Правде» руководящая статья Попкова о переселении всех жителей верхних этажей в нижние три[972]. Надо обезопасить себя и поселить верных людей. Когда я вижу фамилию Попкова, я всегда вспоминаю «Анну Каренину»: Je me fais coiffer par Тютькин[973]. Je me laisse gouverner par Popkoff[974].

Пожалуй, не уедешь и загнешься. На ногах увеличивается количество цинготных пятен.

Сегодня у нас «сытый» день:

Завтрак в 9 часов. — 200 гр. гречневой жидкой размазни и чай.

Обед. — Зеленый суп из листьев капусты с небольшим количеством пшенной крупы. 220 гр. рисовой каши с изюмом, негустой. Неполный стакан (граненый) киселя из урюка.

Ужин. — 200 гр. овсяной жидкой каши.

Итого 1½ фунта каши
тарелка супа
500 граммов черного хлеба, сырого, тяжелого
30 гр. масла и 30 гр. какой-то смеси из сахарного песку, какао и дуранды.

На весь день взрослому, абсолютно истощенному человеку этого мало. Но это самый сытный обед с моего поступления.

Пьеру Безухову легко было перемещать внимание в течение двух-трех месяцев.

Вот как я опустилась, ничего не поделаешь. Приходится констатировать факт.

Заходила на днях Наталья Васильевна, рассказывала об успехах Никиты. Он устроился заведующим Отделом иностранной информации в ТАСС в Москве. Молодчага! А Вася — ночной сторож в колхозе.

Вчера приходила Lily под балкон. Я ей очень обрадовалась, и, как ни зла за ее предательство, я почувствовала, что привязана к ней. Надо вообще распутать всю эту глупую и липкую историю с Левиным.

13 августа. Каждый день по несколько раз начинают грохотать где-то, то дальше, то ближе, зенитки.

Мы ничего не знаем.

Сообщения Информбюро меня возмущают. Тысячеверстный фронт, немцы все углубляются на Северный Кавказ, мы пишем — уничтожено до батальона противника, 20 танков и т.п. А что вызывает у меня тошноту физическую — это открытые счета снайперов и исчисление заработанных ими

мертвых душ. Мне понятен бой, геройство, уничтожение врага. Но не это вполне нерусское смакование отдельных убийств.

Сегодня день голодный. Утром жиденький супик-каша, одно блюдечко, вес не написан. На обед тарелка очень жидкого супа с хряпой без крупы. Одна рисовая котлета в 130 гр. и кисель, в котором 30 гр. молока сгущенного, 5 гр. сахара, 5 гр. шоколада. Вечером овсяная каша и стакан кефира соевого.

Хочется домой, от глупых баб, хочется приняться за работу.

14 августа. Сводка сегодня печальная: бой у Минеральных Вод. А там рукой подать до Грозного. Гитлер режет Россию, как масло. Он выдумал le fil à couper le beurre russe[975]. А мы? Отступаем перед превосходящими силами противника.

А мы поем бодрящие песни, играем марши, героизм уже переходит в трусость. «Я ору песни, чтобы не слышать грома». Наталья Васильевна рассказывала, будто бы не анекдот: Гитлер говорил речь, поздравлял свой народ с покорением Кавказа. «Я свято выполняю приказы великого полководца И.В. Сталина: 1) Ни шагу назад[976]; 2) Закончить войну в два месяца. И я надеюсь задушить его в своих объятиях в Москве».

Нефть отрезана, что мы будем делать дальше? Ведь всякому было понятно, что Гитлер, взяв Украину, уголь, пойдет за нефтью, чтобы показать кукиш Англии. Неужели нельзя было поставить крепкий и твердый заслон перед Северным Кавказом? Полководцы! Мы зато вводим новые ордена[977], а НКВД тратит время на мои допросы. И время, и деньги, оплачивая Левину явочную квартиру за те два часа в неделю, которые он на меня расходует. Чего ради? Без толку.

Я хочу добиться приема у начальника НКВД и просить избавить меня от этих визитов. В конце концов, пусть арестуют, вышлют по этапу. Эка важность. Схожу к Тихоновым.

Как скучно здесь. Надо поскорее выписаться. А если заболею, буду проситься к Бондарчуку.

Что мне надо будет делать дома:

1) Зайти на квартиру С.С. Некрасова — не сохранился ли черновик статьи о театре. Вообще собрать сборник. Для статьи в Институт театра и музыки.

2) Повидаться с Бродянским, Гаком, Раздольской, Натаном, Ковалем, Марией Михайловной, Н.П. Эберт, разыскать ее учениц. Узнать о Нине и Аде Милорадовой. Позвонить Птоховой.

3) 18-го или 21-го быть у Загурского. С ним о бригаде, вознаграждении, категории карточек.

4) Устроить пьесу. 5) Продажу чего-нибудь, организовать запас, хотя бы в 1 килограмм крупы на всякий случай. Сделать деньги, покупать зелень. Покончить с дистрофией. Писать статью: может быть, к кукольным присоединить ТЮЗ'ы. Зайти в ЛОССХ к Эглиту, устроить пропуск-разрешение на зарисовки в городе.

Из больницы написаны письма: Римскому-Корсакову, Васе, Саше Борисовой, девочкам, Якуниной, Деммени, Бродянскому, Милорадовой, Коноваловой, Гаушу, Богданову-Березовскому.

16 августа. Вчера приходила Елена Ивановна, уговаривает лежать здесь подольше. Зачем это? Ей наконец милиция перерегистрировала паспорт и выдали карточки. А с 1-го по 9-е она была без карточек и очень ослабела за это время. Это надо придумать: лишить человека хлеба и всякого питания неизвестно за что. Как выяснилось из бумаг в милиции, ее высылка приостановлена еще прошлой осенью (после моих хлопот), а сейчас, летом, новой повестки она не получала. «La Russie est le pays des formalités inutiles» (de Custine)[978].

17 августа. Утренняя сводка: сдали Майкоп. Отступили на новые рубежи у Минеральных Вод. Бои в Воронеже.

Вспоминаю свое пребывание с театром в Майкопе в 1938 году, прогулку на Курджипе[979], амфитеатр гор, покрытых виноградниками, снежные вершины где-то далеко, в тучах. И у подножья этой красоты — нищие колхозники, полуголые дети. И ни грозди винограда. Рады ленивые и лукавые — мы получаем по заслугам.

Что дальше? Немцы возьмут Грозный, возьмут Баку. А север: Ленинград? Мне иногда кажется, что американцы договорятся с Гитлером за русский счет и получат Север на разработку. Петербург будет porto franco[980] для западных держав, не для нас, конечно, проворонивших свою родину.

Боже мой, Боже мой, сколько еще десятилетий пройдет, сколько крови прольется до тех пор, пока Россия «воспрянет ото сна»[981], отдохнет, придет в себя, осознает себя и станет вновь великой державой. Больно, больно, бесконечно больно. Сердце ноет, не хочется думать. И об этом стараются свыше.

Кончилось утреннее сообщение Информбюро, начался концерт. Какие-то менуэты или гавоты, по-видимому, конца XVIII века... Мелодия первого напомнила мне «Il était une bergère, et ron et ron petit patapon...»[982] да, «petit patapon»! Как хорошо, что Театр марионеток повозил меня по всем тем местам Северного Кавказа.

Встретила здесь в больнице Книжника. Когда я с ним познакомилась в Париже в 1908 или 7-м году, его звали Израиль Самойлович, теперь он Иван Сергеевич. Познакомила меня с ним тогда Стазя Грузинская, увлекавшаяся тогда религиозно-философскими кружками. Дружила с Бердяевыми и Мережковскими. Книжник был тогда анархистом чуть ли не христианского толка. Был он не от мира сего, у него была хорошенькая жена Вера Исаевна и свояченица Дина Исаевна Фейгина (у которой я из озорства крестила сына вместе с Мышенковым).

Вернулись они в Россию. У него был брат, ходивший в полушубке и папахе, рослый детина, рисовавшийся под казака. Жена предпочла казака витавшему в эмпиреях мужу, родила двух хорошеньких ребят, адюльтер открылся, и они разошлись.

Когда я в 24-м году ехала в Париж, на какой-то узловой пересадке я встретила дочку Веры Исаевны, она ехала тоже в Париж, мать там держала пансион.

Иван Сергеевич женился, у него дочь 22 лет. Он погружен в исследования, очень много работал над участием русских революционеров в Парижской коммуне[983]. У него дистрофия, проявляющаяся главным образом в слабости в ногах.

Вид у него неплохой, живые большие глаза горят. Он не производит впечатление исхудавшего, а ноги отказываются ходить. Большинство больных здесь страдают тем же, еле-еле ходят, ноги часто отекают.

В 1909 году, когда я жила вместе с Наташей Данько, Книжник как-то пришел ко мне просить приюта на ночь и ночевал, скрывался от полиции. Я об этом совсем забыла, он мне напомнил.

К нам привели новую больную, старуху лет 70. Волосы ей обрили, она похожа не то на скопца, не то на старого японца или казанского татарина. Лицо коричневое. Наша больная Иванова ее узнала. Она оказалась женой дворника их дома Евгения Жиркова. Они разговорились. У Жирковой в январе умерли муж и деверь. «Когда умер муж, я так тогда изголодовалась, говорю сыну: “Разрежем его, сжарим, есть охота”. Сын закричал: “Ты что, мать, с ума сошла?” И на другой же день вывез отца. А я нисколько бы не побрезговала покойником, — очень изголодовалась».

Говорит она плаксивым высоким голосом, скорее ноет, чем говорит, сильно окает, совершенно беспомощна. Сын еле дотащил ее сюда.

Это не помешало ее соседке всю ночь провести в тревоге: «А вдруг как возьмет нож да и зарежет, и очень просто!..» O tempora..[984]

Наталья Васильевна недавно рассказывала мне тоже о нравах. Встречает она на Большом проспекте знакомую старушку, вдову профессора (забыла фамилию). Та плачет в три ручья: «Меня ограбили...» — «Кто ограбил?» — «Милиционер ограбил, как на большой дороге. Иду я мимо булочной Лора[985]. Вижу: женщина продает кусок мыла, просит 200 грамм хлеба, а у меня всего-то 300. Я стою и раздумываю, нахожу, что дорого. В это время милиционер цап меня за руку: гражданка, спекулируете, идем в милицию, полу́чите 5 лет. Протесты и уверения не помогают. Отходим. “Снимай часы, дома есть еще что-нибудь? Приду к вам в семь часов”».

Наталья Васильевна пришла в ярость и повела старушку обратно, нашла милиционера. Потребовала часы. Милиционер было заартачился: «Гражданка, какое право?» Тут Наталья Васильевна начала с того, что назвала свой адрес (дом правительства[986]) и своих соседей: Попкова, Маханова, Кузнецова, затем свой титул: жена депутата Верховного Совета. У милиционера дрожала челюсть, он посерел, дрожащими руками расстегнул браслет с часами. «А если вы попробуете прийти к гражданке в 7 часов, то все будет известно где надо, и вам не пять лет, а расстрел».

Подобный же случай произошел с Надеждой Павловной Филипченко; ее обобрала девка-милиционерка, взяла продукты, кольцо, пришла с ней домой и еще забрала драгоценности. А Коновалова шла по Васильевскому острову от Лишева, у которого купила за 50 рублей коробку гильз для знакомого. Несла ее в портфеле. Милиционер остановил ее, велел открыть портфель, отобрал гильзы. Она пошла в участок, затем вернулась к Лишеву и с ним вместе пришла в милицию, никакие доводы не помогли, гильзы остались у милиционеров.

19 августа. Wolken in Himmel, Segler der Lüfte...[987] белые облачка несутся по чудесному голубому небу над полуразрушенным домом, и некуда с ними полететь. Нет места на земле, где было бы сейчас уютно. Конечно, в Америке, в центре, в богатой вилле... Улетайте, облака, без меня, будем ждать своей участи. 2 раза рисовала юношу-дистрофика, Эпсуля, 17 лет. Нарисовала, должна сознаться, очень хорошо и очень похоже. И мой автопортрет неплох. Нельзя ли бы мне как-нибудь это мое умение применить и разменять на монету или пищу?

Утренняя сводка: ожесточенные бои у Пятигорска, о Минеральных Водах ни звука, очевидно, мы отступили «с большими у немцев потерями».

25 августа. 20-го я вернулась домой. Я была счастлива, как маленькая, которая видит свои прежние игрушки. Какое наслаждение быть одной, не

слушать бабьих разговоров, все одних и тех же, каждый день с утра до вечера, спокойно читать, и писать, и спать. И при всей скудости рационной столовой я здесь сытее, чем в больнице. А в особенности 20-го у меня оказались какие-то лишние талоны, по которым я получила на ужин четыре порции каши, лишние щи и желе да еще 200 гр. урюка сухого. За две недели я первый раз была вечером сыта.

Начала собирать материалы для работы, и все без толку. Гак в командировке, бухгалтерша театра Деммени перегружена работой, просит отложить свидание до будущей недели, приема у Загурского добиться невозможно — отвратительная секретарша. В течение пяти дней Бродянского было не поймать. Сегодня наконец добилась свидания с Фаянсоном и Бродянским. Вообще, по-видимому, все дело агитпропаганды на фронте в руках евреев. Фаянсон, Бродянский (агитвзвод), Подкаминер — эстрадные бригады, Шкроева — молодежный ансамбль.

Во Дворце пионеров во главе Натан, художественное руководство Гольденштейн Марии Львовны. Все они очень милые, даже внешне не с ярко выраженным типом.

А где же русские? Артисты русские, добровольцы, chair à canon[988]. Им, очевидно, не доверяют. Русские мягкотелы, мягкодушны. Лозунг сегодняшнего дня: убей немцев. Убей их побольше. Это еврейский Иегова[989] и грузинская кровная месть. С одной стороны, мы пишем: наша война не с немецким народом, который в рабстве у Гитлера. С другой — бей Гансов и Фрицев. Нелогично и неэффективно.

В командовании опять аноним, ни одного имени (кроме лейтенантов и сержантов). Кто там с таким успехом отступает, неизвестно[990].

Бедные мы, агнцы на заклание во имя... чего? Король-то ведь голый. Во имя несуществующего платья голого короля[991].

Вчера была у Маширова и внезапно увидала не того garçon boucher[992], каким он мне казался раньше по внешнему виду, а большого человека, типа целой эпохи, настолько выше среднего, что теперь среди советских бюрократов ему с его героическими воспоминаниями уже нет места под советским солнцем, да он к нему и не рвется. По-видимому, разочарован.

Книжник мне сказал: «Вы у Маширова А.И., ведь вы знаете, он прежде писал стихи, это пролетарский поэт Маширов-Самобытник».

Я вчера попросила его дать мне книжку его стихов прочесть. Он махнул рукой: «Стихи, это не я их писал, и статьи не я, и рецензии не я, это все другой человек писал. Я даже представить себе не могу, чтобы это был я».

(Я пишу, а где-то под городом или на окраинах идет усиленная канонада, артиллерийская дуэль, грохочет басом, угрожающе, как сильная, надвигающаяся гроза.

Заходила утром к Спасителю, помолилась: спаси нас бедных людишек и сохрани; и Васю с семьей, девочек, Лелю, братьев, Евгению Павловну.)

Мои слова, по-видимому, задели Маширова за живое, всколыхнули его воспоминания, и он начал рассказывать. Говорил о детстве, когда за Обводным каналом начинался густой строевой лес и тянулся к Неве километров на семь. Мальчишки лет по 7, 8, 9, они шли в лес за ягодами, грибами, кто птиц ловить. Выходили на Неву, любовались на баржи, парусные корабли; собрав копеек 15, 20, заходили в трактир и пили чай. Рассказывал о своей деятельности в Народном доме графини Паниной[993], где он с 7-го года в течение многих лет руководил рабочими кружками. Там училось до 1000 рабочих, Народный дом был замечательно поставлен. «Одна графиня Панина чего стоит, какая яркая страница нашей истории культуры», — говорит Маширов.

О встрече пятнадцати рабочих с Горьким в 1912 году, которую он организовал так конспиративно, что никто об этом не знал, пока он сам не описал этой встречи в «Правде»[994]. О совещании восьмидесяти писателей пролетарских и других с Максимом Горьким на квартире инженера Серебрякова в 1920-м (или 21-м) перед отъездом Горького за границу[995]. Горький придерживался тогда точки зрения, что у рабочего класса не хватит сил построить социализм и что его раздавит крестьянство, он стоял до известной степени на меньшевистской точке зрения. Писатели с ним не соглашались.

Рассказывал Маширов, как летом 1917 года большевики прошли в городскую думу и семь человек, в том числе он, Калинин, Луначарский, Бадаев и др., были выбраны в городскую управу. На его долю выпало городское хозяйство, причем все служащие саботировали большевиков, и ему пришлось бороться и победить это противодействие, так что и вода пошла, и газ действовал, и электричество горело.

Показал свои театральные рецензии в «Вечерней Красной»[996], человек рабочий вывел себя в люди, дал себе культуру, работал на всех культурных фронтах и теперь, махнув рукой, говорит: я не верю, чтобы это я писал.

Тут идет от разочарования, не в своих идеалах, нет, а в несовпадении, вернее, несоответствии действительности с прежними надеждами.

Вот так и бывает: нечаянно скажешь что-то сердечное, близкое, и в человеке откроется все, чем он жил, его внутренний меридиан. Я это всегда воспринимаю как праздник.

Он писал театральные рецензии тотчас же после спектакля, ночью, чтобы к выходу «Вечерней» статья уже была готова и появилась. «Я не ждал, кто что скажет. А теперь разве пишут рецензии? Теперь ждут, выспрашивают, прислушиваются, если напишут, то недели через три, когда публика уже и забыла спектакль».

Он остаток живой и творческой эпохи, а теперь мертвый византизм.

И Книжник мне немного рассказал про себя, про свои встречи, про некоторых людей, имевших на него влияние. Отец его был переплетчиком в маленьком городе Ананьеве недалеко от Одессы. В 1887 году была 50-летняя годовщина со смерти Пушкина, и Суворин выпустил миниатюрное издание его произведений[997]. В течение целого года отец Книжник переплетал эти маленькие томики, а девятилетний сын выучил Пушкина наизусть и стал писать стихи. Это решило его карьеру.

Очень интересно рассказывал он о своем знакомстве с Богровым, убийцей Столыпина, в 1912 году. Книжник до 1925 года не верил, что тот был провокатором; но в 25-м году он получил совершенно точное доказательство о его провокационной работе, и вдобавок Богров его самого выдал, когда Книжник сюда, в Петербург, приехал с чужим паспортом, данным ему за границей самим же Богровым. Это было как раз тогда, когда И.С. у меня ночевал, не будучи еще прописанным.

Богров был сын очень богатого человека в Киеве, получал от отца на булавки 150 рублей, сам как присяжный поверенный зарабатывал 300 рублей, но вел усиленно кутежный образ жизни. Истратить 1000 рублей за ночь ему ничего не стоило. Вот он и продавал свою совесть и направо и налево.

Виделась на днях с Натальей Васильевной, была у нее, перед этим она ко мне заходила.

(А пушки все грохочут, и радио весело играет. По слухам, мы начали здесь наступление.)

Лариса Шведова ее подкармливает. Н.В. продала ей какую-то мебель за продукты, сдает ей же напрокат мебель Фефы и Мапы — тоже за продукты, и Лариса ей сказала: «Пока я цела, вы не пропадете и голодать не будете».

Н.В. голодать не будет, но теперь ясно, отчего так голодают больные. Этот голод уж я на себе испытала. Я не знаю, может быть я рассуждаю, как лиса, которая глядела на недоступный виноград, но мне кажется, я бы не стала якшаться с такой заведомой воровкой, цинично ворующей у больных, и в таких масштабах. И, во всяком случае, не могла бы брать эти заведомо краденые продукты.

Накормила меня Н.В. свиными котлетками с кашей и цветной капустой, напоила чаем с сахаром и хлебом с маслом! Это все такая роскошь сейчас! Свинина, конечно, от Ларисы.

В Союзе писателей раздавали молотовские подарки[998]: полкило масла и еще другие продукты. Н.В. тоже получила.

2 сентября. Вчера шла в Союз композиторов. В Екатерининском сквере[999] встретила Варвару Ивановну Кучерову, давно не виделись и еле узнали, такими стали красавицами. Обе посетовали на Елену Ивановну и решили, что она бессовестная. В.И., когда Елена Ивановна была арестована, в течение полугода возила ей передачу: и масло, и печенье, и все вообще, что было возможно достать. Никакой благодарности. Благодарность — аристократическая добродетель, а в Lily, несмотря на княжеское воспитание, очень сказывается пролетарское происхождение ее матери.

Тут же встретила Соню Муромцеву. Шла к Мичуриной, где сейчас живет.

«Я говорила прошлой осенью: выживут сильные; эту зиму пережили сильные. А теперь я говорю: выживут воры и проститутки. Вот посмотрите: у арки разговаривают честная библиотекарша — смотрите, как она худа, — и певица-проститутка. (Жирная морда с гривой и прической à la Аполлон Бельведерский[1000], как теперь носят наши красотки.) Я, — продолжает Соня, — продаваться не могу, но я держусь проституток. В концертах я им нужна, я имею успех, вот мне и перепадает от них и их комиссаров. Проституция сейчас чудовищная. Я стала циником. Я совершенно не та, что прежде».

Она все время ездит по шефским концертам, ее там кормят, и это все, что она получает.

31 августа, сидя в сквере, до которого я еле дошла, я записала: «Давно не было мне так плохо, как сегодня утром. Голова кружится, темнеет в глазах от откровенного голода. Еле дошла до столовой. Денег нет. Сейчас доела весь хлеб, а всего одиннадцатый час. Надо продать книги.

Даже не слабость, а состояние пьяного. Иду, еле удерживаясь по прямой линии, неустойчивость походки. Ужасно».

1-го я получила ½ кг хлеба, это все еще за водку, которую я очень дешево променяла за 2 кг хлеба. А Гаркова, соседка, получила около 3 кг за ½ л., а ее дочь 700 рублей и 400 гр. хлеба. Je suis toujours roulée[1001], больше я к этой комиссионерше не обращусь. Очень уж я была голодна тогда. Получила я ½ кг хлеба вечером и сразу же разрезала, подсушила на печурке и съела. Ругала себя. Но зато наутро головокружения нет, я бодра и могу действовать.

Состоялось у меня сегодня свидание с Загурским, устроил это Богданов-Березовский в Союзе композиторов. Я ему рассказала, что мне поручено Машировым собирание материалов по всем видам театра, музыки и пр., и, как выяснилось со слов Бартошевича, он будет устраивать выставку в Институте Герцена *на моем материале*. Работа огромная, мне за нее никто ничего не платит, зарплаты нет, карточка 2-й категории, питание ужасное, и я голодаю. Надо как-то во все это внести поправку.

Загурский был озадачен. При чем же Бартошевич, если вы собираете материал? На завтра, 4-го, назначил прием и вызвал директоршу Театрального музея Соловьеву, которая возглавляет это дело.

Хоть бы что-нибудь вышло из этого, а то не вытянуть.

Валериан Михайлович дал мне 150 рублей в долг и обещал устроить заем в Союзе композиторов, пока не получу за работу. Лучше всего бы мне пристроиться к Дому Красной армии, организовать там кукольную бригаду.

Утром наконец добилась в Доме Красной армии Бродянского для интервью о его агитвзводе.

Во время поисков его по коридорам наткнулась на Кочуровых. Юрий Владимирович репетировал какую-то очень героическую песню с певцом, а Ксения сообщала мне слухи. Был полузакрытый доклад для военных, на котором говорилось о том, что в Англии существует три партии или, вернее, три течения. Черчилль за 2-й фронт и максимальную помощь России. Иден считает, что Ливия уже и есть 2-й фронт[1002], и этого достаточно, и третье течение, возглавляемое женщиной-депутатом: СССР такая зараза, что чем скорее эта зараза погибнет, тем лучше. В Америке Уилки за 2-й фронт и максимальную помощь, а Рузвельт — помощь постольку, поскольку деньги на бочку. Иден еще говорил, что потери при Дьепе[1003] доказали невозможность высадки в Европе.

Мы мирно смотрели, как Гитлер забирал Европу, и усердно ему помогали и кормили немцев. Теперь и нам по-настоящему никто не поможет. А немцы уже под Новороссийском и, говорят, уже взяли Грозный. Воображаю, что было бы, если бы царское правительство терпело такое поражение, такой позор.

За это время интервью С.А. Морщихина. Красивое лицо с ярко выраженным великорусским типом, с остроумными складочками вокруг веселых глаз. Лет 50. Окладистая полуседая борода.

Долгое время воевал в тылу у немцев, партизанил. Был ранен в правую руку, лежал в больнице и сейчас, к его большому сожалению, не может идти на фронт, вернулся к режиссерской деятельности.

Художественный руководитель соединений армии.

Будучи в тылу у немцев, захватил несколько машин, одна из них была с кукольным театром Петрушкой, он смог захватить с собой только песенник. Кукольных театров у немцев много, они работают очень близко от линии фронта, чуть не каждый полк имеет своего Hanswurst'а[1004], об этом мне рассказывал и Бродянский.

Заходила как-то опять к179широву. На этот раз он мне рассказал, как П.З. Андреев был обвинен в антисемитизме, почему и ушел из консерватории. И как он, Маширов, придя в консерваторию через 2 года после этого, раскопал всю историю, убедился, что все это была ложь и клевета и вернул П.З. в консерваторию. Они земляки, из одного села Осьмино Лужского уезда. А какой барин Андреев, какой князь Игорь!

У Елисеева[1005] объявление: «Консультации по вопросам использования дикорастущих пищевых растений дает профессор М.В. Корчагина по понедельникам от 11 <до> 12».

3 сентября. 30-го, на одиннадцатый день моего пребывания дома, ко мне под вечер зашли Елена Ивановна и Ляля Раздольская по дороге в кино. Перед этим я ей послала открытку, что дома, но что очень болят ноги, поэтому почти не выхожу и работаю лежа. Сделала я это нарочно, т.к. была уверена, что это будет сообщено Левину. Я сама, конечно, к нему не пошла, как он этого требовал, но, чтобы избежать лишних неприятностей, надо было ему дать знать, что болею. И сегодня часов в 11 утра этот сеньор явился ко мне. Очень любезен: как мое здоровье, как самочувствие, как было в больнице, могу ли ходить. Подтверждаются мои предположения о сношениях Е.И. с Левиным. И пригласил в воскресенье 6-го вечером к себе!

Черт бы их побрал.

Я ему сказала, что толку из моих посещений никакого нет, я никого не вижу, а деловые встречи ограничиваются интервью.

Вчера была в Доме Красной армии на спектакле «Русские люди»[1006]. «Психологические этюды» немецкого майора очень мне напомнили наши разговоры с Левиным.

Пьеса неплохая, скорее хорошая, очень верные характеры, но затянуты диалоги, в особенности концы актов.

Для объективности в комнате Марфы Петровны — матери командира и убежденной патриотки и героини — в углу висит образ, и она несколько раз крестится.

Крестится и Мария Николаевна, которая отравляет немецкого офицера. Обеих этих женщин немцы казнят.

Очень верно нарисован командир Сафонов, и очень грустно, что это так, что наши командиры из народа именно такие, и конечно, этим и объясняются наш разгром, наши поражения.

Сафонов неумен, очень доверчив и неосторожен, не бережет людей. Приходит с немецкой стороны русский перебежчик и шпион, он сразу делает его политруком; задумал ли его таким автор или нечаянно получилось, не с кого было писать умного, талантливого командира, но Сафонов получился именно такой капитан, каких я видела в больнице, без всякой культуры, он бывший шофер, у которого большая личная храбрость должна, по-видимому, заменить умение, обдуманное действие.

Мы то и дело читаем в газетах, как два, три или пять храбрецов охраняют какой-то рубеж и гибнут, не сдаваясь и нанося огромный ущерб немцам, которые всегда в превосходящем количестве. Кто посылает на верную смерть этих людей? Сафоновы — а не это нужно. Нужно уметь побеждать. Когда Глоба, фельдшер, уходит в разведку, напевая «Соловей, соловей-пташечка», Сафонов, посылающий его на верную гибель, говорит: «Вот как русские люди идут на смерть».

5 сентября. Зашла Наталья Васильевна взять альбом Зулоага для костюмов Сахновской. Она расстроена: на днях входит в квартиру — зеркало лежит разбитое в мелкие дребезги. В эту примету она верит. Перед их разрывом с Алексеем Николаевичем у них лопнуло зеркало неизвестно почему, я это помню.

Вчера же она узнала совсем гнусную историю. В их доме живет некая Вера Павловна, простая женщина лет 57. У нее знакомые за городом, в Бернгардовке[1007], она у них добывала овощи, в городе меняла, Наталья Васильевна брала у нее, платя хлебом.

Вчера она опять туда поехала, каким-то образом заблудилась в лесу, встретила лейтенанта, попросила его вывести ее на дорогу, а он ее изнасиловал.

Она валялась у него в ногах, говорила: «Сынок, ты же мне в сыновья, внуки годишься, ты же русский, я не к немцам попала». Он ответил: давно, дескать, не видал женщин, кормят их очень хорошо, ему нужна женщина, а если кому скажешь, донесешь, скажу, что ты переходила границу! Могучая, никем не победимая! Это легче, чем Новороссийск отстоять! Бррр — какая гадость!

На Наталье Васильевне лица не было, когда она это рассказывала.

6 сентября. В магазинах выдают прикрепленным турнепс по 10 рублей кг, с ботвой, а сам турнепс мелкий, кривой, никуда не годный. Варят ботву и очень довольны.

7 сентября. Вчера состоялся мой визит к Левину. Оказалось, что он должен был меня познакомить со своим заместителем, который так и не пришел. Я прождала его полчаса. Беседа наша с Левиным «протекала в самой дружеской атмосфере», как пишется у нас в газетах про свидания Сталина с Черчиллем, а раньше с Риббентропом.

Я его спросила, почему он так быстро седеет — за наше краткое знакомство у него совсем побелели виски. «Знаете ли, время беспокойное, неприятности по работе. Вы, Любовь Васильевна, не поминайте меня лихом, вы ведь должны понять, что я выполняю поручения вышестоящих лиц; в вас заинтересованы ввиду большого круга ваших знакомств».

Он рассказал мне, что у них был доклад о международном положении и докладчик, говоря о союзниках наших, прочел им выдержки из пьесы «Фронт» Корнейчука[1008] о том, что у Молотова забот много, хлопот с друзьями, договорами с ними и т.д., резюмировал, что надеяться надо нам главным образом на свои силы. Что у Гитлера взятие Кавказа не является конечной целью, что задача — взятием Кавказа воздействовать на Турцию и Иран и оттуда ударить на Индию. Что в Майкопе и окрестностях, по сведениям 37-го (или 35-го года — забыла), вырабатывалось 1 800 000 тонн нефти, в Грозном — 2 с половиной миллиона. Оборудование, конечно, уничтожено, но в земле нефть не уничтожишь.

Я ему рассказала о своих впечатлениях от пьесы «Русские люди» и, возвращаясь к себе, повторила, что от меня толка для них не будет, т.к. я веду отшельнический образ жизни, все мои знакомые или уехали, или умерли.

«А виделись вы с этой вашей знакомой, как ее зовут, — сказал он, закрыв глаза рукой, как бы потирая лоб, чтобы лучше вспомнить, — кажется, Еленой Ивановной». — «Как же, как же, вчера вместе были в кино, смотрели “Музыкальную историю”»[1009].

Он наивен и не умеет хитрить, его хитрости шиты слишком белыми нитками.

Он ничего об ней не расспрашивал, а только посоветовал все же присматриваться к людям, прислушиваться к разговорам.

Я, жантильничая[1010], попросила, чтобы он мне сделал подарок, — пауза, он с недоумением и опаской смотрел на меня, — несколько спичек. «Что вы, что вы, и чтобы вы на меня не сердились, вот вам целый коробок». Он про-

водил меня по коридору, страшно суетился, чтобы я не упала на ступеньках, было уже около девяти и почти темно. Был страшно любезен.

Курьез, конечно.

Этот коробок меня страшно выручил. Спичек нет, в столовой до сих пор не выдали эту несчастную коробку спичек за август, которая причитается каждому гражданину Ленинграда в месяц. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Была с утра в клубе Балтфлота[1011] — в музее, еще кое-где, страшно устаю, вероятно, от голода. На обед сегодня щи свежие, на второе *70 гр.* пшенной каши и 120 гр. соевой запеканки. Это все. Вечером опять соя. Может ли при такой пище человек работать?

Приезд Черчилля[1012].

27 сентября. Все мои хлопоты и мысли направлены сейчас на то, чтобы устроиться в Доме Красной армии. Военный паек, котловое питание и 700 гр. хлеба действуют на меня как пучок сена, привязанный к дышлу перед ленивой лошадью.

Я устаю и голодна. Я шла как-то по коридорам ДКА[1013] и увидела на полу два крохотных кусочка хлеба с советскую копейку — я их подняла и съела! Когда я встречаю людей, несущих хлеб, мне делается физически дурно. А денег нет.

Ленинград живет сейчас под знаком дров и овощей, листьев главным образом. И как зимой все тащили гробы и мертвецов, так сейчас, как муравьи, тащат доски и бревна, возят их в трамвае, на тележках.

А о Сталинграде, бедном Царицыне[1014], где происходит ожесточеннейшее и кровопролитнейшее в мире сражение, никто не думает и не говорит: запастись бы хряпой[1015] или капустой, ботвой от турнепса, какими-то досками, перезимовать лучше, чем в прошлом году, — единственный помысел, а что там, за кольцом блокады, творится, все равно. Лишь бы пережить, выжить.

Остродистрофические женщины, которые еле передвигали ноги в начале лета, исчезли, их больше на улицах не видно. Вероятно, перемерли.

У женщин средних лет вид нездоровый, кости черепа обтянуты кожей. Среди молодых девушек очень много цветущих, все блондинки очень светлые при явном участии перекиси, причесаны все одинаково à la Аполлон Бельведерский; спереди надо лбом два локона положены, а сзади грива до плеч. У всех этих девиц очень хорошенькие новенькие туфельки и такие же чулочки. Ходят очень быстро и очень весело.

У юношей вид нездоровый, дистрофический.

2 октября. Мы покрылись корой; инстинкт самосохранения создал этот панцирь над нашими нервами, т.к. иначе пришлось бы сойти с ума.

В поисках кукловодов я спросила у бухгалтерши Деммени о Немковском, главном и лучшем работнике совхозно-колхозных петрушечных театров. Застрелился. Был призван в Красную армию, был на фронте. Немцы повели наступление, Немковский был тяжело ранен в обе ноги, даже, говорят, будто бы оторвало обе ноги. Чтобы не попасть в плен, застрелился на глазах у товарищей. Он еврей.

Нина Барышникова повесилась от голода. Ада Гензель с ней видалась, подкармливала ее немножко, всегда посылала что-нибудь Андрюше. В декабре она слегла. (Была у нее, как и у меня, продуктовая карточка первой категории.) Говорить могла только о своем голоде, о смерти. Ада ее навещала, пыталась воздействовать на нее, подбодрить, но тщетно. Последний раз Ада была у нее 28 декабря. 7 марта Нина, как всегда, отправила Андрюшу за хлебом. Вернувшись, он нашел дверь запертой. Влез на дверь и сквозь фрамугу увидал, что мать повесилась. Он выломал стекло, снял Нину из петли — было уже поздно, она умерла.

Андрей продал ее вещи, кое-как кормился первое время, затем отец, А.А. Голубев, поместил его в больницу на Бронницкой[1016], где он и умер. Что может быть страшнее этой истории?

А вот факт, относящийся к отделу «Времен и нравов»: соседка Елены Ивановны спокойно рассказывает ей: «Сестра больна и навряд вернется из больницы, вот я ее вещи и продаю. Зять тоже не вернется. Его арестовали — он крал детей, резал их и мясо продавал».

Бедного Маширова отвезли сегодня в больницу с сильнейшим сердечным припадком. Бедного старика, ему же много за 60 лет, заставили руководить сломкой домов для отопления института.

Эта заготовка дров превратилась у нас в какую-то дикую оргию. Отправили совершенно неопытных людей, мужчин и женщин, ломать двух- и даже трехэтажные дома. Много убитых, масса искалеченных. Ада Гензель, которая сейчас работает сестрой-хозяйкой в Мариинской больнице, рассказывает, что больница полна ранеными с построек. Одной сестре перерезали сухожилие — она не будет владеть ногой. При Елене Ивановне на соседней постройке двое убились насмерть.

Приходится ходить по балкам на высоте второго-третьего этажей — кто же это может?

Ехала в трамвае, одна женщина жаловалась другой: «Домик мой маленький, каких-нибудь десять кубометров еле выйдет из него дров, — рушили, пропадает огород, куда с собой повезу, под кроватью, что ли, бочку с капустой ставить?»

А сосед Алексей Матвеевич ломал дом в Шувалове[1017], трехэтажный, великолепной постройки; такому дому стоять бы и стоять. Поселить туда жителей из мелких, старых домов, у них бы, по крайней мере, не пропало бы ни имущество, ни запасы, ни огороды. А у нас стригут все под гребенку, не считаясь с жизнью и людьми. Это называется, оказывается, «штурмовщина».

Я рассталась со своей столовой. Меня прикрепили к столовой моих соседей, их учреждение в нашем же доме 8. Питание очень посредственное, но я получаю 500 гр. хлеба (это великое дело) вместо 400 и все продукты также по первой категории, и нет сои. Но зато я лишена поучительных разговоров столующихся иждивенцев.

Как-то за обедом у меня были соседями женщина в вязаном платке, типа прислуги из хорошего дома, средних лет, и усатый мужчина, может быть еврей, но без акцента, нечто вроде ремесленника. Оба с карточками третьей категории, иждивенцы.

Он: «Удачно сейчас купил хлеб у военного, 250 рублей заплатил. Он предлагал карточку на декаду, но хотел сразу получить 1200 рублей, у меня с собой не было. Он сказал — берите, потом сосчитаемся».

Она: «А я дала 1000 рублей. Уже выкупила 300 грамм крупы, 300 масла, мясо и т.д. (я не помню дозы по карточке первой категории). Не знаю уж, как будет считаться».

Откуда у них деньги? И постоянно слышишь, что покупают хлеб, у всех наквашенные овощи и т.п.

А мы только зубами щелкаем. Перед своими именинами я получила 100 грамм какао и 150 конфет — под шоколадных. Пришла Наталья Васильевна, и мы с ней досыта напились водяным, но густым какао с конфетами, мелко нарезанными для количества. Какао же я угостила и соседей. От них я получила роскошные подарки. О.А. преподнесла мне полкило хлеба и бутылочку витамина С, а он принес вечером граммов 200 масла (это по рыночной цене 300 рублей). Когда я рассказала Наталье Васильевне об этом: «Ну как я за вас рада, значит, и у вас будет своя Лариса, сейчас без Ларисы не проживешь, и это большое счастье, что у вас так сложились обстоятельства. Теперь вы с голоду не умрете».

А на свои именины Н.В. угостила меня роскошным обедом: был замечательно вкусный винегрет, затем борщ с консервным мясом, тушеные овощи с пшенной кашей и молодая картошка!!! Тут можно наставить целую строчку восклицательных знаков. Тушеные овощи состояли из мелко нарубленных стеблей турнепса и самих плодов. На третье кофе с сахаром. Обедала ее милейшая соседка М.Н. Филиппова, и попозднее пришла Верочка Дранишникова, прелестная двадцатилетняя девочка, товарка Мити по консерватории, ученица Каменского. Т.к. консерватория закрыта, Каменский преподает в Музыкальном техникуме[1018], куда перешли и его ученики. Верочка учится у него седьмой год. Она очень болела, мать ее еле поставила на ноги после сильной дистрофии.

Каменский несколько раз намекал, чтобы ученики платили ему продуктами, причем плату за преподавание он получает в техникуме, добавочное вознаграждение, да еще продуктами, это уже просто взятка. Как-то Верочка, скопив деньги, принесла Каменскому кочан капусты (1 кг — 100 рублей!), Каменский и в особенности Бушен были в восторге: ах, как ваш кочан нас выручил!

У него академический паек, у обоих первая категория. Живут в Александринском театре, с электричеством.

На днях, когда она уходила, он загородил ей дорогу и опять сказал, чтобы она позаботилась о плате за учение продуктами, что те гроши, которые он получает в техникуме, не могут быть достаточной оплатой. Верочка возмущена и не знает, что делать.

Я все ждала чуда, ждала Сашу, который бы приехал и спас меня от голодной смерти. Я говорила в отчаянии, конечно в отчаянии: soeur Anne, soeur Anne, ne vois tu rien venir — пыль не вилась по дороге.

Братья приехали с заднего крыльца, задворками в лице Ивана Михеевича, поселившего ко мне Колосову и Алексея Матвеевича.

Ольга Андреевна спасает меня по-настоящему от голода. Они очень довольны комнатой, и квартирой, и мной и, очевидно, считают, что за это надо платить (le pas-de-porte[1019]) из своих излишков.

То и дело вечером О.А. приносит мне каши, такие порции, каких в столовых нам не дают, приносит хлеба. Это меня развращает, я помимо моей воли начинаю ждать подачки. Возмутительно, но с голодом ничего не поделаешь.

Делает она это очень мило и тепло и боится только одного: как бы я не обиделась. Уж до обиды ли. И мне как-то спокойнее за будущее на душе стало, уютнее.

А вот на Елену Ивановну я обозлилась. Она пришла накануне моих именин, т.к. 30-го дежурила. Уходя, она как бы забыла какой-то пакет, я ей подаю — нет, это для вас! Я смотрю: чуть ли не полная полукилограммовая банка с кильками. Весь вечер шел разговор о том, как она голодает, т.к. у нее пропали продуктовые карточки на всю декаду, по мнению Е.И., их украла соседка.

Я уже несколько раз просила Е.И. не приносить мне еды, эти «вспомоществования», непосильные ей по ее средствам, не нужные, меня всегда оскорбляли. И теперь я ей сказала, что ни за что килек не возьму: «Ну тогда я больше к вам никогда не приду», — сказала Е.И. и ушла.

А я, ввиду моего «уплотнения»[1020], т.е. переезда из четырех комнат в две, просила ее прийти и убрать свои вещи, часть взять к себе... Ничуть не бывало. Я вожу ее вещи с квартиры на квартиру уже 10 лет, ими не пользуюсь, а она, увы, и ухом не ведет.

И еще предает.

4 октября. Утром занялась приведением в порядок шкафа с книгами по искусству. Пилила доски, чтобы сделать лишнюю полку. Стучат, Анна Ивановна говорит, что ко мне пришли из Дома Красной армии. Молодой человек в синей гимнастерке. Веду к себе в комнату. «Вы помните Левина, он в длительной командировке, — я видела Левина вчера на улице. — Я хотел бы с вами познакомиться». Вот те и здравствуй. Не уйдешь никуда, как мышь от кошки. А я надеялась, что обо мне забыли. Анатолий Васильевич Аксенов. Может быть, это кличка. Русский, правильные черты лица, очень глубоко в орбитах сидящие глаза, широкая нижняя челюсть, лицо умное и скорее приятное. Небольшого роста, шатен. Не помню, на какой мой вопрос он ответил мне следующее: «Против вас мы абсолютно ничего не имеем, мы знаем вас как человека большой культуры, и вы сами знаете, как мало таких осталось, человека приятного, подлинно советского, с вами также хочет познакомиться наш начальник. Нам интересно, чтобы вы следили за вашими знакомыми, в частности за Кочуровым, чтобы кто-нибудь не возымел на него дурного влияния. Я слышал песни Кочурова, они очень патриотичны, но мало ли: человек может поколебаться, подпасть под дурное влияние. Постарайтесь побывать у Кочурова. Нас интересует Плен. Что делает Толстая? Значит, активная общественница?»

Просил разрешения заходить еженедельно. Я опять ему говорила, что толку от меня никакого не может быть, вижусь я с очень немногими, все поразъехались, перемерли и т.д.

«Мы не собираемся и не рассчитываем хватать звезд с неба, нам совершенно достаточно того, что вы сообщаете».

Он гораздо умнее и приятнее Левина; «беспощадного» лица не делает, следователя не изображает, просто беседует.

Странная у меня роль.

8 октября. Увы, это ужасно, слухи о гибели Наташи Данько и Е.Я. и матери подтверждаются.

Сегодня Зоя Лодий, Тамара Салтыкова и я, мы сговорились встретиться в 12 часов на проспекте В. Володарского у Наташиного дома.

Я приехала раньше них, зашла к какой-то женщине внизу: квартира давно пустая, ничего там нет, будет общежитие. Пошла к управхозу: молодая девица, работает с мая месяца, прежняя, Афанасьева, умерла. Ничего знать не знает. Квартиру нашла полную мусора, велела все сжечь.

Пошла к дворничихе. Все шкапы и столы заставлены Наташиными статуэтками. И шкафик красного дерева Данько.

Квартира стояла открытая. Ее заколачивали, и в тот же день кто-нибудь взламывал.

Сначала дворничиха объявила, что все вещи ее собственность, потом, когда я попросила ее продать мне часы, вернее, раму для часов (группа), она заявила, что вещи не ее, а даны ей на хранение управхозом. Тем временем приехали З.П. и Т.С. Мы пошли на завод. Письма не оказалось. Это письмо было на имя некоего Родина от сотрудника из Ирбита, куда эвакуировался завод и Дикерман. Н.Я. по дороге заболела сыпняком и, приехав, умерла. Елена умерла по дороге. Мать, кажется, тоже умерла.

Как это ужасно. И как вообще трагична Наташина судьба. И зачем они уехали? Все это — истерия Елены Яковлевны; может быть, влияние нервозности Анны Ахматовой; но одно я знаю: Наташа ни за что бы не уехала, если бы Елена этого не требовала, не боялась бы бомбежек. Она мне говорила: с первым теплом, с первыми весенними днями немцы возобновят налеты, я не могу, не в состоянии переносить бомбежки.

Уже середина октября, что будет завтра — одному Богу известно, но весну и лето мы прожили спокойно, а они — погибли.

И как они могли так все бросить еще с осени на произвол судьбы, не перевезти фарфор, книги в город?

Наташа оставила мне доверенность в последний день своего пребывания, но доверенность не нотариальная. И что я могла предпринять, когда не ходили трамваи и когда вообще транспорт достать невозможно. Я говорила с

Корниловым П.Е., не мог ли бы Русский музей дать машину. Ни в коем случае: нет ни бензина, ни машины.

Мне бесконечно больно на сердце. Я очень ценила обеих сестер, я всегда им говорила, что у них дома я дышу горным чистым воздухом. А Наташу я очень любила. Я соберу все ее карточки и запишу все этапы нашего долголетнего знакомства.

После завода мы пошли с Салтыковой в райсовет. Зам. председателя просил вызвать к себе управхозшу: «Изъять вещи у людей, расхитивших их, — дело тонкое. Надо людей не обидеть, чтобы они не подумали, что их обвиняют в воровстве (взять из брошенной квартиры вещи — не воровство) и что им будет за это какое-то наказание».

Тамара берется вести это дело, но предупреждает, что вещи, конечно, музею не отдаст, у них все есть, а возьмет себе, благо у меня уже есть Наташин фарфор.

Я ей даю доверенность, передоверяю.

Имеет Тамара вид очень расстроенный. У меня под влиянием рассказов Валентины Андреевны Щеголевой к ней очень недоверчивое отношение, но — кто ее знает?

10 октября. Была у Кочуровых. Юрочка играл и пел свои песни. Замечательная музыка. Подлинное вдохновение и романтический пафос. «Песнь о Ленинграде»[1021] (трагическая) и «Клятва ленинградки» произвели на меня потрясающее впечатление.

И текст хорош:

«Бойцами стоят наши зданья,

Им раны бинтует пурга» — последняя строчка очень хороша.

Ю.В. проводил меня домой; был уже одиннадцатый час, была ясная звездная ночь, я ему сказала: не может быть побежден народ, когда в невыразимо тяжких условиях Шостакович пишет 7-ю симфонию, а Кочуров такие вдохновенно-героические песни. Я была потрясена, какой-то большой подъем духа вызвала во мне эта музыка.

Мне кажется, и я это тоже высказала Юрию Владимировичу, что эти песни с их военной героикой очень благотворно воздействуют на его творчество; вырвут его из прежней несколько элегической настроенности. Он со мной согласился.

Что-то делает и сделал за это время мой Шапорин? И где он?

12 октября. Вчера, ровнехонько в 10 часов утра, как было условлено, явился мой новый «друг» Аксенов. На этот раз в штатском пальто. Попро-

сил записать ему мои впечатления о посещении Кочуровых. Я написала следующее:

«Была после долгого перерыва у Кочуровых. Нашла в настроении всего семейства большой сдвиг. Если прежде, год тому назад, изредка проскальзывали упадочнические настроения, то теперь я не заметила этого совсем. Царит бодрое настроение. Не знаю, влияние ли здесь патриотизма Юрия Владимировича или духа Дома Красной армии, но перемена большая. Юрий Владимирович играл мне свои песни. Человек, который пишет такие подлинно вдохновенные патриотические вещи, не может быть неискренним».

Аксенов поинтересовался, о чем говорили. Всех интересовало постановление об отмене полковых комиссаров[1022].

«Припишите, пожалуйста, какую оценку высказывали, нам очень интересно, положительно ли отнеслись».

Ну, конечно, я написала, что отношение положительное, что единоначалие улучшит маневренность армии и т.д.

Не стану же я писать, что это «американский орех», как сказал Кочуров, что все это время в Москве шли совещания с англичанами и американцами и что, очевидно, это постановление вызвано требованием союзников.

Довольно болтунов.

Вообще — я странный сексот.

Я так и сказала Аксенову: я могу взять на себя только воспитательную роль, охрану моих друзей от дурных влияний, другого от меня ждать не приходится. «Ничего, Любовь Васильевна, вы делаете большое государственное дело».

Здорово! Мне не очень понятно все это.

Побыл у меня с полчаса, придет в следующее воскресенье. Это все-таки очень нудно. И ничего не поделаешь, никуда не уйдешь.

В ДКА вызвал меня т. Непомнящий (тоже еврей) — руководитель самодеятельности: не возьму ли я на себя организацию семинара кукольного дела. Хочет вызвать из армии с фронта человек пятнадцать — обучить их быстро водить петрушек, чтобы они уже сами организовали у себя бригады.

Был на фронте и видел, как замечательно реагировали бойцы на игру петрушек, крайне примитивную.

15 октября. Была у Животовых. Наталья Ивановна читала мне свои новые стихи, большую почти поэму о Ленинграде. Прекрасные стихи, сильные, глубокие; она очень выросла, даже просто неузнаваема как поэт.

Такой тяжелый, мучительный год, фантастическая зима ко всем тем ужасам, которые пришлось переживать, и такой творческий подъем, как у Кочурова, Натальи Ивановны, Натальи Васильевны. Меня это потрясает и подымает мой дух.

Нет, мы не погибнем.

Все время где-то гремит канонада сегодня, после нескольких дней передышки. Ольга Андреевна принесла со службы слух, что утром было неблагополучно у Нарвских ворот, оттуда бежали, может быть десант? Канонада сейчас (половина одиннадцатого вечера) похожа на храп великана. Почему-то вспомнила тютчевское: «И демоны глухонемые Ведут беседу меж собой»[1023].

Утром была в церкви, подавала за упокой папы — 10-го минуло 30 лет со дня смерти. Подала отдельно за «новопреставленных» Наталью, Ольгу, Елену Данько, Екатерину, Маргариту Князевых, жертв этого года.

Отдельных панихид теперь не служат, приходится подавать на общей панихиде, но если дать дьякону демонстративно десятку, он как-то выделяет поминовение. «Цыпленок тоже хочет жить»[1024].

Долго стояла перед Спасителем, молилась за всех близких, молилась и за дальних, за Россию, за себя. Вид Спасителя наполняет душу покоем. Так тихо, тихо делается на душе.

Как Петербург красив и меланхоличен осенью. Сейчас осыпаются последние листья, но недели две-три тому назад золотые и багряные деревья Летнего сада стояли как в сказке.

Я шла мимо Казанского собора. За колоннами ярко светились желтые, рыжие, красные пятна сквера за решеткой, а внизу между колонн лежали два поросенка, как я их называю, два стратостата — один серебряный, другой зеленый.

Возвращалась из Дома Балтфлота по набережной[1025]. Был тихий день без солнца, но и без тумана. Панорама Невы была в серо-серебристых сизых тонах. Темной коричневой массой выделялся Исаакий на фоне светлых жемчужных облаков. На первом плане на Неве стоял черный замаскированный корабль с большими трубами. Пейзаж походил на старую гравюру. Обидно, что рисовать нельзя, не дают пропусков. Хорошая бы получилась акватинта[1026].

Из головы не выходит Наташа Данько, ужасная судьба всей семьи. А как я уговаривала их переехать ко мне после Васиного отъезда. Их гибель понемногу начинает доходить до меня, до нутра.

18 октября. Вчера ночевала у Натальи Васильевны. Она накормила меня до отвала обедом. Гороховый суп, на второе каша, консервы мясные и тушеные с пшеном, мелко нарезанные овощи. Все очень вкусно и, главное, всего много, а не гомеопатические дозы рационов, которые только возбуждают аппетит, никак его не утоляя.

Запили обед настоящим молоком, которого я не пробовала уже года два, пожалуй.

Потом Н.В. читала свои воспоминания, этапы своего детства, юности[1027]. У нее чудесный язык, очень четкий, реалистический, но отрывки все же носят характер (на мой взгляд) стихотворений в прозе. Образы очень яркие, очень ощутим аромат Москвы конца XIX века и начала XX.

Ушла я утром в начале восьмого часа, чтобы не опоздать в столовую. За хлебом и ночью побежишь.

Опять и опять восхищаюсь красотой города. Замечательные места с моста на Фонтанке перед Летним садом. Сизая вода, несущая сизые облака на фоне розового неба; рыже-золотистая листва черных деревьев перед розово-оранжевым замком; пестрые, от коричневого, красного до золотого, деревья Летнего и Михайловского садов — и пустота кругом. Оставленный на немногих прекрасный и суровый город.

От Н.В. я созвонилась с Марией Неслуховской, что приду к ней посмотреть ее новые работы, петрушек из папье-маше, которых должны увезти вот-вот на фронт.

Пришла вчера и застала одного Николая Семеновича. Марусю вызвали в домовую контору.

Тихонов похудел и помолодел, стал красивее.

Я ему рассказала о своих впечатлениях о росте творческих сил, расцвете их в нашу тяжелую эпоху, причина которого мне не вполне понятна.

«Это вполне объяснимо и понятно, — ответил Николай Семенович. — Поэзия, искусство были очень далеки от жизни, возьмите хотя бы Маяковского, все это была сплошная риторика. Теперь мы столкнулись с жизнью вплотную, остались простые понятия и слова, жизнь, смерть, вода так это вода, кровь так кровь. Слова обрели свое подлинное значение. Мы на таком сквозном ветру, который смел все наносное, человек почувствовал свой костяк.

Помню, я попал в горах на Кавказе в пургу, и надо было еще девушку выводить. На мне не было сухой нитки, и одежда на всех складках заледенела. Я ощутил свой костяк, казалось, что остались только кости и этот лед на

них. Я бы нигде теперь не мог жить, кроме Ленинграда. Зимой меня вызвали в Москву, мы, ленинградцы, держались особняком, как заговорщики. Жить в Москве мне было невыносимо. Потом, может быть, настанет реакция.

Все писатели бежали. Когда мы были простыми штатскими людьми, Лавренев ходил в военно-морском мундире. Казалось, грянет война — сразу адмиралом станет. И постыдно смылся, вызвал докторов чуть ли не с лекции в Медицинской академии, чтобы засвидетельствовать факт его болезненного состояния и необходимости отъезда».

Писателей нет, и потому всю ответственную политическую работу валят на Тихонова. Писать некому, и ему приходится исправлять, переделывать в популярном изложении даже такие статьи, как об обмораживании и борьбе с ним. Сейчас он пишет тоже популярную брошюру о Ленинграде-Петербурге. Историко-политический очерк для бойцов, сражающихся за Ленинград и никогда его не видавших[1028].

Пришла Маруся, а Н.С., сняв халат, облачился в военное и ушел. Мы пошли в кухню, где Маруся грела суп; тут же на окне ее мастерская, она сейчас увлекается папье-маше. Она рассказывала об их жизни зимой, о том, как им было трудно и голодно. У нее была сильнейшая цинга, все тело покрылось язвами. Умер ее отец, брат Н.С. Ленсовет никак не помогал, а Н.С. просить не умеет. Как-то раз ему дали там картошки, которую он тащил в трамвае, где-то свалился с ней. Пришел он домой в таком виде, что Маруся расплакалась, уткнувшись лицом в обледенелый мешок картошки.

Приехал зимой Фадеев и увез Тихонова в Москву, сказав ей: здесь его не уберегут, он погибнет[1029].

Сейчас у них есть деньги. Они прикупают всякие крупы и пр., есть академический паек (или военный, не знаю). «Красная Звезда» присылает посылки.

Обе комнаты обставлены массой старых китайских вещей. На одном столике целая молельня, все Будды — деревянные и бронзовые.

Домработница спросила М.К.: «А Будды тоже боги? Может быть, и они что-нибудь могут?» — и зажгла перед ними лампадку. Это мне очень понравилось.

Сегодня утром опять ровно в 10 часов визит Аксенова. Я ему тоже рассказывала о своих впечатлениях. Пробыл он очень недолго, попросил непременно повидаться с Еленой Ивановной. Их интересует она; и не понимаю, почему такой интерес. Не такой она крупный человек, чтобы могла играть какую-то роль.

У меня она с 29 сентября не появлялась. Сознаюсь, что такого разочарования мне еще не приходилось переживать. Впрочем, сейчас вспомнила разочарования молодости: Милочка Сысоева, Иванов С.С.

С Е.И. мы носились как с писаной торбой 11 или 12 лет. Теперь, когда мои высокопоставленные друзья вроде Шостаковича разъехались, а я себя перед НКВД скомпрометировала хлопотами о ней же, я ей больше не нужна. Я написала ей, прося мне вернуть телефоны зубного техника, которые она от меня унесла, так и этого она не могла сделать.

21 октября. Это ужасно. Я опоздала с посылкой девочкам — не было денег, ничего не могла купить, посылки отправили, как я вчера узнала, 12-го. А деньги я получила 19-го. Мара пишет, что их кормят ужасно. Я много лучше питаюсь, чем они. Что делать? Ума не приложу. Пошлю им завтра 100 рублей с припиской, чтоб купили картошки. Бедные ребята. А я никак не могу наладить работу в ДКА. Там теперь согласны — так мои сотрудники все на попятный. Ада боится НКВД за немецкую фамилию. Птохова — за здоровье, а Поляков не появляется. Прямо беда. Я устала от бесплодных хлопот.

И голодно. Хотя и немного лучше, чем в прежней столовой, конечно. Во-первых, 500 гр. хлеба. Я иду в столовую в самом начале восьмого, чтобы захватить добавочные супы из хряпы. Эти два супа остаются мне на ужин. Беру завтрак и ужин сразу и 300 гр. хлеба. Завтрак и ужин — это 380 гр. каши с топленым маслом, которое наливают на кашу, делая в ней ложкой углубление. Часть этого масла я сливаю на сковороду и поджариваю на нем хлеб тонкими ломтиками, что замечательно вкусно. Съедаю это все, и благодаря этому утром не голодна, более или менее, конечно. Обедаю от часу до двух, получаю к нему еще 200 гр. Все грею дома на печурке, дрова пока что поставляет мне Ольга Андреевна. А сейчас принесла мне несколько кочажков капусты. Я сразу же сырьем съела один из них и здорово подкрепилась.

Но силы воли у меня совсем нет перед едой. Я не могу устоять, при всем желании, чтобы не съесть, чтобы отложить, растянуть. Вчера получила 200 гр. конфет, осталась одна на утро. Это, может быть, очень плохо, а может быть, это потребность моего организма.

Я так люблю сладкое, что ворую у себя (конечно, не у других), и сегодня сострила: чтобы съесть свои конфеты или шоколад, я перешагну через собственный труп.

4 ноября. Уже ноябрь! А мы еще все живы. Живы, но не все. Пришлось за эти дни пережить смерть Любы Насакиной — смерть, которою умирают

сейчас очень многие. Смерть от голода, от истощения, от одиночества и заброшенности. Смерть, вероятно, типичная для нашего времени.

Получила я от нее открытку от 9 октября. Пишет, что в ужасном состоянии, надо устроиться в больницу. Открытка шла дней десять, я к ней поехала. Дверь в квартиру полуоткрыта, вхожу. «Люба, это вы, я умираю от голода, я уже день ничего не ела, скорей идите за хлебом». Люба сидит на оттоманке и сует в рот сухую крупу. Я протянула ей капусту, она схватила и жадно вгрызлась в нее зубами. Черты лица обострились, глаза совсем белые. «Скорее, скорее идите за хлебом». Принесла хлеб, с собой кроме капусты у меня было соевое молоко. Сварила суп, хлеб поджарила, еще что-то, уложила ее, язык у нее заплетался, и она все время твердила, что умирает. Она уже не в силах была вставать и делать на горшок, делала все под себя. Приготовив ей все на вечер, я уехала, т.к. надо было получить собственный обед. Я держусь тоже на честном слове. Стоит не поесть — и готово: головокружение, шатает. Поэтому какое-то равнодушие к чужой болезни, думаешь: все там будем. Как бы вытянуть.

Утром купила ей масла 85 гр., хлеба 200. Я стала ездить ежедневно, выезжая часов в 9, 10 утра, покупала сразу хлеб, — карточки были у меня и ключ от квартиры также. Люба просила, чтобы я ее запирала на ночь, «а то придут активистки и меня ограбят». Очень боялась она жактовских активисток. Иногда она заговаривалась. Первые дни Любе стало заметно лучше. Язык уже не заплетался, вид стал бодрее, питание как-то я наладила, купила овощей, была крупа, сварила щи, кашу, настоящий кофе. Без меня в первый же день была коммунальная докторша и сказала, что полное ослабление сердца и что вряд ли она протянет дольше одного дня! «А в больницу мы умирающих не берем».

Чтобы устроить в больницу, я избегалась: от Аларчина моста пошла в поликлинику на площадь Труда, оттуда обратно на Фонтанку, 148, в б. Кауфманскую больницу[1030], куда обещал принять Любу проф. Иванов, Надюшин отец.

Как-то идя к Любе утром и купив ей хлеба, я думала, застану ли я ее в живых или нет, и если нет, что стану делать? Прежде всего, съем хлеб. Да, жадно съем ее хлеб и потом уже буду думать об умершей. Ужасно. 26-го, придя утром, я застала у ее двери Лиду Савельеву, сестру жены Димы Соколова, погибшего на «Малыгине»[1031], Любиного племянника. Входим и застаем Любу на полу около оттоманки, пытающуюся вскарабкаться на нее. Услыша голос Лиды, Люба хотела доползти до дверей, отворить их. Это усилие

страшно ее ослабило. Мы еле уложили ее на диван, еле привели в себя. Я тотчас же сделала инъекцию камфоры, за день потом сделала четыре раза. Люба ослабела и лежала почти в забытьи. За ночь она очень изменилась, еще осунулась, стало ясно, что дело идет к концу. Лида принесла капусты свежей и кислой, хлеба, булки, я купила на толкучке чудного кефиру, но насколько жадно Люба ела все предыдущие дни, настолько теперь ей это уже было не под силу. Ей очень понравилось, как я ей приготовила «пудинг». Намочив хлеб в соевом молоке, я кипятила его с молоком на сковородке. Получилось очень вкусно, вроде давно забытой шарлотты.

Чувствовалось, как дух постепенно ослабевает, покидает тело. Все время Любе казалось, что она падает. К концу дня я поехала домой пообедать и вечером вернулась обратно — на трамвае туда час езды.

Шла от Мариинского театра, было часов 8 вечера, темно. Разъяснело, звезды на небе, темные массивы домов, тишина запустения. Идешь и не знаешь, застанешь ли человека в живых?

Люба мне обрадовалась, насколько была еще в силах, напоила ее чаем, кашей, кефиром, потопила печь, легла в комнате рядом. Устала очень. Из соседней комнаты, пустой как и вся квартира, раздавалось радио, передавали «Мазепу» Чайковского, очевидно, монтаж из оперы с примесью декламации из «Полтавы». Заливалось сопрано, тенор. В темноте ночи тяжело и грозно ухали пушки. Умирающий голос, однотонный твердил: «Все уходит... все валится... все падает... все уходит... я умираю». Я закрылась с головой одеялом, стало страшно, страшно от собственного ничтожества, от человеческой беспомощности. Изредка Люба вскрикивала... потом опять: «Все падает, Люба, помогите». Через силу я вставала, грела чай, поила горячим, вводила камфору. И равнодушно ложилась, потому что не было сил. А теперь мне кажется, что я могла больше помочь ее духу, надо было почитать вслух ей Евангелие. Хотя она могла принять, пожалуй, за отпевание. Но тогда мне это в голову не пришло. Единственно, о чем я молилась, чтобы Люба дожила до утра, до больницы, т.к. 27-го ее должны были принять туда.

Так прошла ночь.

Наутро надо было устроить транспорт. Никаких карет «Скорой помощи» нет и в помине. Говорили, что в домах есть активистки-дружинницы, которые, конечно, помогут.

Пошла к управхозше. Никаких активисток, только дворничихи, которые запросили по 400 гр. хлеба каждая, чтобы втроем довезти на тележке больную до больницы. А до больницы 15 минут ходьбы! Это выходило около 400 рублей, откуда их взять?

Я была рада, когда управхозша с другой женщиной, профессиональной санитаркой, взялись перенести Любу на носилках за 200 рублей. Закутали в ватное одеяло, покрыли другим, боты я ей надела, женщины привязали к носилкам полотенца, которые надели на плечи, и очень быстро и хорошо донесли. Когда стали ее переодевать перед тем, чтобы уложить на носилки, женщины обнаружили, что Люба вся покрыта вшами, чего я не заметила без очков, да и не до того было.

Я пришла в ужас. Очевидно, переползли и на меня. Я же все время садилась рядом, чтобы кормить, вводить камфору.

Люба очень боялась, что ее ограбят, и просила кое-что увезти к себе, что поценней: платья, туфли и т.д.

Когда я разбирала ее вещи, я как-то поймала себя на воровских мыслях, причем мыслях абсолютно платонических, ведь вещей чужих я не присвою, я знаю, что тотчас же, в случае смерти, напишу обо всем Оле, которая является наследницей. В чем же дело? Что за психологические зигзаги? Актерски я ясно поняла ограбление умирающих; я же, вернувшись из больницы в комнату Любы, прибрала немного вместе с управхозшей и съела оставшийся хлеб, взяла капусту. С утра я ничего не ела, к себе вернулась после трех, получила в столовой сразу завтрак, обед и ужин и все это сразу съела примерно в пятом часу.

На следующее утро, взглянув в зеркало, я увидела, что у меня отекло все лицо, щеки в нижней части надулись и отвисли. Вот как у нас действует обмен веществ. То ли это произошло от усталости за всю неделю, то ли оттого, что я, целый день проголодав, сразу наелась вечером. Голод сделал нас такими хрупкими по отношению к еде, что вполне понятна становится гибель так многих уехавших. И как благодетельны рационные столовые с их растягиванием еды на целый день.

Что осталось в моей памяти от этой тяжелой недели? Последняя ночь и этот голос: все уходит, все падает, я умираю, пушки, музыка. И как это ни странно, петербургские осенние пейзажи. Я много ходила. Приезжала на девятке, шла к Любе через Фонтанку по Английскому мосту[1032]. В глубине синел сизый купол Троицкого собора[1033] со стройными колонками и малыми куполами, перед ним по набережной — дома желтоватые, свинцовая Фонтанка и на другом берегу золотисто-рыжая листва деревьев, с каждым днем она коричневела и редела. И еще с Поцелуева моста Исаакий в глубине, за поворотом канала. Ленинград был весь акварельный, блеклый, чудесный по гармонии красок. Напоминал старинные пейзажи и акварели Яремича.

30-го я позвонила в больницу: Насакина Л.В. скончалась 28-го.

Нить перетерлась.

Как-то давно, лет 10 тому назад, она мне рассказывала, что по окончании института она пошла с кем-то из подруг к гадалке. Нагадала она ей, кажется, довольно верно и сказала: «Vous finirez vos jours dans la misère»[1034].

На большом пальце правой ноги сделался нарыв, стараюсь лежать, хотя самообслуживание заставляет вставать.

Телеграфировала племяннице Любиной Усенко В.В., надеясь, что та что-нибудь предпримет с похоронами, — она не явилась. А у меня болит нога так, что я уже две ночи не сплю.

3-го тревоги. Последние дни зачастили. 2-го вечером пришла Коновалова, 29 октября вышла из больницы. Я очень ей обрадовалась. Осталась ночевать. У нее сильная одышка, неладно с сердцем. Полночи она промучилась то на диване, то на кресле, не находя себе места. Меня это все очень обеспокоило. Elle file un mauvais coton[1035]. Она еле ходит.

6 ноября. Сегодня годовщина падения бомбы в глазную лечебницу. А кажется, что это было вчера. Все время налеты, немцы, видимо, пытаются прорваться, сбросили бомбы на Васильевский остров, на Аничковом мосту, но, по-видимому, очень хорошо охраняют и не дают прорваться. Впрочем, Кириллин день еще не миновал.

7 ноября. Праздник прошел мирно, ознаменованный выдачей пол-литра водки, четверти литра красного вина, стоившего 100 рублей литр, 200 гр. селедки и 300 гр. сухих фруктов.

А.И. Иоаннисян рассказала следующее. В доме, где ее комната, жила женщина с четырнадцатилетней дочкой Надей. Женщина пила, воровала. Девочку они подкармливали. Мать арестовали. Надя заманила к себе девочку поменьше, оглушила топором по голове, украла продуктовые и хлебные карточки и скрылась.

Ада Гензель говорит, что за второе число в Мариинскую больницу привезли трех раненных на лестницах для ограбления карточек.

1-го я пошла в 4 часа в «Спартак»[1036] на телефон. Через 10 минут возвращаюсь и вижу женщину, лежащую на ступенях лестницы без сознания. Сняты туфли и украден мешок с карточками, висевший на груди под платьем!!

8 ноября. Вечером только задремала, разрыв снарядов, дом трясется. Осталась лежать. Второй налет, третий. Оделась, легла и заснула.

Хочется ужасно мирной жизни, уютной, чистой, с девочками.

С чем пришли мы к 25-летию Московии?

Хочется быть сытой. Мучительно надоело голодное состояние.

10 ноября. Какие противные дни. Целые дни тревоги. Сколько их было сегодня, не помню, пять, шесть, может быть, и больше. По ночам, между 11—12, бомбардировщики прорываются, сбрасывают где-то бомбы, дом содрогается, в комнате Ольги Андреевны даже треснуло стекло. И целый день идет канонада, целые сутки, словно стены таранят; и создается нервное неспокойное состояние. И при этом последнее время я мучительно голодаю.

Обед сегодня состоял из тарелки супа все из той же хряпы с крошкой крупы и кусочка в 45 гр. копченой сырой ветчины с 80 гр. каши, 200 гр. хлеба.

Лучше об этом не думать.

И денег нет, чтобы что-нибудь прикупить на рынке.

С Домом Красной армии не клеится. Подкаминер вызвала меня сегодня (говорила с ней по телефону 8-го) — надо, дескать, приступать к работе. Прихожу — ее нет. А Фаянсон говорит, что остается при своем убеждении: когда покажем готовый спектакль, тогда он нас зачислит. Сказка про белого бычка. Не можем мы готовить спектакль, когда люди заняты. Ада Гензель работает до 6 часов вечера, где же тут репетировать. Не знаю, как и быть. А без ДКА подохну с голода. Надо будет попробовать с Балтийским флотом. Подожду еще до разговора с Подкаминер и поеду к Попову, в Дом Балтийского флота. Боюсь, что время упущено.

Ольга Андреевна снабжает меня дровами — какое это счастье.

Мой нарыв сравнительно скоро ликвидировался, но все еще болит палец.

Очень часто мысли возвращаются к Данько, и чем дальше, тем грустнее становится, тем больнее сознавать их гибель.

Пересмотрела все бумаги, оставленные мне Еленой Яковлевной. Рукопись истории фарфорового завода, рукопись рассказов из жизни Вольтера и, чему я очень рада, ее стихи, не разрешенные к печати цензурой. Я очень боялась за их судьбу. Только бы у меня уцелели воспоминания о Федоре Сологубе и его творчестве[1037].

Прочла сегодня речь Сталина 6 ноября[1038]. Как глупо, ни одной умной мысли. Почему мы не можем справиться с немцами? Потому что нет второго фронта. А что же мы делали 25 лет, твердя, что мы в капиталистическом окружении и что мы такую армию готовим, которая со всем миром справится? Немцев три миллиона на нашем фронте, а почему у нас нет этих миллионов и немцы везде с превосходящими силами и всюду их больше, чем нас.

С чем мы пришли к 25-й годовщине — с одной Московией Ивана Грозного. Все потеряли. И все шумим, и все хвастаемся, и удерживаем их только пушечным мясом. Полная бездарность командования, никакой инициати-

вы. И эти средневековые битвы в городах. Допустить врагов в город — и потом драться по лестницам и чердакам. Это война не культурных людей, не стратегов, а просто мужиков. Лупи оглоблей; Севастополь — крепость, но как можно Царицын защищать только грудами тел? Без толку — Сталинград, очевидно, будет взят. А сколько народу там поляжет. Господи, Господи, сжалься над нашей несчастной страной.

Колосова рассказала, что их батальон, стройконтора, будет восстанавливать все царские гробницы в Петропавловской крепости и также гробницу Кутузова в Казанском соборе!

Лягу-ка я спать, а то уж очень тягостно обо все этом думать. И притом, qui dort — dîne[1039]. Хоть и топила вчера печь и топлю буржуйку три раза в день, у меня всего 10°, руки замерзают.

22 ноября. 20-го умерла Коновалова от кровоизлияния в мозг. Я вчера поехала в больницу, откуда мне накануне дали знать, что она плохо себя чувствует. Когда мне сказала сестра, что она скончалась, меня словно топором по голове ударило. Я была потрясена до глубины души, я почувствовала, как я ее любила, как ценила ее непосредственную нелепую натуру, ее кристально чистую душу.

Квартиру ее разграбили, целы ли ее работы?

За этот год я потеряла всех своих подлинных друзей: Юлию Андреевну Тимореву, Наташу и Елену Данько. Теперь милую мою тетю Клашу. По-видимому, умерла и Женя Григорьева.

Уцелел один Гоша.

Это ужасно. Нагая смерть гуляла без стыда. И жутко становится.

Надо выжить для девочек, что будет с ними, если я умру?

Машеньку мою любимую отправили в здравницу. Очень беспокоюсь за Галю; она еще дурашка, как она будет без Мары 2 месяца? И притом она такая хорошенькая. Скорее бы мне с ними соединиться.

Душа моя элизиум теней[1040] [как А.О. любил этот романс[1041], видно неспроста].

Жива ли А.М. Жеребцова в Париже, тоже друг и верный, где Петтинато? Я старше их всех и живу.

26 ноября. Я вдруг себе страшно надоела, мысли о еде, о голоде вылезают на поверхность, и сразу делается все противно. Надо взять себя в руки или переделать существование.

Не хватает сил переключать внимание. Слишком долго это длится.

Я накидываюсь на еду, и если есть что-нибудь лишнее, съедаю все без остатка, вместо того чтобы растянуть на несколько дней. Противно, сама себе противна. 9 часов — лягу спать. Ничего не пишу. Все какие-то дела. Противно.

6 декабря. Как я давно не писала. Жизнь загромождена бытом, хозяйством, какими-то побочными делами. И это не у меня одной.

Я не пишу статьи. С Домом Красной армии ничего не выходит. Мой клок сена так и уходит от меня, как у ленивой лошади. Я очень голодаю. Время тоже уходит, и притом зря. Как проходит день? Встаю очень рано, т.к. завтраки выдают до 8. Иду около 8, еще совсем темно. Возвращаюсь, колю дрова на мелкие лучины для печурки. Грею завтрак, т.е. кашу, поджариваю хлеб на масле. Мою посуду, убираю комнату. На все это уходит часа два, а то и больше.

Завтра, например, вызвана охраной памятников в квартиру Клавдии Павловны. Хотят ее вещи взять в Музейный фонд[1042]. Потом в ВТО[1043] — получить деньги под отчет.

Надо съездить в Дом Балтийского флота (в погоне за клоком сена), в 4 часа обед. Опять колоть дрова, опять разогревать... — и уже темно. К счастью, Ольга Андреевна дала мне фонарь — летучую мышь и керосин.

Во вторник доклад Студенцова в Институте, в среду научная сессия там же, когда же работать? Когда я прочла в газете о том, как французы изорвали свой флаг, горло перехватило спазмой, слезы полились из глаз.

За это время что произошло ценного?

Наступление американцев и *Тулон*[1044]. Заходила Ляля Мелик. Вот это подлинное геройство, настоящий патриотизм. А у нас за частями идут штрафные батальоны, которые расстреливают своих при малейшем отступлении. Был секретный приказ Сталина, который секретно же зачитывался в армии. Муж Ляли майор, и она хорошо информирована.

Исчез Аксенов. Был 15-го, просил повидать Елену Ивановну и Кочурова, позондировать, в хорошем ли они настроении, и больше не приходил. Хорошо, если они поняли, что от меня проку не будет и кроме нарочито салонных и наивных разговоров и дифирамбов своим друзьям они ничего не получат.

Была у В.А. Мичуриной на заседании Всесоюзного театрального общества[1045], которое собралось после семнадцатимесячного перерыва. Были Нечаев, Студенцов, Беньяминов, Иордан, Янет, Бартошевич. Соня Муромцева живет у Мичуриной и опять имеет вид приживалки. Вот не понимаю:

такая талантливая женщина, как может она всегда жить при ком-то? Может быть, по слабости сил и здоровья?

Занятно рассказывали Студенцов и Нечаев о всех трудностях постановки «Евгения Онегина» на крошечной сцене акимовского театра[1046], о бесхозяйственности из-за обилия хозяев и т.д. Поставили за двенадцать дней. Мне предложили на месяц отправиться в Дом ветеранов сцены[1047]. Питание там больничное, это меня мало устраивает, 500 гр. хлеба мне не хватает. Дома я что-то стала менять, так что бывает лишний хлеб. И притом работа поддерживает, «перемещается внимание». Елена Ивановна пришла, плакала, говорила о своем одиночестве, просила не сердиться. Да я и не сержусь. Где уж тут сердиться. Все мы несчастные.

Сегодня служила панихиду в 40-й день смерти Любы Насакиной. Ко мне присоединилась женщина еще не старая, с миловидным круглым лицом, в ватнике и теплом платке на голове. Она поминала умершего Петра, горько плакала. Чувствовалось, что у нее свежая и глубокая рана. После панихиды я ее спросила, кто у нее умер. Всхлипывая, сквозь слезы: «Мальчик, единственный мальчик 13 лет, удавился. И голода он не видал, у меня свой огород, работаю в буфете; а не перенес такой жизни. Умный, красивый, высокий не по летам. Профессор, который его вскрывал, говорит, что уж очень был умен, не по летам. Муж на фронте. Написала ему. Каково-то ему будет перенести такое горе».

Была как-то у Н.И. Животовой. Застала ее в домовой конторе, которая в их же квартире (квартира Флита). Там собралось шесть или семь женщин; ждали, чтобы Н.И. прочла им свою поэму о Ленинграде. Н.И. была в очень возбужденном состоянии; по-видимому, за этот год у нее накопилось много желчи, много обиды на мужскую половину человечества, вернее на домашних мужчин Ленинграда, в частности, вероятно, на Алексея Семеновича. Читала она очень возбужденно, некоторые слушательницы прослезились. Мне в этот раз стихи меньше понравились, чем в первый раз, в них больше полемики, чем чистой поэзии.

Начались разговоры о женском героизме, и одна из гражданок, Зоя Аристарховна, рассказала удивительную историю: ее брат работал где-то за Невой, приходилось делать ежедневно двенадцать километров пешком, что совершенно его изнурило при голоде прошлой зимы. Работать он больше не мог, забрал на заводе свои вещи и побрел домой. К Литейной он шел по льду, по Неве. Узел с вещами перетягивал его, он несколько раз падал, с трудом подымался. Наконец упал и встать уже не смог. Его догоняет женщина с

санками, груженными дровами, на которых посажены двое детей. «Что ж это вы, гражданин, так и замерзнуть можно, вставайте, давайте вещи на воз, вам их не донести». Поставила его на ноги и поехала дальше. Но ему и без узла было трудно, опять упал, встать не было сил. Женщина довезла свой воз до берега, вернулась за ним, повела. Вышли на берег, она усадила его вместе с детьми на дрова, повезла. У него кружилась голова, он упал с саней. Тогда женщина привязала его веревкой к саням и повезла на Чайковскую, 56 (это у Таврического сада), сама же она жила на б[ывшей] Захарьевской[1048]. Привезла, отвязала и исчезла в зимних сумерках. Женщина была маленькая и худенькая.

11 декабря. Сейчас был сильнейший обстрел нашего района и длился часа полтора. Мои окна вдребезги, грохот был сильный. Я ушла в ванную, где почти ничего не слышно, пила чай с шоколадом (сегодня выдали), читала «Хмурое утро» Толстого[1049]. Пожалуй, это самая умная книга А.Н. А.О. Старчаков бы одобрил. Хороши описания природы.

Но людьми, его героями, руководит только инстинкт, как и им самим.

15 декабря. Обстрел 11-го натворил много бед. Много испорченных домов, разрушенных квартир, улицы засыпаны стеклом, кирпичами.

Убита вдова Еремея Лаганского. Снаряд попал в ее квартиру, там же взорвался[1050]. От нее нашли одну ступню. Дочка была с подругой в кино, по возвращении нашла этот ужас.

Сам Лаганский умер в этом году от язвы в желудке.

Не Распутин ли ему мстит за свою раскопанную поруганную могилу[1051].

Я невероятно голодаю это время. Страдаю и не могу работать. Пришлось убедиться, что нельзя нарушать свой голодный режим временным улучшением.

Я меняла кое-что из тряпок Л. Насакиной на хлеб и масло, и, вероятно, с неделю у меня ежедневно были к вечеру лишние 200 или 250 гр. хлеба, да еще масло. И теперь, когда я вернулась к старому, мне уже 500 гр. не хватает. Их всегда не хватало, но сейчас это мучительно. Сильная слабость, и последнее время что-то неладно с сердцем. Вчера и сегодня я просидела дома, сегодня еще полежала entre chien et loup[1052] часа два и чувствую себя лучше. Но голод — это и мучительно и унизительно. Сегодня я дошла до *воровства*. Правда, оно выразилось в воровстве 5 или 10 грамм хлеба, но все же. А.И. Иоаннисян оставила 400 гр. для мужика, который приносит ей дрова из Новой деревни[1053]. Она поручила мне ему передать хлеб. Там был небольшой довесок, от которого я отрезала немного, не могла устоять. Вот он — голод.

Вот до чего, и то ничего, как говорили наши кукольные герои в «Золоченых лбах»[1054]. Позвонила сегодня случайно В.М. Богданову-Березовскому. Оказалось, что он получил телеграмму от Юрия: приехали в Москву, справляется обо мне. Это очень трогательно. Сегодня ему ответил: Л.В. здорова, живет в трудных условиях.

Не умею я создавать себе легкие условия жизни. Не могла же бы я, как Ада Гензель, стать сестрой-хозяйкой, работать в кухне, чтобы питаться до отвала. Она предлагала меня туда устроить.

Я рада, что Юрий водворился в Москве; авось примется за работу. Подожду, пока он подаст голос, и буду просить опять извлечь Васю из колхоза.

Говорила как-то с Л.И. Пумпянским. Оказывается, они очень довольны моей работой, находят, что я одна из аккуратнейших сотрудников. Я удивилась, т.к. работу, которую должна была сдать в августе, еще не сдала, сдам на днях. На это Л.И. сказал: «Это ничего, все мы дистрофики».

16 декабря. Сегодня в Институте было продолжение научной сессии. Читал доклад Александр Моисеевич Ступель — «Борьба с фашизмом в зарубежной музыке».

Доклад оказался очень интересным, познакомил меня с совершенно незнакомой стороной жизни западных народов.

Работа огромная и очень углубленная. Это в наше-то время. А я опустилась, голод меня унизил, надо бороться с этим.

22 декабря. Сегодня мне минуло 63 года. Никогда я не думала, что так заживусь. 63 года — как это много и как это мало. Только начинаешь понимать — и finita la comedia[1055].

А я еще детьми обзавелась. И хочется пережить эту годину, хочется прочесть следующую страницу русской истории. Странное совпадение: в прошлом году этот день я провела с моей милой Клавдией. Помню, как после всех выпадов моих родственников захотелось провести день рождения в дружеской обстановке. Мы мирно проболтали вечер, пили чай с какими-то конфетками, я штопала себе фуфайку, К.П. что-то резала. Осталась у нее ночевать. И сегодня я опять была в ее квартире, только без нее, увы. Очень мне ее недостает, и не могу поверить, что ее нет совсем. Была я с двумя представителями из Русского музея, которые направлены были охраной памятников искусства. Один из них, Григорий Макарович Преснов, — специалист по скульптуре. Они решили вызвать еще скульптора, чтобы решить, какие вещи отобрать в Музейный фонд. Пока К.П. была в больнице, какая-то девчонка забралась в ее квартиру и обворовала; ее задержали, отобрали украден-

ные тряпки, водворили на место. В квартире разгром, картины вывернуты, кровать растрепана, все покрыто пылью. Бедная, милая тетя Клаша. Хочу разобрать у нее бумаги, не осталось ли какого-нибудь дневника. Преснов просил меня написать биографию К.П. Я это сделаю, как только сдам работу в Институт. Уже договорилась с Жулховским, что он ко мне приедет и расскажет мне о юности Коноваловой в Белозерске, первых годах в Петербурге.

Я взяла из ее книг «Die Puppen» Max'a V. Boehn и «Egypte» Perrot et Chipiez; я, откровенно говоря, думала, что это Maspero. И еще (уже украла) вижу: на ручке двери висит зонтик. А у меня осенью украли в столовой хороший зонтик. Все уже вышли в переднюю. Я спокойно надела петлю зонтика на руку и как ни в чем не бывало унесла. И казалось мне, что К.П. хохочет, как она умела смеяться. Вообще я ощущаю ее присутствие, ее дружбу, чувствую, что она меня не бросила. Взяла я и фашистского генерала, чтобы вылепить по нему куклу.

Была потом у Маширова. Вчера была у него же с Богдановым-Березовским, который хлопочет о моей первой категории. Алексей Иванович хочет провести меня штатным старшим сотрудником с 400 рублями зарплаты и хлопотать в управлении у Загурского о «даровании» мне рабочей и добавочной карточек. Маширов наконец обещал мне принести свои стихи. Очень лежит у меня к нему душа.

Для дня рождения с утра меня постигла маленькая неудача. На завтрак и ужин дали чечевицу, такую жидкую, что она вся расплескалась по дороге, и я осталась без завтрака.

Хожу за завтраком к 8 часам утра. Совсем темно на улице, когда ясная ночь — звезды светят. В ночном полумраке через наш сквозной двор бегут, шуршат ногами женщины, тащат детей в ясли. Кто везет в саночках, кто на руках, некоторые за спиной. Молчат, только ноги шуршат. И дети молчат, привыкли, верно. Эти дни после сильного снегопада опять развезло, все растаяло, вода, грязь, сырость; то дождь, то мокрый снег. Ладога не замерзает, писем поэтому нет и продуктов не везут. Я проговорилась А.И. Иоаннисян, что сегодня день моего рождения. Она меня позвала вечером на кофе и роскошно угостила. Сварила в печке рис с изюмом и поджарила хряпу с кашей и шпиком. Вкусно было замечательно. Еще было на брата по три кусочка хлеба и кофе с изюмом. День рождения, значит, был справлен шикарно, а подарки я получила от Клавдии Павловны моей дорогой из-за могилы.

Мир ее праху, а дух, освобожденный от физиологии, пусть живет и меня не покидает.

25 декабря. Мои соседки спасают меня от голодной смерти. Анна Ивановна принесла мне сегодня целый литр солодового молока, причем я беру пока в долг за неимением денег. Ольга Андреевна угостила тарелкой пшенной каши. Это пустяки, казалось бы, в обыкновенное время. А сейчас это спасение, потому что я очень голодаю. Эти дни я срочно кончаю свою работу для Института, статью о кукольных театрах и ТЮЗах во время войны я уже сдала, а также о гражданских и военных бригадах Дома Красной армии. 22 и 23-го ложилась во 2-м часу ночи, и вчера утром у меня было такое головокружение, что я боялась упасть на пути в столовую. Вот соседки и испугались, верно, за меня. Вид у меня плохой.

Договорилась с Домом Балтфлота — начнем работать с 1.I, и в Институте меня зачисляют в штат с 1-го. Как я это все осилю, как и где буду питаться?

Курьез: на прошлой неделе Ольга Андреевна презентовала мне 4 картошины, 4 свеклы, кочешок белой капусты и глубокую тарелку квашеной (перед этим я ей подарила чудесную вышивку кустарную не то для подушки, не то для стола, а сегодня я им устроила билеты на «Русских людей» в Комедию, перед этим достала на «Евгения Онегина», так что обмен любезностей). Кочан я съела живьем в тот же вечер, т.е. в сыром виде; одну картошку спекла наутро в печурке sous le cendre[1056], съела с маслом, зажмурившись от наслаждения. 3 картошки и свеклу очистила и сварила борщ, которого хватило на два дня. Затем вымыла картофельную и свекольную шелуху, очистки в нескольких водах и тоже сварила и съела за милую душу!! Я подметаю со стола все до единой крошки хлеба и съедаю их. Очевидно, отсутствие запасных жиров в организме дает себя знать. Обидно будет не пережить зимы. Сожгут все мои анналы. Бодрись, мать моя, бодрись.

1943

1 января. Час ночи. Что год грядущий нам готовит? Каждый год начинаешь с этого вопроса, каждый год полон неизвестности, но этот в особенности, в особенности нам, сидящим полтора года в мышеловке и медленно умирающим и высыхающим.

Прежде всего вопрос — выживешь ли, затем — что будет с Россией. Может быть, этот вопрос идет первым, личный уже вторым.

Я все-таки проводила старый и встретила Новый год честь честью. Т.е. насколько этому помог тов. Андреенко. Вчера нам выдали 200 гр. сала (шпику), 250 гр. сыра. Я за последние дни выменяла скатерть за 1½ кг хлеба и 100 гр. шпика и 5 метров маркизета[1057] за 700 гр. хлеба и 150 гр. масла. Это была в эти дни сплошная хлебная вакханалия. Для Нового года поджарила хлеб на сале целую сковородку; на маленькой сковородке поджарила хлеб в солодовом молоке, был сервирован сыр, сало, от обеда оставила стакан полусладкой жидкости, именуемой компотом, Анна Ивановна принесла мне чашку пива (т.к. нам его еще не выдали), настоящее кофе с тем же молоком. Чем не ужин? Только сладкого ничего.

Когда часы начали бить 12, задумала желания: чтобы Вася стал художником, девочки вернулись бы ко мне и все были здоровы. Увы, о себе и своих делах я забыла загадать. Себе я желаю сил, успеха с кукольным театром и работой в Институте, сытости.

Утром я сегодня расстроилась ужасно и думала: чего я «рипаюсь», трачу силы, не проще ли просто и спокойно идти на дно, лечь и умереть? А расстроилась вот почему. Утром Алексей Матвеевич (мой жилец и директор столовой) сообщил мне, что ему запретили в тресте прикреплять посторонних. А у меня магазинная карточка, с ней в рационные столовые не прикрепляют, в участковых бюро до следующей декады не обменяют. Что делать? Кроме того, я возвращаюсь к 400 гр. хлеба. А с театром ничего не клеится с коллективом. Ввязался в это дело Кондратьев, типичный дистрофик с голодной истерикой. Хорошенький коллектив: мне 57 лет (по паспорту), ему 55, Дмитриевой 52 (по ее словам!). А разрешение Загурским дано Балтфлоту на организацию театра. Кондратьев взял на себя административные дела, а ког-

да я прошу его добыть мне кукловода Полякова, он истерически кричит: «Я вам не курьер!»

Все это, вместе взятое, показалось мне сегодня утром таким тупиком, что захотелось лечь и не двигаться до смерти. А встала я в 7 часов утра и уже в 8½ была у бутафора Ястребцова, который и не принимался за работу, не найдя муки. Я плелась в утренних сумерках и с отчаянием думала: как мне все трудно дается. Пришел Кондратьев, истерика — оказалось, что уже вступил в бригаду Папазяна, будет играть Яго; получил и рабочую карточку, и дополнительную и питается в Союзе писателей. И вот в это время звонок, приходит Ванечка Андреев, милейший юноша и талантливый актер (его мне еще Шереметева рекомендовала); хочет работать, найдет актрису и т.д.

Прикрепилась пока что в Союзе писателей через Пушкинское общество[1058] (Быкова). Всё это глупые бытовые, яйца выеденного не стоящие вопросы. И от них зависит человеческая жизнь, висящая на волоске.

Эти дни — вчера и третьего дня — стояла ясная погода. В ночь с 29-го на 30-е было несколько тревог. Под грохот зениток я просыпалась и засыпала тотчас же. В 3½ утра зенитки загрохотали где-то совсем близко. Где-то разрывы, казалось, что над нами небо грохочет. Я зажгла коптилку, но встать не хватило мужества. Будь что будет. Упадет к нам бомба — все равно ничего не останется. Господи, помилуй.

Две бомбы попали в дом 60 по Некрасовой, по слухам, много жертв. Конечно, лучше бы прятаться в бомбоубежище. Но всем надоело, да и бомбоубежища не благоустроены.

Вчера ездила на Васильевский остров к Балтфлоту[1059]. Все небо грохотало. По яркой синеве его плыли маленькие невинные барашки, дымы от разрывов снарядов. Такие невинные и хорошенькие. Плыли медленно, растягиваясь в маленькие веретена. По-видимому, это стреляла наша береговая оборона. Гулко, раскатисто. Звук деревянный. Гиганты на чердаке над нашими головами бьют по полу деревянными таранами. Меня это утомляет. При моей-то идиосинкразии с детства ко всякому шуму.

Цо то бендзе?[1060]

А немцев мы, против всякого ожидания, остановили и отпихиваем. Хоть бы их разгромить.

Как я люблю Наташиного Пушкина[1061]. Какая гармония линий, какой ритм во всех ее вещах и какое благородство. В будущем ей воздадут должное. Теперь ей только завидовали. Пушкин такой живой передо мной сидит на темном фоне бюро и пишет: «Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит»[1062].

1 января. Только сегодня я наконец отслужила панихиду — 10 лет со дня смерти Аленушки. Боже мой, 10 лет. 28-го церковь вечером оказалась закрыта. Я заходила в 4, потом в 6 ½. Ни души, дверь на запоре. И опять-таки священник отказался служить отдельную панихиду, устал.

Все устали, и все бегают, как куры с отрубленной головой. Восприятие впечатлений у нас, конечно, далеко не полноценное.

В церковь я пришла в шестом часу. Шел снег, деревья в вышине тихо, тихо толпились вокруг церкви, напоминали деревню, из полуоткрытой двери просачивался уютный, мирный розоватый свет, такой далекий от нашей бурной военной жизни. А среди тихих деревьев медленно плыл вверх стратостат.

Вернулась А.И. Иоаннисян, встречавшая Новый год у Веры Инбер. Пироги, водка и прочее, хлеб в изобилии.

Уже полтора года, как я не была на Аленушкиной могилке. Что-то там, уцелела ли она? Деточка моя родная, не покидай свою маму.

Если бы Алена была жива, я не была бы так одинока, она бы меня одну не оставила.

11 января. Никак не могу догнать свое сено. Дышло маячит передо мной. В Балтфлоте, который жаждет нашей работы, заминки с рабочими карточками. Т.е. не в Доме Балтфлота, а в главном бюро заборных книжек, у т. Трифонова. Я там была три раза, получила отказ и передала все дело Попову В.Б. Я вспоминала мои прошлогодние хождения туда же с хлопотами о Васиной первой категории. Какая разница в общей обстановке! Тогда за каждым углом стояла смерть, лежали или ехали мертвецы, другие тут же умирали на глазах. Сейчас сильных впечатлений нет. Еду в трамвае, давка, ругань. Слабые уже все умерли, сильных особенно тоже нет, но те, кто остался, стараются вытянуть эту зиму.

С 1-го я невероятно голодала и слабела. Я лишилась утренних каш, утром 400 гр. хлеба и на обед водяной жидкий суп и какая-нибудь каша граммов 150, 200. И все.

По-видимому, и вид у меня сделался аховый. (Ой как бьют зенитки, совсем близко, жутко.)

7-го утром на Рождество неожиданно пришла ко мне Тамара Сергеевна Салтыкова, принесла: «Вам, — говорит, — продукты питания». И вынимает из сумки пакет с сушеными грибами, немного лапши, гороху, с фунт хлеба! Я встретила ее и Зою Лодий накануне в ДБФ[1063], и мой вид произвел на них, по-видимому, сильное впечатление. Как я ни протестовала, ничего не помог-

ло. Тамара потом пришла 9-го и 10-го, вчера. Каждый раз приносила хлеба, затем какао, вчера чудную пшеничную кашу, сваренную на сале. Вчера я днем была в Доме Красной армии, интервьюировала Лузанова, пока он обедал. Меня увидала Тамара, которая там обедала с З.П., и устроила мне там обед. «Мы сыты, — сказала З.П., — у меня академический паек, у Тамары дополнительная карточка, вы уж позвольте вас питать, пока вы не устроитесь в Доме Балтфлота. У меня никого нет, так приятно заботиться о человеке, когда это ему необходимо».

Она права — мне это необходимо, т.к. я сильно ослабела. А в особенности внешне сдала. Когда Тамара была первый раз, 7-го, я послала Зое Петровне кусок очень красивой, голубой с золотым рисунком, парчи. Я была невероятно тронута. Хотелось сделать в ответ хоть маленькое удовольствие.

В тот же день, 7-го, я обедала и ночевала у Натальи Васильевны, которая презентовала мне бутылку рыбьего жира — подарок Сони Муромцевой. Одним словом, все взялись меня спасать. Пожалуй что, без этого я бы «загнулась».

Наталья Васильевна сдала две комнаты некоему Агапову, видному партийцу, простоватому и, кажется, добродушному, навела чистоту в его комнатах и надела чудесный старинный китайский халат.

Какой бы ни был мужчина, его общество вызывает в женщине, даже немолодой, кокетство. А Наталья Васильевна еще очень интересна.

Вечером часов в 9 началась тревога и длилась до 1 часа ночи. Но было сравнительно тихо. А вот с 6-го на 7-е было очень бурно. Бомба попала в Дворцовый мост, три дня его чинили, не знаю, готов ли сейчас.

Ночевка у Н.В. мне несколько испортила впечатление. Она мне приготовила постель, и когда я стала ложиться, я убедилась, что в этих простынях спали, по-видимому, все гости, они были далеко не первой свежести и пропитались человеческим запахом. Я зажмурилась и легла, стараясь не думать и не «обонять». Был второй час ночи, и я сильно устала. Правда, Н.В. дала мне бумазейный халатик, в который я и завернулась.

Как-то на днях в Союзе писателей был «писательский альманах». После обеда я пошла с Н.В. наверх; в красной гостиной несколько писателей прочли новые свои произведения. Вступительное слово сказала Вера Кетлинская. Хорошие стихи прочли Ольга Берггольц и Вл.Н. Лифшиц[1064]. У О. Берггольц хороший образ: женщина тащит огромное бревно, из которого торчат гвозди, и ей, автору, кажется оно крестом, несомым на Голгофу[1065]. Статью вроде доклада прочел Вс. Вишневский, прочел с обычным, по-видимому, для

него пафосом, энергично, сжимая зубы, стуча и потрясая кулаком. Его бульдожье лицо становилось интересным. Груздев и другие читали рассказы или очерки о событиях на фронте скучно и бездарно.

Я забыла записать, что в самых первых числах января ко мне неожиданно после долгого перерыва явился Аксенов и привел своего товарища, Александра Васильевича Черкасова, в ведение которого меня и передал! Далась я им. Черкасов спросил меня: «Вы давно у нас сотрудничаете?» Excusez du peu![1066] Я опять мило объяснила, что толку от меня нет и не будет, веду кабинетную работу, ни с кем не вижусь. Черкасов обещал позвонить дней через пять и прийти с визитом. Даже спичек у них не оказалось, этого небольшого клока шерсти с паршивой собаки. С тех пор никто не звонил и не приходил, слава богу.

7 января я, едучи обедать к Наталье Васильевне, решила заехать на квартиру Жени Григорьевой, которая исчезла с моего горизонта и не ответила на письмо.

Умерла в августе от истощения. Ее соседка уверяла, что Женя могла бы лучше кормиться. Я же предполагаю, что она последнее от себя урывала, чтобы подкармливать внучку этой соседки, четырехлетнюю девочку, Женину крестницу.

Учились мы вместе у Александра Маковского. Женя хохотала безостановочно. Таланта у нее не было, была усидчивость.

Влюбилась в Плошинского, способного, но непутевого художника, должна была с ним бежать, чтобы обвенчаться, — строгие родители не дали бы согласия на этот брак. Плошинский на свидание не явился и женился на другой, нашей же сотоварке по школе, единственной внучке богатой бабушки. Женя замуж не вышла. Вероятно, эта измена убила ее.

15 января. Сегодня пошла с Невского перекрестка пешком. Трамваи были переполнены, был уже шестой час. Зашла в проходную Мариинской больницы, в бюро пропусков, где А. Гензель обещала оставить мне данную ей пьесу.

Табельщица (та самая, которая уже несколько раз, услыхав мою фамилию, говорила мне: «Я знала первую жену вашего мужа», — это Канавину!) рассказывала бывшей там женщине следующее: на днях хоронили докторшу Быкову, проработавшую в больнице 35 лет. Ее убила знакомая, которая разрубила ее, отрезала мягкие части тела, печень, сердце, все сварила и съела. И кроме того, ограбила и взяла карточки (продуктовые). Я ахнула. «Что вы удивляетесь, сейчас людоедство развито как никогда; нам чуть не каждый

день доставляют найденные части человеческого тела. Вот смотрите». И она стала перелистывать свой регистрационный журнал. На каждой странице по одному, по два раза стояло: части человеческого тела.

Чуть ли не каждый день привозят раненых и зарубленных на темных лестницах людей, у которых грабили карточки. Много пропавших детей. Что же это такое? Психоз или «здоровый животный инстинкт», как выражался тот инженер в глазной лечебнице?

Нет, мы же люди. Это все доказывает, вернее подтверждает, мнение Павлова о слабости русского мозга. Надо бы нашим отцам города, Попкову и прочим, позадуматься над такими фактами и улучшить питание. Голод доводит до психоза. Если меня голод довел до того, что я жду подачек и даже тайно обижаюсь за их отсутствие, то чего же ждать от некультурных людей, людей без религии, без каких-либо устоев нравственных. Жутко. Это все называется «героические ленинградцы»!

Утром была в Управлении, там встретила Богданова-Березовского. От Юрия новая телеграмма: просит Загурского устроить Л.В. стационар, улучшить питание.

Конечно, сделать ничего нельзя. Но зато Загурский без возражения надписал на бумажке из Балтфлота все, что нужно было: ходатайство о первой категории.

Туда же приходил А.Д. Беньяминов. Талантливый человек. Так и веет от него даровитостью. Ставит «Ревизора», будет играть Хлестакова. Звал на будущий спектакль. Сейчас едет на фронт.

Из столовой писателей шла пешком на Дворцовую набережную с Натальей Васильевной. Красиво. В морозном тумане на розоватом небе берега Невы как фантастический мираж

[Сетовали актеры, что открылся театр драмы (худ. рук. Морщихин С.А.)[1067], где играют очень плохие актеры, например, какой-то Хавский, бывший учитель фокстрота. А Лешков, Нелидов, Новский, Студенцов, Железнова за бортом, не приглашены.

Ругали все на чем свет стоит Управление по делам искусств. Мичурина повторила старую остроту, что управление поделом искусству.

Не обошлось без угощения: сервирован был чай без сахара, но с четырьмя кругленькими песочными сладкими печеньями. Затем, также на подносе, рюмки с витамином С, черносмородинным. При уходе все получили по бутылочке витамина. Он замечательно вкусный.]

21 февраля. Дом ветеранов сцены. Какая красота кругом. Благодарю Бога, что я могу еще видеть и чувствовать эту красоту, несмотря на все увеличи-

вающуюся слабость и усталость. Около шести часов пошла на мостовой телефон[1068]. Солнце только что село. Небо с закатной стороны перерезано малиновыми расплавленными тучками-полосками. А с восточной стороны небо сиреневое, чуть-чуть тронутое розоватыми, прозрачными, как туман, облаками. Из одной трубы идет желтый, топазно-опаловый дым; на сиреневом небе и этот дым, и черное кружево деревьев, и черные фигурки людей, идущих через Неву по сиреневому снегу, так божественно прекрасны, что дух захватывает. Сейчас, вечером, вышла в сад — звезды зажглись, тишина, крыши занесены снегом. Вот здесь, под этим небом и звездами, захотелось молиться, помолиться за себя, за всех близких, за Васю, нелепого Васю, чтобы он обрел себя, свое лицо, которое в живописи есть, и очень яркое.

А в церкви я не была давно (по-настоящему); не хватает силы и подъема сил душевных. Зашла 18-го, в день рождения Аленушки, не в силах была дождаться конца обедни, чтобы отслужить панихиду.

Если бы я могла прожить здесь безвыездно месяц, я бы поправилась, собралась с силами.

А принуждена ездить через день, а скоро надо будет ездить и ежедневно. Кляча догнала свой клок сена, но за эти месяцы погони выбилась из сил.

Добилась своим упорством первой категории карточек для нашей кукольной группы и тем самым зачислена на работу в Дом Балтфлота.

Но этот дом производит на меня удручающее впечатление, совершенно обратное Дому Красной армии. Никакой внутренней художественной творческой работы; просто эксплуатация готовых концертных бригад, которые все недовольны руководством. Валерий Попов носится как угорелый, за два месяца я не могла добиться от него получаса разговора по вопросу театра. Я ни разу не видела, чтобы он говорил с кем-либо из работающих там артистов по вопросам художественного качества. А он человек очень неглупый и культурный.

Вот и говори про евреев — в ДКА все Фаянсоны и Подкаминеры, конечно, на гораздо большей высоте. Там есть руководство, там есть подъем духа и сил и творчества. Пример — Кочуров. Там забота о своих работниках.

Я очень давно не писала своих анналов. Не писала и писем — сил не было. В комнате холодно, темно.

И силы падали; все сильнее ощущаю недоедание, голод; все труднее и почти невозможно «перемещать внимание». Нет своих внутренних жиров, которые помогали в прошлом году. И кажется, что не хватит физических сил пережить эту зиму.

23 января — я ночевала у Натальи Васильевны — у нас в квартире вылетели почти все стекла. Бомба упала в дом 20 по Фурштатской. Ухнул мой уют. За ночь цветы замерзли. Скоро стекла заменили тонким картоном, положенным в несколько рядов, вмазали его, — но согреть комнату невозможно. Стала ночевать в столовой, а с 6 февраля перебралась на Петровский остров[1069]. У меня отдельная небольшая комнатка в два квадратных окна, в ясные дни залита солнцем с утра до вечера. Тихо, уютно, тепло. Маленькая, круглая печка; топлю ее сама, дров приносят вволю. Так бы сидеть, лежать, читать, что-то шить для успокоения нервов, писать, рисовать и никуда не ездить. Увы!

Пищи здесь не хватает, надо раздобывать что-то добавочное. Надо добывать, зарабатывать деньги. Дают только в 2 часа обед из двух блюд; сегодня, например, суп с лапшой, вкусный, густой, две полных тарелки, одна поварешка рисовой густой каши с изюмом. Это все на весь день. Утром и в 6 часов можно брать кипяток, варить на плите в кухне *свое* кофе, чай, какао. 500 гр. хлеба.

Все ветеранки что-то продают; у старых актрис есть платья, деньги. У кого их нет, шьют, вышивают, спекулируют, крутятся, чтобы добывать себе крупу, масло и т.п.

У меня ни платья, ни денег. Я очень голодаю, мучительно. Не стоит об этом думать.

Вчера объявили по радио, очень торжественно, что всем группам населения прибавляют по 100 гр. хлеба: рабочим 600, служащим 500, иждивенцам и детям 400. Но здесь говорят, что Дома ветеранов эта прибавка не коснется. На рынке, этой бирже ценностей, хлеб сегодня упал в цене до 20 р. 100 гр., картошка 25 р. А вещи повысились в цене.

Актриса Парикова потерпела на этом сильный ущерб. Она скопила полтора кг хлеба, пошла сегодня на рынок продавать, — никто не хотел покупать, еле продала по 200 р. кг. Красноармейцы продают по 15 р.

Что было за это время? В 20-х числах января, в ленинские дни[1070], немцы начали усиленно нас бомбардировать, возобновились налеты, от которых мы отвыкли. С 23-го я ночевала у Натальи Васильевны, чтобы поработать при свете и в тепле (привезла свое белье). Первый вечер прошел спокойно. Завели патефон и Н.В., Машенька Филиппова и Верочка (племянница няни Лозинских) пустились в пляс — фокстрот, вальс, даже я провальсировала с М.Н. Бабуси пустились в пляс.

Вечером 24-го часов в 7 я прилегла и задремала; проснулась от сотрясения всего дома и страшного грохота. Фугасная бомба упала на Ординарной улице, пронизала шесть этажей, сделав огромную выбоину; дом горел трое суток. Наутро я пошла за хлебом. Улицы были полны пожарных машин, везде разбитые вдребезги окна.

Бармалеева и Ординарная полны дыма, мостовая — сплошные ледяные торосы. На выбитых окнах дымящегося дома сталактиты, огромные ледяные сосульки. И мороз в 28° с морозным туманом и инеем.

[Я прожила в Доме ветеранов сцены два месяца. Пока я там жила, на телефон приходилось ходить в будку сторожа на мосту, домашний был испорчен. В этой будке жила сторожиха, богобоязненная простая женщина средних лет.

«Скучно здесь очень, конечно, — рассказывала мне она. — Я бы не выдержала, ушла отсюда, если бы не красота кругом. Вы посмотрите: утром ли, днем ли, вечером все по-разному, снег сейчас розовый, потом лиловый».

Я заметила — никогда так остро люди не воспринимали природу, как в блокаду.]

28 февраля. Как все субъективно. Голубев А.А. был на концерте Юдиной 24-го, она замечательно играла Баха, Бетховена («Appassionata»). Голубев остался разочарован: «Я не мог видеть этих людей в пальто, валенках; ободранные люстры, Юдина плохо играет Шопена... больше не пойду в филармонию».

Его отталкивает то, что меня трогает. Холодно, голодно, и Юдина играет, отогревая руки у стоящей около нее на стуле электрической печки. А мы в шубах и валенках идем ее слушать и возвращаемся домой в кромешной темноте. Концертантке тоже не полагается никакого транспорта, она пешком идет в «Асторию».

Бедные, маленькие людишки, двадцать месяцев сидящие в блокаде, перенесшие все ужасы этого времени, имеют мужество, а главное, имеют желание слушать одухотворенную игру М.В. Преклоняться перед этим надо, а не быть шокированным.

Шла по Крестовскому мосту. У того берега на старой барже на поперечных высоких стойках из длинных бревен поставлен дом, бывший вагон с трубой, в три окошка. Он стоит как-то набекрень на юру, но из железной трубы идет дым, значит, там живут, греются, что-то варят. И этот домишко мне показался каким-то аллегорическим изображением нашей теперешней жизни. Жизнь quand même[1071], несмотря ни на что; жизнь на юру, голодная,

холодная, среди людоедов и тупых бюрократов советской марки вроде Рачинского.

Если московские барыни, уезжая из Москвы в 1812 году, оставляя насиженные дома на поток и разграбление, делали исторически правильное дело (не помню, кто это сказал, Л. Толстой или Ключевский)[1072], то, пожалуй, и наши бабы, домхозяйки, таская дрова, скалывая лед, отвозя своих мертвецов в морг, сажая огороды, ругаясь и огрызаясь, но не уезжая из Ленинграда, тоже поступали исторически правильно.

Жизнь — несмотря ни на что.

11 марта. Не знаю, откуда берутся силы. Вчера, например: переночевав в городе, с 7 часов складывала и зашивала посылки детям. По радио передавалось, что последний срок сдачи — 8-го, потом продлили до 9-го. Я узнала об этом очень поздно. Надо было собрать все, что возможно, найти сапоги. В понедельник 8-го З. Лодий снабдила меня целой массой хлеба, около 700 гр., я думаю. Они обе получили три рациона сразу, т.е. 2 кг 400 гр.

В тот же вечер я приобрела сапоги за 800 гр.; другие купила за 140 рублей. К 8-му ничего не было готово. Узнала, что отсрочено до 9-го. Целый день пересматривала свои и бабушкины вещи (да простит меня Бог) и так устала, что уже двинуться никуда не смогла. Совсем не смогла. Значит, вчера зашила посылки, повезла на санях по наполовину высохшей мостовой на Московский вокзал. Не приняли. Повезла назад, втащила сани с посылками по лестнице. Пошла к бутафору с намерением после ехать на Петровский остров. Вышла от него, почти темно, восьмой час; не хватило мужества путешествовать в такую даль. Осталась ночевать в своей бездомной квартире. Топилась печь. Анна Ивановна сварила мне кашу, напоила кофе. Сегодня в половине 10-го отправилась в гороно к некоему Ратнеру просить, чтобы приняли посылку. Нельзя. Я заплакала немножко нарочно и вообще старалась разжалобить. Меня поддерживала подошедшая гражданка в морской шинели, фельдшерица, пришедшая по льду с какого-то далекого форта за Кронштадтом. Посылала посылку внуку. Ратнер долго был непреклонен; проплакав полчаса вдвоем, мы его разжалобили, и он велел прийти на следующее утро к 9 часам. 12-го посылки приняли. Потом домой за куклами и тряпками, пообедала, переписывала ноты — и в ДКБФ[1073]. И уже потом на свой остров. Приехала около 6 часов. Пообедала, затопила печку, стирала носовые платки и шарф, и вот сейчас 9½ вечера, буду ложиться спать. По-моему, für eine alte Dame leiste ich sehr viel[1074].

А. Гензель оказалась страшной дрянью и склочницей. Надо выпустить спектакль и постараться от нее отделаться. Но занятно, когда человеческая сущность так быстро обнажается. Как будто чистишь мандарин.

14 марта. Перечитываю опять Евангелие от Матфея. VIII глава. Рассказ о бесах поразителен еще и своим окончанием: бесы изгнаны, больные исцелены, но жителям так жалко своих свиней, что они просят Иисуса покинуть их страну. Свиньи дороже всего.

Была у Марии Неслуховской. Очень много говорит, не ожидая реплик: «Война — классовая. В социалистической Германии земли всем хватит, тесно не будет».

17 апреля. Вышла вчера на набережную около 8 часов вечера с 12-й линии и остановилась. Весь противоположный берег Невы залит закатным солнцем. Окна сияют, как расплавленное золото. Верхний тамбур Исаакиевского собора переливается, как огонь маяка, больно глазам. Английская набережная[1075], Адмиралтейство, Зимний и дальше — все горит. Трамвай не шел, пошла пешком через Николаевский мост[1076]; закат догорел, набережные потускнели. Нева ходила ходуном и отливала синей сталью и голубым перламутром. А по зелено-голубоватому небу розовым пламенем горел разметавшийся костер легких облаков. Дух захватывает от этой красоты.

Но жуткий обстрел. Я долго не выходила из ДКБФ, не могла идти домой из-за бомбардировки, казалось, очень близкой.

Ночью налет. Уже вторая ночь такая. Первую я проспала, и тогда бомбы не сбрасывались в нашем районе, а вчера тревога началась около 10, мы все сошлись в ванной после первого сотрясения дома, т.е. брошенной где-нибудь неподалеку бомбы. Зенитки грохотали, бомбы где-то падали, потряхивая изредка и наш дом. Я захватила сковороду с горячими, поджаренными на сале сухарями, кофе, говорю: надо же доесть, пока не убили, обидно оставлять такие вкусные сухарики, на том свете о них пожалеешь. Ольга Андреевна страшно хохотала.

До чего утомительно чувствовать над собою — скоро будет уже два года — эту постоянно летающую над тобой, над мирным прекрасным городом слепую и бессмысленную смерть. Утомило и надоело.

Что сейчас делается, мы не знаем. Слухи такие: Гитлер сосредоточил большое количество дивизий под Ленинградом, эти налеты — отвод глаз, он производит переброску войск — откуда, куда?

Другие слухи: в Москве заседают англо-американцы, и Сталин сдает им в аренду Ленинград на 25 лет!!!?

Хрен редьки не слаще.

А с юга ни слуха ни духа!

Обедаю сейчас в Союзе писателей, прикрепилась на рацион и свет увидела. Кормят неплохо, и хватает на весь день (приблизительно). Притом хлеба я съедаю в день 900 гр.! 600 — паек, и почти ежедневно 300 гр. в Балтфлоте. И мне этих 900 гр. только-только. Вот что значит длительное истощение. Сегодня обедала за одним столиком с Германом Ивановичем Матвеевым. Считался он в 35-м году подающим большие надежды талантливым советским молодым автором, чуть ли не партийным. Моя femme de lettre[1077] Иоаннисян говорит о нем пренебрежительно: он, дескать, никак не котируется, никто не знает, что он пишет, видят его только в столовой.

Он меня спросил, какое у меня внутреннее ощущение: переживу я войну или нет? С этого начался разговор. «Мне пришлось за прошлый год убедиться в том, что еще очень многое недоступно нашим мудрецам. Говорил с учеными. Один физик, ученый, сказал мне, что вся его экспериментальная работа, все опыты убеждают его в присутствии высшего существа. А чего я только не пережил, шесть раз сталкивался со смертью лицом к лицу. Сидел четыре месяца в тюрьме за обмены на продукты, т.е. за то, благодаря чему я и моя семья живы. Из тюрьмы рано утром нас вели в суд (или обратно, не помню), меня и аптекаря-еврея, который был главным виновником. Идем мы по мосту, и я думаю: уже пять раз судьба меня спасала, неужели на этот раз она отвернется от меня? И вдруг всплеск воды, шум, еврей прыгнул с моста в Неву и утонул. Дело было прекращено за отсутствием виновного. Чего-чего я <только> не делал, чтобы прокормиться. Мастерил буржуйки, сделал их семьдесят штук. Изобрел особый вид коптилок со стеклышками, благо гильзы...»

И Матвеев угостил меня папиросой очень приличного вида, с картонным мундштуком, как у покупных гильз.

Я проболела, т.е. пролежала, дней пять, с 11-го, но больна я была до этого уже с неделю; знобило, кашляла отчаянно, и, съездивши на Петровский остров за вещами, вернее для того, чтобы освободить комнату, я легла костьми.

Теперь без ужаса не могу вспомнить свои хождения пешком с Рыбацкой улицы в ДВС[1078] по лужам, снегу, гололедице, ежедневно, неукоснительно в течение двух месяцев. И ходила без утомления, с удовольствием, даже любуясь рисунком деревьев на закатном небе.

Один вечер был особенно хорош. Уже взошла луна и розовым светом освещала белые стволы берез вдоль Ждановки и полупрозрачный лед.

В тот же вечер, кажется, я и провалилась около нашего дома выше щиколотки под лед. Ноги закоченели, но я рысью добежала к себе, надела валенки, согрела быстро ноги, напилась чаю, и дело обошлось тогда без простуды.

Опять завыла сирена. О, Господи!

6 мая. Устала. Все устали. Слышишь ото всех: приговоренных к смертной казни приводят в камеру для смертников на 24 часа, а мы в этой камере уже два года.

17 мая. Наша жизнь похожа на grand guignol. Утром, просыпаясь, я говорю себе: еще жива!

Целые ночи, целые дни тревоги. Бросают бомбы, обстреливают, рушатся дома; сегодня он, а завтра я. И все время деревянным молотом по голове. Все зеленеет, скверы — одна красота, нежная, юная. А немец сыплет смерть.

Сегодня был просмотр репертуарной комиссией нашей работы. Нашли, что работа профессиональна и художественна, коллектив надо оформить, такой театр нужен, и надо как можно скорей начать работать. Но пьесу Тевелева надо снять. «На данный отрезок времени» она не подходит. Кончится война — ее можно будет играть как пример морального разложения немцами молодежи. Но сейчас показать Фрица, который *просит* хлеб у русской старухи, нельзя; добродушных и сентиментальных немок нельзя.

Загурский нас передал Военно-шефской комиссии[1079], которая возглавлена двумя еврейками — Тагер и Межерицкой. Особенно неприятна первая.

И, кажется, обе имеют против меня зуб.

Чтобы избежать моего сотрудничества, на котором настаивал еще прошлым летом Загурский, они пригласили Лиду Семенову организовать театр. То, что они показали, по словам Горяинова, было совсем безграмотно.

30 мая. Я себя ощущаю игроком или алкоголиком, который после долгого воздержания махнул на все рукой и запил или просаживает за игорным столом последнее. Я что-то продаю, меняю на продукты и ем, ем, как будто эти крупа, масло неистощимы. Так хочется поесть à sa faim[1080], досыта, что никакие умные доводы не останавливают. Смешно со стороны на себя смотреть. Сварила сейчас пшенной каши на вечер и завтрашнее утро и съела в два приема сегодня вечером. И тому осуждающему голосу говорю: а ты поголодай-ка два года так, что и утром и вечером голова кружится, да поработай так, как я, старуха, работаю, тогда и говори.

За первомайскую водку ½ л. получила 3 килограмма крупы (1 рис, 2 пшено). За присланную Юрием цитрусовую настойку — 300 гр. шпика и 250 р.

денег. Вчера Надежда Карловна привела свою приятельницу, которая берет гусевский диван[1081] и маленькую кушетку, этажерку и кресло цельного красного дерева, стиль Александра II, куплены мною в Детском — за 1000 рублей. На эти деньги это звучит прилично. На продукты же это — ½ кг сливочного масла и 1 кг крупы. Покупательнице эти четыре предмета обойдутся от силы 20 рублей. И я продаю, т.к. нужно масло. За любимое мое бюро она предлагает 1 кг масла и 3 кг крупы. Это по рыночным ценам 2500. И как-то очень обидно и не хочется. А есть надо и хочется.

Сейчас поздравила Н.С. Тихонова по телефону с орденом «Отечественной войны». «В моем лице хотели отметить работу всех писателей...» На что я ему сказала, что я с этим согласиться не могу, так как из всех настоящих писателей он остался один стоять на часах в Ленинграде, все остальные уехали. Он один на боевом посту делает очень большое дело. На что он очень скромно ответил: «И вы, и я, и все ленинградцы, мы все стараемся делать все, что в наших силах».

Опять завыла сирена. 12½ часов ночи. На Фурштатской где-то недалеко есть своя сирена, которая вопит отвратительно громко и ночью будит меня.

Когда слишком близко и громко стреляют зенитки, я прячусь за буфет, это «психологическое» бомбоубежище.

Как отвратно воет.

Вчера я разбила зеркало от того маленького туалета, который я когда-то купила в Детском и подарила Алене. Неужели умру, не дождавшись конца, не перевернув страницы, не прочтя продолжения истории?

А что с девочками будет?

[В мае 43-го года Богданов-Березовский вернулся (прилетел) из Москвы и привез мне письмо от Юрия Александровича. Это письмо начато было в феврале. Несколько раз он за него принимался и наконец закончил в мае. Очень витиевато просил о разводе. Дескать, он умрет, конечно, раньше Александры Федоровны, на нее ляжет обязанность воспитать сыновей, пора прекратить то ложное положение, которое создалось и от которого она страдает, и он посылает мне разрешение на развод и даже, если я захочу, на сохранение его фамилии. Я пошла к нотариусу и послала ему мое разрешение на развод. Молоденькая девушка, регистрировавшая этот документ и ставившая необходимые печати, сочла своим долгом уговаривать меня не разводиться. Послала и ответа никакого не получила.

Я рассказала об этом М.К. Неслуховской. «Вот сволочь, — возмутилась она, — вы тут ходите под бомбами и снарядами, за каждым углом смерть, и еще должны за него вести бракоразводный процесс!»

Ларчик просто открывался: он зарегистрировался с А.Ф. еще в январе, сказав в загсе, что его первая жена умерла в блокаду и детей нет. Разводиться он там уже не мог.

Юрий все это рассказал мне через несколько лет.]

1 июня. Вопросы Кинга и ответы Сталина по поводу роспуска Коминтерна циничны до наивности. Унтер-офицерская вдова сама себя высекла. Мало того, она заявляет, что эта экзекуция способствует ее украшению[1082].

Мне кажется, что бедной вдове придется еще не раз прибегать к розгам для самоусовершенствования.

Слава Тебе, Господи, уже пять месяцев прошло, как мои энкавэдэшники не появлялись. Очевидно, мой наивно-салонно-светский разговор отвадил их от меня. Анна Ивановна Иоаннисян как-то рассказала мне, что ее приятель, журналист Руднев, учил ее: в том случае, если бы ей НКВД предлагали осведомительскую работу (предлагают чуть ли не всем), разыграть болтливую дурочку. Я подумала, что, по-видимому, я избрала верный путь.

А. Гензель страшный человек. Она выдрала из маминого атласа две карты, т.к. ей нужны были полушария для кукольного номера. Я предполагаю, что НКВД приставило ее наблюдать за мной, и этим она купила возможность остаться здесь. Ну что же с нее требовать, когда Елена Ивановна оказалась предательницей!

O tempora, o mores![1083]

Как все-таки хорошо прожить жизнь, никого не предавая. Легко и спокойно.

2 июня. Чудный вечер. Где-то на бульваре играет патефон сердцещипательные романсы и фокстроты. Я *совершенно забываю* о войне, об осаде. И внезапный пушечный залп где-то близко кажется непонятным. Где-то далеко глухая канонада возвращает к действительности. Вот эта легкость переключения от мирного спокойного состояния к ожиданию смерти и обратно — поразительна и, очевидно, спасительна.

Тревога, везде загудели сирены. 12½ ночи.

3 июня. После всенощной отслужила панихиду — Еленин день. Уже два года, как я не была на Алениной могиле. Что там? Уцелело ли кладбище, могилы, может быть, воронка от снаряда там, где была могила Алены?

Одиннадцатый год моего одиночества, сиротства.

Из церкви прошла к Елене Ивановне, снесла ей в дар литр соевого молока и крепдешинового пупсика к пальто. Она, конечно, никогда не догадается, что я знаю о ее предательстве, Бог с ней. Пусть вина падет на головы

тех, которые заставляют предавать, доносить, провоцировать. На головы растлителей.

А утром был опять просмотр нашей работы в военно-шефской комиссии, и запретили все.

Недаром Владимиров называл Карскую ржавчиной. Голубев А.А. рассказывал, что она когда-то вызвала его к себе, когда была главреперткомом. Ему пришлось дожидаться ее полтора часа. Из ее кабинета вышла женщина с пакетами. Оказалось, что это была портниха, которая примеряла Карской платья в приемные часы!

17 июня. Я совсем не пишу, устала, не хватает сил и времени. А я, несмотря на усталость, согласилась взять еще непосильную работу: писать декорации к «Травиате»[1084] по эскизам Альмедингена. Борис Алексеевич меня уговорил, уверяя, что исполнителей совершенно нет и только со мной он может говорить на одном языке. Вера Ильинична тоже уговаривала, советовала вклиниться туда. Договорились с Цорном, что я буду писать Портал и два первые акта, наиболее живописные, метров двести пятьдесят, за которые получу 2500 рублей. Просидев всю зиму и весну без заработка, я хоть маленький просвет увижу. Но осилю ли я это? On verra[1085]. К Альмедингену зашла совершенно случайно, когда в воскресенье 13-го была в Доме ветеранов у сестер Вейнберг. (Он и В.И. Павловская жили там.) С театром невыволока[1086], и коллектив мне опротивел, кроме милейшей Надежды Карловны, которая для меня является совсем новым типом. Об ней надо будет написать особо. Ада Гензель просто чудовище.

За это время была у А.П. Остроумовой-Лебедевой, Тихоновых. А.П. за семьдесят, она недавно болела воспалением легких и, несмотря на все это и на тяжелые годы, очень мало изменилась. Такая же круглолицая, живая, и милая, и трудоспособная. Видела ее первую скульптуру — хороший и очень похожий бюст С.В. И потрясающую бездарь Манизера.

Рассказывала А.П. о том, что для американцев была устроена в Кремле в одном из соборов митрополичья служба с колокольным звоном...

Настроение у нее лично бодрое, но возмущенное. Пишет дневник, работает над второй книгой воспоминаний[1087].

Самое тяжелое впечатление у нее о людоедстве, о разных случаях которого, один другого страшнее, она мне рассказывала.

Я надумала для своего развлечения завести альбом, посвященный тем из моих друзей и знакомых, которые прожили эти два года здесь и морально не

дистрофировали; искала по лавкам альбом — не нашла; вынула альбомчик дедушки Владимира Гавриловича Зуева, в нем только одно стихотворение, написанное его рукой на первой странице:

«Как надпись хладная над камнем гробовым
Вниманье путника невольно привлекает,
Так пусть в строках твоих и в имени твоем
Мой стих тебе меня всегда напоминает»[1088].

И дата: 2 X 1843. Столетие тому назад! Внизу приклеена роза. Альбом красный сафьяновый, с тисненным золотом орнаментом[1089]. Вчера встретила Кочурова с Богдановым-Березовским. Рассказала об этом плане, Юрий Владимирович пришел в восторг: «Вы меня потрясаете, Любовь Васильевна!»

Заходила в книжную лавку к Рахлину, купила книжку Тихонова «Ленинградский год». Надо сказать, книжка хорошо издана, но содержание такое ура-благополучное, одоподобное, что становится сразу скучно. Агитка, а не от сердца написано.

Рахлин рассказывал, что где-то за рюмкой водки беседовал с Попковым, который очень любит книги и часто после шести приезжает в лавку. Так вот, за рюмкой водки (вероятно, не первой) разоткровенничался: «Жду конца войны, июнь и июль будут еще жаркими, но в сентябре можно будет уже ремонтировать квартиру, в октябре привезти семью в Ленинград». Попков обожает Ленинград, готов за каждый дом задушить Гитлера. Сейчас вообще mot d'ordre[1090] — все влюблены в город. У кого может быть искренняя влюбленность, у кого мода. А что город прекрасен сейчас — это правда. Свежая, пышная, курчавая листва без всякого налета копоти или пыли. Раны такие величественные и благородные. Я думала сегодня, в чем секрет этого очарования, и пришла к выводу: город почти пуст, движения очень мало. Не слышно заводских гудков, нет дыма, копоти. Вместо четырех миллионов 500 или 600 тысяч. Небо чистое, ярко-синее, чего прежде никогда не бывало. На улицах нет человеческого муравейника, архитектура и природа выступают на передний план. От того же налет какой-то грусти. Сады закрыты для публики, там траншеи, спят стратостаты; на пышную, как никогда, зелень любуешься сквозь решетку — это таинственно и грустно.

При встрече Богданов-Березовский сказал: «Знаете, от чего мы можем все же погибнуть, выживши чудом прошлый год? Не от голода, не от бомбежек, а от безумной неразберихи в государственных учреждениях».

Без скрежета зубовного об этом же не может говорить и Ольга Андреевна, о мальчишках, стоящих во главе предприятий, непорядочных, безответственных.

А с нами что делают!

27 июня. Утром пошла за хлебом, потом в церковь. Торжественная служба, хорошее пенье — Херувимская, Горé имеем сердцà. Вдруг почувствовала невероятную слабость, еле доплелась до дому. А тут — колоть дрова, топить печурку, идти обедать. После обеда легла и еле встала, чтобы идти на репетицию.

Усталость у всех. Два года прожить под постоянной канонадой да еще впроголодь. Тяжко.

25-го умер А.И. Маширов. Ему здесь нечего было больше делать. Его жизнь, пафос жизни, надежды, творчество — все было в прошлом. Оставалось одно разочарование. Разочарование в революции — это, мне кажется, для подлинно верующего революционера катастрофа, крушение жизненного фундамента. Думал, что строил дом на камне, ан, глядь, оказался дом на песке или на болоте. И провалился.

Ан.И. Иоаннисян, прочтя, что Чудов награжден американским орденом, всю ночь писала о нем очерк для московского Информбюро, которое передает ее очерки за границу[1091]. Утром посоветовалась с Рудневым. Руднев не посоветовал посылать: «*Мы* не придаем значения этим орденам, незачем это подчеркивать». Какие мы гордые! На их самолетах летаем, их масло, сало, рис и т.п. едим — а фасон держим.

А.И. рассказала биографию директора Дома писателей В.И. Агапова. Был директором школы, снят был за растление малолетних и бесхозяйственность. Назначен директором Дома писателей, очевидно, в уверенности, что тут нет малолетних! Вид у него внушает отвращение: маленький, хромой, с гладким бело-серым лицом и злыми глазами.

30 июня. Гензель делает все, чтобы сорвать работу. Сказала Кашвель, что карточки не выдали и надо искать другую работу, имея уже карточки в кармане. Ну и тип.

1 июля. Письмо от М.Е. Князевой о рождении Пети под канонаду в Ярославле.

Межерицкая смотрела у нас «Завоевателей». По-видимому, понравилось. Гензель разочарована.

Стираю большие простыни.

Была в Михайловском театре, в субботу начну работать.

Ночью видела во сне яйца и очень расстроилась. Ягоды, яйца, яблоки у меня всегда не к добру. Правда, яйца были битые.

2 июля. Сижу на Михайловской площади[1092] на скамеечке против сквера. Где-то ухают орудия, где — непонятно, т.к. эхо повторяет звук. Сквер закрыт. Там щели, траншеи. Был стратостат, сейчас его не вижу. Город подтянулся. Люди ходят быстро. Как-то вышла утром в 9-м часу. Девушки бегут на работу в хорошеньких платьицах, модных туфельках, чулочках, с модными прическами, многие с медальонами. Мне это нравится. В этом есть что-то героическое, во всяком случае, наплевательское по отношению к ежеминутной смертельной опасности.

3 июля. Начала писать декорации в Михайловском театре[1093]. Разбила на клетки, нарисовала. Ни клея, ни красок. Обстановка мастерской напомнила мне Петрозаводск.

...Вдоль стен, по углам навалены старые холсты. Я делаю в них гнездо и укладываю новорожденную Аленушку, завернутую в голубое шелковое одеяльце, Сашино. Пишу декорацию. Она начинает жалобно плакать. Кончаю, прикладываю к груди, кормлю. Она успокаивается, но ненадолго, через полчаса опять плачет. Молоко у меня жидкое, голубое. Работаю в театре и дома по 20 часов в сутки. Заходит в мастерскую Ксения Михайловна Гибшман, хватает Алену на руки, танцует с ней, поет «Ривочку»[1094]. Бедная Аленушка, детка моя любимая, сколько она перенесла за свою короткую жизнь, не зная и не сознавая этого. Родная, любимая.

4 июля. С 10½ до 1½. Закончила рисунок, утолстила деревья. Ни клея, ни красок.

Речь Черчилля — какое благородство, скромность[1095].

5 июля. Пришла в 10.45. Разведены 4 краски слишком густо. Нет посуды для составления тонов. Натянули холст для пробы. В 12 пошли топить печь для разогревания воды для анилиновых красок.

Что будет после войны? После 1918 года, чтобы ввести в русло человеческие жизни, понадобились диктатуры, которые не оправдали возложенного на них доверия.

У нас страна была залита слезами и кровью не в меньшем количестве, чем во время войны. Францию загубил ceinture rouge[1096].

Что будет дальше?

7 июля. Немецкие листовки: «Июнь ваш, июль наш, август пополам, сентябрь по домам».

С утра до 5 часов вечера сильный артиллерийский обстрел.

8 июля. По утрам констатирую отеки лица, делаю массаж.

Жду трамвая. Девушки веселые, в пестрых платьицах, носочках, en cheveux[1097], с самыми фантастичными выкрутасами волос на макушке — это очень хорошо. Звонила М. Неслуховской. У них вчера так падали кругом снаряды, был такой шум, что казалось, по крыше трамвай идет. Когда очень шумно, они уходят в кухню. М.К. советует мне бросить театр и заняться декорациями.

Видела в столовой Наталью Васильевну, Глинку. Его отпустили по болезни.

Какие бои! Я думаю, и у нас будут. Весь вечер сильная канонада, как будто наша.

10 июля. Курьезный приказ об обязательном укрытии населения во время ВТ артобстрела[1098].

Межерицкая смотрела «Завоевателей»[1099], к глубокому разочарованию Гензель одобрила. Устаю. По-видимому, писать декорации мне не по силам. Ноги распухли. По утрам отекшее лицо. Но писать очень приятно. Какое-то упорство заставляет возиться с театром.

Не забыть бы все перлы Надины (Надежды Карловны Дмитриевой, бывшей когда-то звезды оперетты, имевшей особняки и дачи).

«Я велела своему управляющему достать корову, которая бы давала не молоко, а сливки. Некогда было пить молоко: утром шоколад, за обедом шампанское с лимонадом, вечером ужин в ресторане, когда же пить молоко!»

11 июля. С 3½ <до> 7 писала в Михайловском театре. Устаю. Юдина звонила утром, что придет, и не пришла. Нехорошо.

Союзники высадились в Сицилии[1100]. Где Петтинато? Где его мальчики, вероятно, на фронте, живы ли? Чедже 22 года, Мело 24. Бедный Чето, такой настоящий европеец, загнан в мышеловку, и податься некуда. Дом в Катанье[1101], вероятно, разрушен. Так бы хотелось знать его судьбу. Моя последняя любовь.

12 июля. На квартире Коноваловой с комиссией. Днем обстрел.

14 июля. Комиссия Музейного фонда отдала мне подаренный мне Клавдией Павловной фарфоровый бюст Наташи Данько работы Коноваловой, и я притащила его домой. Управдомша страшно была любезна, завернула бюст в синий рабочий халат милой Клаши и в ее куртку. «Разрешите мне взять ее костюм, все равно фининспектор возьмет». — «Пожалуйста», — говорю я, зная, что все равно и без разрешения все, что можно, будет украдено. Родных у Клавдии Павловны не было.

15 июля. Просмотр. Провал. Роль Гензель.

17 июля. Дикий обстрел с 5 утра. Хождение в Михайловский театр и обратно.

18 июля. Тихо выспалась до 7. Где взять карточки — вот положение. Огород на Кирочной, в переулке.

26 июля. Вчера писала декорации десять часов подряд. Вернулась домой в 11 часов вечера пешком, по Литейному трамваи не идут, что-то где-то испорчено обстрелом. Сегодня еле встала, сходила за хлебом, поджарила его, вновь легла и проспала почти до 4. Устала я зверски, и, мне кажется, не столько от писания декораций, сколько от ужасающих обстрелов 24, 25-го и сегодняшнего утра. Будят в 4 утра, и все время находишься в напряженном состоянии ожидания смерти. Идешь за хлебом, пишешь декорации — слышишь залп. В меня или не в меня? Свист — значит, перелет.

Я работала в нижнем этаже Михайловского театра. Разрывы были так близко, что Михайловский театр весь содрогался до основания.

Катюша (моя помощница), Цорн заняты театральными делами, как будто и нет никакого обстрела. На бульваре каблучки топают. Разрыв — детский смех. До сих пор мое положение не оформлено.

Возвращаюсь пешком. Инженерный замок отражается в канале. С моста на Фонтанке, налево, к Неве, закат, розовая золотистая река. Направо — сизо-жемчужная. Красота удивительная. Дома как бы настороженные. Раны какие-то гордые. Город имеет непреклонный вид, как и в ту страшную зиму. Он подтянулся. Не сам город — жители. Еле бродившие дистрофики умерли. Среди оставшихся доминируют молодые девушки с затейливыми прическами, веселыми платьицами, хорошенькими туфельками. Дамы говорят: «Они вульгарны». Откуда же им быть «дистенгованными»[1102].

Все потрясены отставкой Муссолини[1103]. Это уже капитуляция. И попутал же его черт связаться с Гитлером. Остался он как старуха у разбитого корыта. А метил в Цезари. Я читала в 35-м году (в «Nouvelles litteraires»[1104]) статью о нем Martin du Gard «Профиль и жесты Цезаря».

Говорят также о воззвании пленных немцев, написанном в Москве, и придают ему большое значение. Ничему, исходящему из Москвы, не верю. Все фальсификация.

Вчера во время обстрела выругалась: «Черти полосатые!» — «Что вы, что вы, Любовь Васильевна, — воскликнула Катюша, — мамаша говорит, что в такие минуты никогда нельзя нечистого поминать. Я только и твержу: Господи помилуй».

Остроумова-Лебедева вторую ночь спит в коридоре. Я ее звала к себе, хотя кто же из нас застрахован?

Сегодня был просмотр «Конька-Горбунка»[1105] — без единой монтировочной.

Я не пошла.

27 июля. В столовой. Ваграм Папазян очень трачен молью. Об нем здесь говорят, что он альфонс и развратник. У него здесь несколько Дездемон, из которых главная Рейх, некрасивая, довольно пышная женщина в пенсне. Вид учительницы, и трудно предположить, что у нее есть любовники.

Сегодня дают шроты, попросту сырые, мокрые жмыхи[1106], неизвестно, из чего. Все кротко берут. Если поджарить, говорят, съедобно.

28 июля. Когда вчера садилась в трамвай на углу Невского и Литейной, по радио объявили обстрел района. И я заметила на многих лицах новое: мучительную тоску в глазах. Не страх, а тоска. Женщина с девочкой, девушка, немолодой мужчина и еще кое-кто ехали спокойно, но какая тоска в глазах.

За последние дни было очень много жертв.

Сегодня утром звонила Остроумова-Лебедева — в соседнюю квартиру попал снаряд, пронизал весь дом и внизу разорвался. Район Медицинской академии и соседних больниц очень обстреливается.

29 июля. Ночь была бурная. Чередовались артиллерийский обстрел с налетами.

Над головами треск зениток и пулеметов. Улица осветилась красным светом. Казалось — пожар. Но свет стал быстро тускнеть. Трещотка пулемета рвала ночь, и, как выяснилось, во всем городе.

Говорят, на парашютах спускали горящие ящики. Зачем? Какая цель?

Юдина приходила за книгами. Живет на их продажу.

Она вчера была у Загурского и сказала ему, что к нему все относятся с большой симпатией, но, к сожалению, не таков приход, каков поп. Загурский развел руками: людей, говорит, нет.

Мария Вениаминовна ходит в сандалиях на босу ногу. Черный бархатный берет, черное шелковое по щиколотку платье и темно-серая жакетка, в кармашке платочек, обвязанный зеленым.

5 августа ее концерт. Играет Шопена, Листа, Скрябина и Прокофьева. На мой вопрос, будет ли она играть Баха, ответила, что нет. Ей неприятно, что ее имя связывают непременно с Бахом. Я говорю: «Мне в данный страшный момент ближе всего Бах, он поднимает и поддерживает. Публика связывает

с ее именем Баха, так как ее одухотворенной натуре ближе всех Бах». Юдина с этим не согласна: «Чем больше меня будут просить играть Баха, тем надольше я его отложу».

Она очень упряма, elle a des lubies[1107], вроде прошлого увлечения рисованием, ради которого она хотела бросить музыку. Теперь мечтает идти на фронт.

Вчера, 28-го, директорша оперного театра распорядилась о моем зачислении в художественные мастерские. Боюсь, что сил не хватит. После десяти часов работы 24-го спала весь день, еле ноги передвигала.

Если мне не дадут дополнительную карточку, я сбегу и лягу в больницу.

А облака такие безмятежные, как всегда, и Петербург потрясающе красив.

Встретила Ал. Ал. Беляеву: «Только Бог спасает. И когда я пугаюсь, то говорю себе: значит, у тебя нет настоящей веры».

30 июля. Зачислена 28-го, сегодня оформлялась в Мариинском театре. Но карточки получу завтра днем, утро без хлеба.

Говорила с Анной Петровной. Опять недалеко от них упал снаряд, разбились все стекла.

1 августа. Воскресенье. Утром поехала на Кузнечный рынок, купила на 86 рублей

2 пучка редиски 25 р. (один пучок тотчас же украли)

4 свеклы с ботвой 15 р.

салат 200 гр. 16 р.

ботва свеклы 10.

Без меня звонила Анна Петровна Остроумова-Лебедева — оставаться дома больше нельзя. Снаряд упал против дома в тот момент, когда они с Нюшей пришли утром из бомбоубежища и начали открывать свою дверь. Осколок пробил окно, пролетел через комнату и вонзился в печку на высоте человеческого роста.

В 4 часа она ко мне переехала вместе с Нюшей. Я поселила их в моей комнате, сама перебралась в столовую, которая служила складом всех оставленных разными уехавшими людьми вещей.

31-го я наконец получила карточки.

2 августа. Уже август. Лето проходит. Сегодня Ильин день. Мечты об отдыхе, вы изменили мне. С сегодняшнего дня зачислена художником в мастерские Мариинского театра, и впереди работа без отдыха и срока. Это в 63 года. В канцелярии Мариинского театра страшно любезны, что после хамства Тагер приятно. Ездила получать карточки. Сильный обстрел. Трамваи

идут. Пошла в Никольский собор[1108], Бога благодарила за то, что все мои близкие пока целы, и за себя, что дает силы стоять на ногах. Хорошо в церкви. Люди подлинно молятся. Каждому есть за что и за кого молиться. Все в смертельной опасности.

При неожиданных и близких разрывах я вздрагивала, я единственная. Все кругом стояли совсем спокойно, как будто не слыша.

Меня восхищает подтянутость ленинградцев.

3 августа. Вчера был П.Е. Корнилов, обещал устроить А.П. комнату в Русском музее. Сегодня туда пошла Нюша. Оказалось, что комната без воды, без уборной, без света. Соседняя комната разбомблена, и потолок висит. Через эту комнату надо проходить. Все это не подходит.

Ехала я в трамвае из Мариинского театра и рассматривала лица. Женские изможденные, серьезные, очень внутренне значительные, собранные. У меня в сердце поднялась волна теплой любви ко всем этим людям.

28 августа. Написала сейчас Юрию письмо, которым осталась довольна, и поэтому списываю его:

«Милый Юрий, я очень обижена на тебя за то, что ты не нашел нужным ответить мне хоть открыткой на заказное письмо, которое устраивало твои семейные дела. Не ответил мне и на поздравление. Но ты остаешься верным себе, и как я делала себе сама свадебные подарки в 1914 году, так и теперь, в 43, мне остается самой себя поблагодарить за услугу, оказанную тебе.

Но это все пустяки, конечно, для человека, живущего уже больше двух лет под свист снарядов, и цель моего письма следующая: я показывала Руднику, худруку Большого драматического театра, Васины эскизы и узнала от него, что театр обратился к тебе с просьбой написать статью.

Когда ты будешь Руднику отвечать, то припиши, пожалуйста, что ты знаешь о том, что он видел Васины эскизы и что тебе было бы очень приятно, если бы сын твой поработал в том театре, в котором ты начинал свою карьеру.

Рудник меня обнадежил дать Васе постановку в 44-м году, но я буду тебе очень благодарна, если ты исполнишь эту мою просьбу.

Как видишь, я, перефразируя известные слова, придерживаюсь истины, что “матери сраму не имут”, и обращаюсь вновь к тебе с просьбой. Но ты уж сам реши, срам ли это для меня или нет.

Васина судьба, его успехи, его здоровье и питание меня очень беспокоят, и этим все объясняется. Считаю я его очень талантливым человеком.

Желаю тебе всяких благ.

Л. Шапорина-Яковлева».

Это письмо я не послала: перечтя на следующее утро, я поняла, что оно унизительно для меня.

19 ноября. Я смотрю на карточку четырехлетней Алены, снятую в Париже. Боже мой, как я ее любила, как я ее люблю. Золотая моя девочка, это больше, чем любовь, она была для меня всем.

И эту крошку мне пришлось отвезти куда-то далеко, в Кале[1109], расстаться, оставить в пансионе, где так плохо кормили. И Вася, брат, и Лидия Ивановна не могли мне помочь. Как, кажется, было просто оставить Алену у себя, она была такая послушная, веселая, Вера Ивановна с радостью брала ее в свое ведение. Жила бы с маленьким Васей, пока я бы не устроилась. Ведь взяла же я двоих совершенно чужих девочек, — нет, мы Лидии Ивановне мешали. Какой чудовищный эгоизм. Ведь если бы Вася меня тогда так не звал, я бы и в Париж не решилась ехать.

Алена, Аленушка, любимая. Гляжу я на тебя и плачу, скоро минет 11 лет с твоей смерти, а для меня это вчера. Последнее время я вижу во сне детей, и часто — во сне, знаю, что это Алена, и плачу, плачу. От этого никуда не уйдешь. Какая она душечка на этой карточке. Я так помню это платьице, белое тюлевое на голубом шелковом чехле и голубой бант в волосах. Нет, лучше не вспоминать.

15 декабря. В воскресенье поехала в Дом ветеранов сцены договориться с Голубевым насчет возможности издания 1) моей статьи о кукольных театрах и 2) о сборнике, который не издается издательством «Искусство»[1110].

Андрей Андреевич великолепный рассказчик, от него услыхала сенсационную новость: Мейерхольд в Москве художественным руководителем или главным режиссером Студии Станиславского[1111].

Как он выжил, как он пережил свои 5 лет тюрьмы и зверское убийство З.Н.?

В день убийства к Райх зашла Ольга Михайловна (Мунт), первая жена Мейерхольда. З.Н. была в каком-то подавленном состоянии и просила О.М. побыть у нее подольше, переночевать. О.М. остаться не могла, но просидела часов до 9. После ее ухода З.Н. решила взять ванну, это всегда хорошо действовало ей на сердце. Прислуга затопила.

После ванны З.Н. пошла к себе, и тут на нее напали двое и нанесли восемь кинжальных ран, но глаз не выкалывали, как тогда рассказывали.

Прислуга была оглушена чем-то по голове. Придя в себя, она побежала за дворником и, уходя, захлопнула дверь (на французский замок). Когда дворник взломал дверь, З.Н. была еще жива, но скоро умерла. Сказать она ничего не смогла.

Дворник из противоположного дома (кажется, МХАТа) видел, как двое людей выбежали, побежали вниз по переулку, сели в ожидавший их автомобиль и скрылись!

Когда прислугу стали спрашивать, почему она впустила неизвестных, она отвечала: это были свои. Ее взяли для допроса в НКВД, и, вернувшись оттуда, она стала отрицать все прежде сказанное.

Голубев через какое-то время разбирал книги и бумаги в комнате Мейерхольда. Пришел человек из НКВД. «Что, книжки разбираете?» Голубев спросил его мнение, как же попали убийцы в квартиру, если прислуга никому не открывала двери? «Очень просто, — был ответ, — через балкон».

«Я думал, что чудес не бывает, — сказал на это Голубев, — а вот приходится убедиться в чуде. Люди вошли через балкон, который крепко замазан, и уже давно, и ни одно стекло не выбито!»

Чекист пожал плечами и ушел. Теперь возможным убийцей называют Головина, сына артиста. Но Голубев, так же как и я, считает, что убийство — дело рук НКВД.

А еще говорим о немецких зверствах. Украдено ничего не было, рядом с З.Н. остались лежать ее золотые часы. Последовало секретное распоряжение, чтобы никто не присутствовал на похоронах З.Н. Райх, не присылали цветы. И одна Гельцер имела мужество идти за гробом с огромным букетом цветов[1112].

Убийство, очевидно, имело целью «навести тень на ясный день» — доказать связь Мейерхольда с заграницей или с тайными организациями, которым понадобилось убрать Райх.

Зашла в Вейнбергам, а затем меня забрала Тамара Салтыкова к себе, накормила обедом. У них драма, и Зоя Петровна со слезами рассказывала о несправедливости и неблагодарности Загурского, который не разрешил ей ехать на конкурс.

16 декабря. Утро. Пошла к Алексею Матвеевичу за своим перочинным ножом. У них радио. Прекрасный тенор поет романс, мне неизвестный, но какой-то знакомый. По всему напоминающий Шапорина. Спрашиваю, что поют. Алексей Матвеевич, выходя из комнаты и щелкая ключом: «Это Шапорина из цикла “Далекой юности”, сидел и наслаждался»[1113]. Я пришла к себе, повторяя: из цикла «Далекой юности». И вдруг разрыдалась, плакала, плакала, и сейчас плачу. Далекой юности. Да, далекой, далекой. А где же счастье? Не было. Что осталось в жизни? Подвести итоги. Дай мне, Боже, хоть подвести итоги, поставить на ноги девочек, пока мать не вернется.

«Легкой смерти надобно просить». А я прошу еще помочь мне подвести итоги жизни.

И еще прошу Бога направить Васину жизнь. Страшно мне за него. Он очень себя мало понимает.

Подвести итоги, чтобы по мере сил не совсем зря было прожито.

[**17 декабря**?] Дети прислали мне килограмм масла, килограмм, если не больше, сушеных грибов и, пожалуй, около кило муки! Я чуть тут же не расплакалась. То барахло, которое я им послала менять для себя, Мара выменяла для меня. Ну что тут сказать! Как это назвать! Женя рассказывает, что они больше радуются моим письмам, чем письмам от матери, т.к. за нее они спокойны, а за меня, живущую под обстрелами, они очень беспокоятся. Лишь бы тетя (это я) была здорова.

Когда в день почты нет писем от тети, Галя начинает плакать, плачет до головной боли и ничего за обедом не ест.

Боже мой, Боже мой, надо же их поднять на ноги, но как, чем?

Театр, т.е. Оперу и балет, закрыли. Сегодня Сушихина мне объявила, что с 10-го я увольняюсь, им не нужны сейчас художники. (Раз нет театра, зачем же художники, это ясно.) Карточки до 1 января, а дальше что? Куда, в каком направлении действовать?

На днях мне минет 64 года, как Сталину.

Бондарчук мне предлагал быть у них медсестрой-референтом. Боюсь, что это будет синекурой. Не знаю, и даже как-то думать не хочется.

Была на днях у Загурского без всяких просьб. Мне передали Корнилов и Бурлаченко, что Загурский ставит мне в вину то, что я не сумела организовать кукольный театр. Он знал это через Тагер и Межерицкую, которые уже постарались осветить по-своему.

Я ему рассказала факты, делала это через силу, настолько они мне все противны. Взять да и перевернуть бинокль.

Вчера, чтобы внутренно отогреться, была у Анны Петровны, которая давно меня звала, да обстрел мешал. Читала мне замечательное письмо некоего Конокотина Владимира Владимировича с фронта. Он написал ей под влиянием воспоминаний о ее работах, о ее творчестве. Кончает он свое письмо так: при каком-то сильном обстреле он укрылся в воронке от снаряда, глядел на небо, на звезды, вспомнил Сфинксов на ее гравюре — и на душе стало спокойно! Письмо длинное и чудесное.

Рассказала А.П. чудный анекдот. У нее бывает Анна Павловна Волкова, депутат Верховного Совета. Ее мужа убили на фронте, она в горе пришла

к Анне Петровне, взяв с собой гостившую у нее шестилетнюю девочку С.П. Преображенской. Волкова рассказывала о муже, о дочке, отправленной куда-то на Урал, и была в отчаянии. Как написать, как сказать дочери о смерти отца, которого она обожала? Как девочка будет жить без отца? Тут в разговор вмешалась дочь Преображенской: «Тетя Аня, у меня два папы, я могу отдать одного, даже самого лучшего!»

18 декабря. Бондарчук предлагает поступить к ним медсестрой. Боюсь, что не выдержу 18-часовых дежурств. И не очень хочется. А куда податься? Узнала, что *уволенных* по Кировскому театру только Вельтер, Елизарова и я. Остальные переведены в разные места. Компания, конечно, хорошая, но указывающая на причину увольнения: очевидно, рекомендация Цорна и Альмедингена. Это здорово. Идеально было бы, если бы меня приняли в Союз художников. Ни от каких Загурских бы не зависела, принялась бы за офорт. Сделала бы серию ленинградских разрушений, закончила бы серию Курантов. Переводила бы. Но, конечно, этого не будет. А заработок нужен очень большой для приезда девочек.

Рассказы Анны Петровны о Тамаре Салтыковой.

19 декабря. Николин день. Пыталась пойти в церковь, но народу было столько, что, хотя я уже вошла, меня вынесла обратно встречная волна.

Целый день грохочет гром, не резвясь и не играя[1114], по-настоящему, по-страшному, по-разному. То вдруг загрохочет длительно, говорят, это наши минометы. Не знаю. Сегодня подмерзло немного — может быть, наше наступление началось?

За эти дни я пережила в полном смысле слова потрясение, приятное и тронувшее меня до слез. Из Верхораменья прислали сюда 9 девочек в ремесленное типографское училище — мои девочки писали мне, что посылают мне посылочку. Приходит на днях девчушка. На вид лет 12. Оказывается, ей 16 лет. Женя Кузьмова училась вместе с Марой. Приносит целый мешок и начинает вынимать: килограмм масла, с кило сушеных грибов, мешочек с мукой, тоже около кило, а сегодня пришла другая и принесла кило три луку! Когда Женя все выгружала, у меня прямо ноги подкосились. На те вещи, которые я им послала весной, они наменяли все это добро, которое по рыночным ценам стоит тысячи две, если не больше.

Что тут скажешь! Эти крошечные девочки уже меня кормят! В каком я долгу у них за такое трогательное отношение. Ведь послать масло — это жертва, и притом большая.

Девочки рассказывают, что они гораздо больше беспокоятся обо мне, чем о матери, зная, что она в спокойном месте. Заочно они меня называют тетей. Милые чудесные дети.

Сейчас 3 часа ночи, я все пишу свою статью о кукольных театрах.

Бахают что есть мочи. Грозно, басисто, с раскатами. Уцелеем ли? Прошлой ночью видела во сне, что Бондарчук меня спасает от какого-то предательства, я взбираюсь на высокие горы и там хожу, уже спасенная.

21 декабря. Завтра мое рожденье — 64 года. И все еще жива, и с маленькими детьми.

Что мне дал этот год, что я сделала за этот год? Ничего. Кроме неприятностей и разочарований в работе — ничего. Прошлую зиму бездна хлопот с организацией кукольного театра, сначала в Доме Красной армии, потом в Балтфлоте. Мучительная езда на В[асильевский] о[стров]. Собирание коллектива, вроде ловли диких лошадей при помощи лассо. Предательство спасенной мной от высылки Гензель. Затем: постановка осуществлена, принята, сокращение артистической части Балтфлота!

Загурский, — Военно-шефская комиссия в лице двух отвратительных евреек. — Мариинский театр — обещание золотых гор, кончившееся впустую.

Что дальше делать? Идти в сестры (заявление я уже подала) — не по силам мне это, и все же не пойду хлопотать о какой-либо работе в Комитете по делам искусств, не хочу. Там явно меня не любит Рачинский, секретарша и прочие израилевны. Это все дело рук Софронова, Шапиро. А Загурский хуже пустого места.

В госпиталь — это не заработок, а нужны деньги, деньги и деньги. Когда девочки приедут, мне надо будет, по крайней мере, тысячу рублей в месяц. Ой-ой-ой.

А будущий год еще високосный. Я чувствую себя выбитой из седла, у меня опустились руки, хочется лечь и не вставать. А девочки!

Господи, помоги. Я даже не знаю, что может меня спасти. Куда податься? А силы нужны. Обзавелась на старости лет детьми, так уж не говори, что недюжа. Будь что будет. На все воля Божия. Надо сдюжить.

<22?> декабря. Итак, я на улице sur le pavé![1115] Надо искать опять, искать карточкодателя, причем дателя I категории. А весной приезжают девочки. По этому случаю, получив сегодня в столовой 300 гр. конфет, я грызу их с увлечением для успокоения нервов. Даже с ожесточением.

Я вспоминаю свое первое путешествие по Италии из San-Remo в 1905 году в апреле. Во Флоренции мы встретились, предварительно списавшись,

с Лелей Жихаревой. Мы с ней учились вместе у Александра Маковского, а затем она уехала в Мюнхен.

Жили мы во Флоренции у каких-то друзей ее бывшей няни, итальянцев. Они воспитывали сына этой няни, Мишу Седова. Я поехала одна в Рим, а встретиться мы с Лелей должны были в Неаполе и поселиться у других знакомых этой же няни, живущей в услужении в имении итальянских аристократов под Неаполем. Приезжаю в Неаполь, живу день, другой, о Леле никаких слухов. Наконец через несколько дней вбегает ко мне хозяйка с криком: «La povera creatura, la povera creatura!»[1116] В чем дело? Оказывается, Лелю должна была на какой-то станции встретить ее няня, дать адрес (я его узнала в Риме) и деньги. Встречи не произошло, и Леля без адреса и денег приехала в Неаполь. Я тотчас же к ней помчалась. Оказалось следующее. С вокзала комиссионер отвез ее в роскошную, по его словам, гостиницу, оказавшуюся захудалым и грязным вертепчиком. Вместо освещения ей дали свечной огарок. По ночам происходили рядом шумные оргии, так что Леля принуждена была забаррикадировать двери комодом, шкафом. Денег хватало только на булку и томатный соус. Последние франки она истратила на телеграмму няне. Когда я вошла к ней в номер, она бросилась мне на шею с рыданиями. Была она в одной рубашке и нижней юбке, а все остальное белье висело на веревочке. Денег не было, чтобы выкупить багаж, она выстирала все, что на ней было.

Успокоившись немного, она сказала: «Я все время думала: что же будет дальше? Это только анекдот или это на всю жизнь?»

Вот и я так все время думаю. Многие так и умерли, не дождавшись ответа на свой вопрос.

28 декабря. 11 лет со смерти Аленушки. Сколько уж лет, и каких лет. Служила панихиду. Пришла в церковь к концу обедни. Было несколько причастников. «Ни бо врагом Твоим тайну повеем, ни же лобзания Ти дам яко Иуда...»[1117].

Народу было мало. Вдруг какое-то смятение (в церкви полутемно), и к скамейке, где я сидела, принесли и положили на нее девочку-подростка, сделалось ей дурно. Она лежала вытянувшись, беленькая-беленькая, глаза полуоткрыты, руки тяжело повисли внизу, похолодели. Мне так страшно за нее сделалось, так она мне напомнила Алену. Я не могу вспоминать этот день и последнюю минуту. Я стала растирать похолодевшие руки, девочка постепенно стала приходить в себя. Мать, еще молодая женщина, целовала ее, а слезы градом лились. «Она никогда не была в церкви, я только недавно

привезла ее с Большой земли. Причастились сейчас, а пришли, ничего не поевши перед причастием, вот с этого, верно, и ослабела».

Пошла в Нейрохирургический институт. И тут оформляться. Когда входила в ворота, ахнул страшный раскат выстрела, где-то близко разорвавшийся.

Через минут 15 шла домой по Кирочной вдоль теневой стороны, от самого угла Литейного проспекта тротуар был засыпан мелким битым стеклом. Снаряд попал опять в угол дома 8, убил двух женщин, размозжив им головы. Михеич и дворники убирали, разгребали, кто-то уже постукивал молотком, чиня окна. Этот стук напоминает постукивание дятла.

В воротах стояла лужа густой ярко-красной крови и лежали около мозги. Человеческий мозг?

Как это пережить?

Уже два часа ночи, и я никак не могу лечь. Летают самолеты, гудят. Неужели не пережить?

В церкви за панихидой священник молился за Алену и Клавдию. И я так и видела ее перед собой. 20 XI была ее годовщина.

29 декабря. И опять говорю: soeur Anne, soeur Anne? Ne vois tu rein venir? Сестра видела лишь l'herbe qui verdoie et le soleil qui poudroie, а я и этого не вижу.

С 1-го надо приниматься за работу, и я этого почему-то ужасно боюсь. Вынесу ли?

И неужели ничто и никто не спасет?

Спасают меня очень многие, все ко мне более чем внимательны, не надо Бога гневить. Но мне хочется жизни свободной, с возможностью помочь Васе и Наташе, Сонюрочке моей любимой, девочкам, Наде Красновой, которая всю жизнь бьется как рыба об лед, быть независимым человеком. «Vous êtes un tchelovek»[1118], — писал мне когда-то Петтинато. Где-то он, милый и блестящий человек, на чьей стороне? Я думаю, только не с немцами. Он слишком умен, слишком европеец.

23-го вернулась Анна Ивановна, привезла от Юрия письмо! И посылку!! Это безумно трогательно — самый факт. Но, как он и пишет, по-видимому, Анна Ивановна заставила своими звонками собрать посылку. Вероятно, он поручил это сделать Александрине — прислано: бутылка токайского вина, ½ л. водки, шпика граммов 300, большая селедка, банка консервной баклажанной икры, немножко чаю, штук 12 мятных пряников, которые пришлось

разрубать топором, белая булка и 3 конфетки. Эти три конфетки мне показались немножко оскорбительны.

А девочки меня засыпали подарками. После Жени была еще Валя, а совсем недавно приехал еще транспорт 14-летних детей, у меня были Ляля Шмуклер и Ира Комарова, бледные, перепуганные. Валя принесла килограмма 2 или 3 (весов нет) лука. Ляля и Ира еще столько же лука, еще сушеных грибов и ржаной муки с килограмм, если не больше. Еще раньше было чесноку с ½ килограмма. В общем, на наши рыночные цены тысячи на две с половиной.

Девочки говорят, что там очень выгодно меняют, будто бы за ленту дают много луку. Надо надеяться, что они не все променяли.

Трогательно это бесконечно и доказывает кроме нежности и душевное благородство, и широту размаха.

А я сейчас нищая, что я могу им сделать? Галя, оказывается, страшно просилась, чтобы ее отправили вместе с детьми. А приехавшие девочки в отчаянии. Доучиться им не дали, а здесь попали в ремесленное училище металлистов. Была Зарема Дулова, тоже в отчаянии, и она, и мать. Мать работает в Лесном, девочка в ремесленном на Измайловском, где постоянные обстрелы. Если бы Галя приехала, я с ума бы сошла от беспокойства. А детям издали казалось, что Ленинград — это кино, театр, веселье. А на самом деле-то оказалось — обстрелы, убитые 15 человек в Художественном училище, Невский, 32.

Свое рождение я провела приятно. Утром рисовала Антонину Николаевну, пообедала и поехала к Анне Петровне. А вечером ко мне пришли Бондарчуки.

1944

7 января. Как летит время! Получила на днях письмо от Киры Полюта и расплакалась над ее горем, над его, такой никому не нужной, смертью. Жили они так дружно, он огромный, с Юрия ростом, а она совсем маленькая. Так жаль его. С первого числюсь в Нейрохирургическом институте и пока что ничего не делаю, навожу справки в Публичной библиотеке и читаю там для своей статьи. Теперь, сегодня Антон Васильевич <Бондарчук> дал мне переводить книгу — анатомию du système nerveux[1119], многие страницы словно по-китайски написаны, ничего не понимаю. Надо будет работать в Публичной библиотеке. Стала искать свой словарь Макарова, хвать-похвать — нету, очевидно, это тоже «деталь», которую Вася с Наташей продали. Наташа в последнем письме пишет: «С кем Вы хотите жить, с нами или с девочками?» Я ей ответила, что этого *или* не должно существовать, а девочек бросить я не имею права перед Богом.

Вчера была у всенощной. Рождество Твое, Христе Боже наш! Народу много. Перед пением «Слава в вышних Богу» вышел регент Александр Федорович Шишкин и сказал, что разделение церквей в дальнейшем невозможно, перед лицом врага необходимо единение, что храм Спаса Преображения был обособлен и что соборная двадцатка[1120] обратилась к митрополиту Алексию с просьбой присоединить собор к общей православной церкви (он был обновленческим[1121]) и их просьба была встречена благожелательно.

Запели «Слава в вышних Богу», а потом «Рождество Твое, Христе Боже наш», и весь народ запел. Общее пение на меня очень сильно действует, и не на меня одну: многие вокруг меня потихоньку вытирали себе глаза, даже мужчины. Вышла из церкви — вьюга, снег, деревья шумят в полутьме.

Каково-то на фронте.

15 января. Со вчерашнего дня идет канонада, вчера она усилилась к вечеру, слышна была всю ночь, а с утра грохотало так, что окна звенели. Стреляют наши, и все думают, что наступление наше началось. Канонада непрерывная, отдельных залпов не слышно, а сплошной гул и грохот. Изредка особенно сильное или более близкое орудие как тараном в стену. Как ахнет, так и кажется, что все стекла разлетятся. И хочется молиться, и я молюсь за всех гибнущих сейчас тут, где-то совсем рядом, за нас, за Россию. Хотелось

бы, чтобы во всех церквах шли весь день молебны о воинах: «Спаси, Господи, люди Твоя». И странно мне, что на улицах те же будни, люди идут в кино, Беляков говорит по телефону, что у него целый день кукольные спектакли, Анна Ивановна с приятельницей пошли смотреть «Фронт»[1122] в нашем кино. Мне это странно как-то. Ежеминутно, ежесекундно падают люди, сотни, тысячи...

Утром разносчица телеграмм небольшого роста, приятная: «Верите ли — вот я работаю, здорова, и только доктора на ноги поставили, совсем умирала. В ту зиму страшную мать померла, дочку четырехмесячную потеряла, на руках у меня и кончалась. Хотела своего ребенка похоронить как следует, но где же мне было набрать хлеба столько и на гроб, и на могилу. И вот сама своими руками отнесла в морг — каково мне было возвращаться? Я домой не дошла, потеряла сознание. Отвезли в больницу, к Эрисману. Там меня так лечили, что никогда не забуду. Вливания какие-то делали, долго со мной возились и поставили на ноги. И теперь только и живу, надеясь, что муж уцелеет. Пока что на нашем фронте — он жив».

Вчера 14-го я была на Петроградской стороне.

Сошла с трамвая у Академии наук, и дух замер от красоты Адмиралтейской набережной. Деревья в легком прозрачном инее. От этого легкие павильоны Адмиралтейства еще кажутся легче, уродливые дома между ними скрыты инеем деревьев. На втором плане темный Исаакий. Весь город в морозном тумане, небо серо-розоватое. На Ростральных колоннах все бронзовые части в инее.

Не описать всей этой красоты.

Может быть, мы оттого эту красоту так чувствуем, что жизнь домашняя уж очень безотрадна. Колешь дрова, убираешь, холодно, нудно.

Зашла к Тихоновым. Маруся дома одна. Слух о том, что его вызвали в Москву, подтвердился. Как он ни отбояривался, пришлось согласиться. Сам Сталин пожелал, чтобы он возглавил советскую литературу.

Решающую роль, по словам М.К., сыграло то обстоятельство, что он беспартийный и что он очень не хотел этого. Перед тем, как ехать в последний раз в Москву, Н.С. видел во сне, что встречает Сталина, который спрашивает его: «Как живем? Не хотите ли съездить в Берлин?» Тихонов отвечает, что ни в каком случае. Тогда Сталин говорит: «Не хотите, так вот и поезжайте».

Маруся хорошая, умная и интересная женщина, но она влюблена и в роль и поэзию Н.С., и в себя, и в свою роль при нем. В общем разговоре она слы-

шит только себя. Я это наблюдала еще прошлой зимой, когда застала у них Фадеева и двух военных юношей. Но, конечно, ее роль при нем очень достойная. Как она вчера сказала: жизнь с Тихоновым не сахар и очень сложна, и недостающую мне семью я находила у своих: у отца, сестер. Все умерли... В Москве брат, друзья. Иру с Люлей перетащу.

Маханов дрался, как лев, чтобы не выпустить Н.С. из Ленинграда, и ему за это нагорело.

Говорили о Горьком. Я ей сказала свое мнение о нем, что конец его жизни был недостойный. Он им скомпрометировал свое начало. М.К. думает, что Горький в 20-х годах, когда уезжал из России и ругал большевиков сволочами, вероятно, имел за границей какие-нибудь такие связи, благодаря которым он был в руках у Крючкова, принужден был ему повиноваться. Тихонов человек чистый. Единственный писатель, которого уважал А.О.

Чистый и честный.

Когда усилилась канонада, Маруся открыла форточку и стала прислушиваться, что это: обстрел или наши стреляют. Нам казалось, что обстрел. «Хоть бы уж Коля поскорей уезжал, я буду спокойней».

Зашла сегодня к Бондарчуку. Он должен 17-го ехать в Москву на съезд нейрохирургов. «Если наступление началось, то я не поеду, я нужен здесь».

Где-то Федорова Е.Т. (зам. Попкова) читала доклад об успехах нашей медицины и назвала четыре имени. В первую голову Бондарчук, затем Молотков, Филатов и Кухарчик.

Новый год я встречала у Бондарчуков, была только мать, Антонина Николаевна и Нина Тихонова.

Было жарко натоплено, пироги с капустой и т.д., очень просто и приятно, только слишком жарко. Пили водку понемногу.

Я просила А.В. сказать какой-нибудь хороший тост.

«За неизведанное», — сказал он.

Я вспомнила слова Нины Тихоновой, что главный интерес работать с Антоном Васильевичем заключается в том, что он постоянно ищет новые способы, новые пути, неизведанное.

Часов с 7, с 6 прекратилась канонада, и я вдруг почувствовала, как я устала за сегодняшний день из-за этого грохота. Что-то будет дальше? А тут вздумали восстанавливать названия улиц, заметив через 26 лет, что прежние наименования «тесно связаны с историей и характерными особенностями города»[1123]. А? Il faut avoir du toupet[1124].

Я обозлилась до слез.

Где же они были все время?

А Нижний Новгород обозвать Горьким — это что?

Я написала об этой сенсации Наташе и заметила, что, по моему мнению, Соня и Петруша будут жить в Гусевом переулке.

16 января. Мне скучно без молодежи. Я так привыкла прежде иметь дело постоянно с юными существами, что теперь, когда мы возвращаемся к жизни, я ощутила страшную тоску по молодости.

Дома — Вася с Наташей и Васины товарищи, девочки; в театре — Сильва, Саша, Полюта, Леля, да все. Пока я рисовала Орлову, это меня веселило очень. Странное дело. А может быть, и не странно.

Поставили мне сегодня кирпичную печку, что меня очень радует. Хоть бы раз натопить мне комнату до тепла, градусов до 15.

Беляков рассказывает, что в Москву приехали из Америки русские священники. Ходят в рясах с большими нагрудными крестами и с посохами. Относятся к ним москвичи с большим уважением (получают они первую категорию). Когда-то давно кто-то мне говорил, что церковь у нас должна зачахнуть; лучших священников расстреляли, выслали[1125], новых нету и не может быть, и я на это ответила: «В Париже есть духовная академия, куда люди идут только по призванию. Вот они-то приедут и восстановят нашу церковь». И вот уже сбывается.

Я чувствую себя каким-то дубом на поляне. За 25 лет всё и все менялись, меняли убеждения, верования, взгляды. Я оставалась верна своим убеждениям и самой себе, и теперь оказывается, что я во всем была права. Вот если и остальное сбудется, то Soeur Anne радостно мне ответит, что видит подъезжающих братьев уже не с заднего крыльца, а по большой дороге. Боже мой, если бы!

Канонада сегодня где-то далеко, мало слышно. В Нейрохирургический институт поступило пока пятнадцать раненых. Я заносила в пятом часу нарисованную для Бондарчука схему, он готовился к операции.

Ему, по-видимому, очень больно, что не придется ехать на съезд, на котором будут представители со всей страны.

Сейчас по радио: мы перерезали дорогу Новосокольники—Дно.

Эх Гитлер, Гитлер, вздумал валить дерево не по плечу, оно, брат, тебя и раздавит. Вот вам и русски свинь, и славянский навоз и пр. Самые храбрые, до отчаянности храбрые народы в Европе русские и сербы. Тех тоже на колени не поставишь.

Победу, войну у нас сумели организовать, надо отдать справедливость. Но кто? Сталин или Рузвельт? Это организовать. А победить мог только русский народ. Какой народ! Жуков. Я, мы переживаем не по книжкам, а воочию, сами являемся свидетелями величайшей в мире войны, величайшего напряжения своего народа.

Господи, помоги ему.

20 января. Сегодня взяли Новгород. Слушала радио, и слезы потекли из глаз. Вчера Красное Село, Ропшу[1126], сегодня Новгород. Милый Великий Новгород. Как в институте мы увлекались его историей, Куторга сумел так нам подать его историю, что нам, четырнадцатилетним девочкам, стал понятен его характер, его вольница, колонизация. Как бы мне хотелось туда съездить весной.

Но у многих сжимается сердце, и у меня в том числе. Что будет дальше? Наталья А. Азбелева не верит в союзников, О.И. Кричевская тоже.

Мне думается, что народ, способный на такой внемасштабный подъем, одерживающий такие победы, сумевший за два года так научиться воевать, должен *исторически* получить вознаграждение, должен *сам* выбрать формы своей жизни; он завоевал себе право на полную свободу, на уничтожение крепостного права, колхозов и пр.

А евреи за трусость, за бегство с фронта должны быть наказаны. И будут, вероятно. В армии, по слухам, сильнейший антисемитизм[1127].

Мне очень бы хотелось попросту дежурить сейчас в госпитале. А Бондарчук засадил меня за перевод и думает, что спасает меня от непосильной работы. А мне больно, что я вне войны, ничем никому не помогаю.

После известия о взятии Новгорода у меня сделалось пасхальное настроение, какой-то душевный подъем. И решила вынуть наконец спрятанные от бомбежки образа и повесить.

Вчера говорила по телефону с Антониной Петровной. Взятие Красного Села и общее наступление произвели на нее такое впечатление, что она всплакнула.

Мы перебили немцам хребет, что до известной степени предсказывал Блок в «Скифах»[1128], пожалуй, даже и шейные позвонки, и на этого инвалида набросятся англо-саксы, — освободители Европы! Нет, шалишь,

Мы — нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир[1129].

Последние дни немцы все-таки несколько раз обстреливали город. Анне Ивановне рассказывал шофер Зубкова (сам Зубков ничего не рассказывает),

что они ездили на фронт, но проехать почти невозможно, наши войска целой лавиной двигаются на фронт, кругом все минировано, от деревень остались только имена и груды развалин, снега на земле не видно, вся земля взрыта снарядами.

24 января. Сегодня взяли Царское и Павловск. Боже мой, что там осталось? Уцелели ли могилы, Казанское кладбище? Что меня там ждет? С каким ужасным страхом я туда поеду. Вряд ли скоро будут туда пускать, верно, все заминировано. Я слушала радио и плакала. Что там? Аленушка моя родная, может быть, и могилы твоей нет.

Надо радоваться, а на душе какие-то отливы и приливы. Нахлынет такой восторг перед нашим народом, перед грандиозным наступлением от Петербурга до Крыма. А потом сердце сжимается: неужели опять аресты, опять ссылки и расстрелы, колхозы и власть евреев?

Сегодня зашла к Бондарчуку. Спрашивает, нет ли у меня высокопоставленных связей. Разворачивается такая картина: он стоит поперек дороги еврейским докторам. Машанский, еврей, директор Травматологического института[1130], как только началась война, постыдно удрал и даже хотел увезти и весь институт. Потом, когда выяснилось, что немцы город не взяли, все утряслось и его назначили начальником горздрава. Теперь он хочет сделаться директором Нейрохирургического института, Бондарчука сплавить куданибудь в провинцию, в Киев, Поленов, по словам Антона Васильевича, подлец. Всю свою карьеру он строил на воровстве литературном, идейном. Обворовал Кушлинга. Сейчас он предает Нейрохирургический институт. Машанский будет директором, Поленов, которому 76 лет, который еле ходит и никаких операций не делает, будет его заместителем. Успехи Бондарчука, очевидно, не дают им покоя.

Ольга Андреевна рассказывает, что сейчас евреи возвращаются в первую голову, банки и всякие хозяйственные учреждения ими уже полны. О.А. говорит: «Как клопы вылезают отовсюду».

Я на себе испытала еврейскую ловкость рук — чего же лучше Шапиро. 22 января Беляковы меня позвали посмотреть их спектакль, он шел в 189-й школе, в нашем дворе. Начинается цирк, выбегает клоун — Пьеро. Смотрю и узнаю нашего Пьеро из «Золотого ключика»[1131], которого так чудесно водила Н.А. Барышникова. И затем все куклы мои, опошленные всякими блестками, мишурой, которыми Беляков страшно гордится. И мне стало больно. Этого Пьеро Коновалова резала с натуры, с какого-то мальчика лет 7. Столько было затрачено на все эти постановки любви, забот. И все это украл

самым спокойным и беззастенчивым образом Шапиро. Неужели на них не будет управы?

26 января. Встретила в Публичной библиотеке Наташу Грекову; она меня окликнула, тогда я сразу ее узнала, она похудела. Работает в Институте экспериментальной медицины[1132]. Я думала, что они уехали; и всегда радуешься, когда встречаешь прежних знакомых, уцелевших за эти ужасные годы.

Теперь, оглядываясь на эти года, когда над нами ежечасно летала смерть и мы делали вид, что ее не замечаем, оглядываешься и с удивлением видишь, что их, этих лет, нету. Неужели два с половиной года длилась блокада, неужели два с половиной года продолжалась игра в жмурки со Смертью, не может этого быть. Уже два года, как уехал Вася, уехала Сонечка? Не может этого быть. Два с половиной года, как я живу фантастической жизнью почти без заработка, с одной карточкой и все-таки живу. Куда-то провалились эти годы, месяцы, дни. А вместе с тем сколько подлинного ужаса пришлось видеть за эти годы.

Сколько за это время потеряно людей, друзей: Наташа и Елена Яковлевна Данько, милая Клавдия, Женя Григорьева, Полюта, О.Ю. Клевер, Геня, Тиморевы. Мне думается, что мы жили, работали, но подсознательный страх (не смерти, я ее не боюсь) — снаряда, бомбы, ужаса катастрофы — порабощал до известной степени нашу нервную жизнь, наш интеллект; и вот сейчас, когда в городе внезапно стало тихо, когда за двенадцать дней немцы отогнаны от города, смотришь назад и видишь, что время исчезло, провалилось. И так хочется видеть своих, видеть Сонюру.

Шла в шестом часу через Екатерининский сквер. Темный памятник. Летящая кверху Екатерина, сзади в легком тумане Александринский театр, а кругом обрамление из легкого прозрачного кружева деревьев. Красиво так, что делаются спазмы в горле.

Верно, нервы ослабели.

Мы говорили с Н. Грековой, что, как это ни странно, обстрелы, разрывы с каждым днем становились непереносимее. И теперь, когда слышишь что-то вроде выстрела, делается скверно, скверно на душе.

Рассматривала я сегодня лица в трамвае: помятые, какие-то невзрачные; одеты, обуты в общей массе плохо.

27 января. Ленинград салютует войскам двадцатью четырьмя выстрелами из 300 орудий[1133]. Соседи побежали на улицу слушать. Мои же нервы настолько ранены, что мне сейчас и у себя в комнате слушать эти залпы тяже-

ло. Это слишком похоже на то, чего мы наслушались на всю жизнь. Вот, кажется, и конец. Слава богу.

Анна Ивановна ходила на Неву, видна была иллюминация, было очень красиво, улицы, крыши были полны народа.

Была сегодня у М. Неслуховской, хотела поговорить о Бондарчуке, но застала у нее, к ужасу своему, Аду Гензель. Толстая, красная, отвратительная. Кажется, никто в жизни не внушал мне такого отвращения, как она. И я ушла с ощущением, что паука проглотила, прикоснулась к чему-то очень грязному. Я убеждена, что она служит в НКВД и ходит к Тихоновым для осведомления.

Рассказывала, что когда ее и Кашвель увидал Деммени (который сюда приезжал), то он сказал: «Единственный человек здесь, у кого приличный вид, это Шапорина, а вы все разжирели до непристойности».

Я не могу с ней говорить и не могу на нее смотреть. Витька Прорвич, наш театральный осветитель, жаловался, бывало, товарищам, когда я им была недовольна: «Любовь Васильевна на меня не хочет смотреть».

Когда я в прошлый раз была у М.К., говорили о ее будущей жизни в Москве. «Там жены писателей гонятся за тем, у кого будет больше чернобурок, — сказала я, — у Людмилы Толстой их семь, у жены Катаева девять или десять». Маруся ответила: «У меня их не было и не будет. Дочь генерала Неслуховского, жена Николая Тихонова имеет право жить так, как ей хочется!»

А почему не она сама по себе? Как иногда одна фраза дает целую характеристику. Так, например, кажется это было в августе, я уговаривала М.В. Юдину уезжать в Москву. Обстрелы были ужасные, денег у нее не было, а жизнь в «Астории» стоила очень дорого. «Нет, я не уеду, я здесь отдыхаю, и это очень важно для моей биографии».

И еще: заговорили о командовании, о Тухачевском. «Если их расстреляли, значит, это было нужно. Хуже было бы, если бы они во время войны изменили стране». Это Тухачевский-то! Меня это как-то по сердцу полоснуло. Теперь-то ведь командуют опальные генералы, а собственные Власовы сразу изменили.

1 февраля. 29-го принесли повестку явиться на Чайковскую, 17 «для разбора Вашего дела»[1134] (чтобы ты не отгадал — как в армянских анекдотах).

Хорошенький офицерик с простонародным говором. «Где работаете? Есть у вас там военнослужащий больной Нейдгардт?» Я ему объяснила, что

пока не дежурю, а веду научную работу, так что ничего сообщить не могу кроме того, что Нейдгардт чинит вечные перья и болен безнадежно.

Я не помню точно, что я сказала, на что офицерик мне ответил: «Вы, пожалуйста, Любовь Васильевна, не думайте, что мы подозреваем вас в контрреволюции, мы с контрреволюционерами так не разговариваем. Наоборот, вы сами понимаете, что вы как человек культурный, с высшим образованием (?), вы скорее можете подойти к человеку, поговорить, узнать его настроение. Я больше вас вызывать не стану, но вас, верно, еще раз вызовет тот товарищ, у которого вы уже были, вызовет, чтобы прекратить с вами всякие сношения».

Очевидно, убедились, что проку от меня никакого.

В воскресенье 30-го я поехала к Тамаре Александровне поговорить о Бондарчуке, не знает ли она каких-нибудь ходов. Поздравила ее с освобождением города. «Я не радуюсь, — сказала Т.А. — Народ побеждает, но на нем столько сидит паразитов, что ему не освободиться. Да, Бондарчука съедят, потому что он русский и талантливый. Евреи чувствуют, что поднимается грозная волна против них, и теперь они торопятся устроить все свои гешефты. Они меня в свое время съели. Я написала большую работу, докторскую диссертацию, они мне сказали, что ее примут, если я соглашусь уехать в Архангельск. Я отказалась. Машанский теперь хочет соединить Травматологический институт с Нейрохирургическим и перевести оба учреждения в клинику Отта[1135], специально выстроенную для гинекологии. Испортят, разрушат оба института. Но это им не важно, лишь бы свои делишки обделать. Бабчин его правая рука, это дипломат, кардинал, как мы его называем». Она долго говорила о паразитарной роли евреев, о том, что войну ведут только русские, ни евреи, ни нацменьшинства не воюют, а бегут и предают, что евреев сняли из штабов именно за предательства. Я слушала, и слезы так и катились из глаз.

Уж очень пессимистично настроена Тамара Александровна. «Я не говорю, много было сделано, многое достигнуто, война организована, но сейчас народ перерос все это, старое должно уступить свое место новому».

На другой день я зашла к Антону Васильевичу Бондарчуку, предлагала послать письмо с оказией. Он находит, что еще преждевременно писать на основании одних слухов. А что за себя он будет бороться. Он организовал в Акимовке около Крыма[1136] образцовую больницу, к нему съезжались больные отовсюду, из Москвы, с Кавказа, на операции записывались за три месяца. И вот евреи повели против него кампанию, обвиняя его в эксперимен-

тировании на живых людях и во всяких других грехах. Жаловались прокурору, приезжали комиссии за комиссиями. Приедут русские доктора — находят, что все в порядке, приедут носатые и ищут и видят преступления, настолько это было противно, что он плюнул и уехал. Перед этим он получал всякие благодарности и был представлен к ордену Ленина. После этого и началась травля.

Ну как тут жить? Я вспоминаю слова Шапиро: «Хорошо иметь директором человека, который: Шарик есть — Шарика нету». Сволочи! Да простит мне бумага.

31 января концерт молодых композиторов[1137]. Очень хороши романсы Животова на слова Натальи Ивановны, хорошо пел Легков. Евлахова глубокая вещь — поэма в форме вариации для скрипки[1138]. Кочурова мне песня «Россия»[1139] меньше понравилась, чем другие его вещи, но когда Шестакова пела о красоте нетленной России, чувствую, что слезы на глазах. Смотрю: Тамара Александровна (она сидела передо мной) потихоньку вынимает платок и украдкой вытирает глаза.

Да — On appelle coïncidence ce qui n'est souvent que le résultat de l'obscure volonté qui maintient l'harmonie du monde. André Maurel. Les petites villes d'Italie[1140].

Читаю эти книжки, как раз про те места, где сейчас новые норманны воюют, идя по следам норманнов средневековых. Monte Cassino, Bari — Аквила, Апулия, Абруцци...

Бедная Италия.

10 февраля. Вдруг, неизвестно почему, почувствовала, что мне душно, душно в России.

Народ-гигант посажен в клетку для попугая; в колечках сидят попугаи и кричат: «Да здравствует, Heil Sтaлин», а народ корчится в этой клетке; вроде той, которую придумал La Balue при Людовике XI, где ни встать, ни сесть, ни лечь.

Я устала от мелкопровинциальной светской жизни, без известий с Запада; жизни без горизонта, полуголодной, полухолодной, полукаторжной и абсолютно рабской. И знать, что умру нищей, ничем не в состоянии помочь сыну, и он будет нищим, и Сонечка, это ужасно, этот режим *не может существовать*. Русский народ его перерос. Русский народ завоевал себе свободу. Душно, душно.

13 февраля. Мне надо было вчера передать Бондарчуку акварель Анны Петровны, и он позвал меня «выпить рюмку водки». Рассказал следующий

курьез. Поленов приглашает его к себе и рассказывает, что видел очень странный сон: видел Машанского в виде черта, и даже с хвостом, и, проснувшись, решил, что он предатель и дела с ним иметь нельзя. А тут еще приехал к нему Бабчин и тоже всячески отсоветовал объединяться с Машанским. (Кажется, приезжали московские гинекологи Малиновский и Мандельштам и не разрешили как будто трогать Оттовский институт[1141].) Причем и Поленов, и Бабчин были до этого во всем согласны с Машанским, и Поленов расписался под проектом Машанского. Теперь он просит Бондарчука ехать в Смольный и хлопотать об оставлении Нейрохирургического института самостоятельным. Антон Васильевич отказался ехать: «Зачем я буду наживать себе лишнего врага в лице Машанского? Раз Поленов заварил всю кашу, пусть и расхлебывает ее».

По-моему, уж раз пошли вещие сны, значит, дело или, вернее, авантюра Машанского не выгорела, и даже, пожалуй, его взгрели за это. Иначе Поленов не посмел бы видеть его во сне в виде черта да еще с хвостом.

Посмотрим, что будет дальше.

Третьего дня пришла Паллада, осталась ночевать, гадала.

Анне Ивановне нагадала близкую гибель родственника, возможность у ней самой нервного заболевания, творческий успех. Страшно расстроила бедняжку, которая беспокоится о брате, от которого нет никаких сведений с фронта.

Мне же опять: изменение судьбы к лучшему, успех, деньги, большое путешествие, дающее материальные блага, и когда все это осуществится и будет очень заманчиво жить дальше, умру внезапно, без страданий; гибели близких вокруг меня нету. И еще, что в моей жизни сыграет роль человек с именем на букву К. или R.?!

Ее бы устами да мед пить.

Рассказывала фантастические истории про столкновения свои с НКВД, как к ней, по ее мнению, подсылали каких-то женщин, приходивших якобы гадать; как одна из них, бывавшая за границей, привезла ей привет от графа Шевалье, никогда не существовавшего, причем ей как П.О. Гросс, что уже nonsens, т.к. ее заграничные друзья не в курсе ее последних бракосочетаний и т.п. Об изменах мужа, на что я ей советовала смотреть сквозь пальцы. Но все-таки Паллада уникальный тип.

У Бондарчука зашел разговор о том, что Анна Петровна ценит свою акварель (вид Летнего сада, берег Лебяжьей канавки зимой) в 2000 рублей А.В. считает, что это слишком дорого, таких цен нет. «И зачем ей деньги?» —

сказала Тоня. «На черный день», — ответила я, на что Бондарчук сказал: «Черного дня у А.П. не будет, она не доживет до черного дня. Жизнь А.П. была очень счастливой и спокойной. Смерть мужа была большим горем. Умрет она внезапно, без страданий, такова ее организация».

Незадолго перед этим мы, т.е. Бондарчуки и я, были вечером у А.П. Антон Васильевич был расстроен — накануне умер от операции звездчатого узла больной. Сосуды были очень хрупкими, хрупкость была вызвана гнойным[1142]

Заговорили о вороватости русских людей. А.П. боится демобилизации, развития грабежей. Я привела в пример нашу жизнь в Ларине без сторожей, без запоров — на большой дороге. За 40 лет украли приводной ремень у молотилки. На меня все ополчились, — «Если я буду считать свой народ таким, как вы описываете, вором и жуликом, я не смогу жить, надо пустить себе пулю в лоб». Бондарчук: «Зачем же, у русского народа такие качества, которые перекрывают эти недостатки. Простота, храбрость, презрение к смерти. Офицеров культурных я почти не видел, но солдат — замечателен. Вынослив, прям, культурен по-своему».

Анна Петровна начала развивать теорию о том, что русский народ должен создать новую религию, и эта религия будет на основе марксизма, благодаря учению Маркса и Ленина народ объединился, и все национальности дружно воюют. Тоня и Антон Васильевич в один голос заговорили — воюет только русский народ, все командиры утверждают, что все нацмены никуда не годятся, они бегут, прячутся в кусты. Да и в больнице — ни выносливости, ни терпения, он стонет, ноет, он трус. Это шлак, хлам.

Я сказала А.П., что удивляюсь ее познаниям марксизма. Она расхохоталась — оказывается, что она никогда Маркса не читала.

Очень интересную историю рассказал Бондарчук, историю, ему сообщенную его бывшим больным, офицером, кажется, войск НКВД.

Было установлено, что в городе есть три пункта, из которых по радио корректируют стрельбу немцев. Две точки в районе Невского и одна у завода «Большевик». Последнюю они нащупали довольно точно, пришли. У дома играет мальчик.

— Где мама?

— На заводе.

— А папа?

— У меня нету папы.

— Как же так, мы знаем, что у тебя есть папа.

— Ну, может быть, есть, может быть, нету.

Они ушли и затем вернулись уже с автоматчиками, гранатами. Застали мать. Сказали ей, что им известно все, и заставили провести к мужу. Оказался подземный ход, где сидел человек, совершенно спокойно их принял и сознался в том, что да, он корректирует немецкую стрельбу. Русский, бывший учитель, интеллигентный человек!

15 февраля. Были Белкины, и вдруг позвонил и вскоре приехал Раввинов Л.Г., только что прибывший из Москвы. Он по-прежнему работает у Образцова. Но ему хочется вернуться в Ленинград, сделать самостоятельный театр, и здесь, сказал он, мы можем с вами встретиться. Пока он хочет привезти эстрадную группу, закрепить за собой помещение на Троицкой[1143], работать при Наркомпросе, как Образцов, а затем дело развернуть широко и организовать Театр марионеток.

«И поедем в Америку», — сказала я. «Непременно поедем!» — был ответ. Т.к. я ему не очень доверяю, вернее, совсем не доверяю, et pour cause[1144], то я слушала очень спокойно и бесстрастно, говорила ему комплименты (умеренные), а внутренно думала о том, что это было бы именно то, что мне надо, то, что меня бы с девочками обеспечило на будущую зиму.

On verra.

16 февраля. Мучительно много времени занимает хозяйство. Не знаю, что и придумать, но так дальше нельзя. Встала в 9 часов. Носила с площадки дров, расколола в кухне, переносила к себе, помылась — уже 10 часов. Пришла Надежда Карловна (ex diva[1145]), взяла у меня водку на продажу, после чего я пошла в лавку. Купила хлеб, пиво 1½ литра, кофе 200 грамм, соль, спички, все, что выдают по разовым талонам на 31 рубль. Народу в лавке мало, но у кассы, у одного прилавка, у другого по несколько минут — пришла домой около 12. Затопила печь, подогрела кашу, поджарила хлеб в козеиновой сметане, выпила со всем этим кофе, вымыла посуду, постирала несколько платков, подмела пол (только посередине), чуть-чуть прибрала комнату, и вот уже около двух часов. А будь у меня прислуга, я бы уже с 10 часов работала. А так тратишь время бездарно и устаешь, как каторжник. И толку никакого.

А на бульваре деревья в инее, в белых венецианских кружевах, хочется рисовать.

А надо мной висит работа: история кукольного театра, перевод «Анатомии» Delmas et Laux, «Chronique de la vie» Стравинского и перед Юдиной я в долгу — «Чайковский во время войны». Беда!

Когда Паллада увидала Анну Ивановну, говорит: «Не доверяйте ей!»

17 февраля. Вчера именины Анны Петровны. Были Белкины, Тамара Александровна, Корнилов П.Е., племянница А.П. Владимирская, Бондарчук, Антонина Николаевна <Бондарчук>, Ю.В. Волкова и я. Накормила нас А.П. потрясающе, была и икра, и чудная семга, колбаса, сыр, пирог с капустой, торт бисквитного теста, а Тамара Александровна Колпакова принесла торт наполеон! и с кремом.

Сотрудник Корнилова был в Новгороде: Спаса Нередицы нету[1146], и по-видимому, все загородные церкви разрушены. В Софии[1147] купол пробит и фреска разбита. Все ценности немцы увезли. Они за эти два года выпустили 16 книг о Новгороде. Одну удалось достать, в которой поясняется, что основан город нордическими пришельцами. Обогатила и вывела город «в люди» Ганза[1148] и т.п.

Корнилов передал рассказ партизана: снаряд обходится им [в] 1 р. 40 к. Немец не стоит такой цены. Пленных партизаны брать не могут, им некогда с ними возиться, нечем их кормить, и они их уничтожают. Но так как расстреливать дорого, они их прирезывают ножом.

Бондарчук со слов раненого лейтенанта: словили двух языков, очень нужных, и отправили в штаб с двумя солдатами, хохлами, заказав непременно их довести в целости до штаба. Хохлы пришли без пленных, объяснив, что фрицы «втикали», а потом сознались, что не могли удержаться и убили их. Сдержать себя невозможно.

19 февраля. Сейчас начинается самое страшное и ответственное. По слухам, население само уходит от Красной армии, от советской власти, от коммунизма. Это рассказывают потихоньку все корреспонденты, Руднев (еврей) говорил Анне Ивановне. Племянница Анны Петровны была с армией под Дорогобужем, народ приглядывается, насторожен. С немцами хорошо жили. А мы будем вводить насильственную нищету, будем вешать всех, кто за два года с немцами говорил.

Вот тут должен быть какой-то поворот. Жизнь не может так дальше идти. Двадцать шесть лет нищеты и всяческой лжи. По тем же слухам, расстрелянные в Катынском лесу поляки — это дело рук НКВД[1149], служи хоть десять панихид. И нам можно вкрутить очки, да и без вкручивания мы всему *обязаны* верить. А заграницу не проведешь панихидой.

Читала, верней просматривала, новый исторический роман Федорова «Демидовы»[1150]. В одной главе он превозносит Петра, а вместе с ним и Демидовых, которые ему помогали. В следующей изображает каторжную жизнь демидовских холопов, пытки и казни. Хотела послать книгу девочкам, не пошлю. Демидовы — конец XVII века. А в XX веке их отец расстрелян ни за

что, мать седьмой год в ссылке ни за что; а парильни, а застенки, а избиения, пытки?

О Господи, как вспомнишь все — страшно становится, и страшно, и душно.

Вчера, 18 февраля, Алене минуло бы 23 года. Служила панихиду. В церкви сходит на душу успокоение, тишина, легче становится. Смотрю на Спасителя и верю, что он спасет Россию.

Аленушка, дорогая моя, ты совсем меня бросила.

Вчера видела в столовой Соню Ржевскую, дочь Веры Дмитриевны Палтовой, красавица девушка, она на год моложе Алены, лучше не думать, а жить машинально, как колеса в шестерне.

Позвонила сегодня Глинке, не написал ли он в альбом? Он, оказывается, показал его Мануйлову, и тот просил разрешения написать мне стихи о Ленинграде.

На это я спросила Владимира Михайловича, как прожил Мануйлов эти годы (каково нахальство!). Прожил достойно, вытянул старушку мать, прекрасный товарищ.

Я не огорчаюсь тем, что мне никто не дает медали «За оборону Ленинграда», которую носят даже людоеды, по словам Ал.К. Делазари, я сама раздаю медали.

Надо непременно, чтобы написали мне в альбом обе сестры Вейнберг, Ниночка Иванова, В.А. Белкина, спасшая Вениамина героически. Еще кто у меня кандидаты? Наталья Ивановна Животова — ни он, ни Дешевов недостойны. Ольга Андреевна. А вот Анна Ивановна — она очень мила, очень обязательна, любезна, культурна — а кто ее знает! Ольга Андреевна — это подлинный Человек.

Исповедь земле
из сектантских песен

Еще раз, моя питомая,
Прикоснусь к тее головушкой,
Испрошу у тея благословеньица,
Благословеньица со прощеньицем,
Что рвала я твою грудушку
Сохой острою расплывчатой,
Что не катом тея я укатывала,
Не урядливым гребнем чесывала.
Рвала грудушку боронушкой тяжелою
Со железным зубьем да ржавыем.

Прости, матушка, питомая,
Прости грешную, кормилушка,
Ради Спас Христа, Честной матери,
Все святнея Богородицы,
Да Овласия заступника,
Да Ильи пророка мудрого,
Да Егорья Победоносчика.

21 февраля. Утром шла по Литейной. Самое характерное в Петербурге — это его гордость. Особенно гордым в своих страданиях, умирании был он в зиму 41—42-го годов. И как мы, все население, к нему не подходим, ему чужды.

Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье...[1151]

А мы все такие нестройные, такие плебеи в этой державной аристократической раме.

Опубликованы лозунги, теперь «призывы»[1152] в честь дня Красной армии. Они занимают две трети листа, и ни разу не упомянута Россия. Например: «Да здравствует Советский народ, народ-герой, народ-воин».

Что за сапоги всмятку в головах у тех, кто это пишет. Вероятно, не русские они. Советы — понятие политическое, а где нация, где страна? Одно время стали было писать Русь, Россия, а теперь, видно, испугались каких-нибудь симптомов, и Россия опять стала Совдепией. Больно, больно за такой народ. Будущее покажет, русский герой или раб.

И храбрость от рабства. Не хочу верить. Народ, сочинивший такую песню, как «Исповедь земле», не может быть долго рабом.

С тех пор как я, после прекращения обстрелов, повесила образа в угол, над письменным столом, мне кажется, что я немножко в церкви, та же тишина от них идет и спокойствие. Как жаль неверующих людей: Андрей Петрович и Тамара Александровна рассказывают, что Ксения Морозова до ужаса, до психоза боится смерти. И Тамара Александровна говорила о раненых, как спокойно и достойно умирают верующие и как мечутся, как боятся смерти неверующие. Она, ученый и микробиолог, глубоко верит в Бога.

Анну Петровну я подозреваю в теософии. У нее над кроватью висят образа, а в то же время она уже много раз при мне говорила, что христианство ничего миру не дало, мир не очистило.

Мне оно дает очень много. А таких, как я, во всем мире — легион. Что государственные системы от духа зла — это так. Но Христос — выше всего.

1 марта. Была сегодня в церкви. Великий пост. «Да исправится молитва моя»[1153] — трио, пели, как ангелы. И это пение уносит душу к Богу. Я плакала, и, мне кажется, плакала вся церковь. Нам всем, столько перестрадавшим, эти слезы дают успокоение. Слезы смывают житейские заботы, очищают душу, легко становится! И лик Спасителя, ах, какой лик, какая живопись. И, смотря на него, всегда думаю о Петре.

Как у меня сейчас в моем одиночестве мало житейских забот. Заботы еще все впереди с приездом девочек, Васи с семьей, но у меня какая-то твердая уверенность, что Бог на сирот пошлет и жизнь как-нибудь образуется. Может быть, Soeur Anne и увидит кого-нибудь со своей башни.

Я сегодня открыла Америку. Я открыла, *что мы, Россия, не Европа*, может быть Евразия, я не уверена в этом, надо подумать. Но мы не старая Европа, которой напророчили закат[1154]. Все латинские страны сдались сразу немцам. Скушал Гитлер Европу в один присест. И вот народ, ненавидящий колхозы, ненавидящий коммунистов, бросается на амбразуры пулеметов, таранит своим самолетом и собой врагов. Такого мир еще не видал.

И один выдерживает на себе всю тяжесть германского натиска.

А американцы за время войны потеряли 19 000 убитыми, *но* дали нам всякого добра на 4½ миллиарда. Золото — а у нас кровь. Кровь даром не течет. Она всегда дает всходы, и всходы после этой войны должны быть гениальными. Не дожить, но теперь я верю. Я верю, что русскому (не европейскому) народу принадлежит будущее.

Я сейчас в поисках каких-нибудь заметок о кукольном театре пересмотрела много иностранных мемуаров XVII века. Боже, какое презрение, какие ханжеские ахи и охи по поводу безнравственности и разврата русского народа. Стоит прочесть «Lettres d'Amabed» Вольтера и «Варфоломеевскую ярмарку» Бен Джонсона!

13 марта. Современные анекдоты:

Один русский — пьяница;
два русских — драка;
десять русских — очередь в шинок (шалман);
много русских — фронт;
один еврей — лауреат;
два еврея — блат;
десять евреев — наркомат;
много евреев — тыл.

Во время Тегеранской конференции[1155] Сталин, Черчилль и Рузвельт поехали прокатиться. По дороге встретилась им корова. Шофер хотел объехать, принимал все меры, но безуспешно. Рузвельт вышел из машины, пробовал прогнать корову, не смог. Не удалось это и Черчиллю. Тогда вышел Сталин, подошел к корове, пошептал ей что-то на ухо, и корова, задрав хвост, галопом убежала с дороги. «Как это вам удалось ее прогнать?» — спрашивают Рузвельт и Черчилль. «А очень просто. Я ей сказал на ухо: “Не уйдешь, так велю загнать тебя в колхоз”».

18 марта. В ответ на Наташино письмо пишу Васе следующее: «Милый Вася, сегодня я получила письмо от Наташи, которое меня страшно расстроило. Ты ей не пишешь, и она делает из этого соответствующие выводы, которые заставят ее разойтись с тобой.

Вася, не делай глупостей à la ... У тебя двое детей, Наташа кормит Петрушу. Помни, что у тебя умерла сестра, чудесная девочка, и виною смерти, ее слабых нервов (хорея) и сердца было горе ее матери. Я плакала беременная, плакала, когда кормила. И не могу себе этого простить. Что, кого я оплакивала, стоил ли тот человек для меня мизинца Алены? Не могу этого вспоминать. Разводы, расходы всегда ужасно отражаются на детях.

Наташа героически прожила эти годы: здесь она содержала всю семью, сам ты знаешь, как ей трудно. А ты доставляешь ей страдания и ничего не делаешь, чтобы иметь возможность зажить семьей.

Подумай обо всем этом серьезно, пока не поздно.

Я, конечно, буду с внуками и Наташей.

Целую тебя, да хранит тебя Бог».

Я надеюсь, что написала достаточно энергично. Ох, это шапоринское наследие безвольности, неустойчивости и неблагородства.

28 марта. Сегодня получила от Наташи письмо, в котором она меня просит аннулировать ее предыдущее, «сумасшедшее, т.к. оно оказалось настоящим бредом. Единственным извинением может служить только мое отчаянное одиночество». Слава Богу. Хорошо то, что хорошо кончается.

Я опять очень долго не писала. Не хватает времени. Работа в Нейрохирургическом институте оказалась далеко не синекурой. Конечно, я сижу дома, физически не устаю (кроме хозяйства), но перевод этой «Anatomie médico-chirurgicale du système nerveux végétatif (sympathique et parasympathique)»[1156] очень трудный. В особенности вначале я совсем растерялась от этой тарабарщины неизвестных мне слов.

Я сейчас думала о всех своих знакомых, о том, кто мне всех ближе по моему душевному и умственному строю, и пришла к выводу: конечно, Анна Петровна. А затем замечательного человека, способного на самые благородные поступки, я чувствую в Ольге Андреевне.

У Анны Петровны широта диапазона интересов. Наталия Васильевна очень талантлива, очень неглупа, но ее очень мало что интересует вне ее. Она жила прежде здешними, не столько земными, сколько домашними, семейными интересами, своими и Алексея Николаевича, его успехами, отчасти, может быть, сплетнями. Теперь она вся ушла в себя, в свое творчество, стихи у нее чудесные и по содержанию, и по форме. Неожиданные образы, прекрасный язык и глубина мысли и ощущений, которые при обычном знакомстве не видны. Она вся в себе, и мода ее не интересует никак. И это всегда немножко грустно.

Где мои друзья? Римский совсем тонет от жизненного неустройства, блудней, нищеты, детей. Бедный Александриец (да еще какой) в клещах грустной, бесцветной, мучительной жизни; он сам виноват во всем, но от этого не легче. Каждый несет в себе свой яд, а противоядие находят единицы. Да и то!

А Петтинато. Где-то он? — в этом катаклизме Италии, куда отнесли волны его и семью. Он умница, вряд ли он соединил свою судьбу с Муссолини. Он, конечно, с англичанами, может быть в Лондоне или Америке. Его мальчикам теперь 23 и 25 лет, а Maria тоже большая, лет ей 14.

Господи, увижу ли я братьев? Я сейчас все время жду чуда. Старуха, легкомысленная старуха. Но что же делать, противоядия против легкомыслия тоже нету. Только бы Вася нашел свой путь. У него большое дарование, а понимания, что делать, никакого. Да и в полосу он попал неудачную. Ни школ, ни педагогов.

И.Н. Кашинцев, архитектор, преподающий сейчас рисование во вновь организованном ремесленном художественном училище, пригласил меня преподавать живопись. Я устраиваю туда Люсю Говорову, а сама договорилась с ним, что с осени возьму на себя офортную мастерскую и преподавание истории искусств. Выйдет или не выйдет, но тысяча рублей в месяц может быть обеспечена к приезду девочек.

А Галя кончает свою последнюю открытку словами: «Так хочется поскорей с Вами встретиться! И тогда мы больше не расстанемся никогда! Правда?!»

Бедные горемычные девчушки, выброшенные из гнезда птенцами. Но и то сказать: почти все дети, их подруги, осиротели за эти годы. У Иры Светловой отец расстрелян, мать умерла. У моих девочек мать жива и вторая семья у нас. Так что, пожалуй, они еще счастливее многих.

Сейчас в Европе что-то готовится. Гитлер в истерике растянул свой фронт от Финляндии до Греции, хочет дорого продать свою жизнь. Бедные все карлушки, так зря живот свой положившие. Все говорят, что все население Эстонии поднялось против нас. Глинка говорил, что в прошлом году ему довелось много бывать в госпиталях, читать солдатам и слышать их мечты, их веру в уничтожение колхозов, в новую жизнь. Он в это не верит и настроен очень пессимистично, как и большинство. А я вот верю. И он не учитывает те миллионы культурной блестящей молодежи.

[В апреле открылось железнодорожное движение в Москву. В июне 44-го я решила съездить в Москву и Ярославль к Наташе и детям.

Я получила деньги за статью о кукольном театре, написанную для Института театра и музыки, проработала в Театральном комбинате целую ночь, расписывая головные уборы к какой-то балетной постановке, что-то продала — в общем, скопила тысячи полторы и взяла билет в «Стреле»[1157] (250 рублей), встав в 5 часов утра, чтобы первой встать к вокзальной билетной кассе.

С 1940 года я никуда не выезжала. За войну и блокаду даже мысль о передвижении вытравилась из мозга. На Москву поезда не ходили. Мне казалось, что мы, как водяные кувшинки, приросли корнями к земле. И вдруг я еду. Это было так странно и неправдоподобно, что я глядела в окно и все повторяла про себя: я еду, я еду, я еду... Кувшинке перерезали стебель, и она поплыла по течению. А за окном полное разрушение. Сломанные танки, разрытая земля, валяющиеся пушки, машины, орудия, траншеи, окопы, разрушенные дома, торчащие трубы и, пожалуй самое страшное, обгоревшие леса. Как сейчас помню — до горизонта черные обгорелые стволы берез с короткими обгорелыми сучьями, обрубками обугленных рук, в отчаянии воздетых к небу. Любань, вокзал: передний фасад частью уцелел, внутри все обрушилось, средней стены нет, а сзади обгорелые, почерневшие руины стен почему-то напомнили мне Рим, Колизей, обугленный Колизей. На полях пусто, нигде ни души, ни одной скотины. Проснулась утром как будто в другом мире. Свежая зелень, поле ржи, проселочная дорога, мокрые от росы тропинки, деревни, на полях скот, люди. Какое наслаждение — мирная жизнь! Казалось, я вырвалась из тюрьмы.

Дух замирал от радости, что через несколько часов я увижу своих — Лелю, Васю. В 42-м, сознаюсь, я уже не надеялась свидеться с сестрой.

Все они вместе с Юрием рассчитывали увидеть блокадного дистрофика и были крайне разочарованы моим внешним видом. Благодаря заботам Бондарчука и вливанию глюкозы с аскорбином осенью 43-го года, я очень поправилась за последний год. Юрий будто бы приготовил мне даже путевку в санаторию, — этого не понадобилось.

В Москве поразило: часы на улицах ходят, не то что у нас; лица скучные, но не значительные; из военных только генералы. Нет нашей прифронтовой атмосферы.

Я сразу засела за окончание перевода 1-й части «Chroniques de ma vie» Стравинского, чтобы получить здесь же, в Союзе композиторов, деньги для дальнейшего путешествия. Кормиться было очень трудно. Изредка я обедала в Союзе композиторов на Васины талоны. Все было сделано для неудобства публики, в особенности для нас, командировочных. Хлеб по нашим «рейсовым» карточкам с 1 августа в булочных не выдается, надо искать где-то у Покровских ворот, в Сокольниках, на Ордынке, в Грузинах[1158]. Продукты — в трех магазинах на противоположных окраинах города. Искала для Сони куклу — нигде нет: то с глиняными головами, то плоские, тряпичные, цены высокие. Вчера, 1 августа, открылся промтоварный коммерческий магазин. Очередь стояла по Неглинной и Кузнецкому Мосту. 2 июля. На Пречистенке, на верху горы. Иду с почты. Утро. Туман. Вдали голубой мираж — Кремль. Под гору идут дома, взбирается трамвай, а позади туманный сизый силуэт Кремля. Мираж старой Москвы. Высится Иван Великий[1159]. Никогда я еще не видала Кремля в таком аспекте. Я остановилась и долго стояла. Весь Кремль однотонный, сизый — нереальное видение.

Видела Г. Попова, Н.А. Тимофеева, которого вывезли из Ленинграда умирающим. Здесь он очень поправился. Я мало где бывала, все переводила и переводила в душной Лелиной конуре. Вася был очень заботлив. В Комитете по делам искусств О.Н. Олидор очень любезно дал мне командировку в Ярославль (иначе передвигаться было невозможно), где, кстати, должна была состояться декада кукольных театров области.

Наташа с детьми и бабушкой жили у отца ее, Алексея Валерьяновича Князева, в 12 километрах от Ярославля, в деревне Глухово. Соне было уже 5 лет. Пете один год, при мне он начал ходить. В июле я много времени проводила в Ярославле, войдя в жюри смотра кукольных театров. Жила я тогда у Елены Федоровны Суворовской, милой Лили Сперанской, с которой я так сдружилась на курсах Екатерининского института.

Среди любителей кукольного дела была обаятельная Мария Николаевна Слободская. Осматривала Ярославль. Церквей, церквей — и все закрыты, мало того, приспособлены для самых неподходящих целей. В знаменитой церкви Иоанна Предтечи на Толчке[1160] лаковый завод и склад, в церкви на рынке вязальная артель имени Крупской. В церкви Николая Чудотворца (XVII век)[1161] стены зашиты фанерой, и на них выставлены гравюры Юдовина. Везде склады, заводы, артели. Открыт для осмотра только собор Ильи Пророка[1162]. Вошла я туда, и дух замер от ощущения праздника — праздника красок. Какое чувство красок было у этих крестьян-живописцев! А огромная икона Ильи Пророка вся в различных оттенках белого цвета. Потрясающая икона.

Возможно ли где-нибудь во всем мире встретить в XX веке варварский вандализм, подобный советскому?

Кажется, в той же церкви Николая Чудотворца, где была выставка Юдовина, меня поразили Царские ворота, скорее католического типа, польского. Это горельефная скульптура, изображающая группу человеческих фигур, точно не помню, кто был изображен: Христос ли с двумя апостолами или два апостола, но очень хорошо помню их такой чуждый общему стилю ярославских церквей барочный характер. Есть предание, что это работа Федора Волкова.

Ходила на рынок, поразило количество инвалидов, торгующих табаком и всякой мелочью, и просто слоняющихся. Цены и там высокие.

Сохранились некоторые записи: 21 июля 44 — пучок моркови 5 рублей, стакан земляники — 13 рублей, стакан манной крупы — 35 рублей, стакан пшеничной — 20 рублей, 600 грамм хлеба — 65 рублей.

Погода стояла чудесная, приятно было окунуться в кукольные дела, я так люблю это дело. Здесь всё были петрушечные театры — из Костромы, Рыбинска и самого Ярославля, последний театр был самый слабый.

Кончился смотр в конце июля. Возвращалась я из Ярославля по железной дороге до станции Ёркино, оттуда до Глухова было верст пять. Поезд плелся медленно и приходил в Ёркино в 11 часов вечера. Закомых крестьян в соседней деревне, где можно было переночевать, не оказалось дома, и я пустилась в путь. Была тихая звездная ночь. Полная тишина. В деревнях все спали, собак нет ни у кого. Сильная роса. Шла я по тропочкам в картофельных полях и межам. Дорога в деревне спускалась к оврагу, на дне которого, журча, бежала речонка. Я перешла по мокрым от росы кладям и остановилась. Дух заняло: передо мной на фоне догорающей вечерней красновато-

золотой зари черным силуэтом рисовались стоявшие по склону оврага избы, сараи и выше их ветряная мельница. Журчал быстрый ручей, воздух был полон медовым запахом свежескошенного клевера, и ни души кругом, полная тишина. Я стояла в глубоком восторге и думала: это мне за блокаду.

Оторваться не могла, все стояла и упивалась божественной красотой этой картины, музыкой журчащего ручья. После всех ужасов блокады душа была потрясена до основания божественной гармонией природы.

До самой смерти не забыть этой ночи. Я была счастлива.

Погостила я в Глухове около полутора месяцев. Гуляла с детьми, Соней и Алешей. Соня в моем сердце как-то сливалась с Аленой; однажды, когда она влезла на крышу сарая и я очень испугалась, я вскрикнула: «Алена!»

И опять работала, писала портреты. Два с натуры, а пять или шесть с фотографий убитых братьев и сыновей. Получала за них молоко, яйца, масло, деньги.

С натуры было очень интересно рисовать, я так люблю это дело и так страдаю, что совсем лишена возможности рисовать.

Катя Лаврентьева, заведующая молочным хозяйством колхоза, крепкая девка лет 26, с багровым рябым лицом. Чтобы убить немного эту красноту, я поставила за ней фикус. Получилось неплохо. Она была шатенка с голубыми глазами. Аннушка передавала мне, что Катя осталась очень довольна портретом, об одном жалеет, зачем я ей сделала голубые глаза, лучше бы черные. Я объяснила, что теперь самая большая мода на голубоглазых шатенок.

Получила я за портрет, кажется, килограмм масла. Это было великолепно. За другой портрет с натуры я получила прялку и пяток яиц. Мои портреты ценились по 500 рублей! И кругом удивлялись, что я польстилась на прялку. А прялка была редкостная. Моя модель, немолодая баба, получила ее от своей матери, умершей незадолго перед этим 106 лет от роду. Позже я видела такие две прялки в Русском музее (Этнографический отдел). Она напоминает какую-то индусскую башню. Со всех четырех сторон в ней вырезаны до самого верху крошечные сквозные окошечки с кокошниками, по три в ряд, всего 23 этажа!

10 августа — храмовой праздник в Дивееве-Городище — Одигитрия, Смоленская Божия Матерь (28 июля ст. стиля)[1163].

Отправились мы с Хиной, 14-летней девчонкой из нашей деревни, рано утром. Мягкие холмы, кое-где перелески и поля, поля. Взойдешь на холм, и видно, как со всех сторон по дорогам и тропинкам идет народ. Яркие женские платья, платки среди несжатых полей овса пестреют, как вышивка.

Было чудное утро. До Дивеева 7 верст. Когда мы уже приближались к Волге, далеко где-то направо раздались орудийные выстрелы. Это был последний налет немцев на Ярославль.

На высоком берегу Волги вокруг церкви толпы народа. Я отстояла обедню, потом пошел крестный ход. На носилках четверо несли огромную, в серебряной ризе, икону Смоленской Божией Матери. Люди шли ей навстречу, приседали и проходили под ней. Крестный ход остановился, служили литию[1164], и позади хоругвей, золотых риз священников, пестрой толпы расстилалась огромная голубая пелена Волги. Все залито солнцем.

Я записала тогда в записной книжке[1165]:

Не поймет и не заметит
Чуждый взор иноплеменный...[1166]

Спустившись к Волге, посидели на берегу. Мальчишки плыли в лодке со стариком. До меня доносился их смех, шутки — дразнили старика: «Эх, дед Никита — без порток...»

Подумала об утраченных германских иллюзиях... Кажется, век бы не ушла отсюда. Шли мы с Хиной домой с толпой нарядных девок, баб, парней; многие оставались сидеть на могилках в церковной ограде, закусывали.

Хина рассказала мне о смерти своего отца.

«Умер он от порчи, тетка Фелицата тогда еще жива была, принесла маме яичко и говорит: сделай мужу оладушек. А отец уже болен был. Напекла мамка оладушек, как прихватило отца, так он и не встал больше. А потом вскоре сама тетка Фелицата заболела, она уже старая была. Очень была она тяжело больна, очень ее черти мучили, а умереть никак не могла. Жил у нее старик-нищий в углу. Она ему покаялась во всех своих грехах, всех назвала, кого на тот свет извела, и попросила его снять с крыши конёк, а то черти не давали ей умереть. Как только снял он конёк, так она и умерла».

Коньки не только на избах, но даже на маленьких баньках. Очевидно, конёк — талисман, ограждающий от нечистой силы. Только по снятии его черт может прийти за погибшей душой. Я никогда раньше не знала этого поверья, и оно привело меня в восторг, который разделил также и Алексей Николаевич Толстой, когда, приехав в Москву, я рассказала ему об этом; он тоже слышал об этом впервые.

Недалеко от нашей деревни жил доктор, но крестьяне больше верили знахарям и знахаркам.

Только представить себе: вся Россия покрыта коньками, на Севере, мне говорили, они дубовые, массивные; всякий дом воздевает к небу заклятие от нечистой силы. Это просто замечательно. Всякое жилье ограждает себя от зла.

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя[1167].

Уехала я числа 20-го. По дороге из Ярославля никаких впечатлений. Молоденькая и хорошенькая медсестра жаловалась на офицеров: «Они всех нас принимают за ППЖ». — «Это что такое?» — «Полевая передвижная жена».

В Москве я пробыла недолго. Виделась, конечно, с Надей Викентьевой, которую очень люблю и очень ценю. Созвонилась с Толстым и была у него на Спиридоновке[1168]. У Алексея Николаевича был прекрасный вид, загорелый, румяный. Показывал мне рентгеновский снимок с легкого: «Видишь, у меня в легком дырку нашли», — но вид был цветущий. Был тут же М.Л. Лозинский, стояла большая корзина с вишнями из Барвихи, запивали каким-то вином.

А.Н. был очень весел, а через полгода его не стало.

Он мне подарил номер «Октября» со своим «Иваном Грозным»[1169] с надписью «Дорогому другу».

В ту осень я ждала возвращения девочек из эвакуации и приходила в отчаяние, на какие средства я их обую.

Аннушка в Глухове долго убеждала меня обратиться к Толстым. Придя к ним, я застала дома только Людмилу с матерью, А.Н. пришел позже. Собравшись с духом, я спросила Людмилу, не найдется ли у нее чего-нибудь старого, что можно было бы переделать девочкам Старчаковым. И, Боже мой, как раскудахтались и мать и дочь. «Ах, что вы, мы уже стольких одели, столько вернулось из эвакуации знакомых и друзей, нет, ничего абсолютно нет...» А Старчаков был близким другом Толстого, пока, конечно, с ним не стряслась беда. Могли бы и новое купить осиротевшим детям.

Мои-то средства им были известны.]

22 сентября. Встретила на улице Анну Ахматову. Она стояла на углу Пантелеймоновской и кого-то ждала. Она стала грузной женщиной, но профиль все тот же, или почти. Что-то есть немного старческого в нижней части лица. Разговорились. «Впечатление от города ужасное, чудовищное. Эти дома, эти

два миллиона теней, которые над ними витают, теней умерших с голода — этого нельзя было допустить, надо было эвакуировать всех в августе, в сентябре. Оставить пятьдесят тысяч, на них бы хватило продуктов. Это чудовищная ошибка властей. Все здесь ужасно. Во всех людях моральное разрушение, падение. — Ахматова говорила страшно озлобленно и все сильнее озлобляясь, буквально с пеной у рта, летели брызги слюны. — Все немолодые женщины ненормальные...» — «Не вижу, — вставляю я реплику, — Л.Я. Рыбаковой...» — «Лидия Яковлевна никуда не выходила, ничего не видала. Все ненормальны. Со мной дверь в дверь жила семья Смирновых, жена мне рассказала, что как-то муж ее спросил, которого из детей мы зарежем первого. А я этих детей на руках нянчила. Никаких героев здесь нет, и если женщины более стойко вынесли голод, то все дело тут в жировых прослойках, клетчатке, а не в героизме. Вы думаете, я хотела уезжать? — А.А. прищурила глаза, со злобой глядя на меня, ей, видимо, не нравились мои реплики. — Я не хотела этого, мне два раза предлагали самолет и наконец сказали, что за мной придет летчик. Все здесь ужасно, ужасно».

Мне уже не хотелось спрашивать ее о работе, о стихах, у меня было ощущение, что меня, всех нас полили грязными помоями, оскорбили незаслуженно.

Вечером я видела Бондарчука, рассказала о встрече. «Не возмущайтесь, — сказал он. — Тут ясно самоущемление и желание самореабилитации. Бежала от опасности, теперь она просто реэвакуированная среди многих других, надо же себе создать пьедестал».

Я вспоминала возмущенные рассказы Елены Яковлевны Данько о том, как тогда, осенью 41-го года, Ахматова в истерической панике не выходила из бомбоубежища на канале Грибоедова и запугивала их неминуемым приходом весной немцев и тем «крошевом», которое они здесь учинят. И Кетлинская говорила Анне Ивановне, что она принимала тогда все меры, чтобы вывезти Ахматову из Ленинграда ввиду ее панического состояния.

Впечатление от этой встречи осталось крайне тяжелое.

Не веселее и другое разочарование. Кажется, весной в Союзе композиторов была обнаружена у бухгалтерши растрата в 80 тысяч. Вначале она всю вину сваливала на Богданова-Березовского, потом признала вину, но говоря, что деньги тратила на него. Дело длилось все лето, и открылись целые потоки грязи. На днях у меня был Ю.В. Кочуров, подавленный этой историей, набросившей тень на всю организацию. Бухгалтерша была любовницей Богданова-Березовского. Она получала карточки на разных умерших или

переехавших членов Союза, и они пользовались сообща шестнадцатью лишними карточками. Загурский сказал Кочурову: «Каждый день раскрывает все новую грязь. Вы даже не представляете себе». Дело слушалось в военном суде при закрытых дверях. Валерьяна оправдали, т.е. замяли дело, присудив уплатить в течение какого-то количества лет 600 тысяч, 600 тысяч! За карточки, по-видимому.

Богданов-Березовский, говорят, был так доволен своим оправданием, что в тот же вечер пошел в театр.

Композиторов срочно заставили перевыбрать председателя, они избрали В.В. Щербачева.

Мне кажется, я бы застрелилась после такой истории. Хотя, если уж идешь на подобные поступки, до совести ли.

Богданов-Березовский был председателем Союза, его жена кассиром, любовница бухгалтером, а курьер Вера домработницей. Это все ужасно. Недаром Леля, еще в 30-х годах, когда гостила у нас в Детском, еще при Аленушке, называла Валерьяна гнилым мостом. «Нельзя, — говорила она еще тогда, — за него ручаться; выдержит такой мост или провалится». И вот провалился. Это больно. Хоть пиши опровержение в мой альбом. Только бы уж дальше не было разочарований. Мне жаль Аничку Богданову-Березовскую. Она держится такой линии: все клевета, Валерьян чист. Кто ее знает.

А как они трогательно жили. Когда он уезжал в Москву, он ежедневно слал ей телеграммы, писал, как тоскует...

Была у меня вчера Кира Полюта — похудела, похорошела. Шефнер говорил Сильве, что она вышла замуж. Увы, утешится жена...[1170] Л.Е., оказывается, не убит, а умер от заражения крови при остеомиелите в Арске[1171]. Вот кого мне жаль. Жаль как родного. Состояние духа у меня ужасающее. После жизни в Глухове у меня отчаянная тоска по Соне, по детям. Страшное беспокойство за девочек, они мне уже месяц как не пишут от обиды, считая, очевидно, что я бросила их на произвол судьбы. Это нелепое, дико произвольное запрещение въезда. Я понимаю запрет для новых приезжих, вроде тех евреев, которых понавез Шапиро. Но те люди, которые неминуемо будут здесь жить, как и раньше жили, — как можно им запрещать въезд?

Говорят, из Ленинграда берут в Москву Жданова, Маханова, Францева, даже Загурского. Мы превращаемся совсем в глухую провинцию. Запрещено открывать новые театры, даже кукольные.

Или — не увижу ли я вскоре Сашу? Да, новое дело. При первом же свидании Бондарчук меня предупредил, чтобы я бросила всякую переписку с

английскими родственниками. Теперь à la page[1172]: немецкая разведка нам уже не страшна, а выискивают и вылавливают английскую и американскую! В pendant[1173] к этому один партиец говорил Елене Ивановне: нам предстоят более близкие сношения с союзниками. Но надо помнить, что они нам *чужие*.

И вот слежка за всеми, кто что читает, кто о чем говорит и т.д.

Час от часу не легче.

4 октября. Еще по тому же поводу: Никита привез из Москвы слух, что в Иране нашим офицерам запрещено категорически разговаривать с англичанами под угрозой ареста! Ну и страна! Если они боятся пропаганды, то такой запрет хуже всякой агитации. Не расстреляем ли мы или вышлем в Сибирь все те войска, которые теперь находятся за границей?

[Пропустила эти две страницы. Запишу Нюшины рассказы. Она съездила летом домой в Тверскую губернию к родителям. Их места были заняты немцами. Деревня сожжена, а их дом уцелел, и вот почему: когда немцы стали отступать, все жители убежали в леса, овраги. Отцу 75 лет, матери 73. Он и говорит: останемся, старуха, дома, куда нам бежать, все равно помирать. Остались. Вбегает финн, посмотрел на печке (немцы прежде всего кидались к печке, где обыкновенно лежат валенки, тулупы), но все теплое было закопано и спрятано. Вырвал раму, бросил посереди избы, разрубил кровать, стол, свалил все туда же, полил керосином, поджег и убежал дальше. Старики давай затаптывать, отец все ноги пережег, но огонь затоптали.

В соседней деревне загнали всех крестьян в избу, заколотили двери и окна гвоздями, приставили часового. Он добрый оказался, подал им топор и говорит: начальник проедет и даст распоряжение поджечь избу. Если он проедет после этого дальше, вы бегите, а я подожгу соседнюю избу. Если же он останется смотреть, то ничего не поделаешь, придется вас сжечь. К счастью, начальник отдал приказ и проехал дальше, мужики были спасены.

Бросали детей в колодцы.]

Все может статься. И чем победоноснее мы движемся на запад, тем грустнее мне становится, неужели мы понесем туда нашу нищету и террор, сердце сжимается, и ничего светлого я от окончания войны больше не жду. И страшно за страну, которая столько пролила крови.

Сегодня утром пришел Ванечка Андреев, на костылях, без ноги. Он ничего страшного не рассказывал, а у меня весь день ноги дрожат. В июле 43-го года пошел на фронт санитарным инструктором. Мог бы не идти, он еще в Финскую войну был ранен в бедро и освобожден. Но «стыдно было сидеть в тылу». Все время работал на переднем крае. Страха не испытывал

совсем. 17 января во время наступления раздробили колено. Боли не почувствовал, на ногу наложили гипс, и началось гангренозное воспаление. Поэтому ногу пришлось отнять всю.

Недавно только вышел из госпиталя. Причем по правилам ему должны были выдать протез, костыли и палку. Костылей не дали, и он, подкупив двух санитарок, взял, под видом своих, казенные костыли. Без них передвигаться невозможно, протез очень тяжелый и неудобный, они теперь делаются не из пробки, а из дерева.

Жаль безгранично. Ему лет 29 теперь, способный актер. И сколько их, миллионы и миллионы. Мне кажется, что в конце концов инвалидов наши власти тоже расстреляют, самый простой и удобный способ их обеспечить — царствием небесным.

6 октября. Я опять становлюсь Делабелем. Мечтаю о том, к чему нет никаких предпосылок. О братьях, о путешествии. Без денег (живу на занятые деньги), без осеннего пальто, без шубы, галош, сапог я хожу по улицам и мечтаю. Я вчера написала Васе (сыну) письмо — пояснительное к похвале его работ. Я пишу ему, чтобы он понял свое большое дарование, понял, чем он обязан Чупятову, чтобы он воспитал в себе психологию художника, про которого Баратынский писал:

Есть хмель ему на празднике людском[1174] —

и добавила о себе: художника из меня не вышло, но этот хмель я чувствую в очень сильной степени. Хмель в смысле радостного восприятия мира, природы, искусства. Этот хмель мне дал и дает силы переносить мою невеселую жизнь. И мечтать о чуде. Soeur Anne, Soeur Anne, ne vois-tu rien venir. Не хочу верить в ответ Геттингера: «C’est notre histoire à tous sur cette triste terre. C’est ce que nous disons tous sans cesse à l’avenir»[1175] — и подумать, что это автор XVIII века. Не хочу ему верить, бывают же чудеса. И страна наша многострадальная завоюет свое счастье, выйдет из нищеты, из страха.

Мне нравится, как Рузвельт постоянно возвращается к борьбе со Страхом. Теперь они помогают Италии, чтобы у населения не было страха перед зимними холодами[1176].

А мы-то! Страх, Страх и Страх. Кто б нам помог, кто б услыхал? Только Господь Бог. Он видит кровь и ту кровь, которая лилась рекой эти 26 лет.

9 октября. Ночевала у меня Паллада. И все-таки она очень занятный человек. Притом постоянный интерес к жизни и умение ощущать ее курьезы. Опять мне гадала. В прошлый раз перед моим отъездом она по картам мне

предсказала поразительно верно мои разговоры с (НКВД) Гусевым, т.е. неприятности по поводу посторонней женщины, задержки с ее отъездом. Теперь по картам выходит, что у меня «маленькие дороги и большая удача», в которой мне поможет солидный король. Важный король предложит мне какую-то новую работу, которая изменит к лучшему мою жизнь. Насчет же девочек, т.е. их возвращения, выходит много хлопот, затруднений, обмана короля, который затем при личном свидании все же поможет. Исполнится мое желание через десять сроков, т.е. десять дней, или недель, или месяцев. Небольшая моя болезнь. Записываю, чтобы проверить.

Началось с того, что днем сегодня позвонил Лозинский, которому я дала на просмотр все свои переводы. Одобряет, особенно хорош, по его мнению, перевод Стравинского. Это уже удача. Я очень обрадовалась. На днях я подала заявление в горком писателей с просьбой принять меня членом горкома[1177]. У меня было столько неудач в Комитете по делам искусств, что я боюсь на что-либо надеяться. Но очень бы мне этого хотелось. Я там получу рабочую карточку и дополнительную, могу уйти из Нейрохирургического института заканчивать свои работы — Стравинского и Кукольные театры.

С приезда я не разгибаясь работаю для Нейрохирургического института. Сначала корректировала прежний перевод Дельма и Ло[1178], а затем Антон Васильевич дал мне книгу Дезарта, 160 стр., и говорит: переведите в три дня! В десять дней — при усиленной работе — я перевела половину. Эти переводы очень трудные, а зарплата моя 225 рублей в месяц. На руки я теперь получаю 130 рублей. Это не заработок, а мучение. И все время спешка. А я-то боялась синекуры.

Завтра 10-е, 27 сентября по-старому. 32-я годовщина папиной смерти. И как я помню все. Если Вася (брат) жив, он тоже будет служить панихиду, в этом радость традиций, семейных устоев, которых у Шапориных нет и в помине.

У Князевых они есть. Для этого, очевидно, нужна преемственность поколений.

10 октября. 27 сентября служила панихиду и думала о том, как папа мне близок до сих пор, как я чувствую его дух где-то близко. Думала о том, что со смерти Аленушки в моей жизни наступило затемнение, вот такое же, как во время войны в городах. Свет погашен или затемнен. И моя жизнь эти 12 лет продолжалась, но уже без света. Вот Сонечка — это свет. Если бы я могла с ней жить. Только бы она была здорова. Как невыносима моя бедность. Как она мне надоела и как это тяжело.

Паллада гадала и по руке и утверждает на основании какого-то треугольника, что на меня посыплются блага как из рога изобилия, когда — неизвестно, и проживу я долго. Какие-то две смерти, одна очень огорчит.

Разговоры в очереди.

Спиритизм.

Красота города, Летнего сада, Лебяжьей канавки[1179].

11 октября. Была у Лозинского. Он прочел мои переводы более чем внимательно, с той «бдительностью», которой мне так не хватает. 16 страниц «Хроники» Стравинского он проверил en regard[1180], как он выразился. Он не пропустил ни одной фразы, и эти поправки — целый наглядный урок, как надо прислушиваться к тексту, чтобы его переводить.

Я очень тронута, такое внимание так редко встретить. Написал он для горкома крайне лестную для меня рекомендацию, может быть и утрированную, хотя М.Л. и уверял меня, что не покривил душой.

«Известные мне работы Л.В. Шапориной-Яковлевой свидетельствуют о ней как о вдумчивом, талантливом и высококультурном переводчике. Л.В. уверенно находит нужные приемы для передачи стиля самых разнообразных произведений — как старинных, так и современных. Последняя ее работа — перевод книги Игоря Стравинского "Хроника моей жизни", выполняемый ею по договору с Союзом советских композиторов. Книга эта, трактующая о проблемах музыки, представляет немало трудностей для перевода. Трудности эти преодолены Л.В. Шапориной с большим искусством и знанием дела.

Не менее удачны принадлежащие Людмиле Васильевне переводы авторов XVIII века. Изящная одноактная комедия Флориана "Бергамские близнецы" передана живым и легким языком, очень сценичным. Она ставилась на сцене. Серьезными достоинствами обладает перевод полустихотворной, полупрозаической театральной сказки Карло Гоцци "Зеленая птица".

Как переводные работы Л.В. Шапориной-Яковлевой, так и ее труды по истории кукольного театра дают ей несомненное право быть принятой в число литераторов, состоящих на учете Ленинградского горкома писателей. 11. X. 44».

Чего же лучше! Лозинский нашел, что в передаче диалога в скетчах Петтинато я не передала тонкости оборотов. А «Les jumeaux de Bergame»[1181] ему очень понравились, он это несколько раз повторил, чего я даже не ожидала. По-моему, там я очень неплохо перевела стихи.

Выйдет ли из этого что-нибудь?

Когда я ехала к Лозинским, я никак не могла попасть в трамвай. Было около семи. Пошла пешком. Стоял легкий туман, вернее, сизая дымка. Дали Фонтанки с моста в обе стороны тонули в этой дымке, цирковой мост, дома за ним розовато-сизые отражались в воде, деревья золотого бережка и Летнего сада — золотые, бронзовые, коричневые, красноватые — гляделись в сизую, лиловатую рябь воды. Когда я пришла к Троицкому мосту, вдоль Невы зажглись фонари, темнело, туман синел на ярко-розовом, почти красном небе. Дух у меня захватывает от красоты Петербурга. Особенно хороши каналы, виды с мостов, все, что окружает Инженерный замок. И всегда это ново и красиво по-новому.

7 ноября. Разрыв снаряда, звуки обстрела. Это салют, *я знаю*, и мучительное, тошнотное чувство сжимает сердце. Вот сейчас ничего не могу с собой поделать — совершенно то же ощущение, которое было при сильных обстрелах, никакие доводы разума и очевидности не помогают. И это уже, очевидно, до конца дней. Это был и тогда не страх смерти, а что-то совсем другое, сознание беспомощности, возмущение и, может быть, подсознательный физический, вернее животный, страх. Животное, живая Божья тварь подсознательно протестовала. Как же она протестует против двадцатисемилетнего рабства, террора, запрета мысли, лжи и фальши, произвола. И неужели тоже до конца дней? Мозг, все, что есть в моем существе живого, протестует. Неужели этому талантливому, лихому, храброму народу нужен такой метод управления? Очевидно. Но 27 лет этой очевидности меня не убеждают.

Вчера была в госпитале на улице Мира на вечере их самодеятельности; предварительно мы репетировали с Валей, она выступала на концерте с куклами, я ей поставила басни Маршака, частушки, русскую, присутствовала на репетиции певцов, танцоров и думала: талант так и прет из этого народа — какие голоса, какая лихость. Ведь это все раненые, всё люди, вернувшиеся из ужаснейшей в мире мясорубки, — и хоть бы что!

Саша Зайкин — баянист. Очаровательный мальчик на вид лет 15—16, белокурый, с тонкими правильными чертами лица и лучистыми, аквамариновыми большими глазами. С Урала, ранен в плечо, легкое, правую руку, изуродован большой палец. Спрашиваю: «Сколько вам лет?» — «Девятнадцать, — громко говорит он и более тихо добавляет: — Скоро исполнится». Прекрасно играет на баяне, подбирая все по слуху, нот не знает. Говорят, очень хороший, «обходительный» юноша. Другой юноша, постарше немного, — чудесный тенор. Да много их. А как воюют! Один уж Бог знает. И все для того, чтобы вернуться в колхозную беспросветную нищету, именно без

всякого просвета и без всякой надежды на возможность улучшения своего быта, своей культуры, благосостояния.

Когда я вспоминаю колхозы, у меня вся душа переворачивается.

12 ноября. Хочу все же заставить себя писать каждый день. Вернулась от Анны Петровны, где были Новотельнов, Хлопин с женой, Бондарчук и позднее других пришла Т.А. Колпакова с Николаем Ивановичем Кучеровым, ради которого все и собрались. А.П. пишет третью часть воспоминаний[1182] и дошла до «зеленого луча», который она видела в Коктебеле и не могла объяснить себе его происхождение. Оказалось, что объяснение простое. Как Бондарчук сказал: пропала вся мистика. Это одна из граней, один из цветов солнечного спектра, который бывает виден при совершенно ясной погоде при условии, что солнце садится или встает на совершенно ровной площадке, будь то на море или в горах, и т.д. Видим он бывает в течение ½ секунды или 1,7 секунды.

Новотельнов рассказывал, как они мыкались и голодали первый год своего пребывания в Самарканде, как все профессора ходили в столовую и часа полтора стояли там в очереди, чтобы получить «голый суп и голую кашу».

Бондарчук молчалив, но когда говорит, то говорит умно.

Вчера слушала 7-ю симфонию Шостаковича[1183]. Впечатление мне испортил Вайнкоп, полчаса расхваливавший симфонию и объяснявший ее политическую программность. Возмутительно: разжевывать своими словами с еврейским акцентом большое музыкальное произведение, которое само за себя должно говорить. По этой ли причине или нет, но мне сдается, что 5-я и 6-я мне больше нравились. Хорошо бы ее еще раз прослушать. И еще: после первой, лучшей части антракт минут 40. Цельного впечатления не остается.

Сегодня в булочной опять ругань наших гвельфов и гибеллинов[1184] — ленинградцев, остававшихся здесь, и эвакуантов. «И чего вы здесь делали, все как было, так и осталось, только нас обворовывали». Каково это слышать бабам, расчищавшим город в марте, апреле 42-го года?

Туда и обратно к Анне Петровне мы шли с Антоном Васильевичем пешком. Он говорил о разных бытовых и других неприятностях. «Я недостаточно сукин сын, чтобы преуспевать в жизни». Когда же я ему, говоря о своих делах, сказала, что я не могу ходить в Комитет по делам искусств выпрашивать и клянчить, как это делают другие, он стал упрекать меня в аристократизме. «При чем же тут аристократизм? Просто я, очевидно, как и вы, не сукина дочь! Я просто их презираю».

Но положение мое аховое. Институт театра и музыки обещал мне дать еще 1000 р. под статью. Бухгалтерша обещала деньги 10-го, а теперь говорит, что в лучшем случае после 25-го. Как прожить? Была сегодня в ломбарде: за фрак Ю.А. и жилет дали 120 р. (на 6 кг картошки) — и за бархатный спорок платья 70 р. А я должна...? 300 р. Ольге Ивановне и т.д. и т.д. И девочек надо выписывать и... т.д. Моя нищета сейчас беспредельна. Зарплата моя равна 130 р. (около 100 р. уже удержано на заем[1185], налоги и т.д.) — это рацион, масло и конфеты. Как тут жить? Я сейчас изо всех сил перевожу (выправляю) Стравинского, но надо и статью о кукольном театре кончать к 10 декабря. Деньги будут в декабре, тысячи две, а дальше что? Я не понимаю, как я буду жить, как девочек содержать, на что дрова покупать? И так бедствую я одна среди всех моих знакомых. И когда я нахожусь среди всех этих литерщиков[1186], мне хочется кричать не своим голосом SOS — save our souls[1187], — а я молчу и веду салонный разговор. А долги, долги. И голод, вернее, проголодь.

Обеды в институте таковы: ложка не больше 100 гр. вареной картошки, ложка картофельного пюре и ложка тушеных овощей, — иногда, редко добавляется кусочек рыбы, не всегда съедобной. Это все — завтрак, обед и ужин.

14 ноября. Вернулась сейчас с авторского концерта Шостаковича, исполнялись квинтет и новые квартет и трио[1188]. Это все чудесно. Скрипки мне напомнили почему-то осеннюю паутину, усеянную капельками росы, блестящую на утреннем солнце. Особенно хороши квартет и трио памяти И.И. Соллертинского со скорбной средней частью. Я вспоминала Аленушку, как она танцевала с Д.Д. фокстрот и потом говорила: «Я очень люблю Митю, он такой хорошенький, как девочка». Так больно на сердце — больно, больно.

Видела Дмитриева, расспрашивала про Васю, просила устроить халтуру. О халтуре — очень это трудно устроить. О Юрии он сказал: «Да, Шапорин ведет себя по отношению к сыну странно и глупо».

Вчера была pour faire acte de présence[1189] в Институте театра и музыки на докладе Винера о творчестве Образа и Характера. Читал он часа полтора, одни общие места и без конца цитаты. Там были: Винер, Карская, Мовшенсон, Янковский, Португалова и еще девица, Левик — все евреи, и Загорный, Кошаровская, Данилов, Пехов и я — русские. Его разгромили Янковский и Данилов. Мовшенсона я уважаю за то, что он сохранил свою ужасную фамилию и не сделался Полонским, как его сестра-поэтесса. Он прочел у нее мой перевод Стравинского и очень одобряет.

Получила от Наташи сегодня чудесное письмо о ее флирте с Никитой Богословским и поездке с ним в салон-вагоне в Москву[1190]. Прием, оказанный Шапориными, был ужасен. Он превратился под благотворным влиянием супруги в скрягу. Чтобы не помочь сыну в такой момент, бояться впустить их в свою дачу, задержать пропуски чуть что не до декабря! Просто негодяй. Ему же хуже.

15 ноября. Стравинский пишет в 1-м томе своих «Хроник»: «Ce fut dans ce milieu cultivé (у Н.А. Римского-Корсакова) que j'ai noué beaucoup de nouvelles relations parmi les jeunes gens qui y venaient et qui avaient des préoccupations intellectuelles des plus variées. Il y avait des peintres, des jeunes savants, des amateurs éclairés et aux opinions avancées (je veux citer mon ami Stephane Mitoussof avec lequel je composais plus tard le livret de mon opéra "Le Rossignol")»[1191].

Сегодня у меня была Александра Васильевна Щекатихина, заговорила о Митусове. Оказалось, что Степан Степанович Митусов — ее родственник по первому мужу, Потоцкому. Он написал либретто «Соловья» полностью, а не в collaboration[1192] со Стравинским, но, очевидно, по его указаниям. Стравинский ему обещал, что имя его будет на афише и что он будет получать авторские как автор либретто. Когда опера была написана, имя Митусова не фигурировало на афишах, и он никогда не получил ни копейки. Он писал Стравинскому, но ответа не было. Во время блокады он умер от голода.

Среди этих молодых людей, бывавших у Римского-Корсакова, был Петр Петрович Греков, сын казачьего генерала; у них было имение Гусевка в Саратовской губернии. Стравинские были небогаты, и Игорь несколько лет подряд ездил к Грековым и проводил у них все лето. После революции П.П. Греков эмигрировал и жил в Париже. Когда туда приехали Билибины, то нашли его очень внешне опустившимся. Он очень бедствовал — был многосемейным, заработки скудные, он работал чернорабочим на фабрике, рабочие над ним трунили, на работу брали с трудом, ему было уже 50 лет. Александра Васильевна рассказывает, что, когда он бывал у них и приходили иностранцы, внешний вид Грекова их шокировал, приходилось объяснять, что и почему.

Однажды он зашел в нотный магазин Madelaine и рассматривал какие-то ноты. Внезапно в магазине всё замолкло, и только послышался шепот: «Это Стравинский». Греков обернулся и увидал его. И подошел со словами: «Не узнаете? Я П.П. Греков — помните Гусевку?» Стравинский сухо на него

посмотрел, сказал: «Может быть», — отвернулся и отошел. «Мне было так стыдно, — рассказывал Греков, — стыдно за него».

А.В. говорит, что семью он бросил и сошелся со второй женой Судейкина Верой Артуровной. Семье помогал очень мало, а сыну-пианисту будто бы не разрешил выступать под своей фамилией. Это меня удивляет, т.к. в «Хрониках» он искренно пишет, что j'ai eu la joie de faire débuter mon fils[1193] — сын играл его концерт под его управлением.

Мне было грустно узнать всю эту оборотную сторону медали. По «Хроникам» он мне представлялся другим.

Мы с А.В. пошли к 7 часам в ТЮЗ на премьеру «Бедность не порок»[1194]. Актеры очень волновались, не окажется ли спектакль провинциальным после трехлетней работы в Березняках. Нет, они не ударили лицом в грязь, как Мариинский театр[1195], — дали хороший спектакль. Они не хватают звезд с неба, но это добротный показ Островского юному зрителю. Трогательный и чистый.

18 ноября. Сегодня наконец состоялось совещание в горкоме писателей; меня туда пригласили, зачитали рекомендации Лозинского и Дилакторской, прослушали похвалы Е.Г. Полонской, тоже изучавшей мое «творчество», и единодушно, поднятием рук, приняли меня в свое лоно. Я становлюсь человеком свободной профессии, — получаю от них карточку, увы, только рабочую, в дополнительной им отказали, ухожу из Нейрохирургического института. В Выборгском ДК[1196] буду получать 500 рублей, а дальше видно будет. Надо будет искать какой-нибудь такой же интересный перевод.

В горкоме, покончив с моим делом, стали разбирать заявление некоего Мазовецкого, бывшего их члена, но уезжавшего куда-то в Среднюю Азию и привезшего оттуда тоже «творчество». Леонид Борисов и Полонская читали его скетчи и комедии и говорят: пошлятина невероятная. Но вещи пользовались успехом у зрителей, а жил он на железнодорожной станции и творил для местных жителей. Это мне напомнило Винера. После того как его раскритиковали, он произнес покаянную речь. Жил он в Мотовилихе[1197], занимался с драмкружками, и каждое его слово принималось с восторгом настолько, что он почувствовал потребность изложить в книге всю свою мудрость. Он писал, читал и вдохновлялся восхищением жителей Мотовилихи, почувствовал себя гением. А в Ленинграде, увы, это не зазвучало.

В Ярославле М.Н. Слободская говорила мне, что эвакуированные из Ленинграда и Москвы внесли много культуры. На деле оказалось, что, мо-

жет быть, они и внесли культуру, но сами опустились до провинциального уровня. Мариинский театр тому пример.

19 ноября. Все пишу. Днем пришла ко мне Галя Футерман и принесла от девочек посылку: килограмма 4 картошки и коробочку шоколадных конфет! Ну что с ними делать!

Вечером зашла к Бондарчукам. Он уже 3 года работает над созданием атласа огнестрельных ранений, ему рисуют Калинина, Думаревская; эта мысль была подхвачена другими хирургами. Доложили Сталину, который отпустил на 4-томный атлас миллион рублей. В Нейрохирургическом институте работал над этим один Антон Васильевич. Сейчас же сам себя пристегнул к этому делу Бабчин. Нейрохирургический отдел займет 1½ тома, получат они за это 15 000, из которых Бабчин возьмет себе половину[1198].

Бондарчук читал мне стихи Есенина. Чудные у него стихи «Не жалею, не зову, не плачу», и это я в нем очень оценила. А мне и хочется плакать, да позвать некого, помочь нечем. Работай, работай, работай. Устаю, одолевает быт. С утра надо напилить и наколоть дрова, затопить, что-то постирать, что-то заштопать, а работа стоит.

24 ноября. Я сейчас прикинула, что́ мне придется получить за мои работы. За Стравинского, если там 7 листов, 4200. Уже получено и проезжено летом 2900 рублей. Рублей 450 будет вычетов! Остается 850 рублей — это в лучшем случае.

За статью еще хуже. Институт платит, оказывается, только 60%, следовательно, за 4 листа я получу не 4000, а 2400, 1000 я уже получила. Мне хочется повеситься. Я не вижу возможности жить дальше. Не вижу возможного заработка. Девочкам в голову не приходит, что я нищая. Я в полном отчаянии. В тупом отчаянии. Я не знаю и не вижу пути. Ведь их привезти — это будет стоить около тысячи, одеть, обуть, кормить. Самое было бы спокойное — умереть.

La vie m'écoeure, j'en ai assez[1199].

3 декабря. Сейчас, разыскивая в словаре подходящие слова для «savoureux», я прочла слово «вкусно». И мне даже плохо стало. Я почувствовала со всей интенсивностью, до чего хочется именно *вкусного*. Четыре года подряд есть только невкусное, безвкусное. Уж год, как я занимаюсь только умственным и довольно напряженным трудом, потребность сладкого у меня невероятная. Суп на воде, кашка на воде, овощи на воде, суррогат хлеба, которого не хватает, чай без сахара, без сладкого... Я стараюсь никогда об этом

не думать, а вдруг прорывается, это по-настоящему мучительно. J'ai beau[1200] перемещать внимание... Ну, все равно.

Была вчера опять в филармонии. Играли «Токкату» Баха, концерт Моцарта, Седьмую симфонию Бетховена. Дирижировал, и очень хорошо, Зандерлинг, а концерт играла чудесно Юдина. Чудесно переливались бриллиантами люстры, дивный зал, отдыхаешь там ото всего. Какая разница с видом того же зала в 42, 43-м году. Теперь он переполнен, тепло, публика хорошо одета, война от нас ушла далеко, вернувшиеся из эвакуации ее и не видали в глаза, и город, люди как будто и забыли о ней. И это больно. Только священник молится за воинов, на поле брани убиенных, и кругом стоят женщины всех возрастов и плачут. Я сегодня была в церкви, подала поминание за моих друзей, погибших за 41—42-й год, и видела глаза этих женщин, не забывших о войне.

Дивно пели запричастный стих[1201]. Я тоже плакала и мечтала о счастии для всех моих близких; Боже мой, Боже, если бы я могла чем-нибудь им помочь. Кроме мечтаний у меня нет *ничего*.

28 ноября. Часов в 11 вечера позвонила мне О.А. Смирнова, живет напротив, на Кирочной, 3. Говорит: «Приходите, есть икра, вино, захватите хлеб, у меня тепло». И я, со свойственным мне легкомыслием, пошла. Чудная ночь, полная луна, светло, сухо. В такие ночи осенью 41-го года были жесточайшие немецкие налеты. Не верится, что все это в прошлом. И тут же я вдруг ясно, ясно представила себе состояние Германии, всех немцев. Как медленно сжимается вокруг них кольцо, и выхода нет, податься некуда. Вспоминаю Нюрнбергскую Eiserne Jungfrau[1202] — вся Германия сейчас в положении того смертника, которого закрывали в ней. Как мог этот умный народ поверить во всю расистскую белиберду Гитлера и довести себя этим до эшафота? И вот сравнить: Франция дала Наполеона, в которого были влюблены даже враги, который воевал благородно, по-рыцарски. Германия породила истерического маньяка и рабовладельца Гитлера. И расизм-то его от необразованности и нуворишества, вроде нашего марризма[1203].

Племянница Анны Петровны жила во время эвакуации в Котласе, городе ссыльных[1204]. Ей пишут, что теперь туда привозят сосланных из Эстонии и Буковины! Освободители! Какой ужас. Нашим военным строжайший запрет общаться с иностранцами, даже союзниками. Что мы: народ-раб от природы или юный народ, накопляющий силы?

5 декабря. От Марка, гл. 9, 24. «Верую, Господи, помоги моему неверию! 29. Сей род не может выйти иначе как молитвою и постом».

Может быть, придут люди с горячей верой, с молитвою и постом.

27 лет нищеты, голода, террора сделали нас духовно дряблыми. Нас, интеллигентов.

В народе всегда появлялись подводные течения, выливавшиеся в конце концов в несущие новые начала сильные бури. Что заставляет этих возвратившихся в деревню с войны демобилизованных коммунистов идти венчаться в церковь, как Смолин в Глухове? Другой по собственному почину повел в церковь жену, с которой был зарегистрирован лет 6 тому назад, ребенку уже 5 лет.

Крестьянство могло принять ужасы немецкого нашествия и колхозов как Божью кару за поругание веры и церквей. Я жду спасения России от крестьянства. В огромной армии, завоевывающей Европу, есть какая-нибудь назревшая мысль.

9 декабря. Мне чуется, что сейчас по всей Европе, тоже подводно, начинается наша борьба с поистине демократическими странами. Бельгия, Италия, сейчас усмирение Греции англичанами. Причем в наших газетах, конечно, все передается со своей колокольни, и поэтому результаты неожиданны. Например, выступления в палате общин по поводу Греции: передаются только отрывки речей левых, а затем, после речи Черчилля, вотум доверия правительству 290 голосами против 30! А вот что говорили другие, — этого нам знать нельзя[1205]. Сами мы заливаем кровью все инако моргнувшее, не только мыслящее, и стоим за демократию! Ох, до чего надоела эта ложь! Нет сил.

Я сейчас закончила перевод первого тома «Chroniques de ma vie» Стравинского, 186 страниц за один месяц и 9 дней. По-моему, это здорово. За октябрь перевела для Бондарчука книгу Desorte в 4 печатных листа и в сентябре корректировала перевод Delmas et Laux, 236 страниц. Кроме того, за это же время распилила 1 метр дров! И была 5 раз в филармонии. Für eine ganz alte dame leiste ich wirklich viel[1206].

А денег нет как нет, правда, я их проездила с шиком. Теперь бы надо найти опять такую же умную книгу для перевода.

Умные люди перевелись в моем обиходе, люди такого острого плана, как А.О. Старчаков, Петтинато, каким был в молодости А.А. Смирнов. А если и есть и встречаешь, то кто же станет искренно говорить. Все надели на себя намордники с замками и ни гугу. Уж раз Елена Ивановна меня могла предать, куда же дальше.

Насчет намордников я вспомнила курьез. Поженившись весной 1914 года, мы стали с Юрием искать квартиру, в моей мастерской на Васильевском

острове было тесно. Нашли что-то подходящее на Алексеевской, в доме архитектора Шретера[1207], только на лестнице страшно воняло кошками. Пошли к хозяину, зашла речь о кошках. «Знаете ли, — сказал он, — я изобрел способ уничтожить этот дефект, я надену на всех котов намордники»!??

26 декабря. Вторую неделю валяюсь с гриппом. 22-го был день моего рождения (9 по ст. ст.) — 65 лет. До чего стара! И все живу, и нужно жить, пока Евгения Павловна не вернулась. Mon année s'est annoncée mal[1208], температура была нормальная, пришлось встать и идти умолять дворничиху наколоть дрова, пойти за хлебом, продать часть его, благо за болезнь много накопилось. В комнате холодно! Ужасно болеть в одиночестве, в наших советских условиях. Прибирая комнату, я подняла газету, и вдруг мне стало даже больно от острого сознания: одна эта газета на всю огромную страну, один образ мышления, одно политическое понятие, даже на литературу, музыку, историю — на все, на все один взгляд. Я зажмурилась и совершенно ясно увидала себя в каменном мешке, я даже видела цвет этих стен вокруг меня; и выхода нет.

Зашла ко мне М.В. Юдина. Я рассказала ей об этом. «Нельзя об этом говорить, — сказала она, — и думать нельзя. Потому что если думать, то жить нельзя, надо умирать. Месяцами я не читаю газет. Надо создать себе аристократическое одиночество, только так можно существовать».

Недавно, перед болезнью, я была у Никиты, отвозила посылку для Наташи.

У него прелестная квартирка, сам он обаятелен и остроумен, как всегда. «Я не вижу тебя, — говорю я, — ученым, физиком. Ты рожден быть дипломатом». Он смеется: «От плохой конторы не хочется работать. Если бы контора была другая, я бы, конечно, пошел по дипломатическому пути».

Какой же может быть подъем, расцвет при таких условиях?

На днях была у меня Тамара Александровна, выслушала, велела поставить банки. Она убежденная расистка, считает, что всякое смешение кровей вредно отзывается на нравственном облике человека. Она казачка уральская и очень гордится этим и тем, что казаки очень соблюдали свою кровь, женились на своих казачках.

А Пушкин, Жуковский?

Тамара Александровна была тоже 22-го, привезла мне кусок баранины и печенья к чаю; а у меня, чтобы отметить день рождения, хватило силы воли сохранить от последней выдачи лишь одну конфетку и одно печенье. Quelle misère[1209].

Я сейчас в ужасном беспокойстве о девочках: больше месяца нету писем.

27 декабря. Дали знать из Нейрохирургического института, что от 6 до 7-го будут выдавать медали за оборону Ленинграда[1210] в Доме партактива на Чайковской[1211]. Просили меня сказать несколько слов. Был полный зал народу, главным образом женщины. Нейрохирургический шел последним; я сказала общие фразы, дескать, благодарим партию и правительство за честь, гордимся, будем и впредь стараться. От каждой организации кто-нибудь говорил приблизительно то же самое. После этого тот человек в военной гимнастерке, который раздавал медали, сказал речь: мы отстаивали и отстояли Ленинград, а теперь должны его и отстроить.

Оттуда я пошла в Союз писателей. Вс. Рождественский читал свои стихи и отрывки из «Повести моей жизни»[1212]. Стихи у него прекрасные, и проза очень хороша. Меня удивила его наблюдательность, его внимательное отношение к людям. Критики нашли, что у него недостаточно критическое отношение к явлениям. По-моему, в этом благородном тоне, таком человечном, главная прелесть этих, таких не советско-подхалимных записок. Он много говорит о Гумилеве, не лягая его, как, вероятно, нужно бы истинно советскому гражданину[1213]. Была Наталья Васильевна. Сели вместе. Алексей Николаевич очень болен, был в санатории в Барвихе[1214], а сейчас, кажется, в кремлевской больнице. Рейнберг сказал Г. Улановой, что у А.Н. саркома в легком, и если произойдет метастаз на голову, то конец может быть близок. Людмила распродает хрусталь, фарфор, деньги кладет на книжку и старается не пропускать Никиту к отцу. Наталья Васильевна очень расстроена болезнью А.Н. Это очень понятно. Двадцать два года прожить вместе!

28 декабря. Двенадцать лет прошло с того ужасного дня. Я не могу вспоминать; когда я вижу ее глаза в ту минуту, хочется кричать, кричать от боли. Пошла в церковь. Денег не было. Взяла хлеб на два дня и тут же продала за 36 рублей на панихиду. Проплакала всю службу, и это меня немного успокоило. Думала об Алене и обо всех живых, за которых невероятно беспокоюсь. Наташа написала — у Сонечки ангина. Боже мой, как это страшно. Девочки не пишут. У меня ни гроша. Все платежи по моим работам будут в январе, а надо девочкам деньги послать. Тяжело. И слабость после болезни. Молилась Спасителю: Помилуй, Господи, и помоги. И сохрани Сонечку.

1945

1 января. Опять новый год. Что он нам сулит? Полегчает или не полегчает?

Хочется европейской жизни, как воды жаждет человек в пустыне. Свободной, достойной человеческой жизни, понятие о которой у нас утрачено.

В пятницу 29-го я зашла в ремесленное училище (архитектурно-художественное) напомнить о Говоровой, и тут Крылов уговорил меня взять на себя преподавание истории искусств. Мне показалось, что это предложение явилось ответом на мои молитвы, и я согласилась. Если я с этим справлюсь, это все же даст к приезду девочек известный fixe, вторую карточку. Лишь бы справиться.

Была в тот же день у Загурского, чтобы узнать ответ на мою докладную записку о создании исторического кукольного театра. Накануне в «Ленинградской правде» была целая передовая статья о поддержке инициативных людей[1215]. Но, очевидно, эта директива к Комитету по делам искусств не относится. Загурского ничто не интересует, в особенности новое. «Исторический театр в куклах, как это можно сделать?» — и криво улыбается. Существо дела его не интересует, и у меня руки опускаются. Кроме того, они все в Комитете на поводу у жулика Шапиро.

Как хочется мне припомнить этот год, — что в нем было хорошего, интересного.

3 января. Была у меня сейчас Паша Карпова, Аннушкина сестра. Служит она на военном заводе Марти[1216], а живет на проспекте Огородникова — самых обстрелянных местах города. Рассказала она мне следующее: «Это уже не враки, мне это сказывала наша работница, женщина самостоятельная, это с ней самой случилось. Идет она мимо Никольского собора и видит, что окна освещены. Она подходит к милиционеру и говорит: “Что же это, вы требуете полного затемнения, а смотрите, церковь освещена”. Милиционер попросил ее войти с ним в церковь. Входят они и видят, что церковь пуста, а перед Райскими вратами стоит женщина в черном и молится. Наша работница и говорит ей: “Что же это вы, гражданка, одна в церкви остаетесь?” А милиционер идет к ней и говорит по-хорошему: “Пойдемте с нами”, — и хочет

дотронуться до ее плеча, уж руку протянул — и сразу же все погасло, ничего не видно, еле они выход нашли. Пошли к сторожихе. А она говорит: “Ничего не можем поделать, каждый день то же самое. Все потушим, а свет опять загорается и эта женщина молится. Верно, это Божья Матерь за нас Бога молит”. И это уж, верно, правда, милиционер той женщине свой адрес дал и ее записал».

Я рассказала это Ольге Андреевне, а у нее сидел ее племянник, мальчик лет 11—12: «Это неправда, мы живем совсем близко от собора, уж если бы что-нибудь такое было, мы бы знали».

Было ли, не было — сама по себе легенда очень хороша.

4 января. Звонила Рахлину, прося узнать ходы, как надо хлопотать о возвращении девочек. Он недавно видел проф. Рейнберга, только что вернувшегося из Москвы и 25 декабря видевшего Алексея Николаевича. Рейнберг сказал Рахлину, что А.Н. осталось дней десять жизни — саркома (или рак) образовали метастаз по всему организму. Рейнберг был еще с одним врачом у А.Н., ему надо было переодеться, он раздражался, разорвал рубашку. Людмила его остановила: «Алеша, резкие движения тебе запрещены, успокойся». — «Прости», — сказал он и дал ей себя переодеть. Когда Людмила ушла, А.Н. сказал докторам: «Самое умное, что я сделал в своей жизни, — это моя женитьба на Л.И. Никто не мог бы, как она, облегчить тяжелые минуты моей болезни». Он сказал докторам, что хочет юридически оформить ее положение, боясь, что ее «заключают». Доктора Людмиле тоже сказали, что ей необходимо юридически предохранить себя. Это Людмилу-то заключают! И что значит предохранить? Получить все наследство помимо родных детей? Умная баба.

Жалко мне Алексея Николаевича. Хотя он и поверхностный и малосердечный человек, но из него брызжет талантливость. И он, конечно, великолепно знает русский язык, прекрасно им владеет. Знаю я его 37 лет! Это главное.

Я горжусь собой: я рассчиталась со всеми письменными делами, написала за эти дни пятнадцать писем, шутка сказать. Из них Шереметевой, Якуниной, Говоровой — предлинные. Осталось одно — самое длинное — Римскому. Если бы я так же могла расплатиться со своими денежными долгами!

Сегодня зашла в ремесленное училище. Крылов мне предложил еще новое дело — организацию музея народно-художественных промышленных образцов. По-моему, это очень интересно. Справлюсь ли я со всем этим?

Теперь девочки могут приехать, и мы не умрем с голоду.

8 января. 6-го, в сочельник, я пошла в магазин получить по карточке 200 гр. масла, 300 гр. конф. и 25 гр. чая. Я простояла с 5 часов утра до 10½ вечера! Не попала в церковь. Простоять я бы, конечно, не смогла, я большую часть времени просидела на столе. Какая бесцельная трата времени. Как все у нас неорганизованно и как *во всем* доминирует презрение к обывателю, к человеку.

Мне не повезло в новом году. Мне дали вместо рационной магазинную карточку[1217], и отсюда все качества! 3-го я пошла в районное бюро по выдаче карточек для обмена на рационную. Конечно, безрезультатно, но меня поразило следующее. Там вместе со мной ждали заведующую человек двадцать, главным образом женщины, у них у всех были украдены карточки. Заведующая, как только пришла, заявила, что украденных карточек восстанавливать не будет. «Это вам не 42-й год, а 45-й!» — кричала она. На прошедших к ней в кабинет она кричала, как на последних воров. А это все были женщины, имеющие детей, потерявшие все возможности питаться, со справками и рекомендациями с мест работы!

Очевидно, от такой жизни я опять начинаю мечтать!

Когда у меня был грипп и температура, я промечтала о приезде Саши до 3 часов ночи и никак уж не могла заснуть. И я так верю в это; soeur Anne, soeur Anne...

12 января. Как-то в конце осени Анна Петровна рассказала мне занятный и характерный факт. Канадские художники прислали в подарок ленинградским художникам свои картины (по слухам, страшно устарелая дрянь), и делегаты их приехали в Москву. Туда из Ленинграда был послан Серов. Он должен был говорить им благодарственную речь. Он ее написал, ему ее всю переправили и сказали, чтобы он непременно читал ее по бумажке. Он прочел, и канадец в своем ответе сказал, что всенепременно хочет приехать в Ленинград, в этот героический город... и т.д. На что Серов ответил: «Милости просим». После свидания на него посыпались громы и молнии, угрожали судом: как он осмелился сказать «милости просим», по какому праву? Это право имеет только т. Молотов! Свободная страна.

На днях А.П. позвонила: приходите, очень интересные вещи сообщила Тамара Александровна со слов приехавшего из Москвы Кучерова.

У нас должны избрать патриарха. Наша церковь, как центр Православия, начинает играть большую международную политическую роль, нужен хороший патриарх. Синод предложил нашего Алексия — Сталин отвел эту кандидатуру (у нас церковь не зависит от государства?)[1218]. Тогда предложили

Вениамина Алеутского, который в продолжение всей войны посылал огромные средства от американских православных в фонд обороны!

Вениамин согласился приехать в Москву, но не меняя свое американское подданство (умный, по-видимому, мужик, понимающий, с кем имеет дело). Отвели.

И предложили отца Луку.

Отец Лука — Ясенецкий-Воинов, крупный хирург, окончивший Медицинскую академию. После смерти жены постригся в монахи, но продолжал быть хирургом. За проповеди был отправлен в Ташкент и затем сослан в Сибирь.

Когда началась война, его вернули и дали какой-то крупный пост в Красной армии. У него есть труды по медицине, по философии. «Человек большой души», — сказал мне вчера о нем Бондарчук.

Вот он — то, чего я жду. Вера, религия спасет страну. Не компромиссы с правительством, а вот такие люди «большой души». Народ, несмотря ни на что, отстоял свою веру. Тихо и просто.

16 января. Ап. Лука, гл. 12, 10: «И всяк еже речет слово на Сына Человеческого, оставится ему: а на Святого Духа хула не оставится».

Звонила вчера А.В. Щекатихина.

19 января. Утром вчера неожиданно пришла Антонина Яковлевна Головина. Я знала, что она приехала из Пензенской губернии и живет у Мичуриной. Она постарела, но бодра, а голос все тот же. От Мичуриной она ушла и живет теперь у Альмедингена и Павловской в их пустой квартире. О Мичуриной и Соне Муромцевой рассказывает ужасы. Мичурина послала ей вызов и, приглашая ее, писала, что ничего тяжелого делать ей не придется. Мыть полы, колоть дрова будет приходить женщина. На самом деле оказалось, что Антонина Яковлевна и колола, и мыла, и готовила, вообще была одной прислугой в полном смысле слова. А кормили так: давали суп и немного картошки или каши. Хлеб у нее был свой, 600 гр., как персональной пенсионерки. По своей карточке она получала только конфеты, водку отбирали и продавали. У Мичуриной 500-рублевый лимит, т.е. очень большой паек, но скупость невероятная. Ни масла, ни мяса, ни консервов Антонина Яковлевна не получала. Мичурина приходила в кухню, рылась во всех ящиках: почему это здесь лежит, а не там? Отношение как к неизвестной, приехавшей из деревни девке. И при этом всем были недовольны. Все плохо приготовлено, все невкусно. Она пекла им пироги, крендели, ее ни разу не угостили. Отношения между Соней и Мичуриной самые двусмысленные.

«Соня из ее постели не вылезает». Или сядет у ее ног, гладит ноги, целует руки, все пальцы отдельно перецелует. Когда приезжает Рачковская (В.А.), тогда Соня из ревности уходит в свою комнату, не обедает с ними. Рачковская тоже целует руки Мичуриной. «Мне так противны были их отношения между собой, такая это гадость, что когда они подходили ко мне, у меня вся кожа подымалась».

Антонина Яковлевна изображала все в лицах. Она не знала, как ей выбраться от них, т.к. чувствовала себя связанной тем, что Мичурина прислала ей вызов[1219]. Помогла Елизавета Матвеевна. «Ее они допускали к себе, т.к. Елена Матвеевна подходила к ручке».

Антонина Яковлевна простудилась и кашляла. Елена Матвеевна посоветовала Мичуриной послать ее к доктору в Александринский театр. Пошла Антонина Яковлевна, доктор, узнав, что она вдова Александра Яковлевича, страшно расшаркивался, спросил, что она делает, и ужаснулся тому, что она несет такую тяжелую работу. Спросил, не хочет ли она уйти. А.Я. рассказала свои колебания, он ее успокоил и сказал, что уж сумеет сделать как надо, и дал ей записку к Мичуриной. Прочтя записку, Мичурина вызвала Антонину Яковлевну из кухни и закричала: «Вы должны от нас уйти, вы заразная! Мы можем заразу перенести и в театр» и т.д.

Какой позор. Ведь знали же они, что она законная жена Головина, много лет прожила барыней, и такое обращение.

«Они хамки, хамки», — повторяла Антонина Яковлевна.

Когда по какому-то случаю у Мичуриной были гости, Рашевская, Корчагина пришли к А.Я. в кухню, целовали ее, радовались ее возвращению, те были крайне недовольны, и вообще всячески унижали. А Соня! Недаром както при встрече, когда я звала ее к себе, она мне сказала: «Я ведь теперь совсем не та, что была раньше, я стала гораздо хуже». И вид у нее был грустный.

Квашнина-Самарина — племянница Евдокии Николаевны. Правда, Доша был педераст, il a de qui tenir[1220], и Вася очень предостерегал Сашу в этом смысле, когда тот перекочевал в Севастополь в начале войны 14-го года. Но он был и умен и талантлив.

Антонина Яковлевна находит, что Соня много хуже самой Мичуриной и плохо на нее влияет.

Рассказывала Антонина Яковлевна последние дни своего пребывания в Детском — она бежала оттуда 17 сентября 41-го года. Жила она с женой племянника и пятью их ребятишками, мал мала меньше. Немцы уже заняли часть парка, Пулково, в городе еще были наши. Дома не было воды, дети

просили пить, Антонина Яковлевна решила пойти за водой на большое озеро. Приходит, хочет зачерпнуть — немец-часовой говорит: «Мадам, нельзя — кровь (показывая на воду). Идите к кувшинчику» (Дева с урной — Девы-то самой уже не было, ее закопали)[1221]. «Прихожу к кувшинчику, там немцы сидят, закусывают. Один подает мне плитку шоколаду. Я качаю головой, дескать, не возьму. “Возьмите, у нас есть, у вас нет”. Я и взяла. Дали мне три толстые плитки шоколада, банку консервов, банку сливочного масла, три батона. Отнесла детям. По-русски говорили плохо. Потом приехала наша машина, грузовик, забрали детей. Я Настю туда же пихнула, уехали. А сама пошла в Ленинград пешком. Захватила только один отрез на костюм. В деревне потом на 8 пудов муки променяла.

Много нас шло, пришлось идти на Колпино. И все время под обстрелом. Мы все друг другу адреса дали, если убьют — передать родным. И многие не дошли. Самолеты так и кружат, стреляют, осколки летят. Одна женщина упала, а на самой пояснице большая дыра, словно собаки вырвали. Умерла сразу.

Я потом в больницу попала, все мессершмиттами[1222] бредила».

Антонина Яковлевна вела себя всегда очень достойно, барыню не корчила. Александр Яковлевич, по-видимому, ее очень любил, или ценил. Нельзя же ее было так унижать. «Мне все время было за них стыдно», — говорит она. Какая гадость!

В Детском у нее остался и, очевидно, погиб очень славный ее портрет, одна голова — не то цветными карандашами, не то акварелью, не помню фактуры, но сам портрет очень хорошо помню, мне он нравился.

Сегодня взяли Краков, вчера Варшаву, какое наступление! Я узнаю тебя, начало высоких и мятежных дней![1223]

Хороша речь Черчилля о Греции и греческих коммунистах, «которые были хорошо вооружены, за два года с немцами не сражались, а притаились и ждали момента, чтобы захватить власть»[1224]. Не тут-то было! Наступили англичане на хвост! И придавили.

2 февраля. Был у меня Глинка, я просила его зайти посоветовать мне, как организовать музей для Архитектурно-художественного училища. Он по-прежнему пессимист: «Никогда в истории не было случая, чтобы у победоносного народа менялся строй». А я считаю, что наша революция была прямым последствием военных неудач японской и германской войн.

Военная интеллигенция, ведущая так блестяще войну, должна сказать свое слово, народ, проливающий свою кровь, должен выйти из рабства. И кроме того, западному миру нужен наш рынок.

Может быть, я вообще ничего не понимаю и мечты заменяют мне реальную действительность? Но без этой веры в судьбу России я просто не могла бы жить.

И послушав Глинку, мне стало тоскливо.

Готовлюсь к педагогической работе — и очень боюсь, вдруг не выйдет. Перечитываю «Историю искусств»[1225] с большим удовольствием.

Caro m'è 'l sonno, e più l'esser di sasso,
mentre che 'l danno e la vergogna dura;
non veder, non sentir m'è gran ventura;
però non mi destar, deh, parla basso.

Сон дорог мне, из камня быть — дороже,
Пока позор и униженье длятся.
Вот счастье — не видать, не просыпаться!
Так не буди ж и голос снизь, прохожий.
Перевод М.А. Кузмина[1226].

15 февраля. Наконец я нашла точный текст этих стихов, которые знала с 20 лет, их мне неверно продиктовала Стазя Грузинская. Перевод мне не нравится. Он неточен.

16 февраля. Какая мучительная жизнь. Сегодня пятница, у меня совсем свободный день. Казалось бы, сиди и занимайся. А дров нет. С утра я повезла на салазках белье в прачечную, оттуда на Мальцевский рынок. Купила 2 кг картошки — 46 рублей, и мешок дров, повезла на санках домой. Втащила на второй этаж, устала страшно. Потом пошла в лавку, выдача постного масла. Увы, кончилось, будет вечером. А у меня уже две недели нет никакого жира. Так проканителилась часов до трех. В 6 часов совещание в ремесленном училище об экзаменах. Т.к. я совсем внове и не знаю, что к чему, пошла. Совещание было очень коротким, и я пошла пешком за маслом, магазин против цирка. Постного масла нет, есть комбинированный жир, который надо брать в банку. Ушла. В трамвай не попасть. Пошла пешком домой!

Весь вечер перешивала себе блузку, затем стирала и вот ложусь, уже поздно. Можно ли тупей провести день?

А работы гибель.

8 марта. Опять лежу с гриппом и мучительным кашлем. Только что я размечталась о том, как благодаря службе выйду из нищеты, и вот adieu veau, vache, cochon, couvée[1227]! Две недели болезни — это минус 500 рублей.

Не везет.

Заходил Кочуров, рассказал, что с Богданова-Березовского снята уплата сотен тысяч, вообще снято все! Очевидно, по словам Ю.В., — «за большие услуги, оказанные... НКВД». Попов давно подозревал Богданова-Березовского в этой collaboration, а также и Шостаковича! Последнему я не верю. Хотя Д.Д. трус.

Кочуров меланхолично констатировал новую волну «бдительности», на это я ему сообщила об аресте Гнедич, Асты Галлы (Ермолаевой), Булгаковой и Екатерины Макаровой, он пришел в ужас. Насколько мне известно, все эти три писательницы — божьи коровки.

Говорят, что всех наших военнопленных, возвращающихся из немецкой неволи, препровождают в свои концлагеря или на шахты, не разрешая побывать дома![1228] (Сослуживец Ольги Андреевны.)

Вот уж, что называется, без черемухи![1229]

11 марта. В комнате холодно. Дров нет. Первый раз сегодня встала и отправилась на рынок за дровами. Купила две вязанки за 60 рублей и повезла. Два раза санки перевертывались, пошла кровь из носу, еле дотащила до дому. Нищета, нищета насильственная. Половина зарплаты у всех вычитается. Ставка у Елены Ивановны в университете 1000 рублей — на руки получает 580. И так у всех.

Дров нигде не заготовили. В университете, в Эрмитаже, в Академии художеств не топят. Леля Якунина рассказывала, что пишет в шубе, натурщица стоит одетая, в валенках. А им говорят: следите за формой!

Я напрягаю мозг, чтобы придумать, какими доводами убедить Храпченко, чтобы разрешили возродить наш театр. Сделать это надо. Так хочется еще поработать с марионетками, с хорошим нашим коллективом. Быть преподавателем скучно. Никогда не любила этого дела. Опостылела эта мучительная, нищенская, *рабья*, полуголодная жизнь.

Учебник по истории западного искусства под редакцией Пунина[1230]: на каждой странице тексты Маркса и Энгельса, совершенно как в Евангелии приводятся пророки. Эти тексты на все случаи жизни. Причем подлинная история часто противоречит марксистским истинам.

Анна Ивановна была у своей приятельницы Людмилы Владимировны — к той приехал из Ревеля сын Вишневского, которого она воспитала. Он моряк, коммунист. В Ревеле женился, венчался в церкви, шаферами были моряки, партийные. Жена (18 лет) прислала письмо, в котором, между прочим, пишет: «Мы венчались по всем обрядам православной церкви!»

Вдобавок ко всем прелестям нашей жизни трамвай стал недосягаемым удобством. Я то и дело хожу по утрам пешком на Михайловскую площадь, но это пустяки. Елена Ивановна с Ковенского переулка ходит пешком в университет. Щекатихина с Петроградской стороны — на Фарфоровый завод. На днях Ольга Андреевна пришла из Волковой деревни. Всегда и во всем полное принципиальное презрение к обывателю и его нуждам, к человеку вообще.

14 марта. Как хорошо Федин написал о Шишкове: «Это был человек любви, сердца, человек нежной души. Вряд ли у другого нашего современника писателя найдется столько преданных друзей, сколько оставил сейчас на земле Вячеслав Яковлевич. Поистине он дал нам много счастья. Это был Человек»[1231].

Про Толстого этого не скажешь. Это был не крупный человек, и друзей он не оставил. Он людей не ценил, не любил, они были ему не нужны. От скольких людей, друзей он отрекся на моих глазах: Замятин, Старчаков[1232]; такова же и Наталья Васильевна.

Последний раз я встретила В.Я. на улице осенью 41-го года. «Что сделали они со страной! За двадцать пять лет разорили, сделали нищей», — говорил это В.Я. возмущенно, озлобленно. Он был со мной часто очень откровенен.

24 апреля. Был Кочуров и рассказывал о своей поездке в Москву по вызову Храпченко, для показа «Героической песни»[1233] Сталинской комиссии[1234]. Ездили туда — он с Ксенией, С.П. Преображенская и Элиасберг. Приехали — никаких номеров в гостиницах. Но после того как Юрий позвонил при Кочурове Храпченко и сказал, что «я его пестовал и буду пестовать, — его необходимо устроить», а Храпченко, в свою очередь, распорядился: «немедленно устроить» — нашлось в «Национале» 4 номера.

Юрий ему играл свои баллады, Кочуров вскочил и расцеловал его: «Смотрю — а у него глаза увлажнились, и скатились две слезы», и Юрий ему сказал: «Наконец вижу настоящего музыканта».

Юрия вызывали в ЦК «по русскому делу» (так сказал Кочуров) и расспрашивали его мнение о евреях, о их засилье. «Я им все объяснил», — сказал он. «Но ведь были же и прежде исполнители-евреи». — «Да, но лучше всех были, конечно, Рахманинов и Скрябин».

Вызывали в ЦК также и Мурадели по этому же вопросу. Это все очень курьезно.

Смотрела сегодня уже второй раз «Крымскую конференцию»[1235] в нашем «Спартаке», куда пришла, несмотря на дождь, и Анна Петровна. Она была

потрясена. Остается грандиозное впечатление. Как уменьшился земной шар! До Америки уже рукой подать! Следующая война будет уже в межпланетном масштабе. Тяжелое впечатление остается от образа Сталина. Насколько Рузвельт со своим апостольским лицом, Черчилль со своим юмором и силой воли ясны для зрителя, настолько лицо Сталина ничего не выражает. Какой-то Будда без движений, без разговоров, без содержания. Сидят все втроем перед аппаратом, Рузвельт и Черчилль сняли шляпы, чтобы открыть свои лица, Сталин остался в фуражке, козырек от которой и тень от нее закрывают лицо до усов. Глаз не видно. Миф.

Обаятелен красавец Иден.

Берут сейчас Берлин. Сколько жертв, сколько наших погибнет. И неужели они вернутся, те, кто уцелеет, к прежней нищете и рабству? Нет, не сейчас, так позже этот народ выйдет на широкий и глубокий фарватер, я убеждена в этом.

25 апреля. За это время в начале апреля приезжала Саша Борисова из Архангельска и еще более растравила мою рану — уничтожение нашего театра.

Теперь очень в моде, т.е. не то что в моде, а просто выпущены в продажу, тигровые пальто. Не то тигр, не то леопард. Недавно в трамвае передо мной стояла такая шуба. Оказывается, это суслик, ni plus, ni moins[1236], суслик, на котором отпечатаны леопардовые черные загогулины. Мне показалось, что в этом соединении есть даже что-то символическое. Суслик, загримированный под тигра.

6 мая. Галилеянин, конечно, победил[1237]. Вернулась от заутрени. В церковь войти было невозможно, все пространство в ограде, улица и площадь вокруг церкви были полны народа. Многие стояли со свечами. Я вошла за ограду и стояла так, что могла видеть хоругви крестного хода. Это впервые после перерыва лет в 20. Запели «Христос воскресе», толпа запела вполголоса, подпевая хору, отвечала священнику «Воистину воскресе», отвечала радостно. Армия взяла Берлин, а мы добились того, что церковь выходит из подполья или из застенка, не знаю, какое определение верней.

Когда крестный ход вернулся в церковь, толпа стала расходиться, я отошла к дереву и говорю вслух: «Слава богу, хоть “Христос воскресе” услышала». Рядом стоящая женщина (интеллигентная) как-то особенно задушевно воскликнула: «Господи, какое счастье!»

Рассказывают, что на партийных собраниях политруки заверяют всех, что такое попустительство церкви только временное, но мне кажется, что их надежды напрасны.

У Елисеева продают пасхи по 250 рублей за кило и крашеные яйца.

Собор был весь освещен свечами, освещено было также все кружево ветвей желтоватым светом на фоне темного неба. Блестели яркие звезды, и кругом море черных силуэтов с кое-где мелькающими свечами.

6 мая, утро. Ко мне явилась Нюша от Анны Петровны, принесла маленький кулич и собственноручно А.П. раскрашенное яйцо. Сколько в этом человеке благожелательности и внимания к людям.

Сейчас готовлюсь к уроку, пишу конспект по истории Испании — будем проходить Веласкеса. Читаю в книжке фразу: «Во время борьбы с маврами шло образование испанской народности», русская народность тоже не является чем-то стабильным, недаром в ней «неограниченные возможности». Мне кажется, что эта гигантская война, завоевание Европы должны дать огромные сдвиги, неожиданные для наших властителей, 27 лет державших народ за китайской стеной. Становление русского народа чудится мне.

А у нас опять избивают в НКВД и даже убивают. Когда мать Асты Галлы (Ермолаевой) узнала, что ее дочь арестована, то через несколько дней умерла.

9 мая. Вчера произошла капитуляция Германии — в день Св. Жанны д'Арк. Жуков хозяин Берлина. Все это сейчас умом не охватить. Это чересчур грандиозно. Более осязательно подействовал прорыв блокады в 44-м году, прекращение обстрелов, внезапно наступившая тишина после трех лет грохота. Какое ликование должно быть сейчас на фронте, и сколько горя и слез у тех, к которым не вернутся сыновья. А мои братья — что с ними, где они, как переживают эту минуту, цел ли младший, Вася? Конечно, они принимали участие в этой войне, я уверена в этом. Васе уже 62 года, и как-то сердце сжимается при этой мысли. Красивый, так блестяще начавший свою карьеру. Боже мой, неужели еще долго будет длиться чудовищная тирания? Не может этого быть.

[10 мая].

Степан Щипачев

Солдат

Он там на Эльбе, далеко от дома.
Дойдя до края самого войны,
Он в стольких битвах не оглох от грома,
А вот сейчас оглох от тишины.
Вот он стоит на смолкшем поле боя,
Поднявшись в полный рост, глядит кругом

На черный лес, на поле голубое
И пот со лба стирает рукавом.
Не раз и смерть глаза его видали,
Но он сумел и смерть столкнуть с пути.
Суровые солдатские медали
Блестят от солнца на его груди.
Он, улыбаясь, жмурится от света,
Еще пропахший дымом весь, в пыли.
Так, значит, вот каков он, день победы,
Так вот когда мы до него дошли!
Ведь это он из Эльбы черпал воду,
Своим помятым котелком звеня...
И вспомнил он товарищей по взводу,
Что не дошли до праздничного дня.
И вспомнил он о Родине далекой.
Не к ней ли уплывают облака?
Хоть ни в какие не видна бинокли,
Сейчас, как никогда, она близка.
А там сейчас, как о любимом сыне,
Народ и Сталин думают о нем,
О нем, кто на плечах могучих вынес
Всю тяжесть битв, не дрогнув под огнем[1238].

<12> мая. Была в Детском, была на кладбище. Я подсознательно откладывала эту поездку от страха: что я там найду? И существует ли само кладбище? У меня перед глазами была развороченная могила Асенковой[1239], казалось, что все Казанское кладбище — одни воронки, ведь аэродром рядом.

Я шла по знакомой дороге, пересеченной трапециевидными надолбами, и чем ближе я подходила, тем сильнее сжималось сердце. Был чудный солнечный день. Подхожу, контора и все строения разрушены, сожжены. Какой-то завал перед воротами. Вхожу — тихо, кладбище невредимо, памятники, кресты. Издали мелькает крест — неужели мой? Поворачиваю на дорожку перед церковью, иду, и Аленушкин крест, белый, чистый, даже непокачнувшийся, и образок на нем цел. Я прижалась к могиле и заплакала от радости, что она цела, что никто ее не тронул, чего я так мучительно боялась.

На маминой могиле креста нет, но ограда почти вся цела. Все место завалено ветками с клена, видимо, сбитыми осколками, вся стена церкви в щербинах. Я убрала ветки, листья, принесла с запущенной могилы полуразбитую скамейку, обломки нашей валяются в груде веток.

Я пошла по кладбищу. По-видимому, сюда не было доступу из города, от сторожки на лютеранском кладбище стоят одни трубы. Перед входом на это кладбище — разбитый остов дальнобойного орудия (мне объяснили встреч-

ные) и рядом груда обломков серой мраморной часовни. Нелепый памятник Барятинских без головы, крылья валяются рядом. А чудесный белый tempietto[1240] Орловых-Давыдовых невредим. Отсутствует бронзовая дверь, и внутри сложена кирпичная печурка! Кто-то там жил.

Вернулась опять к Аленушке. Подумать только: ее кресту 13-й год, а он как новый. 13 лет уже моему горю.

Сидела у могилки, в воздухе звенели жаворонки. Пошла обратно парком; здесь меньше всего заметно разрушений, павильоны, мостики — все цело. А бедный Екатерининский дворец ужасен, остался один скелет, одни стены.

От города сохранилась, может быть, одна треть. На месте нашего дома и всех соседних одни фундаменты. Подошла к развалинам нашего жилища, не увижу ли где-нибудь осколка от моей Афины-Паллады, вделанной в печку? Ничего, конечно, нет. Иду, смотрю по сторонам на все разрушения, пустые места, навстречу немолодой солдат. «Ну что, мать, плохо?» — «Плохо, — отвечаю, — и подумать, что такое разрушение по всей Европе. Ну, зато мы их теперь здорово бьем», — говорю. А он: «Мы их бьем, а нас здесь бьют». Где, кто бьет? Он из бывшей Костромской губернии, ему 50 лет. С начала войны на фронте (в летной части). Дочь 22 лет вернулась домой инвалидкой, а с жены потребовали 2½ тысячи налогу и тачку со двора угнали — разве не бьют? «Рузвельт сказал: свободный труд, без этого ничего не выйдет».

От деревянных домов против бывшей тюрьмы в Софии ничего не осталось, одни трубы кое-где торчат, а скворечня на дереве уцелела. Эти места еще не разминировали.

Спросила солдата, веруют ли в Бога на фронте. «Еще как, летчик, как в машину садится, и Бога, и Спасителя, и Царицу небесную — всех помянет».

26 мая. Приезжал Юрий. В день приезда пришел ко мне и сразу же обрушился на Наташу за ее знаменитую gaffe[1241], когда она, поднимаясь к нему по лестнице и встретив Веру П., жену Белого, сказала: «Иду добивать старика!», а та тотчас же передала Александре Федоровне. Жаловался на них всех, жаловался, что он берет всевозможные халтуры, чтобы помогать Васе, что у него нет денег и т.д. и т.д. Я старалась всячески обелить Наташу. Сказала, что она мне писала об этом инциденте, страшно кается. Описывала ее героическую тяжелую жизнь в деревне. Юрий был мил и любезен, принес мне две банки рыбных консервов и рассказывал о встрече в ВОКСе, где был Джонсон и Mme Черчилль танцевала фокстрот, и о том, что союзникам очень не хочется, чтобы мы воевали с Японией. Они будто бы нам обещают и Сахалин, и порт Артур, и Восточно-Китайскую железную дорогу, — лишь бы мы

не воевали, боясь, что из Китая мы сделаем вторую Польшу[1242]. Сегодня мы вместе завтракали у Натальи Васильевны, куда я ему привезла портрет девочки, по преданию, портрет бабушки Юрия в детстве, очень напоминавший Аленушку. Выпили шампанского. Юрий много рассказывал, а потом опять заговорил о Наташе. Наталья Васильевна его поддержала, говоря, что ей всегда не нравилась манера Наташи говорить о родных, о том, например, что «Любаню надо на место поставить». Юрия это несколько успокоило. Я все настаивала на том, чтобы он помог им устроиться в Москве.

Я была на обоих концертах, второй был много удачнее по исполнению[1243]. Если бы дирижировал не Гаук, мне кажется, вещь совершенно иначе бы звучала. Но вещь очень хорошая. Юрий говорил мне, что он не удовлетворен инструментовкой (которую делал Гаук) и для печати ее всю собирается переделать. А теперь принимается за окончание «Декабристов» с Вс.А. Рождественским.

10 июня. Была в церкви. Все это последнее время я стараюсь понять ощущение Бога. Я заметила, что моя молитва, моя вера направлялись только ко Христу, к ходатаю за нас, а теперь я очень хорошо поняла просьбу апостола: «Верую, Господи, помоги моему неверию»[1244]. Веровать в Бога, понять это, ощутить Бога везде, вокруг себя, в себе очень сложно и трудно. И когда на какую-то секунду достигаешь этого, становится легко на душе. Для этого надо сосредоточение, тишину внутреннюю. Надо добиваться.

23 июня. Я напрягаю все душевные силы, чтобы ощущать Бога, Силу, нас окружающую, и иногда добиваюсь этого. И мне кажется, что Бог направит судьбы России.

Как-то не так давно я зашла в церковь, было очень мало народа. Я молилась, просила о помощи. Через дня два я встречаю А.А. Смирнова, который мне предлагает перевод Стендаля, большую работу. Мне даже не верилось, настолько это чудодейственно меня спасало. Но А.А. очень энергично действовал и 20-го принес мне два тома «Mémoires d'un touriste»[1245], там 22 листа по 200 рублей за печатный лист. Что бы я делала, если бы этого не случилось? Жду девочек со дня на день, а у меня в кармане 100 рублей, т.к. я к их приезду купила картошки, капусты, починила электроплитку. Получив аванс, я смогу Маре купить пальто, запастись дровами и кормить их. Когда Юрий был у меня, он заговорил о девочках: «Это все очень благородно, но, в конце концов, смешно, и все это находят, ты не можешь их содержать, ты должна поместить их в интернат». Я и спорить не стала, но сказала, что твердо уверена, что Бог поможет. Вот Бог и помог.

Юрий еще рассказывал, что в Москве очень угнетенное настроение. То же самое я наблюдаю и здесь. Даже у Бондарчука и то терпенье лопнуло. Угнетает всех нищета. Все работают до потери сознания, но все эти тысячи — мусор по сравнению с дороговизной жизни. Мне надо для девочек купить электрическую лампочку, пустяк; так этот пустяк, говорят, стоит 60 рублей в коммерческом магазине[1246].

Тишина и угнетенность данного момента как будто перед бурей. Но у нас бури невозможны.

Руководитель польских диверсантов и убийц получил 10 лет тюрьмы[1247]. Десять лет получили и божьи коровки из Союза писателей: Гнедич, Макарова, Булгакова, верой и правдой проработавшие все 27 лет.

Да здравствует русский народ, с ним можно не стесняться.

1 июля. Начала переводить. Вижу, что придется работать не разгибаясь. И не хочется, и хочется. Ведь все равно никаких денег хватить не может на жизнь. 24-го приехали девочки, за неделю я истратила 250 рублей, значит, надо минимально тратить в месяц 1000 рублей, одеть их надо с ног до головы. Вот я получу аванс, скажем, 4500, вычтут, очевидно, около тысячи, 1000 надо послать О. Назимовой, останется 2½ тысячи, это ничто. И это ощущение убийственно. В какой-то сказке деньги превращались в уголья[1248], у нас в солому. Я могу лечь костьми и все же не выберусь на тихий берег. Девочки поправились, похорошели. Увидев меня на вокзале из вагона, расплакались. Мне кажется, я недостаточно с ними ласкова. А я просто угнетена. Наташа прислала ко мне некоего Гинзбурга с письмом продать ему «их часть квартиры»!? Т.е. среднюю комнату. Он мне сказал, что комнаты котируются 500, 600 рублей кв. метр. Я отказалась. Какая бесцеремонность! Ôte-toi de là, que je m'y mette[1249]. Написала Наташе, что *их* площади здесь нет, т.к. они за нее никогда не платили. И кроме того, на <мои> комнаты был выдан ордер Колосовым. Если она сама приедет с детьми, я буду счастлива, и она будет жить как жила прежде, но лишаться последнего покоя и иметь за тонкой стеной чужую семью Гинзбургов — этого не могу, это равносильно самоубийству. А мебель куда деть, книги?

А девочки приехали — привезли яиц, масла топленого, муки, луку. Сколько заботы.

Встретила Е. Шварца. Видел Васю. Играл в теннис на теннисной площадке у профессора Капицы с Андрониковыми, вид «прелестный», по словам Шварца.

4 июля. Высшая тайна вселенной, мое сознание — свет от силы солнца, как солнце — свет неизреченной Силы. Бунин.

5 июля. Горé имеем сердца[1250]. Это очень трудно. И теперь мне это становится все труднее, слишком много работы. Вчера подписала договор на перевод, по 1000 рублей за лист. Это значит, все лето, всю осень сидеть не разгибаясь.

Шла в Союз писателей, остановилась у переулка: Нева, по небу небольшие легкие белые облака, мучительно захотелось рисовать, именно мучительно.

Больно, больно.

7 июля. А.А. Смирнов позвал меня и Шлосберг почитать наши переводы. Я немного побаивалась. Шлосберг опытная переводчица, а я впервые принимаюсь за ответственную работу с редактором. Стравинского никто не редактировал. Лозинский лишь немного просмотрел. Переводить Стендаля много трудней. Его нарочито лаконичный стиль без всяких завитков трудно переводить. Прочла несколько страниц. А.А. и Шлосберг следили по книге, затем то же разбирали по фразам. А.А. внес несколько поправок и нашел, что переведено «очень хорошо, прекрасно». Потом читала Шлосберг. Мне кажется, что, пожалуй, у меня ближе к Стендалю. С А.А. очень приятно работать. Он с таким благожелательным интересом относится к работе, что как-то легко становится. Он сказал Шлосберг: «Да вы не терзайтесь поисками, когда я буду корректировать, я это одним махом исправлю». И показал редактируемый им перевод Реизова. Это сплошь поправки и вставки Смирнова.

На днях в Союзе писателей был доклад Эренбурга[1251]. Я его не люблю и пошла посмотреть на него воочию. В нем нет ничего специфически еврейского, ни в говоре, ни во внешности. Он умен. Говорил он о том, что наша победа обязывает нас иметь гегемонию мысли, а литература наша не на высоте того, чего от нее требует государство, народ, международное положение. Надо расти. Писатели «ездят в творческие командировки, собирать материал». Можно ли себе представить Чехова, собирающего материал! Или Л. Толстого. Надо сопереживать. Через год, через 4 года появится писатель никому не известный, как Лев Толстой, написавший «Севастопольские рассказы»[1252].

Оправдываются слова А.О. Старчакова о том, что советскую литературу надо поставить на 10 лет под зябь.

Уже скоро, через год, будет 10 лет со дня его исчезновения.

Девочки впервые начинают говорить об отце, вспоминают поездки с ним. Это хорошо.

23 июля. Получила дней 10 тому назад телеграмму от Наташи: «Вася убит письмом положение отчаянное пожалейте детей». Это о комнате. Но я не в состоянии принести эту жертву, не в состоянии перейти на положение коммунальной жилицы с чужими людьми в соседней комнате. Коммунальность жилищ — это чудовищное изобретение советской власти, растлевающее нравы, лишающее жизнь последнего благообразия, вызванное характерным для нашей эпохи абсолютным презрением к человеку и полной бесхозяйственностью. Получила затем от Лели письмо с порицанием: «Мне больно слышать слова обиды против тебя, а возразить нечего». Я ей ответила. Указав на то, что Васина комната давно от меня отобрана, я пишу: «Довольно я настрадалась за жизнь. Собственный муж выгнал меня из квартиры, и не с радости я уехала за границу. По возвращении снова *заставил* меня уехать с детьми в Детское. Теперь сын хочет выслать меня из квартиры. Что же, il a de qui tenir»[1253].

Но на этот раз je ne marche pas[1254]. Когда я подумаю, что под боком у меня может жить семейство Гинзбургов, волосы шевелятся на голове. Ощущение, как будто меня выдают замуж за человека, внушающего отвращение. И я все время вспоминаю сон, который видела в 1909 или <19>10 году, когда часто бывала у Толстых и вращалась в литературном кругу: я должна выйти замуж за Вячеслава Иванова. Я в полном ужасе (он внушал мне такое чисто физическое отвращение, что я не могла на него смотреть, так же как и на его падчерицу[1255], я отворачивалась). Что делать, как спрятаться, куда бежать? И тут я отталкиваюсь от земли и взлетаю. Я в двусветном огромном зале Екатерининского института. Летаю под потолком, вижу внизу, далеко подо мной, В. Иванова, Алексея Николаевича, других каких-то людей, их много, пришли, вероятно, на свадьбу. Меня никто не видит, и я счастлива, счастлива — я избегла опасности.

Сейчас я отказалась, но у меня тяжелое настроение. Обидно, что я для них — ничто. Что лишить меня покоя и удобства на старости лет им нипочем, лишь бы получить квартиру Дмитриева[1256]. Больно. И до боли тоскую по Сонечке. Написала Юрию, чтобы он им помог.

Писатели, вернее «писатели» в кавычках, недовольны докладом Эренбурга, по-видимому, обиделись. Он, дескать, опустился, впал в пессимизм. Другие находят, что у него есть даже некоторая «неблагонадежность»: как смел он сказать — «довольно на меня вешали собак за отсутствие дипломатии в

газетных статьях», он это сказал по поводу того, что в рассказе и романе дипломатия играет меньшую роль, чем в журналистике.

Ехала в трамвае с А.А. Смирновым. Он говорит, что с энтузиазмом занимается редактированием.

Была с девочками на днях у Анны Петровны. Она возмущена тем, что Ксения Морозова в безумном восторге от банкета у Сталина или, вернее, со Сталиным (в письме к Тамаре Александровне). Как можно придавать значение всей этой суете жизни? Морозовы прожили годы войны как цари и ничему не научились.

28 июля. Зашла вчера днем Наталья Ивановна Животова. Прежде она казалась мне оригинальничающей. Но за блокаду я убедилась, что это настоящий человек, большой и благородной души. Она говорит: «Мне кажется, что меня две: одна живет, все делает, что подобает делать, заботится об Алексее Семеновиче, о других, занимается хозяйством, а другой до всего этого нет никакого дела, хочется уединения, хочется в церковь». У нее слезы стояли на глазах. Она хлопочет о вызове матери из Бугуруслана[1257] и никак не может этого добиться. Мать жила с ними. Когда они переехали на Кировский проспект, «правительственную трассу», несчастную старуху, бывшую кн. Шаховскую, выслали из города. Она уехала в Новгород. Началась война. Выслали и оттуда — в Бугуруслан. Ей 70 лет. Она живет в углу у крестьян, спит на печке, еле ходит. Наталья Ивановна посылает ей 1000 рублей, и этого не хватает. По-видимому, ее обкрадывают.

Я должна получить отпускные за *2 месяца* — июль и август. Эти отпускные выражаются в сумме 391 рубль. Мой месячный заработок (без вычетов) 678 рублей. А за два месяца 391 рубль. Т.к. я работаю на этом месте лишь 5 месяцев, то какие-то сложные махинации низводят ставку до грошей. Это в коммунистическом государстве трудящихся. До ремесленного училища я где-то работала, не работать у нас нельзя, где-то я получала рабочую карточку! И вот получаю 195 рублей вместо 678, хорошо, что у меня есть перевод (над которым я сижу с 7 утра до 11 вечера), а что делают люди семейные, у которых нет приработка? Оттого нищета и воровство повальные.

Иду вчера по двору к машинистке. Кругом разрушенные дома (Фонтанка, 22). Въехала подвода. Великолепная огромная лошадь не стоит. Двое наблюдают за человеком, который ее осаживает. «Да ты не тпрукай, она же не понимает». — «Я ж не говорю по-немецки, что ей сказать?» — «А ты скажи тубо». На обратном пути лошадь уже привязана к водопроводной трубе,

рядом хозяин. Спрашиваю: «Что, немецкая?» — «Да, немецкая. Какие там лошади! Да что лошади, вся культура!»

Вот они все повидали эту «культуру», что же дальше-то будет?

29 июля. Проснулась утром очень рано, в 6 часов. Решила — посплю до 7. Но сон не шел, в кухне кто-то копошился, чем-то постукивал. Подумала, что это Алексей Матвеевич, он встает всегда рано. Встала, села переводить. Вдруг стук в кухне глухой, негромкий, но странный. Вскочила, иду к двери, вбегает Анна Ивановна, глаза широко раскрыты, в полном перепуге: в квартире пахнет порохом. «Посмотрите в кухне, Алексей Матв... — ружье». Заглядываю туда — ужас. Алексей Матвеевич сидит на диване, отвалился назад, ружье между ног, лицо мертвеца... рот раскрыт, вываливаются зубы. Ни стона, ни движения. Я отшатнулась от двери в безумном страхе. Анна Ивановна побежала, разбудила Ольгу Андреевну, та бросилась в одной рубашке, стала его звать, рыдая, дрожа всем телом: «Алеша, Леша, что ты сделал?» Вызвали «скорую помощь», я сходила к Владимиру Васильевичу Акимову, но его визит не понадобился — «скорая помощь» приехала сразу, доктор констатировал смерть. Жили они душа в душу, обожали друг друга, последние дни он с кем-то повздорил на службе, но никаких растрат, злоупотреблений у него не было. По-видимому, самоубийство было у него манией. Его когда-то вынули из петли; его первая жена стащила его с откоса, он бросился под поезд.

Я глубоко возмущена, как мог он доставить жене такие страдания на всю жизнь. Сестра Крылова все извинялась за брата: как мог он так поступить в вашей квартире? Вот радости коммунальной квартиры, когда живешь с чужими людьми.

Мне теперь хочется уехать из этой квартиры. Страшно разболелось сердце. Я пошла в церковь. И такое беспокойство мучительное обо всех, в особенности о Васе. Страшно, что горе накроет своим крылом. И я себя корю, что не продаю для них комнату. Вот подожду Богданова-Березовского из Москвы, узнаю, что там.

Девочки, бедные, проснулись утром, быстро оделись и сидели скрючившись на своих диванах, как перепуганные птенцы.

В столовой Станюкович Татьяна Владимировна рассказала мне, что сейчас эпидемия самоубийств. 16 июля Яхонтов выбросился из шестого этажа. Люди в тупике. С одной стороны, победа, с другой — ужасная жизнь и кругом нищета. Натянутые за четыре года нервы сдали — и вот...

За отсутствием других демократических свобод у нас есть свобода смерти, пассивная и активная: расстрел и самоубийство.

Мы с Татьяной Владимировной шли по Невскому и беседовали. «Ничто в строе нашей жизни не может измениться. Никаких сдвигов в победившей стране не может быть». На это я ответила: «Страна не может вечно ходить в туфлях, которые носили китаянки[1258]. Пальцы, прошагавшие от Волги до Дрездена, прорвут свои туфли каким бы то ни было путем. Не может страна продолжать нищать, — это было бы равносильно смерти».

<30?> июля. Была с девочками у Щекатихиной. К ней пришла В.Д. Семенова-Тян-Шанская: Союз художников ее командировал под Выборг в военную часть, пришедшую с фронта, из Курляндии. Полковник рассказывал ей о солдатах: «У них душа беспредельно растянута, они способны на все, и их не накажешь». Перед проходом через Ленинград они прошли пешком 1000 верст. Почему пешком? Я была на Литейном, меня туда вызвали к десяти утра в Союз писателей, дали нам всем цветы, и мы все должны были стоять от Шпалерной до набережной[1259].

Ожидание было очень долгим, появились первые части около часу, я ушла от писателей на теневую сторону, народу была тьма-тьмущая, и никаких милиционеров. Солдаты шли в своих железных шапках, пот с них лил градом, загорелые, красивые, молодые. Я купила для Гали эскимо, отдала солдату, многие шли с женами; Семенова-Тян-Шанская рассказывала со слов полковника, что солдатам хотелось пить, отдохнуть. Они окружили какой-то пивной ларек, милиционер попробовал протестовать. Солдат выхватил наган и убил бы того, если бы девицы, бывшие тут же, не увели милиционера.

8 августа. Вернулась сейчас от Анны Петровны. Как я люблю ее, и какая славная ее сестра.

Раздалась позывная музыка. А.П. предположила капитуляцию Японии. Не тут-то было. Объявлена война.

Как я хорошо помню огромные плакаты на северной гостинице «Дакай», дипломатические тайны! Без аннексий и контрибуций! Кенигсберг, Западная Украина и т.д. А Япония — qu’allait-elle faire dans cette galère?[1260]

Тарле на докладе в Союзе писателей говорил, что японцы где-то не то сказали, не то писали: Германия проиграла войну и потеряла честь. Мы чести не потеряли.

Они идут на харакири.

Тарле рассказал еще интересную вещь: 22 апреля в тайниках под Берлином сидели Гитлер, Кейтель, Дейниц, и пришел Геббельс. Гитлер все время повторял: «Deutschland ist verloren gegangen!»[1261] А Кейтель его утешал и уверял, что союзники еще перессорятся.

Как можно говорить, вернее, сознавать гибель родины, гибель, к которой ты сам ее привел, и пережить это?

Судьбы России впереди, и как больно, что до этого не дожить.

Мазон говорил Щекатихиной (он говорил с ней на ломаном русском языке), что «эмигранты теперь подняли свой носик (показал в лицах) и говорят: “Если не мы сами, то наши сыновья и братья вас спасли”. Теперь русских очень, очень у нас любят!»

До чего бы мне хотелось, всем существом моим хотелось бы знать, что с братьями, что они думают, как воспринимают победы Красной армии.

Анна Петровна рассказала чудесную картинку прошлого. Мирискусники[1262] устроили какой-то банкет у «Донона»[1263]. После обеда перешли в гостиную. Сидели, беседовали. К.С. Петров-Водкин сел к роялю и импровизировал. Е.С. Кругликова подошла к нему, попросила играть картинки из парижской жизни, чтобы там были романы, похищения и т.п. Набросила на себя какую-то вуаль, пошла, изображая проститутку. Откуда-то подскочил Добужинский. Он прохаживался мимо нее, как бы не замечая, тут появился Саша Яковлев, и стала разыгрываться уже целая драма между соперниками и женщиной. Петров-Водкин прекрасно играл, зрители были в восторге.

Я спросила у А.П., записана ли у нее эта сцена; оказалось, что нет. «Я даже не помню, в каком году это было, не помню всех присутствующих, как же я могу записать в свой дневник»[1264].

Поразительная честность у этой женщины.

Она не любит Петрова-Водкина. «Он был очень одарен во всех отношениях, но он был завистлив, ужасно (она даже зажмурилась) завистлив, желчен, всех считал ниже себя; очень любил популярность». На своем творческом вечере, рассказывая о своей жизни, он обратился к А.П., сидевшей в первом или втором ряду: «Не помните ли вы, Анна Петровна, в каком году мы с вами работали у Уистлера?» Она опешила и ответила: «Не помню». Он никогда не работал у Уистлера.

Девочки вчера стояли в очереди за овощами на Литейной. Неподалеку остановился грузовик с немцами[1265]. Какой-то пьяный инвалид с палкой подошел, что-то кричал и палкой ударил пленного. Те стали жаться к другому краю машины, он еще раз ударил. К нему подошел, по-видимому, начальствующий над ними военный со звездочками на погонах и останавливал. Хулиган замахнулся на него и, кажется, ударил кулаком. И это осталось безнаказанным.

Женщины в очереди возмущались, как смеет он обижать пленных: «Правительство уж знает, что с ними делать, а мы не должны их обижать». А некоторые бабы говорили: «Чего их жалеть, так и надо». Но большинство, в том числе и Мара, их очень жалели. Проходил мимо мужчина, дал немцу хлеба, другой дал закурить.

Были на днях Белкины. Оказывается, Доброклонский вернулся из Дрездена. Мы берем себе много картин и «Сикстинскую мадонну»[1266]. Мне стало невероятно стыдно.

Распродали лучшие вещи Эрмитажа, а теперь забираем у немцев их культурные ценности. Я говорила об этом с А.П., она другого мнения: «Вы возмущаетесь, что мы получаем 600 картин, а когда немцы взрывали наши фрески в Пскове, вывозили все ценности из дворцов, уничтожили музеи в Харькове, Киеве и т.д., вы не возмущались?»

10 августа. Перевод меня невероятно утомляет. Все, что писал Стравинский, было так умно, интересно и современно, что мне было весело переводить. Здесь же Стендаль говорит часто о совершенно неинтересных вещах, несколько страниц, например, об обществах молодых девиц в Швейцарии. Я отравлена живой театральной работой, сидеть двенадцать часов в сутки и переводить невероятно трудно.

12 августа. 7 утра. Quoi de pire que la haine impuissante? Stendal. Mémoires d'un touriste. Genève[1267].

Днем письмо от Евгении Павловны. Я читала, а девочки, слушая его, рыдали. Уж поистине haine impuissante.

20 августа. Собиралась к Богдановым-Березовским, причесывалась. Девочки стояли рядом и восхищались моими волосами, какие мягкие, как красиво лежат, какой чудный цвет. Мордочки были такие милые, ласковые, слова были такие искренние. В моих волосах нет совершенно ничего восхитительного, но меня бесконечно тронуло их отношение, под этим чувствовалась настоящая любовь, напомнившая мне Алену. Я казалась ей красивой: «Мама, подмажь губы, мама, надо выкрасить волосы», это доставляло ей радость, и я для нее следила за собой. Вася меня не любит, и после Алениной смерти я уже ласки не видала. И только требования и грубость до отказа.

Встретилась с Г. Поповым у подъезда Богданова-Березовского. Нежные поцелуи (он со всеми целуется и зовет меня Любашей!). Пришли еще Щербачев с Верой Алексеевной. Богданов-Березовский играл свои «Сельские картинки»[1268], а Г.Н. Арию для виолончели с оркестром, посвященную памяти Алексея Николаевича[1269]. Мне она чрезвычайно понравилась, — глубо-

кая, мелодическая, напевная музыка. Попов пополнел с прошлого года и как всегда жалуется на неустройство жизни. Сели за ужин. Налили водки, и первый тост Попов произнес за мое здоровье! Что я-то и такая и сякая! А затем, после того как мы пили за творчество композиторов, взял слово Валериан Михайлович <Богданов-Березовский>, и тут уж я не знала, что и делать. Он начал с Александра Осиповича, у него остались дочери — и т.д. Масса теплых слов, к которым подбавлял еще свои замечания Попов, а затем выступил и Щербачев. «Мне хочется сказать, что у вас давно уже есть искренний поклонник, и часто в Новосибирске я говорил с Верой Алексеевной о вас, как-то вы переносите это тяжелое время. И поклонником вашим я был еще до того, как вы взяли девочек Старчаковых», уважение, нежность и т.д. и т.д. Я была бесконечно тронута и поражена. Неужели я заслужила такое отношение, и, главное, меня удивило, что все эти умные люди замечают и видят мою более чем скромную жизнь. Еще благодарили за то, что я «приобщила их всех к мышлению Стравинского». Щербачев был в ударе и много и хорошо рассказывал. Я была потрясена его описанием разрушений, причиненных атомной бомбой[1270]. Какой это ужас.

Пошли гипотезы о том, что получится, если огромную атомную бомбу спустить в вулкан, и разрыв ее расколет Землю на части.

Богданова-Березовского приглашают директором в Клинский музей[1271].

Говорила сегодня по телефону с Натальей Васильевной. Никита ей рассказал со слов Васи, что я мотивировала свой отказ продать комнату тем, что мне некуда поставить шкаф! И меня, совершенно напрасно, конечно, это очень расстроило. Но что я могу от Васи ждать.

В поисках своего офортного пресса зашла на днях к Катониным. Он был с Академией художеств в Самарканде и Загорске. Его очень приглашали на Украину, но в Москве не хотели его отпускать, он-де очень нужен в Ленинграде, и обещали ему Павловск. Когда же он приехал сюда, то оказалось, что Павловск и Царское отданы Левинсону[1272].

22 августа. Мне приснилось сегодня, что меня расстреляли.

Мы, я и какие-то другие люди, поставлены на краю бездонной пропасти в совершенно голом месте и после выстрела должны были туда свалиться. Сперва мне было очень страшно, особенно пугала пропасть. Но потом внезапно страх пропал, и я стала просить: скорей, пожалуйста, скорей стреляйте в меня. Увидала кровавое пятно на белой рубашке на месте сердца (как было у А.М. Крылова). И больше ничего. Ни боли, ни падения.

Проснулась под очень тяжелым впечатлением. Какие еще напасти меня ждут? Как я выкручусь с деньгами эту зиму, не знаю. У нас с приезда девочек выходит полторы тысячи в месяц, а их еще надо одеть!

Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надобно просить!
Бунин[1273].

А как хочется хоть капельку легкой жизни, хотя бы на время «печального заката»[1274].

23 августа. Перестаю верить в «белые покрывала», предсказанные Палладой.

27 августа. В пятницу ездили в Детское девочки, Елена Ивановна и я. Они пошли гулять, а я на кладбище и к комендантше кладбища в Софию. Я шла по тем улицам, где 28 декабря 32-го года я разыскивала Костюковых, чтобы узнать адрес докторши. Мучительно ярко встал передо мной этот день и взгляд Аленушки в последнюю минуту. Боже мой, Боже мой, за что, за что сейчас, через 13 лет, так больно? Так же ее люблю и так же плачу. Деточка моя родная. И ни в чем мне нет утешения. Только Соня, которая так мне ее напоминает и так далеко. Как больно, больно жить. Хоть бы вернулась Евгения Павловна, сдала бы девочек, легла бы и не встала.

28 августа. Детское производит на меня впечатление совершенно разрушенного муравейника, куда медленно сползаются жалкие муравьи.

Там виден только пролетариат, загнанный, замученный, бесприютный. Сколько рассказов наслушалась. Захожу к комендантше кладбища, живет в Софии, в комнате метра 4,5. Она молодая, круглолицая, с серыми лучистыми глазами. Грудной ребенок. Муж приезжал с фронта, она забеременела, а спустя некоторое время он написал ей, что у него есть вторая жена и ребенку полтора года. Кроме нее в комнате живет другая женщина с взрослой дочерью и сыном лет 12. Жили они прежде неподалеку от нас, она меня помнит. Пришли немцы, угнали в Гатчино[1275], затем дальше, за Дедовичи[1276]. Немцев прогнали, пришли наши. Она там устроилась, нашла комнату, работу себе и дочери, и с продуктами было неплохо. Вдруг приказ: возвращаться на родину. Вернулась — комната занята другими, вот, спасибо, добрый человек приютил, деваться некуда, и работы нет.

Возвращающихся из Германии, куда были угнаны немцами, не прописывают вовсе, отправляйтесь за сто первый километр[1277]. Из Латвии прописывают, но с трудом, надо с месяц походить во все инстанции.

С каждым моим приездом в Детское нахожу все больше и больше разрушений. В первый приезд мне казалось, что треть домов уцелела. Какое там, хорошо, если одна пятая.

Вчера Елена Ивановна повела нас смотреть американский фильм «Бэмби» (Диснея мультипликация)[1278]. А на днях я видела «Маугли»[1279]. «Бэмби» очаровательная вещь. Мне кажется, что в обеих картинах проводится одна и та же идея: во всем Божьем мире изо всех зверей хуже всех человек. Звери мудры, добры, таковы, какими были еще в раю. Человек бесцельно жесток, преступен. Маугли у Киплинга возвращается к людям и остается с людьми. В фильме он уходит в джунгли по совету матери, так как подлость окружающих людей беспредельна.

Я положительно недостаточно ласкова с девочками и корю себя за это.

В воскресенье я шла из церкви, меня догнала Ол. Т. Кричевская (работающая в ЖАКТе) и рассказала под секретом, конечно, такую вещь. Уже целый год приходили в ЖАКТ из НКВД и расспрашивали об Алексее Матвеевиче Крылове, наблюдали за ним. Когда им сказали, что он умер, один из них сказал с досадой: ускользнул, мерзавец!

Мы все мыши, кошка только и ждет, как бы нас прихлопнуть. Весело. Народ-победитель, народ-раб. Ужасно, когда это сознаешь. А кто знает, может быть, НКВД затравило Алексея Матвеевича? Могли требовать доносов, предательств, он все скрывал от жены, может, и не выдержал. Он был из богатой ярославской купеческой семьи. Затем был партийным, потом его исключили из партии, он сидел какое-то время, кажется, в «парильне», за золото. Выпустили, работал все время. Раз уж ко мне приходили, чего же можно ждать?

Восклицание достойно учреждения.

29 августа. Stendal: Or, selon moi, les tyrans ont toujours raison, ce sont ceux qui leur obéissent qui sont ridicules[1280].

Прочла в газетах о входе огромной эскадры союзников в Токийский порт. Подумала о Васе (брате). Мы на разных планетах, но я уверена, что он радуется, гордится Россией. Порт Артур, Дальний... Какая реабилитация.

Перевела сегодня 9½ страниц. Сколько лишнего пишет Стендаль, и не понимаю цели, если это не путеводитель. Например, несколько страниц регламента марсельского карантина — кому это нужно?

30 августа. Против нас на Фурштатской немцы чинят дом, разрушенный ими 8 сентября 41-го года. Это постоянный объект для наблюдений девочек. Сейчас стоит высокий немец около бульвара, осматривает верх дома. Там

красят. Его обступила целая стая мальчишек лет 8—10. Они все плотнее к нему подходят, осторожно трогают пуговицы, дружелюбно гладят по рукаву. Другой фриц тащит веревку, которая на блоке подымает ведро с известью в третий этаж. Он тянет веревку одной рукой и отходит до середины бульвара, мальчишки бросаются ему помогать, что-то говорят ему, ласково улыбаются. Незлобивый народ.

2 сентября. Мы распространились до Дальнего[1281]. Теперь, по слухам, огромные массы войск стягиваются к границам Турции и Ирана. Вернем себе Карс[1282]. Помню, как старый шатиловский Кузьма рассказывал, как брал Карс. Идем по стопам царей, не сами идем, а ведет История, наперекор всякой марксистской чепухе. Это все для будущего поколения. Сейчас страна только искусственно нищает, искусственно голодает, а правительство без толку пользуется рабским бесплатным трудом миллионов ссыльных. 8 лет Евгения Павловна <Старчакова> работает даром — за какой грех? Говоровы, прожившие в Асине Новосибирской, а теперь Томской области три года эвакуации, рассказывают чудовищные вещи[1283]. Там концентрационные лагеря, вольнопоселенцы, уже выпущенные из лагерей, просто ссыльные, как политические, так и уголовные — воры и убийцы, и эвакуированные. Тем, кто в лагерях, лучше всего. Их как-то питают, одевают, у них есть крыша. Остальные живут в землянках, пухнут от голода, ходят полуголые и мрут. Рабочим, не ссыльным, платят по 10, 20 рублей в получку, и так по всей Сибири, т.к. денег нет. Живут тем, что продают свои 400 гр. хлеба (единственно, что получают от государства) и покупают на это картошку. Воруют, грабят, убивают. Один такой убийца по специальности нашел больную собаку и принес к Говоровым. Он добывал для нее молоко и всякий корм приносил, пока не надоело. Было много поляков, но этим помогали американцы и наконец увезли оттуда. В Мурашах[1284], рассказывают девочки, было тоже много ссыльных поляков, американцы им устроили детский дом и тоже вывезли под конец.

Говоровы говорят, как на их глазах погибали люди; приходили туда здоровые красивые женщины с детьми, высланные простые бабы, голодали, пухли, уже ходить не могли. Когда они уезжали, их провожало много народа, дети, с которыми много возилась Таня, и все плакали в голос. Оставались чуть что не на верную смерть.

2 <сентября>. Вечер. Шла по улице, раздался страшный детский плач. Девочка лет 7, по-видимому, ушиблась, другие ее окружили, но она все плакала отчаянно. Заплакала и я. Совершенно мучительно тоскую по Сонечке.

Так хочется ее видеть, так я ее люблю. Наташа, верно, настраивает ее против меня, какие они злые эгоисты. После всего, что я от них натерпелась в 41—42-м году, той ужасной зимой, так просто им показалось лишить меня последнего уюта. Вася был месяц, кажется, в доме отдыха МХАТа, теперь Наташа туда едет с Сонечкой, а я работаю с 7 утра до 12 ночи и предана остракизму. И лишена Сонечки. С Богдановым-Березовским я послала Васе красок на 50 рублей и Соне куклу, — хоть бы раз на одну из моих посылок последовал ответ. Как-то еще в 43-м я продала чудное издание XVIII в. Метастазио, чтобы купить Васе белья, — ни звука.

Мара приехала сюда без пальто, без шубы. Я очень беспокоилась. Сегодня Мар. Митр. приносит шубу, которую продает ее соседка, с беличьим воротником, шапочкой и муфтой за 800 рублей в рассрочку. Я взяла, а Мар. Митр. дала Маре свое осеннее полупальто. Так что Мара сразу одета. Девочки заботятся обо мне не за страх, а за совесть, надо признаться.

7 сентября. Ольга Андреевна рассказывала, что кто-то из знакомых где-то похвалил, как у немцев жить было хорошо, — арест и 10 лет. Ее приятельница добавила, что ее соседка была выслана немцами в Латвию, кажется; вернулась, поступила сторожихой на завод. По поводу какой-то волокиты с карточками она возьми да и скажи, что у немцев-де полный порядок: сдашь бумаги — на другой же день все готово. Рабу Божию арестовали — и 10 лет. И эти преступники идут под рубрикой: болтуны[1285].

Неужели есть какое-нибудь соответствие между виной и наказанием? Очевидно, за то же пострадали и Гнедич, Аста Галла и другие. Как это обидно. Сейчас, когда Россия так величественно и гениально разбила врагов, так бы хотелось честного и великодушного правления, по-настоящему счастливой жизни измученному народу; а тут за глупость — 10 лет каторги. И беспросветная нищета.

Но интереснее всего будет будущему историку наблюдать за тем, как жизнь и история вносят свои поправки в утопический бред ленинских начинаний. Без аннексий и контрибуций — завершилось умыканием Дрезденской галереи, не говоря уж о Западной Украине и прочем. Миф об уничтожении денег, бесплатных квартирах и трамваях... — а доигрались до коммерческих магазинов, на позорище всему миру. Расстрелы офицеров за погоны — и генералиссимус Сталин. Очень все это любопытно и смешно — «когда бы не было так грустно»[1286].

9 сентября. Мару вызвали по истории. Они проходят сейчас Петра Великого. Мара отвечала очень хорошо, все знала. Учитель спрашивает, а что

означает Санкт-Петербург? На что она не ответила и получила за это четверку.

Она мне это рассказывает и спрашивает: а что это означает, сан или санк? 27 лет все должны были всё это забывать, а теперь накося.

Анна Петровна все это время, кажется, с 21-го, была очень больна. Я сегодня решила все-таки к ней съездить, но меня к ней не пустили. Эти дни ей лучше, и давление, и сердце приходят в норму, но еще очень большая слабость. Сегодня у нее немного посидел Хлопин, и А.П. очень устала. Четыре года она никуда не выезжала и все время очень много работала. Ее вагус[1287] не выносит скипидара. У нее делалась от масляных красок экзема. А за это лето она написала маслом портрет внука, начала внучку, затем другую, букет цветов (прекрасный), все это и сказалось, вагус дал себя знать.

Софья Петровна посмотрела мою руку и сказала, что меня ждут деньги, и очень большие, и какая-то полнота жизни, которой не было раньше. Неужели продолжать верить в белое покрывало?

Я перевожу по 8 страниц в день.

11 сентября. Перевожу фразу: la pluie recommençant...[1288] — и вспоминаю концерт В. Яхонтова когда-то давно. Это была какая-то невероятно надуманная мозаика из самого разнообразного материала; запомнилась песня: и сегодня дождь, и завтра дождь... Он ее говорил, подперши по-бабьи щеку.

Все это было талантливо, но холодно и сухо, без живого кровяного пульса. Если он и дальше так продолжал работать (я не ходила на его концерты, *он* был мне неприятен), в такой неестественной, сделанной, надуманной манере, как должно было быть ему тяжело, оставаясь наедине с самим собой. Отсюда, быть может, и прыжок с шестого этажа.

Такой же холодный, без живой крови, надуманный был и Маяковский, и тоже не выдержал.

12 сентября. Встретила вчера Костю Смирнова, который в 35 и 36-м году работал у нас в Кукольном театре вместе с Игорем Орловым, а затем Радлов взял его в свой театр. Он был с ним и в Кисловодске. Костя утверждает, что никакого предательства со стороны С.Э. <Радлова> не было. Их взялось вывезти танковое училище; (кажется) одна группа успела выехать, другая должна была ехать наутро, уже все вещи были принесены к месту отправки, но немцы пришли ночью. Бежать было невозможно. В Киеве Радлов будто бы не работал, а попал сразу в Запорожье, затем в Винницу и в Берлин, а оттуда во Францию. Сейчас С.Э. и Анна Дмитриевна в Москве, в тюрьме. Тамара Якобсон на свободе, ей дали минус три, и она едет играть в Нижний.

Но что меня потрясло, это известие о Наташе Владимировой. Она погибла в Берлине с мужем и детьми от бомбежки. Они были все вместе в бомбоубежище и там все и погибли. Какой ужас. Бедная, бедная Лида, за что на человека столько горя? Сын умер от туберкулеза, их выслали, разорив всю жизнь; там, в Ташкенте, им то дают работать, то высылают, то арестовывают. Одна Наташа оставалась, и той не везло. С кем-то сошлась, быстро рассталась, родился ребенок. Потом Митя Радлов, тоже разошлась. Вышла за Вилинбахова и, кажется, была счастлива. Я не могу думать о Лиде, о судьбе этой молоденькой, хорошенькой женщины, без слез, без того, чтобы сердце не сжималось от ужаса. Именно от ужаса. Я знаю, что такое бомбежки, но то, что было у нас, ничто по сравнению с тем, что было в Берлине. И за что на Лиду столько напастей, столько горя, горя, от которого не уйдешь, не забудешь, не *излечишься*. И где-то она сама? Она прекрасный человек.

Мне надо выделить несколько дней целиком на подготовку курса в ремесленном училище и тогда — что тогда? Все то же. Надо выделить день на письма, а другой на портьеру Зои Лодий.

15 сентября. На днях была посрамлена в своих собственных глазах ужасно. Я обиделась на Говорову. Прошлым летом я ей устроила работу и вызов от ремесленного училища. То ли вызов долго шел, то ли она прокопалась, в общем, не смогла приехать. Всю зиму она меня бомбардировала письмами. Изергина, ее племянница, сожительствующая с Орбели (вот уж неугомонный полигамец!), устроила ей вызов от Эрмитажа, я же раздобыла справки о том, что училище ей дает площадь, без чего вызов не мог состояться. Приехали, остановились у меня, распустили по комнате девочек вшей, отчего Галя рыдала в голос на всю квартиру. У меня хранились три гравюры Елизаветы Антоновны. Я их ей отдала, причем сказала, что одну из них, акватинту[1289] вид Смоленска, очень бы хотела у нее купить. Дала 60 рублей, сказав, что если ей дадут в магазине больше — пусть продает. Она продала все три за 75 рублей, и я осталась без гравюры и денег. Я, конечно, виду не показала, но глубоко обиделась. Они переселялись к знакомым, вернулись ко мне, перетащили свои вещи сюда. Внутренно я злилась невероятно. И вот на днях я иду в церковь, народу было довольно мало, я стояла впереди. Нечаянно обернувшись, я увидала Говорову, стоящую сзади. Она молилась, и столько было отчаяния на лице, что мне стало невероятно стыдно. Я почувствовала себя евангельским фарисеем. Они приехали голые, угла нет, денег нет, у Тани болезнь сердца, а я еще обижаюсь! Стыдно, очень стыдно.

У Анны Ивановны брат сослан в Воркуту[1290]. Он играл прежде крупную роль в «Ленфильме», был директором, когда снимали «Чапаева»[1291], и по неизвестным причинам выслан. Вчера у нее была приехавшая в командировку из Воркуты молодая инженерша и рассказала следующее: брат жив и невредим, занимает должность.

Среди заключенных много инженеров, лаборантов и т.д., живут в общежитиях. Жениться и выходить замуж права *не* имеют. Денег получают очень мало. На рудниках работают почти исключительно заключенные. Там много уголовников, подлежащих амнистии. Между начальником лагеря и Москвой завязалась перепалка. Москва требует, чтобы амнистированные были отпущены, а он отвечает, что это равносильно прекращению работ, т.к. вольнонаемных не найти, туда никто не поедет.

У этой инженерши двое детей и домработница из заключенных. Она была дояркой в колхозе или совхозе. Было у нее четверо детей, и она ежедневно крала один литр молока для детей. Донесли, она получила 4 года и была сослана в Воркуту. Женщина исключительной честности, все вещи, все деньги хозяев у нее на руках.

Один восемнадцатилетний туберкулезный юноша получил 6 лет за то, что, найдя старый номер английской газеты, где нас ругали, прочел ее товарищам.

В Ларине каждая работница получала *по литру* молока на каждого ребенка ежедневно [и, конечно, бесплатно].

Освободят ли Евгению Павловну? Она хорошая машинистка и чертежница.

Кого это мы называли рабовладельцами? Кажется, немцев. У нас рабовладельчество крепкое, установившееся, государственное, против которого никто не возмущается.

Каждый день я молюсь, не могу не молиться за Россию. Такая страна, такой народ — и такая судьба.

Вчера мы получили 600 гр. мяса, это все, en fait de viande[1292], что мне полагается в месяц по дополнительной карточке. (Еще 100 гр. яичного порошка, 500 гр. рыбы и 200 гр. мясопродуктов.)

Сварили свежие щи и ели с наслаждением. Вспоминали, что прежде имели такой суп ежедневно. Из каких сил работать?

Когда Анна Ивановна передала мне все эти подробности о воркутинской жизни и о брате, я невольно сказала: «Как я вам завидую, что вы имеете вести о брате». — «Как можете вы мне завидовать, не забывайте, мой брат *за-*

ключенный, его в любую минуту могут ударить прикладом, пристрелить, оскорбить. А ваши братья на свободе и, я уверена, живы». Да.

16 сентября. Наших фрицев охраняет одна военная девушка с ружьем. Прелестную картину я видела в Детском. Немцы выгружали грузовик у дома в Софии. Другие копошились около дома. Охранником бродила рядом пожилая женщина в старом плюшевом пальто с винтовкой за плечами.

Немцы первые дни (в доме напротив) работали молча, еле двигались. С каждым днем голоса становятся громче, раз кто-то даже запел. Сейчас, по словам Мары, они даже заинтересовались работой. Толпы мальчишек их окружают, снабжают табаком. Я не видела ни одного злобного или грубого жеста со стороны русских.

Вечером была у Дилакторской. Она такая же книгофилка, как и я, и тоже с ограниченными средствами. У нее чудесный голос с очень приятным тембром. Она мне пела старые, даже старинные французские, итальянские песенки.

20 сентября. Посмотрела я сейчас на фотографию Аленушки в гробу и внезапно почувствовала к себе невероятное презрение. Ведь все время себя прикрашиваешь, на кого-то сваливаешь вину. А тут я сразу поняла все свое ничтожество. Алену не спасла, ничего в жизни не довела до конца. Ничего! Были способности к живописи, в особенности к рисунку. Ничего не вышло, мало работала, после революции надо было зарабатывать, почти бросила, занялась театром. Семейная жизнь потерпела крушение, Юрий завел любовницу, вел себя бестактно: подумаешь, невидаль; бросилась с Тарпейской скалы[1293] за границу, оставив театр, который подобрал Деммени и пишет на афише XXVII сезон! Дала себя съесть Шапиро, постыдно съесть, и сейчас ничего не делаю, чтобы театр восстановить. Жду чуда, зная, что его не будет, и ничего не предпринимаю. Написала Юрию, Шереметевой, от них ни слуху ни духу, и я [ничего] не предпринимаю от глубочайшего презрения к Загурскому и его окружению. Разве так можно? И нет сил. Жалкая тварь — иначе я не могу себя назвать. Что же делать? Неужели я не перевезу Аленушку на Никольское кладбище, не поставлю ей памятник и вся моя жизнь будет относиться к разряду d'inachevé? Ой как больно.

И зачем ждать чудес и где-то, потихоньку от самой себя, шепотом повторять: soeur Anne, soeur Anne, ne vois-tu rien venir?

21 сентября. Занималась сегодня в Публичной библиотеке, готовлю курс истории искусств. Взяла «Британский союзник»[1294]. Приятно почитать журнал, пишущий в спокойном тоне, без вранья. Статья Пристли о новом мире.

Он пишет: «Всякий человек, который скажет вам: “Война кончена. Давайте же вернемся к доброй прежней жизни”, — должен быть немедленно отправлен в дом умалишенных. Он значительно опаснее, чем умалишенный, возомнивший себя Юлием Цезарем».

И затем читаю в «Ленинградской правде» извещение отдела торговли о выдаче на декаду — это нормы, существующие уже три года и не изменившиеся ни после уничтожения блокады, ни после окончания войны. Привожу нормы иждивенцев (и детей старше двенадцатилетнего возраста!). Овсяной крупы 200 гр. Рыбы свежей 100 грамм или 200 грамм корюшки. Комбижиров не полагается совсем. Детям до 12 лет масла животного 100 грамм[1295]. Чем это объяснить: нищетой страны или презрением к обывателю?

Читая советские книги по искусству, я умиляюсь их наивной запуганности. Все эти авторы боятся высказывать *свои* взгляды. После каждого ответственного абзаца следует: «как сказано у пророка — т.е. у Маркса или Энгельса». Например, сегодня читаю о греческом искусстве, и пророк вещает: «Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки» (Энгельс. Анти-Дюринг). Вообще положение наших искусствоведов печальное: как только положение плебса становится, по их словам, отчаянным, так в стране золотой век науки и искусства! Прямо беда. И в эпоху итальянского Возрождения, и во времена Рембрандта.

24 сентября. Анна Ивановна в охоте за корреспондентским материалом отправилась в наш райсовет, где производится прием мобилизованных трудовых резервов в ремесленные училища[1296]. Во главе комиссии председатель райсовета Горбунов, еще несколько женщин, там же сидела Анна Ивановна. Ребят предварительно осматривает врач.

А.И. написала очерк и пришла прочесть. Все чудно, дети стремятся в училище, Горбунов отечески ласков и т.д. Прочла. «Ну а теперь я вам расскажу, это ужас, ужас». Приходят ребята рваные, пальцы из сапог торчат, и не хотят идти в ремесленное. Один мальчишка заявил: «Не пойду, что хотите, то и делайте, а я не пойду. Отец инвалид, сапожничает, я уже четыре года ему помогаю, мать сошла с ума и повесилась». Его стали уговаривать, что он может стать слесарем или столяром. «А сапоги-то разве не нужны? Не пойду». И много было таких же. Горбунов действительно вел себя корректно и входил в положение ребят.

Анекдот: в Ленинграде открылись четыре театра: имени Сталина, им. Молотова, им. Калинина и Народный театр. В театре Сталина идет «Горе от ума» (по другому варианту «Великий государь»[1297]), в театре Молотова «Слу-

га двух господ»[1298], в театре Калинина «Беспокойная старость»[1299], а в Народном «Без вины виноватые»[1300]!

25 сентября. Я получила письмо из Sussex'а[1301] от Ржевской. Когда я увидала конверт с надписью URSS и заграничными марками, я остолбенела, растерялась: столько уже лет я в нашей тюрьме не получала писем из-за границы, с *того* берега. Она пишет: «Лида и Тата с семьями совершенно благополучно и не очень тяжко пережили это тяжелое время. Марина очень красивая и милая девушка, служила в английской авиации, а сейчас выходит замуж за офицера-моряка, тоже англичанина. Все мы по силе возможности принимали участие в борьбе с немцами»[1302].

Когда я прочла это письмо, я расплакалась, плакала от счастья и не могла успокоиться. Какое счастье — они все живы, их семьи не разрушились, дети живы и счастливы. Дорогой мой Сашок — дочь в авиации, неужели Марина была летчиком и, может быть, громила немцев? Каково это перенести родителям, но ведь Саша-то сам — это воплощенная храбрость. Господи, Боже мой, как я должна благодарить тебя. И безудержно захотелось их видеть, уехать из тюрьмы, из этого царства произвола и беззакония, туда, к ним, повидать их перед смертью.

И я вспомнила 1905 год. Мы с Лелей, после лечебного сеанса в San Remo[1303], переехали для ее легких в Montreux[1304]. Утром, не помню числа, после утреннего кофе, входим в читальный зал, берем газеты, читаем и не понимаем: Цусима, гибель русской эскадры, всех, всех кораблей[1305], читаем, перечитываем, — передать впечатление невозможно. Об «Авроре», на которой был Вася, ничего не известно[1306]. Леля тотчас же собралась и уехала в Россию. Я ехать не могла, т.к. еще в San Remo у меня страшно разболелось колено, подозревали туберкулез, и я лечилась в Лозанне у знаменитого тогда д-ра Ру. Надо было закончить курс массажа, который мне делал д-р Бегун, зять Ру. Поселилась я над Лозанной в village Suisse. В газетах продолжали поступать описания Цусимы. Однажды: в море была замечена охваченная пламенем «Аврора», которая выбросилась на японский берег. Я плакала целые дни, все время думала о папе; мне не так было жалко самого Васю, — я знала, что папа не перенесет его гибели. Папу я любила болезненно, он заболел тотчас же после ухода эскадры Рожественского из Либавы[1307], у него началось воспаление легких, и проболел всю зиму; он поправился лишь после известий о том, что Вася жив. Казалось, что жизнь его поддерживала только бесконечная любовь к нам, а ведь Вася родился после ужасной смерти Нади. Я знала, что̀ для папы Вася. Я плакала и молилась. А молилась я о том,

чтобы Бог послал на меня все несчастья, если это нужно, но спас Васю для отца. Об этом я молилась постоянно. И наконец пришла телеграмма: «Aurora pas péri»[1308], а затем подробности о Васином ранении, о том, что он в Маншетском госпитале.

И вот теперь, прочтя это письмо, я подумала: моя жертва была принята. Я не ропщу и не жалею и благодарю Бога за это. Они живы, их семьи целы. Пусть будут счастливы до конца.

А у меня —

Дочь, чудесная, любимая Алена, взята. Муж бросил, сын бросил, семьи нет, даже театр, который я так любила, и тот съели. И я сейчас, когда жизнь кончается, ни о чем не жалею. Счастье за них слишком все перевешивает. Хорошо, что у меня хватило сил все перенести, надо дождаться Евгению Павловну, сдать ей на руки детей — и довольно.

Нет, не довольно. Хочется их всех увидеть, как этого хочется. И еще хоть проблеск счастья для России. Хоть минуту перед смертью пожить в человеческих условиях.

И я верю, что папа их охраняет.

2 октября. Перечитала и вспомнила: узнав о Васином спасении, я воспряла духом, бродила по Лозанне и окрестностям, ездила в Фернэ[1309]. В нашем пансионе жил молодой армянин, он как-то у меня спросил: «Je me demandai, toujours, pourquoi cette demoiselle a l'air tellement tragique?»[1310] Еще бы, я приходила к табльдоту[1311] с распухшими красными глазами.

7 октября. Приезжала на несколько дней Катя Пашникова, привезла соленых грибов, клюквы. Она с подругами живет под Выборгом[1312], бурят землю в поисках глины для кирпичного завода. Работа, по-видимому, нетрудная, т.к. у Кати вид древнерусской поленицы[1313]. Мимо них проезжали поезда русских военнопленных, возвращающихся на родину. Все они были прекрасно одеты, все курчавые, радостно махали им руками и *выбрасывали множество вещей* в окна. Кате, по ее словам, досталось мало: три шерстяных одеяла, два шерстяных френча, джемпер и еще что-то. Другие набрали больше, но недолго пользовалась Катя этим добром. Неподалеку стала гвардейская часть и обворовала всю округу. Пока девушки были на работе, вынули окно и унесли все, что было. Одного такого гвардейца поймали на рынке продающим корову.

Мне интересно, почему эти возвращающиеся на родину люди выбрасывали такие ценные вещи? Вряд ли здесь играло роль великодушие. Вероятно, они знали, что у них все отберут, и кроме того, странно было бы, что они,

будучи в плену, смогли накопить такие богатства. По-видимому, они отдавали награбленное!

На мои именины пришла Ксения Кочурова. Я заподозрила: уж не прославилась ли я без своего ведома? Ксения поддерживает теперь знакомство только с народными артистами и всякими знаменитостями. Она рассказала со слов Черкасова Юрию Владимировичу, что он видел в Москве С.Э. Радлова; его и Анну Дмитриевну выпускают из тюрьмы и дают минус 9[1314]. Где же правда? И если правда то, что сейчас говорят, кому и зачем было нужно сочинять все то, что говорилось до сих пор, о том, что в Киеве С.Э. ставил «Фронт»[1315] (как они воюют), говорил по радио о 25 годах в большевистском плену?

На днях была у Анны Петровны. Я смотрела этюд, который она сделала перед болезнью с берега Невки[1316] на Выборгской стороне. Чудесный этюд — лиловатый противоположный берег, сизые тучи, и на первом плане барки с кирпичами. Великолепно по краскам. Это в 74 года!

Она угнетена всеми теми несчастьями, о которых ей пишут, прося помощи. Например, ее бывший шофер. За немецкую фамилию, хотя он швед, его выслали, вернее, эвакуировали из Ленинграда. Там, кажется в Новосибирске, ему поставили в паспорте штамп «административно-высланный» и сослали куда-то севернее Воркуты.

Анна Петровна пишет дневник, но записывает только то, что касается искусства[1317]. Никаких своих личных чувств и взглядов о современности она не записывает. «После того, как я узнала от Нерадовского, что Добычина с Гурвичем вырывали страницы из дневников А.Н. Бенуа, я ничего не пишу». Оказывается, после отъезда Бенуа Яремич поместил в Русский музей весь его архив и дневники[1318]. Директором был Гурвич, и при нем состояла Добычина. Просматривая дневники Бенуа, она обнаружила, что А.Н. называет ее торговкой и дает ей соответствующую характеристику. После этого она и расправилась с дневниками по-свойски. Тогда же она устроила и погром среди музейных работников с Нерадовским во главе!

На именины я получила наконец поздравительную телеграмму, подписанную: Вася Наташа Соня Петя Сафонова. Галя воскликнула: «Блокада прорвана». А на днях пришли две телеграммы от Евгении Павловны. Она меня поздравляет и пишет: «Посоветуйтесь ехать или остаться Магадане зиму ответьте немедленно вашем согласии мой приезд добейтесь разрешения Ленсовета въезд прописку Ленинграде вашей жилплощади жду телеграммы».

Восемь лет прошло, как ни за что ни про что оторвали бедную женщину от детей и бросили в каторжные работы. Восемь лет. Мы, отупевшие в рабстве, не отдаем себе отчета (как Стендаль пишет: «L'habitude de la servilité», а у нас l'habitude des travaux forcés[1319]) во всем ужасе того, что творится среди нас, вокруг нас. Восемь лет без всякой личной вины, за вину мужа, который тоже был виноват только в том, что был умен и талантлив. Во что превращена наша «пресса»! А сейчас, по слухам, опять высылают десятки тысяч эстонцев, литовцев, латвийцев[1320]. И хотим Триполитанию[1321] коллективизировать!!! Excusez du peu! Faut avoir du toupet tout de même[1322].

Все забываю записать: с месяц тому назад зашла Дубинкина, помощница Алексея Матвеевича Крылова. Ей надо было передать Ольге Андреевне деньги, и пока я писала расписку, она мне рассказала, что 26 июля, т.е. за два дня до смерти, А.М. зашел к ней на дом, был «выпивши», говорил о каких-то больших неприятностях, которые отравляют ему жизнь, о том, что он хочет бросить работу, впрочем, добавил он, «скоро вы услышите большие новости». 28-го он застрелился. Это, пожалуй, подтверждает предположение о преследованиях НКВД (тайных) и о том, что самоубийство было заранее обдумано. На именины О.А., 24 июля, кто-то подарил ей хорошенький шарфик, черный с белым. А.М. заметил: «Вот, может быть, тебе придется траур по мне носить». Средневековье.

9 октября. Наш быт: и я и дети обедаем в столовой: я — своего училища, они в школе. Обед мой таков: суп или щи, довольно густые, не мясные, иногда в них плавает несколько крошечных шкварок. Второе, в котором заключается завтрак, обед и ужин, помещающийся в одной глубокой тарелке, состоит из двух сортов каш, пшенной и овсяной, немного тушеных овощей и как мясное — кусочек омлета, или колбасы, или миниатюрной котлеты. C'est tout[1323]. У детей много меньше. Я стараюсь съесть за обедом половину, остальное храню на утренний завтрак. По дополнительной карточке имею 2 кг крупы, 1 кг 800 мяса, а именно: 600 гр. мяса, 500 гр. рыбы, 200 гр. сарделек и в обязательном порядке вместо 500 гр. мяса — 100 гр. яичного порошка. Таким образом, один раз в месяц мы варим мясной суп на два дня, на ужин раз в месяц имеем жареную треску. Имели по дополнительной карточке 800 гр. жиров. Хозяева решили, что это для ленинградцев слишком жирно, и сняли 300 гр., заменив тремя кг хлеба. Приходится прикупать, когда есть на что. За этот год я не видала в глаза сливочного масла, кроме того килограмма топленого, который привезли девочки. Стараюсь, и это мне удается, никогда о еде не думать. Но утомительно. Нищета кругом подавляющая, стон

стоит. Грабежи по городу. Подростки объединяются в банды, девушки проституируются. А как же иначе, коммерческие-то магазины на что?

Если литература ниже подвига народа, то правительство также недооценивает свой народ, и я думаю, даром это не пройдет.

Если бы наша внутренняя политика была на уровне внешней.

10 октября. Изучаю Choisy. Все восточные монархи прибегали к насильственному рекрутированию рабочих сил, и государственное хозяйство в них было основано на монополии и организации принудительного труда. Принудительную организацию рабочих сил можно проследить по общему виду сооружений: несоответственность рабочего как бы читается в постоянных погрешностях кладки... а для всех работ, где нужна лишь грубая сила, известно, какими неисчерпаемыми средствами располагали фараоны, пользуясь пленными, рабами, иноплеменниками. Отсюда проистекает это пренебрежение к материальным препятствиям, эта поразительная расточительность в расходовании рабочей силы. Auguste Choisy, архитектура, Египет[1324].

Сегодня я служила панихиду по папе, 33 года прошло. И сегодня я с совершенно особым чувством молилась. Мне казалось, что это не панихида, а благодарственная молитва, так ясно я чувствую папино заступничество за эти тяжкие годы войны. Его огромная любовь к нам, к Васе охранила нас. Как я его любила и люблю и сейчас. И сегодня, в этот день, я знаю, что Вася тоже служит панихиду, что мы — семья, хотя и на разных концах земли. А вот когда я умру, помянуть меня будет некому; для умершего это неважно, но для остающихся, не помнящих родства, забывших своих родителей еще при их жизни, какая скудость, какая убогость.

Для Юрия не существовало ни матери, ни братьев, ни сестры, какой-то вырванный кусок из полотнища истории. 25 лет на это натаскивали поколения. А у Шапориных это прирожденное.

14 октября. Я постепенно учусь молиться, делаю это по утрам. Читаю Евангелие и молюсь Богу. И эти несколько минут сосредоточенности в одной мысли, в стремлении почувствовать себя в руке Божией дают покой на весь день.

Послала письмо в Англию Ржевской. Барышня на почте сделала мне строжайший выговор за домодельный конверт. «Я имею полное право не принять письмо, не так часто пишете за границу, могли бы в ДЛТ[1325] (коммерческий магазин) конверт купить». Конвертов и бумаги в продаже нет. Письмо все-таки приняла, а я теперь боюсь, как бы цензура не задержала, чтобы fare una grande e bella figura[1326] перед Западом.

Как-то на днях на Михайловской площади встречаю Бориса Пронина и Марусю. Они затащили меня к себе. Живут в мастерской того же дома б. Дашкова, где была «Бродячая собака». Он изумительно рассказывает, причем очень наблюдателен. Если бы он мог писать мемуары, они были бы бесконечно интересны. Недавно кто-то приехал из Москвы из музея Маяковского[1327] и вызвал Бориса, прося рассказать, что помнит о Маяковском. «Я начал, — говорит Борис, — и минут через двадцать вдруг заметил, что стенографистка записывает. Я сразу же все забыл и потерял нить». Они с Верой Александровной задумали поставить в «Привале» маленькие пьесы Пушкина и решили привлечь к этому Головина и Мейерхольда[1328]. Те заинтересовались, и у Веры Александровны состоялся завтрак вчетвером для обсуждения. Квартира В.А. была над «Привалом». Вдруг слышат (над сценой была прорублена щель) внизу шум, ругань, чуть ли не мат. Пронин спускается вниз и видит Митьку Рубинштейна, владельца дома, который кричит, что закроет «Привал», денег не платят и т.д. Борис его успокаивает и просит не шуметь, т.к. у них гости, Головин и Мейерхольд. Рубинштейн тотчас же преобразился, стал любезен и просил познакомить его с ними. Борис привел его наверх по винтовой внутренней лестнице и представил друг другу. Все встали, Мейерхольд даже подобострастно подошел к Митьке, а Головин встал, как-то перевернул свой стул и, держась за стенку обеими руками, образовав баррикаду между собой и Рубинштейном, поклонился, не подавая руки. Однажды Борис получает от Митьки приглашение с золотым обрезом на завтрак. По своему обыкновению опоздав, он вошел, когда уже все сидели за столом. Было человек двадцать пять — тридцать. На одном конце стола сидел хозяин, на другом Стелла, его жена, толстая еврейка. Третьим от Митьки сидел Распутин, затем какие-то великие князья, дамы. На Распутине была красновато-розовая рубашка, он пил и цинично, площадно ругался.

Вспомнил Борис о Распутине, рассказав, как ему пришлось познакомиться с Л.Н. Толстым. Илья Сац организовал квартет, и они часто играли Толстому и в Хамовниках[1329], и в Ясной Поляне. Сацу понадобились музыкальные пульты, и он попросил Бориса и свою сестру отправиться в Хамовники за этими пультами. Звонят, слышат шаркающие шаги, и им открывает сам Л.Н. Борис был страшно сконфужен, передал поручение. Толстой засуетился, нашел пульты, помогал завязывать и затем сказал: «Будьте до́бры передать *Илья* Александровичу мой поклон». Пронина поразило именно ударение на до́бры и Илья.

Глаза у Толстого как буравчики, пронзающие вас, и глаза Распутина, сверлящие тоже, напомнили ему Л.Н. своим особым выражением.

Все рассказать невозможно, и в воспоминаниях Бориса замечательны мелкие подмеченные подробности, которые ярко обрисовывают человека, обстановку, общую конъюнктуру. Ему 71-й год. Он опять устраивает у себя какой-то привал, сборища по вторникам... Разве можно сейчас собираться, когда если соберутся десять человек, то пять из них уж наверное будут сексоты[1330].

19 октября. Людмила Толстая подложила мне грандиозную свинью. У меня есть рукопись Алексея Николаевича, датированная 1903 и <19>05 годами. Пробы пера, рассказы из студенческой жизни, а в 905-м размышления перед Казанским собором во время демонстрации[1331]. Я спасла эту рукопись из того auto-da-fe[1332], которое устраивала Ирина из бумаг А.О. Весной мне пришла мысль продать ее Гослитиздату. Посоветовалась с С.Л. Горским. Он ехал в Москву, взял ее с собой и имел неосторожность ее оставить у Чагина. Тот написал мне, что рукопись представляет огромный интерес и чтобы я сообщила свои условия. Затем получаю письмо от Людмилы и через И.И. Векслера дополнительные детали. Векслер, хотя и Иван Иванович, говорит с определенным еврейским акцентом. Людмила желает приобрести рукопись, она, дескать, организует архив, она входит в редакционную коллегию по изданию полного собрания сочинений (она, Векслер, А.Н. Тихонов и Потемкин), напрасно я обратилась в Гослитиздат и т.д.

Я ответила Чагину, назначив, по совету Горского, 7 тысяч за рукопись. После этого на днях получаю письмо от рассвирепевшей Людмилы, пишет уже не «дорогая» Л.В., а «многоуважаемая». Письмо напечатано на машинке. Предлагает 1000 рублей, добавляя, что она дает удвоенную сумму против нормы и т.д. Горский, к счастью, привез рукопись обратно, но я очень боюсь, не списали ли они ее. Я очень любезно ответила Людмиле, что, раз рукопись не представляет интереса для издательства, я буду хранить ее с прочими письмами и автографами Алексея Николаевича. (В первом письме она просила, чтобы я отправила ей все письма и автографы!) Расстроило это меня ужасно. Я считала эти деньги приданым для девочек, заняла под них уже 1000 рублей для уплаты за Марину шубу, и вдруг — ничего. У меня кроме этой тысячи еще срочные долги. Потом хочется Васе помочь. И ничего.

Пошла вчера в закупочную комиссию при Комитете по делам искусств. Предложить гравюры Одрана — не нужны.

От огорчения поехала в Детское, на кладбище. Это меня успокоило. Времени для прогулки у меня, к сожалению, не было, поездов мало, так что, выехав в 9 утра, я уже в час была в Ленинграде. Немного посидела на могиле, уже покрытой снегом. Шла обратно парком. Озеро синее-синее, в заводях уже затянутое льдом. Серебряные ивы, красновато-рыжие дубы на той стороне смотрятся в воду — красота редкая. Хотелось бы погулять, вдохнуть в себя эту красоту — и нету времени. Работать надо. Я разрываюсь сейчас между переводом и подготовкой курса по истории искусства. Не хватает времени и сил.

27 октября. У нас наш режим — это злостная карикатура на социализм и коммунизм. Все идет по Павлову: после торможения — возбуждение, сейчас комиссии по всему городу осматривают квартиры на предмет выявления свободной лишней площади для вселения в нее. Я пошла утром к Михеичу просить справку, что у меня имеется площадь, на которой я могу прописать Евгению Павловну. Он не дал, им запрещено теперь давать такие справки, и объяснил, что если я только покажу подобную справку в райсовете, ко мне вселят кого-нибудь. Вообще надо пуститься на ухищрения, чтобы у меня не отобрали две комнаты, т.к. я могу прекрасно поместиться с девочками в одной комнате![1333] Это отчаянное бесправие невыносимо. За 28 лет не выстроено в центре города ни одного жилого дома, на пустырях фиговые листья в виде скверов, а норма жилой площади доведена до *шести* метров. Куда же идти дальше? Я так расстроилась, что голова опустела, не могу работать.

30 октября. Вчера вечером неожиданно пришел Юрий, прямо из-за границы. Он в повышенном настроении, очень доволен поездкой и в восторге от тех стран, где побывал[1334]. А был он в Копенгагене (Берлин видел только с самолета), Норвегии, Стокгольме, Гельсингфорсе[1335]. Записывал все впечатления. Для поездки их одели!! Сделали ему черное пальто, два костюма. Шебалину сшили сине-фиолетовое пальто, и в одном из наших посольств при виде этого пальто им рассказали, что туда заезжали двенадцать человек, командированных в Америку, и на всей дюжине были одинаковые синие пальто! Какой это срам! Постыдный срам, как многое: коммерческие магазины, торгсины... и т.д. и т.д. Даже не варвары, а мелкие мещане. Поразила Юрия налаженная комфортабельная жизнь даже в пострадавшей Норвегии, богатство, освещение в Швеции, великолепное исполнение «Царской невесты»[1336] в Стокгольме, причем на премьере был 80-летний король[1337]. Поразила тишина на улицах: шоферы автомобилей ездят, почти не давая гудков.

Оказывается, Вася боится того, что я всю мебель передам девочкам!!

Сегодня мы вместе обедали у Кочуровых. Он вчера рассказывал, что накупил детям много игрушек, какие-то автомобили. Я его просила непременно что-нибудь подарить Сонечке и Петруше. Он обещал. Себе же я попросила оставить почтовой бумаги, благо он очень много накупил ее за границей. Юрий Владимирович пошел его провожать. Вечером он мне сказал по телефону, что одной из причин этих проводов было желание взять для меня эту бумагу, т.к., конечно, Ю.А. забыл бы это сделать. Когда Юрий уже уходил от меня, я его просила передать Васе, что я его считаю своим единственным наследником и, в случае моей смерти, чтобы он не продавал буфета (объяснила причину). Юрий на это сказал: «А в случае моей смерти, я хочу тебя предупредить, что я уже в Москве все зарегистрировал, но извещения тебе не послал, так чтоб ты знала», — говорил суетясь, на что я ему ответила, что так и предполагала: «Неужели ты думаешь, что я могу предъявить на тебя какие-нибудь права?»

За неделю перед этим я встретила Гаука (нового молодожена — в который раз?). Он разразился целой филиппикой против Юрия. «Ведь подумайте, 16 октября должны были исполняться его баллады для баса с оркестром. Баллады — первый класс. Так он к ним приспособил меццо-сопрано, затем еще хор, а теперь хочет из них сделать ораторию![1338] Так же нельзя! Баллада есть баллада, а оратория есть оратория. Из оперы ничего не будет. Пусть он напишет только сцену на Сенатской площади, а потом найдется какой-нибудь Римский-Корсаков, который все закончит[1339]. Юрий не работает. Старый же человек. Надо работать. Он потерял веру в себя. Не было бы дарования, так и не обидно было б. А при таком даровании... Он встает, полдня варит кофе, затем занимается с детьми, потом говорит речи, возлагает венки. Я махнул рукой. Не могу же я с ним возиться, как с ребенком».

На днях была у Анны Петровны. К ней приехала А.Ф. Волкова, которая перед этим очень долго не бывала. Приехала утром, осталась обедать, сидела и после обеда. Заговорили о войне, и тут Анна Петровна заметила, что евреи оказались не на высоте, не выдвинули ни маршала, ни подлинного героя. Волкова протестовала, объясняя эти факты процентным отношением. На что А.П. ответила: «Нет, я думаю, они просто трусы». — «Не говорите так — мой муж был еврей, он убит. Когда он ехал на фронт, он сказал: "Я лучше застрелюсь, чем сдамся в плен!"» Tableau[1340].

Но, оказывается, муж-то был не на фронте, а в тылу и был убит совсем случайно.

А.П. подозревает, что Волкова была к ней прислана свыше позондировать ее настроения ввиду каких-то предположений о Сталинской премии.

3 ноября. По некоторым замечаниям моих учеников я нахожу, что у них далеко не «барабанные» настроения; про своих девочек я уж и не говорю: они 4 года прожили в колхозе и видели, что это такое. Слышали от крестьян о дореволюционной жизни в деревне, воочию убедились, сколько крестьяне хлебнули и хлебают горя. Не говоря уж о судьбе родителей. Вчера у них была их подруга по интернату Ира Светлова. Отец расстрелян в августе 1941 года, мать, которая заходила ко мне той зимой, умерла в апреле 42-го года. Миниатюрная девочка 19 лет, можно дать меньше. Бабушка вызвала ее из Верхораменья в Самарканд. Работала в детдоме. Решила ехать в Ленинград. Выдержала экзамены за 10 классов, записалась в Планово-экономический институт[1341], который ее и вызвал. Живет в общежитии, т.к. комнаты их заняли, большую часть вещей растащили. В комсомол не пошла и смеется над Марой и Галей, что пошли. «Вот охота!» Наташа Шварц, дочь Е.Л., тоже некомсомолка. Я в свое время вначале не вмешивалась в детские дела, предоставила им делаться пионерками, боялась за придирки к ним. Теперь они сами все прекрасно поняли.

7 ноября. «Разве не знаете, что вы храм Божий и дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм (по-славянски — растлит) Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы». Ап. Павел, Первое Послание к Коринфянам. Гл. 3, 16 и 17.

Какое уважение к человеку. Вероятно, это не без эллинского влияния. Хотя история Хама очень поучительна.

Вчера, 6-го, в училище был ужин. Ужин запоздал, мы сидели в комнате директора и слушали речь Молотова[1342]. Говорил о победе, о напряжении всей страны, о том, что уничтожена опасность с Запада и Востока, что такую победу могла одержать только такая демократическая страна, как СССР. Говорил о наших приобретениях Кенигсберга, Украине, Порт-Артуре, Дальнем[1343]. Великодержавная внешняя политика меня радует, но когда он начал говорить о демократичности строя, дружбе народов, лучше уж бы молчал. Я верю, что История все поставит на свое место.

Вчера у меня была Маргарита Константиновна Грюнвальд, наконец вернувшаяся из своих *десятилетних* мытарств. Мало кого я так уважаю, как ее. Вопиющие несправедливости ее никак и нисколько не озлобили, все такая же мягкость к людям, любовь к молодежи, светлый взгляд на жизнь. Она преподает английский в университете и пишет диссертацию по истории[1344].

Вот подлинный аристократизм духа. Во время первой германской войны она была все время сестрой милосердия на фронте и получила две георгиевские медали.

10 ноября. Молотов говорил еще и повторил это несколько раз, что СССР — единственная страна, где нет эксплуатации человека человеком. На это я могу лишь сказать: если человек человеку волк, то «партия и правительство» человеку — крематорий. Звери слушали Орфея, лев лизал ноги Св. Иерониму[1345], — крематорий не останавливается ни перед чем, количество жертв его не пугает, качество тем менее.

Мне сейчас пришло в голову: не был ли жертвенник Ваала, пожиравший людей, попросту крематорием[1346].

21 ноября. В понедельник, 19-го, я была вызвана в качестве свидетеля в суд по делу М.Ф. Петровой-Водкиной. Она уехала в феврале 42-го года в одном эшелоне с Васей и тогда же на вокзале сказала мне, что все вещи продала, оставила тем, кому передала квартиру. Приехав сюда в 44-м году, она стала хлопотать о квартире, написала Кузнецову. Вместо того чтобы ей дать квартиру, направили в Петроградский райсовет, дали ордер на одну комнату в ее прежней квартире и посоветовали подать в суд, чтобы получить всю квартиру. Кажется, Ивановский надоумил ее требовать и вещи обратно!

Адвокат Русского музея Гуревич вызвал меня осмотреть вещи, когда он должен был пойти на квартиру М.Ф. с судебным исполнителем, чтобы опознать их.

19-го состоялся суд. Свидетелей вызывали поочередно в комнату, где сидели судья, секретарь, адвокаты сторон и сами «стороны».

М.Ф. не скрывала, что она все обменивала на продукты. И на этом базировалась защита. П.Е. Корнилов, свидетель, рассказал, как он приходил к М.Ф. для того, чтобы договориться о доставке вещей Кузьмы Сергеевича в Русский музей. М.Ф. угостила его жареным мясом, и когда он пытался отказаться, она настаивала, говоря, что теперь у нее бывают продукты. Сторож за перевозку вещей в Музей взял с нее 2 кг хлеба и 1000 рублей денег, хлеб она доставала. А.А. Ивановский (сын кинорежиссера) рассказал, как он точно так же менял мебель отца на продукты у тех же Тимофеевых, получал мясо, хлеб, крупу стаканами. Его маленькая дочь умерла, но сына он спас, да и себя также. Прищурив умные глаза, судья (женщина лет 40 с умным, тонким лицом) с нескрываемым презреньем обратилась к Тимофеевой: «Откуда были эти продукты? Вы знаете, что за хищения продуктов тогда расстреливали». Тимофеева работала в столовой, муж слесарь, совсем некультурный,

дочки нарядные и с локонами. Они утверждают, что за все платили деньгами, и свидетельница, подруга дочерей, с оксиженированными[1347] буклями над головой, сказала, что сама присутствовала при том, как Тимофеев отсчитывал М.Ф. 5000 рублей, а М.Ф. повторяла: «Дружба дружбой, а деньги счет любят». Это при ее-то знании русского языка[1348]. Суд постановил оставшиеся вещи возвратить Петровой-Водкиной, а Тимофеевым уплатить 1200 рублей судебных издержек. Они подали кассацию.

25 ноября. Вся жизнь сплошное четвертование. Вчера и несколько дней тому назад заходила Е.П. Якунина. Она уже восьмой месяц живет в «Angleterre»[1349]. Театр ликвидировали. Она без работы, без квартиры. Выселить людей, живущих в ее квартире, нельзя — их вселили из разобранного на дрова дома. Вчера Е.П. была у «референта» нашего райсовета. «Ничего утешительного сказать вам не могу, жилплощади нет, мы сейчас обследуем излишки у населения (из них же первый аз есьм), бывают комнаты в восемь—десять метров, которые мы тотчас же отдаем демобилизованным».

И вот художница, проработавшая всю революцию как вол, да еще с дочерью, на улице. Была тоже на днях Щекатихина. В ее квартиру после смерти Билибина вселили рабочих. Пьянство, хамство, воровство. Жизнь стала невыносима. Вернулся Славик. Демобилизованным дают карточки только тогда, когда они поступают на работу. Он уже около месяца без продуктовых карточек, т.к. держит экзамены на аспирантуру в Академию наук. Он пошел в райсовет просить как демобилизованный стекол и дров. Отказ. Он восемь раз ранен, орден Красной Звезды и другие.

Вчера же вечером были у меня Богдановы-Березовские. Он хочет писать балет «Золотой ключик»[1350] и пришел ко мне за пьесой Е.Я. Данько и книжкой Алексея Николаевича. Ему живется хорошо. Он не знает, что вся его история в Союзе мне известна. Кочуров говорил мне, что штрафы с него сняты. Он преподает в консерватории, ведает литературной, вернее репертуарной, частью Мариинского театра, работает в Институте театра и музыки. В блокаду он получил квартиру на Бородинской[1351], в прошлом году обменял ее на лучшую в том же доме. Вчера Анечка рассказала, что В.М. подарил ей пишущую машинку (8000) и прелестное вязаное шерстяное платьице, в котором она и была. Voilà[1352].

Богданов-Березовский нашел, что у меня очень хороший тонус, что я бодра, спокойна. Я тут же подумала, что, вероятно, этот покой мне дает моя утренняя молитва и тот новый путь, который я нашла, или, вернее, ищу, к Богу.

«Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, Человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех». Первое послание к Тимофею. Гл. 2, 5.

Ощущение Бога Вседержителя дает мне очень много. И в отношении к девочкам. Воспитывать своих детей легче. Их и поругаешь, попилишь, устыдишь. А то же самое по отношению к чужим, к «воспитанницам», будет сразу же иметь вид попрека за благодеяния. Иногда я раздражаюсь, но держу себя крепко в руках и пока что всегда побеждаю себя.

Евгения Павловна уже выехала и направлена в Лугу[1353]. А там все дома разрушены, живут в землянках.

4 декабря. Вчера за уроком стерла тряпкой с доски написанные мной имена голландских художников. Поразила легкость, с которой исчезло все. И подумала: так и жизнь, была — и нету. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?»[1354]

(Рассказы о грабежах, встреча с Борисом Прониным, здоровье Анны Петровны. Режиссерская конференция.)

11 декабря. Перебрала в который раз папин бумажник. Сколько в нем человеческого сердца, бесконечной любви. Эти наши каракули, Наденькины волосы с цветком из венка. Как я все это люблю, как все это ценю и сохраняю. И больно очень, что я умру, все будет выброшено, сожжено. Я *обязана* написать воспоминания, чтобы все это уцелело, сохранилось. Но папина любовь не ушла из жизни. Я всегда, а иногда особенно сильно, ощущаю его близость, его тепло и любовь. И он охраняет Васю и Сашу и их детей. Я храню папину ручку для пера с головкой бульдога, которую ему в Вильне в детстве подарил Вася. А моему сыну вообще наплевать на все, что меня касается. Как и его отец. Ах, если бы я могла воспитывать Сонечку. Вася — пример растлевающего влияния революции. Вася воспринял ее принципы только в отношении наплевательского отношения ко мне. К тому же это наследие Шапорина. Но вообще наша революция уничтожила все устои, ничего не дав. Ей не удалось создать революционного пафоса. Нет у нас ни Давида, ни Рюда.

13 декабря. Сейчас приходила Нюша и принесла от Анны Петровны целую корзину: макарон, муки, геркулеса, колбасы, консервы и постное масло грамм двести. Я тронута до слез, чувствую, что это делается для девочек. Когда я по телефону стала благодарить, А.П. сказала: «Относитесь к этому просто, ведь *мы с вами пережили блокаду*. Я уже давно мучаюсь, что все не могу вам послать это все».

Ну, как это назвать? Что за человек? А жизнь такова, что я, получая сейчас 1000 рублей (на руки) в месяц, почти что не свожу концы с концами.

Нюша рассказала. Получила письмо от тетки из Тверской губернии. Живет одна с больным сыном 15 лет. Другой сын кончил в Ленинграде техникум, умер с голода. Сын во флоте, куда-то уехал. Муж был председателем сельсовета. Когда пришли немцы, его сразу же взяли и угнали с собой. Когда немцы стали отступать, ему удалось бежать и вернуться к своим. «Свои» его арестовали за пребывание у немцев, отправили в концлагерь, где он и умер.

Тетка получила в колхозе по 250 граммов ржи на трудодень!

13 декабря. Я опять все это время так занята, что нет времени писать. Я работаю в разных направлениях, и совершенно нет сил справляться с переводом. Мешают уроки, это преподавание совершенно опустошает мозг. После 6 часов в училище полная пустота в голове, ни мысли, ни выдумки. Я не педагог и никогда им не была. Надо принять все меры, чтобы оттуда выкарабкаться.

За это время самое радостное для меня было получение письма от Васи [брата]. Они живы, здоровы, даже чудная, милая Вера Ивановна. Все благополучны, Саше лучше, чем прежде. Какое счастье! И до чего же захотелось к ним, в человеческие условия. Хотелось чем-то отпраздновать такую радость, купила бы прежде вина, торт — нищета, то, от чего стонут уже вслух на улице.

Саянов пишет в «Правде» возмущенную статью о концлагерях[1355]. Нельзя говорить о веревке в доме повешенного.

От Евгении Павловны ни слуха с дороги. Вот мы случайно сошлись в моей квартире: Анна Ивановна Иоаннисян, Ольга Андреевна Колосова и я. У них братья в концлагерях, у девочек мать, а отец расстрелян. Какое счастье, что мои братья за пределами досягаемости. Они, конечно, были бы расстреляны.

О жизни в провинции рассказывают поразительные вещи. Ольга Абрамовна Смирнова вернулась из Кишинева. После 7 часов вечера по улицам ходить в одиночку нельзя. Грабят.

23 декабря. Вчера было мое рождение. 66 лет. А я все живу и живу. При всей моей работе — ни копейки денег. Утром заняла у Ольги Андреевны 50 рублей, чтобы дать детям заплатить за обеды.

Была репетиция с кукольниками.

Но надо же было как-то отпраздновать: я детям сказала о своем рождении и отправила в наш магазин взять мяса. Получили 500 гр. мяса по карточке и последние 200 гр. конфет. Сварили суп и поджарили мясо — это роскошь, которую не видали очень давно!

Что нет продуктов — это вполне понятно, вся страна голодает. Но вот почему нету мыла, соли? Мы получаем полкуска мыла на два месяца.

Вечером позвонил Борис Пронин, уговаривал ехать с ними встречать Новый год к Голубеву, в Дом ветеранов сцены! Он повезет с собой человек тридцать, устроит, одним словом, «наворот». Счастливый человек, легко ступающий по жизни.

Сейчас 8 часов утра, а встала я в 6 ½. Все правлю перевод.

26 декабря. Анна Петровна очаровательна; я спрашиваю по телефону, как она себя чувствует: «Да ничего, но только не работаю уже неделю, а если я не работаю, значит, что-то у меня подавлено... Впрочем, я вру, еще вчера я работала с натуры. Против моего окна две ветки были покрыты толстым слоем снега. Этот серебристый, сиреневатый снег на фоне ярко освещенной желтой стены был бесподобен. Я схватила бумагу и стала рисовать, ее не хватило, я приклеила еще, потом еще, но не кончила; уже два дня нет солнца, а воробьи сбивают снег. Как только я подхожу к окну, множество воробьев слетаются на ящик и ждут корма, я их каждый день кормлю пшеном».

За эти дни произошло несколько совершенно неожиданных событий. В воскресенье, 23-го, пришел ко мне морской офицер, капитан второго ранга с женой: «Я пришел к вам по поручению вашего племянника — у меня мелькнула мысль о Шурике — Яковлева» Как, из Берлина? У меня даже мороз по коже пошел, до того это казалось неправдоподобным. «Ваш племянник — лейтенант французского флота, мы с ним часто встречаемся по работе. Он блестяще знает пять языков, так что часто мне помогает. Он очень красив, и его товарищи рассказывают, что и жена его очень красива, сам-то он скромничает. Просит, чтобы вы ему написали».

Я после их ухода весь день тряслась в лихорадке от потрясения. Он рассказывал, что немцы неприятны, озлоблены, в особенности на русских, и многие из них утверждают, что капитуляция была напрасна, Германия могла еще воевать и победить!! Французы вполне понимают ту роль, которую мы сыграли в этой войне, и прекрасно к нам относятся. Американцы нам симпатизируют, но с англичанами у нас очень натянутые отношения, они вредят нам, где могут, желая нас низвести на роль второстепенной державы. С консервативным правительством Черчилля у нас были гораздо лучшие отношения, чем с лейбористами. В понедельник, после шести часов уроков,

я поехала на Васильевский остров на кукольную репетицию. На обратном пути пятерка провезла меня до Знаменской — у Литейной не смогла выйти. Пошла пешком, было 22 градуса мороза, я была обижена на судьбу, устала, было около 10 вечера. Галя мне отворяет: «Мамуленька приехала». — «Что?» — «Мамуленька приехала». Я не верила своим глазам: да, Евгения Павловна. Восемь лет прошло, а казалось, что их ей не пережить, что конца не дождаться. И все-таки дождалась. Девочки плакали весь день от счастья. Как посмотрят на мать, так и плачут. А сегодня рано утром она уже уехала в Лугу, пробыв с детьми два дня. Кто, когда отомстит за надругательство над человеком?

29 декабря. Горком писателей просит дать сведения о работе во время Отечественной войны.

С июля 41-го года по июль 42-го года была медсестрой в госпитале при глазной лечебнице, Моховая, 38. В 42-м году и 43-м работала по договорам в Научно-исследовательском институте театра и музыки, собирая материалы на тему: театр и музыка в условиях блокады.

Собран был материал по эстраде, Военно-шефской комиссии, Союзу композиторов, бригадам Дома Красной армии, Театру Балтийского флота, работе ТЮЗа и кукольных театров и т.д. Написана статья в 4 печатных листа «Кукольные театры Ленинграда за 25 лет».

Состоя референтом в Нейрохирургическом институте весь 44-й год, перевела с французского книги Дельма и Ло «Анатомия вегетативной нервной системы», Маларэ «Вегетативная иннервация сосудов нижних конечностей».

За 44-й год перевела с французского «Хроники моей жизни» Игоря Стравинского.

С февраля 1945 года преподаю историю искусства в Художественном ремесленном <училище> № 9.

Перевожу Стендаля «Воспоминания туриста» по договору с Гослитиздатом.

Кроме всего этого, я горкому не пишу, что с января по июль 1943 года возилась с организацией петрушечьей бригады, которую у меня загубила А. Гензель. Июль, август, октябрь и ноябрь 1943 года писала декорации в Михайловском театре. И теперь с 15 XII 45 уже назначена художественным руководителем Кукольного театра при Доме пионера и школьника Фрунзенского района.

Für eine sehr alte Dame leiste ich wirklich viel.

И при этом сижу без гроша, на жизнь втроем никак не хватает.

КОММЕНТАРИИ

Дневник. 1898—1945

Л.В. Шапорина вела дневники (с перерывами) почти всю жизнь. Самая ранняя из сохранившихся записей датирована 1 июня 1891 г. и содержит описание посещения ею, одиннадцатилетней девочкой, могилы умершей в младенчестве сестры Надежды и ожидания приезда отца (см.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 3. № 90). Регулярно вести дневник Шапорина стала, по-видимому, незадолго до выпуска из Екатерининского института 17 ноября 1898 г. После переезда в Петербург в 1903 г. записи прекратились и, как можно предположить, не велись до 1927 г. (единственное исключение — обширная запись 1 марта 1917 г. о событиях Февральской революции). Характерно, что через месяц после гибели Н.Н. Сапунова в 1912 г. Шапорина описала как это событие, так и историю своих взаимоотношений с ним в отдельном тексте (*Шапорина Л.В.* О Н.Н. Сапунове / Публ. А.Г. Носовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 266—286). Если бы она вела тогда дневник, в него бы она и внесла соответствующие записи. В архиве Шапориной сохранился лишь листок с короткими, в одну-две строки, записями за четыре дня в апреле, мае, ноябре и декабре 1919 г. — преимущественно о ценах на продукты (РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 25. Л. 1).

Весной 1927 г. в Париже Шапорина возобновила ведение дневника (в 1925—1926 гг. «не написала ни строчки», — записала она в дневник 13 октября 1930 г.), а с декабря 1928 г., после возвращения в Ленинград, без малого сорок лет (последняя запись была сделана 19 марта 1967 г., за два месяца до кончины) дневник был ее постоянным и самым задушевным, как она сама писала, собеседником. На этом фоне бросается в глаза отсутствие дневника за 1940 г.; причины этого пробела не известны.

Шапорина вела дневник в общих тетрадях, а во время войны в так называемых амбарных книгах, куда переписывала и записи, сделанные иной раз на отдельных листах во время дежурства в госпитале.

Накануне своего семидесятилетия Шапорина стала перечитывать дневник, дополняя и поправляя дневниковые записи. В дневнике иногда встречаются следы вырезанных частей текста (иной раз нескольких листов подряд). Трудно судить о том, что изымалось, поскольку сохранившиеся дневниковые записи в изобилии содержат исключительно откровенные в политическом и этическом отношении суждения о событиях и людях.

В настоящее время дневник Шапориной хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (за 1917 и 1927—1957 г.: Ф. 1086. Ед. хр. 2—12) и в Рукописном отделе Института русской литературы Российской Академии наук (за остальные годы: Ф. 698. Оп. 1. № 24—26).

Первую публикацию фрагментов из дневника Шапорина предприняла сама: в 1963 г. она трансформировала в повествовательный (беллетризованный) текст фрагменты о 1935 г. и под заглавием «Ленинград в марте 1935 года» послала в журнал «Новый мир». Публикация не состоялась: А.И. Кондратович, заместитель А.Т. Твардовского, сообщил Шапориной, что подобных материалов в портфеле редакции слишком много (см.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 99).

К дневникам Шапориной обращались за разнообразными сведениями исследователи музыки, художественной культуры, кукольного театра, см.: *Левит С.* Юрий Александрович Шапорин: Очерк жизни и творчества. М., 1964. С. 311; *Толстая Е.Д.* Л.В. Шапорина в работе над оперой «Декабристы» // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 532—549; Советский театр. Документы и материалы: Русский советский театр. 1917—1921. <Л.>, 1968. С. 288; *Овсянников Ю.М.* Если бы Наталья Данько вела дневники: Документальная повесть // Панорама искусств. М., 1983. [Вып.] 6 (использованы записи бесед с Шапориной в начале 1960-х гг.). Сама она написала воспоминания о Е.С. Кругликовой (Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество: Сборник. Л., 1969. С. 68—70).

С конца 1980-х гг. стали появляться тематические публикации фрагментов дневников: Анна Ахматова в дневниках Л.В. Шапориной: (1930-е — 50-е годы) / Публ. В. Сажина // Ахматовский сборник. Париж, 1989. [Вып.] 1. С. 205—213 (с дополнениями см. в: *Ахматова А.* Requiem. М., 1989. С. 151, 156, 192 и мн. др. (здесь же воспроизведен текст Шапориной «Ленинград в марте 1935 года»)); Diary of Lyubov Vasilievna Shaporina: Notebook 1 March 1935 — 22 October 1937 // Intimacy and Terror / Ed. by V. Garros, N. Korenevskaya and Th. Lahusen. N.Y., 1995. P. 334—378; Когда умрет последняя блокадница... / Публ. В.Ф. Петровой // Вечерний Петербург. 1996. № 210. 4 нояб.; *Шапорина Л.В.* «Хочу записывать дела наших дней...» / Публ. В.Ф. Петровой // Рукописные памятники: Публикации и исследования. СПб., 1996. Вып. 1. С. 111—155, и др. Значительные фрагменты дневников Шапориной приведены в работе: *Носова А.Г.* Л.В. Шапорина и её фонд в Рукописном отделе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 96—132.

С середины 1990-х гг. публикацию всех дневников Шапориной начала готовить В.Ф. Петрова (1923—2003); ее работу завершил В.Н. Сажин.

В настоящем издании дневники Шапориной публикуются с небольшими сокращениями: купированию подверглись обширные цитаты из прочитанных книг. Все купюры отмечены угловыми скобками.

Шапорина на протяжении долгого времени употребляла старую орфографию, а в пунктуации обильно пользовалась точкой с запятой и тире (распространенное

явление у воспитанников дореволюционных учебных заведений). В настоящем издании дневники публикуются в соответствии с нормами современного русского языка. Исправлены неточности в написании иноязычных текстов.

Не помышляя о читателе, Шапорина часто делала ошибки в написании тех или иных имен или фамилий, а также ошибалась в датировках собственных записей. Такие ошибки исправлены без специальных оговорок. Точно так же без оговорок раскрыты многочисленные сокращения имен и отчеств упоминаемых лиц.

В прямых скобках воспроизводятся фрагменты, позднее вставленные Шапориной; конъектуры публикатора даны в ломаных скобках.

По объему и насыщенности содержания дневники Шапориной являются по существу реальным комментарием к истории страны за более чем половину XX в. Обстоятельное их комментирование представлялось невозможным, выборочный комментарий касается преимущественно наиболее важных исторических, социальных и историко-культурных событий и фактов.

В указатель имен введены все лица, прямо упоминаемые в дневнике, а также и неназываемые авторы упоминаемых Шапориной музыкальных и драматических произведений. В случаях, когда Шапорина записывает слухи о том или ином лице, ложные сведения корректируются информацией в указателе имен. В ряде случаев нет полной уверенности, насколько адекватно идентифицированы в указателе многочисленные персонажи с одинаковыми именами или именами и отчествами.

В процессе подготовки настоящего издания приходилось обращаться за разнообразной помощью к коллегам, которым приношу глубокую благодарность: Е.Б. Белодубровскому, Н.А. Богомолову, Б. Вайлю, С.В. Дедюлину, О.Г. Дигонской, Ю.Г. Димитрину, А Л. Дмитренко, Н.Л. Елисееву, Ж.-Ф. Жаккару, М.Н. Золотоносову, Н.А. Зоркой, А.М. Казарновскому, В.Е. Кельнеру, Ю.А. Клейнеру, А.И. Князевой, Л.Г. Ковнацкой, Н.И. Крайневой, А.В. Крусанову, А.М. Луценко, В.А. Мильчиной, Н.Н. Невзоровой, М.М. Павловой, Н.В. Петровской, А.М. Потоцкому, А.Я. Разумову, Д. Ребеккини, Г Л. Ретровской, Е.Н. Симоновой, Е.С. Спицыной, Л.Г. Степановой, Б.Н. Стрельникову, Г.Т. Черненко, Т.Э. Шумиловой, Е.Г. Щуко, М.Ю. Эдельштейну и М.Д. Яснову.

[1] Цитируется стихотворение Я.П. Полонского «Кораблики» (1870).

[2] Упомянуты персонажи романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (1863—1869).

[3] Имеется в виду персонаж рассказа И.С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» (1848) из «Записок охотника».

[4] Текст не дописан.

[5] В романе «Воскресение» (1889—1899) о его герое Нехлюдове говорится: «И вся эта страшная перемена совершилась с ним только оттого, что он перестал верить себе, а стал верить другим. Перестал же он верить себе, а стал верить другим потому, что жить, веря себе, было слишком трудно: веря себе, всякий вопрос надо решать всегда не в пользу своего животного *я*, ищущего легких радостей, а почти все-

гда против него; веря же другим, решать нечего было, все уже было решено и решено было всегда против духовного и в пользу животного *я*. Мало того, веря себе, он всегда подвергался осуждению людей, — веря другим, он получал одобрение людей, окружающих его» (Ч. I. Гл. XIII).

[6] Повесть Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» (1887—1889).

[7] показаться смешной (*фр.*).

[8] Шапорина формулирует то, что в разных вариантах произносит главный герой «Крейцеровой сонаты» Позднышев, например: «Всякий мужчина испытывает то, что вы называете любовью, к каждой красивой женщине» (Гл. II); «...самая возвышенная, поэтическая, как мы ее называем, любовь зависит не от нравственных достоинств, а от физической близости <...>« (Гл. VI); «...предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь всегда есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно» (Гл. XIII).

[9] Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863).

[10] Герой названного романа Чернышевского.

[11] Персонаж романа «Что делать?».

[12] В повести Потапенко «На действительной службе» (1890) главный герой отказывается от карьеры ради службы сельским священником.

[13] Мф. 18: 6.

[14] загорается (*фр.*).

[15] Начальные строки стихотворения М.Ю. Лермонтова без заглавия (1837 или 1838).

[16] Аллюзия на слова Ленского из поэмы А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823—1831).

[17] это вопрос (*англ.*). Цитата из «Гамлета» Шекспира (1601).

[18] Быть счастливой или не быть счастливой (*англ.*). Аллюзия на слова монолога Гамлета.

[19] Только молчание — сила, все остальное слабость; остается молчать и терпеть (*фр.*). Слова до точки с запятой — цитата из стихотворения А. де Виньи «Смерть волка».

[20] Неточно цитируются начальные стихи III части цикла Н.П. Огарёва «Монологи» (1844—1847).

[21] события (*фр.*).

[22] Мирской молвы многоголосый звон —
Как вихрь, то слева мчащийся, то справа;
Меняя путь, меняет имя он (*ит.*). Данте. Божественная комедия. Чистилище. Песнь XI. Перевод М. Лозинского.

[23] Суета сует и всяческая суета (*лат.*).

[24] Это слова царя Екклесиаста (Екк. 1: 2).

[25] Речь идет о брате Шапориной А.В. Яковлеве.

[26] Имеется в виду следующий фрагмент романа Достоевского «Идиот» (1868): «Когда же, например, самая сущность некоторых ординарных лиц именно заключается в их всегдашней и неизменной ординарности или, что еще лучше, когда, несмотря на все чрезвычайные усилия этих лиц выйти во что бы то ни стало из колеи обыкновенности и рутины, они все-таки кончают тем, что остаются неизменно и вечно одной только рутиной, тогда такие лица получают даже некоторую своего рода и типичность, — как ординарность, которая ни за что не хочет остаться тем, что она есть, и во что бы то ни стало хочет стать оригинальною и самостоятельною, не имея ни малейших средств к самостоятельности» (Ч. 4. Гл. I).

[27] Улицы в деревне Ларино, где находилось имение Яковлевых.

[28] Это письмо в архивных фондах Шапориной не обнаружено.

[29] Имеются в виду военные действия в районе строительства Китайско-Восточной железной дороги: нападение крестьян («боксеров») вместе с регулярными китайскими войсками на строителей дороги, последующее вступление российских войск в Северную Маньчжурию и взятие ими городов Ляояна и Мукдена.

[30] По тогдашнему Уставу о воинской повинности в состав вооруженных сил призывались мужчины, достигшие 21 года. Речь идет о брате Шапориной В.В. Яковлеве.

[31] Речь идет о Е.Ф. Дейше.

[32] На отдельном листе дневника Шапориной написан черновик ее прошения на имя императрицы Марии Федоровны о зачислении в сестры милосердия для службы на Дальнем Востоке.

[33] Парафраз письма Онегина Татьяне из «Евгения Онегина» Пушкина.

[34] В 1890-х гг., особенно в 1898—1899 гг. систематически заключались международные соглашения о разграничении сфер влияния в Западной, Восточной и Центральной Африке.

[35] После антитурецких волнений на Кипре 1896—1897 гг. в 1897 г. был заключен мирный Греко-турецкий договор, а в 1899 г. Германия заключила договор о сотрудничестве с Турцией в постройке Багдадской железной дороги.

[36] В 1897 г. в Базеле состоялся 1-й сионистский конгресс, основавший Всемирную сионистскую организацию; главной целью было провозглашено создание для евреев всего мира национального государства в Палестине.

[37] *Буры* (африканеры) — потомки голландских поселенцев в Южной Африке, главным занятием которых является фермерство. На староголландском языке «бур» — крестьянин.

[38] переворот (*фр.*).

[39] Роман Ф.М. Достоевского (1871—1872).

[40] Деревня в соседнем с Вяземским — Хиславичском районе.

[41] *Ляд* — заброшенная и заросшая земля.

[42] Из описания Днепра в «Тарасе Бульбе» (1835) Н.В. Гоголя.

[43] Из повести Дж.К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» (1889).

[44] Возможно, судя по дальнейшему тексту, так обозначена молитва (не поддающаяся дешифровке).

[45] пресыщенной (*нем.*).

[46] тем, кто может услышать (*фр.*).

[47] Имеется в виду А.Н. Грузинская.

[48] Опера Дж. Верди (1844).

[49] Опера Ш. Гуно (1859).

[50] Здесь: любовный треугольник, любовь втроем (*фр.*).

[51] Фрагменты соответственно сцен 2, 3 и 4 из 3-го акта трагедии Шекспира «Гамлет»; см. изд.: *Шекспир В.* Трагедия о Гамлете, принце датском / Пер. К.Р. В 3 т. СПб., 1899—1901.

[52] скучно (*фр.*).

[53] 22 февраля 1901 г. Синод принял постановление об отлучении Толстого от церкви, как ее врага и «лжеучителя», не признающего св. таинств и подвергнувшего глумлению «величайшее из таинств, святую евхаристию» (т.е. причащение).

[54] Имеются в виду арестованные и приговоренные к отдаче в солдаты участники студенческих волнений, происходивших в разных городах России.

[55] Речь идет об опубликованной накануне первой части статьи В.В. Розанова «Тема нашего времени» (Новое время. 1901. № 8987. 6 марта; продолжение последовало 23 апреля и 16 мая).

[56] Персонажи романа Достоевского «Братья Карамазовы» (1879—1880).

[57] «Несть иудей ни эллин» (Гал. 3: 28).

[58] Из беседы Ивана с братом Алешей (Ч. 2. Кн. 5. Гл. III); эти слова, в свою очередь, возможно, отсылают к стихотворению Пушкина «Еще дуют холодные ветры...» (1828).

[59] Пс. 102: 15.

[60] Примерно 300 километров.

[61] Лесненский первоклассный женский Богородицкий монастырь в селе Лесно Яновского уезда Седлецкой губернии был учрежден в 1884 г.

[62] Одна и свободна (*нем.*).

[63] Деревни соответственно в Вологодской и Московской губерниях.

[64] прокисшего уксуса (*фр.*).

[65] Быть или не быть (*англ.*).

[66] Цитируется 6 глава «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

[67] См.: *Петров Г.* Школа и жизнь. СПб., 1902.

[68] Имеется в виду начало статьи В.В. Розанова «Идеалы скромных людей»: «Каждый, вероятно, помнит героический оклик Тараса Бульбы к казацким рядам во время второй и третьей, и особенно третьей вылазки “ляхов” из осажденной крепости Дубно <...>:

— А что, братцы? Есть ли еще порох в пороховницах, не притупились ли казацкие сабли и не погнулась ли казацкая сила?» (Новое время. 1902. № 9590. 14 нояб.). В IX главе «Тараса Бульбы» (1835) заглавный персонаж трижды обращается к казакам подобным образом, всякий раз немного иначе, у Розанова получился собственный — четвертый вариант.

[69] Латинский квартал (*фр.*) — студенческий квартал в Париже.

[70] Как я сожалею о шестом этаже, наполненном надеждой, где у меня всегда была любовь и я была счастлива, почти как в раю (*фр.*).

[71] Дворцово-парковый ансамбль в 30 км от С.-Петербурга. Строительство велось с 1709 г. в течение XVIII — середины XIX в. До 1917 г. летняя резиденция российских императоров. С 1944 г. — Петродворец.

[72] Из стихотворения Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять...» (1866).

[73] Имеется в виду департамент на западе Франции, центр роялистских выступлений в период Великой французской революции и Директории; нарицательное название очага контрреволюции.

[74] То есть приверженцев царской власти.

[75] Церковь Входа Господня в Иерусалим на углу Невского и Лиговского проспектов; сооружена в 1794—1806 гг.; закрыта в 1938 г., взорвана в 1941 г.

[76] Лейб-гвардии Волынский полк был сформирован в 1817 г. в Варшаве. Казармы в Петербурге в Виленском пер., д. 15 и Парадной ул., д. 3, 5, 7. Восстание одной роты 27 февраля положило начало присоединению войск Петроградского гарнизона к революции.

[77] Императорское Училище правоведения на наб. реки Фонтанки, д. 6; высшее юридическое закрытое учебное заведение; основано в 1835 г., ликвидировано в конце 1917 г.

[78] Литовский замок выходил на наб. Крюкова канала, Офицерскую ул. (с 1918 г. ул. Декабристов) и Тюремный пер. Построен в 1783—1787 гг. С 1797 г. в нем квартировал Кавалергардский, затем Литовский мушкетерский полк. В 1823—1824 гг. перестроен под городскую тюрьму. Горел во время Февральской революции 1917 г.; частично разобран в 1920—1930-х; окончательно в 2006 г.

[79] Екатерингофский проспект (1739—1923, затем пр. Римского-Корсакова).

[80] Гвардейский экипаж (пехотное подразделение гвардии, сформировано в 1810 г., расформировано в марте 1918 г.) располагался с нач. XX в. на участке между Екатерингофским пр., Екатерининским каналом (с 1924 г. кан. Грибоедова) и Крюковым каналом.

[81] Второй Балтийский экипаж (сформирован в 1810 г., распущен в 1918 г.) находился в Крюковских казармах на наб. Крюкова канала.

[82] Павловский лейб-гвардии пехотный полк (сформирован в 1796 г., распущен в 1918 г.) располагался в казармах на Марсовом поле, д. 1.

[83] Располагавшийся в Адмиралтействе.

[84] С 1738 г. Исаакиевская, во 2-й пол. XVIII в. Ст. Исаакиевская, в 1800-х — 1918 г. Галерная, в 1918—1991 гг. Красная ул.; ныне возвращено наименование Галерной.

[85] Адмиралтейство (Адмиралтейский пр., д. 1) было основано в 1704 г. для строительства и ремонта военных кораблей. Впоследствии помещение Морского министерства, Главного морского штаба и других учреждений морского ведомства.

[86] В 1830—1880-х Благовещенская ул., затем до 1918 г. — Благовещенская площадь, ныне площадь Труда.

[87] смятение, смерть в душе (*фр.*)

[88] В 1820-е — 1952 гг. Гусев пер., затем пер. Ульяны Громовой. Дом 3а принадлежал А.В., В.В. и Л.В. Яковлевым.

[89] бесперспективное, но и скверное дело (*фр.*)

[90] Так названо Офицерское собрание армии и флота, с 1918 г. Дом Рабоче-крестьянской Красной армии, затем Окружной Дом офицеров. Находился на Литейном пр., д. 20.

[91] Казанская полицейская часть и сыскное отделение находились, соответственно, на Екатерининском кан., д. 99 и Офицерской ул., д. 28.

[92] С 1923 г. — ул. Писарева.

[93] Речь может идти о любой из двух, находящихся в описываемом районе церквях: Эстонской церкви во имя священномученика Исидора Юрьевского (основана в 1903 г., закрыта в 1935 г., ныне действует) по адресу: Екатерингофский пр., д. 24; или об Эстонско-немецкой церкви св. Иоанна (сооружена в 1859—1863 гг., в 1930 г. закрыта, в 1997 г. возвращена общине) по адресу: Офицерская ул., д. 54.

[94] То есть к своему дому по Канонерской ул. (д. 5).

[95] Во время Великой французской революции по улицам носили надетыми на пику голову и сердце казненной подруги Марии Антуанетты принцессы де Ламбаль.

[96] Город в Тверской области, на равном расстоянии от Петрограда и Москвы.

[97] замешаны в этом (*фр.*).

[98] «Это самая прекрасная страна в мире» (*англ.*).

[99] Е.Ф. Дейша жила на Таврической ул., д. 45.

[100] Таврический дворец на Шпалерной ул., д. 47 был построен в 1783—1789 гг. для кн. Г.А. Потемкина. В 1906—1917 гг. место заседаний Государственной думы.

[101] С 1923 г. ул. Белинского.

[102] Имеется в виду Таврический сад, разбитый в 1783—1789 гг. (тогдашний адрес: Кирочная ул., д. 50).

[103] Имение Е.М. Яковлевой в Вяземском уезде Смоленской губернии.

[104] Первоначально (1806) сформирован как батальон имп. милиции, с 1811 г. лейб-гвардии Финляндский полк; располагался между 19-й и 20-й линиями Васильевского острова и Большим проспектом.

[105] Газета, основанная по инициативе Ленина в 1912 г.; в 1914 г. была запрещена, возобновлена после февраля 1917 г.

[106] Станция и город в Смоленской губернии.

[107] поверенной в делах (*фр.*).

[108] Город в 180 км от Смоленска.

[109] ...сказки: «Кандид», «Белый бык», «Письма Амабеда» (*фр.*). Имеются в виду философская повесть «Кандид» (1759), сказка «Белый бык» (1774) и роман «Письма Амабеда» (1769).

[110] Памятник М. Глинке в Смоленске работы А.Р. фон Бока был открыт 20 мая 1885 г.

[111] См.: Глинка М.И. Биография его по случаю открытия памятника в г. Смоленске 20 мая 1885 г. Смоленск, 1885.

[112] Имеются в виду так называемые «Протоколы сионских мудрецов» — подделка конца XIX в., созданная в кругах, близких к Департаменту полиции, и объясняющая развитие либерального и революционного движения существованием всемирного еврейского заговора; впервые обнародованы в 1903 г.; представляют собой тексты протоколов тайных заседаний еврейских представителей, обсуждающих стратегию достижения мирового господства. Впоследствии использовались для антисемитской пропаганды.

[113] То есть праведник — название главы религиозной общины у евреев-хасидов.

[114] Линейный корабль Балтийского флота; в строю с 1914 г.; летом 1917 г. команда отказалась признать Временное правительство; 24 октября 1917 г. матросы-большевики направили его в Петроград и поддержали Октябрьское восстание.

[115] осведомлен об этом (*фр.*).

[116] Мирный договор, заключенный 3 марта 1918 г. между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, в результате которого в пользу Германии отторгались Польша, Прибалтика, часть Белоруссии и Закавказья, а также уплачивалась контрибуция в 516 миллиардов марок; был аннулирован Советским правительством 13 ноября 1918 г.

[117] «это низко, низко» (*фр.*).

[118] Точное число погибших в блокаду Ленинграда неизвестно. Разнятся даже сведения о количестве жителей к началу войны: от 2,5 миллиона до 3,5 миллиона человек. В настоящее время по разным версиям погибшими считаются от 800 тысяч до 1,1 миллиона человек.

[119] Город на о. Котлин в 32 км к западу от Петрограда. Построен в 1703—1704 гг. Стал главной базой Балтийского флота.

[120] Тюрьма, построенная в 1884—1890 гг. в форме креста (отсюда ее обиходное наименование), находится по адресу: Арсенальная наб., д. 5/7.

[121] Контора Коммерческого банка «Н.В. Юнкер и К°» находилась по адресу: Невский пр., д. 12.

[122] Шапорина перепутала Литовский переулок с Тюремным (ныне пер. Матвеева), находящимся действительно вблизи дома 104 по наб. реки Мойки, где жила А.А. Кузьмина-Караваева.

[123] В этом доме помещался Совет училищ реформаторских церквей.

[124] Так называли тех, кто в годы Гражданской войны прятался в лесах, уклоняясь от военной службы.

[125] Село в Смоленской губернии.

[126] Символистское книгоиздательство (1910—1919, по другим сведениям 1923).

[127] Правильно: «Зеленая птичка» (1765).

[128] Сказки (*ит.*).

[129] Литературно-артистическое кабаре (1916—1920). Помещалось на Марсовом поле, д. 7.

[130] Склад для хранения мебели, принадлежавший купцу Кокореву, помещался на Лиговской ул. (с 1956 г. Лиговский пр.), д. 50.

[131] В своих воспоминаниях (поступили в Третьяковскую галерею в 1939 г. и опубликованы в изд.: И.И. Левитан. Письма, документы, воспоминания. М., 1956) Е.Ф. Дейша рассказала, что познакомилась с Левитаном в 1880 г., брала у него уроки рисования. По заказу ее матери Левитан сделал потреты Е.Ф. Дейши и маленькой сестры (т.е. Шапориной). Под впечатлением поездки в их имение Ларино Левитан написал «Деревню зимой». Левитан подарил ей свой рисунок сепией (не назван). Знакомство прекратилось в 1882 г. У Шапориной также хранились работы Левитана. Во-первых, это литографии «Пляска ведьм», «Гаданье на венках» и «Разрыв-трава» («Старик в лесу») (описаны как хранившиеся до 1939 г. у Шапориной и поступившие в Третьяковскую галерею: Исаак Левитан: Документы, материалы, библиография. М., 1966). Во-вторых, в хозяйственных записях за 1943 г. (ОР РНБ. Ф. 1086. Ед. хр. 9. Л. 95 об.) Шапорина зафиксировала продажу в конце этого года работы Левитана «Стадо с водопоя» за 200 гр. масла, 1 кг риса и 800 гр. лапши. Наконец, два рисунка Левитана Шапорина завещала (в 1959 г.?) В. Шапорину.

[132] Имеется в виду ресторан, принадлежавший купеческому роду Палкиных (Невский пр., д. 47).

[133] В архивных фондах Шапориной этот лист не обнаружен.

[134] Создан в 1919 г. по адресу: наб. р. Фонтанки, д. 65.; ныне им. Г.А. Товстоногова.

[135] Первая постановка пьесы М. Кузмина «Рождество Христово. Вертеп кукольный» состоялась в кабаре «Бродячая собака» 6 января 1913 г. Премьера постановки Шапориной (художник Н.В. Лермонтова) состоялась 12 апреля 1919 г.

[136] «Сказка о царе Салтане» по Пушкину, в обработке Шапориной (декорации и костюмы Н.В. Лермонтовой). Премьера 2 мая 1919 г.

[137] Пьеса «Саламинский бой» написана А.И. Пиотровским в соавторстве с С.Э. Радловым. Поставлена Радловым, художник Ю.М. Бонди. Премьера 25 марта 1919 г.

[138] Пьеса С.И. Антимонова. Поставлена К.Ю. Ляндау, художник Ю.М. Бонди. Премьера 8 марта 1919 г.

[139] Это письмо в архивных фондах Шапориной не обнаружено.

[140] Впоследствии город Глухов оказался в Сумской области Украины.

[141] Фрагмент фразы, сказанной А. Линкольном в 1864 г. на съезде Республиканской партии, когда он баллотировался на второй президентский срок.

[142] Находился на Забалканском (впоследствии Московском) пр. между Клинским и Малоцарскосельским (Малодетскосельским) пр. (в 1946—1947 гг. на его месте был разбит сад «Олимпия»).

[143] Постановка К.К. Тверского. Премьера 6 февраля 1919 г.

[144] Весной 1919 г. Ю. Шапорин задумал написать симфонию-кантату «На поле Куликовом» на стихотворный цикл Блока. В июне 1919 г. Шапорин попросил Блока дописать или переделать некоторые стихотворения из этого цикла под уже написанную к этому времени музыку. В архиве Блока сохранились автографы Арии («Невеста ждет жениха...») и Хора татар с датами: 3 и 14 ноября 1919 г. с припиской Блока: «Шапорин окончатель[но] заказал мне для кантаты "Куликово Поле". 23 августа 1919» (РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 104. Л. 5 об.). Там же автограф Ю. Шапорина: заметка о расположении стихотворного материала, заказанного Блоку для кантаты, и ритмическая схема хора татар для той же кантаты. Кантата была закончена только в 1938 г. (со стихотворными изменениями и дополнениями М. Лозинского), исполнена в Московской государственной филармонии в сезон 1939—1940 гг.

[145] Возможно, Шапорина ошиблась и имеет в виду маскарад, который состоялся в «Привале комедиантов» 13 января 1919 г.

[146] Шелковые кружева золотистого цвета.

[147] Из русской народной песни «Все люди живут, как цветы цветут...».

[148] Эта песня известна во множестве отличающихся друг от друга вариантов.

[149] Город во Франции, к западу от Парижа.

[150] Цитата из стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

[151] В ходе гражданской войны в Китае Национально-революционная армия заняла 22—24 марта Шанхай.

[152] «Колесница Клио, музы истории, только что совершила крутой поворот, и мы ничего об этом не знаем! Но в школьных учебниках будущего прочитают следующие строки:

Взятие Шанхая (1927)

Взятие китайцами этого города, где европейцы долгое время утверждали превосходство своей расы, ознаменовало конец одного из великих периодов Истории.

Начиная с 1927 года могущество и престиж белой расы, до тех пор господствовавшей над миром, начали слабеть» (*фр.*).

[153] «Свершилось! Мы покидаем средневековье, чтобы вступить в новое время» (*фр.*).

[154] негритянского искусства (*фр.*).

[155] Возможно, Шапорина имеет в виду свою живописную работу или домашние вещи, которые, как она предполагает, выбросила возлюбленная мужа.

[156] Речь идет о Ю.А. Шапорине.

[157] Далее часть листов тетради вырезана.

[158] Существовал в 1925—1936 гг. по адресу: Литейный пр., д. 51 (в этом помещении первоначально давались спектакли театра Шапориной).

[159] Текст Я. Максимова и Я. Львова; музыка Н. Дворикова и В. Дешевова. Премьера состоялась в ноябре 1928 г.

[160] из бывших (*фр.*).

[161] 7 января 1929 г. в зале Ленинградской филармонии Мейерхольд прочел доклад «Новые бои на театральном фронте».

[162] Слова из стихотворения Лермонтова «Родина» (1841).

[163] То есть учащиеся дореволюционных привилегированных учебных заведений: Пажеского корпуса, Училища правоведения и Царскосельского лицея. Все упразднены после Октябрьской революции.

[164] Драма Ф. Шиллера (1783—1787), которой открывался Большой драматический театр.

[165] Сказка К. Гоцци (1761).

[166] Резиденция российских императоров в 23 км от Ленинграда. Основано в 1710 г. Развивалось как садово-парковый ансамбль. В 1918—1937 гг. Детское Село, с 1937 г. Пушкин. Летом 1929 г. Шапорина переехала сюда на постоянное жительство (ул. Коммунаров — ныне Средняя, — д. 21, кв. 7).

[167] новая страница (*англ.*).

[168] я не согласилась (*фр.*).

[169] Имеется в виду русская народная песня «Во субботу, день ненастный...».

[170] Драматический союз — сокращенное наименование Союза драматических и музыкальных писателей, существовавшего в Петербурге (Ленинграде) в 1903—1930 гг.

[171] свидании (*фр.*).

[172] Шапорина была на премьере пьесы Мольера (1664), модернизированная обработка которой была поставлена Н.В. Петровым в Академическом театре драмы (в 1832—1920 гг. Александринский, с 1937 г. им. Пушкина).

[173] Подотдел социального воспитания Ленинградского областного отдела народного образования. Давал свое заключение о целесообразности постановки для детей или публикации того или иного произведения.

[174] девушек (*англ.*).

[175] Лк. 18: 8.

[176] бесконечно малой величиной (*фр.*).

[177] 1 октября 1929 г. в СССР была введена непрерывная рабочая неделя с пятидневным циклом: 4 рабочих дня, пятый выходной. Отменена в июле 1931 г.

[178] Героиня пьесы-сказки «Принцесса Мален» (1889).

[179] Германия оккупировала Бельгию в августе 1914 г.

[180] Комедия А.Н. Толстого «Махатма» (1930) не была поставлена и не публиковалась.

[181] на месте преступления (*фр.*)

[182] Гонения на участников теософских кружков происходили в основном в 1926—1928 гг. и освещались прессой (см., например: Ленинградская правда. 1928. 5 янв., 14 июня; Красная газета. 1928. 15 июня (веч. вып.) и др. Результатом многих обвинительных приговоров было заключение подсудимых в соловецких лагерях особо-

го назначения (действовали на Большом Соловецком острове Архангельской губернии, затем на ст. Медвежья гора Мурманской железной дороги и ст. Кемь.) Заключенные занимались лесозаготовками, торфоразработками, обслуживанием кирпичного, кожевенного и др. заводов и другими работами.

[183] карьеристы (*фр.*)

[184] Имеется в виду Московский драматический театр (бывш. Корша).

[185] За одним исключением все отзывы о спектаклях по пьесе «Заговор императрицы» (совм. с П.Е. Щеголевым, 1925) были отрицательными.

[186] Работа над романом «Петр Первый» началась в 1929 г. Кн. 1—2 закончены в 1934 г., кн. 3 в 1943 г. Наряду с этим Толстой написал пьесу «Петр Первый» (1934), в 1933—1936 гг. сделал переработку для юношества, в 1934—1935 гг. киносценарий.

[187] Шапорина, по-видимому, подразумевает репрессии против крестьянства (выселение и расстрелы), которые в 1929 г. проводились под лозунгом «ликвидации кулачества как класса»; об успехах этой кампании И.В. Сталиным было объявлено в речи «К вопросам аграрной политики в СССР» на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. Весь этот год был назван Сталиным «годом великого перелома» (*Сталин И.* Год великого перелома: К XII годовщине Октября // Правда. 1929. 7 нояб.).

[188] Здесь: с французским акцентом (*фр.*).

[189] Первое общество было основано по инициативе А.И. Куинджи с участием его друзей и последователей (1909). Располагалось по адресу: ул. Гоголя, д. 17. В 1930 г. влилось в общество «Цех художников». «Община художников» была организована при участии Репина выпускниками Академии художеств (официально с 1910 г.). Располагалась первоначально: 12-я линия Васильевского о-ва, д. 31а, в 1920-е — Б. Пушкарская ул., д. 50. Как и предыдущее, влилась в «Цех художников».

[190] Ленинградский союз потребительских обществ находился на наб. Рошаля (до 1918 г. и после 1944 г. Адмиралтейская), д. 8.

[191] Имеется в виду популярный ресторан, бывший ресторан В.М. Федорова на ул. Пролеткульта (до 1918 г. и после 1944 г. Малая Садовая), д. 8; в годы нэпа владельцем был Н.С. Янюшкин; национализирован.

[192] Первоначально (1837) Царскосельский, впоследствии Витебский вокзал на Загородном пр., д. 52.

[193] Если нет хлеба, пусть едят бриоши (*фр.*). Выражение, приписываемое Марии Антуанетте.

[194] Так Глинка называл служанок, становившихся его любовницами (1849—1854); см.: *Глинка М.И.* Полн. собр. писем. СПб., [1907]. С. 292—294.

[195] В феврале 1930 г. было принято несколько постановлений ЦИК и Совнаркома СССР, которые привели к сокращению частной торговли: «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» (1 февраля), «Об упразднении товарных бирж и фондовых отделов при них» (6 февраля), «О реорганизации управления внутренней торговлей» (13 февраля).

[196] На Сенной площади располагался старейший (с 1737 г.) городской рынок. В 1930-х упразднен.

[197] Классовый принцип распределения пайков был введен в Петрограде и Москве в июне 1918 г. Население было разделено для этого на четыре категории: 1. Рабочие тяжелого физического труда; 2. Остальные рабочие и служащие по найму; 3. Лица свободных профессий; 4. Нетрудовые элементы. В течение нескольких последующих лет в эту систему вносились изменения, но четырехуровневая система оставалась. С конца 1928 г. в Москве и Ленинграде, а с февраля 1929 г. по всему СССР было введено нормированное распределение продуктов питания (с 1931 г. и непродовольственных товаров).

[198] по словам врачей (*фр.*).

[199] Так называемые «чистки» начались в 1921 г. сначала в партийной среде; с 1929 г. по решению XVI (апрельской) партконференции распространились и на беспартийных. Наказание «вычищенным» назначалось по трем категориям: 1. Лишение прав на пособие, пенсию, работу; выселение; 2. Обязанность сменить работу в данном учреждении или увольнение с правом на работу в другом учреждении; 3. Понижение в должности с отметкой в личном деле. В 1929 г. через чистку госаппарата прошли 230 000 человек.

[200] Город в 26 км от Ленинграда.

[201] Одна из разновидностей ревматизма, поражающая головной мозг.

[202] Из «Евгения Онегина» Пушкина.

[203] Я буду бросать лепестки роз ей под ноги (*фр.*).

[204] Вероятно, имеется в виду статья Сталина «Головокружение от успехов: К вопросам колхозного движения», в которой он критиковал нарушение «принципа добровольности» при организации колхозов, «чиновничье декретирование колхозного движения» и т.п. (Правда. 1930. 2 марта).

[205] Имеется в виду Русско-литовская война, в ходе которой в августе 1581 — январе 1582 гг. Псков пережил долговременную осаду.

[206] Слова П. Верховенского (повторенные и другими персонажами) в романе Достоевского «Бесы».

[207] В 1238 г. хан Батый только после 50 дней осады сумел взять город Козельск (впоследствии — в Калужской губернии), за что и назвал его «злым городом».

[208] Мифический город Китеж Нижегородской губернии, будучи осажден в 1239 г. войсками Батыя, согласно легенде не был взят вражескими войсками, а под непрерывные молитвы жителей ушел под воду.

[209] В январе 1930 г. М.М. Пришвин находился в подмосковном Сергиевом посаде (тогда переименованном в Загорск), когда с колокольни Троице-Сергиевой лавры (мужской монастырь, основан в 1337 г., с 1742 г. Лавра) сбрасывали и разбивали колокола, в том числе так называемого «Годунова» (отлит в 1600 г.); Пришвин сохранил большое количество фотографий, зафиксировавших это событие.

[210] Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Предсказание» (1830).

[211] Сильное снотворное лекарство.

[212] 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов Сталин произнес речь «К вопросам аграрной политики СССР», в которой провозгласил, что «от политики *ограничения* эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли в политике *ликвидации* кулачества, как класса» (*Сталин И.В.* Соч.: В 13 т. М., 1949. Т. 12. С. 166). То же было повторено в статье Сталина «К вопросу о политике ликвидации кулачества, как класса» (Красная звезда. 1930. 21 янв.).

[213] если это и неправда, то хорошо придумано (*ит.*).

[214] Они все слишком незначительные существа (*фр.*).

[215] 17 января 1930 г. Сталин, отвечая на письмо к нему Горького, среди прочего писал о согласии с предложением «издать ряд популярных сборников о “Гражданской войне” с привлечением к делу А. Толстого и других художников пера» (*Сталин И.* Соч.: В 13 т. М., 1949. Т. 12. С. 175). 30 апреля Толстой писал Горькому о согласии участвовать в работе над «Историей Гражданской войны» (Летопись жизни и творчества А.М. Горького: В 4 вып. М., 1960. Вып. 4. С. 28). Постановление ЦК ВКП(б) о создании «Истории Гражданской войны» было принято 30 июля 1931 г.

[216] фиксированную заработную плату (*фр.*).

[217] Имеется в виду коллективный проект, оформленный 11 октября 1930 г. постановлением ЦК ВКП(б) о создании по инициативе Горького «Истории заводов» (впоследствии: «История фабрик и заводов»).

[218] Государственный институт по проектированию металлургических заводов (в 1926—1941 гг. на наб. р. Фонтанки, д. 76; затем в Москве).

[219] правители (*фр.*).

[220] По-видимому: Тургенев в записях современников / Сост. А. Островский. Л., 1929; но, возможно: *Бродский Н.Л.* Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах. М., 1924. Ч. 1.

[221] Собор иконы Казанской Божией матери (здание построено в 1801—1811 гг.); с 1932 г. Музей истории религии и атеизма; в 1991 г. возвращен церкви. Расположен: Казанская пл., д. 2.

[222] монастырях (*фр.*).

[223] Монастырь в Риме, где воспитывалась Е. Шапорина.

[224] Имеется в виду Больница им. И.И. Мечникова (в 1907—1924 гг. Больница им. Петра Великого): Пискаревский пр. (в 1903—1923 гг. пр. Императора Петра Великого, в 1923—1944 гг. пр. Ленина), д. 47.

[225] Речь идет об одном из двух старейших петербургских кладбищ: Малоохтинском (Новочеркасский пр., д. 8, корп. 3) или Большеохтинском (Проспект Металлистов, д. 5), основанных в первой половине XVIII в.

[226] Персонаж повести Н.В. Гоголя «Шинель» (1842).

[227] Машиностроительный и металлургический завод. Основан в 1801 г.; в 1868 г. куплен Н.И. Путиловым; с 1934 г. Кировский завод.

[228] Фарфоровый завод основан в 1744 г.; с 1765 г. Императорский; национализирован после 1917 г.; с 1925 г. Фарфоровый завод им. М.В. Ломоносова.

[229] Так иронически, по ассоциации с красноармейской 1-й Конной армией (1919—1923), называлась конская колбаса.

[230] Город в Московской области.

[231] Народный комиссариат иностранных дел.

[232] Речь идет о Ф.Ф. Волькенштейне.

[233] Подразумевается решимость бороться с кем-либо до конца; от имени карфагенского полководца Аннибала (Ганнибала) (24—183 до н. э.), который, по преданию, в детстве поклялся быть всю жизнь непримиримым врагом Рима и остался верен клятве.

[234] Возможно, речь идет о посещении Обуховской больницы (с 1922 г. им. проф. А.А. Нечаева памяти 9 января 1905 года), основанной в 1779 г. на наб. р. Фонтанки, д. 106.

[235] Государственное политическое управление, созданное в 1922 г.; с 1923 г. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) в составе Народного комиссариата внутренних дел (НКВД); с 1934 г. Главное управление государственной безопасности (ГУГБ); с 1941 г. Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ); с 1946 г. Министерство государственной безопасности (МГБ); с 1954 г. — Комитет государственной безопасности (КГБ). Помещалось на Гороховой ул. (в 1918—1927 гг. Комиссаровская, в 1927—1991 гг. ул. Дзержинского), с 1932 г. на Литейном пр., д. 4.

[236] Выписка с указанием цен на продукты в Париже в 1871 г. из кн.: Un anglais à Paris: Notes et souvenirs, Paris pendant le siège de 1871.

[237] Район, где в XVIII—XIX вв. находилась городская застава и на ночь перегораживалась дорога (с 1962 г. пл. Победы).

[238] чернь (*фр.*).

[239] Имеется в виду один из большого цикла авантюрных романов (1858—1870) французского писателя П.А. Понсон дю Террайля о приключениях Рокамболя.

[240] Возможно, имеется в виду завод Цетроспирта (Управления Государственной спиртовой монополии «Центроспирт») на Калашниковской наб., д. 56/58, где осуществлялась также и торговля производимой продукцией; но не исключено, что так Шапорина называет один из более чем сорока магазинов, торговавших алкоголем.

[241] Премьера балета Д. Шостаковича «Золотой век» (1929—1930) в Государственном академическом театре оперы и балета (основан в 1783 г., в 1860—1918 гг. и с 1991 г. Мариинский, в 1935—1991 гг. им. Кирова) состоялась 26 октября 1930 г. (постановка В. Вайнонена и Л. Якобсона).

[242] Имеется в виду учебно-техническое издательство при Президиуме Ленсовета по адресу: наб. р. Мойки, д. 53.

[243] мужественная женщина (*фр.*).

[244] Долг, обязанность (*нем.*).

[245] Ул. Жюля Шаплена (*фр.*) — маленькая улочка в Париже вблизи Монпарнаса, на которую выходили окна знаменитого русского ресторана «Доминик». Здесь жили русские эмигранты — художники, музыканты, артисты и др.

[246] Монпарнас (*фр.*) — район в Париже, место проживания людей творческих профессий.

[247] «Превратности любви» Андрэ Моруа (*фр.*). Книга впервые вышла в 1928 г.

[248] Из стихотворения Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830).

[249] Героиня сборника сказок «Тысяча и одна ночь».

[250] Выражение, ставшее одним из пропагандистских лозунгов, в котором трансформирован фрагмент статьи В.И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» (1917): «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. <...>. Но мы <...> требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т.е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1962. Т. 34. С. 315).

[251] «Вы должны ходить как великая княгиня» (*фр.*).

[252] Работая над книгой «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса» (1907), Морозов читал лекции на эту тему.

[253] Основанные в 1896 г. П.Ф. Лесгафтом Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования; с 1919 г. Институт физического образования (физической культуры) им. Лесгафта. Расположен на Английском пр. (с 1918 г. пр. Маклина), д. 32.

[254] Имеется в виду статья: *Толстой А.* Задача: Создание истории эпохи // Литературная газета. 1930. № 52. 10 нояб. В ней сказано, что предшествовавшая литературная работа Толстого была подготовкой к переменам, которые произошли с ним в последнее время: «Моему художественному сознанию пришлось сделать огромный скачок. Я начал работать по эту сторону революции — у меня был скромный багаж довоенного бытописания и вера в то, что великие идеи и дела должны создать великую литературу»; «История нашей жизни, озаренной строительством социализма, — вот почетная задача для художника» и т.п.

[255] От *англ.* boy (мальчик) и scout (разведчик) — член молодежной организации в системе внешкольного воспитания. Основана в начале XX в. в Великобритании. В России отряды скаутов появились с 1909 г. Запрещены после 1917 г.

[256] Перед процессом «Промпартии» (25 ноября — 7 декабря), по которому проходили 8 инженеров и техников, обвинявшихся во вредительстве и заговоре с целью свержения советской власти, состоялись многочисленные митинги и демонстрации

с осуждением подсудимых. 23 ноября в Таврическом дворце (носившем в это время имя Урицкого) прошло собрание ленинградской научной и технической интеллигенции, деятелей литературы и искусства. Выступали артист Н.В. Петров, А.Н. Толстой, Н.С. Тихонов. Собрание постановило: «Несмотря на отдельных предателей в среде интеллигенции, мы заявляем: за чечевичную похлебку социалистического отечества не продадим» (Ленинградская правда. 1930. 24 нояб.).

[257] Правильно: шабес гои (от: шабад) — неевреи, которые в день обязательного для евреев субботнего отдыха делали запрещенную иудеям работу.

[258] Через несколько лет Шапорин поселился в Клину.

[259] Обширная выписка из мемуаров генерала Н.С. Свечина о предложении ему участвовать в покушении на императора Павла I.

[260] «...вот мое мнение, я намерен остаться в своей роли и не менять их, как Арлекин на сцене... Два дня спустя я утром был назначен сенатором, а вечером смещен» (*фр.*).

[261] «...был рассержен на Англию из-за Мальты. Павел неожиданно отозвал войска, расторг договоры... и начал переговоры [с первым консулом Бонапартом], в которых проявил большой энтузиазм» (*фр.*). Возможно, Шапорина цитирует воспоминания Свечина по одному из многочисленных изданий книги: *Falloux F.* M-me Svetchine. Sa vie et ses oeuvres: V. 1—2. (1-е изд.: Paris, 1860).

[262] Имеется в виду статья М. Горького «Рабочие и крестьяне всего мира должны освободить себя от власти капитала» о «наймитах французских интервентов» — членах «Промпартии», организовавших «контрреволюционный заговор против рабоче-крестьянской власти» (Ленинградская правда. 1930. 25 нояб.).

[263] 26 ноября появились первые публикации материалов начавшегося накануне процесса по делу «Промпартии».

[264] ничтожество (*фр.*).

[265] Во времена Бориса Годунова королем был Генрих IV. Он не был родственником Генриха III, поскольку принадлежал к династии Бурбонов, а Генрих III был из династии Валуа.

[266] досконально (*фр.*).

[267] В 1930 г. вышло 3-е издание этого романа Шишкова (1-е в 1925 г.).

[268] не видеть, не чувствовать, быть твердокаменной, в то время как война и позор продолжаются (*ит.*). Ср. запись от 2 февраля 1945 г.

[269] Источник этих слов А. Белого не ясен; возможно, Шапорина передает слышанное ею при неизвестных обстоятельствах высказывание писателя.

[270] В Карелии, Ленинградской и Вологодской областях.

[271] В указанном номере газеты «Известия» такой материал отсутствует.

[272] Издательство, основанное в Петрограде 31 декабря 1921 г.

[273] Шапорина метафорически использует формулировку закона отражения света, гласящую, что угол падения равен углу отражения.

[274] первого причастия (*фр.*).

[275] открыть душу (*фр.*).

[276] «С вами я могу быть, так сказать, без пиджака» (*фр.*).

[277] Шапорин надеялся поставить в Большом театре в Москве оперу «Декабристы».

[278] Шапорин работал над Симфонией до-минор (1930—1933).

[279] незавершенности (*фр.*). Так называются произведения, собранные в разделе «Плоды раздумья» «Творений К.П. Пруткова»: «Заметки из “Сборника неоконченного” (d'inachevé)» и «Мысли и афоризмы из “Сборника неоконченного” (d'inachevé)»; см. также: «Выдержки из записок моего деда» Козьмы Пруткова: «В портфеле деда моего много весьма замечательного, но, к сожалению, неоконченного (d'inachevé). Когда заблагорассудится, издам всё».

[280] Эти летние встречи Шапориной с Ахматовой зафиксированы в дневнике японского филолога К. Наруми: «26 июля. После ужина я навестил Шапорина (в Детском Селе). <...> Через некоторое время пришла сама Ахматова. Совсем неожиданная встреча! <...> После половины одиннадцатого ушел вместе с Ан. Андреевной» (цит. по: *Черных В.А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889—1966. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 269); «2 августа. Встретился с Николаем Эрнестовичем [Радловым]. <...> Он сказал, что Ахматова у Шапорина, потому что туда приехала Юдина» (Там же. С. 269).

[281] как появившуюся некстати (*фр.*).

[282] посторонняя, незваная (*фр.*).

[283] Премьера пьесы «Шахтеры» («Голос недр») В.Н. Билль-Белоцерковского (пост. Н. Петрова, муз. Ю. Шапорина) состоялась 2 декабря 1928 г.

[284] Город (дачная местность) в 36 км от Ленинграда.

[285] Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами (Торговый синдикат) было организовано при Наркомате торговли (1930) первоначально для иностранцев; с осени 1931 г. в магазинах Торгсина могли делать покупки и советские граждане, располагавшие валютой. Помимо этого магазины Торгсина принимали золото, ювелирные украшения, антиквариат — в обмен граждане получали талоны на право приобретения продуктов или вещей. Ликвидировано в феврале 1936 г., а хождение иностранной валюты на территории СССР запрещено.

[286] Н. Данько сделала три изображения Ахматовой: летом 1924 г. статуэтку в рост (раскрашена Е. Данько), в 1925 г. бюст, в марте 1928 г. еще одну статуэтку.

[287] очень быстро (*ит.*).

[288] очень громко (*ит.*).

[289] В романе «Черное золото» (Berlin, 1931; впоследствии печатался под заглавием «Эмигранты») Толстой поставил под сомнение патриотизм русских эмигрантов, борцов с большевиками.

[290] В этом южном итальянском городе Горький жил с 1924 г.

[291] Поселок в Ивановской области; в XVIII — первой половине XIX в. славился иконописью; в нач. 1920-х тут была организована Художественно-декоративная

артель, занимавшаяся росписью изделий из папье-маше; с 1932 г. «Палехское товарищество художников».

[292] Общественно-политическая газета, первоначально (с марта 1917 г.) орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (подчиненность со временем менялась).

[293] Спектакль по пьесе Б.А. Лавренева «Разлом» (1927) был поставлен в 1927 г. (реж. К.К. Тверской).

[294] Деловой клуб помещался на наб. р. Мойки, д. 59. В это время официально назывался Домом работников социалистической промышленности; впоследствии Центральный партийный клуб.

[295] Часть слова замазана.

[296] Возможно, Шапорина имеет в виду автопортрет В.А. Тропинина (1844; с кистями и палитрой на фоне окна с видом на Кремль).

[297] В 1924 г. в связи с переделкой Толстым пьесы К. Чапека «R.U.R.» (у Толстого под заглавием «Бунт машин») возник конфликт с переводчиком по поводу авторского гонорара; в 1925 г. Толстой был обвинен в плагиате материала для пьесы «Заговор императрицы»; в том же году состоялся суд по обвинению Толстого в продаже названной пьесы одновременно двум разным театрам для эксклюзивных постановок.

[298] Весь этот сюжет с написанием А.Н. Толстым и А.О. Старчаковым либретто для оперы Д. Шостаковича, которую планировалось представить в Большом театре в юбилейные дни 25-летия Октябрьской революции, проясняют материалы, найденные и атрибутированные О. Дигонской в архиве Шостаковича в Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М.И. Глинки и в архиве А. Толстого в Институте мировой литературы. В основу будущей оперы, получившей наименование «Оранго» (сохранился написанный Шостаковичем пролог), легла повесть Старчакова «Карьера Артура Кристи» (ее публикация не выявлена) — сохранились написанные рукой Толстого развернутый сюжет и фрагмент либретто. Сохранилась и другая совместная работа Толстого и Старчакова этого же времени: составленный 30 мая 1932 г. сценарный план оперы «Сын партизана». См.: *Дигонская О.* Неоконченная опера «Оранго»: тема, сюжет, либретто // Музыкальная академия. 2008. № 3. С. 67—84.

[299] Е.И. Замятин, судя по его переписке с Толстым, так не считал; см., например, его полушутливое-полуделовое письмо Толстому от 14 января 1936 г., из которого следует, что писатели встречались друг с другом в Париже в 1935 г. и Толстой брал на себя хлопоты о гонорарах Замятина в СССР: Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 250—251.

[300] повадился кувшин по воду ходить — тут ему и голову сломить (*фр.*).

[301] Одна из дочерей Лира в трагедии У. Шекспира «Король Лир» (1605), символ преданной дочерней любви.

[302] По-видимому, аллюзия на слова Гамлета из одноименной драмы У. Шекспира (1601).

[303] Запись на этом обрывается.

[304] Далее вместо этой деревни в Тосненском районе Ленинградской области Шапорина называет местом своего пребывания соседнюю деревню Рынделево (см. в записи от 25 сентября).

[305] Персонаж первого тома поэмы Гоголя «Мертвые души» (1842).

[306] Персонаж оперы А.П. Бородина «Князь Игорь» (1890, завершена Н.А. Римским-Корсаковым и А.К. Глазуновым).

[307] выпускной клапан (*фр.*).

[308] Привилегированное (спец) снабжение было создано в СССР в 1919 г. и касалось только высокопоставленных партийных чиновников; в 1920-е — 1932 гг. развивалось и структурировалось (категории А и Б) в зависимости от чинов, званий, профессиональной принадлежности, включая писателей и ученых (см.: *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М., 1998).

[309] Из монолога Гамлета в одноименной драме У. Шекспира.

[310] В начале сентября 1932 г. в Амстердаме происходил Всемирный антивоенный конгресс, выпустивший Манифест, в котором жители всех стран призывались бороться против войны (Известия. 1932. 15 сент.). После этого по всему миру происходили антивоенные митинги.

[311] Дмитрий Донской руководил победными сражениями с татаро-монгольскими войсками на р. Вожа (1378) и на Куликовом поле близ Дона (1380); сражение на р. Калке русских и половецких войск с монголами (1223) завершилось победой последних.

[312] В «Изречениях неизвестных спартанцев» Плутарха рассказывается о мальчике, который спрятал под плащ украденного его товарищами лисенка; тот начал грызть его бок и добрался до внутренностей. Когда мальчика стали бранить товарищи за напрасный риск, тот ответил: «...лучше умереть, не поддавшись боли, чем, проявив слабость, обнаружить себя и ценою позора сохранить жизнь» (*Плутарх.* Застольные беседы. Л., 1980. С. 326).

[313] По-видимому, к фильму В.И. Пудовкина «Дезертир» («Теплоход “Пятилетка”», 1933).

[314] Вероятно, съезда зрителей — на вечернем представлении в этот воскресный день давали оперу Ж. Бизе «Кармен».

[315] Сорная трава.

[316] По постановлению ЦК ВКП(б) от 7 сентября 1932 г. в честь 40-летия литературной деятельности Горький был награжден орденом Ленина.

[317] Речь идет о жизни Горького в Берлине после отъезда из СССР осенью 1921 г.

[318] После возвращения в СССР Горький 14 мая 1931 г. поселился в Москве на ул. Малая Никитская, д. 6.

[319] Горки — поселок в 35 км от Москвы. После Октябрьской революции в реквизированном имении был организован совхоз. В 1918—1924 гг. здесь жил и умер Ленин. По возвращении Горького в СССР дом в Горках был предоставлен ему.

[320] Речь идет о Театральном отделе Наркомпроса.

[321] Нижний Новгород в 1932 г. был переименован в Горький; историческое название возвращено в 1992 г.

[322] набережных Сены (*фр.*).

[323] «Молодо-зелено — погулять велено» (*фр.*).

[324] Лафонтена «Змея и ее хвост» (*фр.*). Более точное название басни: «Змеиная голова и хвост».

[325] Город в 30 км от Ленинграда (в 1777 г. усадьба, подаренная имп. Екатериной II сыну Павлу Петровичу), следующая (от города) после Детского Села станция железной дороги.

[326] Возможно, аллюзия на стихотворение М. Волошина «Дикое поле» (1920).

[327] Магазины, через которые осуществлялось спецснабжение.

[328] Система заготовки сельскохозяйственных продуктов на основе договоров, ежегодно заключаемых заготовительными органами с крестьянскими хозяйствами и отдельными сельскохозяйственными работниками (от *лат.* contractus — договор, соглашение). 28 июля 1932 г. постановлением Совета труда и обороны «Об организации заготовок и централизованном плане заготовок, вывозе и завозе картофеля урожая 1932 г.» был установлен план заготовок картофеля и разрешено колхозам, колхозникам и трудовым единоличным хозяйствам, выполняющим план, «продать излишки картофеля на базарах и через колхозные лавки».

[329] Слуга Дон Жуана в пьесе Пушкина «Каменный гость» (1830) и других произведениях на сюжет легенды о Дон Жуане.

[330] Фантастический роман Г. Уэллса (1895).

[331] человек-зверь (*фр.*). Аллюзия на роман Э. Золя «Человек-зверь» (1890).

[332] Романс «Воспоминание» на слова Пушкина был закончен в 1934 г. (с посвящением А.Ф. — по-видимому, будущей второй жене).

[333] Отофан — лекарство от сердечной боли.

[334] Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников происходил при участии Сталина 15—19 февраля.

[335] В здании Смольного института (Воспитательного общества благородных девиц, 1764—1917) с августа 1917 г. размещались органы советской власти; в октябре 1917 — марте 1918 гг. органы исполнительной власти (народные комиссариаты); с марта 1918 г. Петроградские городские и областные высшие партийные и советские органы.

[336] обман (*фр.*).

[337] сто тысяч (*фр.*).

[338] Имеется в виду моровая язва, одна из десяти казней, которые Бог наслал на Египет за отказ фараона освободить евреев из плена.

[339] С конца 1929 г. власти начали кампанию по изъятию у населения золота. Тех, кто не соглашался отдать его добровольно, сажали в тюремную камеру и кормили соленой селедкой, не давая пить (в некоторых случаях дополнительно нагнетали в камеру горячий воздух), пока заключенный не соглашался сдать золото.

[340] Музей был создан в 1919 г. в помещениях Зимнего дворца.

[341] Речь идет о новорожденном М.Г. Червонном.

[342] Паспортизация проходила по Постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. «О введении единой паспортной системы по Союзу ССР и об обязательной прописке паспортов» в связи с потребностью «учета населения, его регистрации, борьбы при помощи регистрации с оседающими в наших городах и их учреждениях враждебными нам элементами, вредящими и готовыми все больше и больше вредить делу нашего социалистического строительства» (*Вышинский А.Я.* [Вступительная статья] // О введении единой паспортной системы в СССР: Законодательные и директивные материалы. [М.], 1933. С. 9. Непосредственно в постановлении паспортизация мотивировалась необходимостью «лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно-полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов» (Там же. С. 11). Паспорта выдавались только жителям городов, лицам, достигшим 16 лет, на срок в 3 года. Выдача паспортов в Москве и Ленинграде происходила с 20 января по 15 апреля 1933 г. (затем этот срок был продлен до 1 июня). Тем, кому было отказано в выдаче паспортов, выдавалось предписание в 10-дневный срок покинуть город. Утвержденной Совнаркомом 14 января 1933 г. «Инструкцией о выдаче паспортов» (состояла из общего и секретного разделов) вводилось понятие «режимных» городов: вокруг Москвы и Ленинграда оговорена 100-километровая зона, а вокруг Харькова 50-километровая, в которой выселенные (или освободившиеся из мест заключения и ссылки и др.) не имели права проживать. При паспортизации из Ленинграда было выселено 77 835 человек (см.: *Иванов В.А.* Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20—40-х гг.: (На материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 81). Без паспорта было невозможно поступить на работу: в нем должна была обязательно делаться отметка о времени поступления и об увольнении (до введения с 15 января 1939 г. трудовых книжек). С 1936 г. в паспортах стали делать отметку о судимости. С октября 1937 г. вклеивали фотографию. Судя по Постановлению «О квалификации отдельных преступлений в области паспортизации» (21 марта 1935 г.), в 1933—1934 гг. происходила массовая подделка паспортов и хищение их бланков.

[343] 22 сентября 1929 г. Президиум ВЦСПС принял постановление, по которому был признан удачным опыт рабочих московского «Электрозавода» по выдвижению из своей среды работников в аппарат Народного комиссариата финансов. В разви-

тие этого опыта 15 марта 1930 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) и ЦКК «О выдвижении рабочих в советский аппарат и массовом рабочем контроле снизу над советским аппаратом (о шефстве заводов)».

[344] Хлорид ртути, сильный яд.

[345] В феврале 1933 г. Совнарком СССР объявил конкурс на лучшую пьесу, в связи с чем появилась статья: *Толстой А.* Драматургическая Олимпиада: (К предстоящему конкурсу) // Известия. 1933. 3 марта. 27 августа 1934 г. А. Толстой делал доклад «О драматургии» на Первом съезде Союза советских писателей.

[346] Это был второй (после 1921—1922 гг.) период голода, захватившего значительную часть страны; вследствие массовой коллективизации, изъятия у крестьян запасов сельскохозяйственной продукции и репрессий по отношению к ним, в 1932—1933 гг. умерло от голода, по разным данным, от 5 до 6 миллионов человек, из них более половины на Украине.

[347] Бедная маленькая Алена (*англ.*).

[348] Знаменская церковь в Детском Селе по адресу: Садовая ул., д. 2а. Сооружена в 1734—1736 гг.; в 1944 г. закрыта; в 1991 г. возвращена приходу.

[349] С 1 апреля 1933 г. в Германии был объявлен бойкот еврейским торговым и промышленным предприятиям, узаконен термин «неариец» и началась в этой связи чистка государственного аппарата.

[350] Первой конституцией РСФСР (июль 1918 г.) уничтожались все дореволюционные сословия и гражданские чины; при этом определялся круг лиц, лишавшихся избирательных прав: 1. Имеющие наемных работников; 2. Имеющие нетрудовые доходы: проценты с капитала, доходы от собственных предприятий и т.п.; 3. Частные торговцы; 4. Духовенство; 5. Служившие до революции в полиции и охранном отделении и при дворе; 6. Душевнобольные; 7. Заключенные. Этот перечень корректировался в дальнейшем, как правило, в сторону расширения. При паспортизации лишенцев выселяли в первую очередь. Это понятие исчезло в 1936 г. с принятием новой Конституции СССР, по которой избирательное право стало всеобщим (см.: Лишенцы: 1918—1936 / Вступ. ст. и публ. А.И. Добкина // Звенья: Ист. альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600—628).

[351] Основан в 1722 г. в Колпине (в 25 км от Петербурга) как завод военного судостроения; впоследствии металлургический и машиностроительный (в 1948—1989 гг. им. Жданова).

[352] Сен-Жермен-ан-Лэ — одна из резиденций французских королей в департаменте Ивлин; в местный монастырь на время своего пребывания во Франции в 1920-х гг. Шапорина поместила дочь Алену.

[353] Гидравлическая машина Буживаля (*фр.*).

[354] Имеется в виду «Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР», в показательном процессе по которому (12—19 апреля) обвинялись 6 английских инженеров кампании «Метрополитен-Виккерс». М.М. Литвинов в процессе не

участвовал; Шапорина, вероятно, перепутала его с А.Я. Вышинским, который был одним из двух государственных обвинителей.

355 См.: Великорусские народные песни: В 6 т. / Изд. проф. А.И. Соболевского. СПб., 1896. Т. 2. С. 140—141.

356 и т.д., и т.д. (*лат.*).

357 В этот день Шапорина начала писать воспоминания о дочери, но не окончила их (см.: РО ИРЛИ. Ф. 689. Оп. 1. № 25).

358 Китайско-Восточная железная дорога была построена Россией в 1897—1903 гг. С 1924 г. управлялась совместно СССР и Китаем. С созданием Японией на северо-востоке Китая марионеточного государства Маньджоу-Го (1932) часть дороги оказалась на его территории, а в 1935 г. ему была продана вся дорога.

359 Французские автомобильные кампании, основанные, соответственно, в 1895 и 1896 гг.; Шапорина имеет в виду места, где работали русские эмигранты (об этом см., например: *Менегальдо Е.* Русские в Париже 1919—1939. М., 2007. С. 145—157).

360 «Книга песен» (1827) — сборник лирических стихотворений Г. Гейне.

361

Что смерть? Прохладной ночи тень.
Что жизнь? Горячий воздух дня.
Темнеет. Ко сну меня клонит,
День утомил меня.

Дуб осеняет мою постель,
В ветвях поет надо мной соловей.
Любовью полна его песня.
Слышна и во сне мне трель (*нем.*; пер. В. Гиппиуса).

362 Стихотворение Лермонтова (1841); действительно, исследователями установлена преемственная связь стихотворений Лермонтова и Гейне.

363 *«Столица и усадьба»* — петербургский (петроградский) журнал (1913—1917), посвященный светской жизни, охоте, коллекционированию, прошлому и настоящему русской усадьбы.

364 В «Панурговом стаде» (1869) В.В. Крестовского были карикатурно изображены деятели и события революционного движения в России 1860-х.

365 По-видимому, имеется в виду резолюция Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (7—12 января 1933 г.), где говорилось о необходимости «беспощадной борьбы со всеми проявлениями сопротивления классового врага политике партии» и предлагалось «организовать отпор <...> противонародным элементам и разгромить их вконец» (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 6. С. 21, 22).

366 Районный город Вологодской области.

367 В 1929—1931 гг. по «Академическому делу» были арестованы и по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной монархической организации» пригово-

рены к расстрелу или различным срокам заключения более 100 работников различных научных учреждений АН СССР, преимущественно историки.

[368] Аллюзия на роман Ф.М. Достоевского «Бесы».

[369] на радость и горе (*англ.*).

[370] См.: *Толстая С.А.* Дневники: (1860—1910). М., 1928—1936. Ч. 1—4.

[371] Несколько видоизмененные Шапориной слова, произносимые священнослужителем при причастии, в основе которых сказанное Иисусом Христом на Тайной вечере (Мф. 26: 27).

[372] См. примеч. 72.

[373] Вторая книга Нового Завета — «Деяния апостолов».

[374] США установили дипломатические отношения с СССР 16 ноября 1933 г.

[375] Этот визит состоялся в августе 1933 г.

[376] В качестве министра авиации Франции П. Кот прилетел в Москву 18 сентября.

[377] 9 октября в советских газетах под заголовком «План захвата КВЖД разоблачен» были опубликованы несколько сентябрьских донесений японского посла в Маньчжоу-Го министру иностранных дел Японии и японского генерального консула в Харбине японскому послу в Маньчжоу-Го, из которых следовало, что Япония разрабатывала план захвата Китайско-Восточной железной дороги.

[378] По-видимому, слухи опережали реальное событие.

[379] Из «Мемуаров» Талейрана (впервые опубл. в 1891—1892 гг.).

[380] «Зарождающаяся любовь — самая сильная» (*фр.*).

[381] В греческой мифологии два чудовища, находившиеся по разные стороны узкого пролива и губившие мореплавателей.

[382] Знаки отличия командного состава советской армии, введенные после отмены советской властью погон (погоны возвращены Указом Президиума Верховного Совета СССР 6 января 1943 г.); четыре ромба в петлицах означали самый высокий ранг высшего командного состава.

[383] Согласно списку работ А.Я. Головина, составленному Э.Ф. Голлербахом, портрет Добычиной (1920) в 1937 г. приобретен у вдовы художника Комитетом по делам искусств (см.: *Головин А.Я.* Встречи и впечатления: Воспоминания художника. Л.; М., 1940. С. 166).

[384] См.: *Шишков Вяч.* Угрюм-река. [Л.], 1933. Т. 1—2.

[385] Организован в 1932 г., находился на ул. Зодчего Росси, д. 2.

[386] быстро, на глазах (*фр.*).

[387] Поставлены в 1922 г. по сказкам Ш. Перро «Золушка» и П.П. Ершова «Конек-Горбунок».

[388] Далее на нескольких страницах следуют выписки из оригинального издания писем Флобера к Санд от 31 марта, 29 апреля, 8 сентября 1871 г. и других.

[389] Первое изд. романа см.: *Тынянов Ю.* Смерть Вазир-Мухтара: В 2 кн. Берлин, 1929.

[390] Храм во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали» в Москве (Марьинский бульв., д. 1) был основан в 1866 г. Открыт после восстановления в 2002 г. Симонов Успенский мужской монастырь в Москве (Восточная ул., д. 4) был основан в 1370 г. Упразднен в 1923 г. В 1929—1930 гг. большинство построек снесено, на их месте построен Дворец культуры. Церковь Николая Чудотворца в Москве (на Ильинке) была основана в 1680—1688 гг. Упразднена в 1931 г. Разрушена в 1933 г.

[391] Из стихотворения Тютчева «29 января 1837 г.».

[392] Речь идет о статье: *Свирин Н.* Любопытная история поэзии: По поводу статьи Б. Эйхенбаума // Залп. 1933. № 7/8. С. 55—61 (отклик на статью: *Эйхенбаум Б.* Батальная тема в русской поэзии нач. XIX в. // Залп. 1933. № 4. С. 67—72; № 5. С. 53—57). Свирин критиковал историческую концепцию и методологию «одного из главных вождей формалистской школы» (С. 61).

[393] На месте сожженного в феврале 1917 г. здания Окружного суда (Литейный пр., д. 4) в 1931—1932 гг. было построено здание для ОГПУ, так называемый «Большой дом».

[394] Из стихотворения Лермонтова «Воздушный корабль» (1840).

[395] Чаепитие между вторым завтраком и обедом или горячий завтрак (*англ.*).

[396] Название станции парижского метро.

[397] «Луна-Парк», гостиница в центре Парижа.

[398] он пригласил к ней четырех врачей, что было слишком мало, по-моему (*фр.*).

[399] ранят все, последняя (минута) убивает (*фр.*). Первая часть латинской фразы (в пер. на фр. яз.) на циферблате башенных часов средневекового города.

[400] Ленинградское отделение Ассоциации работников кинематографии; создано в 1928 г. по адресу: Невский пр., д. 72.

[401] острота (*фр.*).

[402] Музыку к кинофильму Ф. Эрмлера «Крестьяне» (1934) написал В. Пушков.

[403] Следующая страница с продолжением текста отсутствует.

[404] Глава «Битва под Нарвой» из 2-й части романа «Петр I»; вышла отдельным изданием в Библиотеке журнала «Огонек» в 1934 г.

[405] Упомянуты романы Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина (1827) и В. Гюго (1874).

[406] гадости (*фр.*).

[407] кредо, символ веры (*фр.*).

[408] Санаторий Академии наук, основанный в 1922 г. в подмосковной усадьбе.

[409] Далее часть листа вырезана.

[410] Далее часть листа вырезана.

[411] Из поэмы К. Рылеева «Наливайко» (1824—1825).

[412] Пулковская обсерватория Академии наук (открыта в 1839 г.) в 19 км от центра Ленинграда.

[413] 14 декабря ЦИК принял постановление о переводе Академии наук в ведение Совнаркома. В свою очередь, Совнарком «в целях дальнейшего приближения всех

работ Академии наук к научному обслуживанию советского строительства» (Правда. 1934. 26 апр.) постановил перевести с 1 июля 1934 г. Академию наук в Москву. Официально об этом решении академикам было объявлено на заключительном заседании общего собрания апрельской сессии АН 28 апреля. «Общее собрание академиков единогласно приветствовало этот акт правительства, ярко свидетельствующий о неустанном и действенном внимании партии и правительства к очередным нуждам нашего научно-исследовательского фронта. Общее собрание заверяет правительство, что Академия наук примет все меры к новой и срочной мобилизации своих сил в интересах дальнейшего приближения своей научной работы к обслуживанию великих задач социалистической стройки» (Закрылась апрельская сессия Академии наук // Красная газета. 1934. 29 апр.).

[414] Имеется в виду Таможенный пер. Официальный адрес Академии наук (основанной в Петербурге в 1724 г.): Университетская наб., д. 5.

[415] Танки расположились для участия 1 Мая в военном параде на Дворцовой пл.

[416] В романе Г.К. Честертона (1908) шесть членов Центрального Совета анархистов были замаскированными полицейскими.

[417] 19 сентября 1918 г. СНК издал декрет «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины». Вместе с тем 11 сентября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о разрешении художественных выставок в Милане и Лондоне с тем, чтобы расходы на выставки в дальнейшем «по возможности были покрыты продажей части экспонатов» (Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953. М., 1999. С. 47). 25 апреля 1931 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) была разрешена продажа картин Рафаэля и Тициана (не названы; во втором случае, возможно, речь идет о картине Тициана «Венера с зеркалом», переданной в 1930 г. из Эрмитажа в Русский музей, а потом оказавшейся в Америке) (Там же. С. 146). О масштабе продаж картин без какого-либо официального разрешения и документирования можно судить по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1933 г., призвавшего «прекратить экспорт картин из Эрмитажа и других музеев без согласия комиссии <...>» (Там же. С. 207). Портрет Елены Фурман Рубенса вошел в список работ, выделяемых для продажи за рубежом, 22 июня 1930 г. (см.: *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа: Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000; Эрмитаж, который мы потеряли: Документы 1920—1930. СПб., 2001). О продаже картины Ван Эйка «Благовещение» см.: Аргументы и факты. 1997. № 855. 10 марта.

[418] Всесоюзное объединение «Международная книга — Антиквариат»; Ленинградское отделение находилось на пр. Володарского (до 1918 г. и с 1944 г. Литейный пр.), д. 53а.

[419] Из рождественской сказки Г.Х. Андерсена «Дикие лебеди» (1830).

[420] Первая строка стихотворения без заглавия (1826).

[421] Городское кладбище Детского Села по адресу: Гусарская ул., д. 1. Основано в 1785 г.

[422] Остался на своем месте на Казанском кладбище.

[423] В «Современной идиллии» (1877—1885) для доказательства своей благонадежности персонажи решают необходимым совершить подлог, двоеженство и крестить жида.

[424] Ленинградское областное объединение розничной торговли на ул. Герцена, д. 38.

[425] В июне в большом зале Детскосельского клуба происходил процесс над 55 работниками Детскосельской конторы аппарата Леноблторга и нескольких магазинов, обвинявшимися в кражах и финансовых злоупотреблениях. 10 июня был объявлен приговор: 12 человек приговорены к расстрелу, 25 — к 10 годам заключения, остальные к разным срокам. С 28 мая «Ленинградская правда» систематически информировала об окончании следствия и ходе процесса.

[426] 11 января в Колпине начался процесс над «вредителями рабочего снабжения» — работниками Отдела рабочего снабжения Ижорского завода. Из 70 подсудимых 7 были приговорены к расстрелу, 10 к 10 годам заключения, остальные к различным срокам. О показательном процессе регулярно информировала «Ленинградская правда».

[427] Из стихотворения М. Волошина «На дне преисподней» (1922).

[428] «Одним словом» (*фр.*).

[429] чтобы показать вам свою власть (*фр.*).

[430] Почти точно приводятся слова С.Т. Верховенского в «Бесах» Достоевского (Ч. I. Гл. 2).

[431] Имеется в виду актер Делобель — персонаж романа А. Доде «Фромон младший и Рислер старший» (1874).

[432] 17 августа — 1 сентября происходил Первый съезд Союза писателей СССР, на котором один из докладов делал Горький. Шапорина цитирует фрагменты этого доклада по: Ленинградская правда. 1934. 20 авг.

[433] Великолепно (*нем.*).

[434] Премьера до-минорной симфонии Шапорина состоялась в Москве 11 мая 1933 г. в исполнении оркестра и хора Большого театра (дирижер А.Ш. Мелик-Пашаев).

[435] Неточная цитата из стихотворения А. Одоевского «Дева 1610 года» (1827—1830?).

[436] См.: Песни русского народа: В 5 ч. СПб., 1838—1839. Ч. 4. С. 69—70, 71—72; ср.: С. 233—236.

[437] с Макаром и его телятами (*фр.*), ср. с рус.: куда Макар телят не гонял.

[438] «Это молодой ученый, его ученость звенит у него в ушах» (*фр.*).

[439] Международная организация, созданная в 1919 г. для обеспечения мира и безопасности 44 государств-учредителей; СССР был принят в Лигу Наций 18 сентября 1934 г. и состоял в ней по 1939 г.

[440] «Идти в Каноссу» — крылатое выражение, означающее «идти с повинной к противнику»: германский император Генрих IV (1056—1106), ведший борьбу с папой Григорием VII, вынужден был все же в 1077 г. отправиться в северо-итальянский замок Каносса, где тогда находился папа, и три дня простоять в качестве кающегося грешника. Шапорина вольно интерпретирует смысл части речи Литвинова на заседании ассамблеи Лиги Наций после единогласного постановления об избрании СССР постоянным членом Совета Лиги Наций (Ленинградская правда. 1934. 20 сент.).

[441] Имеется в виду Постановление ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1934 г. «О самообложении сельского населения на 1934 год».

[442] основным блюдом (*фр.*).

[443] Ставшее впоследствии идеологическим клише выражение «внутренний эмигрант» появилась в ходе летней 1922 г. публичной полемики по поводу письма К.И. Чуковского А.Н. Толстому, опубликованного 4 июня в «Литературном приложении» к берлинской газете «Накануне». Среди прочего Чуковский негативно отозвался о некоторых петроградских литераторах и назвал их «эмигрантами». В связи с этой публикацией 17 июня «Правда» напечатала статью Л. Шмидта под заглавием «Отечественные эмигранты». По-видимому, к концу июня — началу июля выражение «внутренний эмигрант» вошло в устный обиход, о чем можно судить по так названной статье П.К. Губера, тогда не опубликованной, но, безусловно, отражавшей актуальный лексикон (обзор и интерпретацию источников по названной полемике см.: *Кукушкина Т.* О публикации письма К. Чуковского А. Толстому в газете «Накануне»: (Эпизод из жизни литераторов Петрограда // Memento vivere: Сборник памяти Л.И. Ивановой. СПб., 2010. С. 393—414). Вслед за этим выражение «внутренний эмигрант» несколько раз повторил Л.Д. Троцкий в статье «Внеоктябрьская литература» (Правда. 1922. 17, 19 сент.): «...против народа править действительно нельзя, а вот против эмигрантской интеллигенции можно, и даже с успехом, и притом совершенно независимо от того, о какой эмиграции идет речь — о внешней или внутренней» (17 сент.); «И пишет ли Замятин о русских в Лондоне или об англичанах в Петрограде, сам он остается несомненным внутренним эмигрантом» (19 сент.) и др. Ср. с выражением «внутренний отъезд» в главе 1 «С того берега» Герцена (*Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и писем: В 22 т. Пг., 1919. Т. 5. С. 400).

[444] См. примеч. 206.

[445] «Она за рулем, она кувырком, а я натираю пол» (*фр.*).

[446] Область в департаменте Жиронда.

[447] Документальное подтверждение распространенности подобных анекдотических опечаток находим в письме Главлита в ЦК ВКП(б) «О контрреволюционных

опечатках в газетах» от 21 июня 1943 г.: в газете «Коммунист» Краснозаводского обкома и горкома ВКП(б) от 2 марта 1943 г. в слове «Сталинград» пропущена буква «р»; в той газете от 14 мая в слове «главнокомандующий» пропущена буква «л» (История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 510). Среди других комических опечаток, расцененных как вредительство, отмечена, например, в журнале «Молодой колхозник» (1947. № 1): «В 1920 г. В.И. Ленин окотился в Брянских лесах» — вместо «охотился» (Там же. С. 511).

448 Из стихотворения А.И. Одоевского «По дороге столбовой...» (1831?).

449 «Это бесполезное и трагичное путешествие» (*фр.*).

450 Автомобиль американской фирмы «Линкольн-Моторс», выпуск которого начался в 1920 г., стал популярен с конца 1920-х гг.

451 Союз работников искусств (Сорабис) помещался на бульваре Профсоюзов, д. 19.

452 Город в Саратовской губернии, родина Петрова-Водкина.

453 Училище технического рисования барона А Л. Штиглица. Основано в 1876 г. в Соляном пер., д. 13. Упразднено в 1924 г. (воссоздано в 1945 г. в качестве Высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухиной).

454 Петров-Водкин останавливался у Мельцера в его доме на наб. р. Карповки, д. 27. Это был административный корпус завода его отца, о котором далее ведет речь Шапорина.

455 Автобиографические повести, вышедшие в свет соответственно в 1930 и 1933 гг. Третья часть написана не была.

456 современно (*фр.*).

457 мой папочка (*фр.*).

458 сопротивляться (*фр.*).

459 Начальная строка стихотворения П.-Ж. Беранже «Песнь труда» (пер. В. Курочкина, 1857).

460 «Смотрите, какие мы стали большие» (*фр.*).

461 мое совсем маленькое хозяйство (*фр.*).

462 Имеется в виду Дом писателей (ул. Воинова, д. 18).

463 Речь идет о премьере спектакля по трагедии Пушкина.

464 Самая красивая девушка на свете не может дать больше того, что она имеет (*фр.*) Максима Н. де Шамфора.

465 В «Борисе Годунове» играл роль Лжедимитрия.

466 Играла роль Марины Мнишек.

467 Из эпиграммы А.М. Флита.

468 лозунг (*фр.*).

469 Опера Чайковского (1883).

470 В здании, построенном в 1925—1927 гг., по адресу: Кузнечный пер., д. 3.

471 заведующий протокольным отделом (*фр.*).

[472] Реакцией на распространение гомосексуализма и педофилии в начале 1930-х («...в Питере даже расстреляли некоторых, как говорят, за совращение матросов и комсомольцев» (*Шитц И.И.* Дневник великого перелома. Paris, 1991. С. 290); в августе—октябре 1933 г. в Ленинграде осуждены более 400 человек (*Иванов В.А.* Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг.: (На материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 57—62)) стало принятие в это время дополнительных законодательных актов: уголовную ответственность по статье 58 (контрреволюционная деятельность) 17 декабря 1933 г. Президиум ЦИК СССР распространил на случаи «добровольных сношений» и установил срок лишения свободы до 5 лет; с насилием или за плату срок назначен в 8 лет (постановлением от 7 марта 1934 г. сроки установлены соответственно: от 3 до 5 и от 5 до 8 лет); 1 апреля 1934 г. в Уголовный кодекс введена отдельная статья за мужеложество. Детальный анализ формирования законодательства по этому виду преступлений см.: *Хили Д.* Гомосексуальное влечение в революционной России: Регулирование сексуально-гендерного диссидентства. М., 2008. С. 223—229.

[473] с высоты своего величия (*фр.*).

[474] Опера Д. Шостаковича была поставлена 22 января 1934 г. в Ленинградском Малом оперном театре и 24 января того же года в Театре им. Вл. Немировича-Данченко в Москве (здесь под названием «Катерина Измайлова»).

[475] Убийство С.М. Кирова произошло 1 декабря.

[476] «Самый страшный ужас — это человек в своем заблуждении» (*нем.*). Из «Песни о колоколе» Ф. Шиллера (1799):

Но всех ужасней — в исступленье,
В своем безумье — человек.
(*Пер. Вс. Рождественского*).

[477] 4 декабря во всех газетах было опубликовано сообщение «В народном комиссариате внутренних дел СССР», в котором помимо извещения о снятии с должностей и предании суду руководителей и работников Управления НКВД по Ленинградской области также говорилось: «Дела об арестованных за последнее время белогвардейцах по обвинению в подготовке организации террористических актов против работников советской власти (далее перечислены имена 71 арестованного. — *В.С.*) переданы 2 декабря сего года на рассмотрение Военной Коллегии Верховного суда СССР». Тут же сообщалось Постановление Президиума ЦИК СССР от 1 декабря об ускоренном порядке рассмотрения дел обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов и о немедленном исполнении приговоров о высшей мере наказания.

[478] В своем учении о физиологии высшей нервной деятельности И.П. Павлов выделяет в ней два основных процесса: раздражение и торможение. Ученый выявил разнообразные случаи раздражения, приводящие к процессу торможения центральной нервной деятельности. В торможении он различал три стадии: уравнительную, парадоксальную и ультрапарадоксальную.

[479] Город в Тосненском районе Ленинградской области, в 85 км от Ленинграда.

[480] Город в Тверской области, между Москвой и Ленинградом, на равноудаленном от них расстоянии.

[481] Это был 2-й концерт 4-го абонемента Симфонического оркестра Ленинградской филармонии. Симфония до минор Шапорина исполнялась во втором отделении.

[482] Как и в дореволюционной России, в СССР практиковалась высылка как мера судебного и административного наказания (т.е. по постановлению административных органов). После убийства Кирова Управление НКВД по Ленинградской области приняло 27 февраля 1935 г. циркуляр «О выселении контрреволюционного элемента из Ленинграда и пригородных районов в отдаленные районы страны» (под «контрреволюционным элементом» имелись в виду в данном случае так называемые «бывшие» люди: служившие в царских учреждениях, носители аристократических фамилий и т.п. (см. далее в тексте дневника). По декрету ВЦИК от 10 августа 1922 г. список районов высылки утверждался Президиумом ВЦИК по представлению специальной комиссии. Высылаемому предоставлялось право выбора местности проживания за исключением («минус») крупнейших городов и определенных районов. С 28 февраля по 27 марта 1935 г. были высланы и осуждены свыше 11 000 человек; с 1 по 25 апреля — 5100 человек; к 15 июня — еще свыше 8000 человек.

[483] 8 марта Толстой и Шапорин читали К.Е. Ворошилову в Горках либретто «Декабристов».

[484] Оставлено место для других фамилий, но они не вписаны.

[485] бесповоротно (*фр.*).

[486] Поселок в Казахстане.

[487] *Вилюйск* — районный город в Якутии. *Атбасар* и *Кокчетав* — города в Казахстане.

[488] В 20-х числах марта ленинградские газеты систематически печатали материалы о высылке «бывших» с откликами трудящихся под рубриками: «Выметем контрреволюционную нечисть из нашего великого города» или «Очистим город Ленина от классовых врагов».

[489] Постановлением о введении паспортов вводилась и обязательная их прописка. При убытии с места прописки на срок более двух месяцев необходимо было выписаться, а по прибытии на место жительства в течение 24 часов гражданин был обязан прописаться.

[490] По адресу: ул. Дзержинского (Гороховая), д. 4.

[491] Дата не проставлена.

[492] То есть на Литейный, д. 4, в Главное управление государственной безопасности.

[493] Приказом ОГПУ № 1037 от 3 февраля 1934 г. были введены знаки различия на петлицах работников ОГПУ. Три ромба означали принадлежность к третьей (самая высшая — четвертая) ступени в иерархии чинов.

[494] Игра, в которой из горсти соломинок (или каких-либо мелких предметов) надо осторожно вынуть один, не затронув остальных.

[495] См.: Литературный Ленинград. 1935. № 18. 20 апреля (2-я картина 2-го действия «Декабристов»).

[496]

<...> Талант и лень
Две вещи несовместные. И мне
Так это ясно, как простая гамма.
Талант и лень — ведь это misalliance.
От их союза нет детей здоровых,
А чаще нет их вовсе. Посмотри
Ты в глубь веков...

23 сентября 1916 г. Ларино.

(Кабинет рукописей Российского Института истории искусств. Ф. 48. № 10).

[497] См. примеч. 352.

[498] То есть спектакля в честь 30-летия литературной деятельности А.П. Чапыгина.

[499] «День птицы», праздник юных натуралистов во время весенних школьных каникул, отмечался 27 марта (см.: Сегодня «День птицы» // Красная газета. 1935. 27 марта).

[500] Город во французском департаменте Уаза.

[501] Цитируется стихотворение Лермонтова «Три пальмы» (1839).

[502] Порода лошадей-тяжеловозов.

[503] Неточная цитата («И жизнь уж нас томит...) из стихотворения Лермонтова «Дума» (1838).

[504] Маленький городок во Франции.

[505] Предыдущий лист вырезан.

[506] Следующее слово густо зачеркнуто и не читается.

[507] Имеется в виду театр марионеток при Доме писателей.

[508] Имеется в виду итальянская детская сказка, превращенная К. Гоцци в пьесу «Любовь к трем апельсинам» (1761).

[509] Город в 139 км от Ленинграда.

[510] Объединение художников, архитекторов, художественных критиков, возникшее в конце 1890-х.

[511] То есть учеников Д.Н. Кардовского.

[512] снова окунуться в реализм (*фр.*).

[513] Повесть М. Твена (1882).

[514] По-видимому, речь идет о цикле сказок Р. Киплинга об истории Англии, начало которой положила его книга «Пак с холмов Пука» (1906).

[515] Французский энциклопедический словарь (1906), переиздаваемый ежегодно.

[516] Всесоюзное общество культурных связей с заграницей. Было основано в 1925 г. для пропаганды достижений СССР.

[517] Народный комиссариат иностранных дел.

[518] 4 октября 1935 г. Толстой с Фадеевым по приглашению чешских писателей и журналистов уехали на три недели в Чехословакию.

[519] Аллюзия на поэму Пушкина «Руслан и Людмила» (1820).

[520] Речь идет об открывшемся в этом году Доме писателя.

[521] Артистическое кабаре (1912—1915) на Михайловской пл. (в 1918—1940 гг. пл. Лассаля, затем пл. Искусств), д. 5.

[522] В романе М.А. Кузмина «Плавающие путешествующие» (1915) Гросс (Богданова-Бельская) изображена под именем Полины Аркадьевны Добролюбовой-Черниховой — экстравагантной «дурацкой барыни», которая «врет на каждом шагу», с «зайцем в голове» и пятьюдесятью шестью любовниками.

[523] С небольшими разночтениями (начальное «А!» и последняя строка «Не ответит, не ответит, не ответит “не могу!”») впервые: *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1933.

[524] «Вы были блистательны» (*фр.*).

[525] В прямом значении: остров в греческом архипелаге, где был распространен культ богини Афродиты.

[526] Правильно: Санчо Панса, оруженосец Дон Кихота в романе М. де Сервантеса (1605).

[527] «Если сомневаешься, воздержись» (фр. пословица).

[528] Объединенный комитет «Земского союза» и «Союза городов» был создан в 1915 г. для помощи правительству в организации снабжения русской армии; упразднен в 1918 г.; реорганизован в 1920 г. русскими эмигрантами для взаимопомощи в решении проблем в образовании и в быту.

[529] Местечко во Франции в устье реки Жиронды.

[530] Одна из 10 детских песен А.Т. Гречанинова для голоса и фортепиано (1908—1909).

[531] улице Кассини на первом этаже (*фр.*).

[532] Из одноименного балета Л. Делиба (1870).

[533] Имеется в виду: «Анна Павловна Павлова в балете “Сильфиды”» (1909).

[534] По-видимому, трансформация следующей записи от 27 декабря 1911 г.: «Я днем у букиниста на Дворянской (купил, кроме Л[юбиного] подарка, смирдинского Карамзина, стихотворения Плещеева и “Историю русской церкви” Филарета — все за 10 рублей). Вечером гулял, принес колбасы и хлеба» (Дневник Ал. Блока: 1911—1913. Л., 1928. С. 63).

[535] Шапорина рассказывает о выступлении В.Э. Мейерхольда в Ленинградском лектории с докладом, на котором, по-видимому, она сама присутствовала (подробный отчет по живой записи см.: *Дрейден С.* Мейерхольд против мейерхольдовщины // Литературный Ленинград. 1936. 20 марта; полный текст см.: *Мейерхольд В.Э.* Статьи. Письма. Речи. Беседы: В 2 т. М., 1968. Т. 2. С. 330—347).

[536] 26 января Сталин, Молотов, Жданов и Микоян присутствовали в филиале Большого театра на представлении оперы «Катерина Измайлова» («Леди Макбет Мценского уезда»). Неблагоприятное впечатление Сталина трансформировалось в редакционные статьи «Правды»: Сумбур вместо музыки: Об опере «Леди Макбет Мценского уезда» // Правда. 1936. 28 янв. (автором был публицист и фельетонист Д.И. Заславский; см.: *Ефимов Е.* Сумбур вокруг «Сумбура». М., 2006); Балетная фальшь // Правда. 1936. 6 февр. Обе статьи были направлены против последних произведений Шостаковича (вторая — против его балета «Светлый ручей»), но одновременно задавали тон пропагандистской кампании против так называемого «формализма» (в феврале—марте в «Правде» публиковались статьи о формализме в кино и живописи, а позднее и о формализме в литературе). Упомянутый вскользь в первой из этих статей Мейерхольд посвятил часть своего доклада критике тех, кто формально копировал его режиссерские приемы.

[537] 18 июля 1870 г. XX Ватиканский собор утвердил догмат непогрешимости Папы, т.е. право Папы независимо от одобрения церкви провозглашать положения, касающиеся веры или нравов и обязательные для всей церкви.

[538] Через десять дней после статьи «Сумбур вместо музыки» Шостакович посетил председателя Комитета по делам искусств П.М. Керженцева и заявил, что «хочет показать своей творческой работой, что он указания “Правды” для себя принял» (Из письма Керженцева Сталину и Молотову о беседе с Шостаковичем // История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 480—481).

[539] Шапорина вспоминает широко распространившуюся фразу Сталина, сказанную Н.В. Цицину в 1935 г., поскольку Мейерхольд часть доклада посвятил рассказу об опытах Цицина по скрещиванию пшеницы с ползучим пыреем, то есть сорняком.

[540] Н.П. Охлопков выступал 13 марта на собрании театральных работников Москвы (там выступал и Мейерхольд) и так увлекся самокритикой, что отказался даже от общепризнанных своих удачных работ (отчеты см.: У театральных работников // Литературная газета. 1936. 15 марта; Советское искусство. 1936. 17 марта).

[541] «Прежде всего надо сочинять музыку» (*фр.*).

[542] Премьера оперы П.И. Чайковского (1890) в постановке Мейерхольда состоялась в Малом оперном театре 25 января 1935 г. Спектакль по драме (первоначально роману) А. Дюма (сына) (1852) был поставлен в Театре им. Вс. Мейерхольда в 1934 г. Премьера спектакля по пьесе Ю.К. Олеши (1931) состоялась в Театре им. Вс. Мейерхольда 4 июня 1931 г.

[543] А.И. Пиотровский неоднократно положительно отзывался о музыкальных произведениях Шостаковича для театра.

[544] Как явствует из дальнейшего, Шапорина была в Москве.

[545] Средняя часть листа вырезана.

[546] Выше фрагмент листа вырезан.

[547] Далее вырезан фрагмент листа.

[548] сентиментальна и романтична (*фр.*).

[549] спящая красавица (*фр.*). Аллюзия на сказку Ш. Перро (1697).

[550] Церковь Вознесения Господня в подмосковном селе Коломенском (1530—1532).

[551] гадюки и жабы (*фр.*). Аллюзия на сказку Ш. Перро «Феи».

[552] Возможно, аллюзии на несколько картин К.А. Сомова: «Осмеянный поцелуй» (1908), «Летнее утро» (1915, 1920) и др.

[553] Историческая область на северо-западе Франции.

[554] Базилика в Риме.

[555] Старинное село Николо-Погорелое на правом берегу Днепра.

[556] Имеется в виду фортепиано фабрики, основанной в Петербурге в 1818 г. И.-Ф. Шредером.

[557] Спектакль «Буратино у нас в гостях» по пьесе Е. Данько был поставлен Шапориной в Театре марионеток при Союзе писателей в 1937 г.

[558] «Сказка о царе Салтане» была поставлена Л.Ф. Браусевич в Театре марионеток при Союзе писателей в 1937 г.; художник — Н.М. Парилов.

[559] Роман «Гиперболоид инженера Гарина» Толстой написал в 1925—1927 гг.; здесь, по-видимому, речь идет о его переработке для детей старшего возраста (1936).

[560] 23—30 января проходил процесс по «Делу антисоветского троцкистского центра», по которому проходили 17 обвиняемых. В дни процесса происходили собрания и митинги, на которых выступающие требовали расстрелять обвиняемых. 30 января был объявлен приговор: двое подсудимых приговорены к расстрелу, остальные осуждены на 10 и 8 лет.

[561] Вышинский 28 января выступал в качестве государственного обвинителя на процессе.

[562] То есть парикмахер.

[563] Имеется в виду басня «Волк и Ягненок», известная в переводе И.А. Крылова.

[564] «моя вина» (*лат.*).

[565] Л. Фейхтвангер присутствовал на процессе. Шапорина интерпретирует опубликованную в «Правде» его заметку «Лион Фейхтвангер о первом дне процесса»: «Уже первый день судебного следствия показывает желание провести этот важный процесс спокойно, достойно и внушительно. Вина подсудимых уже сейчас представляется в значительной части доказанной. Однако в интересах окончательного установления истины я надеюсь, что в ходе процесса будут вскрыты также мотивы, по которым обвиняемые делают столь подробные признания» (Правда. 1937. 25 янв.).

[566] Речь идет о «Протоколах сионских мудрецов».

[567] Шапорина искаженно излагает историю из ветхозаветной Книги Есфири.

[568] Имеются в виду русские национальные сюжеты и стилистика работ «Палехского товарищества художников».

[569] Аллюзия на библейский сюжет о Марии, которая, в отличие от своей сестры Марфы, хлопотавшей по хозяйству, избрала благую часть: слушала поучения Иисуса Христа (Лк. 10: 42).

[570] По закону от 8 июня 1934 г. для членов семьи осужденного за измену Родине вводились следующие наказания: для знавших о преступлении — от 2 до 5 лет лагерей; для незнавших — ссылка на 5 лет. По оперативному приказу Народного комиссариата внутренних дел № 00486 от 15 августа 1937 г. подлежали аресту не только юридические, но и фактические (не зарегистрированные официально), а также и разведенные жены осужденных (начиная с 1 августа 1937 г.). По этому же приказу подлежали аресту «социально опасные» и старше 15 лет дети арестованного (наряду с этим они могли «водворяться в детские дома особого режима» Народного комиссариата просвещения).

[571] Цитируется «Пир во время чумы» (1830) Пушкина.

[572] Имеется в виду подготовка к выборам в Верховный Совет СССР, назначенным на 12 декабря.

[573] «Нет сил» (*фр.*).

[574] В сентябре 1999 г. Г. Старчакова, рассказывая о ситуации после ареста матери, ограничилась сообщением, что «дети были отправлены в Центральный распределитель ОТК УНКВД» (Ленинградский мартиролог. СПб, 1999. Т. 4. С. 648).

[575] Другое наименование — «воронок»: имеется в виду полутора-, двух- или пятитонная машина темно-зеленого, почти черного цвета, использовавшаяся для перевозки арестованных и заключенных. Во 2-й половине 1930-х такие машины стали маскировать надписями «хлеб» или «мясо» и окрашивать в светлые тона. По одним сведениям, появились в 1924 г., по другим в 1927 г. Об аресте Е.И. Долухановой (Дмитриевой) см. запись 6 марта 1938 г.

[576] Фрагмент вписан 2 мая 1938 г.

[577] Первое исполнение состоялось 21 ноября в I отделении концерта. Исполнял оркестр Ленинградской филармонии, дирижер Е.А. Мравинский.

[578] Какая брехня! (*фр.*).

[579] В этот день происходили первые в СССР выборы в Верховный Совет.

[580] Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского, слово о житии и преставлении его, и Слово о полку Игореве / Изд. И. Снегирева. [М.], 1838.

[581] См.: Там же. С. 45—47.

[582] Правильно:

«А над Русью тихие зарницы
князя стерегли»

(«В ночь, когда Мамай залег с ордою...» — из цикла «На поле Куликовом» (1908) Блока).

[583] Персонажи романа Г. Уэллса «Машина времени» (1895) — подземные существа, пожирающие жителей Земли.

[584] Если речь идет действительно о лагере (а не о городской тюрьме), тогда это мог быть только Томско-Асинский, организованный 16 января 1937 г. (закрыт в 1940 г.). В период образования в нем находилось более 11 000 заключенных. Основной вид работ — лесозаготовки.

[585] Имеется в виду «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936) А.Н. Толстого.

[586] Имеется в виду роман Достоевского «Бесы», эпиграфом к которому писатель взял приведенные евангельские строки.

[587] 2—13 марта проходил процесс по делу антисоветского «право-троцкистского блока», на котором обвиняемым, среди прочего, вменялось в вину убийство Горького, его сына Максима, Менжинского и др. По делу проходил 21 человек; 18 человек приговорены к расстрелу, остальные к 25, 20 и 15 годам заключения.

[588] участвовать во всяких мерзостях (*фр.*).

[589] Правильно: Оранта, мозаичное изображение молящейся Богородицы (нач. XI в.) в киевском Софийском соборе.

[590] Речь идет про написанный Е. Тагер сценарий кукольного представления «Васька Буслаев», которое собиралась ставить Шапорина; см.: РО ИРЛИ. Ф. 689. Оп. 1. № 38.

[591] Из поэмы «Возмездие» (1911—1921).

[592] ее (*церковнослав.*).

[593] мемориальная доска (*фр.*).

[594] Дворец был построен в 1904—1906 гг. на Большой Дворянской ул. (в 1918—1935 гг. 1-я ул. Деревенской Бедноты, затем ул. Куйбышева), д. 2—4 для Кшесинской. В марте 1917 г. был занят солдатами автобронедивизиона, затем ЦК и Петроградским комитетом РСДРП(б) и другими большевистскими органами и учреждениями; в 1938—1957 гг. Музей Кирова.

[595] «Одну царскую потаскуху заменили множеством проституток» (*фр.*).

[596] Из покаянной молитвы св. Ефрема Сирина, читаемой православными в период Великого поста.

[597] Князь-Владимирский собор на пр. Добролюбова (1708).

[598] Церковь Св. Димитрия Солунского при греческом посольстве на Лиговском пр., д. 6 (1865—1866); летом 1938 г. закрыта, в 1964 г. снесена.

[599] Церковь ап. Андрея Первозванного на Большом пр. Васильевского острова, д. 21/23 (1729, 1768); закрыта летом 1938 г.

[600] *Никольское* — одно из шести кладбищ, входящих в комплекс кладбищ Александро-Невской лавры (1861—1863).

[601] Из утренней молитвы в Великий четверг.

[602] Открыт в 1920 г. в Петрограде на Дворцовой наб., д. 26 в качестве клуба научной интеллигенции.

[603] На могиле А.Ф. Кони была установлена стела с его барельефным портретом работы Е.А. Янсон-Манизер и Ф.Г. Беренштама.

[604] Это произошло в мае 1901 г.: В.В. Валь отдал распоряжение высечь политзаключенных виленской тюрьмы, в отместку за это в него стрелял (и ранил губернатора) эсер Г.Ю. Лекерт (казнен в 1902 г.).

[605] рантье (*фр.*).

[606] См. примеч. 551.

[607] достатком (*фр.*).

[608] Один из семи римских холмов.

[609] Площадь Испании (*ит.*).

[610] и так далее (*фр.*).

[611] Средневековье (*нем.*)

[612] Имеется в виду переезд на Фурштатскую ул., д. 9.

[613] обмана (*фр.*).

[614] Балет П.И. Чайковского (1889; пост. 1890) шел в Театре оперы и балета им. Кирова в новой постановке (1922).

[615] Например, номер «Ленинградской правды» от 1 января открывался редакционной передовой статьей «Год новых побед коммунизма», где говорилось о том, что в 1939 г. «лучше будет спориться работа, обильнее станут ее плоды, культурнее, богаче и краше жизнь советских людей». Это был лейтмотив газетных материалов.

[616] 4 января «Ленинградская правда» ввела рубрику «Укрепим социалистическую дисциплину труда» (в дальнейшем наименование рубрики варьировалось). Здесь пропагандировалось Постановление Совнаркома, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 27 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социалистического страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле». По этому постановлению явка на работу без уважительных причин не позднее, чем в течение 20 минут после ее начала, считалась опозданием; приход на работу после этого времени (20 минут и более) считался прогулом, и опоздавший подлежал немедленному увольнению. Постановлением Совнаркома от 20 декабря 1938 г. с 15 января 1939 г. вводились новые трудовые книжки, которые работник обязан был предъявлять при поступлении на работу; они хранились у администрации и выдавались работнику при увольнении; в трудовых книжках должны были отмечаться все взыскания и поощрения, вынесенные работнику (трудовые книжки были введены впервые декретом СНК от 5 октября 1918 г. взамен прежних удостоверений личности, паспортов и пр.; с 25 июня 1925 г. в Москве и Петрограде в них должны были вноситься сведения «об участии в производственной деятельности»; постановлением от 21 сентября 1926 г. все государственные учреждения и предприятия обязаны были вести «Трудовые списки» на работающих).

[617] Что это? (*нем.*).

[618] Славянская непродуктивность? (*фр.*).

[619] Позор (*ит.*).

[620] В «Известиях» до ареста Старчакова в 1936 г. было опубликовано около 20 статей Толстого.

[621] Волково (Волковское) кладбище состоит из православного (Расстанный проезд, 7а), лютеранского (с середины XVIII в. по обоим берегам реки Волховки; наб. р. Волховки, 1), старообрядческого и единоверческого.

[622] прощай, прощай (*фр.*).

[623] Правильно: «Купание красного коня» (1912).

[624] Вольная философская ассоциация (1919—1923) была организована по инициативе Иванова-Разумника, Блока и А. Белого. Заседания происходили по адресу: пр. Володарского (впоследствии Литейный), д. 21, кв. 14. К.С. Петров-Водкин был членом совета Вольфилы и вел кружок «Изобразительное искусство»; участвовал в заседаниях и обсуждениях докладов; выступил с докладами: «О науке видеть» (11 января 1920 г.) и «Красота спасет мир» (9 января 1921 г.) (см.: *Белоус В.* Вольфила: В 2 кн. М., 2005. Кн. 2. С. 23, 99 и др.).

[625] Петровы-Водкины жили на Кировском пр., д. 14.

[626] «Я не могу больше» (*фр.*).

[627] В преддверии XVIII съезда ВКП(б) (происходил 10—21 марта) проходили районные партийные конференции; для беспартийных организовывались митинги, на которых одобрялись тезисы докладов Молотова и Жданова.

[628] Государства, образовавшиеся на западной границе Российской империи после 1917 г. (от limes — граница и trophos — питающий; *лат.*).

[629] Это произошло 15—16 марта.

[630] Роман Л. Толстого (1873—1877).

[631] Парафраз слов Сатина в пьесе Горького «На дне» (1902).

[632] Здесь: его можно ни в грош не ставить (*фр.*).

[633] Речь идет о премьере (весной 1938 г.) спектакля «Волшебная калоша» (художник Е.И. Чарушин), поставленного Шапориной в Кукольном театре при Выборгском райсовете Ленинграда.

[634] Из цикла для голоса с фортепиано «Детские песни» (1887).

[635] Имеется в виду роман Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» (1726).

[636] По преданию, выражение Мамая после поражения в Куликовской битве (1680).

[637] См. запись от 2 февраля 1945 г.

[638] Имеется в виду басня Лафонтена «Лягушки, просящие царя»:

> Лягушкам стало неугодно
> Правление народно,
> И показалось им совсем неблагородно
> Без службы и на воле жить.

Предложенные им на выбор цари оказываются один другого хуже; в конце концов Бог указывает на последнего кандидата:

> Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже (*Пер. И.А. Крылова*).

[639] Ложь не может длиться (Карлейль) (*фр.*). См.: *Карлейль Т.* Французская революция: История. Ч. 1, кн. II. Гл. 3.

[640] Имеются в виду: собор кн. Владимира (до войны — кафедральный), собор святителя Николая Чудотворца (Никольский; с 1941 г. — кафедральный) и собор Преображения Господня (Преображенский); вместе с тем на окраинах Ленинграда действовали еще церкви: св. великомученика Димитрия Солунского (в Коломягах — 1-я Никитинская ул., д. 1), великомученицы Екатерины (в Мурино — Кооперативная ул., д. 21) и святителя Петра, митрополита Киевского (Парковый проезд, ныне ул. Лени Голикова, д. 3).

[641] Истина должна время от времени менять одежды и возрождаться обновленной (Карлейль) (*фр.*).

[642] Но всякой лжи смертный приговор подписан в небесной канцелярии и рано или поздно будет приведен в исполнение. Страшный контраст юбилейных церемоний: юбилейный церемониал и недостаток хлеба (Карлейль) (*фр.*). Из сочинения Карлейля «Французская революция. История. Ч. 1, кн. II».

[643] Это произошло 14 декабря 1938 г.

[644] «Я вижу, если К.С. умрет, нас выгонят из нашей квартиры» (*фр.*).

[645] Опера В.А. Моцарта (1787) в Театре оперы и балета им. Кирова (пост. 1924).

[646] Имеется в виду кукольный спектакль «Руслан и Людмила», который готовила к постановке Шапорина.

[647] В разное время и в разных странах отсчет географической долготы велся от разных меридианов. Помимо названных известны Берлинский, Пулковский (под Ленинградом) меридианы. В XVIII в. за нулевой меридиан был принят проходивший через остров Ферреро (в комплексе Канарских островов). Название острова Шапорина написала неверно.

[648] Имеется в виду Первая всесоюзная конференция режиссеров (15 июня) с участием драматургов, на которой, в том числе, выступал Толстой (см.: Литературная газета. 1939. № 35. 26 июня).

[649] Пьеса в 4 действиях «Голубое и розовое» была дважды издана в 1939 г. Кинофильм (режиссер В.Ю. Юренев) завершен не был.

[650] 28 марта 1939 г. в ходе гражданской войны в Испании фашистские войска заняли Мадрид и установили на территории Испании фашистскую диктатуру.

[651] Цитируется комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824).

[652] Город в Московской области.

[653] Бутырская тюрьма в Москве (Новослободская ул., д. 45), построенная в 1784—1792 гг.

[654] См. запись от 2 февраля 1945 г.

[655] Шапорина, по-видимому, на память неточно воспроизводит следующий фрагмент высказывания Билибина в романе Л. Толстого «Война и мир»: «Ce n'est ni trahison, ni lâcheté, ni bêtise; s'est comme à Ulm... — Он как будто задумался, отыскивая выражение: — C'est... c'est du Mack. Nous sommes *mackés*» («Это ни измена,

ни подлость, ни глупость; это как при Ульме, это... это *маковщина.* Мы *обмаковались*») (*Толстой Л.* Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 9. С. 199).

656 Имеется в виду «Большой универсальный словарь XIX в.» в 15 т. (1865—1876), выпущенный парижским изд-вом «Ларусс».

657 «Он сдался с 28 000 человек без борьбы» (*фр.*).

658 23 августа между СССР и Германией был подписан договор о ненападении сроком на 10 лет.

659 Париж стоит мессы (*фр.*). Слова, приписываемые Генриху Бурбонскому (будущему Генриху IV), вождю гугенотов, когда он в 1593 г. отрекся от кальвинизма и принял католичество. Это обеспечило ему французский престол. Стали крылатым выражением.

660 «Это подло, это подло, во что превратится Франция» (*фр.*).

661 мы подлецы (*фр.*).

662 «Существуют различные данные о количестве заключенных в СССР в 1939 г. Цифры колеблются от 8 до 17 миллионов» (*Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М., 2000). Совпадение последней цифры в цитируемом издании (к сожалению, без указания на происхождение сведений) с утверждением Шапориной дает основание предполагать в обоих случаях один источник. Возможно, это разница в количестве населения СССР по первой переписи (1926) с результатами второй (1937), составившая от 15 до 17 миллионов человек (проводившие вторую перепись были репрессированы). Видимо, эту убыль населения молва интерпретировала как общее число репрессированных.

663 исход (*фр.*).

664 См.: Советско-германский договор о ненападении // Правда. 1939. 24 авг.

665 с еврейско-грузинским налетом (*фр.*).

666 Г.Н. Попов писал оперу в 5 актах «Александр Невский» по договору с Театром оперы и балета им. Кирова с 1938 г., с перерывами, по 1944 г., но так и не завершил из-за отсутствия полного текста либретто (писал П.А. Павленко).

667 Имеется в виду документальный кинофильм «Испания» (1939, реж. Э.И. Шуб), музыку к которому написал Попов (на основе этой музыки Попов в 1940 г. написал семь симфонических фрагментов «Испания»).

668 Schutzmann — полицейский (*нем.*).

669 Поверье об отображении на сетчатке глаза трупа изображения убийцы существовало издавна. В 1876 г. проф. Гейдельбергской лаборатории В. Кюне сделал доклад о своем экспериментальном доказательстве этого явления. Однако эта «оптографическая» гипотеза до настоящего времени не подтверждена.

670 Пьеса К. Чапека «Мать» (1939) была впервые показана на сцене Театра им. Пушкина 5 октября 1939 г.

671 Коммунистический интернационал в 1919 г. объединил коммунистические партии разных стран; был распущен в 1943 г.

[672] доведением до бессмыслицы (*лат.*).

[673] «Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру» (*Чаадаев П.Я.* Философические письма (1829—1830). Письмо первое).

[674] Озеро в Тверской и Новгородской областях на Валдайской возвышенности.

[675] Деревня на озере Селигер.

[676] Древний город (XVI—XVII вв.) на полуострове озера Селигер.

[677] Деревня на берегу Селигера.

[678] Райисполкома.

[679] Этот замысел не был осуществлен.

[680] Остров и поселок в 6 километрах от Осташкова.

[681] Перед войной на острове находился научно-исследовательский институт, официально занимавшийся проблемами борьбы с заболеваниями скота, но, по-видимому, секретно создававший химическое оружие.

[682] То есть Нижнего Новгорода.

[683] Имеется в виду издание «Библия в картинах», выходившее в Лейпциге в 1852—1860 гг., с 240 гравированными рисунками Ю. Шнорра.

[684] То есть меловому грунту (от *греч.* leukós).

[685] посредственные (*фр.*).

[686] *Американка* — легкая двухколесная повозка, используемая на бегах.

[687] торговца картинами (*фр.*).

[688] В манере Анри Руссо (*фр.*).

[689] Примерно 35 см.

[690] То есть музей Фарфорового завода.

[691] Эвакуация происходила на основании Постановления ЦК ВКП(б) и СНК от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Дополнительным Постановлением СНК от 5 июля 1941 г. «О порядке эвакуации населения в военное время» определялась работа по приему эвакуированных. Основанием для выезда в эвакуацию являлся талон, получаемый по месту работы эвакуированного.

[692] Районный центр в Свердловской области.

[693] Первоначально Товарищество Обуховского сталелитейного завода (с 1863 г.); в 1869—1922 гг. и с 1992 г. Обуховский завод; в 1922—1992 гг. завод «Большевик» на пр. Обуховской обороны, д. 120.

[694] Имеется в виду обращение «Ко всем трудящимся города Ленина», подписанное Ворошиловым (тогда Главнокомандующим Северо-Западным направлением), Ждановым и Попковым, переданное по радио и опубликованное в газетах 21 августа, с призывом создавать отряды народного ополчения.

[695] 25 августа советские и британские войска вошли в Иран (до 1935 г. Персия) и разделили его на две оккупационные зоны.

[696] Взлет и падение империи. Война и срам (*фр*.). Аллюзия на название исследования Г. Феррери «Величие и падение Рима» (В 5 т. М., 1915—1925) или на книгу Ш. Монтескьё «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян» (1734).

[697] По-видимому, отзвук листовок, распространявшихся по Ленинграду в 20-х числах августа: в них женщин призывали идти с детьми в Смольный и просить власти объявить Ленинград «свободным городом». В дневнике К. Криптона отмечено, что в начале 1942 г. две женские организации Ленинграда обратились к правительству с петицией, «в которой просили ради погибающих детей сдать город немцам. В петиции, как говорят, указывалось на практику международных отношений, в частности, на недавнее объявление Парижа открытым городом» (*Криптон К.* Осада Ленинграда. Нью-Йорк, 1952. С. 206). Статус открытого города в международном праве означал его незащищенность и проистекающую из этого невозможность на его территории военных действий.

[698] Имеется в виду роман Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852) о рабовладении в Америке в середине XIX в.

[699] Введение советских войск 25 августа сопровождалось вручением правительству Ирана дипломатической ноты.

[700] Отмененные постановлениями СНК и ЦК ВКП(б) 25 сентября 1935 г. и 25—28 ноября того же года карточки на все виды продуктов и товаров снова были введены приказом Наркомторга СССР от 16 июля 1941 г. сначала на отдельные виды продовольственных и промышленных товаров, а в августе и октябре того же года — практически на все виды продовольствия (в начале 1942 г. и на промтовары). Вернулась четырехуровневая система нормирования, но внутри отдельных категорий были еще и подразделения. Нормы отпуска продуктов и товаров по карточкам в течение войны систематически пересматривались.

[701] Во время болезни Ленина диагноз «сифилитические изменения сосудов головного мозга» был одним из трех, поставленных ему врачами, но в конце концов врачи не пришли к единому мнению о наличии или отсутствии этого заболевания. Несмотря на «врачебную тайну», этот диагноз стал широко известен.

[702] См.: *Шервуд Р.* Привидение отправляется на Запад. [М.], 1940. Фильм по этому сценарию поставлен в Англии Р. Клером (1935).

[703] Город в 46 км от Ленинграда (с 1948 г. Зеленогорск).

[704] Поселок на левом берегу Невы в 61 км от Ленинграда.

[705] Об арестах и высылках, продолжавшихся в Ленинграде в годы войны, см. в основанном на архивных документах исследовании: *Кутузов В.А., Степанов О.Н.* Органы госбезопасности на защите Ленинграда // Народ и война: 50 лет Великой Победы. СПб., 1995. С. 223—247.

[706] Древнерусская крепость (с 1323 г.) и тюрьма — в XVIII в. для придворных и лиц императорской фамилии, затем любых политических преступников (здания сожжены в ходе Февральской революции 1917 г.) в истоке Невы из Ладожского

озера. С начала сентября 1941 г. тут проходила линия обороны левого фланга Ленинградского фронта.

[707] Основана в 1803 г. как больница для бедных; с 1918 г. Больница в память Жертв революции; в 1935—1992 гг. Больница им. Куйбышева. Находится на Литейном пр., д. 56.

[708] С 1952 г. пр. Обуховской обороны, д. 59, кв. 3.

[709] Международный юношеский день, проводившийся по решению Бернской международной социалистической конференции молодежи (1915). В СССР отмечался в 1917—1945 гг. 6 сентября.

[710] Я в отчаянии (*фр.*).

[711] Склады им. А.Е. Бадаева, построенные в 1914 г. (Киевская ул., д. 5) для хранения продовольственных запасов, были подожжены во время первого налета немецкой авиации 8 сентября.

[712] Ниже описывается ночь с 10 на 11 сентября, что порождает сомнения в точности датировки этой записи.

[713] Сражение российских войск с наполеоновскими вблизи села Бородино в ходе Отечественной войны 1812 г. (Шапорина ошиблась в пересчете старого стиля на новый: по новому это 7 сентября).

[714] То есть улицы Жуковского.

[715] «Я в разводе с моим мужем» (*нем.*).

[716] Красное Село в 26 км от Ленинграда. 13 сентября здесь немецкие войска прорвали оборону советских войск.

[717] дворян (*фр.*).

[718] Консьержери (*фр.*) — тюрьма в Париже.

[719] См.: *Генри Э.* Гитлер против СССР: Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями. М., 1937 (Гл. VI: Новый германский стратегический план (План Гофмана)).

[720] Финляндский вокзал (1870) на пл. Ленина, д. 5 был единственным действующим вокзалом в период блокады Ленинграда.

[721] Спасо-Преображенский собор (1828—1829) на Преображенской пл., д. 1.

[722] Машиностроительный завод (с 1934 г. им. Кирова) на Международном (в 1950—1956 г. им. Сталина, после 1956 г. Московском) пр., д. 139.

[723] Мясоперерабатывающий завод (в 1933—1999 гг. Ленинградский мясокомбинат им. Кирова) на Московском шоссе, д. 13. В результате артобстрелов был почти полностью разрушен; восстановлен к 1950 г. Перечислением объектов Шапорина обозначает широкий территориальный охват города бомбежками.

[724] Принадлежавшая Петру I икона Спаса Нерукотворного хранится в Спасо-Преображенском соборе.

[725] Имеется в виду выступление Сталина по радио 3 июля, начинавшееся словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры. Бойцы нашей армии и флота» (*Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1948. С. 9).

«Братья и сестры» — слова, с которыми в храме обращаются проповедники к прихожанам.

[726] С момента установки в 1803 до 1918 г. Троицкий, до 1934 г. мост Равенства, затем Кировский мост.

[727] В 1920-е — 1944 гг. Республиканский мост.

[728] В 1918—1944 гг. пр. 25 Октября.

[729] В 1923—1991 гг. пр. Майорова.

[730] В 1923—1998 гг. ул. Плеханова.

[731] Большой драматический театр эвакуировался 22 августа.

[732] По-видимому, речь идет о следующих статьях Лавренева: Фашистская рептилия будет уничтожена // Учительская газета. 1941. 9 июля; Человек-зверь // Правда. 1941. 14 авг.; В Ленинграде // Известия. 1941. 22 авг.

[733] *Нумансия* — в древней Испании город, сопротивлявшийся римскому завоеванию, жители которого, чтобы не сдаваться врагу, погибли в сожженном ими городе.

[734] Так неофициально называлась часть Невского пр. от пл. Восстания до Александро-Невского монастыря. Стрельниковы жили на пр. 25 Октября (Невском), д. 158, кв. 15.

[735] Ул. Рылеева, д. 8, кв. 24.

[736] В Нейрохирургическом институте на ул. Маяковского, д. 12.

[737] Шапорина ошиблась: госпиталь находился в здании Академии легкой промышленности на углу Суворовского проспекта и ул. Красной Конницы (в результате бомбардировки и пожара 19 сентября погибло 442 человека).

[738] Противовоспалительное антибактериальное средство.

[739] ничтожно малая величина (*фр.*).

[740] В листовках, которые в эти дни распространялись в Ленинграде, говорилось о готовности немедленно сровнять город с землей, а Кронштадт — с водой.

[741] издевательство (*фр.*).

[742] Возможно, эти слухи предваряли состоявшуюся вскоре, 29 сентября — 1 октября, в Москве конференцию представителей СССР, Великобритании и США о военных поставках.

[743] В вольном городе правовой режим устанавливается международными договорами и гарантируется государствами или организациями.

[744] Районный центр в 200 км от Ленинграда.

[745] Зощенко эвакуировался в октябре в Алма-Ату.

[746] В то время дачная местность в 15 км от Ленинграда.

[747] «Германское население с тревогой встречает приближающуюся третью военную зиму. Имеются признаки предстоящего ухудшения продовольственного положения»; далее об уменьшении пайков и проч. (См.: [Сообщение ТАСС]. Германия перед третьей военной зимой // Известия. 1941. 23 сент.).

[748] Город, заложенный в XVIII в., в 1808 г. вошел в состав Царского Села.

[749] См. примеч. 390.

[750] Михайловский Златоверхий собор был возведен в 1108—1113 гг. Разобран в 1934—1936 гг. (восстановлен в 1997—1998 гг.).

[751] выскочкам (*фр.*).

[752] Статуя Давида (1501—1504) в итоге была поставлена во флорентийской галерее Академии художеств.

[753] Остров в северо-западной части Ладожского озера с Преображенским мужским монастырем, основанным в XIV в.

[754] Город, основанный в 1723 г.; в 1924—1991 гг. Свердловск. В 1918 г. здесь была расстреляна царская семья.

[755] Оригинальное название повести В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти» (1829).

[756] Так кронштадтские моряки называли город Ораниенбаум (с 1948 г. — Ломоносов) на берегу Финского залива с дворцово-парковым ансамблем, создававшимся с 1710-х гг. (наименование вошло в широкий обиход).

[757] Основан в 1835 г. на Суворовском пр., д. 63.

[758] Неточность: ул. Красной конницы называлась в 1871—1923 гг. Кавалергардской.

[759] В мае—июне 1899 г. по инициативе России состоялась 1-я Гаагская мирная конференция, принявшая конвенции о мирном разрешении международных споров и о законах и обычаях в период войн.

[760] выше всех (*нем.*). Из «Песни о Германии» (1841) немецкого поэта Г. фон Фаллерслебена, ставшей в 1871 г. национальным гимном Германии; аллюзией на него и являются комментируемые слова Шапориной.

[761] Лекарственное средство для лечения малярии, кожных заболеваний и др.

[762] Если речь идет о Гренадерском лейб-гвардии полке, то он располагался с 1811 г. в так называемых Петровских казармах (построены в виде буквы «П») на Петроградской наб., д. 44 (наб. р. Карповки, д. 2).

[763] Пивоваренный завод на пр. Крупской (с 1952 г. в составе пр. Обуховской обороны), д. 23.

[764] Из поэмы Пушкина «Полтава» (1828).

[765] В Древнем Риме верили в Мандукуса, театральную маску с огромным ртом и острыми зубами, пожиравшую все вокруг.

[766] Спектакль по роману Н. Островского (пьеса В.Е. Рафаловича) был поставлен в Театре Радлова (с 1920 г.: Народная комедия, Молодой театр, Театр-студия под рук. Радлова, Театр им. Ленсовета) в мае 1937 г.

[767] В греческой мифологии богиня возмездия.

[768] Район в южной части Ленинграда; вблизи проходила линия фронта.

[769] Из литургии Иоанна Златоуста.

[770] Город в Ленинградской области (до 1922 г. Ямбург).

[771] В 1932—1998 гг. ул. Салтыкова-Щедрина.

[772] Поселок в Кингисеппском районе, в 130 км от Ленинграда.

[773] Поселок в Лужском районе, в 110 км от Ленинграда.

[774] То есть в Театр драмы им. Пушкина в спектакле по роману Тургенева (1859). Премьера в постановке Музиля состоялась в мае 1941 г. Лизу играла Рашевская.

[775] Все эти слухи не имели никакой реальной основы.

[776] Ис. 53: 7.

[777] В течение второй половины сентября Кулик медлил с наступлением на фашистские войска, окружавшие Ленинград; вследствие этого он был 29 сентября освобожден от командования 54-й армией.

[778] «Убирайся отсюда, а я займу твое место» (*фр.*).

[779] Главное управление Комитета по делам искусств во время войны помещалось в здании Большого драматического театра на наб. реки Фонтанки, д. 65.

[780] До 1918 г. Михайловский театр, с 1926 г. Государственный академический Малый оперный театр (ныне историческое наименование) на пл. Искусств (до 1918 г. Михайловская, в 1918—1940 гг. пл. Лассаля).

[781] Дачная местность в 10 км от Ленинграда; в 1941—1944 гг. все деревянные постройки были там разрушены или разобраны на дрова.

[782] Драма Шиллера «Коварство и любовь» (1784).

[783] Здесь: самодовольные, самоуверенные.

[784] Дом на кан. Грибоедова, д. 9, надстроенный в 1934—1935 г., где дали квартиры некоторым членам Союза писателей.

[785] Город в Новгородской области.

[786] Речь идет о передовой статье «Неустанно укреплять и развертывать партийно-политическую работу» (Ленинградская правда. 1941. 7 окт.). Пересказывается речь Сталина в Коммунистической академии 4 мая 1935 г.: «Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим являются люди, кадры».

[787] Немного (*фр.*).

[788] Поселок в Вяземском районе Смоленской области.

[789] Церковь святого Пантелеймона была построена в 1735—1739 гг. в Соляном пер., д. 17.

[790] Могут иметься в виду: «На террасе» (1903), «Дом в Введенском» (1904) или «Облака» (1901—1903).

[791] когда вновь расцветет сирень (*фр.*).

[792] Ваше бесполезное и трагичное путешествие (*фр.*).

[793] Идея объединения европейских капиталистических государств в единое экономическое и политическое пространство — Пан-Европу — обсуждалась с 1922 г.

[794] По принятым тогда знакам отличия — старший лейтенант.

[795] Рабочий поселок в 14 км от Ленинграда.

[796] Местность к югу от Ленинграда; с осени 1941 г. там проходила линия обороны города.

[797] это слишком сильно сказано (*фр.*).

[798] Исторический рабочий район вдоль Невы к югу от Обводного канала.

[799] Избиение младенцев (*фр.*).

[800] «Москва майская» из кинофильма «Двадцатый май» (1937), музыка братьев Покрасс, слова В. Лебедева-Кумача.

[801] Имеется в виду ресторан на Невском пр., д. 46. Во время блокады работал как столовая.

[802] 16 марта 1941 г. Шостакович получил Сталинскую премию первой степени за Квинтет.

[803] Названа в честь близлежащей церкви св. Пантелеймона. С 1923 г. ул. Пестеля.

[804] Драма Лермонтова (1835).

[805] Основано в 1738 г.; находится позади Театра драмы им. Пушкина на ул. Зодчего Росси, д. 2.

[806] Если и не правда, то хорошо придумано (*ит.*). Итальянская поговорка.

[806а] Авторство стихотворения «Легкой жизни я просил у Бога...», долгое время приписывавшегося Бунину, на самом деле принадлежит Ивану Тхоржевскому.

[807] Из «Ектиньи просительной» — одной из частей Божественной литургии.

[808] См.: *Величко В.* Многодневные бои на дорогах к Москве // Правда. 1941. 22 окт. О кровопролитных боях, с которыми выходят из окружения советские войска.

[809] Говоря о неудаче гитлеровской «молниеносной» войны, Толстой писал: «...с нашей стороны это дало нам возможность быстрой мобилизации основных сил Красной Армии и военной промышленности, и на шахматной доске истории позволило сделать, — совсем уже неожиданно для Гитлера, — шах королю — трехглавым конем Советская Россия — Англия — Америка» (*Толстой А.* Кровь народа // Ленинградская правда. 1941. 23 окт.).

[810] Детское Село было оккупировано гитлеровскими войсками 12 сентября 1941 г.

[811] На территории Александро-Невской лавры расположены Лазаревское, Тихвинское и Никольское кладбища. Намерение перенести могилу дочери Шапорина не осуществила.

[812] источником существования (*фр.*).

[813] Вблизи Обуховского моста через р. Фонтанку на Московском пр.

[814] На Невском пр., д. 96.

[815] Дирижировал Рабинович, солист Каменский.

[816] Город и порт на Балтийском море (с 1917 г. Таллин).

[817] Обрыв листа.

[818] Ахматова эвакуировалась 28 сентября 1941 г.

[819] Город на Украине; с 1924 г. Сталино, с 1961 г. Донецк.

[820] И это всё (*фр.*).

[821] Русский стиль (*фр.*).

[822] Персонаж пьесы Чехова (1903—1904).

[823] Правильно: Военно-медицинская академия (в 1935—1990 гг. им. Кирова) на ул. Академика Лебедева, д. 6.

[824] Правильно: Военно-морская медицинская академия; создана в 1940 г. на базе Обуховской больницы (в 1956 г. объединена с Военно-медицинской академией).

[825] Первоначально, с 1914 г., Больница Петра Великого на пр. Императора Петра Великого (в 1923—1944 гг. пр. Ленина, затем Пискаревский пр.), д. 47.

[826] любовник (*фр.*).

[827] В 1919—1991 гг. ул. Толмачева.

[828] Театр комедии (основан в 1926 г. как Театр сатиры) на Невском пр., д. 56 эвакуировался в декабре 1941 г.

[829] это «неподходящее для смерти время» (*фр.*).

[830] Путевые очерки Стендаля «Прогулки по Риму» (1829) и «Рим, Неаполь и Флоренция» (1817). Шапорина говорит об итальянских названиях XV и XVI вв. — периодов Раннего и Позднего Возрождения.

[831] что я стану ей вредить (*фр.*).

[832] Антибактериальное противовоспалительное средство.

[833] С 1929 г. ул. Рубинштейна.

[834] Больница Эрисмана (в 1918—1935 гг. Петропавловская) на ул. Льва Толстого, д. 6—8.

[835] Ладожское озеро на границе Ленинградской области и Карелии; в сентябре 1941—1944 гг. по проложенной по льду Дороге жизни происходили эвакуация из Ленинграда и доставка в город продуктов.

[836] помощи (*фр.*).

[837] В 1935—1991 гг. Лесотехническая академия им. Кирова в Институтском пер., д. 5.

[838] Местность в северной части Ленинграда, где находится Лесотехническая академия.

[839] В Северном ресторане на ул. 3-го июля (до 1918 г. и после 1944 г. Садовая), д. 12, как и в других ресторанах города, во время войны кормили по талонам.

[840] Отпрессованные семена масличных растений (жмыхи).

[841] С 26 октября 1941 г. по 29 июня 1942 г. Ленинградским фронтом командовал генерал-лейтенант М.С. Хозин.

[842] Ленинградское отделение Союза советских художников было основано в 1932 г.; располагалось на ул. Большой Морской, д. 38.

[843] Эвакуировался 17 декабря 1941 г.

[844] Шапорина неточно воспроизводит одно из церковных песнопений, начинающихся со слов: «Благослови, душе моя, Господа, Благословен еси, Господи...»

[845] Шапорина пересказывает городскую легенду, или эти сведения почерпнуты ею в одном из многочисленных изданий, вышедших под именем Иоанна Крон-

штадтского после его смерти, с предсказаниями будущих катастрофических событий в истории России.

[846] Театр Музыкальной комедии открылся в 1929 г.; с 1938 г. на ул. Ракова, д. 13. Из ленинградских довоенных театров только он продолжал работу в городе в 1941—1944 гг.

[847] Белкины жили на наб. р. Ждановки, д. 3/1 (Петроградская сторона).

[848] С 1918 г. ул. Некрасова (в центре города).

[849] Гостиница, открытая в 1875 г. на Михайловской ул. (в 1918—1940 гг. Лассаля, затем Бродского), д. 1/7. В 1941—1942 гг. там находился эвакогоспиталь № 991.

[850] Во время Франко-прусской войны 1870—1871 гг.

[851] Аллюзия на размышления Пьера Безухова во французском плену: «Теперь только Пьер понял всю силу жизненности человека и спасительную силу перемещения внимания, вложенную в человека, подобную тому спасительному клапану в паровиках, который выпускает лишний пар, как только плотность его превышает известную норму» («Война и мир». Т. 4. Ч. 3. Гл. XII).

[852] Жизненные неприятности (*фр.*).

[853] Управление Ленинградской торговли на наб. Рошаля (в 1870-е — 1918 гг. и после 1944 г. — Адмиралтейская наб.), д. 8.

[854] Марсово поле с XVIII в. было местом народных гуляний и военных смотров и парадов. 23 марта (5 апреля) 1917 г. в центре площади похоронили погибших в ходе Февральской революции, в честь этого в 1918—1944 гг. она официально называлась площадью Жертв Революции.

[855] Первая строка стихотворения без названия (1920).

[856] Гостиница, построенная в 1911—1912 гг. по адресу: ул. Большая Морская, д. 39. Во время войны — хирургический стационар № 108 для истощенных голодом и больных.

[857] В 1918—1991 гг. ул. Халтурина.

[858] До революции заборные книжки использовались для приобретения товара в кредит. В СССР ими пользовались члены кооперативных товариществ. По Постановлению 1931 г. «О введении единой системы снабжения трудящихся по заборным книжкам» они стали универсальным документом для приобретения продуктов. Заборные книжки выдавались работающим на данном предприятии, прикреплялись к определенному магазину, а при увольнении и до поступления на новое место работы человек не мог ими пользоваться. В 1935 г., с отменой карточек, заборные книжки были упразднены, но снова введены с возвращением во время войны карточной системы снабжения.

[859] В 1941—1942 гг. Шапорин руководил ансамблем красноармейской песни и пляски в Нальчике, затем в Тбилиси (до 1936 г. Тифлис).

[860] Из стихотворения И.И. Тхоржевского, приписывавшегося И.А. Бунину.

[861] На ул. 3-го июля, д. 2. Построен в 1797—1801 гг. для имп. Павла I. С 1855 г. там находилась Николаевская инженерная академия.

[862] Михайловский сад (напротив Инженерного замка) был разбит в 1-й трети XIX в., по-видимому, Шапорина с соученицами во время учебы в Екатерининском институте ходила гулять в расположенный неподалеку от института Михайловский сад.

[863] Этот визит состоялся 15—16 апреля 1897 г.

[864] Из стихотворения А. Радловой «Безумным табуном неслись года...» (1920).

[865] Речь идет о комедии «Домик» (1940).

[866] Парк в Риме на территории, принадлежавшей кардиналу Ш. Боргезе (XVII в.), ставший со временем музейным центром с обширным собранием произведений искусства.

[867] Ставшая крылатой фраза из речи Сталина на I Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г.: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Повторена им в речи на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок 1 декабря того же года: «У нас теперь все говорят, что материальное положение трудящихся значительно улучшилось, что жить стало лучше, веселее».

[868] См. примеч. 852.

[869] Далее часть листа вырезана.

[870] Далее часть листа вырезана.

[871] На Владимирской пл., построен в 1761—1769 гг.

[872] По-видимому, имеется в виду один из центров особого почитания Святого Креста в Польше, знаменитая Кальвария Зебжидовска в 40 километрах от Кракова, с храмом ордена бернардинцев и монастырем.

[873] Аллюзия на философскую повесть Вольтера «Письмо одного турка о факирах и о его друге Бабабеке» (1750).

[874] Имеется в виду церковь Входа Господня в Иерусалим (Знаменская).

[875] Церковь во имя Сергия Радонежского на Новосивковской ул., д. 20, закрытая и снесенная в 1931 г. На ее месте разбит сквер, а неподалеку построен Дворец культуры им. Горького.

[876] См. примеч. 863.

[877] молниеносная война (*нем.*).

[878] русские свиньи (*нем.*).

[879] без единой жиринки (*нем.*).

[880] То есть фамильными иконами.

[881] «Я всё продала — кровати, мебель, всё. Я забираю с собой всё, что у меня есть из золота и серебра, десять тысяч рублей, мои шубы, промтовары для обмена. Мы останемся на год или два, я бы хотела продать дом, который стоит по меньшей мере 40 000, я куплю дом поменьше» (*фр.*).

[882] «И вы знаете, <...> город будет сдан, это решено, — март будет решающим» (*фр.*).

[883] По постановлению Военного совета Ленинградского фронта от 19 февраля 1942 г. с 21 февраля ежедневно отправлялись по два состава из 30 вагонов — не менее

5000 человек в день; с 27 февраля по три пассажирских из 30 вагонов и одному товарному из 40 вагонов — не менее 6600 человек в день. На автомобилях эвакуировали до 1200 человек в день (см.: Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб., 2004).

[884] В официальных документах о наказаниях за людоедство в Ленинграде зафиксировано: в декабре 1941 г. — осуждены 26 человек, в январе 1942 г. — 366 человек, 1—15 февраля 1942 г. — 494 человека (Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 679—680). См. также: *Комаров Н.Я., Куманёв Г.А.* Блокада Ленинграда: 900 героических дней. 1941—1944 гг. Исторический дневник. Комментарии. М., 2004; *Иванов В.А.* Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (На материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997.

[885] Комплекс построек на левом берегу р. Фонтанки, с 1710 г. использовавшихся в качестве верфи, с 1780-х гг. склады соли и вина; к Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. там был создан культурно-просветительский центр, впоследствии организованы музеи, издательства, учебные заведения.

[886] Названные учебные заведения и театры эвакуировались в марте 1942 г.

[887] «Не приближайтесь ко мне, на мне полно вшей» (*фр.*).

[888] «Коммунисты, НКВД бегут — советских учреждений больше не будет, хозяевами будут англичане и американцы!» (*фр.*)

[889] Имеется в виду дворец на Васильевском острове, в 1725 г. переданный Академии наук.

[890] Ерунда (*англ.*).

[891] См.: *Езерский С.* Холодная душа // Ленинградская правда. 1942. 4 марта. В статье критикуются люди, поддавшиеся усталости.

[892] процветания (*англ.*).

[893] Речь идет, по-видимому, об иллюстрациях П.М. Боклевского к поэме Гоголя «Мертвые души».

[894] *Панада* — бульон с тертым хлебом.

[895] В связи с массированными бомбежками накануне вечером Пасхальная заутреня была перенесена на 6 часов утра.

[896] Имеется в виду цикл очерков И.А. Гончарова «Слуги старого века» (1888).

[897] Имеется в виду Комитет по делам искусств.

[898] Деревня в 15 км от Ленинграда; осенью 1941 г. здесь был устроен военный аэродром.

[899]

К а р б о н (*тихо, к Сирано*)
Ты их довел до слез: вон — плачут...
С и р а н о
Ну и пусть!
Тоска по родине — возвышенная грусть.
Ведь все равно она страдала не на шутку,
Но знаешь — сердцу боль полезней, чем желудку.
(*фр.*; пер Е.В. Баевской из III сцены 4-го действия
пьесы Ростана «Сирано де Бержерак», 1897)

[900] Деревня в Брянской области.

[901] 12 апреля исполком Индийского национального конгресса принял резолюцию о необходимости создания индийского национального правительства и передачи ему от англичан руководства обороной Индии.

[902] Катафалк истории (*фр.*).

[903] Приказом ОГПУ № 22 от 25 апреля 1922 г. «в каждом государственном, кооперативном и частном учреждении или предприятии, а также в ВУЗе» учреждалось «Бюро Содействия» ГПУ; оно формировалось из не менее чем трех коммунистов, назначаемых руководителем соответствующего учреждения, предприятия или ВУЗа; этому «Бюро» вменялось в обязанность собирать сведения о неблагонадежных сотрудниках и их «антисоветских проявлениях», в том числе вербуя работников в секретные сотрудники ГПУ, такие сведения должны были передаваться через специального уполномоченного ГПУ; к концу 1920-х гг. эти «Бюро» постепенно заменялись Спецотделами (Спецчастями, Первыми отделами) с теми же функциями, но уже возглавлявшимися штатным сотрудником НКВД; упразднены после 1991 г.

[904] См.: *Кузминская Т.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1925—1926. Ч. 1—3.

[905] Для шестидесятилетней дамы (*нем.*).

[906] Фигура человека с обнаженными мускулами; используется при обучении рисованию.

[907] Поселок на северном берегу Финского залива на месте деревни XVII в.

[908] Сладостное ничегонеделание (*ит.*).

[909] Противовоздушной и химической обороне.

[910] *Инбер В., Кетлинская В.* Николай Тихонов // Ленинградская правда. 1942. 23 апреля; неточная цитата из стихотворения Тихонова «На Верденских холмах (Форт Дуомон)» (1936).

[911] Аллюзия на стихотворение Лермонтова «Родина» (1841).

[912] в русском стиле (*фр.*).

[913] «Сестра Анна, сестра Анна, ты ничего не видишь. <...> Я вижу лишь солнце, которое светит, и траву, которая зеленеет» (*фр.*). Из сказки Ш. Перро «Синяя Борода» («La Barbe Bleue»), входившей в оригинале в издания сказок Перро, выпускавшиеся в качестве пособия для изучения французского языка в русской школе; см., например: Contes de Fées Par C. Perrault: Пособие для классного чтения в русских учебных заведениях. М., 1890. В оригинале: «Anne, ma sœur Anne, ne vois-tu rien venir?» («Анна, сестра моя Анна, не видно ли кого вдали?»). Любопытное совпадение: в блокадном дневнике Болдырева встречаем ту же цитату из Перро (см.: *Болдырев А.Н.* Осадная запись: (Блокадный дневник). СПб., 1998. С. 31).

[914] Оговорка, вызванная, вероятно, предшествующей цитатой из Перро; на самом деле речь идет об эрмитажном портрете «дамы в черном платье», считающемся портретом герцогини Маргариты Пармской (1522—1586) работы А.С. Коэльо.

[915] Из поэмы Блока «Двенадцать» (1918).

[916] Вы вновь приближаетесь, еще неотчетливые образы (*нем.*). Из первой части трагедии И.В. Гете «Фауст» (1808—1832).

[917] Имеется в виду Институт истории искусств на Исаакиевской пл., д. 5, основанный в 1912 г. в собственном особняке гр. В.П. Зубовым. Шапорина использует старое его название: Государственная Академия искусствознания (Ленинградское отделение; 1931—1936).

[918] По-видимому, имеются в виду открытые по решению Ленгорисполкома в апреле 1942 г. столовые лечебного (повышенного) питания. Туда на 2—3 недели прикреплялись больные дистрофией 1-й и 2-й степеней.

[919] Город в Пермской области, куда был эвакуирован ТЮЗ.

[920] До 1940 г. и после 1992 г. Пермь, место эвакуации многих промышленных предприятий и учреждений культуры.

[921] По отцовской линии предки А.А. Брянцева были из духовного звания, отец служил столоначальником духовной консистории.

[922] Из надгробного песнопения Иоанна Дамаскина.

[923] По заданию командования фронтовых частей Ю.В. Кочуров написал «Песню артиллерийского полка», «Песню зенитчиков» и др.

[924] На ул. Чайковского, д. 56.

[925] Из Вступления к поэме «Медный всадник» (1833) Пушкина.

[926] Ни одного маленького кусочка мушки или червячка (*фр.*). Из басни Лафонтена «Стрекоза и муравей».

[927] Из молитвы «Отче наш».

[928] То есть с Финляндского вокзала.

[929] На ул. Некрасова, д. 52.

[930] И.И. Федюнинский командовал в это время 54-й армией; К.А. Мерецков 9 июня был назначен командующим Волховским фронтом.

[931] Театр Еврипида / Пер. со введ. и послесл. И.Ф. Анненского под ред. и с коммент. Ф.Ф. Зелинского. М., 1917. Т. 2.

[932] Курс русской истории, много раз переиздававшийся со времени первого изд. 1904 г.

[933] Вероятно: История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: В 3 т. СПб., 1863—1865.

[934] Село в Кировской губернии.

[935] В XVIII в. искусство мозаичного (из тонких деревянных пластин) изготовления панно, столов и др. (от *фр.* marqueterie — инкрустация).

[936] Ресторан на Невском пр., д. 106.

[937] человеческая нищета (*фр.*).

[938] В Куйбышев (до 1935 г. и после 1991 г. Самара) эвакуировались преимущественно предприятия из западных районов СССР.

[939] См. примеч. 385.

[940] Построен в 1741—1750 гг. на Невском пр., д. 39. С 1936 г. помещение Дворца пионеров.

[941] Книготорговый магазин «Книжная лавка писателей», открытый в 1934 г. на Невском пр., д. 66.

[942] См.: Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престолу Российского. СПб., 1844 (или: СПб., 1881); *Ключевский В.* Опыты и исследования: Первый сборник статей. Пг., 1912; *Корелин М.* Ранний итальянский гуманизм и его историография: В 2 кн. М., 1892; *Милюков П.Н.* Из истории русской интеллигенции: Сб. статей и этюдов. СПб., 1902; *Андерсон В.М.* Русский некрополь в чужих краях: Вып. 1. Париж и его окрестности / Изд. вел. кн. Николай Михайлович. Пг., 1915; Послание шведского полковника Александра Лесли к царю Михаилу Федоровичу. СПб., 1906.

[943] По постановлению Государственного Комитета обороны от 24 мая 1942 г. в течение весны—лета приказано было эвакуировать из Ленинграда 300 тысяч человек. Этот план не был выполнен, но численность неработающего населения (иждивенцев) к концу года сократилась почти вчетверо.

[944] По Постановлению Совнаркома от 17 февраля 1942 г. «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток» эвакуация означала переезд на постоянное новое место жительства и таким образом лишение права на прежнюю жилплощадь. Жилплощадь сохранялась только за военнослужащими.

[945] Основан в 1926 г. (как Институт хирургической невропатологии; в 1938 г. реорганизован в Нейрохирургический, впоследствии им. проф. А Л. Поленова) на ул. Маяковского, д. 12.

[946] 5 июля вышло постановление Военного совета Ленинградского фронта о превращении Ленинграда в военный город с оставлением в нем минимума населения для обслуживания энергетики, транспорта и т.п.; остальные жители города к 15 августа должны были быть эвакуированы.

[947] в придачу (*фр.*).

[948] Шапорина сравнивает современные события с падением Севастополя в ходе Крымской войны 1853—1856 гг. Николай I умер от простуды.

[949] Так называемая писательская столовая находилась на Невском пр., д. 106; но в данном случае, возможно, имеется в виду столовая в Доме писателя.

[950] Аксакова-Сиверс воспроизводит услышанный рассказ (анекдот?) о том, как в начале 1930-х В. Инбер явилась на заседание Союза писателей с целью отмежеваться от скомпрометировавшего ее родственника и начала речь словами «Мой дядя самых подлых правил...». Ее освистали (*Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника: В 2 кн. Paris, 1988. Кн. 2. С. 207).

[951] Государственный научно-исследовательский институт театра и музыки на пл. Воровского (до 1922 г. и после 1944 г. Исаакиевская), д. 5.

[952] *Козеин* — белок молока млекопитающих. Использовался для изготовления клея и в таком виде продавался. Во время войны на таком клее готовилась еда.

[953] С 1936 г. ул. Маяковского.

[954] О вербовке секретных сотрудников во время блокады см.: *Иванов В.А.* Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (На материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 276—278.

[955] Еще бы (*фр.*).

[956] затруднение от избытка (*фр.*).

[957] Он попал впросак (*фр.*).

[958] месса (*фр.*).

[959] Слова заглавного персонажа повести Вольтера «Кандид» (1758).

[960] Из «Думы» (1838) Лермонтова.

[961] Как они все-таки нахальны (*фр.*).

[962] Дачный поселок в 12 км от Ленинграда. В 1941—1944 гг. был оккупирован немецкими войсками и полностью уничтожен.

[963] Хлыщ (*фр.*).

[964] Металлический завод им. Сталина на Полюстровской наб., д. 19.

[965] *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. 1860—1867 / Собрал и приготовил к печати П.Е. Щеголев. М., 1934 (книга вышла после смерти П.Е. Щеголева).

[966] Соответственно в 1918—1991 гг.: ул. Софьи Перовской и ул. Желябова.

[967] подвиги Геракла (*фр.*).

[968] Из монолога Иоанны в драме Ф. Шиллера «Орлеанская дева» (1801).

[969] основное блюдо (*фр.*).

[970] Поселок в 34 км от Ленинграда.

[971] То есть не упустят своей выгоды; скорее всего, Шапорина цитирует пародию «В альбом красивой чужестранки» (1854) Козьмы Пруткова.

[972] «В целях сохранения жилого фонда от разрушения зимой, экономии топлива и создания нормального теплового режима в домах, для лучшего обслуживания жильцов водой и необходимым минимумом коммунальных удобств, обеспечения жильцов газо- и бомбоубежищами, до 1 октября 1942 года необходимо произвести переселение жильцов на зимний период из верхних этажей в первые три нижних этажа» (*Попков П.С.* Подготовить жилые дома к зиме // Ленинградская правда. 1942. 11 авг.).

[973] Я причесываюсь у Тютькина (*фр.*). Из внутреннего монолога Анны Карениной (Ч. 7. Гл. XXIX) в романе Л. Толстого.

[974] Мною руководит Попкофф (*фр.*).

[975] проволочку для резки русского масла (*фр.*).

[976] Имеется в виду секретный («без публикации») Приказ № 227 от 28 июля 1942 г.: «Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв». Этим приказом учреждались (по образцу фашистской армии) штрафные роты и батальоны и

заградительные отряды для воспрепятствования отступлению войск. Не только содержание приказа, но и его текст стали широко известны, и он получил наименование «Ни шагу назад». Отметим парафраз из более ранней статьи А. Толстого, начинавшейся словами «Ни шагу дальше!»: «Красный воин должен одержать победу. Страшнее смерти позор и неволя. Зубами перегрызть хрящ вражеского горла — только так! Ни шагу назад! Ураганом бомб, огненным ураганом артиллерии, лезвиями штыков и яростью гнева разгромить германские полчища!» (*Толстой А.* Москве угрожает враг // Правда. 1941. 18 окт.; перепеч. в других газетах). Под заглавием «Ни шагу назад» Толстой опубликовал статью в «Правде» уже после приказа, о котором идет речь, 3 августа 1942 г. (впоследствии перепечатывалась под заглавием «Упорство»).

[977] 29 июля опубликован указ о введении орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского.

[978] «Россия — страна ненужных формальностей» (де Кюстин) (*фр.*). Из книги А. де Кюстина «Россия в 1839 году».

[979] Река в горной Адыгее.

[980] Свободный порт, пользующийся правом беспошлинного вывоза и ввоза товаров.

[981] Из стихотворения Пушкина «К Чаадаеву» (1818).

[982] Жила-была пастушка, тра-ля-ля, тра-ля-ля... (*фр.*). Из старинной французской песенки.

[983] См.: *Книжник-Ветров И.* А.В. Корвин-Круковская (Жаклар), друг Ф.М. Достоевского, деятельница Парижской коммуны. М., 1931; *Он же.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны. М.; Л., 1964.

[984] О времена (*лат.*). Усеченная фраза из речи Цицерона.

[985] Имеется в виду одна из булочных фирмы А.И. Лора, находившихся до революции в разных районах города.

[986] Крандиевская-Толстая жила по адресу: пр. Максима Горького, д. 23.

[987] Облака в небе, парус ветра (*нем.*). Неточная цитата из 3-го акта «Марии Стюарт» Шиллера.

[988] пушечное мясо (*фр.*).

[989] В иудаизме одно из имен бога Яхве.

[990] 23 августа немецкие войска прорвались к Волге в районе Сталинграда и прорвали оборону войск Юго-Западного фронта. 25 августа в Сталинграде было введено осадное положение.

[991] Из «Нового платья короля» (1838) Андерсена.

[992] мясника (*фр.*).

[993] Лиговский народный дом был основан в 1903 г. гр. Паниной на Тамбовской ул., д. 63/10; при нем существовали вечерние классы для рабочих, учебные мастерские, устраивались лекции и спектакли и т.д.

[994] Этот факт — по-видимому, ошибка памяти рассказчика: Горький в 1912 г. находился за границей, и нигде не фигурирует упоминаемая его встреча в этом году

с 15 рабочими; с другой стороны, неизвестны иные публикации воспоминаний Маширова о Горьком, кроме тех, которые отмечены в следующем ниже примечании.

[995] Речь идет о встрече с Горьким между 5 и 12 марта 1914 г. участников первого Сборника пролетарских писателей (происходила на квартире Горького: Кронверкский пр., д. 23, кв. 7); см.: *Маширов А.* Пролетарские писатели и Максим Горький // Ленинградская правда. 1928. 21 марта; *Маширов-Самобытник А.* Как мы начинали: Из воспоминаний старого правдиста // Литературная газета. 1937. № 24. 5 мая.

[996] Имеется в виду «Вечерняя Красная газета».

[997] См.: *Пушкин А.С.* Соч.: В 10 т. СПб.: А.С. Суворин, 1887.

[998] Возможно, имеются в виду продовольственные подарки, доставленные в Ленинград эшелоном 10 августа из Ташкента.

[999] На Невском пр. перед Театром драмы им. Пушкина.

[1000] То есть с пышной кудрявой шевелюрой: имеется в виду работа Леохара «Аполлон Бельведерский» (350—330 до н. э.).

[1001] Меня всегда облапошивают (*фр.*).

[1002] Подразумеваются активные военные действия Британии в Ливии с января 1942 г.

[1003] При попытке британских и канадских войск взять 19 августа французский Дьеп погибли и были ранены более 3500 их военнослужащих.

[1004] Шута, паяца (*нем.*). Персонаж кукольного театра.

[1005] То есть в Елисеевском гастрономе (Невский пр., д. 56/8).

[1006] Спектакль по пьесе К. Симонова (1942) был поставлен в Городском драматическом театре (организован в 1942 г., работал первоначально в помещении Театра комедии, затем Малого оперного театра) С.А. Морщихиным.

[1007] Поселок в 15 км от Ленинграда.

[1008] Написана в 1942 г., ставилась в том же году в ленинградских театрах.

[1009] Фильм поставлен в 1940 г. (реж. А.В. Ивановский и Г.М. Раппапорт).

[1010] Подлизываясь (от *фр.* gentille).

[1011] Возможно, Центральный клуб моряков на Двинской ул., д. 3; если имеется в виду Дом Балтфлота, то он во время войны помещался в здании Высшего военно-морского училища им. Фрунзе на наб. Лейтенанта Шмидта, д. 17.

[1012] 12—15 августа в Москве состоялось совещание Сталина с Черчиллем.

[1013] Дом Красной армии.

[1014] До 1925 г. Царицын, до 1961 г. Сталинград (затем Волгоград).

[1015] Верхние листья капусты, обычно обрывавшиеся, как не идущие в пищу.

[1016] Возможно, в помещении Научно-исследовательского института заболевания уха, горла, носа и речи на Бронницкой ул., д. 9.

[1017] Дачный поселок в 12 км от Ленинграда.

[1018] В Ленинграде было два музыкальных техникума: на ул. Чайковского, д. 11 и на ул. Некрасова, д. 4/2.

[1019] плата за наем помещения (*фр.*).

[1020] Понятие «уплотнение» вошло в повседневный жизненный обиход с 1918 г. (под таким названием в этом году был снят художественный фильм) в связи с установлением норм жилплощади на одного человека (тогда 18 кв. м., норма постоянно уменьшалась). С октября 1920 г. в Петрограде были учреждены районные «тройки» по уплотнению, обследовавшие квартиры для выявления излишков площади. Соответственно с перманентным уменьшением норм жилплощади процесс уплотнения стал постоянным явлением жизни.

[1021] Произведение для солиста, хора и симфонического оркестра (на слова Кузнецовского).

[1022] С 9 октября в Красной армии был упразднен пост военного комиссара.

[1023] Из стихотворения Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865).

[1024] Популярная песня неизвестных авторов (1917—1921).

[1025] Имеется в виду Клуб Балтфлота на наб. Лейтенанта Шмидта, д. 17.

[1026] Гравировальная техника, разновидность офорта.

[1027] Крандиевская-Толстая начала писать свои воспоминания, по-видимому, сразу после разрыва с ней Толстого — в издании ее «Воспоминаний» (Л., 1977) под датой: «Февраль 1940» сказано: «Через пять лет, перечитав написанное выше...» После выхода в свет публикации краткого варианта воспоминаний в альманахе «Прибой» (1959) в Министерстве культуры СССР была составлена «Записка» от 6 марта 1959 г. с критикой «обывательщины», «приторно-слащавого» тона, «ярко выраженного» мещанского характера текста (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958—1964: Документы. М., 2005. С. 182—189).

[1028] См.: *Тихонов Н.* Петроград—Ленинград. Л., 1942. Статьи Тихонова, о которых он говорит, регулярно печатались в газете «Красная звезда».

[1029] Тихонов всю блокаду, с небольшими перерывами, прожил в Ленинграде, а в 1944 г., в связи с назначением на пост председателя Правления Союза писателей СССР, переехал в Москву.

[1030] С 1904 г. Община сестер милосердия им. М.П. Кауфмана, затем Больница им. Урицкого (с 1996 г. Петербургский геронтологический центр).

[1031] «*Малыгин*» — ледокольный пароход, построенный в 1912 г. При возвращении из гидрографической экспедиции по восточной Арктике «Малыгин» во время шторма у берегов Камчатки затонул 28 октября 1940 г. со всем экипажем и членами экспедиции.

[1032] Против пр. Маклина (до 1918 г. Английский пр.).

[1033] Собор Пресвятой Троицы сооружен в 1828—1835 гг. на Измайловском пр., д. 7а; в 1938 г. закрыт; в 1990 г. возвращен епархии.

[1034] «Вы окончите ваши дни в страдании» (вар.: в нищете) (*фр.*).

[1035] Она дышит на ладан (*фр.*).

[1036] Кинотеатр в соседнем корпусе дома, где жила Шапорина.

[1037] См. эти материалы: ИРЛИ. Ф. 679 и публ.: *Данько Е.Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М.М. Павловой // Лица: Биогр. альманах. М., 1992. [Вып.] 1. С. 190—261.

[1038] Доклад Сталина «25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и советскими организациями Москвы.

[1039] кто спит — обедает (т.е. спящий хлеба не просит; *фр.*).

[1040] Начало стихотворения Тютчева без заглавия (1832).

[1041] Имеется в виду романс на эти стихи, написанный Шапориным (1930).

[1042] Был создан при Народном комиссариате просвещения в 1918 г. для сбора фондов прекративших деятельность музеев или оставшихся без хозяев частных коллекций, распределения их по провинциальным музеям, а в 1929—1933 гг. занимался продажей художественных ценностей через «Антиквариат» за границу.

[1043] Имеется в виду Ленинградское отделение Всероссийского театрального общества на Невском пр., д. 86.

[1044] 27 ноября 1942 г., когда фашисты пытались овладеть находившимся на военно-морской базе в Тулоне французским флотом, моряки взорвали арсенал и потопили корабли.

[1045] На время эвакуации Всероссийского театрального общества Мичурина-Самойлова была председателем временного Правления.

[1046] Речь идет о постановке драматического спектакля «Евгений Онегин» в открывшемся в 1942 г. Городском объединенном драматическом театре (так называемом «Блокадном театре»), которому была временно предоставлена сцена Театра комедии, возглавлявшегося Н.П. Акимовым (в д. 56 по Невскому пр. — в 1918—1944 гг. пр. 25 октября).

[1047] Основан в 1896 г. первоначально как «Убежище для престарелых актеров» на Петровском пр., д. 13.

[1048] В 1923—1991 гг. ул. Каляева.

[1049] *Толстой А.* Хмурое утро. Л., 1941 (на обл. 1942).

[1050] Ул. Жуковского, д. 57, кв. 4.

[1051] Речь идет о перезахоронении в марте 1917 г. гроба с телом Распутина из Александровского парка Царского Села на Волковское кладбище в Петрограде через несколько дней после того, как Лаганскому, с помощью бывшего офицера царской армии, удалось отыскать могилу Распутина.

[1052] в сумерках (*фр.*).

[1053] Дачная местность на правом берегу Большой Невки.

[1054] Спектакль «Золоченые лбы» по сказке Б. Шергина был поставлен Шапориной в 1935 г. в Театре марионеток при Союзе писателей.

[1055] все кончено (*ит.*).

[1056] в золе (*фр.*).

[1057] Прозрачная хлопчатобумажная или шелковая ткань.

[1058] Основано в Ленинграде в 1931 г.; ликвидировано в связи с «Ленинградским делом» в 1952 г.

[1059] Дом Балтфлота.

[1060] Что то будет? (*польск*.). Аллюзия на поэму Мицкевича «Дзяды» (1823).

[1061] По-видимому, имеется в виду чернильница работы Данько «Пушкин на кушетке» (1937).

[1062] Начальные строки стихотворения Пушкина без заглавия (1834).

[1063] Дом Балтийского флота.

[1064] Вероятно, ошибка: речь идет о В.А. Лифшице.

[1065] Речь идет о стихотворении «Ленинградская осень» (октябрь 1942 г.).

[1066] Вот это да! (*фр*.).

[1067] Городской драматический театр.

[1068] То есть к телефону-автомату на мосту.

[1069] То есть в Дом ветеранов сцены.

[1070] День смерти Ленина 21 января отмечался вывешиванием траурных флагов и торжественным заседанием.

[1071] несмотря ни на что (*фр*.).

[1072] Имеются в виду рассуждения Л. Толстого в «Войне и мире» о том, что, покидая Москву, ее жители делали «просто и истинно то великое дело, которое спасло Россию» (Т. 3. Ч. 3. Гл. V).

[1073] Дом Краснознаменного Балтийского флота.

[1074] для пожилой дамы я сделала очень много (*нем*.).

[1075] В 1918—1994 гг. наб. Красного флота.

[1076] В 1918—2007 гг. мост Лейтенанта Шмидта.

[1077] писательница (*фр*.).

[1078] Дом ветеранов сцены.

[1079] Городская военно-шефская комиссия Обкома профсоюза работников искусств помещалась в здании Хореографического училища на ул. Зодчего Росси, д. 2.

[1080] досыта (*фр*.).

[1081] То есть из дома в Гусевом пер., принадлежавшего родителям Шапориной.

[1082] 28 мая Сталин письмом ответил на вопрос московского корреспондента агентства Рейтер, «интересующий английскую общественность», по поводу совершившегося роспуска Коммунистического Интернационала. Ответ содержал четыре пункта и резюме: «Я считаю, что роспуск Коммунистического Интернационала является вполне своевременным, так как именно теперь, когда фашистский зверь напрягает свои последние силы, — необходимо организовать общий натиск свободолюбивых стран для того, чтобы добить этого зверя и избавить народы от фашистского гнета!» (Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1948. С. 107—108).

[1083] О времена, о нравы! (*лат*.).

[1084] Опера Дж. Верди (1853); премьера этой постановки состоялась 7 октября 1943 г. в Малом оперном театре.

[1085] Увидим (*ит.*).

[1086] В Смоленской губернии, откуда была родом Шапорина, словом «невыволока» называли неудачно складывающиеся обстоятельства.

[1087] Первая книга «Автобиографических записок» А.П. Остроумовой-Лебедевой вышла в Ленинграде в 1935 г., вторая, в которой речь шла о событиях 1900—1916 гг., в 1945 г.

[1088] Неточно цитируется стихотворение П.А. Вяземского «В альбом (Из Байрона)» (1822).

[1089] Альбом сохранился: ОР РНБ. Ф. 1086. № 36.

[1090] См. примеч. 468.

[1091] 22 июня 1943 г. посол США в СССР передал Молотову ордена и медали, которыми США наградили бойцов и командиров Красной армии и Военно-Морского флота. В.В. Чудов был награжден орденом «За выдающуюся службу».

[1092] В 1823—1918 гг. Михайловская пл., затем пл. Лассаля (до 1940 г.), затем пл. Искусств.

[1093] Речь идет о декорациях к опере Верди «Травиата».

[1094] Еврейская народная песня.

[1095] Шапорина прочла корреспонденцию ТАСС «Выступление Черчилля в Лондоне»: 30 июня в лондонской ратуше Черчилль произнес речь в связи с присвоением ему звания почетного гражданина города Лондона (Ленинградская правда. 1943. 3 июля).

[1096] Красный пояс (*фр.*). Так назывались коммунистически настроенные рабочие районы.

[1097] с непокрытой головой (*фр.*).

[1098] В этот день был опубликован приказ начальника гарнизона Ленинграда № 29 от 9 июля «О выполнении населением и военнослужащими Ленинграда правил поведения по сигналу “ВТ”», то есть воздушной тревоги. В преамбуле было сказано, что приказ вызван нежеланием граждан укрываться в бомбоубежищах. Он обязывал привлекать к ответственности нарушителей.

[1099] Пьеса Ю.И. Яновского (1932).

[1100] 10 июля американо-британские войска высадились на Сицилии.

[1101] Город на Сицилии.

[1102] Благовоспитанными (от distinguées — *фр.*).

[1103] 24 июля произошло падение режима Муссолини. 27 июля фашистская партия в Италии была распущена.

[1104] Газета, издававшаяся в Париже с 1922 г.

[1105] Пьеса В.В. Курдюмова.

[1106] См. примеч 840.

[1107] у нее причуды (*фр.*).

[1108] Николо-Богоявленский собор, построенный в 1753—1762 гг. на Никольской пл., д. 1—3; в 1941—1999 гг. кафедральный.

[1109] Город и порт во Франции.

[1110] Это издание не было осуществлено.

[1111] В Оперно-драматической студии К.С. Станиславского, созданной в 1935 г., Мейерхольд проработал несколько месяцев главным режиссером перед арестом в 1939 г.

[1112] «...провожающих почти не было, если не считать два-три ряда людей из соответствующей организации. <...> Но хорошо помню, что была Е. Гельцер. Она жила в доме через улицу от Мейерхольдов и пришла в строгом официальном костюме с орденом на груди» (*Валентей М.* Должна сказать... // Театральная жизнь. 1989. № 5. С. 4).

[1113] Вокальный цикл для голоса с фортепиано на стихи Блока «Далекая юность» (1939).

[1114] Аллюзия на стихотворение Тютчева «Весенняя гроза» (1828—1829).

[1115] без работы (*фр.*).

[1116] «Бедное создание, бедное создание!» (*um.*).

[1117] Из молитвы на литургии перед Святым причастием (с неточностями).

[1118] «Вы — человек» (*фр.*).

[1119] нервной системы (*фр.*).

[1120] Распорядительный орган управления церковным приходом, приходская община из 20 человек.

[1121] В 1923 г. поместный (обновленческий) собор русской православной церкви вынес резолюцию о поддержке советской власти и обновлении церкви, низложил патриарха Тихона и создал синод обновленческой церкви во главе с митрополитом.

[1122] Кинофильм по пьесе А.Е. Корнейчука поставили бр. Васильевы (1944).

[1123] Это была вторая (после Октябрьской революции) волна массовых переименований городских улиц и других топонимов: в первой, в 1918 г., старые наименования преимущественно заменяли на так или иначе связанные с революционными именами и событиями или просто ради символического утверждения прихода новой власти; в 1944 г. возвращали исторические наименования. Обе эти волны переименований имели идеологический характер.

[1124] Надо иметь наглость (*фр.*).

[1125] 20 января 1918 г. был выпущен Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Постановлением от 7 августа 1918 г. Совнаркома Союза коммун Северной области с 10 по 20 августа должны были закрыться все домовые, при воспитательных и учебных заведениях и учреждениях церкви и часовни (исполнение постановления саботировалось и поэтому было выполнено частично). Разорение церквей началось с Декрета ВЦИКа 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей. 18 февраля 1932 г. в Ленинграде закрылись почти все церкви, были арестованы все монахи, множество представителей белого духовенства и миряне, свя-

занные с монастырями, — всего около 500 человек. 15 мая 1932 г. объявлена «антирелигиозная пятилетка» — к 1 мая 1937 г. планировалось ликвидировать в СССР все молитвенные дома. Паспортизация 1933 г. сократила число духовных лиц в Ленинграде на 60%. В период массовых репрессий против ленинградцев после убийства Кирова в начале весны 1935 г. было выслано около 200 церковнослужителей. См.: *Шкаровский М.В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917—1945. СПб., 1995.

[1126] Поселок в 36 км от Ленинграда.

[1127] О массовом антисемитизме с первых месяцев войны свидетельствовало, например, постановление «Об антисоветских слухах, антисемитизме и мерах борьбы с ним» Кировского райкома партии (Ленинград) от 29 августа 1941 г. В нем отмечались проявления антисемитизма у рабочих Кировского и других заводов, в домохозяйствах, в трамваях и других общественных местах. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) передало 17 августа 1942 г. в ЦК ВКП(б) Докладную записку «О подборе и выдвижении кадров в искусстве» с обстоятельным анализом количества евреев в руководящем составе музыкальных театров, филармоний, консерваторий и центральных газет. Во 2-й половине 1942 — начале 1943 г. произошли массовые увольнения евреев из сферы управления культурой и пропагандой. В аппарате ЦК ВКП(б) проводились секретные информационные доклады антисемитской направленности. Антисемитские выступления происходили в связи с эвакуацией в 1942 г. в Узбекистан. Писатель А.Н. Степанов в письме от 27 мая 1943 г. сообщал ответственному редактору газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенбергу: «Об антисемитизме. Демобилизованные из армии раненые являются главными его распространителями. Они открыто говорят, что евреи уклоняются от войны, сидят по тылам на тепленьких местах и ведут настоящую погромную агитацию. Я был свидетелем того, как евреев выгоняли из очередей, избивали даже женщин те же безногие калеки. Раненые в отпуску часто возглавляют такие хулиганские выходки. Со стороны милиции по отношению к таким проступкам проявляется преступная мягкость, граничащая с прямым попустительством». В 1945 г. фронтовики-евреи обратились к Сталину, Берии и Поспелову с письмом, в котором говорилось о многочисленных погромах, о том, что в стране «свирепствует невиданный в нашей советской действительности АНТИСЕМИТИЗМ» (так в документе). (См.: Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации, 1938—1953. М., 2005. С. 29—35, 65 и др.)

[1128] См.:

Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

[1129] Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Клеветникам России» (1831).

[1130] Научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии им. Р.Р. Вредена основан в 1906 г. в Александровском парке (ныне ул. Академика Байкова, д. 8).

[1131] «Золотой ключик, или Приключения Буратино» по сценарию Е. Данько (1936).

[1132] Научно-исследовательский институт экспериментальной медицины был основан в 1890 г. на Лопухинской ул. (с 1934 г. ул. Академика Павлова).

[1133] Это был день снятия блокады.

[1134] С 1936 г. по этому адресу находилась гостиница «Нева»; во время войны госпиталь. По-видимому, это помещение использовало и НКВД.

[1135] Научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии (с 1988 г. — имени бывшего директора Д.О. Отта) был основан в 1797 г. в Петербурге как Повивальный институт; с 1904 г. — по современному адресу: Менделеевская линия Васильевского острова, д. 3.

[1136] Акимовка была крупным сельскохозяйственным центром.

[1137] Это был 1-й камерный концерт из произведений ленинградских композиторов в Малом концертном зале Малого оперного театра.

[1138] Правильно: Концерт-поэма.

[1139] Песня для голоса с фортепиано на слова В.И. Лебедева-Кумача.

[1140] Совпадением называют то, что зачастую является всего лишь результатом непонятной воли, которая сохраняет гармонию мира. Андре Морель. Маленькие города Италии (*фр.*). (4 v. Paris, 1906—1912.)

[1141] См. примеч. 1135.

[1142] Фраза не закончена.

[1143] По-видимому, ул. Рубинштейна (с 1929 г.).

[1144] и не без причины (*фр.*).

[1145] Здесь: бывшая знаменитая певица (*фр.*).

[1146] Храм Спаса (1198) на реке Нередице в Новгороде; разрушен во время войны; впоследствии воссоздан.

[1147] Новгородский Софийский собор (1045—1050) был разграблен во время оккупации, значительная часть глав, здания и росписи 1104 г. уничтожены.

[1148] Союз северо-немецких городов (XIV—XVI вв.), осуществлявший посреднические торговые связи между Западной, Северной и Восточной Европой.

[1149] В сентябре 1939 г. Красная армия во время вторжения в Восточную Польшу захватила 15 тысяч военнопленных. Из их числа в апреле 1940 г. было расстреляно 14 552 человека; кроме этого, было расстреляно еще около 7 тысяч поляков, находившихся в тюрьмах Западной Белоруссии и Украины. Массовые расстрелы происходили в Катынском лесу под Смоленском. Во время оккупации этого района в 1943 г. немцы обнаружили захоронение расстрелянных. В конце апреля—мае 1943 г. Международная комиссия зафиксировала место расстрела и составила доклад, обличающий СССР. В 1944 г. в СССР была издана на русском и польском языках пропагандистская книга «Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Ка-

тынском лесу военнопленных польских офицеров» (в августе 1945 г. книга была изъята из продажи и из библиотек). Тогда же, в 1944 г., был выпущен документальный кинофильм «Трагедия в Катынском лесу»: «Кинодокументы о чудовищных злодеяниях, совершенных гитлеровскими извергами над военнопленными польскими офицерами в Катынском лесу» (аннотация; см.: Музы в шинелях: Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. М., 2006. С. 287).

[1150] См.: *Федоров Е.* Демидовы: Исторический роман. Л., 1943.

[1151] Из Вступления к «Медному всаднику» Пушкина.

[1152] 26 октября 1927 г. были впервые опубликованы «Лозунги» к 10-летию Октябрьской революции; с тех пор их печатали ежегодно в честь годовщины революции, 1 Мая, годовщины пионерской организации, дня Красной армии и т.п. Повидимому, одной из форм патриотизма и борьбы с иностранщиной (тем более что Losung — из немецкого языка) стала смена наименования «Лозунги» на «Призывы».

[1153] Пс. 140: 2; псалом поется при литургии Преосвященных Даров.

[1154] Имеется в виду книга О. Шпенглера «Закат Европы» (1918—1922).

[1155] Конференция глав правительств СССР, Великобритании и США в Тегеране проходила 28 ноября — 1 декабря 1943 г.

[1156] «Медико-хирургическая анатомия вегетативной нервной системы (симпатической и парасимпатической)» (*фр.*).

[1157] Комфортабельный («фирменный») поезд «Красная стрела», курсирующий между Москвой и Ленинградом с 1931 г . (перерыв в движении с июня 1941 по март 1944 г.).

[1158] Отдаленные друг от друга районы Москвы.

[1159] Имеется в виду колокольня Ивана Великого (1508) — храм на Соборной площади Кремля высотой 81 метр.

[1160] Храм Усекновения главы Иоанна Предтечи в Толчковской слободе Ярославля; построен в 1671—1687 гг., закрыт в 1929 г., с 1936 г. — территория завода «Победа рабочих», использовался в качестве складских помещений.

[1161] Построена в 1620—1622 гг., закрыта в 1930-е гг.

[1162] Первый ярославский храм (1647—1650).

[1163] Речь идет о празднике в селе Дивеево (в 100 километрах от Нижнего Новгорода) в честь Смоленской иконы Божией Матери, отмечаемом 10 августа (28 июля ст. стиля).

[1164] От *греч.* lite — усердное моление; совершается в праздничные дни, во время крестного хода и др.

[1165] Не сохранилась.

[1166] Неточная цитата из стихотворения Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855).

[1167] То же.

[1168] Толстой с 1941 г. жил в Москве по адресу: ул. Спиридоновка, д. 2/6.

[1169] См.: Октябрь. 1943. № 11—12.

[1170] Из стихотворения Н.А. Некрасова «Внимая ужасам войны...» (1855).

[1171] Город в 60 км от Казани.

[1172] в моде (*фр.*).

[1173] пару (*фр.*).

[1174] Неточная цитата из стихотворения Баратынского «Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!..» (1840).

[1175] «Это наша история, всех, кто живет на этой печальной земле. Это то, что мы непрестанно говорим будущему» (*фр.*). Из сочинения Ф. Геттингера «Апология христианства» (1872—1875).

[1176] Реакция Шапориной на корреспонденцию ТАСС «Заявление Рузвельта о помощи Италии»: 4 октября в Вашингтоне Рузвельт объявил о мерах по снабжению Италии «материалами, необходимыми для предотвращения среди гражданского населения голода, болезней и страха перед наступающей зимой» (Ленинградская правда. 1944. 6 окт.).

[1177] Профессиональное объединение при Союзе писателей литераторов, которые не являются членами Союза (впоследствии стало называться Профгруппой).

[1178] Имеется в виду: Anatomie médico-chirurgicale du système nerveux végétatif (sympathique et parasympathique).

[1179] Просторечное наименование Лебяжьего канала, прорытого в 1711—1719 гг., вдоль левого берега которого вскоре был разбит Летний сад.

[1180] параллельно с оригинальным текстом (*фр.*).

[1181] «Бергамские близнецы» (*фр.*).

[1182] Третий том «Автобиографических записок» А.П. Остроумовой-Лебедевой был издан в 1951 г. в Москве.

[1183] Написана в 1941 г.

[1184] В Италии XII—XV вв. противоборствующие политические движения в период борьбы за господство между императорами Священной Римской империи и папами.

[1185] С 1927 г. в СССР подписка на займы работающего населения проводилась принудительно. Количество займов в 1930-х постоянно увеличивалось. В результате иной раз на заем уходило до двух месячных заработков работника. В период войны было выпущено несколько военных займов. Доля средств от займов в доходах государственного бюджета в 1948—1952 гг. составляла от 24% до 42% (Советская жизнь. 1945—1953. М., 2003. С. 539, 544—545 и др.).

[1186] То есть материально обеспеченных и пользующихся привилегированным спецснабжением в пределах лимитированной (обычно значительной) суммы.

[1187] спасите наши души (*англ.*).

[1188] Концерт состоялся в Большом зале филармонии. В 1-м отделении исполнялся Квинтет для двух скрипок, альта, виолончели и фортепиано (1940). Исполняли Квартет им. Бетховена и автор (фортепиано). Во 2-м отделении: Второй квартет (1-е исполнение), исполнял Квартет им. Бетховена; Трио (1-е исполнение), исполняли Д. Цыганов (скрипка), С. Ширинский (виолончель) и автор (фортепиано).

1189 из вежливости (*фр.*).

1190 В архивных фондах Шапориной не обнаружено.

1191 «В этой высококультурной среде <...> у меня завязалось много интересных знакомств среди молодых людей самых разнообразных профессий. Там бывали художники, молодые ученые, просвещенные любители, которые к тому же были людьми передовых взглядов (мне хочется здесь назвать моего друга Степана Митусова, с которым я впоследствии написал либретто к опере “Соловей”)» (*фр.*).

1192 сотрудничестве (*фр.*).

1193 я был рад дать дебют своему сыну (*фр.*).

1194 Пьеса А.Н. Островского (1853) в постановке Брянцева (в августе 1944 г. ТЮЗ вернулся из эвакуации).

1195 Вследствие многочисленных нареканий на работу (в особенности на внутренние распри в коллективе) Театр оперы и балета им. Кирова в декабре 1943 г. был временно закрыт.

1196 Открыт в 1927 г. в Ломанском пер. (с 1949 г. ул. Смирнова, с 1975 г. ул. Комиссара Смирнова). Здесь Шапорина с 1944 г. руководила кукольным театром.

1197 Вблизи Перми.

1198 В итоге Бондарчук и Бабчин подготовили 1-й том Атласа, который вышел двумя книгами в 1948 и 1950 гг.

1199 Жизнь мне опротивела, с меня хватит (*фр.*).

1200 Я напрасно стараюсь (*фр.*).

1201 Песнопение во время причастия («Тело Христово приимите, Источника бессмертного вкусите...»).

1202 Так (Железная дева — *нем.*) в XVII в. называли ящик для пыток с укрепленными внутри железными шипами.

1203 Имеется в виду теория о происхождении языка, сформулированная в начале 1920-х гг. Н.Я. Марром и развивавшаяся им и его учениками на протяжении последующих тридцати лет.

1204 На территории Котласа (Архангельской области) в 1929—1950 гг. почти одновременно находились девять лагерей для заключенных.

1205 Имеются в виду корреспонденции ТАСС из Лондона от 8 декабря: «Обсуждение в палате общин вопроса о положении в Греции» и «Выступление Черчилля» и серия неозаглавленных корреспонденций, последняя из которых посвящена голосованию о доверии правительству по поправке, критикующей политику правительства в Греции, — эта поправка была отклонена 279 (так!) голосами против 30 (Ленинградская правда. 1944. 9 дек.).

1206 Для весьма пожилой дамы сделано действительно много (*нем.*).

1207 Ул. Алексеевская (после 1923 г. ул. Писарева), д. 2; этот двухэтажный дом Шретер построил для своей семьи в 1890—1891 гг.

1208 Мой год начался плохо (*фр.*).

1209 Что за убожество (*фр.*).

[1210] Медаль «За оборону Ленинграда» была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г. для награждения всех участников обороны города: как военнослужащих, так и гражданских лиц.

[1211] По-видимому, ул. Чайковского, д. 29, где помещался районный парткабинет Дзержинского райкома ВКП(б); после войны — Дзержинский райком ВКП(б) (КПСС).

[1212] Впервые отдельным изданием: *Рождественский Вс.* Страницы жизни: Из литературных воспоминаний. М.; Л., 1962.

[1213] О Гумилеве говорится в главах «Дом искусств» и «Александр Блок».

[1214] Подмосковный поселок с дачами деятелей культуры (в т.ч. Толстого) и одноименным санаторием.

[1215] Статья «Поддерживать и поощрять инициативных людей» завершалась фразой: «Шире размах творческой инициативы! Всемерно поддерживать и поощрять инициативных, предприимчивых людей!» (Ленинградская правда. 1944. 28 декабря — перепечатка передовой статьи «Правды» от 27 декабря).

[1216] Судостроительный и механический завод им. Марти на Лоцманской ул., д. 3.

[1217] По рационным карточкам можно было получать трехразовое питание в столовых «рационного питания» (введены в Ленинграде 6 июня 1942 г.).

[1218] В 1945 г. патриархом был избран Алексий I.

[1219] Для возвращения в город эвакуированные ленинградцы должны были получить мотивированный вызов.

[1220] яблоко от яблони недалеко падает (*фр.*).

[1221] Имеется в виду фонтан «Молочница» (после 1816 г.) работы П.П. Соколова. В начале войны статуя была зарыта в землю, благодаря чему не пострадала.

[1222] Наименование немецких истребителей «Ме-109» (по фамилии авиаконструктора и промышленника В. Мессершмитта).

[1223] Неточная цитата из стихотворения Блока «Опять над полем Куликовым...» из цикла «На поле Куликовом».

[1224] Так Шапорина интерпретировала прочитанную информацию о выступлении Черчилля 18 января в палате общин. Он заявил, что войска коммунистов «сыграли весьма небольшую роль в борьбе против немцев за последние два года. Они притаились, выжидая момента для захвата власти и превращения Греции в коммунистическое государство». Черчилль привел выдержку из донесения английского посла в Афинах о «господстве террора», осуществляемого коммунистической партией (Правда. 1945. 19 янв.). В Греции в это время шла гражданская война.

[1225] Возможно: *Гнедич П.П.* История искусств с древнейших времен. СПб., 1885.

[1226] Стихотворение Микеланджело (1545) и его перевод; см.: *Роллан Р.* Жизнь Микеланджело / Пер. М. Кузмина // Роллан Р. Избранные произведения. М., 1935. С. 178.

[1227] прощайте, теленок, корова, свинья и яйца (*фр.*) — цитата из басни Лафонтена «Молочница и кувшин с молоком».

[1228] Через неделю после начала войны, 29 июня 1941 г., был издан приказ Народного комиссариата Государственной безопасности, НКВД и Генерального прокурора, по которому все бойцы советской армии, сдавшиеся в плен, приравнивались к изменникам Родины и предателям. С конца декабря 1941 г. были организованы сборно-пересыльные пункты для воинов, выходивших из окружения. Постановлением Совнаркома от 23 октября 1944 г. организовано Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран, и затем созданы предварительные фильтрационные пункты. Весной 1945 г. НКВД создал спецотдел Ф (Фильтрация). По всему СССР были созданы промежуточные распределительные пункты и специальные лагеря. Данные об общем числе бывших военнопленных разноречивы: от 4,5 до 1,5 миллионов человек. Осуждено и расстреляно 175 тысяч бывших военнопленных (см.: *Шевяков А.А.* Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупированных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграция. М., 1994. С. 195—222).

[1229] Выражение «без черемухи» стало нарицательным благодаря рассказу «Без черемухи» (1926) П.С. Романова. Рассказ повествовал о цинизме интимных отношений (в противовес романтичной «ветке сирени»). Шапорина, по-видимому, так характеризует циничное отношение властей к тем, кто защищал Родину и достоин благодарности, а вместо того обречен на страдания или даже уничтожение.

[1230] См.: История западноевропейского искусства (III—XX вв.) / Под. ред. проф. Н.Н. Пунина. Л.; М., 1940.

[1231] Цитируется некролог: *Федин К.* Прощание // Литературная газета. 1945. № 11. 10 марта.

[1232] На следующий день после ареста Старчакова Толстой заявил, что раз арестовали, значит, было за что (см. комментарии В. Грекова (А.Ю. Арьева) в публикации: Письма А.Н. Толстого к Н.В. Крандиевской-Толстой // Минувшее: Ист. альманах. Paris, 1987. Вып. 3. С. 325).

[1233] Героическая ария для меццо-сопрано с симфоническим оркестром (1942) на слова А.Е. Решетова. Посвящена С. Преображенской, она же была исполнительницей. Дирижер К.И. Элиасберг.

[1234] Сталинские премии были учреждены в декабре 1939 г. в честь 60-летия Сталина; первоначально для деятелей науки, искусства, изобретателей и военных специалистов, с 1940 г. и для писателей. Премии были трех степеней; количество лауреатов каждой степени (премий) от года к году менялось. Денежное выражение премии было значительным: в 1940-х премия первой степени составляла примерно сто среднемесячных зарплат рядового работника. После смерти Сталина премия стала именоваться Государственной.

[1235] Документальный фильм (1945) о Берлинской (Потсдамской) конференции 17 июля — 2 августа 1945 г. глав правительств СССР, Великобритании и США. Режиссер И.П. Копалин.

[1236] ни больше, ни меньше (*фр.*).

[1237] По легенде, эта фраза принадлежит гонителю христианства Юлиану Отступнику, римскому императору (361—363), лишившему христианство статуса государственной религии; якобы, будучи смертельно ранен в бою, он таким образом признал победу Иисуса Христа.

[1238] Правда. 1945. 10 мая. В дальнейшем печаталось со значительными изменениями.

[1239] При бомбежке в 1943 г. памятник и захоронение В.Н. Асенковой в Некрополе мастеров искусств Александро-Невской лавры были разрушены.

[1240] храмик (*ит.*).

[1241] бестактность (*фр.*).

[1242] Мнение об отрицательном отношении союзников к вступлению СССР в войну с Японией неверно: несмотря на заключенный в апреле 1941 г. договор между СССР и Японией о нейтралитете, США и Англия, находившиеся в 1945 г. в состоянии войны с Японией, побуждали СССР присоединиться к военным действиям; в результате 9 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии. 23 августа война окончилась капитуляцией Японии.

[1243] 23 мая в Большом зале филармонии состоялось исполнение оратории для хора, солистов и оркестра «Сказание о битве за русскую землю» на стихи К. Симонова, А. Суркова, М. Лозинского и С. Фейнберга. 25 мая программа была повторена.

[1244] Марк 9: 24.

[1245] «Записки туриста» (1838).

[1246] В 1931 г. Пленум ЦК ВКП(б) (28—31 октября) ограничил торговлю по коммерческим ценам специальной сетью магазинов. После отмены карточной системы с середины 1930-х коммерческие магазины прекратили существование. В 1944 г. в крупных городах разрешили коммерческую торговлю — свободную продажу товаров, отсутствующих в распределительной системе торговли, по более высоким ценам.

[1247] 18—21 июня в Москве прошел суд «по делу об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины». В числе 16 подсудимых главным обвиняемым был бригадный генерал Л. Окулицкий, который с сентября 1944 г. возглавлял военную подпольную организацию «Армия Крайова» и организовал польское сопротивление в тылу Красной армии. Окулицкий был осужден на 10 лет, другие на сроки от 8 до 4 месяцев, трое подсудимых оправданы.

[1248] Имеется в виду сказка бр. Гримм «Дары маленького народца».

[1249] Уйди оттуда, чтобы я мог занять твое место (*фр.*).

[1250] См. примеч. 769.

[1251] В конце июня в Ленинграде происходили встречи писателей с Тихоновым и Эренбургом, поводом к которым были незадолго до того прошедший в Москве

Парад Победы и годовщина начала войны, а содержание выступлений составляли суждения о роли писателей в послевоенное время (ср.: *Эренбург И.* Рассвет // Литературная газета. 1945. № 27. С. 3).

[1252] Толстой написал «Севастопольские рассказы» (1855) во время Крымской войны.

[1253] яблоко от яблони недалеко падает (*фр.*).

[1254] я не согласна (*фр.*).

[1255] Имеется в виду В.К. Шварсалон, впоследствии жена В.И. Иванова.

[1256] Видимо, речь идет о комбинации с продажей части жилплощади, в результате которой сын с женой и детьми должны были купить квартиру Дмитриева, а Шапорина оказаться в коммунальной квартире.

[1257] Город в Оренбургской области.

[1258] В старом Китае маленькая женская нога считалась красивой, и существовал обычай туго бинтовать ноги женщин.

[1259] Это был Парад Победы 8 июля 1945 г. — марш по городу частей Ленинградского фронта.

[1260] кой черт понес ее на эту галеру? (*фр.*) — цитата из «Проделок Скапена» Мольера.

[1261] Германия погибла! (*нем.*).

[1262] Члены объединения «Мир искусства».

[1263] Возможно, речь идет о ресторане на Благовещенской ул., д. 2; в 1910 г. переведен на Английскую наб., д. 36 (с 1911 г. — «Старый Донон»); в 1914 г. закрыт (был еще ресторан «Донон» на наб. р. Мойки, д. 24).

[1264] По-видимому, между 1908 и 1914 гг.

[1265] Пленные немцы в 1945—1946 гг. работали в Ленинграде на стройках.

[1266] Из разрушенного английскими и американскими бомбардировками в феврале 1945 г. здания Дрезденской картинной галереи в СССР вывозились выдающиеся произведения искусства, в том числе «Сикстинская мадонна» (1515—1519) Рафаэля.

[1267] Что хуже бессильной ненависти? Стендаль. Записки туриста. Женева.

[1268] Правильно: «Русские пейзажи», шесть пьес для фортепиано (1945).

[1269] Симфоническая ария для виолончели и струнного оркестра (ок. 1 мая 1945 г.); впервые исполнена 27 апреля 1946 г. в Малом зале консерватории.

[1270] 6 и 9 августа американские летчики сбросили атомные бомбы на японские города, соответственно Хиросиму и Нагасаки.

[1271] То есть в Дом-музей Чайковского в Клину.

[1272] Речь идет о соперничестве за право реставрации Павловска и Пушкина.

[1273] См. примеч. 806а.

[1274] Аллюзия на стихотворение Пушкина «Элегия» (1830).

[1275] Правильно: Гатчина («в Гатчину»), город в 50 км от Ленинграда.

[1276] Поселок в Псковской области.

[1277] Таким образом был расширен состав тех, кто не мог селиться ближе 100-километровой зоны вокруг Ленинграда.

[1278] Фильм создан в 1942 г.

[1279] Речь идет об американском фильме З. Корды «Книга джунглей» (1942) по Р. Киплингу.

[1280] Стендаль: Между тем, по моему мнению, тираны всегда правы, а вот те, кто им подчиняется, смешны (*фр.*).

[1281] Китайский порт на Желтом море Дальний-Далянь основан под наименованием Дальний. В 1904—1905 гг. оккупирован Японией. Освобожден Советской армией в августе 1945 г.

[1282] Древний армянский город и крепость. В 1877—1918 гг. в составе России; с 1921 г. — Турции.

[1283] В селе Асино Асинского района Новосибирской (затем Томской) области находился Томско-Асинский исправительно-трудовой лагерь (1937—1940). Заключенные занимались лесозаготовками. В июне 1940 г. лагерь был ликвидирован; сюда направили на поселение 5 тысяч семей из Западной Украины и Западной Белоруссии.

[1284] Город в Кировской области.

[1285] «За болтовню» или «за разговоры» — значит, по статье 58—10, самой популярной в военное и послевоенное время статье Уголовного кодекса РСФСР («Пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти...»).

[1286] Из стихотворения Лермонтова «А.О. Смирновой» (1840).

[1287] *Вагус* — черепно-мозговой блуждающий нерв.

[1288] поскольку опять пошел дождь (*фр.*).

[1289] См. примеч. 1026.

[1290] Воркутинский исправительно-трудовой лагерь в Архангельской области был организован в 1938 г. Заключенные работали на угольных шахтах, различных заводах, постройке дорог и др. С начала 1945 г. к концу года количество заключенных возросло с 39 до 52 тысяч человек.

[1291] Фильм братьев Васильевых (1934).

[1292] из мясного (*фр.*).

[1293] Утес, образующий западную сторону Капитолийского холма, с которого в Древнем Риме сбрасывали приговоренных к смерти преступников.

[1294] Журнал «Британский союзник» издавался на русском языке посольством Великобритании в Москве.

[1295] Извещение Отдела торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся: с 21 сентября по сентябрьским продовольственным карточкам: 1. Овсяной крупы в счет месячных норм по крупе: рабочим и ИТР — 400 гр., служащим — 300 гр., иждивенцам — 200 гр., манной детям до 12 лет — 300 гр. 2. Рыбы свежей или све-

жей ладожской корюшки в счет месячных норм по мясу-рыбе: рабочим и ИТР — 300 гр. рыбы свежей или 600 гр. ладожской корюшки, служащим — 200 или 400, иждивенцам — 100 или 200, детям до 12 лет — 100 или 200. 3. Комбижиров в счет месячных норм по жирам: рабочим и ИТР — 200 гр., служащим — 100 гр., масла животного детям до 12 лет — 100 гр. (Ленинградская правда. 1945. 21 сент.).

[1296] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О гострудовых резервах СССР» Совнаркому СССР было дано право ежегодно призывать (мобилизовывать) от 800 тысяч до 1 миллиона человек городской и колхозной молодежи (мужского пола) в возрасте от 14 до 15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах, а 16—17-летних — в школах фабрично-заводского образования (18 марта 1955 г. указ был отменен).

[1297] Пьеса В.А. Соловьева (1945).

[1298] Пьеса К. Гольдони (1753).

[1299] Пьеса Л.Н. Рахманова (1937).

[1300] Пьеса А.Н. Островского (1883).

[1301] Графство в Южной Англии.

[1302] Это письмо в архивных фондах Шапориной не обнаружено.

[1303] Бальнеологический курорт в Италии на побережье Лигурийского моря.

[1304] Город в Швейцарии на берегу Женевского озера.

[1305] 14—18 февраля 1905 г. в ходе Русско-японской войны у острова Цусима была разгромлена российская 2-я Тихоокеанская эскадра.

[1306] Бронепалубный крейсер «Аврора» — единственный, уцелевший в Цусимском сражении. 25 октября 1917 г. дал сигнал к штурму Зимнего дворца.

[1307] Город и военный порт на Балтийском море в Латвии (с 1917 г. Лиепая).

[1308] «Аврора» не погибла (*фр*.).

[1309] Имение Вольтера на границе Швейцарии с Францией.

[1310] «Я все время спрашивал себя, почему у этой барышни всегда такой трагический вид?» (*фр*.).

[1311] От *фр*. table d'hôte — общий обеденный стол для проживающих в пансионате или гостинице.

[1312] Город и порт в 140 км от Ленинграда (в 1918—1940 гг. принадлежал Финляндии).

[1313] То есть богатырского сложения.

[1314] То есть не разрешают селиться в 9 городах.

[1315] Широко распространенная легенда о постановке Радловым пьесы «Фронт» в антисоветской интерпретации.

[1316] Один из рукавов дельты Невы.

[1317] Автографы дневников Остроумовой-Лебедевой за 1892—1909, 1913—1914 и 1926—1954 гг. хранятся в ее архиве в Российской национальной библиотеке: Ф. 1015. Ед. хр. 43—64; опубликованы лишь небольшие фрагменты.

[1318] Это было сделано по личному распоряжению Бенуа (1929) Яремичу.

[1319] «привычка к рабству, <...> привычка к каторжным работам» (*фр.*). См.: *Стендаль.* Записки туриста / Пер. Э.Б. Шлосберг и Л.В. Шапориной // Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. М.; Л., 1950. Т. 13 (запись от 1 июля 1837 г.; для издания Шапорина переводила записи со 2 августа). В переизданиях это место купировалось.

[1320] В июне 1940 г. советские войска под предлогом борьбы с антисоветской опасностью вошли на территорию Эстонии, Литвы и Латвии и провозгласили там 21 июля советскую власть. С этого времени началась депортация из этих местностей в Сибирь тех, кто, по мнению властей, не являлся лояльным к советской власти. Массовый характер приобрела весной 1941 г. Подробнее о департации в СССР см.: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы: (1930—1959 гг.) // Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 145—194.

[1321] Историческая область Ливии. В 1943 г. оккупирована английскими войсками.

[1322] Не взыщите! Какую наглость надо иметь (*фр.*).

[1323] Это все (*фр.*).

[1324] Шапорина читает первый том «Истории архитектуры» О. Шуази (М., 1935).

[1325] Дом ленинградской торговли, открыт в 1927 г. на ул. Желябова, д. 21—23.

[1326] произвести большое и красивое впечатление (*ит.*).

[1327] Библиотека-музей Маяковского открылась в 1937 г. в Москве на Таганке в доме, где Маяковский жил в 1926—1930 гг. (Гендриков пер., д. 15/13).

[1328] Другие сведения о проекте постановки «Маленьких трагедий» Пушкина в «Привале комедиантов» не обнаружены. Летом—осенью 1916 г. произошел разрыв Мейерхольда с «Привалом комедиантов» (см.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 123).

[1329] Старинная московская слобода, где в 1882—1901 гг. жил Толстой (ныне: ул. Льва Толстого, д. 21).

[1330] То есть секретные сотрудники НКВД.

[1331] Речь идет о тетради, по которой, по-видимому, впоследствии была опубликована статья «На площади у собора» (см.: *Толстой А.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1953. Т. 15. С. 325—326).

[1332] сожжения на костре (*фр.*).

[1333] По решению Петросовета от 16 февраля (1 марта) 1918 г. было положено занимать не более одной комнаты на взрослого члена семьи или двоих детей. С 1926 г. норма предельной жилплощади составляла 10 кв. метров на человека. Периодически норма уменьшалась. В 1945 г. она составляла 6 кв. м. На излишки жилплощади вселялись новые жильцы или она передавалась соседям, если они могли на нее претендовать. По Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 20 ноября 1933 г. Ю. Шапорин имел льготу: на одну комнату сверх занимаемой или на дополнительную жилплощадь не менее 20 кв. м.

[1334] Шапорин с В.Я. Шебалиным ездили в качестве делегации от Союза советских композиторов.

[1335] Шведское название столицы Финляндии Хельсинки.

[1336] Опера Н.А. Римского-Корсакова (1898).

[1337] В это время королю Швеции Густаву V было 87 лет.

[1338] Имеется в виду Оратория для солистов, хора и оркестра на слова Блока, Рылеева и Симонова «Доколе коршуну кружить» (1945—1962).

[1339] Имеется в виду, что оперу Мусоргского «Хованщина» завершил Римский-Корсаков (1883).

[1340] Картина (*фр*.).

[1341] Планово-экономический институт на наб. р. Фонтанки, д. 31 (в 1954 г. объединен с Финансово-экономическим институтом).

[1342] Молотов делал доклад «28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» на торжественном заседании Московского Совета.

[1343] Имеются в виду следующие события: по решению Потсдамской конференции к СССР перешли немецкий город Кенигсберг (в 1946 г. переименован в Калининград) и прилегающие районы; 17 сентября 1939 г. Красная армия перешла границу с Польшей и 1—2 ноября в состав СССР были включены часть Западной Украины и Западной Белоруссии; 14 августа 1945 г. СССР заключил с Китаем соглашение о совместном использовании в течение 30 лет Порт-Артура в качестве военно-морской базы (в 1955 г. передан Китаю).

[1344] М.К. Гринвальд работала над кандидатской диссертацией «Борьба либеральной партии против правительства Биконсфильда и внешняя политика Англии накануне и во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.», в 1947 г. в ЛГУ уже были напечатаны ее тезисы, однако защита состоялась лишь в 1951 г. в Московском городском педагогическом институте им. В.П. Потемкина, причем название работы стало гораздо менее академичным: «Отношение либеральной партии к агрессивной и реакционной политике кабинета Дизраэли (Биконсфильда) на Ближнем Востоке в 1875—1878 гг.» .

[1345] Популярный сюжет мировой живописи (Дюрер, Рубенс и др). Имеется в виду легендарная история о том, как в монастырь, где пребывал св. Иероним, забрел хромающий лев; монахи в испуге разбежались, и лишь Иероним, обследовав лапу льва, вынул из нее занозу; благодарный лев стал постоянным спутником Иеронима.

[1346] Древнесемитское языческое божество (Баал), олицетворение мужской производительной силы, символом которого являлся фаллос; поклонение ему было связано с человеческими жертвами.

[1347] Осветленными перекисью водорода (по тогдашней моде).

[1348] Имеется в виду, что Петрова-Водкина плохо знала русский язык (поэтому предпочитала говорить по-французски).

[1349] Гостиница (с 1876 г.) на пр. Майорова, д. 10/24. После Великой Отечественной войны была переименована в «Ленинградскую» (впоследствии вошла в состав гостиницы «Астория»).

[1350] Неосуществленный замысел.

[1351] Речь идет о доме 13 по Бородинской ул., построенном до войны для артистов и служащих Большого драматического театра.

[1352] Вот так (*фр.*).

[1353] То есть за 100-километровую зону (то, что в обиходе называлось «101-й километр»).

[1354] Из стихотворения Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921).

[1355] Саянов в качестве корреспондента «Ленинградской правды» присутствовал на Нюрнбергском процессе, начавшемся 20 ноября. Его репортажи регулярно публиковались с 7 декабря. Шапорина имеет в виду статью «Крах мифа о тысячелетнем рейхе», где, говоря об открытии в окрестностях немецкого города Дахау 22 марта 1933 г. первого концентрационного лагеря на 5 тысяч человек, Саянов писал: «Это был час рождения немецких концентрационных лагерей...» (Ленинградская правда. 1945. 13 дек.).

СОДЕРЖАНИЕ

Шапорина Любовь Васильевна

ДНЕВНИК 1898—1945

Дизайнер
С. Тихонов
Редактор
А.И. Рейтблат
Корректор
Л.Н. Морозова
Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

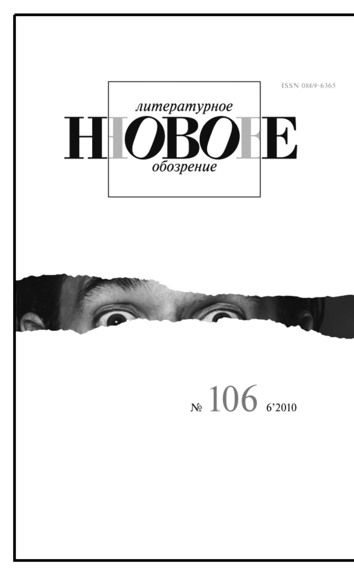
Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»
Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlobooks.ru

Формат 60×90/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 37. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
Теория и история литературы, критика и библиография
Периодичность: 6 раз в год

Первый российский независимый филологический журнал, выходящий с конца 1992 года. «**НЛО**» ставит своей задачей максимально полное и объективное освещение современного состояния русской литературы и культуры, пересмотр устарелых категорий и клише отечественного литературоведения, осмысление проблем русской литературы в широком мировом культурном контексте.
В «НЛО» читатель может познакомиться с материалами по следующей проблематике:
— статьи по современным проблемам теории литературы, охватывающие большой спектр постмодернистских дискурсов; междисциплинарные исследования; важнейшие классические работы западных и отечественных теоретиков литературы;
— историко-литературные труды, посвященные различным аспектам литературной истории России, а также связям России и Запада; введение в научный обиход большого корпуса архивных документов (художественных текстов, эпистолярия, мемуаров и т.д.);
— статьи, рецензии, интервью, эссе по проблемам советской и постсоветской литературной жизни, ретроспективной библиографии.
«НЛО» уделяет большое внимание информационным жанрам: обзорам и тематическим библиографиям книжно-журнальных новинок, презентации новых трудов по теории и истории литературы.



Подписка по России, СНГ и Балтии:
каталог «*Роспечать*» —
подписной индекс **47147**

Подписка по России:
каталог «*Пресса России*» —
подписной индекс **39356**

Зарубежная подписка:
«*МК-Периодика*» —
Тел. в России: +7 495 681 82 15;
http://www.periodicals.ru

Издания
«Нового литературного обозрения»
(журналы и книги)
можно приобрести в магазинах:

Интернет-магазин издательства «НЛО» — www.nlobooks.mags.ru

в Москве:
«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, т. (495)924-46-80
Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, т. (495)959-20-94
«Гилея» — Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), тел. (495) 925-81-66
ГЦСИ — ул. Зоологическая, д.13, т. (495)254-06-74
Киоск «Новой газеты» на Страстном бульваре
Книготорговая компания «Берроунз» — т. (495)971-47-92
«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18; т. (495)624-46-45
«Культ-парк» — магазин в здании ЦДХ на Крымском Валу
«Лавочка детских книг» — Старый Арбат, д.10, ТЦ «Старая улица», 3-й этаж т. (495)973-32-82
«Москва» — ул. Тверская, 8, т. (495)629-6483, (495)797-87-17
«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, т. (495)789-35-91
«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, т. (495)238-50-01
«Проект ОГИ» — Потаповский пер., 8/12, стр. 2, т. (495)627-56-09
«Старый свет» — книжная лавка при Литинституте. Тверской бульвар, 25 (вход с М. Бронной), т. (495)202-86-08
«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чаянова, д.15, т. (495)250-65-46
«Фаланстер» — М. Гнездниковский пер., д.12/27, т. (495)629-88-21

в Санкт-Петербурге:
Склад издательства — Лиговский пр., д. 27/7, т. (812)579-50-04
«Академкнига» — Литейный пр., 57, т. (812)230-13-28
«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, т. (812)328-96-91
Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1
Киоск в Доме кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)
«Книги и кофе» — Наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре современной литературы и искусства), т. (812)328-67-08
«Книжная лавка писателей» — Невский пр., 66, т. (812)314-47-59
«Книжная лавка» в фойе Академии художеств — Университетская наб., 17
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке — Садовая ул., 20; Московский пр., 165, т. (812)310-44-87
«Книжный окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), т. (812)323-85-84
«Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), т. (812)328-95-11
Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13, т. (812) 232-33-07

«Подписные издания» — Литейный пр., 57, т. (812)273-50-53
«Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (магазин при РХГА), т. (812)310-50-36
«Ретро» — Стенд № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской;
ул. Обуховской обороны, 105
«Санкт-Петербургский Дом книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28,
т. (812)448-23-57
«Фонотека» — ул. Марата, 28, т. (812)712-30-13

в Екатеринбурге:
«Дом книги» — ул. Антона Валека, т. (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» — ул. Б.Покровская, д.46, т. (312)31-64-71

в Воронеже:
«Галерея»

в Красноярске:
«Русское слово» — ул. Ленина, д.28, т. (3912)27-13-60

в Ярославле:
«Книжная лавка гуманитарной литературы» — т. (4852)72-57-96

в Минске:
ИП Людоговский А.С. — ул. Козлова, 3.
ООО «МЕТ» — т. 10-375-172-84-90-21; 10-375-172-84-36-21(факс)

в Киеве:
ООО «АВР» — т. (044)273-64-07
Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (http://lavkababuin.com)
ул. Верхний Вал, 40, оф. 7 (код #423), т.: +38(044)537-22-43; +38(050) 444-84-02
Книжный рынок «Петровка», Павел Швед, т.: + 38(068) 358-00-84

в Стокгольме:
Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32, Stockholm,
т. 08-651-11-47

а также в Интернете:
www.bolero.ru
http://lavkababuin.com
www.mkniga.com
www.ozon.ru